

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2015
March–April**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 3–4 2015 (March–April)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Natalia Bondarenko, Russia Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan Nikolay Inshin, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Tatiana Yashkova, Russia Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Mamirov Omon Uktamovitch,
Institute to Archeologies to Academies of the sciences
of the Republic Uzbekistan (city Samarkand),
senior scientific employee
E-mail: mastura2@rambler.ru*

Spiritual culture Ustrushana (on archaeological materials)

Abstract: In article are considered problems of the spiritual culture Ustrushana on base of the archeological studies. Happens to the analysis religious faiths Ustrushanas populations.

Keywords: Zoroastrianism, burial, ossuary, funeral rite, cult, idolatry.

*Мамиров Омон Уктамович,
Институт Археологии Академии наук
Республики Узбекистан (город Самарканд),
старший научный сотрудник
E-mail: mastura2@rambler.ru*

Духовная культура Уструшаны (по археологическим материалам)

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы духовной культуры Уструшаны на основе археологических исследований. Приводится анализ религиозных верований населения Уструшаны.

Ключевые слова: зороастризм, погребение, оссуарий, погребальный обряд, культ, идолопоклонничество.

Уструшана — средневековое государственное образование на территории Центральной Азии, появившееся на рубеже VI–VII веков. В средневековых письменных источниках Уструшана описывается как самостоятельная страна с горным ландшафтом, с искусным народом, с правителями-афшинами. Уструшана входила в глубокой древности в состав Согда, а затем выделилась в самостоятельное государство. Уструшана лежала к западу от Яксарта — Сырдарьи и охватывала Голодную степь, плодородные предгорья и горные хребты, окружающие степь с юга и юго-запада. Известные по письменным источникам административные округа — рустики располагались в пределах трех нынешних государств — Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана. На территории Уструшаны в разное время проводили исследования А. М. Беленицкий, О. И. Смирнова, В. Ф. Гайдукевич, Н. Н. Негматов, А. И. Билалов, С. Г. Хмельницкий, А. Э. Бердимуратов, М. Х. Пардаев, А. А. Грицина, Л. М. Сверчков и другие. Через Уструшану проходили трассы Великого Шелкового пути. Здесь развивались культура земледельцев и скотоводов, были распространены религии зороастризма, буддизма, затем ислама.

Проводивший археологические раскопки в поселении Мык, что находится в 43 км. к югу от Заамина (Узбекистан), археолог Л. М. Сверчков среди найденных изделий отмечает серебряные браслеты с навершиями в виде стилизованных головок змей, тарелку с куфической надписью, сложносоставное изделие из шести пар дисков, укрепленных попарно на железном стержне [1, 12–13]. Кроме того в поселении обнаружены флейта и 18 четок из слоновой кости. По нашему мнению, эти изделия могут быть связаны с религиозными представлениями населения Мыка. Однако, имея в виду то, что в Мыке было развито горно-рудное ремесло (железо), и в силу этого поселение являлось пунктом обмена или вывоза изделий из железа, то вполне может быть, что изделия привозные. Тем не менее, само наличие таких изделий, как диски и четки говорит о распространенности зороастризма и других верований.

Исследовавший археологические памятники Джизакского оазиса А. Э. Бердимуратов пишет, что «в области религиозных верований населения Уструшаны преобладал местный вариант маздеизма, сочетающего в себе почитание огня и идолов. Также были

почитаемы некоторые зооморфные образы, как например, баран, бык, змея. Особо был почитаем образ коня» [2, 22]. Кроме того, для раннего средневековья в Уструшане был характерен двоякий обряд погребения: 1 — захоронение в хумах и оссуариях, 2 — захоронение в грунтовых могилах. На городище Нуртепа найдены не просто расчлененные кости: некоторые из них были обожжены. Не исключено, что это говорит о переходе местного населения сакского круга от обычая кремации, к обычаю погребений в сосудах. На древнеуструшанском памятнике Хантепа найдено погребение собаки в хуме. Находящиеся в сосуде челюсти и кости черепной коробки были предварительно очищены от мягких тканей и высушены на солнце (заключение палеозоолога А. Р. Батирова). В нижней части хума просверлено отверстие. Отверстие служило для пропуска света и стали обязательным атрибутом в более поздних оссуариях. Зороастрийцы верили в предстоящее воскрешение мёртвых из костей, а отверстия предназначались для того, «кто воскресит владельцев костей» [3, 192–193]. Погребение собаки в хуме на Хантепа — яркое подтверждение данных Авесты о том, что собака по смерти приравнивается к человеку.

А. Р. Аюбов отмечает тотемистические воззрения уструшанцев, сутью которых является вера в сверхъестественную связь или родство между определенными группами людей, животных и растительным миром. Тотем воспринимался как реальный предок, от которого магическим образом зависели жизнь и благосостояние рода в целом и каждого его члена в отдельности. При археологических раскопках на различных городищах области обнаружены десятки находок, которые отражают степень поклонения пантеону согдийских богов. Особенно выделяются амулеты в виде фигурок кабана, лягушки, петуха, головы быка, коня, рыбы, собаки и др.

В Уструшане, как и в других районах, существовал также культ льва. На городище Мугтеппа обнаружен фрагмент сосуда, на котором изображен лев с поднятым хвостом. Культ льва в Средней Азии был связан с распространением канонического зороастризма. Фигурки барана и козла служили уструшанцам талисманами. Образ быка занимал большое место в магических ритуалах и верованиях народов Центральной Азии. В Уструшане традиция почитания теленка существовала в Бунджикате, на городище Калаи Каххаха, найдены керамические фигурки бычков с расставленными ногами. Особо почитали уструшанцы коня, который представлен в дахмаках Курката

множеством находок. Согласно хроникам Бейши, правители Уструшаны восседали на троне, сделанном в виде золотого коня. Это подтверждается настенной живописью малого зала дворца афшинов Уструшаны, где царский предок восседает на зооморфном троне в виде протомы коней. Арийцы считали коня носителем духа Ахура Мазды. Они жертвовали коней богу Солнца — Хуршеду (Митре). Кроме того, конь являлся важным звеном обряда, связанного с ритуалом захоронения.

В ряде мест среди таджиков и узбеков Средней Азии до сегодняшнего времени сохранились представления о змее как о символе безопасности, защиты от дурного глаза и нападения злых духов, которые можно рассматривать как пережитки культа змеи. В древние времена существовало поверье, что гибель змеи, «вскормленной в доме», приносит хозяину дома гибель его имущества. Почитание змеи существовало не только у таджиков и узбеков, но и у некоторых других народов. Например, в древнем Египте змея считалась защитницей и спасительницей богов, фараонов, путешественников. Головы богов и царей обвивали священные уреи, огнедышащие кобры, истребляющие всех врагов [7, 19].

Археологи часто уделяли внимание вопросам культов и идеологии в Уструшане. Особый интерес археологов вызывают терракотовые статуэтки идольчиков. Например, статуэтки, найденные на памятниках Зааминской округи, говорят об идолопоклонничестве населения Уструшаны. Одна из них найдена на Мазартепа в селении Сегасари в 3 км. к востоку от Заамина. Мазартепа является раннесредневековым поселением. Статуэтка мужчины выполнена на высоком уровне, с четким изображением атрибутов тела и одежды. Приопущенные глаза и перекрещенные на груди руки выражают состояние покоя, скорбного молчания и «служения». Изображения человеческих фигур с скрещенными руками характерны для иранского искусства парфянского и сасанидского времени. В индийской иконографии со сложенными крест-накрест руками (положение хункара) изображалось божество Ваджранахутра [4, 123]. Зааминскую статуэтку с индийской иконографией связывает и наличие браслетов в верхней части рук.

Столица Уструшаны располагалась на северном склоне Туркестанского хребта, на месте городища Калаи Каххаха в селении Шахристан в Северном Таджикистане (неподалеку от Ура-Тюбе (современный Истаравшан)). Арабские географы называли столицу Уструшаны Бунджикатом [4, 115]. Археологами

изучен дворец уструшанских царей, в котором помимо большого тронного зала, располагались малый зал, храм, спальни и жилые покои, хозяйственные помещения, арсенал. На стенах парадных залов и комнат Бунджикатского дворца сохранились десятки квадратных метров живописных сцен. Среди наиболее интересных по художественной ценности живописных сцен следует отметить изображения двух едущих на разъяренных львах многоруких богинь с символами солнца и луны в руках, трехглавого демона и трехглазого демона с человеческими черепами на голове, крылатых воинов-демонов, поединков воинов пеших, конных и в колесницах, арфистки, шествия птиц и зверей и др. Здесь впервые в восточной живописи была обнаружено изображение волчицы, кормящей двух младенцев. Композиция является воспроизведением известного сюжета, бытовавшего в древней мифологии многих народов и канонизированного в античном Риме. В композиции угадывается напряженная обстановка, в которой действуют правитель, восседающий на троне, обнаженная с распущенными волосами женщина — мать младенцев, другие участники и наблюдатели утопления в «реке» и спасения

младенцев и волчица, кормящая их. Появление этого традиционного мифологического сюжета в Средней Азии и Иране следует отнести к эпохе тотемических и первобытных верований, когда возникло множество представлений, отражающих отношение человека к окружающей природе.

По одной из легенд древние тюрки-гаогюйцы, телесцы и уйгуры произошли от волка, по другому преданию тюрки-тукю произошли от волчицы. Монголы почитали волка как своего прародителя, у бурят волк считался главным духом и помощником шамана, у якутов — сыном древнего грозного бога Улуу-Тойона. Волка почитали хакасы (качинцы), алтайцы, тувинцы. Поверья и приметы, связанные с волком, зафиксированы этнографами у староузбекских родов и племен, у многих народов Севера, северо-американских индейцев, русских, украинцев, белорусов и др. Таким образом, можно сказать, что Уструшанская живопись отражает духовную культуру почти всех народов и племен древней Евразии, и даёт новое подтверждение существования теснейших сюжетных связей мифологии, литературы и искусства [5, 51–71].

Список литературы:

1. Сверчков Л. М. Поселение Мык – источник по истории средневековой Уструшаны. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Самарканд, 1991. – 25 с.
2. Бердимуратов А. Э. Раннесредневековые археологические памятники Джизакского оазиса (Северо-западной Уструшаны V–X вв. н.э.). Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. – Москва, 1985. – 25 с.
3. Грицина А. А. Уструшанские были. – Ташкент, 2000.
4. Буряков Ю. Ф., Грицина А. А. Мавераннахр на Великом Шелковом пути. – Самарканд-Бишкек, 2006.
5. Воронина В. Л., Негматов Н. Н. Открытие Уструшаны. // Наука и человечество. – 1975. – Сборник. – М.: Знание, 1974. – С. 51–71.
6. Аюбов А. Р. Элементы культа животных у народов Уструшаны в древности. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-234-0/
7. Древние религии. – СПб., 1993.

Section 2. Journalism

*Georgiievskia Viktoriia Volodymyrivna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
associate Professor, Institute of Journalism
E-mail: v.georgiievskia@gmail.com*

Party segment of the modern media space of Ukraine

Abstract: The article deals on the peculiarities of creation of the multisystem of Party periodicals in Ukraine for the last two decades. Some party editions of the leading political parties are analyzed.

Keywords: political parties, periodicals, party press, monitoring.

*Георгиевская Виктория Владимировна,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, доцент,
Институт журналистики
E-mail: v.georgiievskia@gmail.com*

Партийный сегмент современного медиапространства Украины

Аннотация: В статье рассматриваются особенности создания многопартийной прессы в Украине за последние два десятилетия, анализируются некоторые партийные издания ведущих политических партий.

Ключевые слова: политические партии, периодические издания, партийная пресса, мониторинг.

К определению понятия «информационное пространство», формированию основных задач информационной политики, создания базиса для функционирования современного медиапространства в государстве обращались как отечественные, так и зарубежные ученые (А. Губернский, В. Ризун, С. Квит, А. Сащук, Т. Приступенко, П. Бурдые, П. Бергер, Т. Лукман, Н. Кирилова, Е. Юдина и др.). Профессор Национального исследовательского университета И. Дзялошинский утверждает, что понятия «медиапространство», «медиасреда», «медиаполе», «медиасфера», равно как и предшествующие словосочетания «информационное пространство», «информационное поле», «информационная среда», являются синонимами, хотя до сих пор не приобрели «отчетливого смыслового наполнения» [1].

Медиапространство состоит, в частности, из системы средств массовой информации и коммуникации. Влияние на социальное пространство оказывают телевидение, радио, интернет, кино, печатные периодические издания и т. д. Партийный компонент в большей мере присущ сегодня печатным СМИ и интернет-изданиям.

В аналитическом отчете «Украинский медиа-ландшафт-2012», подготовленном ведущими медиаэкспертами страны, при поддержке Украинской Академии Прессы и Фонда Конрада Аденауэра, осуществлен обзор структур и рынка медиа, правового поля, журналистского образования, деятельности общественных медиа-организаций, прослеживаются тенденции развития средств массовой коммуникации в XXI веке. Здесь отображены количественные показатели, формирующие «архитектонику» украинского медиапространства.

По состоянию на январь 2013 г. в Украине было зарегистрировано чуть более 34 тысяч печатных СМИ и информационных агентств; из них 58 % имели общегосударственную, региональную и зарубежную сферы распространения; 42 % — местную. Среди первой категории существовало такое распределение: 6012 газет, 10270 журналов, 559 бюллетеней, 147 альманахов, 72 дайджеста, 1940 сборников, 369 календарей, 11 каталогов, а также другие типы изданий. Политические партии сформировали 62 издания, а общественные организации — 309 [2, 31].

К началу 2015 г. в государственный реестр печатных средств массовой информации Украины

и информационных агентств как субъектов информационной деятельности внесено более 36 тысяч наименований, таким образом, показатели изменились, но количество реально существующих, «активных» партийных изданий существенно не возросло. При отсутствии официальной статистики партийной прессы в Украине сложно вести подсчеты, но в электронной публичной базе Государственной регистрационной службы Украины за последние годы можно отыскать несколько сотен газет, которые потенциально могли быть партийными органами всеукраинского и регионального (областного, городского) масштаба.

Из общего числа зарегистрированных СМИ регулярно издаются свыше 4 тысяч (приблизительно 60 % газеты, 40 % — журналы). Сегодня подписка производится по каталогам государственного предприятия по распространению периодических изданий «Пресса», в них сосредоточено более 2 400 наименований изданий Украины и более 7 000 тысяч наименований газет и журналов Болгарии, Великобритании, Испании, Италии, Канады, Китая, Германии, Польши, России и других стран [3]. Но среди значительного количества украинской прессы представлено только шесть партийных изданий (газеты «Всеукраїнське об'єднання «Свобода»», «Киевский вестник», «Нація і держава», «Наша Батьківщина» (Львов), «Товариш», «Український південь»). По политической ориентации названные печатные СМИ представляют интересы таких партий, как Коммунистическая партия Украины, Конгресс украинских националистов, Всеукраинское объединение «Свобода», ПП Всеукраинское объединение «Батьківщина», Национальное движение Украины, Социалистическая партия Украины.

Стоит отметить, что общеукраинский еженедельник «Український південь» в Николаеве называют одной из старейших партийных газет независимой Украины; 17 марта 2015 г. вышел 900-й номер этого издания. В первом выпуске газеты было опубликовано приветствие лидера НРУ В. Черновола, который поставил задачи: «остановить обнищание народа», «преградить путь мафии и преступности». Газета стала «рупором демократических сил», последовательно отстаивая принципы свободы и плюрализма в Украине.

Редакция газеты «Киевский вестник» (основана в 1978 г. как официальный орган Киевского горкома КПУ) позиционирует себя то как «всеукраинская утренняя газета коммунистической ориентации», то как «издание социальной направленности»,

в котором преобладают прокоммунистические идеалы. В частности на сайте отмечено, что здесь публикуются «полемиические материалы с критикой украинского национализма, политики украинских властей по вопросам исторического характера (в том числе пересмотра официального взгляда на Голодомор и роль УПА), в поддержку традиционного православия и православной церкви (Московского патриархата)», авторский коллектив придерживается «позитивного отношения к советскому прошлому Украины».

Соответственно, главные читатели газеты — «представители власти, чиновники, служащие, интеллигенция, но все же основной целевой аудиторией «Киевского вестника» являются люди предпенсионного и пенсионного возраста, Ветераны Великой Отечественной войны, дети войны, афганцы, чернобыльцы» [4]. Им адресованы публикации о политике, социальной жизни, спортивных достижениях; отдельные страницы посвящены ветеранам, поддержанию здоровья («Эскулап»), хорошего настроения («Сатирическая корзинка»), саду и огороду («Ваша сотка»), познавательному и детскому чтению («Почемучка»). Печатную версию «Киевского вестника» можно получить только по подписке.

Среди партийных изданий Украины можно выделить как общеукраинские издания, так и региональные, локальные. Частично территориальные детерминанты присутствуют в названиях: «Товариш Прикарпаття», «Товариш Крым», «Товариш Хмельниччини»; «Приазовский регион», «Регіон Сіверщина», «Столичний регіон», «Сумський регіон»; «Батьківщина — Закарпаття», «Львівська Батьківщина», «Батьківщина Каланчак» и т. д. К примеру, ВО «Батьківщина» за последнее время приносила целый ряд печатных изданий, сохранив общественно-политический еженедельник «Наша Батьківщина» во Львове и региональный информационный бюллетень «Київщина — моя Батьківщина», орган Киевской областной партийной организации. Именно бюллетень полностью посвящен текущей деятельности, заявлениям, акциям, персоналиям своего объединения.

Некоторые печатные СМИ ориентируются не только на целевую аудиторию членов определенной партии, их сотрудников и тех, кто поддерживает основные политико-идеологические цели и установки; в орбиту потенциального влияния попадают и широкие круги читателей, которых привлекают публикации актуальной, духовно-ценностной тематики.

К таким партийным изданиям принадлежит газета «Нація і держава», на страницах которой сочетаются материалы историко-патриотического, социально-политического, экономического, образовательного и литературного характера. Например, в марте-апреле 2015 г. редакция опубликовала статьи, интервью, очерки о развитии энергосистемы в стране, традициях и перспективах государственного языка, правах человека, героическом прошлом, выдающихся представителей украинской литературы и т. д.

Как подчеркивает большинство ученых, украинских и российских (А. Москаленко, В. Карпенко, А. Грабельников, З. Зотова, Е. Дранишникова и др.), партийная пресса способствует прежде всего формированию общественного мнения в своей читательской среде, развитию политической культуры, содействует их политическому образованию активизации гражданской позиции, артикуляции общественных и партийных интересов [5].

Закон Украины «О политических партиях в Украине» (принят в 2001 г.) закрепил право политических партий использовать средства массовой информации, а также создавать собственные медиа, как это предусмотрено соответствующими законами государства. При этом гарантируется свобода оппозиционной деятельности; свою критическую оценку

действий и решений органов власти политическая партия может излагать публично и отстаивать свою позицию в государственных и негосударственных масс-медиа (статья 12).

Политические партии имеют возможность демонстрировать в прессе, на радио, телевидении, в интернет-изданиях свою общенациональную программу общественного прогресса, видения путей развития государства и народа, мероприятий по поддержке молодежных, женских и других объединений граждан — при условии соблюдения конституционных принципов [6].

С этой целью (особенно интенсивно накануне предстоящих избирательных кампаний) для оглашения политической позиции и привлечения электората партии создают собственные СМИ, чаще всего — печатную прессу (таким образом появились в медиапространстве Украины газеты «Удар», «Наша газета +», «Ліберальна газета», «Правда і кривда», «Перспектива» и др.).

За счет сетевых возможностей, широкого доступа к информационным мощностям Интернета и при возрастании роли мультимедийных средств в медиапространстве Украины происходит постепенная переориентация печатных медиа на электронные в сегменте партийных изданий страны.

Список литературы:

1. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: состояние и тенденции развития. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://federalbook.ru/files/SVAYZ/saderzhanie/Tom%2012/III/Dzyaloshinskiy.pdf>
2. Український медіа-ландшафт-2012. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kas.de/wf/doc/kas_34840-1522-13-30.pdf?130626133534.
3. Державне підприємство по розповсюдженню періодичних видань «Преса». // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://presa.ua/dlja-podpyschyka/>
4. Киевский вестник. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kyiv-vestnik.com.ua/us.html>.
5. Дранишникова Е. П. Партийные издания в структуре печатных СМИ России: типологические характеристики и содержание (на примере прессы политических партий 2008–2011 гг.) // Медиаскоп. – 2011. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/956>.
6. Закон України «Про політичні партії в Україні». // Відомості Верховної Ради України. – 2001. – № 23. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2365-14>.

Section 3. Study of art

*Baluyev Sergey Mihaylovitch,
St. Petersburg Stieglitz State Academy of Art and Design,
reader to chair of art criticism, candidate of philological sciences
E-mail: art_baluev@mail.ru
Pollak Ekaterina Alexeevna,
4th grade student of St. Petersburg Stieglitz State Academy
of Art and Design, department of arts and culturology
E-mail: kat-713@yandex.ru*

“A Dancer, holding her dress” by Antonio Canova: the history of statue’s creation

Abstract: The author would like to scrutinize particulars of Antonio Canova’s artistic method through one of his masterpiece «A Dancer, holding her dress» (1810) in this article. The history of the creation of this statue is also told. Comparative, artistic and aesthetic analysis helps to fix specific features of Italian master’s creative hand. The research provides with the opportunity to emphasize state, that although the sculptor was a vital figure in neoclassic art, ballet dance theatre of late XVIII – early XIX strongly influenced Canova’s work by causing romantic spirit in master’s creations.

Keywords: Antonio Canova, Dancer, sculpture, neoclassicism, Italian art late XVIII – early XIX, ballet.

*Балуйев Сергей Михайлович,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
доцент кафедры искусствоведения и культурологии,
кандидат филологических наук
E-mail: art_baluev@mail.ru
Поллак Екатерина Алексеевна,
Санкт-Петербургская государственная
художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица,
студентка 4 курса кафедры искусствоведения и культурологии
E-mail: kat-713@yandex.ru*

«Танцовщица, придерживающая платье» Антонио Кановы: к истории создания статуи

Аннотация: В статье на примере статуи «Танцовщица, придерживающая платье» (1810) рассматриваются особенности художественного метода Антонио Кановы, прослежена история создания скульптуры. Сравнительный и художественно-эстетический анализ позволяют фиксировать характерные черты творческого почерка итальянского мастера. Исследование позволяет сделать вывод о том, что в творчестве Антонио Кановы, яркого представителя неоклассицизма, ощутимы романтические настроения, возникновение которых объясняется влиянием, оказанным на скульптора балетным театром конца XVIII – начала XIX вв.

Ключевые слова: Антонио Канова, Танцовщица, скульптура, неоклассицизм, итальянское искусство кон. XVIII – нач. XIX вв., балет.

Фигура Антонио Кановы — одна из ключевых в культуре Италии во всем европейском искусстве рубежа XVIII–XIX вв. Представитель неоклассицизма, он, как признают отечественные и зарубежные

исследователи, выражал в своем творчестве эстетические идеалы римской и парижской художественной элиты.

Репутация Кановы в среде европейских меценатов и знатоков сложилась еще до начала Великой французской революции 1789–1794 гг. Интерес для исследователя представляют и более поздние контакты мастера с покровителями искусств, в частности с Жозефиной Богарне, первой супругой Наполеона I Бонапарта, императрицей Франции. По ее заказу была создана скульптура Кановы «Танцовщица, придерживающая платье» (1810, мрамор, ГЭ, Санкт-Петербург).

Хотя предварительно выполненная Кановой модель, которую скульптор использовал, создавая мраморную статую, была готова в октябре 1806 г., есть основания полагать, что замысел зародился раньше. Еще в 1802 г. мастер обсуждал с венценосной заказчицей перспективы работы над образом «Танцовщицы». После смерти Жозефины (1814 г.) статуя перешла по наследству ее сыну Евгению де Богарне, который увез ее в Баварию, где она хранилась в Мюнхене, во дворце герцога Лейхтенбергского. После того как его сын, герцог Максимилиан, вступил в брак с дочерью Николая I великой княжной Марией Николаевной, скульптура попала в Россию [1, 27].

Сохранился карандашный рисунок, эскиз «Танцовщицы» (бум., карандаш, 230 x 160 мм., альбом «С-2», № 219–515, Городской музей. Бассано-дель-Граппа, Италия), на котором девушка изображена в профиль с прижатыми к талии руками. Сохранился и прикрепленный к эскизу лист меньшего формата с изображением путти — сначала эта фигурка рассматривалась мастером как часть будущей композиции.

Сопоставив наброски с окончательным вариантом произведения, можно понять, как художник шел к воплощению замысла, как искал выразительную позу, определял движение головы, разлет складок одежд. Надо заметить, поза танцующей девушки, переданная в рисунке, существенным образом отличается от той, в которой зритель застает танцовщицу, позднее изображенную в скульптуре. В рисунке не так ясно ощущается экспрессия движения. Не случайно Катрмер де Кенси, изучавший эскиз Кановы, писал, что это была лишь «незавершенная, не конкретизированная идея, эмбрион формы» [5, 83].

«Танцовщица, придерживающая платье» — одно из ярких произведений Кановы. Девушка представлена в балетной позе, она немного подалась вперед и слегка склонилась набок. Чтобы хитон не мешал

танцу, она чуть приподнимает его руками. Складки одежды переданы настолько мягко и правдоподобно, что сквозь них словно ощущаешь тепло тела.

Здесь используются такие свойства мрамора как пластичность и полупрозрачность: каррарский мрамор, как известно, не только хорошо поддается обработке, но и обладает в небольшой степени прозрачностью. Выявляя это свойство материала, мастер удаляет следы резца на тех участках поверхности статуи, которые передают фактуру обнаженного тела. Канова полирует мрамор пемзой. В совершенстве владея этой техникой, ваятель достигает впечатляющего эффекта.

Скульптор и вместе с тем одаренный живописец, Канова, сознавал значение света в придании выразительной силы фактуре поверхностей статуй. Так, например, в эскизах надгробий он всегда учитывал местонахождение источника света. Свет смягчает и женственные очертания фигуры танцовщицы, контуры драпировки при этом наполняются воздухом, а тон камня с его нежным отливом сообщает поверхности теплоту.

Тонкое понимание мастером особенностей материала было отмечено еще современниками Кановы. Характерен отзыв Катрмера де Кенси, писавшего 30 января 1813 г. об успехе статуи на парижской выставке в Галерее дворца Мальмезон в ноябре 1812 г.: «Я видел вашу “Танцовщицу” <...> после нее все статуи кажутся мраморными» [3, 95].

Волосы девушки завиты и собраны на затылке в «греческий узел», классическую прическу — «коримбос». Непокорные локоны ниспадают на лоб и щеки. Прическу танцовщицы Канова дополняет венком, каким любили украшать голову юные гречанки. Впрочем, венок не достаточно органичен: аккуратные цветки с тщательно вырезанными лепестками кажутся искусственными из-за мерного, как в узоре, повторения форм.

Нельзя с уверенностью сказать, где планировала разместить «Танцовщицу» Жозефина, заказавшая Канове также «Гебу», «Париса», «Трех граций» и «Амура и Психею», но скульптура украсила бы и дворец, и парк Мальмезон. Можно предположить, что императрица намеревалась поместить ее в Храме любви с ионической колоннадой [3, 95].

Как и в случае со многими известными работами Антонио Кановы, у «Танцовщицы, придерживающей платье» есть авторские копии. Одна из них была выполнена в 1818–1822 гг. для англичанина сэра Саймона Кларка и ныне хранится в Национальной галерее Канады, в Оттаве (мрамор, 172,7 см.) [4, 2].

Сравнение статуи «Танцовщицы» из коллекции Государственного Эрмитажа и собрания Национальной галереи Канады показывает, что обе скульптуры при ощутимом сходстве имеют определенные различия. При создании позднейшего варианта замысел претерпел ряд изменений, коснувшихся, главным образом, трактовки платья и пропорций лица. Наброска драпировки на тело в статуе, хранящейся в Оттаве, отличается большей простотой: масса складок компактнее, линии заметно спокойнее. Поверхности, передающие формы фигуры в так называемой «зоне покоя», расширены, вследствие чего очертания тела намечены яснее.

В работе над вторым вариантом статуи Канова явно стремился придать «Танцовщице» натуралистичность, сконцентрировавшись на детальной проработке таких деталей, как коленные чашечки. Об отмеченном намерении мастера свидетельствует и проработка черт лица персонажа, пропорции которого слегка изменены: естественнее выглядят губы, изображенные в полуулыбке, а веки, ставшие легче, нежели в первом варианте, придают открытому взгляду девушки живость.

С большим вниманием скульптор подошел и к передаче прически с кокетливо ниспадающими на лоб локонами. Изменена трактовка волос: Канова явно стремился здесь достичь большего единства в пластическом решении, отсутствуют мелкие завитки прядей, масса волос приобретает в позднейшем

варианте цельность. Легко заметить, что лицо персонажа в статуе из Национальной галереи Канады полнее выражает бодрость, присущую облику танцующей девушки.

Интерес Антонио Кановы к образам романтического балета начала XIX в. — не случайный. О том, что мастер интересовался балетными постановками, свидетельствует его римский дневник, на страницах которого встречаются упоминания о посещениях балетных постановок [3, 69]. Канове особенно нравились балетные идиллии со свойственным им гармоничным соединением выразительных возможностей хореографии, живописи и музыки.

Любовь к искусству балета возникла у Кановы в Венеции, культура которой всегда тяготела к театральности, особенно характерной для века Просвещения. Такие скульптурные работы ваятеля, как «Танцовщица, придерживающая платье», отразили некоторые особенности балетной пластики того времени, в частности, прихотливость движений, пришедшую на смену жестковатой планировке фигуры, характерной для эпохи Жан-Жоржа Новерра.

Изображенное Кановой балетное па, как бы выхваченное стремительным взглядом из текучей мимолетности танца, разрушает фронтальность и симметрию форм классицизма [2, 46]. И это позволяет сделать вывод о том, что в творчестве Антонио Кановы, несомненно, яркого представителя неоклассицизма, ощутимы и романтические тенденции.

Список литературы:

1. Косарева Н. К. Канова и его произведения в Эрмитаже. – 2-е изд. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1963.
2. Красовская В. М. Западноевропейский балетный театр. Очерки истории. Преромантизм. – СПб.: Лань; Планета музыки, 2009.
3. Федотова Е. Д. Канова. Художник и его эпоха. – М.: Республика, 2002.
4. Honour H. Canova's Statue of a Dancer. // National Gallery of Canada – Bulletin 11, – 1968.
5. Quatremère de Quincy A. C. Letters ecrits de Londres a Rome et adresses a Canova sur les marbles d'Elgin. – Rome, 1818.

Section 4. History

Aghayev Yusif Shukur,
military historian from Azerbaijan
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com

Art of war on “Kutadqu Bilik” by Yusif Balasaqunlu

Abstract: This article is dedicated to the research of art of war in the tractate called «Kutadqu Bilik» («Essential knowledge») by Yusif Balasaqunlu, the Great Turkic thinker of XI century.

Keywords: art of war, turkics, nomads, tactics, strategy, weapons, military law.

Агаев Юсиф Шукур оглы,
военный историк из Азербайджана
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com

О военном искусстве по «Кутадгу Билик» Юсифа Баласагунского

Аннотация: Статья посвящена исследованию военного искусства в трактате великого тюркского мыслителя XI века Юсифа Баласагунского «Кутадгу Билик» («Благодатное знание»).

Ключевые слова: военное искусство, турки, кочевники, тактика, стратегия, вооружение, военное право.

История человечества — это в том числе и череда войн и сражений, где проявлялись полководческий талант военачальников и героизм простых воинов. И с развитием человечества совершенствовалась и оттачивалась его военная мысль — военное искусство. Что же тогда представляет собой военное искусство? В Военных Академиях военное искусство определяют как важнейшую область военной науки, зародившуюся одновременно с возникновением войн. И утверждают, что военное искусство — это теория и практика подготовки и ведения войны в целом, операций и боя, это военное мастерство использования сил и средств для достижения победы, искусство военачальников и всех воинов в разгроме врага [1, 5].

Дошедшие до нас древние летописи изобилуют сценами сражений, осады городов и крепостей, описаниями оружий. Там восхваляют полководцев и храбрых воинов. Наряду с летописями до нас дошли и древние трактаты о военном искусстве таких великих древнекитайских мыслителей и полководцев как Сунь-цзы и У-цзы, а также древнегреческих и римских мыслителей и полководцев, таких как Аполлодор и Эней Тактик, Секст Юлий Фронтин и Флавий Вегетий Ренат. Дальнейшее развитие человечества совершенствовалось как методы, так и механизмы ведения войны. А это в свою очередь развивало военную мысль, что находила отражения в более поздних

работах, таких как трактат «О военном искусстве» итальянца Никколо Макиавелли или же «Военный канон в ста главах» китайца Цзе Сюань.

Упоминания о военных победах и подвигах тюркских народов находим во многих летописях, однако, одним из первых трактатов о военном искусстве тюрков дошедших до нас можно смело назвать трактат великого тюркского мыслителя XI века Юсифа Баласагунского «Кутадгу Билик» («Благодатное знание»).

Великий тюркский мыслитель Юсиф Баласагунский родился по некоторым данным в 1015–16 году в столице тюркского государства Караханидов в городе Баласагуне. В 1069–70 году он завершил свой философский трактат «Кутадгу Билик» («Благодатное знание») в поэтической форме на тюркском языке и подарил её своему государю-хакану Табгач-Карахану Богра, за что и был удостоен хаканом звания «Хас Хаджиба» («Камергинер»). Умер Юсиф Баласагунский по некоторым данным в 1075 году и захоронен во второй столице государства Караханидов в городе Кашгаре.

Трактат «Кутадгу Билик» содержит 6 520 поэтических бейтов, разделенных на 85 глав, а также три приложения, содержащих 124 бейта разбитых на три главы. До нас дошли Венская, Каирская и Наманганская рукописи этого произведения. Наиболее полной

и сохранившейся считается Наманганская рукопись, хранившаяся в Ташкенте, которая и стала основным источником для исследования, перевода и издания Академией наук СССР в 1983 году. Само произведение — философский трактат о том, как праведно жить и управлять государством, где наряду со всеми раскрывается и военное искусство:

**Искусство великое — править войсками
И в бой их водить для побед над врагами** [2, 188].

Глава трактата, где излагается военное искусство, называется «**Огдюльмиш рассказывает Элику, каким должен быть муж, возглавляющий войско**», т. е. каким должен быть полководец. Значение полководца для государства неопределимо. Еще в VI–V веках до н. э. древнекитайский мыслитель Сунь-цзы в своем трактате о военном искусстве писал: «*Полководец для государства — все равно что крепление у повозки: если это крепление пригнано плотно, государство непременно бывает сильным; если крепление разошлось, государство непременно бывает слабым*» [3, 41]. И по этой причине по Сунь-цзы в полководце должно было сочетаться ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость [3, 36]. В тоже время другой древнекитайский мыслитель IV века до н. э. У-цзы в своем трактате о военном искусстве писал: «*Есть пять пунктов, к которым полководец должен быть особо внимательным. Первое — закон руководства, второе — постоянная готовность, третья — отвага, четвертое — бдительность, пятое — простота*» [3, 475]. Более поздний средневековый стратег XIV–XV вв. Умар бен Ибрахим аль-Ауси аль-Ансари в своей работе «*Наставление по войне*» пишет: «*Командующий армией должен быть совершенен умом, силен сердцем, полон отваги, всегда бдителен, очень осторожен, тверд в решениях*» [4, 490].

Трактат Юсифа Баласагунского начинается с перечня качеств, в том числе и нравственных, каким должен обладать полководец — командующий войсками:

**Муж должен беречь и хранить свою честь,
Бороться с врагами, готовя им месть.
Муж чести любого врага сокрушит,
Бежит от врага лишь утративший стыд.
Трус, помня о чести, становится смелым,
Но гибнет смельчак, если стал робелым.
У смелых душа духом чести богата:
Муж чести умрет, лишь круша супостата.
Муж смелый и правый, но кроткий душой,
Любим всем народом любовью большой.
Кто скромен, тот греет людские сердца,
Отвратна для воинов речь гордеца!** [2, 190].

При этом перечисляются такие качества необходимые полководцу, как жизненный опыт, смелость, стойкость, щедрость, порой и дерзость:

**Муж нужен могучий для этого дела,
Все в жизни выдавший и бьющийся смело.
Он должен быть зорким и бдящим всегда,
Чтоб войско в бою не постигла беда.
Он должен быть храбрым и метким стрелком,
И щедр и широк — с хлебосольством знаком.
Да, должен быть щедрым начальник-воитель,
Тогда лишь он — лучшим мужам предводитель.
Готов он все всем раздавать без изъятия —
Соратники будут при нем и собратыя.
Раздаст он одежды, оружие, коней —
И к славе всесветной пути нет верней.
Пусть он для потомков не копит добра,
Не жаждет угодий, садов, серебра.
Пусть он утверждает мечом своё право:
Что взял — то раздай, и — возвысится слава!
Да будет он щедр, всех кормя, одевая,
Коней и невольников всем раздавая.
Несчетных мужей соберет его меч,
Горой за него они рады полечь!
Ему нужно смелым и знающим быть,
И стойким, и в битвах дерзающим быть** [2, 189].

Уподобление себя зверям — свойственно тюркам и это, естественно, нашло свое отражение в трактате в перечне необходимых качеств полководца:

**И свойства нужны для возглавивших рать,
С какими дано им врага покарать.
В бою смелость львиную надо иметь,
И хватку тигриную надо иметь,
Кабанье упорство и волчий бросок,
Медвежью свирепость, олений наскок.
Воитель, как лисы, быть хитростью лют,
И яростен, словно взбешенный верблюд.
Да будет муж бдителен — зорче сорок,
Да будет, как ворон в горах, далекоок!
Да будет во гневе он яростней льва,
Да будет недремлющим, словно сова.
И тот, кто подобных даров удостоен,
Достойный воитель и подлинный воин** [2, 191].

Среди перечня доблестей необходимых полководцу автор трактата первым видит честность, прямоту и правдивость главнокомандующего, и только после него все остальные качества, такие как щедрость, смелость и хитрость:

**Вот доблести, что полководцу нужны
Для лучших успехов в веденье войны:
Во-первых, быть честным, прямым и правдивым,**

**Народ не поверит обманным призывам.
Второе — будь щедрым, всех жалуй добычей,
Корыстный — без войска, таков уж обычай.
И третье: будь смелым, сражайся с задором,
Лишь трусу привычно прикинуться хворым.
В-четвертых, знай хитрости разных уловок:
Осилит и льва тот, кто в хитростях ловок.
Готовят прорыв лишь упорством умелым,
А воинов в бой вести — нужно быть смелым.
Когда полководец — сих доблестей муж,
Врага побеждай, славу недруга рушь! [2, 192].**

При этом судьба полководца имела решающее значение для исхода сражения. Если он погибал или же попадал в плен, это подрывало боевой дух всего войска:

**И грозная рать без главы-вожака —
Безглавая рать: она в битве жалка [2, 192].**

Военная дисциплина — это краеугольный камень, на котором держится войско, и как стержень, пронизывает и связывает всех от командующего до рядового война, и тем самым отличает войско от сборища вооруженных людей. Ещё в XVI веке в своем трактате итальянский мыслитель Никколо Макиавелли писал: *«Там где сильна кара, должна быть велика и награда, дабы в людях одновременно поддерживались надежда и страх»* и далее *«Вся строгость военной дисциплины нужна только для того, чтобы войска были в полном порядке, когда наступает час сражения... Кто сумеет лучше к нему подготовиться и поддержать в своей армии большую дисциплину, тот приобретает безусловное преимущество над противником и может большие рассчитывать на победу»* [5, 262–263]. В трактате китайского полководца XVII века Цзе Сюань мы находим, что *«применять строгие наказания может лишь тот, кто умеет щедро награждать. Авторитет же есть только у того, кто способен строго наказывать... Если строго покарать тех, кто дрожит за свою жизнь или боится потерять должность, воины могут воспрянуть духом и старательно выполняют приказание. Если не давать спуска тем, кто ослушался приказа, войско будет стоять твердо, как гора, а его движение будет неудержимым, как горный обвал. Так можно обеспечить себе победу»* [6, 86]. Аналогичные мысли о значимости и важности военной дисциплины мы находим и в трактате Юсифа Баласагунского:

**А если муж стоек, величествен, смел,
Он славиться доблестью воинских дел.
Он должен быть твердым – грозой для дурных,
И добрым — с такими, кто кроток и тих.
Глава над войсками для власти — опора,
Где лад в ратном деле — правление споро.**

**Где сильная власть, там и рать — для защиты,
Где войско возглавлено — воины сыты.
А если не будет у войск вожака,
Считай, о элик, что погибли войска!
С дурным — обходительным быть надлежит,
С достойным — почтительным быть надлежит.
Всех лучших пожалуй достойной наградой,
Ничем не неволь их, чем можешь — возрадуй!
Всем любы награды, добро — животворно:
В ответ на добро люди служат покорно [2, 190].**

Этот отрывок из трактата «Кутадгу Билик» по сути, требование к полководцу по поддержанию военной дисциплины в войсках на основе справедливости, что еще раз подтверждает наличие железной дисциплины в войсках у тюрков, регулируемая нормами как тюркского обычного права — *«тёре»*, так и исламского права. Военная дисциплина в войсках является залогом его победы, и это мы находим не только в трактате Юсифа Баласагунского, но в древнеогузском эпосе «Китаби Деде Горгуд» [13, 108].

Стратегические и тактические уловки и маневры являются одним из составляющих военного искусства. Ещё древнекитайский полководец и мыслитель Сунь-цзы в своем трактате писал, что *«Война — это путь обмана»*, подразумевая под этим военную хитрость или же тактические приемы, применяемые на войне [3, 36]. С ним соглашается и средневековый мыслитель мусульманского Востока начала XIII века Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. В своем трактате «Правила ведения войны и мужество» он приводит высказывание зятя Пророка и одного из праведных халифов Али: *«Война всегда есть обман»* [10, 184]. В своем трактате китайский полководец XVII века Цзе Сюань пишет: *«На войне невозможно обойтись без хитростей, но хитрости должны быть безупречны»* и далее *«Мудрые мужи не делают промахов потому, что не творят обман, а в военных делах благодаря обману добиваются успеха»* [6: 46, 141]. Средневековый стратег мусульманского Востока Умар бен Ибрахим аль-Ауси аль-Ансари в своей работе пишет: *«Победы, одержанные в результате превосходных уловок и изящной находчивости, с сохранением собственной жизни, спасенной армией и без расходования излишних усилий, — вот лучшие победы»* [4, 489]. В трактате Юсифа Баласагунского в перечне доблестей полководца значится хитрость как средство, путем которого можно добиться победы над врагом:

**В-четвертых, знай хитрости разных уловок:
Осилит и льва тот, кто в хитростях ловок [2, 192],**

и далее:

**Два рода оружия — основа победы,
От них супостату — смертельные беды.
И прежде всего это — хитрость, обман,
Хитри, чтобы враг был до боя заклан [2, 194].**

Немаловажное место в военном искусстве занимает разведка. Древне-китайский стратег Сун-цзы разведке посвятил отдельную главу в своем трактате [3, 68–70]. Китайский полководец Цзе Сюань о разведке писал: *«Когда войска сближаются друг с другом, нужно найти способ испытать противника. Когда войска стоят друг против друга, нужно уметь разведать силу неприятеля. Разведку в стане неприятеля проводят для того, чтобы не наносить удар впустую»* [6, 37]. В средневековой рукописи XI века «Кабус-намэ» автор трактата Кей-Кавус в назидаение будущему полководцу настоятельно советует: *«Не упусти случай послать лазутчика»* [7, 229]. В трактате Юсифа Баласагунского о разведке изложено в следующем фрагменте:

**Следи, чтобы враг не забрал «языка»,
Не вызнал бы, как твоя рать велика.
А вражьего взять «языка» подобает,
Проведать про вражьих войска подобает [2, 193].**

Необходимость в пленении солдата противника — «языка», чтобы через него получить необходимую информацию о вражеском войске — одно из условий разведки.

Военная тактика, изложенная Юсифом Баласагунским в «**Кутадгу Билик**», основывается как на традиционной военной тактике кочевников Центральной и Средней Азии, так и на военной тактике, принятой на мусульманском Востоке. У тюрков, как у кочевников Центральной и Средней Азии, сражение делилось на три этапа: выдвижение, развертывание и битва [8, 196]. Все это мы находим и в «**Кутадгу Билик**». Первый этап сражения — выдвижение войск, а именно, сбор и поход армии, в трактате автор отстаивает свою позицию, что лучше меньше да лучше, т. е. лучше меньше войска да лучше подготовленное и оснащенное, указывая на достаточное количество хорошо подготовленных и оснащенных необходимым вооружением воинов, нежели бесчисленное их количество:

**Для войск не бессметность важна, а добротность,
А доброту войску — в оружьи бессметность.
Муж опытный молвил: «Управись с боем,
Владея двенадцатитысячным строем».
Изрек муж, познавший в бою торжество:
«Четыре лишь тысячи нужно всего!
В растянутом войске — всегда суматоха:
И строй не наладить, и править им плохо!»**

**Внемли, что прославленный воин изрек,
Тебе в его слове — совет и урок:
«Для войск не бессметность потребна, а сила,
Да чтобы оружьи отличное было!
Налаженный строй — лучше рати несметной:
В растянутом войске
все худо и гнило!» [2, 192–193].**

Как видно из этого отрывка главное не количество, а качество войска, т. е. воевать надо не числом, а умением. В своем трактате Никколо Макиавелли пишет: *«Пусть оно (т. е. войско) лучше будет меньше, ибо большая численность приводит к замешательству, нарушениям дисциплины и боевого строя»* [5, 250]. В трактате древнеримского стратега IV века н. э. Флавия Вегеция Рената мы находим конкретное указание на оптимальное количество войск необходимое для ведения войны: *«Древние желали иметь войска не столь большие по численности, но зато хорошо обученные владеть оружием. Поэтому при небольших войнах они считали достаточным один легион с присоединением к нему вспомогательных отрядов, т. е. 10 тысяч пехоты и 2 тысячи всадников, всего 12-тысячное войско»* [9, 311–312]. Ещё более конкретное указание на оптимальное количество войск отмечено в хадисе о пророке Мухаммеде (с. а.), где сказано, что *«Пророк повелел: «Самое лучшее из войск то, которое насчитывает 4 тысячи. И никакая сила не сможет разгромить 12 тысяч единомышленников — кавалеристов»* [10, 179]. В трактате XI века великого визирия государства Сельджукидов Хаджи Низам ал-Мулька «Сиясет-намэ» указано: *«С каждого народа должно быть четырёхтысячное войско»* [12, 93]. Так, в классическом виде выглядели войсковые соединения мусульманского Востока в средние века. И тому подтверждение мы находим в вышеприведенном отрывке из «**Кутадгу Билик**».

Поход войск тюрков проходил по классической схеме, принятой у кочевников Центральной и Средней Азии: впереди шел авангард войск, за ним следовали главные силы, и наконец, замыкал шествие арьергард. Во время всего движения и привала войск вокруг авангарда, главных сил и арьергарда выдвигалось сторожевое охранение — дозор. Как в трактате:

**И военачальник, возглавивший рать,
Обязан в дела свои близко вникать.
Заставы обязан он выслать дозором,
Тогда будет чуток он слухом и взором.
Он вышлет заставы — дозорный отряд
Разведает, много ли вражьих засад.
Должна быть приставлена к войску охрана —
Ни дальше, ни ближе, ни поздно, ни рано.**

**И нужно убежище сделать — со стражей,
 Чтоб зорко высматривать замысел вражий.
 Знаменщик блюсти должен поле войны,
 Чтоб воины все ему были видны.
 И стан основать нужно в месте надежном,
 Собрать там все войско и быть осторожным,
 Не зная беспечности, быть начеку,
 Беспечного легче осилить врагу [2, 193].**

Второй этап сражения — развертывание войска в боевые порядки. Развертыванию войск в боевые порядки уделялось пристальное внимание в работах средневековых авторов. Так, в «Кабус-намэ» в назидание будущему полководцу автор пишет: «Способы изучения войска и построения боевых рядов знай основательно. В день, когда случится бой, на правое и левое крыло посылай полководцев опытных, испытанных в бою и видевших мир. самого смелого полководца с лучшими людьми поставь позади войска, чтобы эти люди заднего отряда были в тылу войска» [7, 229]. Подавляющее большинство исторических источников отражают три основных элемента боевого порядка — центр, правое крыло и левое крыло. Боевые порядки тюркского войска насчитывало 7 элементов: передовые части — гаравул; отборная часть перед центром — йаравул; центр — йасав; правое крыло — онкол; левое крыло — солкол; резерв, стоявший за центром или располагавшийся в засаде — джигдавул или же огче; тыловое охранение — бухтарма [11, 206]. Развертывание войск в боевые порядки по Юсифу Баласагунскому выглядит следующим образом:

**До боя в засаду часть войск уведи,
 А лучников двинешь — скачи впереди.
 Возглавь свое войско отрядом бывалых,
 Чтоб воинов вел он и в бой увлекал их.
 Бывалые смелы и хватки в бою,
 А смелые держат порядки в бою.
 Все юные бойки в задиристой силе,
 А чуть неудача — глядишь, и остыли!
 Вперед и назад выставь смелых — кто лих,
 А справа и слева поставь остальных [2, 195].**

Как видим, в трактате приведены все элементы боевого порядка: центр, правое крыло, левое крыло, отборная часть перед центром и резерв в засаде. При этом в трактате отражено и по отрядное построение боевого порядка войска, которое в средние века на Востоке называлось тюркским [10, 204]:

**А рати сойдутся, и битва начнется,
 Отряды схлестнутся и станут бороться [2, 195].**

Таким образом, как видим из вышеприведенных отрывков, тюркский боевой порядок предполагал

при наличии по отрядного построения и элементы классического боевого порядка: центр, правое крыло и левое крыло. Данный боевой порядок в тюркских войсках мы находим и в древнеогузском эпосе «Китаби Деде Горгуд» [13: 96, 101]. Это опровергает утверждения некоторых западных исследователей о том, что «тюрки не были организованы в три основные подразделения: правый фланг, левый фланг и центр» [4, 487].

И наконец, третий этап сражения — сама битва. В трактате Юсиф Баласагунский детально рассматривает каждую стадию битвы:

**А рати сойдутся, и битва начнется,
 Отряды схлестнутся и станут бороться.
 Тут выпусти стрелы из дальних засад,
 А ближних брось в пики — и враг будет смят.
 Мечом и секирой сражайся умело,
 Зубами, ногтями терзай вражье тело [2, 195].**

Как видим, в трактате отражены минимум три стадии битвы: стрельба лучников, как конных, так и пеших, на дальних дистанциях, сближение с противником и ближний бой с использованием копий и пик и, наконец, рукопашная схватка на мечах и секирах. Все вышеприведенные стадии битвы и их последовательность мы находим и в трактате XIII века Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшаха [10, 213]. Таким образом, можно сделать вывод, что такая тактика боя была известна и широко применяема на Востоке.

Упорство в битве определяло его результат, о чем говорит следующий фрагмент из «Кутадгу Билик»:

**Держись — да не видит твоей спины враг,
 Борись, а не можешь — так жертвою ляг!
 Внемли слову мужа, что в битвах был смел:
 «Упорствуй! Упорный врага одолев!» ...
 И ежели конница вражья прорвется —
 Держаться, стоять, до победы бороться! [2, 195].**

И, наконец, перелом в ходе битвы, его кульминация — разгром и преследование противника:

**А враг только дрогнет — не медли, не жди,
 Преследуй, гони, наседай позади!
 Настигни врагов, поскакавших в запале,
 Хватай их, следи, чтоб твоих не хватали!
 Зарвавшихся в гонке в ряды перестрой,
 Пусть снова преследуют вражеский строй.
 А враг побежден — возвратись с полдороги,
 Не то возвращенья не выдержат ноги!..
 Бегущих врагов не преследуй задаром —
 Сразит тебя недруг ответным ударом.**

Как видим, автор советует не увлекаться беспорядочным преследованием побежденного врага,

ситуация на поле боя может измениться в любой момент не в пользу преследователя. Такой же совет мы находим и в «Кабус-намэ»: «Когда добьешься победы, бегущих долго не преследуй, ибо при вне-запном обращении назад может случиться много бед и нельзя знать, как обернется дело» [7, 230]. Никколо Макиавелли в своем трактате пишет: «Кто в беспорядке преследует разбитого врага, стремиться только к тому, чтобы из победителя превратиться в побежденного» [5, 293].

В трактате Юсиф Баласагунский приводит в качестве примера такой военный прием, как внезапная конная атака, практиковавшаяся тюрками, когда тяжелооруженные всадники, облаченные в доспехи как сами, так и их кони, и вооруженные копьями, двигавшиеся в «лаве» таранным ударом сметали противника:

**Снять вражий дозор надо в дерзостной схватке
И грянуть лавиной на вражи порядки** [2, 193].

Либо такой военный прием, как внезапная ночная атака:

**Готовься, обманом наскакивай ночью —
Кто ж видит во тьме твои силы воочью!** [2, 194].

И, наконец, внимание и забота полководца о своих воинах во время войны сказывается на боевом духе войска. В «Кабус-намэ» автор в назидаение будущему полководцу пишет: «Всякого, кто хорошо бьется и кого-либо выбьет, или ранит, или возьмет конного, или приведет коня, или принесет голову и окажет похвальную службу, ты за эту службу уважь халатом или прибавкой в оплате... Когда это увидят, всему войску захочется сражаться, и никто в бою не оплошает, и достанется тебе та победа,

которой ты хочешь» [7, 230]. Китайский полководец Цзе Сюань пишет: «Не оставляй не замеченной даже малую заслугу, особо отличившихся награждай щедро, военную добычу дели по справедливости, с родственниками воинов будь учтив, добрым отношением побуждай подчиненных служить самоотверженно, а разбив неприятеля, не учиняй резни» [6, 82]. Аналогичные мысли мы находим и в трактате Юсифа Баласагунского:

**Добычею всех смельчаков одели,
Чтоб радостью лица достойных цвели!
Кто мужествен был — отличи храбреца,
От щедрых наград да забьются сердца!
Дурного похвалишь — и ладным он стал,
А ладный не портиться и от похвал.
Кто ранен — леченьем его исцели,
И вызволить пленных обменом вели.
Кто пал, тех с почетом вели погresti,
А детям их щедрой рукой отплати.
Одобряют все воины доблесть твою —
Все пасть за тебя будут рады в бою** [2, 197].

Как показывает проведенное исследование, «Кутадгу Билик» Юсифа Баласагунского можно смело поставить в один ряд с великими творениями по военному искусству и использовать как важный и незаменимый источник по изучению военного искусства тюркских народов. В трактате изложена как стратегия войны, так и тактика боя, искусство полководца и военное право. Содержащаяся в трактате информация не только подтверждает ранее известные моменты военного искусства тюркских народов, но и обогащает багаж знаний новыми сведениями.

Список литературы:

1. История войн и военного искусства. Учебник для слушателей-офицеров высших военно-учебных заведений Советских Вооруженных сил. – Москва: Министерства обороны СССР, 1970.
2. Юсиф Баласагунский. Благодатное знание. – Москва: Наука, 1983.
3. Сун-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. – Москва: АСТ, 2002.
4. Керол Хилленбранд. Крестовые походы. – Санкт-Петербург: Диля, 2008.
5. Никколо Макиавелли. О военном искусстве. – Москва: Центрполиграф, 2013.
6. Цзе Сюань. Военный канон в ста главах. – Москва: Европа, 2011.
7. Кабус-намэ. Перевод Е. Э. Бертельса. – Москва: Восточная литература, 1958.
8. Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. – Москва: АСТ, 2004.
9. Военная мысль античности. – Москва: АСТ, 2002.
10. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество. – Душанбе: Министерство обороны Республики Таджикистан, 1997.
11. Мамедов С. Г. История войн и военного искусства Азербайджана. – Баку: Nafta-Press, 1997.
12. Абу Али Хасан ибн Али Хаджи Низамульмулк. Сиясетнамэ. – Баку: Эльм, 1989.
13. Агаев Ю. Ш., Ахмедов С. А. Военное искусство тюрков в огузском эпосе «Китаби Деде Горгуд». – Баку: OL, 2014.

*Aydarbaeva Raushan,
D. Serikbaev East Kazakhstan
State Technical University,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: raushan-aid@mail.ru*

*Niyazkhankyzy Gulzhanat,
D. Serikbaev East Kazakhstan
State Technical University,
Ph. D., Associate Professor
E-mail: gulzhanat66@mail.ru*

On the problem of the formation irredenta of kazakh in China

Abstract: This article discusses the formation of the Kazakh irredenta in China. Disclosed the causes and identify the steps of the process.

Keywords: Kazakhs, irredenta, migration.

The restructuring of the former Soviet Union shifted the problem of borders of Kazakhstan with the newly independent States and the countries of Central Asia from the sphere of economic geography in the field of geopolitics.

One of the most important geopolitical border of Kazakhstan is Ore Altai (Rudnii Altai). Altai Republic is part of the Greater Altai along with Xinjiang China (Xinjiang), Bayan-Ulgii and Hovdossky aimags of Mongolia. Development of regional and cross-border forms of cooperation in economical, cultural and interethnic aspects within the macro-region of Altai plays a great role in the formation of the modern Kazakh Altai.

Currently the cross-border cooperation programs are based on the ideas of the Eurasian Union and the prospects for inter-regional integration. Ethno-political factor plays an important role in the assessment of the current situation in the macro-region. The peculiarity of the situation is that Kazakh ethnic group, which is united by common history, common culture, common language and a common religion plays the dominant role in multi-ethnic communities of the border regions of Greater Altai.

The historical experience of migration, economic, cultural and ethno-political Kazakh relations in the border areas are the basis of cross-border consolidation of the community. It can be assumed that its geopolitical orientations and strategy will have a significant impact on the development of the situation in this part of Central Asia.

Kazakh government's interest to the Kazakh Eurasian community leads to a number of international agreements. The significance of this problem is determined by the strategy of development and approval of national policy frameworks [1, 6].

The politicization of ethnic history and ethno-national ideology creates an extending tense along national borders of modern Kazakhstan. In the context of maintaining stability in the macro-region and the development of relations between the Republic of Kazakhstan and other countries the problem of Kazakh border zone of the Big Altai, with Russia, Kazakhstan, Mongolia and China takes on new meaning.

In respect to Kazakh diaspora, we can state the following: its members are an integral part of all Kazakh people and have a single ancestral home — Kazakhstan, practice the Muslim religion, belong to the Turkic-speaking peoples, but due to internal and external events in the past, live outside the country, mostly in Asia, Western Europe and America.

Irredenta Kazakh Diaspora is one of the most important components of our foreign policy. It should be clarified that the Kazakhs living in adjacent territories with Kazakhstan in Russia (Astrakhan, Orenburg, Kurgan, Omsk, Gorno-Altai Autonomous Region), Uzbekistan (areas of the Syr Darya, Chirchik, Kyzyl Kum, Myrzashol) and China (regions of Altai, Tarbagatay Or Kulja, Erenkabyrgi, Barkol-Qumul XUAR) in any case can not be defined by the term “diaspora”, as they live in their own territory, this group is defined by the term “irredenta”. This term was defined by Professor GM Mendikulova, one of the scientists — researchers of this issue [2, 51].

The term “irredenta or national reunification” in modern foreign political science imply ethnic minorities that inhabited the territory adjacent to the states, which are dominated by their compatriots. Outside their country irredenta nation (as opposed to the diaspora, which were created by the migration of ethnic groups in other countries that are not their historical homeland) end up

due to wars, annexations, disputed borders or complex colonial models.

Kazakh irredenta in China was established during the XVI–XIX centuries during the Oirat-Kazakh wars, territorial conquests of the Russian Empire in Kazakhstan, which led to the Sino-Russian territorial delimitation in Central Asia, because of which Kazakhs lost significant part of their territory in the north-east, south and east, leading to the formation of the Kazakh irredenta in China.

Kazakh-Oirat relationship in XVII–XVIII centuries made historical basis for the creation of the Kazakh irredenta in China. In XV–XVI centuries, Kazakh territory has been subject to raids by Oirats, which originally had purpose of “looting and destruction”. However, after the formation of the Jungar khanate the main motive of Oirat incursions to Kazakhstan territory became territorial conquests. Gradually, Oirats captured parts of the eastern, southeastern and southern Kazakhstan. This established the beginning of the migration of Kazakhs.

It should also be noted that even though, Jungar conquest led to the gradual shift of the Kazakh population of the Altai and the Irtysh River to the west, we cannot limit their relationships to wars only. There were peaceful periods among the two as well, when two allied and had trading relations. As a result, some Kazakhs could remain on their lands in the Jungar khanate. This outcome has number of arguments. For example, well-known scientist M. Mukanov, defending the point of view of Turkic origin Naiman, writes: “If we talk about Turkified Naiman it should be noted that the eastern Naimans (Zaisan, Ust-Kamenogorsk) could not be subjected to this process, if only because they were, up to middle of the XVIII century, ruled by Mongols: first by empire of Genghis Khan, and later became part of the Oirat state — powerful Dzhungaria. But, despite this, Naiman preserved their language, their material and spiritual culture” [3, 40].

Another fact, as it is known to us, at the beginning of the XVIII century Dzungars moved some Telengits from North to South of the Altai valley of Buhtarmy and Uba rivers. And the area were shared by nomadic Kazakhs, Oirats and Telengits [4, 223–234].

The above fragmentary data suggest that at the beginning of the XVIII century nomadic Kazakhs occupied

separate areas of Altai steppes and mountain areas of Southern Altai. These territories were not “nobody’s land” as it is trying to be proven by some amateur researchers, they were used by Kazakhs, Altai Telengits and other nomadic tribes as seasonal pastures occupied by nomads in a certain period of the cycle of nomad’s seasons.

The next stage in the history of the irredenta in China is the defeat of Jungar khanate by Qing in 1757 and the subsequent abruption of Kazakh lands in favor of the Qing China. Qing rulers declared all the lands formerly subservient Dzungar Khanate to their property, among the large areas of labor migrations middle and senior zhuzes that Kazakhs tried to return. They tried to prevent movement of Kazakhs.

However, Qings could not break the centuries-established system of migrations of Kazakh Middle zhuz. They also were not able to stop the flow of migration to the east. Qing’s government attempt to solve the problem by force did not give results either. Fighting back with Kazakhs, Qings were forced to begin negotiation in 1767 and “allowed” Kazakhs to winter in Tarbagatai and other places of Eastern and South-Eastern Kazakhstan, and got payed taxes in return. Thus, the Kazakhs in 1767 managed to return some of their land in the Mongolian Altai and Ili region.

In the first half XIX century, Kazakhs nomaded in this area. However, the beginning of the peasant colonization of Kazakhstan had led to withdrawal of Kazakh’s lands in favor of resettlement fund and extrusion of Kazakhs from their lands. This marked the beginning of large-scale migration of Kazakhs in China in the 70th of the XIX century.

Russian colonization process in Kazakhstan had been successful leading to the convergence of the new Russian territory with Qing’s China territory. This fact made it necessary to address number of inter-state problems, including state and territorial delimitation. Because of signing and ratifying the Russian-Chinese treaty, Kazakh territory and the population that lived there, were forcibly divided between the two states.

Thus, political events of XVII–XIX centuries became the basis for the formation of the Kazakh irredenta in the border areas of China.

References:

1. Назарбаев Н. В потоке истории. – Астана, 1999.
2. Мендикулова Г.М. Исторические судьбы казахской диаспоры. Происхождение и развитие. – Алматы, 1997.
3. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. – Алма-Ата, 1974.
4. Потапов Л.П. Этнографический обзор племен Алтая в джунгарский период.//Известия Всесоюзного географического общества. – 1946. – № 2.

*Babkova Nadiya Vyacheslavivna,
Kharkiv State Academy of Culture, Lecturer
of the Department of History of Ukraine and World History
E-mail: akademik_xdak@mail.ru*

Flags of the Ukrainian Cossacks in the 16th – 18th centuries

Abstract: The present article is devoted to creation and development of flags of the Ukrainian Cossacks in the 16th – 18th centuries. Several preserved documentations show the key motives of the Cossack flags. In the process of analyzing the Cossack flags we can highlight both autochthonous and borrowed heraldic elements.

Keywords: the Ukrainian Cossack flags, heraldic motives, European and national traditions.

One of the key features of modern state are national symbols which show historical, political, military, cultural traditions of the state and its population, relationship with other countries, borrowing and binding of international cultures and traditions. National symbols of Ukraine also have close contact with other people. The bright examples of such process are flag of the Ukrainian Cossacks.

Some scientists believe that first symbol of the Cossacks was the personal flag of Dmytro Vyshnevetskyi (Baida). The coat-of-arms of Prince Korybut was depicted therein [16, 25; 19, 7]. But the use of red colour in flags of the Cossacks shall not be related to memory of Vyshnevetskyi. According to L. L. Zalizniak, the use of such colour combination was caused by traditions of the Kyiv Rus and general military customs of Europe [6, 138]. Thus, red and scarlet colours in flags of the Cossacks concern not only the local ancient culture but also their participation in military and political history of Rzeczpospolita.

In the scope of Stefan Batoriy's reforms in 1576, the flag obtains functions of foreign relationship between the Polish Royal Government and the Register Cossacks which show creation and recognition of the autonomous system of the Cossacks by the central executive power. Therefore the Cossacks joined armies of other European countries too. In 1594 they obtained the flag from Erich Liasota, the Ambassador of Rudolph the Second, Emperor of the Holy Roman Empire [13, 102]. Next year the Cossacks under the guidance of Severyn Nalyvaiko obtained a new flag from Grand Prince Maximilian for their courage and military skill in the German troops. In 1596 both flags were captured by the Poles during suppression of Nalyvaiko's rebellion [3, 52].

As for the period preceding the Liberation War of 1648–1657, there were preserved only some pieces of description of the Cossack flags. According to V. Sergiychuk, such pieces include description of the flag of Zaporozhe troops under the guidance of Dmytro Vyshnevetskyi

(Baida) who joined the army of John the Terrible, Moscow Tsar, in 1557: "blue in the middle, sugar white at the slopes; in the middle there is a picture of the God riding the white horse among the star sky surrounded by heavenly hosts; St. John the Evangelist on the lower angle, St. Michael the Archangel riding the golden winged horse at the slope". It is noteworthy that V. Sergiychuk states the following: it had all the attributes of the Great Tsar's Flag, therefore it was created not under the Ukrainian but under the Moscovian traditions [20, 17–18].

There were also preserved descriptions of the flags of Left-Bank Cossack Troops who defended local castles under the guidance of castle governors. For example, in 1626 the Starodub Cossack Troop had a special red flag with blue cross while the Chernigiv Cossack Troop has a blue flag with red cross [17, 54].

We can find more information about flags of the Cossacks belonging to the period of Bogdan Khmelnytsky. In 1646 the Polish King granted to the Registered Cossacks a blue flag with red and white eagle (probably the modified state emblem of Poland). According to M. Grushevskyi, in February 1649 the Polish commissioners granted a new royal flag to the Hetman, namely red flag with white eagle and the slogan «Ioannes Casimirus rex». It contained state emblem of the Polish Kingdom without any other symbols [4, 142].

Meantime M. Grushevskyi showed other features of the Cossack flags in description of capturing Gomel by the Chernigiv Cossack Troop on the 4th of June 1651: "Early at eight o'clock, while changing the guards, first there appeared a red flag with white cross and white frame, then another red flag as well as three white, two black and two blue and yellow flags nearby". According to the witness, the only symbol was a cross [5, 225].

Other evidence concerns the symbols of flags used by Bogdan Khmelnytsky's Cossacks during siege of Lvov in 1655. I. Krypiakevych states, "the Hetman used two flags: one large and red, the other with St. Michael shooting the snake. Other flags showed emblems of almost all

the farther regions and districts except our white eagle in crown” [10, 252]. On the grounds of such evidence the scientist came to conclusion that for the period of Bogdan Khmelnytsky “the Cossacks had no uniform flag; there were flags with various pictures. When the Hetman reached a compromise with Poland, there was even the Polish eagle in crown and King’s letters. When the Cossacks broke relationship with Rzeczpospolita, the flags showed emblems of the Ukrainian lands, Bogdan Khmelnytsky’s emblem “Abdank”, St. Michael the Knight” [11, 3]. But at that time there were created key motives for the Cossack flags of the 17th – 18th centuries: first, the cross, second, depiction of saints — patrons of the Cossacks.

Archdeacon Pavlo Khalebskyi (1654) reminds the flag of the Christ-loving Courage Hetman Zinoviy consisting of black and yellow stripes and a cross. Cross is shown again as a constant and autochthonous symbol of the Cossack troops [1, 66].

Finally, the classical source of the Cossack flags for the period of Bogdan Khmelnytsky was description of 24 flags captured by military forces of Janusz Radziwill in Chernigiv and Kyiv in 1651 [15, 110]. First such description was published in 1963 by Ya. Isaevich. Some of them had symbols which could be interpreted immediately. For example, one of the Kyiv red flags contained a white eagle in crown with the Vaz Royal Dynasty on its chest. Three other Kyiv flags have emblems of the Kyiv Magistrate’s Official Seal (bow and arrows). Therefore Ya. Isaevich confirmed that such flags could belong not to the Cossacks but to the Magistrate’s Guard or to Kyiv Factories [8, 85–87].

Most of other Kyiv flags have a cross combined with heavenly hosts (sun, moon, stars, star and crescent moon). One of the flags has an untraditional symbol, a hand holding a flaming sword (attribute of St. Michael the Archangel) surrounded by cross, crescent moon, sun and stars, while another flag has St. Andrew’s cross with sun, stars and crescent moon.

As for the Chernigiv flags, there prevails a red flag with St. George riding the horse and fighting the snake. Other flags contain either a cross or a composition consisting of cross, crescent moon and stars. One of them includes also ornamental flowers [21, 243–247].

According to R. R. Kosiv, depiction of cross, stars, sun, moon and crescent moon in the flag is related not only to local ancient traditions but also to wall-painting of altars in churches and polemic literature of that period, i. e. anything related to ordinary lifestyle [9, 52–58].

Thus, for the period of Bogdan Khmelnytsky the symbols of the Cossack flags had two key motives:

1) depiction of cross, often combined with crescent moon, sun and stars;

2) depiction of Christian saints or their attributes.

We have a little data about the flags of Hetmans for the Ruin Period (second half of the 17th century). For example, Petro Doroshenko received a flag from the Turkish Sultan which showed a crescent moon. Meantime Mykhailo Khanenko, a Polish-oriented politician, received a flag from Mykhailo Vyshnevetskyi, the Polish King, which had a yellow eagle and the king’s coat-of-arms (state emblem of Poland at that time: eagle containing Korybut — coat-of-arms of the Vyshnevetskyis on its chest, namely a cross standing on the reversed crescent moon and a six-angled star beneath it) [18, 527].

Certain information about the Cossack flags for the period of Ivan Mazepa is also preserved. For example, Y. Zastyrets, the Lvov researcher of the beginning of the 20th century, on the grounds of materials presented by M. Tchaikovsky, the Polish and Ukrainian writer and politician of the 19th century, described flags used by Ivan Mazepa’s troops in Bendery in 1709: “Eagle of Ukraine and Archangel of Zaporozhe were flying over the troop” [7, 69]. According to the comments of A. Grechylo, “Eagle of Ukraine was nothing else but a double-headed Russian eagle” [2, 21]. Then the afore-said author presents a detailed description of the flag received by the Mazepa’s Cossacks by the Turkish Sultan Ahmed the Third: “A crescent moon on the red background and a silver star above it; a golden cross of the Eastern Church on the blue background. This flag was consecrated by the Patriarch of Constantinople and symbolized unification of Islam and Christianity” [7, 70].

Authentic evidence of flags for the period of Ivan Mazepa is another flag found at the Stockholm military museum by Yu. Savchuk and Ye. Turek. They state that such flag was captured by the Swedes in the Nesvizh Battle in 1706. On the front side of a scarlet flag there is a large depiction of St. Michael the Archangel holding sword and shield, a smaller depiction of Ivan Mazepa’s coat-of-arms beneath it, an elliptic stamp with double-headed eagle (state emblem of the Moscovian Kingdom) at one edge. On the opposite side there is a similar composition: a large depiction of St. Mary, a smaller depiction of the Starodubskyi Colonel Mykhailo Myklashevsky’s coat-of-arms (a golden bow and two arrows on the red background) beneath it and state emblem of the Moscovian Kingdom at one edge. Pictures of the Starodubskyi Colonel Mykhailo Myklashevsky’s coat-of-arms may state that this flag could belong to the Starodub Cossack Troop. Flags of other troops probably contained similar symbols [18, 533].

In the 18th century (first and foremost, due to influence of the prevailing Baroque style both in general Ukrainian art and in heraldry) composition of the Cossack flags got more complicated. The brightest examples were flag of Zaporozhe Sich for that period. Fortunately, there are lots of data preserved.

In 1924 M. Makarenko described series of Zaporozhe flags stored at the Hermitage. He states that after destruction of Zaporozhe Sich these flags were acquired by the Prince Grigoriy Potiomkin and after his death the Prince's steward got them. After the steward's widow died in 1829, the flags were submitted to the Tsarskoselskyi Arsenal and then to the Emperor's Hermitage [14, 25].

The most famous is the Marine Flag of Zaporozhe Troops reproduced in most publications upon history of Zaporozhe Sich. In the center there is a ship with Cossacks on the deck, in the upper edge there are traditional portraits of St. Michael the Archangel and Christ the Saviour. It is noteworthy that it is one of several flags where military realia of the Cossacks are shown in the center (in the present case it is a ship).

Most of other flags have both of the abovementioned motives of the Cossack flags: portraits of saints, pictures of cross and heavenly hosts. It is noteworthy that saints are shown in the Baroque style of heraldry of the 18th century, namely they are shown in cartouches or shields with crowns. For example, flags made by Kuren Sergeant in 1772 and 1774 show a cross and portraits of St. Michael and St. George in round frames. Meantime flags made by Palanka Sergeant had a combination of cross, crescent moon and six-angled stars jointly with St. George in the cartouche. Flag made by Kuren Sergeant in 1774 has a

crescent moon, eight five-angled stars and St. Peter the Apostle in the cartouche. Flag of the Kuren made by the Colonel Stepan Blakytnyi contains a crescent moon and two stars jointly with St. Michael the Archangel in the crowned cartouche [14, 27–39].

Flags of Hetmanshchyna faced serious changes in the second half of the 18th century. On the 8th of March 1755 Kirill Rozumovskyi, the last Hetman of Ukraine, gave an order on unification of flags of all the Cossack troops. One side of the flag shall contain national emblem (picture of the Cossack with a rifle as an emblem of the Ukrainian Cossack Troops) while the other side shall contain the emblem of a troop the flag belongs whereto. Some draft flags were produced in the middle of the 18th century in compliance with such order. Information about the draft flag of the Lubenskyi Troop made in 1758 by Ival Kuliabka, the local commander was published by Oleksandr Lazarevskyi in the Notes on Cossack Troops [12, 154].

Thus, the second half of the 18th century was a period of prosperity of flag art among the Ukrainian Cossacks, so-called Golden Autumn before the final cancellation of Cossack army in Ukraine in 1764–1781, winding-up the Hetman Government, destruction of Zaporozhe Sich and winding-up the Troop Administration.

The use of heraldic motives jointly with national and European traditions, preservation of traditional motive famous for the period of Bogdan Khmelnytsky — Christian saints, cross, heavenly hosts — everything caused a special style of the Cossack heraldry. Therefore flags of Hetmanshchyna and Zaporozhe Sich of the 17th–18th centuries became a unique phenomenon in the whole world too.

References:

1. Будос ібн аз-Займа аль-Халебі (Халебський Павло). Країна козаків. – К., 1995.
2. Гречило А. Б. Національний прапор.//Національна символіка: бібліотека журналу «Пам'ятки України». – К., 1990.
3. Гречило А. Прапори та герби українського козацтва.//Вісті комбатанта. – № 1, – 1993.
4. Грушевський М. С. Історія України-Руси. – Т. VIII. – Ч. III. – К., 1995.
5. Грушевський М. С. Історія України-Руси. – Т. IX. – Ч. I. – К., 1996.
6. Залізник Л. Л. Первісна історія України. – Київ: Вища школа, 1999.
7. Застирець Й. Мазепинці в Туреччині.//Україна. – Кн. 2, – 1914.
8. Ісаєвич Я. Бойові прапори козацького війська.//Український історичний журнал. – № 1, – 1963.
9. Косів Р. Р. Хрест і солярні знаки на українських військових хоругвах середини XVII – 70-х років XVIII ст.//Вісник Київського національного університету культури і мистецтв: серія мистецтвознавство. – Вип. 6, – 2002.
10. Крип'якевич І. П., Гнатевич Б. Історія українського війська. – Львів, 1936.
11. Крип'якевич І. Прапор Хмельницького.//Неділя. – № 6, – 1911.
12. Л-кій О. Гетьманские клейноды.//Киевская старина. – Т. 2, – 1882.
13. Лясота Еріх Щоденник.//Жовтень. – № 10, – 1984.
14. Макаренко М. Запорозькі клейноди в Ермітажі.//Україна. – Кн. 3, – 1924.

15. Панченко В. Козацьке прапорництво XVII – XVIII ст. // Військово-історичний альманах. – Ч. 2, – 2008.
16. Реєнт О. П. Усі гетьмани України. Легенди. Міфи. Біографії. – Х.: Фоліо, 2008.
17. Румянцева В. Эмблемы земель и гербы городов Левобережной Украины периода феодализма. – К., 1986.
18. Савчук Ю. Клейноди Війська Запорозького. // Україна – козацька держава. – К., 2004.
19. Сергійчук В. Дмитро Вишневецький. // Володарі гетьманської булави: Історичні портрети. – К.: Варта, 1995.
20. Сергійчук В. Доля української національної символіки. – К., 1990.
21. Турек Є. Нові відомості про бойові прапори козацького війська (середина XVIII ст.) // Національно-визвольна війна українського народу середини XVII ст.: політика, ідеологія, військово мистецтво. – К., 1998.

*Gaidin Sergey Tikhonovich,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Professor of Department of History and Political Science
E-mail: gaydinsergey@rambler.ru
Burmakina Galina Aleksandrovna,
PHD (history), associate Professor of Department
of Psychology, Pedagogy and Human Ecology
E-mail: burmakinagalina@rambler.ru*

The history of establishing of protected areas in Yenisei region

Abstract: the article examines the history of establishing state nature reserves (zapovedniks) and game reserves (zakazniks) in the Yenisei region since the foundation of the Yenisei province in 1822.

Keywords: protected areas, Yenisei region, Krasnoyarsk kray, state nature reserves (zapovedniks), game reserves (zakazniks), nature monuments.

*Гайдин Сергей Тихонович,
Красноярский государственный аграрный университет,
д-р ист. наук, профессор кафедры истории и политологии
E-mail: gaydinsergey@rambler.ru
Бурмакина Галина Александровна,
канд. ист. наук, доцент кафедры психологии,
педагогике и экологии человека
E-mail: burmakinagalina@rambler.ru*

История создания охраняемых территорий Приенисейского региона

Аннотация: В статье рассматривается история создания заповедников и заказников в Приенисейском регионе со времени основания Енисейской губернии в 1822 г.

Ключевые слова: охраняемые территории, Приенисейский регион, Красноярский край, заповедники, заказники, государственные памятники природы.

Освоение новых пространств, подобных Дикому Западу в США и Сибири в России, проходило, как правило, путем их покорения с непростыми экологическими последствиями. Первый губернатор, созданной в 1822 г. Енисейской губернии, А. П. Степанов писал, что крестьяне, ради разработки куска земли под пашню, выжигали леса на огромных пространствах. Уже тогда было замечено, что истребление лесов сопровождалось понижением уровня грунтовых вод и обмелением водоемов [1, 93].

Не исключено, что переселенцы из европейской части страны, воспринимали Сибирь как бескрайнее и враждебное пространство, которое необходимо было «покорять» ради налаживания собственной жизни. Для этого нужно было выжигать и отодвигать от их поселений тайгу, которая в теплое время года досаждала людям огромным количеством кровососущих насекомых.

В начале 80-х гг. XIX в. в отчетах руководства административно-территориальных округов,

направляемых в губернскую администрацию, сообщалось о появлении новых факторов, вызывающих сокращение численности зверей и птиц. Енисейский окружной исправник докладывал о пагубном воздействии на состояние охотничьей фауны золотодобывающей промышленности, с которой были связаны истребление тайги и распространение пожаров. Отдельный Туруханский пристав неоднократно высказывал предположение об отрицательном влиянии пароходов на воспроизводство рыбы в Енисее [2]. Позже отмечали пагубное воздействие строительства Сибирской железной дороги на сокращение численности пушных зверей в притрассовой зоне.

Окружные исправники в 1884 г. докладывали, что в добыче охотников Ачинского округа уже не было соболей, а в большинстве волостей Минусинского округа не только исчезли соболя, но и в уловах перестала встречаться красная рыба [3]. В Приангарье соболя исчезли в период между 1902 и 1910 г. [4, 2].

Губернскую администрацию беспокоило сокращение численности соболей, добыча которых ранее была одним из основных источников дохода большинства охотников и источником налоговых поступлений в бюджет губернии. В 1888 г. по данным губернского статистического комитета в губернии был добыт всего 231 соболь. В 1911 г., по официальным данным, в губернии удалось добыть 1 327 соболей [5].

Сложившаяся ситуация требовала принятия радикальных решений по охране и восстановлению популяции ценного пушного зверька. По ходатайству Управления земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии правительственные органы страны в июне 1915 г. согласились с необходимостью создания на территории сопредельных Канского и Нижнеудинского округов Енисейской и Иркутской губерний соболиного заповедника, получившего название «Саянский». Его руководителем был назначен А. Г. Лепп, были выделены средства на содержание охраны заповедника из лесного кондуктора и трех стражников [6]. Позже в 1917 г. был организован Байкальский соболиный заповедник, который многие авторы ошибочно называют первым в России соболиным заповедником. Создание соболиных заповедников в условиях первой мировой войны, свидетельствовало о понимании государственными органами важности соболиного промысла для экономики и финансовой системы страны.

Но в условиях последующих революционных потрясений и гражданской войны, заповедник «Саянский» фактически прекратил свое существование.

На его территории развернулась истребительная по характеру добыча соболей.

В своей работе мы поставили задачу выяснить, как в Приенисейском регионе в последующий почти столетний период создавались заповедники и заказники и какую роль они сыграли в сохранении флоры и фауны региона.

Борьба за выживание в годы гражданской войны, допуск частных предпринимателей к скупке пушнины в годы новой экономической политики привели к значительному сокращению численности пушных зверей и копытных животных в регионе. Летом 1924 г. предприниматели из Средней Азии скупали на территории от Читы до Красноярска более 200 000 белок, которые были добыты в летнее время [7]. В 1924–1926 гг., из-за чрезмерного повышения цен на беличьи шкурки заготовительными организациями и частными лицами, белка была истреблена в районах Енисейского Севера. Из-за ее уничтожения в стадии беременности, в 1927 г. она встречалась в единичных экземплярах.

Восстановление популяций ценных пушных зверей, по мнению многих специалистов в области охотничьего хозяйства, было возможно только за счет создания заповедников и заказников. Поэтому Иркутский губернский отдел Всероссийского кооперативно-промыслового союза охотников в мае 1924 г. обратился к своим красноярским коллегам с предложением совместно ходатайствовать перед Наркоматом земледелия РСФСР о восстановлении заповедника «Саянский» [8]. Он был восстановлен только в 1939 г. и просуществовал до начала 50-х гг.

Тогда же, в 1924 г. Красноярский губернский отдел Всероссийского кооперативно-промыслового союза охотников выступил с предложением создать в Хатангской тундре заказник для восстановления численности голубого песца [9]. А 30 июня 1925 г. решением Енисейского губернского исполнительного комитета недалеко от Красноярска был создан природный заповедник «Столбы», который был призван охранять уникальный природный комплекс со знаменитыми скальными массивами.

Руководство Туруханского союза интегральных кооперативов для восстановления запасов белки и других пушных зверей в районах Енисейского Севера в сентябре 1928 г. предложило организовать заказники размером 50 квадратных верст на промысловых участках коренного населения и 150 квадратных верст на участках русских охотников [10]. Это было вполне логичное, но, скорее всего, невыполнимое

предложение, так как в промысловых районах еще не было проведено землеустройство с разграничением родовых угодий и угодий конкретных охотников. Туруханский союз интегральных кооперативов не имел необходимых для проведения этих работ кадров и финансовых средств.

Более реальным средством борьбы за восстановление популяций голубого песца и белки в этих условиях было наложение на охотников крупных штрафов за оставление на охотничьих участках в летний период настороженных плашек и пастей, за добычу не вылинявших зверей, с передачей дел по случаям злостного браконьерства в суд [11].

Систематическая работа по организации охраняемых территорий в Енисейском регионе была развернута после образования в 1934 г. Красноярского края. Президиум исполкома Краевого совета депутатов трудящихся на заседании 23 апреля 1935 г. потребовал от исполнительных комитетов районных советов создать в долинах рек, через которые весной шел перелет водоплавающей птицы заказники для охраны не только ее, но гнездящейся в этих местах боровой дичи [12].

Краевому совету депутатов трудящихся пришлось заниматься решением вопроса о статусе заповедника «Столбы», пригородная часть которого рассматривалась красноярцами как традиционное место отдыха. В январе 1936 г. Президиум крайисполкома утвердил Положение о заповеднике «Столбы», которое допускало посещение пригородной части горожанами и проведение здесь организованных экскурсий [13]. Для облегчения доступа в заповедник осенью 1936 г. были выделены средства на строительство в заповеднике дороги [14]. В связи со значительными затратами на содержание заповедника Красноярский городской совет народных депутатов осенью 1938 г. стал инициатором обращения в СНК РСФСР с просьбой о признании его заповедником республиканского значения с передачей финансирования Комитету по заповедникам при Президиуме ВЦИК [15].

В годы Великой Отечественной войны вопросы работы заповедников и заказников не входили в число приоритетных. Но в отчетной ведомости Красноярского краевого управления по делам охотничьего хозяйства за 1945 г. было указано, что в крае продолжали работать заповедники «Саянский» и «Столбы» и один заказник местного значения [16].

Послевоенный период характеризовался ужесточением контроля за соблюдением правил охоты, введением запретов на добычу некоторых видов пушных

зверей, копытных животных и промысловых птиц, принятием мер по восстановлению их численности. Однако четких представлений о создании и работе заказников в это время не существовало. В отчетных данных краевого управления по делам охотничьего хозяйства за 1947–1949 гг. было указано на существование в крае пяти заказников, расположенных на площади 159 000 га. В 1948 г. на месте выпуска бобров, завезенных из Белоруссии, в крае был создан первый бобровый заказник на р. Большой Кемчуг в Емельяновском районе [17]. Но в отчете за 1950 г. уже было указано, что заказников в крае нет. А в отчете за 1951 г. приведена информация о создании и работе только одного заказника [18].

В дальнейшем проведение работ по акклиматизации бобров заставило создать целую сеть бобровых заказников. К концу 70-х гг. в крае функционировали шесть бобровых заказников и восемь, созданных в разные годы, комплексных заказников местного значения. К числу бобровых заказников относились Кандатский, Кемский, Пойменский, Причулымский, Убейско-Салбинский и Хабыкский. В июле 1980 г. срок действия бобровых заказников и комплексных заказников местного значения был продлен еще на 10 лет [19].

Работа по организации заповедников и заказников в Красноярском крае активизировалась после провозглашения в начале 70-х гг. основных направлений государственной политики охраны природы и рационального использования природных ресурсов. В июле 1975 г. исполком краевого совета народных депутатов обратился к правительству РСФСР с предложением создать на Таймыре Таймырский государственный заповедник для сохранения ландшафтных эталонов тундровой зоны севера Красноярского края. Для сохранения в тундре редких и исчезающих видов животных предлагалось создать государственный заказник республиканского значения «Пясинский». Основанием для этого было ходатайство Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР, разработавшего проект организации заповедника. Правительственное решение о его создании было принято в феврале 1979 г. [20].

Следует отметить, что и в последующие годы принимались активные меры по охране зверей и животных Енисейского Севера с его уязвимыми экологическими системами. Так в марте 1981 г. в Туруханском районе был создан комплексный заказник Туруханский [21]. В июне 1983 г. крайисполком принял

решение о создании в районе выпуска овцебыков, завезенных с севера США и Канады, государственного комплексного заказника краевого значения «Бикада» [22]. В апреле 1984 г. на Таймыре началось формирование заказника республиканского значения «Путоранский», на базе которого в 1988 г. был создан Путоранский государственный природный заповедник. На его территории обитали северные олени и путоранский подвид снежного барана [23].

В апреле 1984 г. исполкомом было принято решение об организации в зоне средней тайги в устье р. Подкаменная Тунгуска при ее впадении в Енисей Центральносибирского государственного заповедника. Принятие срочных мер по введению режима заповедности объяснялось тем, что леса этой зоны входили в лесосырьевую базу Подкаменно–Тунгусского леспромхоза, который уже вел активные рубки в сопредельной зоне. Здесь было выявлено более 40 видов млекопитающих, более 200 видов птиц и более 1000 видов редких растений. Центральносибирский заповедник создавался с перспективой перевода в биосферный заповедник, который со временем должен был занять свое место в перечне заповедников планеты, утверждаемом ЮНЕСКО [24]. Во второй половине 70-х гг. в магистральной части края после начала заполнения водохранилища Саяно–Шушенской ГЭС был создан Саяно–Шушенский заповедник. В 1985 г. он получил сертификат о включении в список биосферных резерватов ЮНЕСКО.

В крае в 70-е гг. также шел процесс создания заказников с разным статусом и предназначением. В Сухобузимском районе был создан заказник местного значения для охраны природы вокруг оздоровительного комплекса Красноярского алюминиевого завода на р. Бузим, в Минусинском районе — заказник «Большой Кызыкуль» для охраны одноименного озера и окружающих его лесов, в Ширинском районе — комплексный заказник «Июсский» для охраны исторического и природного наследия района [25].

В начале 80-х гг. в крае впервые было создано несколько краевых биологических заказников по охране лекарственных растений, таких как пион уклоняющийся, брусничник и толокнянка [26]. К сожалению, как показала практика, на неохраняемых территориях продолжалась заготовка лекарственных растений, которая имела уничтожающий характер. К лету 1985 г. 38 видов лекарственных растений находились под угрозой уничтожения. В Ермаковском и Шарыповском районах к этому времени была почти полностью уничтожена левзея сафлоровидная,

единственное лекарственное растение на территории края, занесенное в Красную книгу [27].

Начало 80-х гг. ознаменовалось появлением новой категории охраняемых объектов и территорий под названием государственных памятников природы краевого значения. В марте 1981 г. по предложению исполкомов ряда городских и районных советов народных депутатов в крае был утвержден Перечень государственных памятников природы Красноярского края. В него, наряду с другими природными объектами, было включено озеро Учум, с прилегающей зеленой зоной в Ужурском районе, сосновый бор на правом берегу Енисея в Туруханском районе, Попигайское геологическое обнажение в Хатангском районе. Это дало возможность наладить охрану объектов, отнесенных к памятникам природы, от уничтожения в процессе хозяйственной деятельности.

В декабре 1983 г. по ходатайству Шарыповского и Иланского районных советов народных депутатов вышеназванный Перечень был расширен за счет внесения в него озер Инголь и Цинголь, расположенных на территории Шарыповского района и урочища «Таежного» в Иланском районе [28].

В декабре 1985 г. крайисполком дополнил перечень государственных памятников природы Красноярского края, внося в него еще 8 объектов. Среди них были знаменитые Суломайские столбы на р. Подкаменная Тунгуска, места произрастания реликтовых лекарственных растений сныти европейской и эфедры, соответственно, в Ермаковском и Канском районах [29].

Последнее в советский период уточнение Перечня природных объектов, отнесенных к государственным памятникам природы, было произведено крайисполкомом в январе 1991 г. В него было добавлено 16 природных и один рукотворный объект. В список вошли сосновые и лиственничные насаждения, произведенные в прибрежной полосе р. Чулым еще в 1886 и 1987 гг., семь родников в Ужурском районе, черная береза в Абанском районе и Обь — Енисейский соединительный канал, поостренный еще в XIX в. Создание и расширение Перечня государственных памятников природы Красноярского края позволило поставить под защиту и сохранить от уничтожения уникальные природные комплексы и объекты. Хотя при работе с ними существовало много вопросов, требующих решения.

Во второй половине 80-х гг. в крае, в соответствии с решением крайисполкома от 14 января 1987 г. стали создаваться государственные зоологические заказники в целях сохранения, воспроизводства промысловых

зверей, животных, птиц, рыб вместе со средой их обитания, а в ряде случаев еще и в целях создания условий для акклиматизации ценных пушных зверей. В местах проживания кетов в Туруханском районе был создан зоологический заказник республиканского значения «Елогуйский». В Богучанском районе был создан зоологический заказник краевого значения «Микчанда», в Ирбейском районе был организован зоологический заказник «Тайбинский». В 1988 г. к государственным зоологическим заказникам краевого значения добавились заказники «Пуринский» и «Березовский» в Шарыповском районе. Их создание было обусловлено развертыванием работ по освоению угольных ресурсов КАТЭКа [30].

Таким образом, к концу советского периода в крае сложилась система охраняемых территорий, включающая в себя заповедники, комплексные, зоологические, биологические заказники разного уровня и государственные памятники природы Красноярского края.

После разрушения СССР в Российской Федерации происходило переосмысление природоохранной политики государства. Однако оно осознавало необходимость развития системы охраняемых территорий в крае. В 1993 г. было принято правительственное решение о создании на Таймыре Большого Арктического государственного природного заповедника. В 1995 г. в Эвенкийском автономном округе в центральной части Средне-Сибирского плоскогорья начались работы по организации Тунгусского государственного природного заповедника. В 1995 г. был учрежден первый в крае национальный парк «Шушенский бор». Через десять лет в 2005 г. в центральной части Западного Саяна был организован национальный парк краевого значения «Ергаки».

В 2015 г. в Красноярском крае функционируют 7 заповедников, 2 природных парка разного уровня подчинения, 3 государственных природных заказника федерального значения, 27 государственных заказников краевого значения.

Список литературы:

1. Степанов А. П. Енисейская губерния. – Красноярск: «Горница», 1997. – 223 с.
2. ГАКК. (Государственный архив Красноярского края). – Ф. 31. (Фонд Енисейского губернского статистического комитета) – Оп. 1. Д. 13. Л. 57, 446.
3. ГАКК. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. Л. 241, 405.
4. Тугаринов А. Я. Соболь в Енисейской губернии (современное состояние и значение соболиного промысла). – Красноярск: Тип. М. И. Абалакова, 1913. – 20 с.
5. ГАКК. – Ф. 31. Оп. 1. Д. 115. Л. 102; Результаты промысловой охоты в Енисейской губернии в 1911 г.// Памятная книжка Енисейской губернии на 1913 год/издание Енисейского губернского статистического комитета. – Красноярск: Енис. губ. тип., 1913.– С. 182.
6. ГАКК. – Ф. 401. (Фонд Управления земледелия и государственных имуществ) – Оп. 1. Д. 281. Л. 1.
7. ГАКК. – Ф. Р–963. (Фонд Енисейского губернского кооперативно-промыслового союза охотников) – Оп. 1. Д. 31. Л. 20.
8. ГАКК. – Ф. Р–963. Оп. 1. Д. 76. Л. 236.
9. ГАКК. – Ф. Р–963. Оп. 1. Д. 76. Л. 129.
10. ГАКК. – Ф. Р–1845. (Фонд Красноярского комитета содействия народностям Енисейского Севера) – Оп. 1. Д. 21. Л. 122.
11. ГАКК. – Ф. Р–963. Оп. 1. Д. 76. Л. 129.
12. ГАКК. – Ф. Р–1386. (Фонд Исполнительного комитета Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся) Оп. 1. Д. 500. Л. 35.
13. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 518. Л. 137.
14. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 532. Л. 31.
15. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 638. Л. 177.
16. ГАКК. – Ф. Р–1887. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.
17. ГАКК. – Ф. Р–1887. Оп. 2. Д. 5. Л. 110.
18. ГАКК. – Ф. Р–1887. Оп. 2. Д. 3. Л. 2; Д. 4. Л. 3. 61; Д. 5. Л. 4; Д. 6. Л. 4.
19. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 5801. Л. 75–82.
20. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 4990. Л. 103, 104.
21. ГАКК. – Ф. Р–1386. Оп. 1. Д. 6747. Л. 227.

22. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6521. Л. 20.
23. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6738. Л. 116.
24. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6747. Л. 227, 231.
25. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 4915. Л. 175; Д. 5294. Л. 250; Д. 5820. Л. 204.
26. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6308. Л. 236–239.
27. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 6593. Л. 101.
28. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7015. Л. 104.
29. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7114. Л. 199.
30. ГАКК. – Ф. Р-1386. Оп. 1. Д. 7459. Л. 24, 32, 36.

*Ibragimova Meruert Nurhjigitovna,
Nusupbaeva Saltanat Adirovna,
Toyshubekova Zhulduz Klubbekovna,
al-Farabi Kazakh National University, teachers of history,
the Faculty of Pre –University education
E-mail: ibragimova.meruert@mail.ru*

The hiker Amir Timur to Mogolstan

Abstract: In the beginning of the XIIIth century they began to recover from mongol invasion, but in the second half of the XIVth century because of Master Temir's military campaign tribes settled in Kazakhstan became alienated. Military campaigns carried out by Temir and his generation uncoordinated ethnic groups who lived in Kazakhstan.

Keywords: source, dynasties, Amir Timur, Mogolstan.

The main objective of the research is to study thoroughly Timur's campaigns on the basis of the Timur works.

Before speaking about Amir Timur's and his descendants' campaigns let's give short information on Amir Timur himself.

Amir Timur was the ruler who terrified whole Medieval Central Asia was from Mongol Barlas tribe. He was born in 1336 (in the year of mouse) on April 9 in Xodji Ilgar village near Kesh (Shakhrisayabz). He was Taragai's son from the first wife Tekin Khatun. Taragai wasn't Kesh's owner and the head of the Barlas tribe [1, 189].

Amir Timur Bin Bakhadur (1335–1405) was popular twice in his life. The first period covers 1360–1386. During that period Timur struggled for the creation of a strong centralized state that independent on Mughal era Khanate in Mawarannakhr. Timur's second era began in 1386 and completed in 1402. In this Timur's era differed from the so-called three-year, five-year, seven-year raids [2, 15].

Timur created the dynasty which not belonged to Chingiz in the country and he was the first ruler of Mawarannakhr from Turk-Mongol beks [3, 30]. He was tall, handsome and slim, according to Ibn Arabshakh who knew Amir Timur well, characterized him as the person who has strong physical strength and courage. Timur didn't fear death, moved forward. He was solely

at the risk of danger, he became the 26-year-old handicapped person. As a result of his injury in Seistan he couldn't move his right arm wrist because of his injured two fingers. But his shoulder joints were better. His right leg didn't become straight, that's why its length was shorter than the left leg's.

After that injury Timur Temurleng had got nickname *Lame Timur* ("lame" in Persian – *Leng*, and the Turkish – *Aqsa*), European name is *Tamerlan* [1, 190].

According to T. I. Sultanov's words, Timur took only position of Amir, never considered himself as a Khan, he gave throne to so called khans from Genghis Khan's descendants and called himself "joint owner". According to V. V. Bartold's words, the position "Timur Khan" in some documents was made up by his followers. Amir Timur called himself "Amir Timur Gurgan" in his coins and letters for foreign monarchs. Amir is an Arabic word that corresponds to the Turkish "ben" and in Mongol means "musketeer". Gurgan is a Mongolian word means "groom". It was given to the person who married to girls of Genghis's descendants. Timur's sons were the position of Lords (the amirzade — "Amir's son").

The slogan of Timur's guiding idea of the power was "rasti va rusti" in Persian ("Justice and power"). That slogan was set on Timur's seal ring [1, 190–191]. In the 70–90-years of the fourteenth century Amir Timur

had more than a dozen campaign to East Deshti Kipchak, Zhetisu and Tien-Shan.

In March 1370, Timur with his well-armed troops went from Kesh to Balkh and surrounded it. Mawarannakhr's ruler Amir Husain was killed. After those events Amir Timur's political position became strong in the state. Because at that time there wasn't any solid person in Mawarannakhr [4, 14].

During his 35-year reign Timur stopped political divisions in Mawarannakhr and he founded the "Iron State" which got the level of Empire. Amir Timur conquered Mughalstan, Khorezm, South Kazakhstan, Iran, Turkmenistan, Khorassan, Badakshan, North Afghanistan. As well as he had several successful campaigns to Ottoman Turks, the Golden Horde, India. Also he arranged military campaigns to Khorezm 7–8 times, 4 times to the Golden Horde, to India 2 times, to the Ak Orda 2 times, to Mughalstan 13 times. Timur had foreign booty in other peoples and countries [5, 18]. The first victims of his aggression were the peoples of the South East Kazakhstan, Kyrgyzstan (Mughalstan) and the East Deshti Kipchak (Ak Orda).

K. A. Pishulina in her works compares data on Amir Timur's changing goals and objectives regarding Mogolstan in the fourteenth century and the consequences of Timur's campaigns to Mogolstan's political, cultural and economic life. "This should be kept in mind that the Timur's data is the only source of information of that time. There were not only described military campaigns, as well as South East's situation", tells K. A. Pishulina and reminds that it should be careful to such works to protect the interests of Timur's and his descendants [5, 63]. Of course, there were works written by Timur's order at his Palace that's why they require accuracy on using information from them.

Most of the data shows that Timur's campaigns to Mawarannakhr as robbing Mogol Amirs. However, this does not correspond to reality. Nizam-ad-Din Shami in his works told about Kepek Timur and Uzbek Timur Mogol Amirs' campaigns. Also he told about Timur's against campaign in 773 (1371–1372). Mohammed Haidar considers that Timur didn't go himself at his first campaign to Mogolstan. Kereit Uzbek sent troops against Timur and they approached to Almalyk. They fought Kereit tribe, but that fight was ended by peaceful agreement. Muyin ad-Din Natanzi and Mirkhond informed that Mogol Amirs' campaigns to Mawarannakhr had been the basis of Timur's responsible campaign [5, 63].

Timur wasn't satisfied by peaceful agreement with Kereits and decided to run his troops to Mogolstan himself.

There was contradiction on data about his the first campaigns. Shami told that the troops against Mogol Amirs had gone up them to Segiz Agah near IssykKul [6, 64]. When the authors were analyzing the results of campaigns they had similar opinions. That campaign was exploration of future campaigns. S. Joldasbayuly shows that Amir Timur's campaign in 1375–1377 was his first campaign to Mogolstan [7, 111]. In 1375 Timur went through the South Kazakhstan which was one of Mogolstan's part, caught up Mogol armies on Sharyn River, he hit them hard. Timur's historiography Muyin ad-Din Natanzi describes Timur's purpose of that campaign as an invasion [8, 65]. According to one of Timur's historiography Sherefaddin Ali Iazdi's words, that campaign was the third campaign of Timur [9, 383]. Timur had been living in Samarkand two months since cold weather had turned warm. According to Muyin ad-Din Natanzi's information, at that time Mogolstan's other commanders went to Mawarannakhr to conquer, they didn't obey the supreme ruler of the country Kamar ad-Ding.

Not being informed Timur couldn't hit unexpectedly Kamar ad-Din's soldiers. When Mogol ruler heard of Timur's campaign, he hid in human foot stainless land Aryshlar (in "Tarikhi Rashidi") or Berke Gyuran (in other works). V. V. Bartold revealed that place was in the Charyn River gorge. "That place is out of the legs of a man, called Berke and Gyuran canyon, there are 3 big rivers there. Kamar ad-Din went through both, then stopped at the third, and closed the crossings" [10, 69]. The troops led by Zhakhangir came there. There was battle then Mogol troops fled in the direction of Ili River. The next day Timur sent troops in order to catch up Mogols on Ili River, where they plundered them down.

According to Muyin ad-Din Natanzi's information, Timur's troops went back from Ili River, Kamar ad-Din defected to Three (Three Turfan in the East Turkistan). Amir sent winner soldier with Zhakhangir in order to arrest Kamar ad-din. All the authors noted that Zhakhangir had brought to Timur as a trophy "prisoners, horses and sheep".

Timur's campaign in 1376 was a failure. The reason was that when Timur went to Khoesm the rebellion had been arranged by 30 thousand troops sent to Mogolstan. However, the rebels failed without achieving to Samarkand. Amir Timur's anger regarding Mogolstan was stronger than before. Timur attacked again in 1377, at that battle Kama ad-Din Abakum lost and run away. Amir Timur's historians told a lot about the battles with Kamar ad-Din. They called those battles "against the Mogol Ulus", "against Zhete Ulus" in their works.

Timur's historians exaggerated Timur's defeat in the campaigns against Kamar ad-Din. However, Timur couldn't remove Kamar ad-Din's troops at once and it shows that Kamar ad-Din's troops were very strong. Because of Kamar ad-Din lost his main strength and Mogolstan, he wasn't able to get an army together for a long period of time. Because of several defeats with Timur Kamar ad-Din lost his face as a head of Ulus. That caused turmoil among the tribes and Timur could win Zhetysu nations by one.

Amir Timur's main goal was to sign up Mogolstan upside down. Therefore, when he arrested Kamar ad-Din he had suffered significant losses. Neither less Timur repeatedly went camping with his children.

In conclusion, Timur's campaigns annoy nomad people. His robberies in the conquered countries and brutal oppression of the people violated the country's turmoil. Also Timur's historians noted that Amir Timur had been very strict regarding conquered public, including the mass extermination of civilians. Timur's historians wrote too much false information, but you can

find the truth behind it. Therefore, as a result of depth comparison and analysis of these works can be converted into valuable data.

Amir Timur didn't only conquered, but also took good measures to improve the condition of conquered countries. For example, in 1397 he founded the mausoleum Kozha Akhmet Yassau in the city of Turkestan in the South of Kazakhstan. Also he made good contribution to the construction of other buildings.

Amir Timur's campaign in 1405 was aimed at China. On the way to China he died in Otyrar (the city of South Kazakhstan). After his death Timur's descendants started to fight for the throne. Because of it, the State was collapsed. He is characterized as a talented military leader and a strong politician in the history of the world. His cruelty is described in the history of the occupied countries. But Turk, Persian, Arabic culture and art representatives, scientists and thinkers were supported by Amir Timur. Therefore, we consider for such great person it is required the comprehensive study, comparing the different data.

References:

1. Sultanov T.I. Genghis Khan and Chingisids. – M., 2006.
2. Muminov I. The position and the role of Amir Timur's in the Middle Asian history. – T., 1993. – 15 p.
3. Sultanov T.I. Timur and his Empire. – A., 2004. – P. 30.
4. Mukhammodzhanov A. R. Triumph of Timur and Timur's descendants. Historical essays. – T., 1996, – 14 p.
5. Pishulina K.A. South-East Kazakhstan in the middle of XIV – the beginning of the XV century. (Questions regarding the political and social and economic history). – Alma-Ata, 1977.
6. Shomi Nizomiddin. Zafarnoma. Translation by Yu. Khakimzhanov and A. Urinboyev. – T., 1996. – 528 p.
7. Zholdasbayuly S. Ancient and medieval Kazakhstan. – A., 1995. – 176 p.
8. Sharafuddin Ali Yazdi. Zafarnoma. Suz boshi, tabdil: B. Ashpulatov. – T., 1997, – 383 p.
9. The collection of materials regarding History of the Golden Orda, T. II, V. Extracts from Persian essays collected by V.G. Tizengauzen, worked out by A.A. Romaskevich and S.L. Volin. – Moscow-Leningrad, 1941. – 308 p.
10. Sharaf ad-Din ali Iezdi. Suz boshi, tabdil, izohlar va kursatkichlar mualliflari: B. Eshpulatov. – Tashkent, 1997. – P. 383.
11. Bartold V.V. Works on Source Studies./V.V. Bartold. Essays. T. VIII. – M., 1973. – 723 p.

*Mozgovoi Sergej Grigorievitch,
Far Eastern Federal University,
assistant professor,
Arsenyev Technological Institute
E-mail: mozgovoi.sergej2012@yandex.ru*

Social and political context prince Dmitriy Vichnevetsky activities

Abstract: Some social and political foundations of a prince Dmitriy Vichnevetsky military and political activities, which are determined by the historical period peculiarities. The main stages of a prince activities are called.

Keywords: administrative ruling system, military and political growth strategy, strong point, cross-area.

Мозговой Сергей Григорьевич,
Дальневосточный федеральный университет,
доцент, Арсеньевский технологический институт
E-mail: mozgovoi.sergej2012@yandex.ru

Социально-политический контекст деятельности князя Дмитрия Вишневецкого

Аннотация: В статье обозначены некоторые социально-политические основания военно-политической активности князя Д. И. Вишневецкого, определяемые особенностями данного исторического периода. Названы основные этапы деятельности князя.

Ключевые слова: система административного управления, стратегия военно-политического роста, опорная точка, перекрестное поле.

Личность князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого (1517/1518–1563 гг.) занимает исключительное место в истории Польско-Литовского государства, России и Османской империи. «Князь, знаменитый вождь казаков и гроза татар» [1, 165–166], еще при жизни, превратился в знаковую фигуру политической жизни Юго-Восточной Европы. А по прошествии некоторого времени после своей гибели, «Байда-Вишневецкий» стал эпическим персонажем народных сказаний и песен. Подобную историческую роль представитель рода Гедиминовичей сыграл, как в силу незаурядных личностных данных, так и ввиду сложившихся исторических обстоятельств.

Жизнь и деятельность Дмитрия Вишневецкого подробно описана во многих исторических исследованиях (в числе основных источников см.: [2; 3; 4, 38–64; 5, 41–61; 6, 185–193; 7, 72–80]). Целью представленной работы является исследование социально-политического контекста формирования и развития личности князя. Данная цель предполагает решение следующих задач:

1. Описание качеств личности Д. Вишневецкого, имеющих отношение к поставленной цели;
2. Определение показателей социально-политической роли князя во взаимодействии с казачеством;
3. Выявление последовательных этапов «программы» развития политической активности князя;
4. Обозначение параметров опорных пространств деятельности основных политических субъектов в рассматриваемый период.

Психотип личности Дмитрия Вишневецкого складывался в конкретных условиях формирования польско-литовского феодализма середины XVI века — развития разных форм земельной собственности, борьбы группировок знати за вольности и свободы

с центральной властью и между собой, устремлений знати подчинить своей воле простолюдинов и военной активности как внутри страны, так и за ее пределами. Будучи дворянином-шляхтичем, Вишневецкий выступает вполне типичным носителем образа польско-литовского аристократа. Исторические источники — летописные [8: 275–277, 281, 286, 288, 292, 296; 9: 315, 318, 320, 324, 339, 341, 343; 10, 112–113] (исчерпывающую библиографию летописных источников см.: [2, 11]), литературно-исторические [11, 143–145; 12: 689, 695, 701, 703, 710–711] и делопроизводственные [13, 76–105; 14: 530–531, 541–543, 546–549, 585, 613–614; 15: 64, 156, 211] (библиографию см.: [2: 13, 15]) рисуют облик личности, совмещающей достаточно противоречивые психологические характеристики. В своей экономической, административной и военной деятельности, князь Дмитрий проявляет себя, как корыстный феодал, жестоко угнетающий зависимое от него население, но более материального, ценящий честь, достоинство и веру; умелый военный организатор, но слабый администратор; талантливый военачальник, но склонный служить тому сюзерену, которому служить более выгодно.

Дмитрий Вишневецкий действует в период, когда в Польско-Литовской конфедерации сформировалась система административного управления развитого феодального государства, но на окраинах государства еще далеко не сложилась сословная стратификация. Происходили процессы противоречивого взаимодействия мелкопоместной шляхты и крестьянства. Пограничный землевладелец был глава хозяйственной ассоциации и вместе с тем — предводитель боевой дружины [16, 39]. Потому, получив в управление-кормление староство Черкасское и Каневское, Вишневецкий — типичный мелкий шляхтич, обрел обширные властные полномочия над крестьянами, мещанами и казаками на территории староства.

Тем не менее, интенсивная эксплуатация административно подчиненного населения преследовала цели не только личного обогащения, но и накопления ресурсов для ведения войны против агрессивных соседей, прежде всего, крымских татар [2, 81–82]. Концентрация материальных ресурсов обеспечивала привлечение людских ресурсов, главным образом из числа казаков. Последние выступали, одновременно, как наемники военного руководителя – «кондотьера» [4, 38] и как самостоятельная сила с собственными интересами, с которыми должен был считаться всякий пограничный староста [17, 188]. Приграничное положение староства подвергало угрозе экономическую жизнь территории, но открывало большие перспективы для проявления военной доблести и выстраивания особой жизненной стратегии военно-политического роста.

Опираясь на исторические работы, прежде всего на обобщающее исследование О. Ю. Кузнецова, можно выделить стадии развертывания военно-политической стратегии князя. Первой стадией надо назвать создание боевого подразделения, способного воевать в соответствии с достижениями польско-литовского военного искусства. К таким достижениям следует относить военную тактику Бернарда Иоганна Претвича [2, 76–77; 18, 55–56]. Второй стадией является основание крепости — опорной точки отряда Вишневецкого на острове Хортица, затем дополненной базой снабжения на Монастырском острове, где располагался арьергард Вишневецкого [2, 187]. Вишневецкий был первым, кто привязал казаков к определенной территории, основав казацкую твердыню [3, 22]. Третья стадия, определенно, должна была включать создание либо собственного староства на левобережных землях Днепра, на территории Дикого поля [2, 108], либо образование автономного государственного образования на территории пограничных литовских воеводств, пограничных земель Крымского ханства и нейтральной территории Дикого поля [2, 182].

Как видно, обозначенные границы примерно соответствуют будущей территории — области Запородской сечи, Запорожья (см.: [19, 13–25]). Смерть князя помешала осуществлению данного плана. Помимо

названных намерений, Б. Сушинский допускает возможность вокняжения Дмитрия в Киеве с воссозданием Киевского княжества, в финале военно-административной деятельности Вишневецкого [5, 60]. В пользу наличия подобных планов косвенно свидетельствует намерение князя Дмитрия захватить молдавский престол [2, 191–198; 10, 112–113]. Вполне вероятно, что овладение Молдовой могло стать началом завоевательной эпопеи, завершенной в Киеве созданием независимой Украины от Карпат до низовий Днепра.

Успешное начало мероприятий Дмитрия Вишневецкого во многом обусловил правильный выбор опорной точки военно-политической активности. В среднем течении Днепра в начале XVI образовалось геополитическое перекрестное поле — пространство, на которое претендует несколько сопредельных государств [20, 32–34]. Помимо польских форпостов — Канева и Черкасс, усилиями Вишневецкого, там возникли казацкие укрепленные пункты на островах Хортица и Монастырский. Кроме того, в устье Псела появился Новый город на Псле, или Псельский город, ставший базой снабжения русской армии [21: 85, 87, 94, 97]. Военная активность Дмитрия Вишневецкого во взаимодействии с русскими войсками, привела к освобождению от крымских татар Северного Причерноморья и изоляции татар в Крыму. Но, в начале 60-х гг. все военно-политические преимущества России в данном регионе были утрачены [12, 710–711; 2: 150, 177].

Уход с исторической арены князя Дмитрия Ивановича Вишневецкого все же не означал прекращение дела восстановления исторической активности русского народа в Польско-Литовском государстве. Традиция борьбы за историческое самоопределение, временно прерванная в Малой Руси на западе региона в XV в., возродилась в Малороссии на востоке в XVI веке, с появлением «блуждающей опорной точки» в виде Запорожской Сечи. Как справедливо заметил А. Винар, оборонительная борьба против татар, вскоре превратилась в наступательные действия на татарские владения и колонизацию новых земель [3, 17]. Началась новая историческая эпоха Украинской истории.

Список литературы:

1. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. 3. – М.: ЭКСМО, 2004.
2. Кузнецов О. Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д. И. Вишневецкий. – М.: Флинта, Наука, 2013.
3. Винар Любомир Р. Князь Дмитро Вишневецкий. – Мюнхен, 1964.
4. Лемерсье-Кельеже Ш. Литовский кондотьер XVI в. – князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов. // Франко-русские экономические связи. – М., Париж, 1970.

5. Сушинський Богдан. Дмитро Вишневецький. Князь, засновник запорізької фортеці, гетьман запорізького козацтва. // Козацькі вожді України. Історія України в образах її вождів та полководців XV–XIX століть: історичні есе у 2-х томах. Т. 1. – Одеса: БМВ, 2004.
6. Котляр Микола. Дмитро Байда-Вишневецький. // Історія України в особах IX–XVIII ст. – Київ: Україна, 1993.
7. Komuda Jacek. Dymitr Wisniowieski, zwany Bajda, starosta Czerkaski i Kaniowski. // Hetmani zaporoscy w sluzbie krola i Rzeczypospolitej / pod redacją P. Krolla, M. Nagielskiego, M. Wagnera. – Zabrze, 2010.
8. Лѣтописный сборникъ, именуемый Патріаршею или Никоновскою лѣтописью. // ПСРЛ. Т. тринадцатый. Первая половина. – С.-Петербургъ, 1904.
9. Дополненія къ Никоновской лѣтописи. // ПСРЛ. Т. тринадцатый. Вторая половина. – С.-Петербургъ, 1906.
10. Хроники: Литовская, Жмойтская, и Быховца. // ПСРЛ. Т. 32. – М., 1975.
11. Лызов Андрей. Скифская история. – М.: Наука, 1990.
12. Татищев Василий. История Российская. Т. 3. – М.: АСТ, 2003.
13. Архивъ Юго-Западной Россіи. Ч. VII. Т. 1. Акты о заселеніи Юго-Западной Россіи. – Киевъ, 1886.
14. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. пятьдесятъ девятый. – С. Петербургъ, 1887.
15. Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго общества. Т. семьдесятъ первый. – С. Петербургъ, 1892.
16. Кулишъ П. А. Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340–1654). Т. первый. – М., 1888.
17. Ефименко А. Я. История украинскаго народа. Вып. первый. – С.-Петербургъ, 1906.
18. L [ubomirski] J. T. Bernard Pretwicz i jego apologia na sejmie 1550 roku.
19. Яворницький Д. І. Історія запорізьких козакі в. У трьох томах. Т. перший. – Львів: Світ, 1990.
20. Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен. // Международная жизнь. – 1994. – № 10.
21. Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. 1. – М.: АН СССР, 1975.

*Prishchepa Tetyana Mukolaevna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: Prishchepa_Tania@ukr.net*

The military ministers of Bulgaria: the students of the educational institutions of the Russian Empire (1879–1915)

Abstract: This article explores the main features of the professional training Bulgarians at the military educational institutions of the Russian Empire. It is proved the preconditions of training of future the military ministers of Bulgaria at educational institutions of the empire.

Keywords: Principality of Bulgaria, Russian Empire, military educational establishments.

*Прищепя Татьяна Николаевна,
Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко,
аспирант, исторический факультет
E-mail: Prishchepa_Tania@ukr.net*

Военные министры Болгарии – воспитанники учебных заведений Российской империи (1879–1915 гг.)

Аннотация: В статье исследуются основные особенности профессиональной подготовки болгар в военных учебных заведениях Российской империи. Обоснованно предпосылки обучения будущих болгарских министров в учебных заведениях империи.

Ключевые слова: Княжество Болгария, Российская империя, военные учебные заведения.

Подготовка будущих болгарских государственно-чиновнических кадров в учебных заведениях Российской империи особого значения приобретает после

завершения русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В это время происходит процесс возрождения болгарской государственности, возникает вопрос

формирования нового болгарского государственного и административного аппарата. В отечественной историографии указанная проблематика исследуется преимущественно в общем направлении болгарско-украинских или болгарско-российских культурных, научных связей. Так, П. С. Сохань исследуя украинско-болгарские связи, большое внимание уделяет вопросу обучения болгарских студентов в учебных заведениях империи [1]. Более основательно вопрос подготовки болгарской молодежи в учебных заведениях Российской империи раскрыли болгарские историки Р. В. Манафов и И. Д. Танчев [2, 3].

По окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Одной из основных проблем Княжества Болгария было отсутствие национального государственного-чиновнического аппарата. Поскольку свои учебные заведения на территории Болгарии только начали открываться, то основными центрами профессиональной подготовки болгарской молодежи были образовательные учреждения Российской империи [4, 192]. Стоит отметить, что формирование болгарской администрации началось еще во время войны. Эта задача была возложена на деятельность администрации князя В. Черкасского [5, 27].

В конце XIX века в Российской империи были разработаны особые правила для зачисления в учебные заведения студентов иностранцев с Балкан. Так, 24 апреля 1897 г. Комиссией по образованию в России южных славян были выработанные правила выбора и рекомендации славянских уроженцев в русские учебные заведения. Все прошения с ходатайствами о принятии в русские учебные заведения сосредоточивались в специальном Дипломатическом Агентстве в Софии. В правилах указывалось, что все молодые люди обязаны, по окончании учебного курса, вернуться на родину [6]. В 1910 г. были приняты «Правила приема подданных южно-славянских государств в русские военно-учебные заведения» [7]. Эти правила регламентировали порядок приема и военного обучения южных славян в образовательных заведениях империи.

Необходимо отметить, что практика подготовки болгарской молодежи в учебных заведениях империи существовала и до начала войны 1878–1878 гг. Так, в 1876 г. Константин Никифоров Попконстантинов окончил реальное училище в Николаеве. С 1876 г. он продолжил обучение в Константинопольском артиллерийском училище в Санкт-Петербурге. После войны К. Никифоров получил звание подпоручика и вернулся на учебу в Санкт-Петербург, где в 1883 г.

с отличием окончил Михайловскую артиллерийскую академию [8]. С 1883 г. он работал помощником начальника артиллерийского управления в Военном министерстве Болгарии. Заслугой К. Никифорова является проведение военной реформы, в результате которой болгарская армия приняла на вооружение немецкие орудия Круппа, которые заменили российские фунтовые бронзовые орудия. Такая реформа показала эффективность во время сербско-болгарской войны 1885 г.

После объединения страны в 1885 г. российские офицеры, которые занимали командные должности в болгарской армии, возвращались на родину. Теперь на эти посты назначали болгар. Так, капитан К. Никифоров стал первым болгаринем, который занял пост военного министра [8]. Министр Никифоров проводил активную подготовку к сербско-болгарской войне. Он приказал укрепить Видинскую крепость и привлек милицию к защите западных приграничных районов. Молодой министр проявил себя как профессиональный организатор и военный стратег. Министерскую должность он занимал до 31 августа 1886 г. По окончании политической карьеры майор Никифоров преподавал артиллерию в Военном училище, написал книгу «Руководство артиллерией». В 1889 г. бывший министр стал учредителем и редактором газеты «Тырновская конституция» [8]. Однако основной вклад К. Никифорова заключается в том, что он стал основателем болгарской военно-теоретической мысли.

В 80-х гг. XIX в. в Михайловской артиллерийской академии учился Олимпий Спиридонов Панов. В 1883 г. он окончил учебное учреждение и возвратился в Болгарию, где принял командование 5-й батареей 1-го артиллерийского полка. После объединения страны капитан О. Панов возглавил болгарскую артиллерию. Во время сербско-болгарской войны будущий министр показал себя как профессионал своего дела и содействовал победе болгарских войск в битве под Сливницей [9, 624].

В апреле 1886 г. майор Панов возглавил Софийский артиллерийский гарнизон. После августовского путча (9.08.1886) О. Панов с 24 по 28 августа возглавлял Военное министерство во временном правительстве П. Каравелова [8]. В 1887 г. участвовал в восстании офицеров-русофилов в Русе. После его неудачи был арестован и передан суду. Был приговорен к смертной казни и расстрелян [10, 602–605].

Недостаточно раскрытым в историографии остается вопрос профессиональной деятельности будущих болгарских военных министров – выпускников

Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге. В 1880–1883 гг. студентами этой академии были болгары Рачо Петров Стоянов и Стефан Георгиев Паприков.

Болгарский военный и политик Рачо Петров Стоянов начальное военное образование получил в Военном училище в Софии (1878–1879). Затем продолжил обучение в Николаевской академии Генерального штаба, которую окончил в 1883 г. После возвращения в Болгарию поручик Петров работал в Софии ротным командиром Тетевенской 5-й пешей дружины. 24 марта 1885 г. он получил звание капитана и был зачислен в Генеральный штаб Княжества Болгария, где работал титулярным начальником. В 1887 и 1891 г. Р. Петров возглавлял Военное училище в Софии. В ходе преподавательской деятельности написал «Записки по военной топографии. Лекции и чтения для старших курсов Военного училища» (1888) [8, 363].

Карьеру военного министра Рачо Петров начал в правительстве К. Стоилова (29.06. – 20.08.1887, 19.05. – 09.12.1894, 09.12.1894 – 17.11.1896), а продолжил в С. Стамболова (15.04. – 19.04.1894). В 1888 г. Р. Петров получил чин подполковника. Как военный министр Петров значительное внимание уделял развитию болгарской военной прессы. Именно он в 1888–1891 гг. стал основателем и главным редактором «Военного журнала», а также издателем вестника «Свят» [8, 364].

Военная карьера Стефана Георгиева Паприкова началась со службы в 20-й пехотной дружине. В 1879 г. он окончил Военное училище в Софии, а в 1883 г. стал выпускником Николаевской академии Генерального штаба [8, 347]. После сербско-болгарской войны майор Паприков работал начальником Генерального штаба Болгарии (1877 г.). Некоторое время возглавлял Военное училище в Софии, а затем был назначен начальником Административного отдела в штаб-квартире армии (1891–1895 гг.).

Должность военного министра С. Паприков занимал в правительствах Д. Грекова, Т. Иванчова, Р. Пертова, П. Каравелова, С. Данева (1899–1903 гг.) [8, 348]. Как военный министр Паприков много работал для улучшения состояния регулярной болгарской армии. Разработаны им постановления и правила имели положительные результаты для армии.

Воспитанником Николаевской академии Генерального штаба был и Михаил Попов Савов. После обучения в Военном училище Софии М. Савов в 1879 г. работал подпоручиком в румелийской милиции. По окончании учебы в Николаевской академии

М. Савов вернулся в Болгарию, где 9 сентября 1885 г. получил звание капитана и был зачислен в Восточно-румелийскую милицию как адъютант строевой части Военного министерства. Уже 17 апреля 1887 г. М. Савов получил звание майора и был назначен офицером Генерального штаба в 5-ю пехотную бригаду.

В 1891–1894 гг. офицер Савов возглавлял Военное министерство Болгарии. Как военный министр Михаил Савов работал над организационной структурой болгарской армии. С 1897 г. он был начальником Военного училища в Софии. Во время работы в училище М. Савов издал работу «Распоряжения в Военном училище (1897–1903)» [8, 397]. Стоит отметить, что в 1904 г. М. Савов получил звание генерал-майора, а в 1907 г. был уволен из армии из-за обвинений в коррупции при закупке оружия за рубежом. Обвинения эти были не доказаны, поэтому 30 октября 1908 г. он получил чин генерал-лейтенанта. К военной службе вернулся перед Балканской войной 1912–1913 гг.

В течение 1882–1885 гг. в Николаевской академии Генерального штаба учился болгарин Иванов Никола Иванов. Во время русско-турецкой войны Н. Иванов находился в добровольческом отряде, а в 1879 г. вошел в состав первого выпуска Военного училища в Софии.

Военная карьера Н. Иванова стремительно развивалась после объединения страны (1885 г.). Так, во время сербско-болгарской войны он был офицером от Генерального штаба в Центральной колонне. После войны будущий министр был назначен флигель-адъютантом, а в 1887 г. стал начальником инженерно-строевого отделения при Военном министерстве. В течение 17–29 ноября 1896 г. полковник Иванов временно управлял Военным министерством. Министрский пост занимал от 29 ноября 1896 г. до 18 января 1899 г. в правительстве К. Стоилова [8, 197]. В 1895–1897 гг. в Болгарии был создан Высший офицерский корпус, который предназначался для повышения квалификации местных военных, а также для их подготовки к поступлению в зарубежные военные академии. Первым председателем этого корпуса был Н. Иванов. Однако основной вклад министра Иванова заключается в том, что он совершил результативное реформирование в процессе вооружения болгарской армии. Кроме того, министр Иванов провел новое военное разделение страны на участковые области, полковые военные районы и венные округа [8, 197].

Военными министрами Болгарии были и воспитанники Николаевской военно-инженерной академии Санкт-Петербурга. Так, Георгий Минчев Вазов после обучения в Одесском юнкерском пехотном училище

продолжил образование в Николаевской академии, которую окончил в 1888 г. [8, 73]. Началом его военной карьеры была служба писарем при Гражданском управлении в Свиштове. В 1885 г. Вазов работал преподавателем военной фортификации в Военном училище Софии. Из-за участия в августовском путче 1886 г. он вынужден был эмигрировать в Россию, где во время военной службы получил чин полковника.

В 1898 г. полковник Вазов был официально принят на службу к болгарской армии, а в следующем году заведовал отделом инженерных дел в Военно-инженерной инспекции. В 1906 г. генерал-майор Вазов работал инспектором инженерных войск. Однако его успешная военная карьера прервалась в 1908 г. из-за обвинения в фальсификациях по приобретению бомб для болгарской армии. Поэтому был уволен из армии, но суд оправдал генерала. Перед началом Первой Балканской войны Г. Вазов вернулся к военной службе и работал начальником военных сообщений и этапов тылового управления. Во время Второй Балканской войны Г. Вазов был военным министром Болгарии в правительствах Ст. Данева и В. Радославова (28.06. – 22.08.1913 г.) [11, 572].

В 1882–1883 гг. в Николаевской военно-инженерной академии Санкт-Петербурга учился Стилиян Ковачев. Начальное образование он получил в г. Ямбол. В 1879 г. Ст. Ковачев окончил военное училище в Софии и работал командиром взвода 2-й роты учебной дружины Восточнорумелийской милиции. В течение 1886–1894 гг. поручик Ковачев был начальником канцелярии Военного министерства Княжества Болгария. Накануне Второй Балканской войны генерал Ковачев был назначен военным министром в правительстве Ст. Данева. Однако из-за сложной ситуации вынужден был оставить должность и принять

командование Родопским отрядом. Стоит отметить, что в историографии звучат обвинения ген. Ковачева за поражение в Балканской войне 1913 г. Как русофил он дезинформировал правительство Софии в вопросах положения на фронтах во время войны [12].

Военная карьера будущего министра Никифора Петрова Никифорова началась со службы в болгарской пехоте, где он работал инспектором. В 1879 г. Н. Никифоров окончил Военное училище в Софии, а в 1884 г. стал выпускником Офицерской стрелковой школы в Ораниенбауме. С 1895 г. началась военная карьера подполковника Никифорова в Военном министерстве. В 1904 г. генерал-майор Никифоров работал начальником Административного отдела и Канцелярии Военного министерства Болгарии. Министерскую должность занимал в правительстве И. Гешова (1911–1913). Основным вкладом министра Никифорова заключается в разработке и принятии закона «О военных академиях и Временные правила прохождения военной службы во время войны» [8, 226–227].

В заключение следует подчеркнуть, что болгарские воспитанники военных учебных заведений Российской империи стали основой для дальнейшего развития военной структуры Княжества Болгария. Подготовка профессиональных кадров для восстановленного болгарского государства была одним из направлений общепринятого имперского курса в рамках деятельности Временного русского управления. Подготовленные в период с 1879 по 1915 г. в Российской империи болгарские специалисты оказали положительное воздействие на развитие болгарской военной индустрии и формирование государственно-чиновнического аппарата для восстановленной Болгарии.

Список литературы:

1. Сохань П. С. Очерки истории украинско-болгарских связей. /П. С. Сохань – Киев: «Наукова думка», 1976. – 291 с.
2. Манафова Р. В. Интеллигенция с европейскими измерениями (1878–1912). /Р. В. Манафова. – София, 1994. – 317 с.
3. Танчев И. Българската държава и учението на българи в чужбина. /И. Танчев. – София: Академично издателство «Марин Дринов», 1994. – 217 с.
4. Улунян А. А. Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига: 1877–1878 гг. /А. А. Улунян. – М.: РАН, Институт славяноведения и балканистики. Научный центр общеславянских исследований, 1994. – 241 с.
5. Никитин С. Русское гражданское управление в Болгарии (1877–1879). //Освобождението на България. – София, Издателство на Българската Академия на науките, 1970. – С. 27–40.
6. Центральный государственный исторический архив Украины, – г. Киев, – ф. 711, оп. 3, спр. 2576, 2–3 л.
7. Правила приема подданных южно-славянских государств в русские военно-учебные заведения с объяснительной запиской и предложениями. Выработаны особым совещанием под председательством Якубовского. – Спб., 1910.

8. Ташев Ташо. Министрите на България 1879–1999./Т. В. Ташев. – София: АИ «Проф. Марин Дринов», Изд. на МО, 1999. – 682 с.
9. Радев Симеон. Строителите на съвременна България./С. Т. Радев. Том 1. – София: Български писател, 1990. – 840 с.
10. Радев Симеон. Строителите на съвременна България./С. Т. Радев. Том 2. – София: Български писател, 1990. – 695 с.
11. Енциклопедия «България»./Българска акад. на науките. Гл. ред. В. Георгиев. Т. 1. – София: Изд. на БАН, 1978.
12. Гочев Я. Пропаляната българска победа при Кривопаланка през 1913 г./[Електронен ресурс]. – Режим достъпа: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=563:19&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61

Section 5. Cultural studies

*Akhmedova Raziya Abdullayevna,
Dagestan state university, Professor of department
of literatures of people of Dagestan,
Doctor of philological sciences
E-mail: raziyaathanum@gmail.com*

*Vagabov Mahach Mustafayevich,
Moscow state industrial university,
Professor of department Philosophy and histories,
Doctor of historical sciences
E-mail: 9162803@mail.ru*

Cultural and historical features of the literary system in a multinational region Dagestan

Abstract: The history of the literary life of multinational Dagestan has a peculiar development, as it has always been associated with a peculiar dispersion elites and equal access to academic poets of different nationalities. This led to pluralism, tolerance and for cultural variety.

Keywords: multinational, culture, literature, Daghestan, tolerance, pluralism, variety, Temirhan-Shura.

*Ахмедова Разият Абдуллаевна,
Дагестанский государственный университет,
Профессор кафедры литератур народов Дагестана,
доктор филологических наук
E-mail: raziyaathanum@gmail.com*

*Вагабов Махач Мустафаевич,
Московский государственный индустриальный университет,
Профессор кафедры философии и истории,
доктор исторических наук
E-mail: 9162803@mail.ru*

Культурно-исторические особенности литературной системы в многонациональном регионе Дагестан

Аннотация: История литературной жизни многонационального Дагестана имеет своеобразное развитие, так как она всегда была связана со своеобразной дисперсией элит и равной доступностью ученых-поэтов разных национальностей для любого дагестанца. Это привело к плюрализму дагестанской публики, ее толерантностью и ее терпимостью к культурному многообразию.

Ключевые слова: многонациональный, культура, литература, Дагестан, толерантность, плюрализм, многообразие, Темирхан-Шура.

Организацию литературной жизни такого многонационального региона, как Дагестан, определяла культурная элита, которая с XIII по XIX век формировалась своеобразно. Происходило это потому как, она была рассеяна по всему Дагестану и концентрировалась вокруг имен известных ученых. Кроме того

имел место повышенный социальный престиж ученого, поэта в дагестанском обществе еще в средневековье (Уму Камал (XV), Али из Кумуха (XV), Шабан из Обода (XVI), Мухаммед Аваби Акташи (XVI), Дамадан-эфенди из Муги (XVII), Аликулихан Валех-е Дагестани (XVIII), Дибир-кади из Хунзаха (XVIII),

Абубакар из Аймаки (XVIII век), Абдурахман Какашуринского (конец XVIII и начало XIX), Дауд из Усиша (XVIII), Магомед-эфенди Зарир из Кумуха (XVIII), Магомед сына Мусы из Кудутля (XIX), Мирза Али ал-Ахты (XIX) [1, 14].

Своеобразная дисперсия элит и равной доступностью ученых разных национальностей для любого гражданина Дагестана были связаны с плюрализмом дагестанской публики, ее толерантностью и ее терпимостью к культурному многообразию.

Литературная жизнь дагестанского народа XIX века (Й. Казак, О. Батырай, Е. Эмин) отличалась, устойчивостью и высоким уровнем интеллектуальности, риторичности, назидательности национальной поэтической культуры, когда рационализированные навыки и оценки поэтических текстов, техника обладания поэтическим языком, классическим стилем на протяжении многих веков были отшлифованы в системе духовного образования и «восприятие этого наследия пробуждает в человеке национальную гордость и благотворно влияет на его нравственное чувство» [2, 4].

К концу XIX – началу XX века дагестанская словесность приобрела значение национальной культуры в целом, когда «литературные вкусы приравниваются к мировоззрению» (Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин) [3, 236–248; 4]. Это касается не только истории, философии, богословия, но и поэзии (М.-Э. Османов, Г. Алкадари, А. Каяев, А. Акаев, Алигаджи из Инхо, Махмуд из Кохаброто).

В социальном плане литература Дагестана как бы компенсировала отсутствие публичной сферы (феномен, характерный, для начальных стадий какого-либо литературного самоопределения), фактически принимая на себя функции общественного мнения.

Если литературные классики XIX века, являясь носителями образцовых достижений в русской литературе основного периода российской модернизации получали «статус символических фигур», «конституирующих» само национальное сообщество как таковое, то для дагестанской культурной элиты, так и для дагестанского общества, поэты-просветители М.-Э. Османов, А. Каяев, А. Акаев, Г. Алкадари, Ю. Муркелинский и др., получили в это время статус культурных героев и представляли собой культурное воплощение национальной идеи свободы и культуры.

В это время наблюдается историческое сращение идеологии развития, письменно-образованных авторов и неграмотной публики и, наконец, формы выражения их взглядов и взаимоотношений.

В позднейших условиях, включая реликты подобных представлений в наши дни, само существование литературы и культуры в Дагестане зачастую приравнивается к этой, в социальном плане — достаточно узкой и идеологически перегруженной форме их бытования.

В формационную эпоху (XIX в.) дагестанские литературные инициативы формировались в Темирхан-Шуре, где они развивались вокруг промышленных и торговых кругов, а к началу XX столетия, литературные инициативы уже имели окраску чего-то европейского (Творчество Нухая Батырмурзаева, Т. Бейбулатова, Г. Саидова, С. Габиева, Р. Нурова, Н. Ханмурзаева и др.).

Появление типографии М. Мавраева и массовые тиражи общедоступных книг в бумажных обложках, появившихся на свет в Темирхан-Шуре, распространились на целое поколение читателей. Роль культуры, с выработкой программы с которой в России и Европе связана судьба особых интеллектуальных слоев, в Дагестане приняло на себя само гражданское общество и не случайно появление первых светских школ, библиотек, первого театра (Кумыкского театра в Темирхан-Шуре), публицистики, связано именно с этим временем.

Вместе с тем в Дагестане еще была высока роль взаимодействия восточной и национальной культуры. Для дагестанской литературы, нет, и никогда не было понятия глубинки так, добавим, и для дагестанской социологии. Поэтому поэты и писатели здесь чаще отождествляли себя с локальным сообществом, исповедуя, своеобразный дагестанский «демократический популизм» (П. Кларк) [5, 237–258], который, как правило, был окрашен в восточные тона и дагестанские авторы обычно соотносили свое самопонимание с многонациональным обществом.

В 30-х годах была заложена легенда о новой власти и вместе с культом русской классики в дагестанской культуре начинается официальное формирование новой, дагестанской советской интеллигенции и конечно литературы, которую возглавляли поэты и прозаики нового времени С. Стальский, Г. Цадаса, А. Магомедов, Р. Нуров, А. Фатахов, А.-В. Сулейманов, Ю. Гереев, Э. Капиев и другие.

К середине XX века в Дагестане произошло тесное интегрирование политической и литературной элиты, и наблюдалась высокая включенность советского государства в литературную систему.

Централизация культурных процессов в СССР, а также формирование и отбора культурных элит

на государственном уровне и рамки литературной нормы привело литературу в таком регионе как Дагестан, к взрывному характеру литературного развития и повышенной символической насыщенности писательской роли.

Так складывалась притягательность писательской деятельности в Дагестане особенно в середине и во второй половине XX века, когда дагестанские поэты и писатели получали образование в Московском литературном институте и концентрировались в Махачкале Р. Гамзатов, А. Абу-Бакар, Ф. Алиева, А. Абу-Бакар, К. Абуков и др.

С распадом СССР в начале 1990-х годов, когда распалось, так называемое, «закрытое» общество и развернулись процессы ускоренной социальной мобильности, исчезла цензура в печати. В художественной сфере России, на первый план вышла ориентированная на западную культуру массовая культура, и «литературоцентризм» советской и постсоветской интеллигенции, и ее сосредоточенность на национальной классике подверглись разрушению. В начале XXI века, когда исторический период развития исчерпан, начинается сложный, непредсказуемый период развития и общества и литературы. Дагестан вовлечен в новый социальный и культурный, в том числе и литературный процесс. Литература и общества Дагестана уже давно прошедшие этапы развития единства, приняли то, что весь мир идет к фундаментальному единству, вполне спокойно. Пришла эпоха, когда схлынула волна литературных экспериментов, начавшая свой разбег еще в начале века. Последствия перестройки заставили широкие круги как российской, так и дагестанской интеллигенции усомниться в плодотворности ее политических усилий. Лишь немногие сохранили верность идеям перестройки. Они вполне сознавали трагедию случившегося, но продолжали считать перестройку величайшим событием современности.

Однако большинству попытки рационально переустроить мир казались самонадеянными, даже смешными, потому что разум для многих был скомпрометирован, ему охотно противопоставляли непосредственное чувство, якобы инстинктивное более верное, чем обанкротившийся интеллект. Особенно трагично положение тех литераторов, для кого революционные лозунги все еще сохраняли свою силу, кто надеется на возвращение к социализму.

Высокие мечты поэтов и писателей Дагестана отступают перед сложностью действительности, потому что мыслящий человек стал свидетелем ряда исторических парадоксов и современная дагестанская

литература «не просто богата содержанием и красками», но и оказалась «многополюсной в восприятии и оценке самой сути столетия» [6, 15].

До настоящего времени в Дагестане нет литературной полемики, о том, что искусство должно быть ясным, насыщенным мыслью, должно оказывать прямое нравственное и просветительское воздействие на читателя, так как нет убежденности в том, что новое буржуазное перерождение помогло торжеству здравого смысла.

Все максимально понятно: «искусству и литературе уже не отводят главную роль в процессе того постепенного воздействия на умы и сердца, которое отстаивали поэты и XIX, и XX веков, как единственный способ усовершенствовать мир, в противовес идеям политических, социальных и экономических изменений» [7, 203].

Новые свободы девальвировали многие ценности, и пришло время эмоциональной исповеди писателя. В настоящее время «историческое время» явилось характерной особенностью современной дагестанской лирической поэзии и лирической прозы. Таковы, в частности, произведения последних лет, представленные в разных жанрах: «Завещание», «Суд идет» Р. Гамзатова, «Ясновидящий дурак», «Нечистая сила» М.-Р. Расулова, «Благая весть», «Богатырские сердца», «Откровения кумыка кумыку», «Тоба», «Муки рая», «Меджду небом и землей» Б. Магомедова, «Печальная поэма» А. Джачаева, «И Судный день впереди» К. Абукова, «Расколотое солнце» А. Агаева, «Ночное свидание братьев» Расима Хаджи, «Крах» А. Вагидова, «Излом» Ф. Алиевой и многих других, в которых выражается историческая, нравственная, национальная и социальная позиция дагестанских писателей конца XX и начала XXI века.

Произошли радикальные изменения, в обществе мультимедийной, коммуникации, в культуре — «постмодерности». Применительно к литературе народов Дагестана новый «постмодерный» этап не проявляется как утверждение единого «кода». Дагестанская литература пока еще продолжает сохранять многообразие различных форм и тенденций, не поступаясь национальным своеобразием традиций и разноразличных культур, но в то же время ее не обошел процесс интеграции и глобализации. Сегодня литературный мир Дагестана это автор-критик-читатель, по-разному вписанный в различные социальные и национальные ареалы, располагает универсальным литературным наследием во всем его многонациональном богатстве и разнообразии.

С другой стороны, творческая энергия, пульсирует не так интенсивно, как в эпоху Расула Гамзатова, поскольку направлена в русло системы «литературного производства», которая в принципе ведет к некоторому единообразию.

Социальное (историческое) изучение дагестанской литературы предстает сегодня в первую очередь исследованием чтения. Сегодня читателем является не только общество, объект аналитических исследований для традиционной социологии литературы, но и сам писатель, чьи произведения это творчески

освоенные предшествующие литературы и насыщенные чужими текстами, которые он по-своему интерпретирует и комбинирует (М.-Р. Расулов, Б. Магомедов, М. Атабаев, А. Адамов, А. Кардаш, А. Джачаев).

В прочтении таких, например текстов, как «Ясно-видящий дурак» М.-Р. Расулова или «Высшая мера» М. Атабаева обнаруживается скрытая логико-историческая связь, и она задает ему незавершенную «поли-идентичность». Поэтому взаимоотношения «литература–общество» следует рассматривать на основе исторического подхода.

Список литературы:

1. Абдуллатипов А.-К. Ю. История кумыкской литературы (до 1917 года). Ч. II – Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1995.
2. Буланин Ф. Д. Дмитрий Сергеевич Лихачев и русская культура конца двадцатого века. // Русская литература. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – № 1.
3. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. – М., 1994. – 352 с.
4. Дубин Б. В. Литературный текст и социальный контекст. // Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. – Рига, 1988.
5. Clark P. P. The sociology of literature: A historical introduction. // Research in sociology of knowledge, sciences and art. – 1978. – vol. 1.
6. Абуков К. Расул Гамзатов: особенности философской лирики. Национальные и общечеловеческие нравственно-эстетические ценности. К 80-летию поэта. – Махачкала: ГУП РАН, 2003.
7. Ахмедова Р. А. Духовная интеграция народов Дагестана в современной литературе. – Махачкала, 2002.

*Soldatenkova Olga Vyacheslavovna,
Ukhta State Technical University, Candidate of Culturology,
Institute of Economic and Management
E-mail: zav_so@mail.ru*

The relationship of light, Holiness, and word in the Russian Orthodox tradition

Abstract: The article is devoted to the statement of the principle of unity of light, Holiness, and word that have become crucial for the Russian Orthodox culture.

Keywords: light, Holiness, word, Sophia the Wisdom of God.

*Солдатенкова Ольга Вячеславовна,
Ухтинский государственный технический университет,
кандидат культурологии, Институт экономики и управления
E-mail: zav_so@mail.ru*

Взаимосвязь света, святости и слова в русской православной традиции

Аннотация: Статья посвящена изложению принципа единства света, святости и слова, ставшему определяющим для русской православной культуры.

Ключевые слова: свет, святость, слово, София Премудрость Божия.

Понятие Софии Премудрости Божией в её соотношении со Светом и Красотой является яркой характерной чертой русского православия. Существует множество толкований Софии Премудрости Божией, но определением, в той или иной мере присутствующим у всех философов и богословов, уделявших внимание проблеме Софии, является определение Софии Премудрости Божией как некоей субстанции, имеющей признаки женственности именно в значении способности к преумножению, плодovitости. Можно с определённой долей уверенности констатировать тождество света как необходимого условия и причины изобилия в древнем традиционном понимании; святости в значении растущей мощи и в языческой (материальной), и в православной (духовной) трактовке [1, 29–31]; и мудрости (Софии Премудрости Божией), которая также предполагала постоянное увеличение познания дел человеческих и божественных на пути спасения. Интересна отмеченная Шевыревым С. П. специфическая черта миропонимания древних, полагающих, что «разум без чувств не полон, что любовь к истине есть начало мудрости», при этом знание понималось как «отблеск утраченного ведения, искра от полного света, обломок от стройного целого» [2, 19]. В русской философии, по мнению С. Н. Булгакова, софийно отнюдь не логическое мышление, но «самая фíла, эрос, окрыляющий душу и поднимающий её к умному видению Софии мира идей» [3, 208]. В. В. Бычков уточнил, что в православном понимании философии лишь то, что интуитивно, то и софийно и способно открыться «умному видению» [4, 293]. Для подтверждения определения Софии именно как Красоты часто приводят слова апостола Петра (I Петр 3; 3–4), где София трактуется в качестве единственной и единственно возможной явленности Красоты в твари.

Не вдаваясь в тонкости софиологии русских мыслителей, мы приведём в качестве примера традиционного значения для русского мировоззрения самого понятия «София» на примере исчезнувшей во время Великой Отечественной войны фрески волотовской Успенской церкви, которую описывает и объясняет Б. А. Рыбаков в своей книге «Стригольники. Русские гуманисты XIV века» [5, 269]. Композиция характерна тем, что, помимо апостолов (людей) и Иисуса Христа (Бога) в ней изображена крупная женская фигура, олицетворяющая вселенную, которая протягивает плат с двенадцатью свитками, написанными на разных языках, как бы предлагая это средоточие всей мировой премудрости каждому, вошедшему

в храм. Здесь зафиксирована характерная для стригольников тема Премудрости Бога, «познаваемой людьми посредством книжности», которой вторят фрески, изображающие сюжеты притчей царя Соломона, говорящих о преимуществе мудрости и знания, что «дороже серебра, золота и драгоценных камней». Глубокомысленная и хорошо продуманная композиция храмовых фресок изображает содержание главы 9-й Притчей Соломона, где повествуется о гостеприимстве Премудрости: Премудрость построила себе дом, вытесала семь столбов его. «Начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум; потому что через меня умножатся дни твои; и прибавится лет тебе жизни» (Притчи Соломоновы 9; 10–11).

Отследив связь и частые аналогии света, святости и мудрости (философии, понимаемой как любовь к мудрости, истине), необходимо отметить, что проявления света (= святости = мудрости) помимо небывалых случаев, часто имело вербальное воплощение. В «Прогласе» Константин Философ приводит доказательство такой связи, выявляемой постепенно: Слово пришло к славянам, принесённое с Собою осознание софийности мира (в понимании мудрости, способной к творению: София всегда женственна, а потому плодотворна), материальным воплощением Слова-Софийности стало слово письменное. Знаменательно, что в этом толковании слово письменное понимается как свет, и, как свет, оно обнаруживает красоту мира, а, следовательно, этим самым приносит радость. Слово, также как и свет, просвещает мудростью, и «наиболее действенно, когда письменное» [6, 54].

Здесь следует остановиться на концепции собственно слова, которую разработал А. Григорян в статье «Первочеловек и Первослово (к истокам мифа о Прометее)» [7, 136–172]. Слово исследователь трактует в качестве посредника, имеющего определённые функции в триаде «мысль, слово, дело», причём именно в этой ипостаси слово полностью совпадает с древнейшей посреднической характеристикой огня-света. Связь слова с огнём — «важный опознавательный признак первочеловека и первослова — логоса» [7, 142]. Слово (и вообще речь) с огнём и светом в сознании людей связывались издревле, например, в Упанишадах (4, 3) говорится: «Но если солнце зашло, и месяц скрылся, и огонь погас, что служит человеку светом? — Тогда речь служит ему светом». В индоарийской традиции сама речь называется светом, а свет сводится к Атману, творящей духовной силе, следовательно, речь в этом понимании суть первое человеческое искусство, первое уподобление Богу

в творчестве. Самый яркий отличительный признак слова, являющийся одновременно и его сутью — посредничество между небом, миром божеств, и землёй, миром людей, что позволяет слову иметь в себе как божественные качества, так и свойства, необходимые для понимания людьми. При этом следует отличать слово как некое «звукоиспускание», «квази-речь» (*μῦθος*) от слова — воплощённой мысли, ясно оформленной идеи (*λόγος*) [8, 60]. Мифологический персонаж, воплотивший собой идею слова — мысли, зачина к действию — Прометей, создавший людей и похитивший для них огонь с Олимпа, при помощи которого люди научились ремёслам и искусствам, то есть, приобрели в полной мере способности к творчеству и орудия для творчества, что ранее было привилегией богов: «божественный дар, как кажется мне, был брошен людям богами с помощью некоего Прометея вместе с ярчайшим огнём», так говорится в «Филебе» Платона. Интересную аналогию Прометея и Иисуса Христа проводит А. Григорян на том основании, что Прометей явился зачинщиком распри, что «почти дословно совпадает со знаменитым речением Христа: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч» (Мф 10; 34) [7, 157]. В Евангелиях постоянно встречается связь логоса, огня и меча и их частая взаимозаменяемость (Лк 12; 49, 51; Откр 19; 15; Евр 4; 12 и пр.). Суть такого тождества можно увидеть в самом значении логоса — «слова как действие, побуждение к действию, способного вызвать противодействие», что, несомненно, сравнимо и с огнём, и с мечом. В Библии Слово Божие имеет значение меча, рассекающего человеческое существо и в сочетании с огнём взора Божьего, проникающего в сокровеннейшие глубины твари, обращая в ничто всякий грех: «слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и тела, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные» (Евр. 4,12). На понимание слова в значении действия, причём действия, имеющего божественный посыл, указывает цитата из Евангелия от Иоанна: «Ты имеешь глаголы вечной жизни» (Иоанн 6; 60).

Поскольку Бог сотворил мир Словом, то и человеческое слово в понимании святых Отцов Церкви имело ключевое значение, вплоть до посредничества между Божеством и человеком. В «Наставлении», приписываемом Антонию Великому, говорилось: «у людей ничего нет ценнее слова. Оно столь сильно, что словом и благодарением мы служим Богу, и что бесполезным и бесцельным словом подвергаем суду

нашу душу» [9, 488]. Григорий Нисский полагал весь мир пронизанным некими «световыми словами», энергиями, дававшими импульс к надлежащему действию, причём слово устное или письменное св. Григорий считал символом слова «светового». Слово, что было до Творения, в начале Творения, Слово, которым Бог творил мир, воспринимается в библейской традиции как творческая ипостась Божества. Например, Ориген — впрочем, как и многие ранние христианские богословы, — понимал в качестве творческой ипостаси Софию Премудрость Божию, соотносимую им со Словом Творения и Светом, что был прежде мира.

Восприятие слова как «не просто звука и знака», или же в качестве «чисто «семиотической» реальности», но именно как «драгоценной и сакральной субстанции» [10, 55] наследовано из византийско-греческой культуры. Вместе с любовью к книжности Русь восприняла понятие дара слова как дара Божьего: «обожен бывааше умомъ». Слово, как общий дар людям от Бога, есть «внешнее выражение самопознающей души человеческой» [11, 1]. Первыми книгами на Руси были книги религиозного содержания, и их значение нельзя переоценить в деле совершенствования новообращённой личности. По замечанию переводной рукописи 1374 года, «подобно тому, как труба, зазвучавшая во время войны, заставляет неоповещённых подняться против врага, так святые книги возбуждают ум, направляют тебя на добро и укрепляют на подвиги и страдания» [5, 150]. В «Изборнике» Святослава (1073 г.) само понятие «книга» подразумевает только церковное, поучительное, назидательное чтение, способствующее душеспасению и необходимое для праведного жития: «как для коня правитель и воздержание есть узда, так для праведника книга; как не составится корабль без гвоздей, так праведник без почитания книжного; как пленник думает о своих родителях, так праведник о почитании книжном; красота воину — оружие, кораблю — ветрило, так и праведнику — почитание книжное». Отметим, что древний книжник считал чтение книг не только необходимостью, но и полагал чтение занятием, доставляющим наслаждение и раскрывающим доселе скрытую некую красоту, причём красота эта понималась именно как мудрость, а знания, даваемые книгами, получали эпитеты, обозначавшие обычно наслаждения, прекрасные драгоценности и великие богатства: «сладко бо медвенный соть и добро сахаръ, обоего же добрее книгий разум: сия убо суть сокровища вечныя жизни» (Кирилл Туровский). Помимо прочего, в книгах содержалась

мудрость и возможность приобщения Богу: «ибо кто часто читает книги, тот беседует с Богом или святыми мужами».

Учитывая особенность русского менталитета, выражавшуюся в приоритете эмоционально-образного восприятия, необходимо констатировать существовавшую на протяжении всей истории Руси особую значимость слова устного, и существенно возросшую его значимость, когда после крещения Русь была ознакомлена со словом письменным. В книгах древнерусским людям открылась бесконечность сферы духовного, ранее бывшей вне поля их осознанного внимания. Для Древней Руси характерно восприятие искусства в его естественном слиянии с истиной и красотой, и потому любые виды искусства истинны, мудры и прекрасны, поскольку являются результатом вдохновенного творчества. В отличие от византийских мастеров иконописи и архитектуры, древнерусские зодчие, иконописцы и литераторы понимали своё творчество как священнодействие, и в должной мере осознавали свою ответственность за то впечатление, которое оказывало их произведение на зрителя или же слушателя. Жизнеописания великих художников рассказывают о благочестии, целомудренности, о постоянных постах, предшествовавших созданию какого-либо произведения, о призывании Троицы в помощь и упование на Божественное содействие. По замечанию В. В. Бычкова, Епифаний Премудрый возводил «словесное искусство почти до таинства Евхаристии: «приидите ж ако да причастимися словесы»» [4, 55], определяя таким образом письменное слово как одну из наиболее действенных форм выражения и сохранения божественной мудрости. Суть и смысл творчества художника — выявление Красоты с помощью наиболее понятных форм, что давало повод не только творцам, но и простым переписчикам осознавать себя проповедниками, лекарями душ и воспитателями нравов. На это указывает также количество литературы, в том числе и переводной, назидательного характера, которую нельзя было истолковать иначе, как руководство к действию. Интересный и весьма показательный момент отмечает В. В. Бычков: те знания, что получали из книг новообращённые русские люди, не относились

к знаниям обыденным, и далеко не всё из прочитанного было понятно. И, тем не менее, именно эта «неполная открытость пониманию и направленность на глубинные истоки бытия, на его первопричины, её соприкосновение с вечным и непреходящим и доставляли первым русским читателям неописуемое наслаждение» [12, 34]. Эстетическое восприятие мудрости и знаний заметно также в том, что одной из составляющих понятия красоты русской земли были высокообразованные люди.

Такое почитание мудрых и образованных людей имеет древнюю традицию: вещей певцов, выполнявших роль хранителей обычаев, собирателей произведений словесного творчества и бывших кем-то вроде праисториков, считали внуками богов. По замечанию Ф. И. Буслаева, как «по эпическим сказаниям предки происходят через героев и богов, так и народная мудрость и поэзия будто бы обязаны своим непосредственным происхождением от тех же богов» [13, 85]. Поэзия, являвшаяся далеко не только развлечением и поучением, была для древнерусского народа первым шагом к философскому осмыслению мира и человека, слово наделялось вещью, сверхъестественной силой, вложенной в него самим Божеством. От слова, воплощённой мысли, всегда ждали преображения жизни.

Для русского мировосприятия характерен интерес ко всему, что так или иначе выходит за рамки обыденности, что понимается как явный намёк, символ сверхъестественного, как обозначение трансцендентного в той форме, которая более доступна, понятна и яснее выражает непознаваемую суть. В полной мере это положение можно отнести к восприятию света, святости и слова, которые, более того, понимались как взаимозаменяемые для обозначения явленности Божества. Характерное для русских людей эмоционально-образное мышление способствовало закреплению прочных ассоциативных связей света, святости и слова уже после принятия христианства, что, помимо прочего, было обусловлено спецификой древних смыслов всех вышеперечисленных терминов, имевших соприкасаемые, а часто и взаимозаменяемые семантические поля. Уникальным в русском православном мировоззрении является и то обстоятельство, что все три понятия не отделимы от и не осуществимы вне принципа единства добра, красоты и истинности.

Список литературы:

1. Солдатенкова О. В. Единство святости и света в православной традиции.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=21780795> – Materials digest of the XXVI International Scientific and Practical Conference and the II stage of Research Analytics Championship in culturology,

- architecture, art history and philosophical sciences. International Academy of Science and Higher Education. – London: Published by IASHE, 2012. – С. 29–31.
2. Шевырев С. П. История русской словесности: Лекции. – ч. 1–2. – М.: Тип. Бахметева, 1859.
 3. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
 4. Бычков В. В. Духовно-эстетические основы русской иконы. – М.: Ладомир, 1995.
 5. Рыбаков Б. А. Стригольники. Русские гуманисты XIV века. – М.: Наука, 1993. – 336 с.
 6. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. – т. 1. – М.: «Гнозис» – Школа «Языки русской культуры», 1995.
 7. Григорян А. Первочеловек и Первослово (к истокам мифа о Прометее)//Знаки Балкан: сб. статей. – М.: Радикс, 1994. – ч. 1.
 8. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику.//Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. – М.: Наука, 1988.
 9. Флоренский П. А. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Мысль, 1994.
 10. Аверинцев С. С. Крещение Руси и путь русской культуры.//Русское Зарубежье в год Тысячелетия Крещения Руси. – М., 2000.
 11. Шевырев С. П. История русской словесности: Лекции. – ч. 1–2. – М.: Тип. Бахметева, 1859
 12. Бычков В. В. 2000 лет христианской культуры sub specie aesthetica – т. 2. – М.: Российские пропилеи, 1999.
 13. Буслаев Ф. И. История русской литературы: Лекции. – М.: Синод. Типогр., 1904.

*Yakovlev Alexander Viktorovich,
Ph. D., National Academy of Managerial
Personnel of Culture and Art, doctoral
E-mail: yalik1971@yandex.ru*

Semiotics in the study of the cultural landscape of Ukraine

Abstract: This article investigates the local characteristics of the cultural space of Ukraine. Semiotics is proposed as a methodology of studying the cultural landscape, the parameters of its application in a cultural discourse.

Keywords: semiotics, cultural landscape, cultural space.

*Яковлев Александр Викторович,
кандидат исторических наук, доцент,
Национальная академия руководящих
кадров культуры и искусств, докторант
E-mail: yalik1971@yandex.ru*

Семиотика в исследовании культурного ландшафта Украины

Аннотация: В статье исследуются локальные характеристики культурного пространства Украины. Предлагаются: семиотика как методология изучения культурного ландшафта, параметры ее применения в культурологическом дискурсе.

Ключевые слова: семиотика, культурный ландшафт, культурное пространство.

Исследование культурного пространства постсоветской Украины, в разрезе географического, экономического и культурного ландшафта, побуждает к осмыслению понятия пространства и пространственных явлений. Так, по исследованиям Юрия Лотмана, в сознании человека картина мира выстраивается на основе определенной пространственной модели организации ее структуры на всех уровнях — такое

видение вселенной является универсальной особенностью человеческой культуры [6].

В пространственной структуре страны регион является основной единицей распределения пространства, одновременно выступает как целостность и часть целого, как субъект и объект, позволяющий рассматривать культурное пространство региона как дифференцированно от других аналогичных

фрагментов, так и интегрировано в зависимости от того, какую позицию занимают отдельные регионы на карте общенационального культурного пространства, с учетом степени их культурной насыщенности, уровня взаимодействия, контрастности и общности региональных признаков, условной самодостаточности или взаимозависимости. Таким образом, каждый фрагмент культурного пространства занимает свое место в иерархии, которая присуща любой пространственной модели. Регионы, которые занимают высшие ступени в данной иерархической структуре, являются источником ценной культурной информации, оказывают значительное влияние на формирование общей картины национальной культуры и поэтому привлекают особое внимание исследователей.

Тенденция слияния и интеграции человечества по многим важнейшим жизненным аспектам была отображена В. И. Вернадским в его концепции ноосферы и полиэтносферы. Ноосфера трактовалась ученым как сфера взаимодействия природы и общества, в пределах которой разумная человеческая деятельность является определяющим фактором развития. Во взаимодействии «макрокосмос — микрокосмос» В. И. Вернадский придавал большое значение как геополитическим процессам, так и этнонациональным измерениям [2].

Рассматривая макрокосмос как духовно-энергетическое поле, которое содержит такой духовный элемент как информация, можно определить этот феномен как духовно-энергетическое информационное поле, которое содержит всю накопленную человечеством космическую информацию, то есть размещено во всем пространстве. Через призму формирования новой научной парадигмы информационное пространство рассматривается как духовно-энергетическое информационное пространство, которое обеспечивает вхождение человека в новое социокультурное поле на принципах совместимости, соучастия и взаимообогащения этнокультур.

По исследованиям Дж. Розенау, основной приметой глобализации является потеря привязки социальных процессов к физическому пространству. Географический ландшафт (landscape) заменяется или расширяется за счет включения этношафта (ethnoscape), идентифафта (identiscape), финаншафта (financescape), идеошафта (ideoscape), медиашафта (mediascape), техношафта (technoscape). Теряются линии географически ограниченных пространств в процессе утверждения новой социокультурной архитектоники человеческого общества. Глобальное культурное пространство распределяется

условно на символические пространства-потоки: этнопространство и идентпространство, изменяющиеся в условиях увеличения иммиграции, развития общемирового финансового пространства, формирование медиа- и технопространств, связанных с быстрым распространением новых технологий и идеологием.

Формирование новых коммуникационных технологий способствует интенсификации культурного обмена в информационном обществе благодаря развитию новых знаковых систем. Знаково-символический аппарат коммуникации ориентирован на освоение пространства, в котором время-пространство предстает в новом виде компьютерного информационно-символического мира. Виртуализируется интернет-пространство, где стираются временно-пространственные границы, ускоряется коммуникация, изменяясь с вербальной на знаково-символическую.

Обращаясь к семиотике как методологии исследования культурного ландшафта, определим параметры ее применения в культурологическом дискурсе. По определению Ю. Степанова, предметом семиотики как науки является «информационная система, то есть система, несущая информацию, и элементарное ядро такой системы — знаковая система» [7, 5]. Развитие семиотической мысли имеет такую последовательность: высказывания — текст — дискурс — интертекст и инфосфера. Связная совокупность высказываний расширяется до текста, дискурс характеризуется как линейным, так и парадигмальным аспектом. В понятиях интертекст и инфосфера отражено единство культурного пространства — художественного и научно-технического. В своей эволюции инфосфера достигает ноосферы. По Ю. Лотману, процесс перехода биосферы к ноосфере связан с появлением семиосферы.

Ю. Лотман определяет область семиотики в трех ипостасях: как научная дисциплина, объектом которой является сфера знакового общения, как метод гуманитарных наук, как «своеобразие научной психологии исследователя, его сознания, познающего» [6, 153]. В исследовании особенностей культурного развития региональных идентичностей средствами семиотики расширяется многомерность культурного пространства, разнообразие ее изучения в терминах знака и смысла, отношения между знаком и его смыслом, включая прагматику контекста знаковой деятельности.

Под семантикой культуры предлагаем понимать образно-смысловое содержание культурного артефакта; эстетическую личную концепцию автора; сочетание образов-смыслов в сознании человека в соответствии с определенным драматургическим

рядом [8, 11]. Итак, семантика как культурологическая категория — это система знаковых форм, совокупность артефактов культуры и способов их создания, воплощающая определенные эстетические идеи, ведущие образы-смыслы, методы художественного творчества и речевые функции искусства.

В термин «семиосфера» Ю. Лотман вкладывает способность культуры создавать вокруг человека социальную сферу, «которая подобно биосфере, делает возможной жизнь, правда, не органической, а общественной» [6, 487]. Ю. Лотман разрабатывает определенную модель культуры как грандиозную систему с разнообразием структур и элементов и как пространство, для которого характерны континуальность и динамизм. Семиосфера предстает как «пересечение, сообщения, инкорпорированные вложения друг в друга огромного числа монад... Это огромный организм организмов» [6, 644].

Неоднородность семиотического пространства обусловлена гетерогенностью и гетерофункциональностью языков. Функционирование языков в семиосфере имеет определенную иерархию, вершиной которой является метаязык, который создает Метатекст (тексты о текстах). По мнению М. Тимошенко, семантическая плоскость культуры обнаруживает многоязычие, как выраженное многоголосие, многообразие человеческих способов общения, пеструю картину накопленных разноязычных сообщений. Поэтому и возникает возможность рассмотрения культуры как совокупности текстов, действующих наиболее простым путем для построения культурологических моделей. Механизм коммуникации обеспечивает функционирование семиосферы, благодаря коммуникации тексты актуализируются и генерируют новую информацию, а процесс чтения текста выступает как акт коммуникации [9].

Информационное общество предполагает существование сетей трансляции разноуровневой информации и развитие системы знаково-символических средств, необходимых для ее передачи. А. Астафьева отмечает, что «электронное письмо преодолевает время», а письменная культура преодолевала лишь пространство; следовательно вербальные тексты уступают визуальным в передаче информации, а «коммуникативные формы обрастают новыми ритуальными текстами» [1, 208].

Способность распространяться в коммуникативном пространстве культуры с достаточной скоростью становится одной из главных характеристик сообщения — не только с пространственными, но и

временными критериями. Единство широты и скорости передачи информации в коммуникативном пространстве является критерием успешности осуществления коммуникативного процесса [8, 109]. Способность семиотических систем в трансформации информации в новые тексты составляет основу смыслообразования в семиотике культуры. Понятие семиотической монады, введенное Ю. Лотманом для определения смылосозидающей структуры, охватывает культуру в целом, каждый достаточно сложный текст и действительность, в том числе человеческую личность, которая понимается как текст.

Семиосфере как продукту культуры присуща определенность в категориях пространства. «Одной из особенностей человеческой культуры, возможно связанной с антропологическими свойствами сознания человека, является то, что картина мира неизбежно истолковывается на основе определенной пространственной структуры, организующей все другие ее уровни» [6, 466]. Семиотическое пространство «с одной стороны, включает в себя идейные представления, семиотические модели, с другой — воспроизводящую деятельность человека, поскольку мир, создаваемый людьми, коррелирует с семиотическими моделями. Связь эта взаимна: с одной стороны, архитектурные сооружения копируют пространственный образ универсума, а с другой, — этот образ универсума строится по аналогии с созданным человеком миром искусственных сооружений» [6, 334].

Ю. Лотман вводит понятие «абстрактное пространство»: «Если при выделении какого-либо определенного признака образуется множество элементов, непрерывно примыкающих друг к другу, то мы можем говорить об абстрактном пространстве по этому признаку» [6, 276]. Такая типология пространства предлагает: пространство, в котором живут, то есть физическое, и пространство, которым мыслят, — «концептуализированное». Происходит детерриторизация физического пространства, в котором формируется «глобальный культурный поток», распадающийся на пять культурно-символических пространств-потоков: этнопространство, технопространство, финансовое пространство, идеопространство. Аналогичного мнения придерживается Дж. Розенау, добавляя к географическому ландшафту кроме указанных, медиашафт и идентишафт. Для современных культурологических исследований типичным является использование понятия пространства как «модели для изучения культуры» [3].

Считаем целесообразной концепцию С. Зуева относительно понятия культуры как семиосферы:

«Инфосфера и интертекстуальность, из которых образуется семиотическое пространство; языки первичные и вторичные, текст; понятие семиотической монады ...; пространство физическое и «концептуализированное» [3, 15]. Рассматривая культуру как семиотическое пространство и семиотическую монаду, целесообразно подходить с позиций взаимодействия и взаимовлияния пространства физического и концептуализированного, которое составляет новую целостность высшего порядка на уровне ноосферы.

Семиотика пространства переключается с теорией ландшафтной герменевтики В. Каганского. Ландшафт толкуется как текст, одним слоем которой является культура [4, 134]. Пространству ландшафта присуща дифференцированность, в частности «центр — периферия», и перемещение в ландшафте приобретает семантическое значение: «это изменение мест, каждое из которых является точкой зрения, контекстом, смысловой позицией» [4, 137]. «Ландшафт — среда, где соотносительность обязательно рождает смысловые, вещественные, утилитарные, символические взаимодействия, потоки ресурсов и конфликты» [4, 136]. Для периферии характерны не самодостаточность, а жестокая зависимость от центра, отмечает С. Зуев [3, 19]. По мнению Ю. Лотмана, система периферийных связей «реконструирует

картину мира, в которой господствует случай, неупорядоченность. Эта группа текстов также оказывается способной перемещаться на определенный метауровень, однако сведению в единый и организованный текст она не поддается. Поскольку сюжетными элементами, составляющими эту группу текстов, будут эксцессы, аномалии, общая картина мира окажется крайне дезорганизованной ... хаотичной и трагической» [6, 288]. Противоречия центра и провинции Ю. Лотман объясняет следующим образом: «ситуация возмущения и бунта возникает при столкновении двух способов кодирования: когда социально-семиотическая структура описывает данного индивида как часть, а сам он себя осознает автономной единицей, семиотический субъектом, а не объектом» [6, 264].

Можно прийти к выводу, что фрагменты ландшафта ведут борьбу за повышение своего позиционного уровня, а сам этот процесс можно описать как изменение центра и периферии. Аналогичный процесс наблюдается на современном культурном ландшафте Украины, когда регионы борются с центром за свой самостоятельный экономический и культурный статус. Теория семиосферы Ю. Лотмана и теория ландшафтной герменевтики может быть положена в основу методологии исследования украинского культурного пространства в контексте синергии региональных идентичностей.

Список литературы:

1. Астафьева О. Н. Социокультурное развитие российских регионов: механизмы самоорганизации и региональная политика (в соавторстве с Аванесовой Г. А.) / О. Н. Астафьева, Г. А. Аванесова. Издание второе, расш. и перераб. – М.: Изд-во РАГС, 2004. – 424 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 270 с.
3. Зуев С. П. Сучасний культурний простір та семиотика музичного фестивалю (на матеріалах Харкова): дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.01 / С. П. Зуев. – Х., 2006. – 190 с.
4. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. / В. Л. Каганский. – М.: Новое литературное обозрение, 2001. – 576 с.
5. Лотман Ю. О метаязыке типологических описаний культуры. // Семиосфера / Ю. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2001. – 650 с.
6. Степанов Ю. В мире семиотики. // Семиотика: Антология / Сост. Ю. С. Степанов / Ю. С. Степанов. Изд. 2-е испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
7. Тарасенко А. А. Міфологічні мотиви і образи в образотворчому мистецтві Одеси останньої третини ХІХ – початку ХХ століття: дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.05 / Андрій Андрійович Тарасенко. – Х., 2007. – 209 с.
8. Тимошенко М. О. Міжнародні гуманітарні стратегії в сучасній Україні як системний культуротворчий феномен: автореф. дис. ... канд. культурології / М. Тимошенко / 26.00.01: теорія та історія культури. – К.: Національна академія керівних кадрів культури і мистецтв, 2012. – 17 с.
9. Черниш М. О. Збереження культурного розмаїття в добу глобалізації (середина ХХ – початок ХХІ ст.): дис. ... канд. культурології / 26.00.01: теорія та історія культури / М. О. Черниш. – К.: НАКККиМ, 2014. – 198 с.
10. Шульгіна В. Д., Яковлев О. В. Пам'ятки історії культури і мистецтва України ХVІІІ – першої третини ХХ століття: монографія / Валерія Шульгіна, Олександр Яковлев. – К.: НАКККиМ, 2011. – 354 с.
11. Rosenau J. N. The Challenges and Tensions of a Globalized World. – American Studies Intern., Vol. XXXVIII.

Section 6. Linguistics

*Alekseeva Elena Mikhailovna,
Ural State Pedagogical University,
Associate Professor, Department of professionally-directed
and linguistic education
E-mail: welizhanina@mail.ru*

The process of formation sacral-religious interpretation in the Gospel parable "The Sower"

Abstract: The article is devoted to the features of sacral-religious interpretation in the Gospel parable. The process of semantic formation sacral-religious symbol is considered.

Keywords: sacral-religious interpretation, sacral-religious symbol.

*Алексеева Елена Михайловна,
Уральский государственный педагогический университет,
доцент, кафедра профессионально-ориентированного
языкового образования
E-mail: welizhanina@mail.ru*

Процесс становления сакрально-религиозной интерпретации в евангельской притче «Сеятель»

Аннотация: Статья посвящена особенностям сакрально-религиозной интерпретации в евангельской притче. Рассматривается процесс семантического образования сакрально-религиозного символа.

Ключевые слова: сакрально-религиозная интерпретация, сакрально-религиозный символ.

Согласно нашей концепции специфика притчезового дискурса Нового Завета заключается в том, что он содержит в себе в качестве ведущей лингвостилистической парадигмы категорию сакрально-религиозной интерпретации. Нами определено понятие «**сакрально-религиозная интерпретация евангельской притчи**» как текстоментальный процесс усмотрения ценностности своеобразия (претативности) текстовых (лингвостилистических) явлений в притче в их функции выражения духовно-нравственного, сакрально-религиозного метасимволического смысла [1, 53–54].

Ведущим методом исследования является сочетание метода парадигматической сферизации и метода перспективирования, разработанных Н. Д. Маровой. Согласно ее концепции, *метод парадигматической сферизации* предполагает выделение в интерпретации шести основных семантических сфер: теататив, медиатив, претатив, перспектив, метаксатив, текстатив [3, 61–205]. Необходимость использования семантической сферизации в качестве метода исследования

интерпретации обусловлена тем, что с его помощью представляется возможным наиболее полно и объемно продемонстрировать специфичность механизма функционирования сакрально-религиозной интерпретации в евангельской притче. Поэтому нас интересует процесс формирования системы таких метасимволов, которые нами обозначены с учетом специфики исследуемого материала *верховными сакрально-символическими семантиками (сакрально-религиозные метасимволы)*, вокруг которых возникают признаки всех семантических сфер, определяющие ведущую интерпретативную картину видения в евангельской притче и ее статусно-претативную ценностность.

В качестве содержательного основания каждой из семантических сфер и соответственно всего процесса сакрально-религиозной интерпретации выступает категория *перспективы* [2, 63–65], которая соотносится с сакрально-религиозной *картиной видения*, отражающей *точку зрения Интерпретатора*, а также со специфическими способами ее выражения.

Для демонстрации предлагаемой методики мы кратко представим анализ евангельской притчи «О Сеятеле» («Vom Sämann») (Мф 13:3–9, 19–23; Мк 4:3–9, 14–20; Лк 8:5–8, 11–15) [4; 5]. Решающим обстоятельством в пользу выбора данной притчи явилось то, что она снабжена *специальным текстом*, в котором в *эксплицированном* виде дается *сакрально-религиозная интерпретация этой притчи*, произведенная Иисусом Христом. Исходя из анализа этой притчи, мы, во-первых, обнаруживаем *верховные сакрально-символические семантики/сакрально-религиозные метасимволы*, вокруг которых концентрируются интерпретационные сферы новозаветного притчевого дискурса; во-вторых, устанавливаем их парадигматическую взаимосвязь, демонстрирующую лингвистическую и семантическую целостность картины сакрально-религиозного видения; в-третьих, усматриваем в этой целостности единство перспективной точки зрения Интерпретатора.

На житейском уровне в тексте притчи в качестве *объекта интерпретации* выступает понятие «почва» («*der Boden*») как земля, способная воспринимать Семя и быть плодородной: «*einiges fiel auf gutes Land und trug Frucht*» («*Иное упало на добрую землю и принесло плод*») (Мф 13:8). В тексте сакрально-религиозной интерпретации к данной притче в поле рассмотрения попадает понятие «сердце» («*das Herz*») как духовный орган, в котором хранится посеянное Слово о Царствии Небесном: «*... in sein Herz gesät ist*» («*... посеянное в сердце его*») (Мф 13:19). Сопоставив два уровня интерпретации, житейский и сакрально-религиозный, можно предположить, что текстативу житейского уровня «почва» («*der Boden*») приписывается роль «сердца» («*das Herz*»), обладающего такими свойствами, как *внутренний, духовный мир человека*. В связи с этим выводом отметим, что в картине видения Интерпретатора понятия «*der Boden*» и «*das Herz*» пересекаются в той точке, где способность человека к восприятию, осмыслению учения о Царствии ассоциируется со свойством почвы воспринимать семя и плодоносить: «*Das aber auf dem guten Land sind die, die das Wort hören und behalten in einem feinen, guten Herzen und bringen Frucht in Geduld*» («*А упавшее на добрую землю, это те, которые, услышав слово, хранят его в добром и чистом сердце и приносят плод в терпении*») (Лк 8:15). Таким образом, семя «восприятие и осмысление Слова Божия» соотносится в этой притче с верховной сакрально-символической семантикой «Сердце, Душа, Дух (*das Herz, die Seele, der Geist*)», на основе соответствия с которой

формируется семантическая сфера сакрально-религиозного текстатива.

Перейдем к рассмотрению медиативной сферы. Обратим внимание на то, что на *доброй земле* («*gutes Land*») было посеяно *семя* («*der Same*»). Великая ценность почвы («*der Boden*») заключается в том, что она способна плодоносить («*Frucht bringen*», «*Frucht tragen*»). Но в самой почве нет жизни. Почва может быть хорошей («*gutes Land*») или плохой («*der felsige Boden*»), но в обоих случаях она мертва, если в ней нет Семена («*der Same*»). Так рассуждая, в тексте притчи мы замечаем, что объект «*der Boden*» («*почва*») соотносится с *иной* текстоментальной перспективой его видения, эксплицирующей «внешнюю» по отношению к нему сферу, выраженную лексемой «*der Same*» («*семя*»): «*Es ging ein Sämann aus, zu säen seinen Samen. Und indem er säte, fiel einiges auf den Weg*» («*Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге*») (Лк 8:5). На уровне же *сакрально-религиозной интерпретации* семантические признаки медиатива «*der Same*» («*семя*») эксплицитно манифестируют верховную семантику «*das Wort von dem Reich*» («*Слово о Царствии*»): «*Der Same ist das Wort Gottes*» («*семя есть слово Божие*») (Лк 8:11). Отсюда следует, что Слово Божие приобретает коннотацию *всходящего Семена* в значении «воздействие, источник духовной жизни», поскольку сам человек и его душа не в состоянии «приносить плоды» без «животворящей» силы Слова Божия. Таким образом, семя «духовное воздействие, преобразование» соотносится в этой притче с верховной сакрально-символической семантикой «*Слово о Царствии Небесном/Слово Божие*» («*das Wort von dem Himmelreich/das Wort Gottes*»), на основе соответствия с которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозного медиатива.

Перейдем к анализу претативной сферы. На *житейском* уровне интерпретации усматриваются следующие претативно-ценностные свойства *почвы* («*der Boden*»): она признается *доброй* («*gut*»), способна приносить плоды («*Frucht bringen*», «*Frucht tragen*»): «*Einiges fiel auf gutes Land und trug Frucht*» («*Иное упало на добрую землю и принесло плод*») (Мф 13:8). На уровне сакрально-религиозной интерпретации акцентируется внимание на том, что сердце, благодаря своим ценностным качествам, способно воспринимать Слово Божие и приносить духовные плоды: «*... die das Wort hören und behalten in einem feinen, guten Herzen und bringen Frucht in Geduld*» («*... услышав слово, хранят его в добром и чистом*

сердце и приносят плод в терпении» (Лк 8:15). Отсюда следует, что претативы «добрый» («gut»), «чистый» («fein») являются главными условиями достижения человеческой душой состояния блаженства: «*Selig sind, die reinen Herzens sind; denn sie werden Gott schauen*» («Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят») (Мф 5:8). Так образуется целый круг сем, эксплицированный в тексте Нагорной проповеди (Мф 5:3–11) в лексеме «Царство Небесное» («*das Himmelreich*»), в которой актуализированы семантические компоненты «благодатное/блаженное духовное состояние», «стремление к самоусовершенствованию души». В этом отношении «быть чистым сердцем» является духовным требованием, чтобы получить в качестве награды «Царство Небесное/*das Himmelreich*». Отсюда мы можем сделать вывод о том, что сема «духовное вознаграждение» соотносится в этой притче с верховной сакрально-символической семантикой «Царство Небесное/Царствие Божие (*das Himmelreich/das Reich Gottes*)», на основе соответствия с которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозного претатива.

Перейдем к рассмотрению перспективной сферы. В тексте притчи «О Сеятеле» на житейском уровне интерпретации указывается перспектива видения Сеятеля, *творящего* будущий хлеб: «*Es ging ein Sämann aus, zu säen seinen Samen*» («Вышел сеятель сеять семя свое») (Лк 8:5). В тексте сакрально-религиозной интерпретации Сеятель сравнивается с человеком, который сеет Слово, следовательно, облагается семантическими коннотациями, связанными с добрыми деяниями человека: «*Der Sämann sät das Wort*» («Сеятель слово сеет») (Мк 4:14). На основе этих высказываний можно предположить, что понятие «Сеятель» приобретает семантический компонент Божественной сущности и Ему отводится роль Творца. Так, сема «духовное творение» соотносится в этой притче с верховной сакрально-символической семантикой «Бог, Иисус (*Gott, Jesus*)», на основе соответствия с которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозного перспективата.

Перейдем к анализу метаксативной сферы. На уровне житейской интерпретации притчи «О Сеятеле» процесс взаимоотношения семантических сфер становится условием для выведения нравственной идеи о необходимости быть душевно расположенным принять в себя «семя» («*der Same*») свыше, а значит, поверить в то, что это необходимо. Так, метаксативизация способствует возведению идеи готовности к восприятию того духовного, что

находится за пределами его житейского опыта, в статус трансцендентного символа, необходимого для поиска пути к Вере в некую Высшую силу. Иными словами, слушатель этой притчи должен сделать для себя вывод о том, что для того чтобы «принести плоды» («*Frucht bringen*») в нравственном отношении, нужно быть готовым стать «доброй землей» («*gutes Land*»). Так положительная семантика способности принять «семя» преобразуется Интерпретатором в духовный символ «Путь к Вере». В тексте эксплицитной сакрально-религиозной интерпретации к притче фокусируется внимание на том, что душе человека необходимо духовно принять и осмыслить Слово Божие, чтобы стать угодной Царствию Небесному и встать на путь Веры: «*слышающий слово и разумеющий*» («*der das Wort hört und versteht*»). Отсюда мы можем сделать вывод о том, что сема «воспринимать и осмысливать Слово Божие» соотносится в этой притче с верховной сакрально-символической семантикой «Путь к Вере» («*der Weg zum Glauben*»), на основе соответствия с которой формируется семантическая сфера сакрально-религиозного метаксатива.

Перейдем к рассмотрению средств выражения сферы сакрально-религиозного текстатива. Как на житейском уровне, так и на сакрально-религиозном процесс текстативизации строится по принципу: *градационного перечисления*, завершающегося климаксом, что находит свое выражение в перечне свойств рассматриваемых объектов: «*Und einiges fiel auf gutes Land, ging auf und wuchs und brachte Frucht, und einiges trug dreißigfach und einiges sechzigfach und einiges hundertfach*» («Иное упало на добрую землю и дало плод, который взошел и вырос, и принесло иное тридцать, иное шестьдесят, и иное сто»)/«*die hören das Wort und nehmen's an und bringen Frucht, einige dreißigfach und einige sechzigfach und einige hundertfach*» («те, которые слушают слово и принимают, и приносят плод, один в тридцать, другой в шестьдесят, иной во сто крат») (Мк 4:8, 20); семантического противопоставления: «*Gott*» («Бог») — «*der Teufel*» («диавол»); метафорической аналогии житейского и сакрального уровней: «*Der Same ist das Wort Gottes*» («семя есть слово Божие»); «*das gute Land*» («добрая земля») — «*das gute Herz*» («доброе сердце»). Таким образом, лингвостилистическое сопряжение интерпретативных уровней создает в рассматриваемой притче семантическую сферу сакрально-религиозного текстатива, ведущей категорией которого выступает аллегоричность.

Список литературы:

1. Велижанина Е. М. Сакрально-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи/дис. канд. филол. наук: 10.02.20; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2011.
2. Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста. – Алма-Ата: КазГУ, 1989.
3. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста. – Екатеринбург, 2006.
4. Новый завет. Псалтырь. Притчи. – М.: Рос. Библейс. о-во, 2005.
5. Die Luther-Bibel von 1984. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/>

*Aripova Darya Andreevna,
Irkutsk National Research Technical University,
Candidate of Philology, the Faculty of Applied Linguistics,
the Department of the English Language for technical specialties № 1
E-mail: aripovad@mail.ru*

Interrelation and adjacency of cognitive structures UNDERSTANDING, KNOWLEDGE and EXPLANATION

Abstract: Juxtaposition of concepts UNDERSTANDING and KNOWLEDGE is determined by interchangeability of the mental phenomena of understanding and knowledge in naive linguistic consciousness. Understanding mediates the process of acquiring knowledge, assigns it a specific meaning, reveals its source of origin and identifies its capabilities. Interdependence of cognitive structures UNDERSTANDING and EXPLANATION embodies cause-and-effect relationship.

Keywords: concept, understanding, knowledge, explanation.

*Арипова Дарья Андреевна,
кандидат филологических наук,
Иркутский национальный исследовательский
технический университет, факультет прикладной лингвистики,
кафедра иностранных языков для технических специальностей № 1
E-mail: aripovad@mail.ru*

Взаимосвязь и смежность когнитивных структур UNDERSTANDING, KNOWLEDGE и EXPLANATION

Аннотация: Соположенность концептов UNDERSTANDING и KNOWLEDGE обусловлена взаимозаменяемостью ментальных явлений понимания и знания в наивном языковом сознании. Понимание опосредует процесс получения знания, наделяет его смыслом, раскрывает источник его происхождения и определяет его потенциальные возможности. Взаимозависимость когнитивных структур UNDERSTANDING и EXPLANATION воплощает причинно-следственный тип отношений.

Ключевые слова: концепт, понимание, знание, объяснение.

Процесс мышления является одной из наиболее сложных форм взаимодействия человека с окружающей его действительностью. Возникнув на базе ощущений, восприятий и представлений, оно развивается в абстрактной форме суждений, умозаключений, понятий, гипотез, теорий. Неопределённость границ между ментальными процессами, связь между ними проявляется в факте смешения пропозициональных

установок [4]. Ю. Д. Апресян отмечает, что «четыре смысла 'знать', 'верить', 'считать', 'понимать' внутренне настолько близки друг другу, что их реальные лексические воплощения в разных употреблениях с носительской лёгкостью скользят от одного смысла к другому» [2, 47].

Гносеологическая составляющая феномена понимания изучается в современной философии и

психологии. В философской трактовке осмысление окружающей действительности является наиболее глубоким видом знания и достигается лишь там, где последнее переводится в определённую систему [1].

Познавательный аспект осознания проявляется в характере мыслительных действий с содержанием понимаемого, ориентированных на выход за его рамки, включение уясняемого фрагмента в более обобщённую картину мира. Осуществляя выводы, соотнося предмет познания со своими знаниями и представлениями, жизненным опытом, включая этот предмет в систему причинно-следственных связей, на основе которых возможно его объяснение и предсказание, интерпретация и оценка, человек получает новое знание о нём [6].

Знание, для того чтобы служить основой для понимания, должно быть осмысленным, то есть иметь для субъекта определённый операциональный смысл, сформировавшийся в процессе мыслительной деятельности. «Понимание представляет собой осмысление отражённого в знании объекта познания, формирование смысла знания в процессе действия с ним» [8, 41].

На языковом уровне сопряжённость рассматриваемых феноменов проявляется в корреляции концептов UNDERSTANDING и KNOWLEDGE: *knowledge is information and understanding about a subject which a person has in his or her mind or which is shared by all human beings* [11, 803]. В индоевропейской культуре исконно выделялись два вида знания: земное, человеческое, доступное органам чувств, зрению и слуху, могущее быть истинным или ложным, и высшее, «божественное знание о высшем мире», доступное разуму, вневременное, вечное и всегда истинное [9, 459]. Данные представления воплотились в определении лексемы *knowledge* как индивидуализированной характеристике субъекта (*which a person has in his or her mind*) и общественно присвоенной компетенции (*which is shared by all human beings*).

В наивном языковом сознании понимание ассоциируется у человека с постижением некоторой непреложной истины и идентифицируется им как эпистемическое состояние знания [7]. Для полного или частичного осмысления и приобретения навыков обращения с интересующим предметом необходимо его тщательное изучение, что объективировано в толковании глагола *know*: *If you know about a subject you have studied it and understand part or all of it* [11, 802].

Знание предполагает статичное владение известной информацией, хранящейся в памяти человека,

в то время как уяснение смысла познаваемой сущности происходит в непрерывном движении [5]. Употребление глагола *know* с темпоративным адвербиалом *suddenly*, а также в сложных предложениях, в которых фиксируются скорость и момент наступления осознания субъектом допущенной ошибки или положения дел, в следующих высказываниях репрезентирует соположенность и взаимозаменяемость ментальных явлений понимания и знания: *Suddenly she knew that something was terribly wrong* [13, 894]; *As soon as I walked in the room I knew that something was wrong* [14, 853].

Поскольку в основе осмысления лежат знания и представления, содержанием которых являются достаточно сложные факты и ситуации, то для него обычно требуется определённая мыслительная работа, опирающаяся на предшествующий опыт субъекта [3]. Вербализация ментальной активности, активизирующей такие готовые структуры знания, наблюдается в высказываниях: *"I just felt so tired", "Yeah, I know what you mean" (I understand, because I have had the same experience)* [13, 894].

Сема осознания будущих последствий, прогнозирования, выдвижение человеком гипотез о событиях, ситуациях, способных произойти в перспективе, заложена в глаголе *know*: *She knew the risks involved; Hardly knowing what he was doing, Nick pulled out a cigarette* [13, 893–894]; *She knew she was dying* [14, 853].

Замечено, что предикаты знания имеют валентность на источник получения информации [7, 99]. Глагол *understand*, приобретая в контексте актант, уточняющий источник происхождения поступивших данных, инкорпорирует в себе смысловой компонент знания:

Dear Mr. Jackson, I understand from Widdrington that you have a large house. I would like to tell you how convenient it would be for me to come and stop in it [12, 198].

Лексема *know* реализует значение полного и точного схватывания смысла абстрактного понятия, уверенного осознания некоторого события или факта как истинного и объективного: *know — perceive or understand as fact or truth, apprehend clearly and with certainty* [17, 792]; *understand, perceive clearly as truth* [19, 466]. Примеры актуальных высказываний: *I know exactly what you need!* [13, 893]; *I know the problem fully* [17, 792].

Деноминативный адъектив *knowledgeable* характеризует человека, хорошо разбирающегося в определённой области знания, понимающего положение дел в мире, ключевые идеи и понятия изучаемого

предмета: *knowledgeable* — *someone who has or shows a clear understanding of many different facts about the world or about a particular subject* [11, 803]. В приведённых ниже фрагментах текста, актуализирующих смежность базовых ментальных категорий понимания и знания, репрезентируются как любительские познания субъекта в занимающем его виде деятельности: *Graham is very knowledgeable about wines* [13, 896]; *He was surprisingly knowledgeable about what was going on in the theatre* [11, 803], так и глубокая, требующая тщательного и скрупулезного изучения, эрудиция: *She's very knowledgeable about history* [15, 381]; *She is very knowledgeable about plants* [14, 854].

Понимание может быть уподоблено «трижды знанию» — в его проекции на прошлое, настоящее и будущее [3, 131].

Оно актуализирует прошлый опыт, способствует формированию осмысленного знания о понимаемом фрагменте действительности, включает осознаваемый предмет в общую систему представлений о мире и позволяет предугадывать будущие события.

Корреляцию и взаимозависимость концептов UNDERSTANDING и EXPLANATION подтверждает анализ коллективного языкового представления предиката *explain*, существительного *explanation* и адъектива *explanatory*. Рассмотрим лексикографические толкования данных единиц:

explain — *give details about something or describe it so that it can be understood; make clear or understandable* [11, 495];

explanation — *a statement, fact or a piece of writing that gives a reason for something or makes something easier to understand* [15, 236]; *a statement made to clarify something and make it understandable* [18, 502];

explanatory — *intended to make people understand something by describing it or giving the reasons for it* [11, 495].

Резюмируя содержание словарных дефиниций, отметим, что объяснение нацелено на прояснение и детализацию недостающих элементов в сознании понимающего индивида (*give details about something or describe it so that it can be understood*). Оно обосновывает немотивированные и недоказанные сущности (*statement, fact or a piece of writing that gives a reason for something*).

Человек, имеющий навыки и знания в определённой сфере деятельности, выступает разъясняющим ситуацию или алгоритм действий субъектом. Проиллюстрируем сказанное выше следующими

высказываниями: *The librarian will explain how to use the catalogue system* [13, 549]; *She explained how I should fill in the form* [15, 236].

Лексема *explanatory*, как отмечается в словаре Collins [11], принадлежит формальному стилю общения и качественно характеризует письменные ремарки, основная цель которых — сделать содержание документа, произведения или прибора, к которым данные уточнения относятся, более понятными читателю или пользователю: *There are some explanatory notes at the back of the book* [15, 236]; *They produce free explanatory leaflets on heating* [11, 495].

Реализуя причинно-следственный тип отношений, объясняющая часть любого утверждения или информации является предпосылочной, обуславливающей осмысление узнаваемых человеком данных.

Иногда без подробных комментариев партнёра по коммуникации понимание основных идей продукта материальной культуры представляется невозможным, например:

The book from which Felix instructed Safie was Volney's 'Ruins of Empires'. I should not have understood the purport of this book, had not Felix, in reading it, given every minute explanations [16, 115].

Стремясь не чувствовать себя одиноким, субъект ищет себе сообщника, который бы разделял его мысли и чувства. Для распознавания истинного друга среди других людей он в доверительном аргументировании рассказывает о волнующих его проблемах представительнице противоположного пола, небезосновательно рассчитывая увидеть в лице последней моральную поддержку (*she immediately understood*):

No, I'm a normal person, and I just wanted a lot of normal people want. I wanted my life looked at. I began to explain this one day to my friend Brigitta, not being sure I could put it any better than the above, but she immediately understood [10, 293].

Проведённый дефиниционный и контекстуальный анализ языковых средств, номинирующих концепты UNDERSTANDING, KNOWLEDGE и EXPLANATION, демонстрирует взаимообусловленность данных конструкторов сознания. Наиболее выраженной характеристикой этих отношений является каузация осмысленного постижения сущности разъясняющей её содержание детализацией. Процесс накопления человеком знаний предполагает их дальнейшую обработку, упорядочивание и осмысление. Результатом этой мыслительной активности является понимание.

Список литературы:

1. Автономова Н. С. Понимание как логико-гносеологическая проблема. // Вопросы философии. – 1981. – № 5. – С. 164–169.
2. Апресян Ю. Д. Проблема фактивности: знать и его синонимы. // Вопросы языкознания. – 1995. – № 4. – С. 43–64.
3. Апресян Ю. Д. Знать. // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. / сост. Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, М. Я. Гловинская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон и др. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – Вып. I. – С. 129–137.
4. Арутюнова Н. Д. Полагать и видеть (К проблеме пропозициональных установок). // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М.: Наука, 1989. – С. 7–30.
5. Богин Г. И. Филологическая герменевтика. – Калинин: Калининский государственный университет, 1982.
6. Гурова Л. Л. Процессы понимания в развитии мышления. // Вопросы психологии. – 1986. – № 2. – С. 126–137.
7. Дмитриевская М. А. Механизмы понимания и употребление глагола понимать. // Вопросы языкознания. – 1985. – № 3. – С. 98–107.
8. Знаков В. В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
9. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2001.
10. Barnes J. A History of the World in 10 ½ Chapters. – London: Picador, 1990.
11. Collins Cobuild English Language Dictionary/Ed. by Crystal, D., J. Sinclair. – London; Glasgow: Collins, 1991.
12. Forster E. M. The Longest Journey. – London: Penguin Classics, 2006.
13. Longman Dictionary of Contemporary English/Ed. by A. Waters. – USA: Longman, 2005.
14. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/Ed. by S. Wehmeier. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
15. Oxford Wordpower Dictionary./Ed. by M. Steel. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
16. Shelley M. Frankenstein. – М.: Астрель, 2006.
17. The Random House Dictionary of the English Language./Ed. by J. Stein. – New York: Random House, 1970.
18. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language. – New York-New Jersey: Gramercy Books, 1989.
19. Webster's New Collegiate Dictionary: based on Webster's New International Dictionary/Ed. by Ch. Laird. – Springfield: G&C/Merriam Co., Publishers, 1958.

*Bashmakova Irina Stepanovna,
Irkutsk State Technical University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
the Faculty of Applied Linguistics
E-mail: bis61@mail.ru*

Phraseologisms use in scientific & technical texts and their translation techniques

Abstract: The article dwells on the linguistic and extra-linguistic factors of phraseologization in scientific and technical texts. The phraseologism functions in technical texts are designated. The terminologization phenomenon of phraseologisms is identified. Interaction principles between phraseologism and its context are formulated. The main directions of contextualization in terms of discourse are determined. Idiomatic contexts are considered as mythological discourse components. Due to that point, the technique of analyzing and translating phraseologisms is defined. In the given article the terms phraseologism and idiom are considered as fully interchangeable.

Keywords: phraseologism, idiom, phraseologization, contextualization, linguistic factors, extra-linguistic factors, term, term formation process, target language, cognitive center, categorization, mythological discourse.

Phraseology is a unique treasure of any language. Being highly informative language units, phraseologisms/idioms, constant combination of words with holistic meaning [1], reflect the history of people, the uniqueness of people's culture, the events which once happened. As a result, the question of phraseologism/idiom translation into other languages is of particular importance in the science and practice of translation. Moreover, there is a tendency to use phraseologisms not only in belles-lettres but in technical texts, as well. The aim of the given article is to offer phraseologism translation technique based on the author's interpretation approach to English idioms. According to the author's point of view, any phraseologism has its cognitive center. The center is of a myth type [2, 119–124]. To know the myth means to interpret the necessary phraseologism in the right way, consequently, to translate the text itself into another language adequately. The author's approach to understanding idioms gives wide opportunities for further discoveries in representing knowledge in mythological terms of language and speech analysis, which is the sphere of anthropologists, linguists and political scientists, in the course on intercultural communication, in the theory and practice translation.

The research materials are well-known English idioms/phraseologisms and newly formed ones. The research is focused on phraseological identification method [3].

Among linguists there are several notions which exist on the point how to translate texts from original language into other languages. Some scholars suppose that the information expressed by author in the text should be "reexpressed" by translator; others offer not to translate the words but to translate the text impression. In spite of the differences in approaches to the process of translation, we have to admit the fact that we can't do without translation process today. As we live in the time of globalized world, we have to expand cooperation between states, to conduct intercultural dialogue, to be aware of great deal of information in various professional spheres. Accordingly, not only professional translators but, the great majority of population as well, have to do different sorts of text translation day by day.

For subsequent research, it is necessary to define the content of the term "text". In the given article, the definition of Kintsch and van Dijk, based on cognitive linguistics principles, has been chosen [4, 5]. According to the scientists' approach, discourse is considered to be the broadest linguistic object encircling not only the language structure of the speech product, but also

the typical parameters of the communicative situation. In contrast to discourse, text is a more specific phenomenon, which does not go beyond the actual structural and semantic parameters of speech works. In speech activity communicants can move from discourse to text and vice versa, depending on their role at a certain period of time. The first way is the production of speech, the search for linguistic means of expression of the information that speaker/writer intends to inform listener/reader, i. e. from discourse to the text. The second way is the action of listener/reader. If the interpreter wants to penetrate deeper into the meaning of a particular text, as in the case of translation, he has to derive the necessary information out of the discourse components. Exactly discourse gives information about things or people, about events or actions, i. e. about the precise fragments of the world called a situation or models. As a result of the text understanding is the text meaning presentation in episodic memory in the form of a text base. The text base represents the meaning of the given context, whereas a model represents the referred situation (denotation of the text). This kind of model plays an important role in such mental activities as reasoning, image creation, recollection, recognition, etc. The above detailed review gives the opportunity to analyze texts with phraseologisms/idioms in their content more adequately. As it was mentioned above, the two terms phraseologism and idiom are regarded as interchangeable.

It is considered that idioms might be used for more expressiveness in belles-lettres only. However, with all its stylistic distance from fiction rich with expressive means, idioms can be used in scientific and technical texts, as well. The examples below are the illustrations to the given affirmation.

1. The Achilles' heel of X-ray laser turned out to lie in how tightly the beam can be focused. (Helmholz association of German research center) [6].

2. The Achilles' heel of senescent cells: from transcriptome to senolytic drugs [7].

3. Risk compensation: the Achilles' heel of innovations in HIV prevention? [8].

4. BIS Working Papers No 456 The international monetary and financial system: its Achilles' heel and what to do about it [9].

5. While translating the first sentence including the idiom "the Achilles' heel", we are to take into consideration the fact that X-ray laser has a destructive flaw which leads to fatal consequences. Such conclusion has to be done because of the extra information implicit in the discourse. No doubt, in any text where an idiom is

used, an addresser/addressee “extracts” extra knowledge out of his episodic memory. As a rule, such information is of a myth type. While analyzing the first example, we deal with the Greek legend about Achilles, a historical character, who was dipped to the water of the river Styx in order to be invulnerable. His mother held him by his heel, and consequently that was the only invulnerable part of Achilles’ body. Later, Achilles, a man of war survived in many great battles, was killed with a poisonous arrow got shot exactly to his heel [10]. The idiom Achilles’ heel becomes a mythological discourse unit where are no taxis relations. Exactly, the mythological discourse is the integer from which the part (idiom) is extracted from. The anthroponym Achilles as a part of the idiom is included harmoniously in the discourse structure which possesses the mythological narration. Accordingly, the use of phraseologism “Achilles’ heel” in the given above extract is not accidental but purposeful, viz. to persuade scientists to improve the laser quality as the use of it might lead to mortal consequences.

Many scientists specify the mythological contexts which denote knowledge (Losev, 1994, Pyatigorsky, 1996, 2004, Pakhomov, 2012) [11; 12; 13]. There is nothing haphazard in the world. Any myth is originated by facts. As any personalities or events are unique, they are the “core” of phraseologisms with its universal significance. Thus, myth is a symbol which has a generalized principle of semantic content further explication. It is considered, that all phraseologism components have equal parts in its formation [14]. Nevertheless, it is possible to make more radical affirmation. The affirmation is about cognitive center of phraseologism which represents specific knowledge of a mythological type [2, 73–78]. It is the center where illocution and proposition are in one. Being the cognitive center of phraseologism, it irradiates on the rest components by its symbolic meaning. Thereby, the translation of the text including phraseologism is implemented with taking into account the information, incorporated into the phraseologism generally and to its center, particularly. It is absolutely clear how to interpret the sentence or a text which includes phraseologism and this phraseologism is with a proper name in its structure. However, far not all phraseologisms are formed with proper names. What is the way to translate the texts with phraseologisms, trying to preserve the meaning that the author intends to bring to addressee’s mind?

The Russian linguist Retsker Ya. I., distinguishes three ways to transfer phraseologisms into a foreign language. They are: 1) with full image saving; 2) with a partial image

change; 3) with a complete image change [15]. Thus, while translating, one can present the concept in translator’s own words, or he can give the proper meaning of the words, or substitute signs of one semantic sign system by another semantic system signs. In each case, the choice of translation decisions depends on the particular use of the transformed idioms, on the presence or absence of correlative means in the target language.

Roughly we can divide all translations into phraseological and nonphraseological translations. Phraseological translation means the use of phraseologisms in a form of absolute equivalents or partial idiomatic compliance in the text of translation (e.g. to play the first violin = to play the first fiddle, to go against the flow = to go against the stream, etc.). Partial equivalents are: to stand sb.’s ground = to stand on one’s bottom, to laugh stealthily = to laugh into one’s sleeve, etc. Phraseological equivalent means such an idiom, which is fully matched to the meaning in the target language. As a rule, such idioms are based on a unique single image. Translators can transfer them to another language without any difficulties. As it was mentioned above, all phraseologisms which include proper names are based on a single image incorporated in myth. Hence, the meaning of the translated variants will be remained. Unfortunately, more often translators have to substitute phraseologisms or to omit them. In this case, nonphraseological translation is presented (e.g. in Russian “обобрать как липку” means “to rob sb.” but not to pluck linden flowers from the linden tree). As there are no equivalents in other languages to a large number of phraseologisms, translation transformations are used like the ones used for belles-lettres. Translation transformations are interlingual transformations of the original text elements with the view of achieving the translation equivalent in the target language. Such transformations give opportunity to convey to the reader more accurate meaning of the text with phraseologism. Taking into consideration large amount of translated works dealing with phraseologisms in technical texts, it can be concluded that the most frequently used means of transformation are: phraseological loan translation (literal translation), transliteration (alphabetic transfer), description (explanatory translation when the original phraseologism is described by details), approximate translation (the original phraseologism is interpreted by matching words with significant similarities which can reveal the essence of the described phenomenon).

As it was already mentioned above, the main peculiarity of scientific and technical text is accurate, complete presentation of the material with little amount of

expressive elements which are often used in literature for emotional intensity. However, lately, more and more idiomatic combinations of a technical nature are used in scientific and technical texts (e.g. In full blast; Wing-box; The wire is alive; Hot side; Fish plate, The fly-by wire, egg and dart, etc.). The particularity of information expression does not prevent such phraseologisms to function as units of special concepts nominations in scientific and technical texts. In some cases, they represent author's individuality or the oneness of the sphere use. In view of the fact that phraseologisms with technical focus are motivated by analytical entities, the translation problems are of the same sorts as with the translation of phraseologisms in belles-lettres.

It should be noted that phraseologisms in technical text have the traditional functions. They are: nominative, communicative, cognitive. Moreover, phraseologism in such texts is allotted by additional functions:

- The function to express information;
- Axiological or valuation function;
- The function to storage and transmit national and cultural concepts and concepts of professional knowledge;
- The function of conceptual lacuna filling by phraseologism which in compressed form contains the necessary information, explicable by linguacultural analysis;
- Text-forming function in the form of verbalized discourse markers that have phraseologism properties [16].

The process of phraseologisation in technical texts is correlated with the processes of synonymy, polysemy, metaphor and metonymy that lead to the idiomatic properties formation of professional lexis. In turn, because of the multilingual communication increase in scientific and technological world, one can observe a terminologization phenomenon of phraseologisms themselves. In this process, phraseologisms are endowed with additional significance and function as multi-terms.

There are two directions of phraseologism transition into the term category. They are:

1) when the phraseologism itself becomes the term (e.g. to drop out of the picture; the ports are very much on the ball);

2) when the term-phraseologism is transferred to another sphere, absolutely different in meaning (e.g. oil spill — in new category means to reveal a secret with serious consequences for the person whose secrets were revealed; a shot in the locker — in new category means remaining possibility).

The main function of scientific and technical text is to describe the linguistic and conceptual fact of a particular field of knowledge by professional lexical means. However, in scientific and technical texts, along with special terms phraseologisms (idiomatic expressions) are used, performing expressive function, comprising discourse markers. Extralinguistic factors that influence on the frazeologization process in scientific and technical texts are interdisciplinary sciences achievements, the results of globalization, active internationalization of production.

Conclusion:

1. The aim of scientific and technical text is to give information of a particular field of knowledge by means of professional lexis. However, along with professional terms in scientific and technical texts phraseologisms/idioms are used.

2. Extralinguistic factors which influence on the process of phraseologization in scientific and technical texts are globalization, international cooperation in different spheres.

3. Traditionally, phraseologism/idiom is considered to be a unique sign which can hardly be interpreted by any logical scheme. However, the phraseologism meaning can be defined by the phraseologism cognitive center interpretation.

4. The world we are living in is the world of myths. Discourses can represent myths, as well. In this case, discourses are of irrational type. Phraseologisms with proper name are represented in communicant's linguistic world as components of definite mythological discourses. In the act of phraseologism with proper name usage, the first indicators are the idiom links with the discourse of a definite type, and immanent meaning structure of the phraseologism. The proper name predicative meaning type of realization is significant.

5. The determination of phraseologism cognitive center and the way of its categorization is the main phraseologism translation technique.

References:

1. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс+, 2005.
2. Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима в составе английской идиомы. – Иркутск: Иркутский гос. лингвист. университет, 1998.
3. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1972.

4. Dijk T.A. van. Discourse as Structure and Process.//Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 1. – London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 1997.
5. Kintsch W. The Representation of Meaning in Memory. – Hillsdale, New York: Erlbaum, 1974.
6. The Achilles' heel of X-ray laser.//[Electronic resource]. – Available from: <http://subscribe.ru/archive/job.lang.perevod1/201110/26103603.html> (Date Views 22.04.2015).
7. The Achilles' heel of senescent cells.//[Electronic resource]. – Available from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/accel.12344/abstract> (Date Views 22.04.2015).
8. Risk compensation.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1397752/> (Date Views 22.04.2015).
9. BIS Working Papers No 456.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.bis.org/publ/work456.pdf> (Date Views 22.04.2015).
10. Лосева И. Н. Библиейские имена: Люди, мифы, история. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
11. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. – М.: Мысль, 1994.
12. Пятигорский А. М. Мифологические размышления. – М.: Языки культуры, 1996.
13. Пахомов С. В. Историко-мифологический дискурс западных эзотерических традиций. – СПб.: ПХГА, 2012.
14. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: ФЛИНТА, 2014.
15. Рецкер Р. И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М.: Международные отношения, 1974.
16. Димитриева Е. Н. Процессы фразеологизации в английском научно-техническом тексте. Авт. дисс. канд. фл. наук. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.dissercat.com/content/protsessy-frazeologizatsii-v-angliiskom-nauchno-tekhicheskome-tekste>. (Date Views 23.04.2015).

*Bondarenko Alla Ivanovna,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
doctoral student, Institute of Philology
E-mail: alla_bon@ukr.net*

Integrative approach to analysis of temporality markers in Ukrainian poetry of the 20th century

Abstract: The paper suggests a linguistic methodology to analyse the functional-semantic field of temporality in poetic language. It argues for an integrative (polyparadigmatic) approach to the subject of analysis. It defines the nature of such approach, singles out the factors which justify its use, formulates its principles as well as anticipates the results of the study.

Keywords: functional-semantic field of temporality, temporality markers, integrative approach.

*Бондаренко Алла Ивановна,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко,
докторант, Институт филологии
E-mail: alla_bon@ukr.net*

Интегративный подход к изучению маркеров темпоральности в украинской поэтической речи XX века

Аннотация: В статье рассматривается проблема поиска лингвистической методологии изучения функционально-семантического поля темпоральности в поэтической речи. Обосновывается интегративный (полипарадигмальный) подход к предмету анализа, определяется его сущность, выделяются факторы, обуславливающие его выбор, формулируются принципы, прогнозируются результаты научного исследования.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле темпоральности, темпоральные маркеры, интегративный подход.

Определение методов научного познания, их философское осмысление приводит к понятию парадигмы, которое функционировало еще в работах ученых античности, а также исследованиях Ф. де Соссюра. Т. Кун видит в парадигме признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений [1, 11]. Е. Кубрякова выделяет в семантике анализированного термина три основных параметра, относящихся к общенаучным положениям, предмету исследования и его процедуре [2, 10]. Следует признать, что в современной лингвистике не существует общего мнения в вопросе количественных и качественных характеристик парадигм, а также их названий (см. работы Ю. Караулова, В. Масловой, Е. Селивановой).

Известно, что лингвометодология обуславливает формирование важных проблем, ключевых понятий, способов и средств изучения языка в связи с возникновением парадигм изучения лингвистических явлений. Под лингвистической парадигмой украинские языковеды понимают подход к рассмотрению языка, совокупность принципов исследования, принятых в определенном научном сообществе (Е. Селиванова) [3, 31] либо основное направление в методологии научного исследования (Л. Мацько) [4, 421]. Большинство ученых признают функционирование в современной лингвистике таких парадигм, как функционально-прагматическая, когнитивно-дискурсивная и синергетическая.

Нынешний этап развития украинского языкознания характеризуется доминированием когнитивно-дискурсивной парадигмы. Однако это не предполагает отказа от инструментария, который базируется на других подходах, тем более если его ресурсы целесообразно использовать в связи со спецификой изучаемого материала. В процессе анализа функционально-семантического поля темпоральности рядом с когнитивным рассмотрением, которое осуществляется в связи с изучением роли языка в познании времени как формы существования материи и категории культуры, должны идти системно-структурная, функционально-семантическая парадигмы.

Целью данной статьи является обоснование интегративного (полипарадигмального) подхода к изучению единиц функционально-семантического поля темпоральности в украинской поэтической речи XX века. В нашем понимании такой подход обозначает использование возможностей как традиционных, так и сравнительно новых парадигм;

методического и терминологического инструментария логической и когнитивной семасиологии, теории модальности, лингвистики текста, использование которых представляется эффективным в процессе изучения темпоральной семантики; принципа холизма, использование которого предполагает единство разных подходов, мотивированное использование данных многих наук; связь семантического, прагматического и когнитивного элементов содержания, восприятие речи как открытой системы, чувствительной к внешним социокультурным воздействиям. Следовательно, в **задачи** статьи входит определение факторов, создающих основание для рассматриваемого анализа, принципов изучения, а также прогнозируемых в связи с избранным подходом результатов исследования.

Указанное направление в изучении темпоральной семантики поэтической речи обусловлено как внешними, так и внутренними факторами (последние определяют специфику исследуемого материала). Поскольку в рамках каждой из упомянутых выше парадигм на соответствующем этапе развития лингвистики был накоплен значительный опыт в изучении определенных аспектов языка и речи, то его использование в процессе анализа такого сложного и многомерного явления, каким является функционально-семантическое поле темпоральности, видится целесообразным, и в первую очередь потому, что компонентам этого поля присущи разносторонние характеристики, они имеют сложные внутренние и внешние связи.

Во-первых, темпоральные маркеры характеризуются *разнообразием структурно-семантических реализаций*. Функционально-семантическое поле темпоральности составляют компоненты разных уровней, среди которых есть словные и сверхсловные, содержащие семы времени как в ядерной, так и периферийной зонах значения, денотативной и коннотативной структуре.

Во-вторых, единицы поэтической речи, которые являются носителями темпоральной семантики, обладают *прагматическим потенциалом*, связанным с реализацией коммуникативной программы художественных текстов, идейно-эстетической концепции поэтических произведений. Модальность единиц художественной речи неразрывно связана с их *аксиологической* сущностью, которая сформировалась на основе позитивной либо негативной информации об историческом, космическом, индивидуально-бытийном времени. Темпоральные

маркеры реализуют эмотивную, рациональную, телеологическую, эстетическую оценки. Последняя обусловлена функцией поэтической речи, результатом которой не является иконическое изображение действительности, поэтому ее компоненты обладают *алетической* модальностью (понимание последней, так же как и эпистемической, деонтической, пришло в семасиологию из интенциональных логик). Алетическая модальность связана с семантической плоскостью фантазии, воображения, фикциональности художественных миров. Познание сути времени с помощью поэтических средств происходит также благодаря существованию стереотипных форм лингвокультуры. Речь идет о символах, общеизвестных онимах, интертекстуальных единицах, содержащихся в прецедентных текстах. В связи с этим перед исследователем ставится задача поиска семантических механизмов *эпистемической* модальности. Идеино-эстетическое содержание поэтических текстов связано с формированием представлений о морально-этическом, патриотическом долженствовании. Такая художественная информация связана с *деонтической* модальностью единиц поэтической речи.

В-третьих, исходя из того, что темпоральные маркеры служат средством познания одной из форм материи и категорий культуры, их целесообразно изучать также и в когнитивно-семантическом аспекте. Они способствуют постижению бытия в его временных измерениях: социально-историческом, космическом, индивидуально-бытийном.

Исходя из приведенных соображений, можно прогнозировать, что полипарадигмальный подход даст возможность осуществить *полноаспектное* изучение единиц функционально-семантического поля темпоральности в поэтических текстах XX века. И. Арнольд считает, что интеграция направлена на получение наиболее интересных результатов, которые возникают на гранях наук [5; 7]. Мы полагаем, что интегративный подход к изучению темпоральных маркеров в поэтической речи XX века имеет ряд преимуществ, связанных с получением ожидаемых результатов. Среди них, в частности, предполагается *реконструкция функционально-семантического поля темпоральности*, которая поможет установить его лексико-семантические, лексико-грамматические компоненты, эксплицитные и имплицитные темпоральные маркеры, определить контекстуальные индикаторы элементов поля, изучить механизмы сочетаемости лексики в составе микрообразов времени, а также рассмотреть место

в указанном поле сверхсловных интертекстуальных единиц.

Полипарадигмальный подход будет способствовать изучению *семантических оснований модальности* темпоральных маркеров, определению роли в их построении внутренних механизмов оценки разных типов. Указанная оценка будет рассматриваться с учетом сфер жизненной активности человека; в аспекте фикциональности художественного мира, несовпадением его вербальной формы с языковым узусом; в связи с понятием долженствования, неразрывно связанным с представлением о роли личности в социально-политических процессах; в соответствии с эстетически ориентированным познанием времени на основе прецедентных лингвокультурологических феноменов.

Привлечение в качестве инструментария исследования методических ресурсов разных лингвистических парадигм позволит рассмотреть отношения между *структурой* и *функциями* компонентов поля темпоральности, а также *релевантность* основных семантических типов поэтического времени и когнитивно-семантических параллелей разным видам оценки и модальности в целом.

Функционально-семантическое поле темпоральности неоднородно по структурно-ролевым характеристикам компонентов, поэтому важно выделить составляющие его подсистемы, обеспечивающие реализацию эстетической, онтологической, аксиологической и гносеологической функций темпоральных маркеров. Для этого необходимо изучить *синтагматические* и *парадигматические* связи внутри изучаемой системы. Первые формируются в микроконтексте на основе ассоциаций по смежности, вторые образуются внутри всего произведения на основе гипо-, гиперонимических, синонимических, антонимических, а также ассоциативных связей.

На основе структурно-функциональных исследований целесообразно определить *иерархическое строение* указанного поля. Учитывая количественные и качественные характеристики темпоральных маркеров, необходимо выделить его ядро, приядерную зону и периферию. Предполагается, что эксплицитные маркеры, которые к тому же имеют разнообразные модальные характеристики и значительный когнитивный потенциал, находятся в центре функционально-семантического поля темпоральности.

Структура и функции темпоральных маркеров неразрывно связаны с заложенными в них *системой знаний* и *операций мышления*. Этническая и

поэтическая речевые картины мира имеют как похожие, так и отличительные черты. Отсутствие материального референта времени приводит к появлению большого числа когнитивных параллелей. Выбранный для анализа полипарадигмальный подход даст возможность сопоставить постоянные и необходимые связи в этнической и поэтической картинах времени; проанализировать структуру референтной и коррелятивной зон, которые формируют указанные параллели; найти архетипные основания построения когнитивно-семантической системы времени в поэтических текстах XX века.

Основание интегративного подхода составляет ряд принципов. Принцип *антропоцентризма* в исследовании связан с тем, что в нем поэтическая речь рассматривается в аспекте лингвоментальной деятельности. При этом осуществляется поиск семантических механизмов модальности разных типов, поскольку темпоральные маркеры аккумулируют информацию, связанную с позитивной либо негативной оценкой (аксиологическая модальность), отношением высказанного к реальности (алетическая модальность), знаниями культурологического характера (эпистемическая модальность). Использование антропоцентрического принципа в исследовании охватывает также определение когнитивных механизмов, которые в обобщенном виде демонстрируют процесс познания времени с помощью поэтических средств.

Вторым принципом исследования является *диалогизм*, основания которого заложены в работах В. Гумбольдта (связь языка и ментальности этноса), М. Бахтина (коммуникация культур), Ю. Лотмана (соотношение языка с семиотическим пространством

культуры), Е. Селивановой (построение модели менталпсихонетического комплекса анализа текстов). Применительно к содержанию исследования диалогизм реализуется как способ соотношения семантики темпоральных маркеров с разными типами контекстов (социокультурным, лингвокультурным, философским, психологическим и др.).

Третим из основополагающих принципов указанного научного анализа является *функционализм*. Ресурсы изучаемого поля как компоненты поэтической речи рассматриваются в деятельностном аспекте, который обосновывал еще А. Потебня. Их *эстетическая* функция связана с окказиональностью, распространяющейся на неолексемы темпоральной семантики, неузвальную лексическую сочетаемость, а также ассоциативные связи словных и сверхсловных темпоральных маркеров внутри художественного целого. Формируя оценку, последние выступают средством *аксиологической* сущности поэтической речи. Компоненты функционально-семантического поля темпоральности выполняют также *гносеологическую* роль, направленную на познание времени как формы существования материи и категории культуры.

Таким образом, интегративный (полипарадигмальный) подход к изучению темпоральных маркеров поэтических текстов XX века выбран нами с учетом специфики структуры и функций поэтической речи в целом и изучаемого материала в частности, его погруженности в знаковое пространство социума и культуры, а также в связи с ожидаемыми результатами исследования, которые невозможно получить без использования инструментария модальной и когнитивной семантики.

Список литературы:

1. Кун Т. Структура научных революций/Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
2. Кубрякова Е. С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус./Е. С. Кубрякова//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – Т. 53. – 1994. – № 2. – С. 3–15.
3. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми: [підручник]/О. О. Селіванова. – Полтава: Довкілля, 2008. – 712 с.
4. Мацько Л. Лінгвосинергетичний аналіз./Любов Мацько//Л. Мацько. Українська мова в освітньому просторі: [монографія]. – К.: Вид-во НПУ імені М. П. Драгоманова, 2009. – С. 421–429.
5. Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике./И. В. Арнольд. – Москва: Высшая школа, 1991. – 141 с.

Walter Arthur,
Vienna University of Economics and Business,
doctoral student, Institute for Slavic Languages
E-mail: 1arthur1walter1@gmail.com

The significance of lingua franca for the promotion of the concept of sustainable development

Abstract: The paper covers the significance of Lingua franca not only as a language of intercultural communications, but also as a necessary component of the adequate satisfaction of fundamental human needs and of the prevention of socio-economic pathologies. It is stressed in the paper that the overcoming of the language barrier by intercultural communications is one of the key conditions of the further promotion of the concept of sustainable development. The establishment of the regional Lingua franca, in author's opinion, will further the acceleration of promotion of the concept.

Keywords: sustainable development, intercultural communications, human needs, regional Lingua franca.

Вальтер Артур,
Венский экономический университет,
докторант, Кафедра славянских языков
E-mail: 1arthur1walter1@gmail.com

Значение лингва франка для продвижения концепции устойчивого развития

Аннотация: Статья освещает значение лингва франка не только как языка межкультурных коммуникаций, но и как необходимую составляющую адекватного удовлетворения фундаментальных человеческих потребностей и предотвращения социально-экономических патологий. В статье подчёркивается, что преодоление языкового барьера при межкультурных коммуникациях — одно из ключевых условий дальнейшего продвижения концепции устойчивого развития. Становление региональных лингва франка, по мнению автора, будет способствовать ускорению темпов продвижения данной концепции.

Ключевые слова: устойчивое развитие, межкультурные коммуникации, человеческие потребности, региональный лингва франка.

*Die Sprache ist das Haus des Seins.
Язык — это дом бытия.
Martin Heidegger*

Über den Humanismus. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1949. S. 5.

Согласно библейскому преданию гордыня и тщеславие, обуявшие наших предков, лишили человечество великого дара — единого языка, который давал возможность беспрепятственно общаться и согласованно созидать. Со времён строителей Вавилонской башни и до наших дней проблема преодоления языкового барьера при межкультурных коммуникациях остаётся по-прежнему неразрешённой, поскольку так и не был принят единый язык для всех времён и народов. Предпринимались многочисленные попытки создать и распространить новые языки, как, например, эсперанто, однако эти лингвопроекты не нашли достаточно широкого применения. Периодически в некоторых сферах человеческой деятельности опре-

делённые языки играли роль средства коммуникации между представителями различных культур, т. е. лингва франка: латынь в научном мире средневековья, французский как язык дипломатов перед Второй мировой войной, английский как язык науки и бизнеса в наши дни. С течением времени актуальность выделения всеобщего языка-коммуникатора, необходимого для более эффективного информационного взаимодействия широких кругов международной общественности, продолжает возрастать.

Сегодня перед человечеством стоит более грандиозная задача, чем строительство ветхозаветного небоскрёба — это достижение всеобщего благополучия и изменение человеческого поведения

от примитивно-потребительского до ориентированного на ценности устойчивого развития [16], предполагающего осознанную ответственность перед потомками за результаты экономической и социальной деятельности, а также состояние окружающей среды. Предстоит огромная работа в этом направлении, которая должна объединить усилия как правительственных, так и общественных организаций разных стран, усилия всех и каждого, независимо от региона проживания на нашей планете [14]. Эффективная помощь представителям разных стран, этнических групп, возрастов и уровней образования в расширении возможностей неформального общения и обмена информацией относительно достижений в области устойчивого развития — непростая задача для институций, занимающихся исследованиями в области устойчивого развития и популяризирующих эту концепцию [14]. Преодоление языкового барьера при межкультурных коммуникациях является одним из ключевых условий, обеспечивающих эффективность этой помощи. Всеобщий язык пока не создан, но глобализация всех протекающих в мире процессов, особенно направленных на преодоление нищеты и голода, удовлетворение основных человеческих потребностей и на улучшение качества жизни, требует контакта и взаимопонимания на уровне обычных людей — жителей разных стран, а не только политиков или деятелей науки. Следовательно, появляется необходимость решить языковую проблему межкультурных коммуникаций доступными средствами уже сейчас, используя феномен под названием «лингва франка».

Чилийский экономист Манфред Макс-Неф в работе «Development and human needs» [11] подчёркивает, что отсутствие адекватного удовлетворения любой из девяти фундаментальных человеческих потребностей приводит к человеческой нищете (в широком смысле) и социально-экономическим патологиям. Он включает в число этих потребностей Понимание (Understanding), Участие (Participation), Творчество (Creation), Свободу (Freedom), которые характеризуют, по нашему мнению, духовность человека, его способность подняться выше материальной стороны бытия. Согласно концепции Макс-Нефа удовлетворителями (satisfiers) потребностей выступают не экономические товары, а политические структуры, социальные практики, концепции, законы, ценности и нормы, т. п. [11]. Исходя из предложенного Макс-Нефом определения, к понятию «удовлетворитель» (satisfier) [11] мы можем отнести и средство

коммуникации, познания, творчества — язык. Нарастающие информационные потоки, интернациональный характер проблем бытия и миграционные процессы побуждают человека искать способы преодоления языкового барьера. Стремление посредством универсального языка ощутить себя по-настоящему свободной, понимающей, творческой личностью, активно участвующей в общемировых начинаниях, охватывает всё большее количество людей. Лингва франка в современном мире становится необходимым компонентом для адекватного удовлетворения человеческих потребностей и предотвращения социально-экономических патологий.

В полной мере понимая значимость лингва франка в обеспечении нормального функционирования всех институций в государстве, укреплении социальных связей в обществе, ускорении претворения в жизнь социально-экономических новшеств, некоторые страны с мультиэтническим составом населения, как, например, Индия, используют сразу несколько языков в качестве средства межэтнических коммуникаций. В Индии, кроме официального языка Союза — хинди и 21 регионального официального, используется ещё и английский в официальном делопроизводстве [1]. Английский, в сущности, применяется в качестве лингва франка на территории страны. Хинди для представителей многих местных этнических групп также играет роль лингва франка. Проиллюстрировать эти факты можно, используя статистику количества L2 [Примечание 1] говорящих на хинди — 164 млн. человек [10] и на английском около 200 млн. [7]. Наличие в стране сразу нескольких языков с высоким статусом, используемых для межэтнических коммуникаций, несомненно, позитивно влияет на жизнь индийского общества, спланировав его, особенно в области поддержки курса на устойчивое развитие, заинтересованность в котором Индия задекларировала [17] на международном уровне.

Приведённый выше пример одной из мультиэтнических стран позволяет продемонстрировать как на законодательном уровне, применяя рациональную языковую политику, можно вполне успешно решать языковые проблемы коммуникаций. Однако возникает вопрос: как преодолевать межкультурный языковой барьер на более масштабных территориях, чем отдельно взятые страны? Возможный ответ заключается в отыскании своего рода регионального лингва франка [Примечание 2], который может и не иметь официального статуса, но быть языком межэтниче-

ских и межкультурных коммуникаций де-факто. Пока процесс формирования глобального лингва франка продолжается, в различных регионах мира под влиянием определённых социально-исторических и экономических условий происходит самопроизвольное выделение языков межкультурного общения. Количество L2 говорящих и стран-пользователей свидетельствует об этом.

Согласно статистике, в 43 странах, относящихся к различным регионам мира, используется немецкий язык — 90 млн. говорящих и при этом L2 говорящих — 28 млн. человек [4], что составляет более четверти от общего числа пользователей. В этих странах для многих из L2 говорящих немецкий стал фактором, укрепляющим как внутри-, так и внесемейные социальные связи [2], а также языком межкультурных и межэтнических коммуникаций как в странах проживания, так и за их пределами в рамках определённой историко-географической территории, т.е. региональным лингва франка.

Французский язык распространён в 60 странах мира, причём в некоторых из них (Тунис, Алжир, Камбоджа и др.), не являясь родным для местного населения и не имея официального статуса [3], широко используется на бытовом уровне и, естественно, также выступает в качестве лингва франка при межкультурных контактах.

Ещё одним примером такого применения языка может служить русский на территории постсоветского пространства. Так исторически сложилось, что в странах, входивших некогда в состав СССР, для широкого круга жителей, особенно старшего поколения, русский — это единственный иностранный язык, который они понимают. В этих странах, за пределами страны происхождения, русский используется в различных статусах — от государственного до иностранного. Так, по разным оценкам, насчитывается от 100 млн. до 110 млн. L2 говорящих на русском языке [5; 18; 19].

Украинская студентка, пожилой житель Узбекистана, бизнесмен из Казахстана и молдавский учёный почти наверняка смогут общаться друг с другом на русском языке, а значит, смогут найти общий язык и решать общие задачи [9; 18]. Русский язык, доставшийся им в наследство от распавшегося СССР, стал своего рода межкультурным коммуникатором и, следовательно, выполняет функцию лингва франка в данном регионе.

Ограниченность средств, нехватка свободного времени, удалённость от образовательных языковых цен-

тров и недостаточное количество квалифицированных преподавателей, отсутствие должной заинтересованности со стороны государственных институций, возрастные особенности — веские причины, препятствующие на данном этапе внедрению в регионе в качестве лингва франка иного языка. Понимая эти проблемы и, одновременно, важность неформальных межнациональных коммуникаций для укрепления экономики, некоторые государства, как, например, Армения, стимулируют поддержание определённого уровня знания русского языка посредством учреждения бесплатных языковых курсов, финансируемых неправительственными организациями [8; 12].

Невзирая на определённое снижение интереса к изучению и использованию русского языка в ряде постсоветских стран [9; 18], на ближайшие десятилетия, во многих случаях, он останется единственным языком при межкультурных коммуникациях, который даст возможность непосредственного контакта иностранных исследователей с населением. Русский, используемый в качестве лингва франка, позволит ускорить получение достоверной информации об уровне восприятия идей устойчивого развития местной общественностью и оперативно выявлять возможные проблемы продвижения концепции в регионе для разработки новых более эффективных подходов с учётом местной специфики.

В настоящее время русский язык является одним из шести официальных языков ООН [15]. Документы и материалы, размещаемые на сайте Комиссии по устойчивому развитию, имеют соответствующие русскоязычные версии [20], однако достаточно большое количество публикаций и сообщений в средствах массовой информации, посвящённых теме устойчивого развития, остаётся неизвестным как исследователям, так и широким кругам общественности на постсоветском пространстве из-за языкового барьера. Это препятствует глубокому восприятию этой концепции и информированности населения региона о достижениях соседних государств на этом пути.

«Homo sustinens» [13] — «человек устойчивый» [Примечание 3] в значительной степени должен быть альтруистом, осознанно ориентированным на самоотверженность, а это нелегко. Однако, воодушевившись примером соседа, пусть даже жителя соседнего государства, легче принимать решения, которые, возможно, являются экономически невыгодными в настоящий момент, но дадут позитивный «устойчивый» эффект в будущем, как, например: использование солнечных батарей и ветряных электростанций взамен

угля, нефти и газа как источников энергии; применение биологических методов защиты растений от вредителей вместо опасных пестицидов; производство экологически чистых продуктов; отказ от пластиковых упаковочных материалов; постепенный переход на электромобили и т. п. Добрососедские отношения, расширение и укрепление интернациональных неформальных контактов, особенно среди молодёжи, широкий обмен информацией — вот элементы, без которых невозможно обеспечить высокие темпы продвижения концепции устойчивого развития. Все эти элементы могут быть наиболее успешно задействованы при условии наличия регионального лингва франка.

Как когда-то на заре человечества одним из основополагающих факторов этногенеза был язык, так и на данном этапе формирование «Homo sustinens» [13] невозможно, по нашему убеждению, без утверждения языка межкультурных коммуникаций регионального, как минимум, уровня. Для пользы дела следует отбросить политические, исторические и этнические предубеждения и прагматично использовать тот язык, который способствует наиболее полному воплощению в жизнь необходимых мероприятий и может стать в исторически короткий период времени лингва франка устойчивого развития. На сегодняшний день для стран постсоветского пространства таким языком является русский. В некоторых регионах Европы немецкий язык может принять эту почётную миссию. По мнению автора, при более внимательном и комплексном анализе общемировой лингвистической ситуации откроются возможности

для многих других языков стать региональными проводниками идей устойчивого развития. Также выявление и утверждение региональных лингва франка позволит успешно решать языковую проблему межкультурных коммуникаций без дополнительных затрат и усилий.

В заключение автор статьи выражает надежду, что это небольшое исследование обратит внимание на существующую языковую проблему межкультурных коммуникаций как на фактор, сдерживающий темпы воплощения в жизнь концепции устойчивого развития. Автор полагает, что использование на данном этапе сложившихся региональных языков межкультурных коммуникаций в качестве лингва франка устойчивого развития окажет положительное влияние не только на темпы продвижения концепции, но и на социально-психологический компонент современного человеческого бытия. Примеры и факты, приведённые в данной статье, возможно, простимулируют учёных, государственных и общественных деятелей, поддерживающих это направление развития человечества, принять посильное участие в решении языковой проблемы, имеющей перманентный характер. Степень участия может быть различной: будет ли это перевод статьи на региональный язык межкультурных коммуникаций, спонсирование языковых курсов или разработка и принятие соответствующих законодательных актов — любое начинание уместно и важно сейчас. Совместные приложенные усилия рано или поздно увенчаются успехом и мы, строители устойчивого будущего, заговорим на понятном всем языке «всеобщего благоденствия».

Примечания:

1. В статье применяется английская аббревиатура L1 (first language, native language) для обозначения родного языка и L2 (second language) для обозначения второго языка, т. е. который был освоен после родного языка. Это было сделано для релевантности восприятия читателем статистических выкладок англоязычного сайта Ethnologue [6], используемого как источник.

2. В статье под термином «региональный лингва франка» подразумевается язык межкультурных коммуникаций, распространённый в регионе, включающим в себя более одного государства. Например: Западная Европа, Восточная Европа, Юго-Восточная Азия, Средиземноморье, территория постсоветского пространства и т. д.

3. Перевод термина «Homo sustinens» выполнен автором статьи.

Список литературы:

1. Constitution of India. 2011. «Official Language». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://lawmin.nic.in/olwing/coi/coi-english/Const.Pock%20Pg.Rom8Fsss \(23\).pdf](http://lawmin.nic.in/olwing/coi/coi-english/Const.Pock%20Pg.Rom8Fsss%20(23).pdf) (Дата обращения: 20.08.2012).
2. Erdmann Kathrin. Southern Europeans flock to German classes. // Deutsche Welle. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dw.de/dw/article/0,,16178354,00.html> (Дата обращения: 20.08.2012).
3. Ethnologue: Languages of the World. A language of France. / M. P. Lewis, (ed.). // SIL International Publications. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.ethnologue.com/16/show_language.asp?code=fra (Дата обращения: 17.04.2015).

4. Ethnologue: Languages of the World. A language of Germany./M. P. Lewis, (ed.).//SIL International Publications. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.ethnologue.com/16/show_language.asp?code=deu (Дата обращения: 17.04.2015).
5. Ethnologue: Languages of the World. A language of Russian Federation (Europe)./M. P. Lewis, (ed.).//SIL International Publications. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://archive.ethnologue.com/16/show_language.asp?code=rus (Дата обращения: 17.04.2015).
6. Ethnologue: Languages of the World. Statistical Summaries. Summary by language size./SIL International Publications. – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ethnologue.com/ethno_docs/distribution.asp?by=size (Дата обращения: 20.08.2012).
7. Ethnologue: Languages of the World. A language of United Kingdom./SIL International Publications. – 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ethnologue.com/show_language.asp?code=eng (Дата обращения: 17.09.2015).
8. EvrazesNews.com. Бесплатные курсы русского языка в Ереване./EvrazesNews.com. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://evrazesnews.ru/index.php/news/article/view/19/2355/> (Дата обращения: 21.08.2012).
9. Gradirovski, Sergei, и Neli Esipova. Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States./Gallup. – 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gallup.com/poll/109228/russian-language-enjoying-boost-postsoviet-states.aspx> (Дата обращения: 21.08.2012).
10. Language Division. Office of the Registrar General & Census Commissioner India. Linguistic Survey of India Rajasthan Part-I. Introduction. – 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.censusindia.gov.in/2011-documents/lsi/lsi_Rajasthan/4_introduction.pdf (Дата обращения: 17.04.2015).
11. Max-Neef Manfred. Development and human needs./edited by: Ekins P. and Max-Neef M., Routledge, London./Real-Life Economics: understanding wealth creation. – 1992. – P. 197–213.
12. NEWS.am. В Армении открываются бесплатные курсы русского языка./NEWS.am. – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.am/rus/news/92631.html> (Дата обращения: 21.08.2012).
13. Siebenhüner, Bernd. Homo sustinens als Menschenbild für eine nachhaltige Ökonomie./Journal of Social Science Education. – 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sowi-onlinejournal.de/2000/2000-1/siebenhuener.htm> (Дата обращения: 21.08.2012).
14. United Nations. The Future We Want./United Nations Conference on Sustainable Development. – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uncsd2012.org/thefuturewewant.html> (Дата обращения: 21.08.2012).
15. United Nations. UN official languages./United Nations. – 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/en/aboutun/languages.shtml> (Дата обращения: 21.08.2012).
16. United Nations General Assembly. Report of the World Commission on Environment and Development./United Nations Department of Economic and Social Affairs (DESA). – 1987. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/documents/ga/res/42/ares42-187.htm> (Дата обращения: 12.03.2014).
17. United Nations General Assembly. India. National Information./The Division for Sustainable Development (DSD). 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/esa/dsd/dsd_aofw_ni/ni_natiinfo_india.shtml (Дата обращения: 21.08.2012).
18. Арефьев Александр. Падение статуса русского языка на постсоветском пространстве./Демоскоп Weekly. – 2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema01.php> (Дата обращения: 20.08.2012).
19. Федеральная служба государственной статистики. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. – 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения: 17.04.2015).
20. ЭКОСОС. Комиссия по устойчивому развитию./ЭКОСОС. 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/ecosoc/about/sustdev_commission.shtml (Дата обращения: 21.08.2012).

*Matbek Nursulu Kurmanbekkyzy,
Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan,
Senior Teacher, Candidate of Philological Science
Umirbekova Roza Kaldybekovna,
Docent, Candidate of Philological Science
Kasymova Zhanat Perdebekovna, Teacher
E-mail: nursulu.m@mail.ru*

The nogai language is a cognate of the Kazakh language

Abstract: The article considers the history and development of the literary language of the Nogais, one of the indigenous Turkic nations who inhabit the Russian Federation, some areas of CIS and foreign countries and its status during historical stages. The article analyzes the usage areas and social and community function of the modern Nogai literary language. It reveals the fact that the Nogai language is related to the Kazakh and Karakalpak languages and moreover these nations' literatures have the same roots, and ancient akyns' (poets) poetry is common to the three nations.

Keywords: Nogai, Turkic language, alphabet, lexis, dialect, state, literary language, research.

The Nogai language is the mother tongue of the Nogais — the indigenous Eurasian nation who inhabit Astrakhan district, Republic of Dagestan, Republic of Karachay-Cherkessia, Stavropol Territory, Tumensk district, Chechen Republic of the Russian Federation. In the countries of CIS, to be exactly, in Kazakhstan, the Ukraine (Crimean Autonomy Republic) there live a few thousand Nogais. Except RF and CIS Nogai people live in foreign countries such as Romania (Dobruja, about 30 thousand people), Bulgaria (about 5 thousand people), also Turkey (about 2 million people). Moreover, many Nogais live in Poland, Lithuania and several other European countries. In Turkey and Romania there live descendants of the Nogais who moved and settled there in the XVIII–XIX centuries. Although they mainly accepted the ethnical similarity of surrounding Turkic related population that is Turks and Romanian Tartars, nevertheless they didn't forget their ancestry. Descendants of the Nogais have mixed with Kazakh, Karakalpak, Uzbek, Kyrgyz, Tartar people, especially Bashkor and Crimean Tartar people.

In the last decade large Nogai communities have been founded in some areas of Russia — in Moscow, in St. Petersburg, in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug.

According to historical documents, in Nogai Horde (XIV–XVIII centuries) the Nogai language had the status of the official language for diplomatic negotiations. By the 80s of the XIX century the Nogai language had been the language of international communication in North Caucasia.

At the end of the XVIII century as a result of the Russia's active policy in the area the Nogai State disintegrated. A population area of the Nogai ethnos was decreasing.

During the Soviet Union the Nogais weren't permitted to have their own country and the status of autonomy.

A significant part of Nogai people inhabit the Nogai steppe which was administratively divided into three areas such as Dagestan, Chechen-Ingush and Stavropol in 1957.

Researchers divide Russian Nogais into several groups: black Nogai, Aksai-Sulak, Ashykulak, Kuban, Kum and Astrakhan Nogais [1, 4].

The Nogai language is in the system of Turkic languages. The Nogai language is connected with ancient Turkic, Uyghur-Nayman scripts. From the XVIII century to 1928 the Nogai alphabet was based on Arabic graphics, from 1928 — Latin, and from the year of 1938 — Russian graphics.

In 1928 a Latin-based Nogai alphabet was created within the project of All-Soviet Union latinization. Its author was a teacher of the Ashybulak secondary school Abdulhamid Shershenbievich Zhanibekov. In 1929 the first ABC book was published with that alphabet. At end of the 1930s in the USSR there started a tendency of changing writing into the Cyrillic system.

The contemporary Nogai alphabet consists of 33 letters from the Russian alphabet and 4 special letters. Ever since the Nogai alphabet is used in the variant given below: А а, Аь аь, Б б, В в, Г г, Д д, Е е, Ё ё, Ж ж, З з, И и, Й й, К к, Л л, М м, Н н, Нь нь, О о, Оь оь, П п, Р р, С с, Т т, У у, Уь уь, Ф ф, Х х, Ц ц, Ч ч, Ш ш, Щ щ, Ъ ъ, Ы ы, Ь ь, Э э, Ю ю, Я я.

A writer Issa Kapaev says in his historical essay "Bessmertnaya step" ("Deathless steppe"): "The Cyrillic alphabet is not a convenient alphabet for the Nogai language. Everybody is revealing advantages of the Latin alphabet. ... In learning the mother tongue at schools children are encountering some difficulties in pronouncing

words with a letter «В» (“v”) correctly. This problem, however, concerns adults too. For example, it is spelled «АВЫЛ» (avyl), but it is pronounced as «ауыл» (auyl), it is spelled «САВЛЕ» (savle), but it is pronounced as «сәуле» (saule). If Turks show interest in reading publication of the contemporary Nogai literature, they will be surprised by reading. It is impossible to read in the Nogai language on your own without any explanations. The Ancient Sumerian language will be more understandable than the modern Nogai language. Contemporary turcologist scientists are investigating the problem...” [2, 60].

Research works concerning the Nogai language began to be published at the end of the XIX century and at beginning of the XX century. They are the following works: Osmanov M. “Nogai and Kumyk texts” (was published in Arabic graphics) (1883); Professor Falev P. A. “A Nogai fairy tale about Ak-kobek” (Proceedings of the Anthropology and Ethnography Museum of the Russian Academy of Science, Petrograd, 1918); the same author’s “An Arab novella in the Nogai epos” (Simferopol) and “Scripts of Nogai folk literature works in the Stavropol guberniya” (Scripts of East Department of Russian archaeology community, 1916) and “Introduction to Turkic literature and language investigation” (Tashkent, 1922).

Despite some achievements in the Nogai linguistics the Nogai language is one of the less investigated languages. Such scientists as N. A. Baskakov, S. A. Kalmykova made a significant contribution to research of the language. N. A. Baskakov distinguishes three dialects of the Nogai language: Nogai (Stavropol Territory), black Nogai (Dagestan) and white Nogai (Karachay-Cherkessia) [3, 4]. These dialects have quite a bit differences and similarities too. However, in comparison with the dialect of white Nogais there are more similarities between the dialects of Nogais and black Nogais.

The modern literary Nogai language differs from the Kazakh language with its phonetics (slightly simplified and with peculiarities of North Caucasian languages) and lexis — a big amount of borrowed from Arab, Farsi and North Caucasian and Russian languages. Moreover, it has saved some features of Nogai-Kypshak languages which disappeared from the Kazakh language. Comparatively it was not very long since Nogai and Kazakh entirely separated, it coincided with the period of Junggar invasion.

In the main vocabulary of the Nogai language there are a lot of words borrowed from other foreign languages except native words which belong to the Turkic language system. Firstly, there is a big proportion of words from Arab and Farsi languages which came with the religion

Islam, secondly — international and soviet words, what’s more words from the Russian language.

There are sufficient amount of international and soviet words (borrowed through Russian) and Russian words. In comparison with rural people these words are likely to be met more frequently in speeches of people of urban areas.

Contemporary researchers identify two dialects of the Nogai language: black Nogai and Kuban dialects [5, 492]. The Nogai literary language is based on the black Nogai dialect and Nogai parlance.

The Nogai language belongs to the Kypshak-Nogai branch of the North-West (Kypshak) group of Turkic languages. By phonetic, lexical, morphological and syntactic features the most cognate languages to Nogai are the Kazak, Karakalpak languages, the North steppe dialect of Crimean Tartars and some dialects of the Uzbek language.

Relationship connections of the Nogai language with the Kazakh and Karakalpak languages are very deep — ancient types of folklore: proverbs and sayings, epos and poetry are common for them. these nations’ literatures have the same roots, and ancient akyns’ (poets) are also common to the three nations. An art of music and poetry have a significant place in cultural heritage of Nogais.

Heritage of Nogai folklore is very wide. There are a lot of prominent pieces of epos such as “Koplanly batyr”, “Orak”, “Mamay”, “Er Kosay”, “Er Shoban”, “Er Kokshe”, “Kambar”, “Er Sayn”, “Vozyigit”, “Kyz-Yibek”, “Kozy Korpesh-Bayan Syluv”, “Takhir-Zuhra”, “Edige”, “Shora batyr”, “Er Targyn”, “Adil Soltan”, etc. Works of such medieval Nogai akyns (poets) are as Asan Kaigyly (XIV c.), Shal Kiyiz Tilenshi uly (XV c.), Kazy-Tuvgan Suinish uly, Dosmambet Azavly (XVII c.) are considered to be classics of national poetry, in the art of music there are renowned works of Korkut-Ata (VIII–IX c.), Ket-Buga Naimanly (XIII c.).

A inventor of a Nogai script, the author of Nogai alphabet and grammar is an ethnographer Abdulhamid Zhanibekov (1879–1955). Writers and poets who have written in Nogai are Abdulzhalilov Fazil Apasovich (1913–1974), Zhanibekov Abdulhamid Shershenbievich (1879–1955), Kapayev Suyun Imamalievich (1927–2001), Kapayev Isa Suyunovich (1949), Kurnatova Keldihan Isayevna (1944), Temirbulatova Kadria Orazbayevna (pen name — Kadria) (1949–1979) [6].

The main part of the Nogais who live in Dagestan know their mother tongue — the Nogai language. Moreover, the Kumyk language is also widely spread among them. 1136 Nogais consider the Kumyk language as their mother tongue, because they have been living in close vicinity with Kumyk people during several centuries.

In Dagestan the level of teaching the Nogai language is very low. It is not taught in preschool educational establishments at all, so kindergartens function only in the Russian language. Education in primary schools is also organized only in the Russian language. The Nogai language is taught at secondary schools as a discipline.

At the end of the 50-s the government of the Stavropol Territory and Chechen-Ingushetia closed down Nogai schools; publication of newspapers in the Nogai language was stopped.

At the end of 80-s and at the beginning of the 90-s representatives of Nogai community organizations raised a question of teaching a native language. Among them an organization "Birlik" took an active part in solving this problem. Thanks to this organization teaching the Nogai language in areas where it was previously stopped reenacted.

In order to train teachers of the Nogai language community organizations managed to open a branch of Hasaviyrt pedagogical college in the village Terekli-Mekteb, the center of the Nogai region in Dagestan. During 21 years this branch was training teachers of the Nogai language not only for Dagestan, but for the Stavropol Territory, Chechen Republic and Astrakhan district. What's more, it prepared specialists for Karachay-Cherkessia which used to train teachers on their own. Unfortunately, in 2013 the branch closed down because of small enrollment.

Nowadays the Nogai language is widely used in the information space in the Republic of Dagestan. Literature in the Nogai language is being published although the quality doesn't meet the modern requirements. In the Nogai language it is published a republican newspaper "Shol tavysy" (A voice of desert), children's magazine "Lashyn" (Accipiter). A national channel functions in the republican state television, radio programs are broadcasted.

In Karachay-Cherkessia it is published a republican newspaper "Nogai davysy" (A voice of Nogais), radio and TV programs are broadcasted. In Cherkessia during several years a social-political and artistic-literary magazine "Poloveckays luna" is being published.

Intensification of the process of language assimilation is a quite disturbing problem for Nogais. 97 438 people out of hundred thousand Nogais know their mother tongue, and 3 804 changed to the Russian language. Even in the republics where Nogai has a status of the state language actually it is an insignificant language. The fact that Nogai isn't taught at primary schools influences on the process of language assimilation. Thus, the future of the Nogai language is uncertain, the threat that it won't be used even as an everyday language in the near future is very high.

Territorially scattering of the Nogai ethnos cause difficulties in development of the Nogai culture. The problem of Nogais is one of the most complicated ethnosocial topics of the North Caucasus.

References:

1. Yarlykapov A. A. Nogaicy./Zhivopisnaya Rossia, 2007. – № 3.
2. Kapayev I. S. Istoricheskie esse. – Astana: Audarma, 2008.
3. Baskakov N. A. Nogaisky yazyk I ego dialekty: Grammatika, teksty I slovar. – Moscow, 1940.
4. Kalmykova S. A. Alfavit nogaiskogo yazyka./Voprosy sovershenstvovaniya alfavitov turskih yazykov SSSR/Editor N. A. Baskakov; Institute of Linguistics of AS USSR. – M: Nauka, 1972.
5. Ibragimov M.-P. A., Adzhieyev A. M., Kildasov R. B. Nogaicy./Narody Dagestana/editor Arutiynov S. A., etc. – M., Nauka. – 2002.
6. Wikipedia./[Electronic resource]. – Available from: http://ru.wikipedia.org/wiki/Nogaisky_yazyk.

*Stojani Edita,
Polytechnic University of Tirana, Phd Candidate in Linguistic,
Faculty of Mathematics Engineering
and Physics Engineering Centre of Foreign Language
E-mail: frasherie@mail.com*

Reflections on basic issues of Albanian terminology in theory and practice

Abstract: The separation of **terminology** as an independent linguistic study field, also as a special lexicon in the languages of developed countries, is accepted since the middle of the 20th century. In Albania organized work with

terminology has started some couple of decades later than other developed western European countries, somehow even eastern European ones. This work is basically concentrated in the composition of terminological vocabularies, built on terminology created in other different knowledge areas of Albanian language, influenced by foreign languages scientific- technical literature and as a consequence of modern technology and technical-scientific revolution implemented almost in every possible area of life in. Thus, the principles and methods over which the vocabularies were created were borrowed from other languages with developed terminology experiences. Besides the creation of vocabularies, a number of monographs or textbooks have been and are continuously created.

Keywords: linguistics, terminology, vocabulary.

Introduction

Language as an overall subsystem includes also the special lexicon of different scientific and technical fields. This special lexicon, that includes all expression tools used within a certain field, have been the object of study for many linguists that have analyzed different problems of this lexicon, also have predicted some criteria for its development. Based on some prearranged principles and methods, it is achieved the composition of some terminological vocabularies that contain the terms used in different fields.

Research method

Theoretical and practical thought of Albanian language researchers, in general and of its subsystems in particular, is developed in full compliance with conditions and necessities of Albanian language itself and of human practical activity, which she serves to. In Albanian language literature, besides the issues of its lexicon, there have been treated also issues of special lexicon. We must emphasize also the help given by prof. A. Xhuvani, A. Kostallari, J. Thomai, M. Samara etc for special issues of special lexicon, of its connection with the system of our literary national language and other subsystems of Albanian language [1, 17], of distinction of the term from word [2, 59], etc. A special part is given to the idea of independence of special lexicon, as a lexical subsystem in the context of national literary language and for the reason of its specific study field, its occurrences and characteristic units. "The raise of terminological specific weight in the general lexicon is a distinctive important feature of literary Albanian language after liberation" [3, 65]. This "specific weight of terminology in Albanian lexicon is raised very much... In the massiveness of words within FGJSSH (1980), the terms amount is 218" [4, 34].

The very wealthy material gathered until today from the field of lexicon of different branches of science and techniques, its processing based on some stringent scientific principles and criteria, and their reflection on different terms vocabularies (Until today have been created around 28 term vocabularies with 60 000 terms, from the sector of terminology of the Institute of Language and Literature, and 12 vocabularies with 40 000 terms from the scientific

sector of encyclopedia in the military academy), has raised the necessity of broader studies initiation for general and specific, theoretical and practical issues, of special lexicon, by observing these issues not only from their general aspect but also firstly by taking into consideration its strong connections with those conditions and external and internal factors, that give independence to terminology as a science with a specific study objective and its study principles and methodologies and of occurrence and its expression and contain units analyses of terms and concepts. A special importance take those works on terminology that treat its issues in synchronous and diachronic plane, and in the aspect of general theory, where a special study object become the word-meaning and term-concept relationships, attachments of concept's systems in the language plane [5]. Through these deep and wide works, there are highlighted a considerable number of issues that needed a special conception from their terminological point of view context, considering the term not only as an element of language lexicon as a word, but also from their strong connection with the concept as an element of a terminological system that responds to a system of concepts in a special field of science and techniques. This has made it possible the deeper penetration into the content of term and the revelation of its connections with other terms. Also has become clearer the idea that the revaluation of existing terms is made based on their concepts and their places in the respective concept's systems. In general terms there are determined the ways of term formation, based on which the regulation of different terminologies is realized. Monographic works and scientific articles published in the "Philological Studies" magazine, that treat special lexicon issues have delivered in general lines the theoretical and practical bases of work for the present and the future.

Based on a theoretical concept, there have been raised the criteria for building vocabularies from the sector of terminology in the Institute of Language and Literature, and those vocabularies that have been built and will be in the future from other centers and organizations. Lately, on these basis it is developed the mechanical lexicon that is reflected in respective vocabulary Vocabulary of

Terms of Mechanics with 8 000 terms, developed from the sector of terminology in collaboration with University of Tirana and the Institute of Standardization and Projection of Mechanics.

Conclusion

However the achievements made in laying and resolving the many issues that have a direct connection

with terminological theory and practice, in the implementation of concrete resolution of elaboration of terminologies in different fields also with the criteria of the reflection of terms in their relevant vocabularies, has directly issues through which even any essential issue inquires a complete theoretical illumination, broader studies for the revelation of its practical values.

References:

1. Kostallari A. Mbi disa drejtime të përsosjes së sistemit e të strukturës së gjuhës sonë letrare. Studime filologjike. – 1982/2.
2. Thomai J. Leksikologjia e gjuhës shqipe. – 1984.
3. Kostallari A. Parimet themeolore për hartimin e fjalorit të gjuhës së sotme shqipe. Studime filologjike, – 1968.
4. Duro A. Sistemet terminologjike në gjuhën e shkencës dhe të teknikës, studime filologjike. – 1984/4.

Section 7. Pedagogy

*Abdenova Zhuldyz Amirzayevna,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Lecturer, the Faculty of Philology
E-mail: Abd2702@hotmail.com*

An integrated approach for the development of communication skills

Abstract: Most English teachers in Kazakhstan have been familiar with the notion of oral communication skills, receptive skills (reading and listening) and productive skills (speaking and writing). This paper, therefore, would like to address how to implement teaching stages covering the skills for the integration purpose. The teaching stages include eliciting ideas, highlighting lexis and their meanings, predicting text, ordering jumbled paragraphs, listening, reading comprehension, and acting out the story/speaking.

Keywords: Oral Communication skills, Receptive Skills, Productive Skills.

Most English teachers in Kazakhstan have been familiar with the notion of oral communication, receptive skills (reading and listening) and productive skills (speaking and writing). Yet, despite their familiarity with those skills, the main concern of most English teachers remains unchanged. They tend to teach the two kinds of skills separately. As a result, their English teaching had and has always to do with complicated structures of the language, too long reading passages, too technical vocabulary, and other activities that are far from being communicative in their nature. The facts show that most of them have not realized that integrating oral communication, receptive and productive skills into an English lesson is important for their learners to achieve lesson aims. This paper, therefore, will address the issues of the implementation of integrating oral communication, receptive and productive skills in an English lesson.

Oral communication skills are fundamental to the development of literacy and essential for thinking and learning. Through talk, learners not only communicate information but also explore and come to understand ideas and concepts; identify and solve problems; organize their experience and knowledge; and express and clarify their thoughts, feelings, and opinions. Listening and speaking skills are essential for social interaction at home, at school, and in the community [1, 10–18].

The receptive skills are listening and reading. Because learners do not need to produce language to do these, they receive and understand it. These skills are sometimes known as passive skills. They can be contrasted with the productive or active skills of speaking and writing. Often in the process of learning new language, learners

begin with receptive understanding of the new items, then later move on to productive use. The relationship between receptive and productive skills is a complex one, with one set of skills naturally supporting another. For example, building reading skills can contribute to the development of writing.

The productive skills are speaking and writing, because learners doing it need to produce language. They are also known as active skills. They can be compared with the receptive skills of listening and reading. Learners have already spent time practicing receptive skills with a shape poem, by listening to it and reading it. They now move on to productive skills by group writing their own, based on the example. Certain activities, such as working with literature and project work, seek to integrate work on both receptive and productive skills.

Integrating receptive and productive skills in one lesson has attracted language teachers for years. There is no absolute format for the integrated lesson. The underlying principles being that language is used to learn as well as to communicate and that it is the subject matter which determines the language that learners need to learn. It should also attempt to follow the curriculum in that it includes content, communication, cognition and culture, and includes elements of all four-language skills. Furthermore, in the integrated lesson, learning is improved through increased motivation and the study of natural language seen in context [2, 5–9].

When learners are interested in a topic they are motivated to acquire language to communicate. In this case, fluency is more important than accuracy and errors are a natural part of language learning. So, learners develop

fluency in English by using English to communicate for a variety of purposes.

As stated in the introduction, to carry out the integrated lesson the writer will apply teaching stages covering those skills. For practical reasons, the writer will apply the stages in a reading lesson. In this case, the integrated lesson draws on the lexical approach, encouraging learners to notice language while reading followed by activities involving the other three skills. As a result, teachers can potentially diversify methods and forms of classroom teaching and learning, improve learners' overall and specific language competence, introduce learners to the wider cultural context, and increase learners' motivation.

More specifically, the integrated teaching stages must include [3, 28–39]:

1. Eliciting ideas. At first ask learners if there is a baby in their family. How would you feel if someone stole their baby? What would they do? Why do people steal babies? Then dictate words from the reading text about the King and the Baby: woman, baby, dead, exchange, steal, insist and settle the matter, sword, divide, give.

The objective of this stage is to introduce the topic of the story to learners to help them relate more easily to the characters and action in the text.

2. Highlighting lexis and their meanings/Vocabulary. Check meaning of any words that may cause difficulty, e. g.: sword/divide, (show/draw a picture/symbol and ask what is this?) exchange (act out with another student by exchanging pens or stealing something from someone when they are not looking).

The objectives of this stage are to focus attention on key words in order to prepare learners for the prediction task and to check meanings of key words given so that the task can be achieved.

3. Giving the title of the story. Give learners the title of the story they will read: The King and the Baby. The objective of this stage is to prepare learners mentally for the prediction task.

4. Predicting text. Put learners into pairs or small groups and ask them to predict the story based on the words given. Ask few learners to tell the class their ideas. The objective of this stage is to prepare learners mentally to read the text by creating a version of the text first in their minds.

5. Ordering jumbled paragraphs/Skimming. Hand out cut up version of the text. Ask learners to skim the story and order the paragraphs. Ask them what they looked for to help them decide on the order of the paragraphs. The objectives of this stage are to apply group work in order to negotiate meaning and to do skimming.

6. Listening for the right order. Play a cassette telling the right order of the story and ask learners whether or not their prediction is correct. The objective of this stage is to provide the correct order and a reason for gist reading.

7. Reading comprehension. Ask some short questions based on the story.

The objective of this stage is to focus on overall meaning or main ideas in the text.

8. Acting out the story/Speaking. Put learners into groups of 3, one person for each character in the story. The objective of this stage is to measure learners' comprehension in a fun, nonverbal way.

In addition to the activities above, here are some ideas that will help to assess the learner's oral communication skills [4, 27–35]:

- Debates — learners will be able to think on their feet, change their tone and volume when supporting their point-of-view, and develop a clear and concise argument (speaking to communicate — interactive strategies, clarity and coherence, appropriate language; listening to understand — comprehension strategies, active listening strategies, demonstrating understanding).

- Speeches — allow learners to pick a topic that interests them. They will be able to research the topic and reflect on what they found, or write on something that is personal to them. Either way, this is a chance to bring out their creativity (speaking to communicate — visual aids, non-verbal cues, vocal skills and strategies, clarity and coherence, appropriate language; reflecting on oral communication skills and strategies — metacognition).

- Interviews — learners can pick partners in order to film or perform an interview of each other on a topic of their choice. They can then show it in class and describe the different techniques and strategies they used (listening to understand — comprehension strategies, active listening strategies, demonstrating understanding; speaking to communicate — interactive strategies, clarity and coherence, appropriate language).

- Role-play/Drama — learners are given assigned roles and are asked to act out specific scenes to texts (novels, poems, plays). Learners can even write their own script and either film it or perform it in front of the class (speaking to communicate — vocal skills and strategies, visual aids).

- Reading dialogue and texts in class (listening to understand — using active listening strategies, listening comprehension strategies, demonstrating understanding of content; speaking to communicate — vocal skills and strategies).

– Presentations — learners present a report on a topic of choice. They should be persuasive and show critical thought and analysis. Learners should be encouraged to include visual aids and class participation to make the presentation more effective.

– Give a lesson — divide learners into groups of 4 and assign a novel to each group for them to read. Have learners prepare a 20-minute lesson to teach the rest of the class about the novel they read. Learners can create activities, videos, posters, or models in relation to the text.

By applying teaching stages above, the writer expects the audience to realize that integrating oral communication, receptive and productive skills into an English lesson is feasible and valuable for the sake of the development of learners' English skills [5, 16–25]. Indeed, this is not an easy task to do because we have to make sure that the integrated lesson is reasonably inter-related and suitable to the learners' level and needs. We also need to balance the oral communication, receptive and productive skills and vary the activities in order to teach the lessons interactively as well as to achieve the aims of the lessons.

References:

1. Gower M. Teaching Practice. – Oxford: Macmillan Education, 2009.
2. Lightbown P. M. How Languages Are Learned. – UK: Oxford University Press, 2010.
3. Masduqi H. CELTT 1 Survey: Staging Aims. – Indonesia: LAPIS-ELTIS, 2009.
4. Moon J. Children Learning English. – Oxford: Macmillan Education, 2011.
5. Spratt M. Teaching Knowledge Test. – UK: Cambridge University Press, 2010.

*Asanov Naukan Altaevich,
al-Farabi Kazakh National University,
D. p. s., professor*

*Ibragimova Meruert Nurhjigitovna,
al-Farabi Kazakh National University,
the Faculty of Pre-University education
E-mail: ibragimova.meruert@mail.ru*

The scientific study of managing innovations in teaching process at higher education system

Abstract: The scientific study of managing innovations in teaching process at higher education system has been researched in the given article. The researchers' scientific statements have been separately described.

Keywords: innovation, technology, practice, institution of higher education, methodology.

The process of managing innovations in teaching process at Higher educational system is a clear phenomenon in practice. That process has deep history. Because, in the world higher education institutions are associated with the use of innovations in the development of the education system.

Using and managing innovations at the level of historical development higher education institutions can not only be practical process. Because the innovations in the education system of higher education institutions have often only a scientific conclusion. In other words, we think the process of managing innovations in teaching process at Higher education system is the scientific study with methodological apparatus.

The systematic and scientific analysis of teaching methodological work is carried out all over the world.

Nowadays there are comprehensive conclusions in this aspect. Among them, there is a huge fund of Kazakhstani scientists. The works of N. A. Assanov, Ş. T. Taubayeva, A. K. Mynbayeva, S. S. Hassenov, E. Sh. Kozybayev have made a great contribution to the scientific studying teaching methodological process.

Based on the practice of the world, the Ministry of Education and Science has presented the main socio-economic demands in the education system as the content of regulatory system for educational work of higher education. The Ministry of Education and Science has aimed at organization and harmonization of methodological process at Higher education system.

The Kazakhstani Science has divided into several areas at studying teaching methodological process: the structural organization of teaching methodological

process; the formation of active learning technologies; providing with educational materials the educational process; management of teaching methodological process; the implementation of the objectives of teaching, developing and upbringing in the educational process; to improve the competence of teachers, etc. Despite this, the multidisciplinary research combines a common goal. The main purpose of the educational work is to provide high-quality education. To ensure the quality of the teaching work is the main issue in this context. Because the criteria for the quality of the teaching is changing phenomenon. It changes according to development of the society.

Besides the main task of educational work is to educate. That's why Kazakhstani scientists have identified scientifically that traditional teaching has ineffectiveness. The traditional teaching inefficiency has identified in most cases. Among them: a change in the requirements for the competence of the specialist; a change of the culture of the students; a change of public relations; changing purpose of education, etc. The first step of Kazakhstani scientists in the research is using the word "innovation" in educational work.

"Innovation" is translated from the Latin term (new) — a new entry in the etymological meaning. Innovation is the introduction of this new trend. Its new innovation is the phenomenon of new content, new technology, new method, new process [1, 5].

Kazakhstani scientists for the first time began to pay attention to the term "Innovation" is in 2005. Nemerebai Nurakhmetov has given the first reference to the term "Innovation". He has presented reference that "Innovation, innovation process" is the news which is created, used, developed at educational institutions". Since then the issue of innovation has been comprehensively analyzed in all the socio-economic fields of Kazakhstan. This issue has been studied by N. A. Assanov, A. K. Mynbayeva, N. R. Yussufbekova, Ş. T. Taubayeva, S. N. Laktionova, Z. M. Sadvakassova, G. D. Urastayeva.

N. A. Assanov has studied innovation as the aspect of the management of educational process. According to his conclusions, innovation is the new technology that managing educational process [2, 15–25].

A. K. Mynbayeva, Z. M. Sadvakassova have studied new technologies of teaching innovation in their work "Innovative methods of teaching". They have introduced "innovation" as a novelty and the process realizing the novelty in practice and as a goal-oriented process [1, 33].

N. R. Yussufbekova has paid a lot of attention to educational innovation. According to her opinion,

the pedagogical innovation is the study constructing pedagogical novelties, assessing and managing teaching community, the practical implementation [3, 50–78]. That's why, the term "innovation" has been studied as as a scientific issue. The scientific study of managing innovations in teaching methodological process at Higher education system is current. As shown above, the problem is that innovations haven't given qualitative results. Scientists haven't carried out systematic, direct, specific studies on teaching innovation management systems at institutions of higher education. They have researched only specific direction of teaching innovation management systems at institutions of higher education and haven't analyzed fully.

One of them is V. M. Polonsky's scientific findings. V. M. Polonsky considered that the previous instruments, rules shouldn't be lost at educational innovation management operation. According to his statements, innovation is a sequence of historical experience. As well he considers that the current position has been laid on previous practice. For instance, the principle of natural spectacle and demonstration; humanist pedagogy; principle of personality; Pedagogic of partnership and etc [4, 4–5].

A. I. Uman has continued V. M. Polonski's study on the management of educational innovation. According to his statements, today there are major changes in general learning and in the work of teaching of the institutions of higher education. The reason for that is based on the innovative processes in education, a change from the traditional to innovative way of teaching. This trend has broken down the difference between pedagogical theory and pedagogical practice. Current innovation process is a continuation of a long tradition of innovative processes and teaching didactics. The new content of didactics has been already developed, it is synthesis of didactic theory and didactic technologies. In this case, A. I. Uman considers that didactic categories' significance shouldn't be maintained in the management of innovations in teaching process. Because it believes that didactic categories are focused on the development of innovation process. One of the most important didactic categories is the purpose of teaching. A. I. Uman consecutively believes that it is necessary to enter the previous didactic categories the management of innovations in teaching process of current institutions of higher education [5, 4–11]. E. A. Novikova has presented her scientific statements regarding the issue of management of innovations in teaching process of current institutions of higher education. In her opinion, during the development of innovative technologies the following requirements must be

taken into account: dialogue, working creative ability, designed to the development of student's individuality, students' making their own decisions and giving opportunity for creativity.

G. S. Gavreeva shows the importance of social and psychological support to innovation creativity at teaching in higher education institutions. According to her statements, the most important demand for innovation creativity of institutions of higher education are intellectual potential, critical thinking, research. But a lot of research which conducted at intellectual circles shows that most teachers use only 50–70 per cent of creativity. The lack of social and psychological support causes that situation. Therefore, the importance of the work is the social and psychological support to innovation creativity of teaching [6, 93–95].

S. D. Reznick in his book "Management of Higher Education Institution" presents as a key aspect of innovation management system to prepare systematically teaching documents organizing educational process. The preparation educational documents associated with the teaching complex. According to the scientist, the educational system is how well thought-out, so the quality of the educational process management system is formed. S. D. Reznick states that the basic scientific work in educational innovation management is to formulate educational preparation of documents [7, 220].

A. K. Mynbayeva has conducted scientific research on the aspect of innovative teaching methodology system of managing innovations in teaching process at higher

education system. In her book "Innovative methods of education" she considers the problems of innovation teaching. She shows pedagogy methodological platforms as the basis of educational innovations. In this case, the whole idea of A. K. Mynbayeva that Pedagogy methodological platforms in general contributes to the systematization of the development of innovative processes, that is the priority of the importance of methodological approaches to the management of innovation. A. K. Mynbayeva has given analysis to the following in the educational process:

System platform consists of two main elements: a static system and dynamic system. Static system shows the order of the components and the connection of each other. Dynamic system is functional and consists of the input and output components. We can call "educational system" category as the application of the system of pedagogical science. Pedagogical system is the system which united for for the purpose of development of the person and has ties between the various components. Pedagogical system of four main components can be distinguished: the teacher and the student, educational content, material and technical base. If each component in the system works pedagogical system becomes a process. Educational process is the system that has its components and elements. We can observe the universal elements in educational components of educational process. They are: goal; task; content; methods; tools; forms; control; success. The scientific study of managing innovations in teaching process at Higher education system has been researched in all aspects.

References:

1. Mynbayeva A. K., Sadvakassova Z. M. Innovative methods of education. – Almaty: IP Volkova, 2009 – 341 p.
2. Assanov N. A., Vyshensky V. V. Scientific and methodical bases of planning and organization of educational process in higher educational institutions for correspondence learning: for High School teachers. – KazNU: Kazakh University, 2004. – 32 p.
3. Yussufbekova N. R. General bases of Pedagogical innovations. The experience of the development of innovative processes in education. – M., 1991. – 91 p.
4. Polonsky V. M. Innovative training. // Innovations in Education. – M., – No. 2, – 2007. – P. 4–5.
5. Uman A. I. Theory of teaching: from one to triune didactics. // Innovations in education. – M., – No. 4, – 2007. – P. 4–11.
6. Gavreeva G. S. Socio-psychological conditions of creativity. // Innovations in education. – M., – No. 4, – 2007. – P. 93–108.
7. Reznick S. D. Management of Higher Education Institution. – M: Infra-M, 2013. – 610 p.

*Biletska Svitlana Anatoliivna,
Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
postgraduate student, the Department of History
of Pedagogy and Comparative Pedagogy
E-mail: beletskaya.1990@mail.ru*

Moral education in extracurricular work of general schools of Ukrainian provinces in 1850–1860 years

Abstract: The article raised the actual problem of organization of moral education of pupils in extracurricular work of general schools (historical aspect). It is stated that the purpose of moral education of pupils of general schools in extracurricular work of 1850–1860 years was to create a holistic, perfect humanistic person. Ways of realization of the global purpose are revealed through the prism of inheritance of such known educators as K. Ushinsky, P. Kapterev, I. Kyreyevsky, L. Modzalevsky.

In the article it is especially valuable that the author has shown contradictions and disadvantages of the organization of pedagogical process at that time schools, which are typical in modern educational institutions too. They are estrangement of the school from the family, bureaucracy in relations of a pedagogical collective, inattention to individual characteristics of children, lack of attention to the problem of morality, mental and physical health, early specialization of educational and pedagogic process, excessiveness of intellectual work, mental stress in educational process, inconsistency of subjects' programs on the level of a class and levels of education, too much additional theoretical material, a small amount of time, required to study folk history, geography, to explore the environment, that deprives school of life and national direction.

It is stated that much attention was paid to organization of extracurricular educational work in zemsky (province) schools. Provincial zemsky (province) school initiated educational activities for adults (evening classes with adults, the public readings).

The church singing as a form of organization of extracurricular educational work was being used in single-class schools, schools of reading and writing widely.

The author noted that in the second half of XIX – early XX century moral education in extracurricular work in general schools, dependent on the Ministry of Public Education, was linked closely to a future professional activity, formation of ideology, moral education that was formed by the main forms of communication and work (art, arts and crafts, religious, social, etc.). Much attention was paid to the use of church forms of education, including missionary-educational, catechetical, charity, church activities (for example, a prayer before a new school year), pilgrimage.

In Mariinsky female schools educational process was being conducted by the specially worked up program for the Educational Society of noble maidens. Special attention was paid to the unity of requirements to moral education in family and at school.

Keywords: morality, education, the school, extracurricular work, united requirements, a mentor.

The relevance of the study. The current state of development of society is characterized by deficiency of moral constants. Technological revolution and development of informational technologies at the beginning of the XXI century have caused the leveling of moral values. The working out of theoretical foundations and the basing of historically drawn experience of moral education of children in extracurricular work will help to overcome these negative trends. The Constitution of Ukraine, the Concept of the training of children and youth in the national educational system, the Law of Ukraine "On Protection of Public Morality", the National Strategy of Development of Education in Ukraine in 2012–2021 years, program documents, adopted in the context of the Bologna Process,

stressed the appropriateness of creative use of pedagogically valuable experience of moral education of children and youth in contemporary educational practice.

The level of scientific development of the problem. The analysis of sources showed that pedagogical problems of moral education of children were being worked out actively on scientific-theoretical, methodological and practical levels. There is generalization of some methodological issues of moral education through a prism of pedagogical anthropology in the works of the Ukrainian and Russian scientists (M. Alekseev, V. Barulin, I. Bech, L. Bondar, M. Dvoretzka). The proposals about organization of educational process in modern socio-cultural conditions, grounded in the works

of V. Andreev, I. Baby, B. Bim-Bud, B. Bitinas, V. Blinov, V. Dodonov, V. Kremen, O. Sukhomlinska, G. Shevchenko, are important. The studies of L. Beresnev, M. Evtukh, V. Shadrykov, A. Mudryk, N. Pobirchenko include valuable materials about formation of the content of moral education in pedagogical journalism of the late XIX – early XX century.

The purpose of the article is historical and pedagogical analysis of organization of moral education of pupils in extracurricular work of general schools of Ukrainian provinces in 1850–1860 years.

The main material. The study showed that the purpose of moral education of pupils in extracurricular work in 1850–1860 years was to create a holistic, perfect humanistic person [7, v. 1]. Such a global aim consisted of the objects:

- 1) Formation of the understanding of vital importance of morality.
- 2) Formation of moral consciousness (conscience).
- 3) Formation of incentives to further moral self-development.
- 4) Development of moral firmness, the desire and the ability to resist evil, temptation of self-justification if there is violation of universally recognized moral demands.
- 5) Motivation to show mercy and active love to people.

The well-known educator, the pedagogue-taxonomist K. Ushynsky [9] considered that the aim of education should be determined by public character and needs of people living in a particular area. The pedagogue P. Kapteryev [1] also emphasized that education of a person had to become the key idea of high-school education. In the context of the problems of the research materials of the works of I. Kyreyevsky “The 19th century” (1832), “About the nature of education of Europe and its relation to education of Russia” (1852) are valuable. The author stated that there was a tradition of Holy Father in the combination of external formal features of education (a system, logic, discipline of the mind) and internal (morality, sincerity) in the second half of the XIX century. The verb “to teach” meant not only to teach but also to bring up, to edify. The first taxonomist of history of pedagogy L. Modzalevsky considered the same way [3].

At the stated historical period there was the urgent need for purposeful organization of extracurricular educational work. This need was determined by a number of drawbacks. Some of them exist in modern school. Here are these drawbacks:

- estrangement of the school from the family, bureaucracy in relations of a pedagogical collective, inattention to individual characteristics of children, lack

of attention to the problem of morality, mental and physical health.

- Unwanted early specialization of educational and pedagogic process that was not based on knowledge of innate abilities of children.

- Excessiveness of intellectual work, mental stress in educational process.

- Inconsistency of subjects’ programs on the level of a class and levels of education, too much additional theoretical material.

- A small amount of time, required to study folk history, geography, to explore the environment that deprives school of life and national direction.

It is established that the purpose of moral education of students at utilitarian-applied level had been identified by the rules of 1848: “Inculcation of rules of decorum and civility, love of work and serious attitude to duties” [7, v. 2, section 2].

We should note that for the second half of the XIX century formation of theoretical foundations of moral education: determination of the purpose of education (to bring up a Christian man who seeks personal inner spiritual development, a man-citizen who has the responsibility to fulfill obligations to the state, the country, the people) was characteristic. The leading pedagogues of that time O. Levytska, M. Manaseyina, M. Pirogov, K. Ushinsky defined the purpose of moral education in the way, noted above.

In the Code of laws of the Russian Empire all educational institutions, that are part of our study, were divided into levels. The lowest educational institutions consisted of uyezd and city colleges, primary public colleges (more than 20 names of types). Schools of the first level included single-class colleges, schools of reading and writing, where church singing as a form of extracurricular educational work was used widely. The second level was formed by two-class colleges (ministerial and parish). The third level included multi-class higher primary colleges (uyezd and city), schools, attached to orphanages, home mentoring, training classes, attached to gymnasiums.

It should be emphasized that much attention to organization of extracurricular educational work was paid in zemsky (province) schools. History of zemsky (province) schools, operated in Ukrainian provinces, shows that one of the requirements for this type of school was “saving humanitarian principles and common to all mankind percepts”. Upbringing children, “clever citizens who consciously relate to reality” was considered the main purpose of zemsky (province) schools. Equipped in accordance

with local characteristics, zemsky (province) schools were dependent to the Council of Trusteeship (a head, a curator, a teacher, a teacher of law, a monitor). Zemsky schools initiated educational activities for adults (evening classes with adults, the public readings). The prominent figure of zemsky (province) schools M. Korf wrote: "I have always been and I will always be on the side of religious and developing school because I wish the school to prepare people for life ... to teach consciously treat themselves, their neighbors, and God's world" [2].

Motivation to work traditionally was the most effective mean of moral education in extracurricular work. In the second half of XIX – early XX century moral education in extracurricular work in general schools, dependent on the Ministry of Public Education, was linked closely to a future professional activity, formation of ideology, moral education that was formed by the main forms of communication and work (art, arts and crafts, religious, social, etc.). Much attention was paid to the use of church forms of education, including missionary-educational, catechetical, charity, church activities (for example, a prayer before a new school year), pilgrimage.

It is established that the creating of morally rich environment in which children's sex, age features (they have influence on the formation of moral conscience of the individual), social policy (has action upon formation of the individual) were taken into account, was also an important means of moral education of pupils in extracurricular work of schools, dependent on the Ministry of Public Education. In this aspect special attention was paid of the unity of requirements for moral upbringing in the family and at school [4]. In Mariinsky female schools educational process was being conducted by the specially worked up program for the Educational Society of noble maidens. The goals and objectives of education of girls, priorities in selecting the basis for the formation of character of pupils attract attention. The general purpose of education was formulated as follows: "education of good wives and mothers of families". Thus, spiritual and moral constants in the upbringing of boys and girls were the same, the difference was only in the requirements for scientific education. In the early years of education upbringing was directed on the formation of "good manners" — trait that manifested in reasonably well behavior without excessive pride, noble courteous treatment of all people. Much attention was paid to education of girls' wit. We consider that it is a good advice for today's teachers to coordinate means and the purpose of education. The instructions of 1857 emphasized such the warnings of false education of girls: the emergence

of insincere relationships between teachers and pupils; lack of attention to individual characteristics of pupils; neglect of moral and physical work [5].

The family traditionally was considered the basic environment of moral education of children. "True piety of father and mother, — it is stated in the document — their prayer and their patient submission to God's will in difficult trials of life, love of work, care for the youngest — all is being passed to a favorable child's heart in a good Christian family which apostle Paul named "home church"" [5].

After all the school accepts children in the most favorable time of their moral growth, while, on the one hand, their heart remains vulnerable, and, on the other, — pupils' mental abilities are being developed.

Sometimes the desire of parents to ensure education of their children was caused by certain parochial domestic circumstances. Thus, one of the teachers of public school noted that at the confession during the lent a priest had examined parishioners if they knew the most important prayers. Those who did not know the prayers, he sent to school, and only then they were admitted to confession. Therefore villagers, avoiding shame, sent their children to school, where they learned the prayers and could teach other family members [11].

According to that time documents, parishioners most of all enjoyed watching "... their children read and sing in the church and can read something good for the soul or tell an event from Sacred History, or, at least, give short information about the object of faith and Christian morality at home at free time". Thus, children carried out functions of assistants of a priest in the case of religious education and moral education of parishioners in extracurricular time [6].

The study revealed that for the first phase was characterized by the priority role of parents in moral education of children. A feature of this phase was in determining the functional destination of educational impacts on pupils in institutions of general education. In particular, according to S. Uvarov [8], the interaction of participants of educational process had to ensure the conformity of moral norms, inculcated in pupils, developed spiritual thoughts and considerations, scientific knowledge that corresponded to the specific social, material status of the person, didn't cause moral inhibition, negative emotions of resentment and doubts, to canons. This understanding of the functional purpose of spiritual and moral education was considered as a basis of preservation of public peace and tranquility in the Circular of the minister of public education in 1851 which had been active to the end of 1863.

The study found that Sunday schools had been spread rapidly due to the active development of social and educational movement in the chronology of the first phase. Their appearance was caused by migration of rural population to the cities, its proletarianization, changing the social infrastructure of society, traditional conditions of life and work, and as a result, changing the industrial infrastructure. This has led to the formation of high educational needs of people.

The educational policy of the government realizing the urgent need to modernize the socio-cultural and economic spheres of life determined support of public initiatives in the field of general education as one of the directions. This has led to the creation of a network of Sunday schools for adults and adolescents. The first Sunday school was opened in Kyiv with the participation of the professor P. Pavlov with the permission of the trustee of the Kiev educational district M. Pirogov. The founders of the school were 17 students of St. Volodymyr Kyiv University and one student of Kiev Theological Academy. The school was intended for “boys from families of artisans and other working class people who have neither the time nor money to attend usual colleges” [10]. The program included teaching God’s Law, reading and writing and arithmetic. During the first week about 50 people came to the Sunday school, then the number of persons wishing to study has increased up to 100 people or more. On October 25, 1859 a second male Novostroyensk Sunday School was opened at the request of students of St. Volodymyr Kyiv University. There were 148 people by March, 1860 [10]. And since 1860 women Sunday schools were being established. During 1860 7 Sunday schools, intended for teaching adults and children, have been founded in Kiev.

Thus, in 1860 the largest number of schools for the first entire period of their existence (from October, 1859 to June, 1862) has been opened [10]. Of course, the opening of such the large number of Sunday schools this fact was explained, in particular, by the fact that there were no barriers from government officials. On the contrary, government agencies not only didn’t prevent the development of public initiative in establishing schools, but stimulated it. In March, 1860 the Minister of Internal Affairs sent the circular to all the governors, in which he approved the creation of Sunday schools and recommended to contribute to their spread: “In some cities it is found useful to establish Sunday schools for pupils from families of artisans and workers to spread the literacy and to develop morality in hack-working class. ... Considering that the opening of Sunday schools in cities should bring significant benefits to local communities

and the opening of schools ... can be done with very low cost, I, according to agreement with the Minister of Public Education, beg Your Excellency to pay attention to this subject ...” [8 cit.].

In May, 1860 the Ministry of Public Education has published the rules about Sunday schools “to prevent the possibility of evasion of so useful for public education institutions, mentioned above by their purpose, from the straight path” [7, v. 3, 400]. The teaching programs of Sunday schools were compared to parochial colleges, dependent on the Ministry of Public Education. There only those books and manuals that had been found to be useful for parochial colleges could be used (that meant ignoring the needs and the interests of adult pupils of Sunday schools). Persons of different age were being accepted to Sunday schools, men and women had to learn separately.

Distinctive features of this type of schools were: free and voluntary teachers’ work, free classrooms and new pedagogical tasks to give pupils not only elements of the literacy and mathematics, but also general development. There were free public libraries at Sunday schools. Sunday schools and free libraries were closed by the order of the Government in 1861 [13].

Sunday school focused on teaching, based on free communication between teachers and students without narrow formal frameworks. Students had the right to learn one or all the subjects that were taught at school; visiting lessons was not mandatory. There were no marks, exams and diplomas at school. Humanization of relationship between a teacher and a student, drawing attention to a pupil — these ideas were new for pedagogical thought of the second half of the XIX century. The main principle of the educational process in Sunday schools was equability. Sunday schools teachers introduced a new, uncharacteristic for that time traditional pedagogy style of communication with students. All the students of Sunday schools were being called with respect «you». Encouragement and punishments as means of stimulating behavior were found ineffective. In case of breach of discipline (which, it should be noted, was extremely rare in Sunday schools) personal observations were not used because were considered offensive. A teacher addressed comments to the entire group of students believing that the group itself would act as a regulator of behavior in this case. Teachers tended to consider children’s antics (along with adults children were often taught in Sunday schools) more like an activity, inherent to child’s nature, than like the violation of subordination between a teacher and a student [12].

From historical studies we learn that the organization of extracurricular educational work in Sunday school of H. Alchevska was exemplary. There was a spacious hall for walks during breaks at the entrance on the ground floor of the special building. The second floor housed a large hall for individual talks with pupils, school holidays and so on. There also was a pupils' library and a museum of visual aids.

On December 30, 1860 the Ministry of Public Education published the Circular for trustees of educational districts which had explained that Sunday schools should serve only as appendages to parochial colleges, and school districts trustees should "control Sunday schools in order they do not protrude from specified range actions, i. e. education should be limited by God's law, reading, writing and arithmetic" [7, v. 3]. The Circular offered to provide control over schools from the direction of uyezd schools supervisors, directors of schools and other people. In January 1861 Alexander II approved the Circular and ordered trustees of educational districts to provide unrelenting observation of Sunday schools and governors to provide every assistance to this educational department. The diocesan heads were proposed to assign a priest to each Sunday school that would not only teach God's law, but observe to "the school wouldn't allow anything contrary to the rules of Orthodox faith and principles of morality" [7, v. 3, 25].

Due to the growing of public and political activity of society, radical sentiments, autocracy position was being extended more and more. Containment measures to Sunday schools, applied by the government, had conservative nature.

The result of government's actions was abrupt decline in the number of schools, opened during 1861–1862 years, compared to 1860. The number of teachers was being also decreased. Public enthusiasm that characterized the beginning of the movement was being disappeared.

Teaching literacy was directed to the implementation of the purpose and objectives of moral education of pupils throughout the study period. Teaching writing was carried out by the examples of texts, the most frequently used during worship. Extracurricular work in schools of the literacy was organized through joint reading passages from the Scripture; instructive parables; prayer and explanation of commandments, virtues, moral duties of a man to itself and family; catechism in questions and answers; edification of the saints; dictionary of words of the Scripture; elements of Old Slavonic and Church Slavonic languages; rules of politeness; proverbs and sayings on moral theme; historical narratives [7, 642].

References:

1. Каптерев П. Ф. Об общественно-нравственном развитии и воспитании./П. Ф. Каптерев/ЭСв. – СПб.: О. Богданова, 1908. – Вып. 56. – 38 с.
2. Корф Н. А. Наше школьное дело: Сб. статей по училищеведению./Корф Н. А. – М.: Б. и, 1873. – 430 с.
3. Модзалевский Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древних времен до наших дней: В 2 т./Науч. ред., М. В. Захарченко/С 30 РАО. – СПб: Алетейя, 2000. – Т. 2. – 920 с.
4. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию/А. С. Пругавин; 2-е изд., значит. доп. – С-Пб.: Изд-во Т-ва «Общественная Польза», 1904. – 1096 столб.
5. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения: 1802–1902 гг. /Рождественский С. В. – СПб: Гос. тип., 1902. – 785 с.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.google.ru/url?source=transpromo&rs=rssf&q=/translate.google.com/community?source=all>
6. Рыбников Н. А. Деревенский школьник и его идеалы. Очерки психологии школьного возраста./Рыбников Н. А. – М.: Задруга, 1916. – 123 с.
7. Сборникъ постановлений по Министерству Народнаго Просвѣщенія в XIX ст. – С-Пб.: Тип. Императорской Академіи наукъ, 1864–1897. Т. 1. – 1864. – 1806 ст.; Т. 2. – 1864. – Отд. 1. (1825–1839). – 1839 ст.; Т. 2. – 1864. – Отд. 2. (1840–1855). – 1622 ст.; Т. 3 (1855–1864). – 1865. – 1435 ст.
8. Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения (1833–1843)./Уваров С. С. – СПб., 1864. – 240 с.
9. Ушинский К. Д. Главнейшие черты человеческого организма в приложении к искусству воспитания// К. Д. Ушинский//Педагогический сборник. – 1865. – № 8 (май). – С. 629–649.
10. Хронологический список высших и средних учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения, основанных или преобразованных с 1855 по 1880 гг. – СПб: Б. и., 1880. – 1564 ст.
11. ЦДІАК України, ф. 707, оп. 18, спр. 15, 1852 р., арк. 1–13.

12. ЦДІАК України, ф. 707, оп. 19, стіл 1, спр. 45, 1854 р., арк. 8.
13. Шмид Г. К. История средних учебных заведений в России: [Пер. с нем. А. Ф. Нейлисова]/Шмид Г. К. – СПб.: Типография В. С. Балашева, 1878. – 684 с.

*Onasko Christina Alexandrovna,
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
postgraduate (student) Department of the theory
and methodology of professional education
E-mail: kristina.onasko.91@mail.ru*

Theoretical questions of feedback in teaching of students in the works of national scientists (70th – 80th of the twentieth century)

Abstract: The article analyzes the views of local teachers' 70s – 80s of the twentieth century. The problem of control in the training of students. Allocated to them are considered entity types and the feedback function in the process.

Keywords: control training, feedback, management training, didactic requirements.

*Онасько Кристина Александровна,
Харьковский национальный педагогический
университет имени Г. С. Сковороды,
аспирантка, кафедра теории и методики
профессионального образования
E-mail: kristina.onasko.91@mail.ru*

Теоретические вопросы обратной связи в обучении студентов в работах отечественных ученых (70-е – 80-е гг. XX в.)

Аннотация: В статье анализируются взгляды отечественных педагогов 70-х – 80-х гг. XX в. На проблему контроля в обучении студентов. Рассматриваются выделяемые ними сущность, виды и функции обратной связи в этом процессе.

Ключевые слова: контроль в обучении, обратная связь, управление обучением, дидактические требования.

Одной из важных проблем современной педагогической теории и практики высшей школы есть организация обратной связи в обучении студентов. Использование оптимальных путей ее решения способствует активизации учебного процесса, существенным образом повышает его эффективность, позволяет определить степень усвоения учебного материала и качество знаний, умений и навыков, которые приобретаются студентами в процессе обучения, осуществить их коррекцию, оценить в целом ход учебно-познавательной деятельности, наметить направления ее усовершенствования.

Особый интерес в направлении изучения теоретических основ обратной связи в обучении студентов представляют собой 70-е – 80-е года XX в. Этот период характеризовался внедрением системного подхода к организации учебного процесса и, соответственно, рассмотрением обратной связи в обучении через его призму; постепенным вытеснением

программированного обучения; развитием отечественной психологической науки, диагностики, разработкой психологических основ контроля; распространением идей автоматизированных систем и их использования в контроле за обучением; созданием технических контролирующих устройств; использованием форм и методов контроля учебно-познавательной деятельности студентов, предусмотренных проблемными, исследовательскими, игровыми, ситуативными и другими методами обучения; организацией групповых форм работы и проверки ее результатов, которые позднее трансформировались в интерактивные технологии.

Рассматривая контроль в обучении студентов через призму системного подхода, ученые отмечали, что он предусматривает одновременное осуществление контроля за ходом решения поставленных задач со стороны преподавателя и самоконтроля студентов за правильностью выполнения учебных операций,

точностью получаемых ответов. Контроль и самоконтроль обеспечивают функционирование обратной связи — получение преподавателем информации о качестве поэтапного решения задач обучения, о типичных ошибках. Обратная связь создает условия для коррекции, регулирования учебного процесса, внесения изменений в методы, формы и средства обучения для приближения их к оптимальным для данной ситуации. Регулирование процесса проводится не только преподавателем, но и самими студентами путем саморегулирования своих действий, работы над ошибками, повторения вопросов, которые вызывают затруднение.

Следует отметить, что в этот период вопросам обеспечения обратной связи отводилось особое внимание ученых. Анализировалась эффективность выполнения этой функции контроля при традиционном обучении. Педагог, например, ставя вопрос, получал сведения об усвоении материала и частично регулировал темп и уровень сложности его изложение, но такая обратная связь признавалась эпизодичной и такой, которая давала незначительную помощь в управлении учебным процессом. Информация, которая подавалась по каналам обратной связи, при традиционном обучении отличалась недостаточной полнотой, нерегулярностью, отсутствием охвата всех субъектов обучения, недостаточной действенностью. Если учебный процесс рассматривать как систему руководства, то эпизодичная проверка не отображала объективной картины усвоения всего учебного материала каждым студентом [3, 149].

Как отмечала Н. Талызина, понятие обратной связи появилось с возникновением кибернетики (1948) [4, 5]. Американский ученый Н. Винер ввел это понятие на основе обобщения данных в области радиотехники и теории автоматического регулирования. Однако необходимость обратной связи в деятельности человека была осознана физиологами и психологами еще раньше. Следует отметить, что толкование обратной связи в кибернетике неоднозначно. Одни авторы рассматривают ее как обратное влияние на самого себя: обратная связь влияет на внешнюю сторону, которая, в свою очередь, иначе начинает влиять на субъект. Если это влияние приводит к увеличению значений регистрируемых переменных, то имеет место положительная обратная связь, если к уменьшению — то негативная обратная связь. Такое понимание высказывает С. Бир, К. Косс и др. Так, С. Бир писал, что само движение переменных за границы ограничений вызывает появление

управляемого влияния. Это два фактора неразрывной связи [1, 48]. Н. Талызина пишет, что существенным признаком данного понимания обратной связи есть то, что сам ход управляемого процесса в настоящем действует на свое протекание в будущем. В содержание обратной связи при этом включается не только получение управляющим информации о состоянии управляемого, но и его регулирующие (корректирующие) действия [4, 5].

Существовало и другое понимание обратной связи, которое ограничивало ее этапом получения сведений о ходе управляемого процесса. Так, О. Ляпунов и С. Яблонский трактуют обратную связь как информацию об управляемой системе, которая идет от управляющей системы [2, 75].

Н. Талызина выделила систему факторов, которые говорят в пользу такого понимания обратной связи. Так, пишет она, первое понимание обратной связи предусматривает наличие непосредственных механических контактов между управляющими и управляемыми объектами. Наличие таких контактов не характерно для кибернетического управления. Специфика последнего в том, что управление осуществляется с помощью сигналов, которые несут определенную информацию, которая не предполагает непосредственных контактов между такими объектами. Примером может быть управление на расстоянии, когда объекты разделены пространством [4, 6].

Во-вторых, отмечает ученая, функционирование двух этапов управления, включенных в первоопределение обратной связи, может быть также отделено друг от друга. Регулирующее влияние не всегда определяется только информацией о состоянии управляемого объекта, на данный момент. Во многих случаях оно осуществляется с учетом информации, которая получена раньше, накоплена в памяти управляющей системы. В этих случаях между получением сведений о ходе процесса в управляемой системе и регулирующим влиянием имеют место такие этапы управления, как принятие решения и разработка алгоритма его реализации. Таким образом, получение сведений от управляемого объекта и коррекцией далеко не всегда имеет место непосредственная связь. В-третьих, в ходе управления не всегда необходима коррекция: если процесс, которым управляют, идет в соответствии с программой, то объект, который управляет, никаких дополнительных влияний на него не осуществляет. Значит второго этапа управления нет, но получение сведений о ходе процесса, которым управляют, имеет место. Таким образом, относительно учебного

процесса более правильным будет второе определение обратной связи [4, 6].

Ученые обращали внимание на то, что при традиционном обучении обратная связь устанавливается после изучения довольно большого объема материала, поэтому намного меньше влияет на организацию работы того, кто учится. А, исходя из позиции идей кибернетики, процесс обучения должен быть процессом систематического управления на основе информации о ходе усвоения новых знаний, то есть обратной информации. В соответствии с целью управления обратная связь должна нести такую информацию: выполняет ли учащийся, то действие, которое запрограммировано; правильно ли он его выполняет; отвечает ли форма действия данному этапу усвоения; формируется ли действие с необходимой мерой обобщения, усвоения (автоматизм, скорость выполнения и т. п.) [3, 150].

Как отмечал К. Биктагиров, обратная связь может быть положительного или отрицательного характера. Первый вид — в положительной оценке умственных и практических действий. Такая обратная связь называется положительной. Она подкрепляет, усиливает мысли того, кто учится, может выразиться в форме положительного комментария к правильному ответу или в сравнении на этапе правильного ответа. Субъект обучения переживает удовлетворение, радость познания, что является стимулом для дальнейшей деятельности. Но обратная связь может нести и негативную информацию о действиях учащегося с указанием непосредственных ошибок. Это уже отрицательная обратная связь, которая позволяет педагогу своевременно вмешаться в работу, тех, кто учится, предлагая дополнительные разъяснения, которые часто возвращали к теоретической части материала [3, 151].

По мнению ученого, в обоих случаях обратная связь выполняет важную психолого-педагогическую функцию, потому что даже при неправильности ответа она может иметь стимулирующее влияние. Например, желание студента узнать причину ошибки и исправить ее. Обратная связь может поступать и к педагогу, и к самому студенту. В первом случае наблюдается внешняя обратная связь, которая необходима для эффективного управления дальнейшей познавательной деятельностью, а во втором — внутренняя, необходимая для самообучения, саморегуляции процесса обучения.

Управление с помощью обратной связи часто ведет к обучению без дефекта, потому что есть постоянная возможность коррекции, если имеется отклонения от эталона. Сообщение правильного ответа выступает и в качестве коррекции, и в качестве подсказки,

подтверждения. Но установление всех видов оптимальной обратной связи связано с определенными трудностями. Их бы было меньше, если бы педагог управлял учением только одного человека. Поэтому фронтальное обеспечение обратной связи в системе студенты-преподаватель почти нереально без использования специальных средств с целью полного охвата проверкой всех студентов группы [3, 152].

На выделенном этапе ученые обосновывали такие дидактические требования к осуществлению обратной связи:

1) контроль должен охватывать всех студентов и все темы, разделы;

2) результаты каждого вида контроля должны использоваться для дифференцированного регулирования дальнейшего хода обучения;

3) контрольные вопросы необходимо формулировать так, чтобы, отвечая на них, студенты не просто повторяли полученные сведения, а анализировали их, строили заключения;

4) вопросы, которые предлагаются для установления обратной связи, должны удовлетворять определенным методическим требованиям (быть адекватными тем знаниям, наличие которых проверяется; ошибочный и правдоподобные ответы должны быть такими, чтобы их можно было осознать; исключение фактов угадывания: по одной и той же дозе информации необходимо включать не меньше двух вопросов в разных формулировках);

5) текущий контроль должен быть предназначен для диагностики индивидуальных показателей, определения степени и меры помощи каждому студенту [3, 153].

Как отмечала Н. Талызина, контроль, совпадая по функциям с обратной связью, отличается от нее. Если контроль осуществляется теми, кто учит, и сведения о полученных результатах не сообщаются тому, кто учится, то контроль может выполнять две функции: обратной связи и учетную функцию (констатация уровня усвоения материала, который изучается). Если же контроль осуществляется самим учащимся или же ему сообщаются результаты, то последний может выполнять не только функцию обратной связи, но и функцию подкрепления, а также мотивационную функцию [4, 5].

Таким образом, одним из достижений выделенного периода стала разработка теоретических основ обратной связи в обучении студентов: обоснование сущности, видов, функций обратной связи, дидактических требований к ее использованию.

Список литературы:

1. Бир С. Кибернетика и управление производством./С. Бир; Пер. с англ. В.Я. Алтаева. – М.: Наука, 1963. – 276 с.
2. Ляпунов А.А. О теоретических проблемах кибернетики./Ляпунов А.А., Яблонский С.В.//Кибернетика, мышление, жизнь: сборник статей. – М.: Мысль, 1964. – С. 62–75.
3. Педагогика высшей школы: Учебно-методическое пособие./под ред. Н.М. Пейсахова. – Казань: Издательство казанского университета, 1985. – 192 с.
4. Талызина Н.Ф. Теоретические основы контроля в учебном процессе./Н.Ф. Талызина. Графопроекция. (Реализация принципа наглядности в различных формах и методах обучения)/З.С. Харьковский. Методическое обеспечение учебного предмета/В.Б. Лукьянов; Н.Ф. Талызина. – М.: Всесоюзное общество «Знание», 1983. – 96 с.

*Tararak Natalia Grygorivna,
H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University,
Ministry of Education and Science of Ukraine,
postgraduate student, Department of History
of Pedagogics and Comparative Pedagogics
E-mail: n_fliper72@mail.ru*

Competence-based approach to formation of the future art workers' value orientations in Ukraine

Abstract: In the article the actual problem of the formation of the value orientations of students of art universities. Given the generalization of scientific positions on the competent approach to the process of formation of valuable orientations of youth, whose future profession connected with the work, filed a general idea of the system of value orientations.

Keywords: values, value landmarks, professional occupation, competence, art.

Against the background of the socio-political and economic situation in the modern Ukraine the dramatic ups and downs make the art life more and more active. Now the real events demand professionally mobile, competitive creative specialists. One of the most distinctive features of contemporary art life has become an actualization of political subjects in various art forms, as the Ukrainian artists and designers' reaction to the events in the socio-political life of the country on its way to democracy. The crucial point makes the young people analyze the changes in order to give the impartial assessment and precise their system of values. So the changes in the modern professional life have caused the situation where the old value and professional orientations no longer meet the new requirements but the new ones are not yet formed. All these make the educators and scientists correct both the content of the art education and methods of teaching.

Scientific background. In 1997, OECD member countries launched the Programme for International Student Assessment (PISA), with the aim of monitoring the extent to which students near the end of compulsory

schooling have acquired the knowledge and skills essential for full participation in society. Driving the development of PISA have been:

- Its policy orientation, with design and reporting methods determined by the need of governments to draw policy lessons;
- Its innovative “literacy” concept concerned with the capacity of students to analyse, reason and communicate effectively as they pose, solve and interpret problems in a variety of subject matter areas;
- Its relevance to lifelong learning, which does not limit PISA to assessing students' curricular and cross-curricular competencies but also asks them to report on their own motivation to learn, beliefs about themselves and learning strategies; and
- Its regularity, which will enable countries to monitor their progress in meeting key learning objectives [1].

In the last decade of the twentieth century, the research problem of the formation of value orientations of students began being productively developed within

the axiological paradigm, where the person is regarded as the highest value of society that allows us to study this question in different ways, namely as an integrated multi-level hierarchical system (O. Asmolov, Y. Zhukov, A. Zotova, B. Lomov, V. Yadov); as the process of formation of value orientations in the field of professional activity (O. Zdravomyslov, D. Leontiev, V. Myasishchev, K. Platonov, B. Porshnev, S. Rubinstein); as a statement of student-active approach to the educational process that promotes professional and personal formation of future professionals (K. Abulkhanova-Slavskaya, M. Andreyeva, O. Gonchar, N. Kuzmyna, O. Rudnytska, A. Trotsko, T. Tan'ko and others).

The leading theoretical hypothesis, which reflects the relationship between the system of human life and his artistic needs and preferences in the context of this study we consider the idea that each person and their lifestyle is correlated with the system of integral characteristics outlined some of the prerequisites. The most prominent among these characteristics belonging to the system of value orientations of the personality is its function as a regulatory axis that regulates its vital functions. So far, however, one of particular interest is the process of forming the value orientations of youth, whose future profession been made to beat touch the spiritual depths of man. The fact that the art is able to maintain the openness of the system of values, candidness of a person in their choice emphasizes the relevance of the given problem.

Thus, the paper will focus on revealing of the peculiarities of the value orientations system of art students on the basis of the retrospective analysis of the accumulated historical and pedagogical experience of the educators and scientists of the Soviet pedagogics period in the second part of the XX century in order to substantiate the necessity of the competence-based approach implementation to formation of the future artists' value orientations in the modern Ukrainian higher educational system.

In general, **the research objectives** are to examine the value orientations formation in the theoretical aspect as well as its realization in practice of the higher educational establishment of arts in the former USSR and determine the strategies of realization of the competence-based approach to formation of the future artists' value orientations in the modern Ukrainian higher educational system.

Results and discussions. In recent years, in the global education "competence approach" is becoming more and more asked-for. OECD Education Ministers have

characterized it very precisely considering that "Sustainable development and social cohesion depend critically on the competencies of all of our population — with competencies understood to cover knowledge, skills, attitudes and values". A competency is the capability to apply or use a set of related knowledge, skills, and abilities required to successfully perform "critical work functions" or tasks in a defined work setting. Though competencies often serve as the basis for skill standards that specify the level of knowledge, skills, and abilities required for success in the workplace as well as potential measurement criteria for assessing competency attainment it is value orientations formation component that differentiates it from the traditional understanding. Such approach gives us the answer to what characteristics the specialist needs for a successful life and a well-functioning society. The decision of this problem is closely connected with the value orientations formation and working out the specific methods of their formation in the educational process at the higher educational establishments of arts.

In this context it is necessary to turn our attention to the retrospective analysis of value orientations formation in the theoretical aspect as well as its realization in practice of the higher educational establishment of arts in the former USSR.

Political and socio-cultural prerequisites created in the Great Patriotic War and the first postwar years, predetermine the political "Khrushchev's thaw", which began immediately after the death of the dictator. In the early 1960s, the fundamental prize sought by the "thaw" movement was something that the Soviet people had never known: freedom of ideas. If in the first years of the Soviet power the axiological studies were banned, the period of the "thaw" was the time to rethink values and gave the opportunities for the birth of the first axiological studies. A characteristic feature of all the studies by V. Tugarinov, A. Drobnitskii, I. Naritskii, A. Shishkin and other scientists who developed the concept of understanding of the different values, has become their interpretations in the context of the Marxist-Leninist paradigm stressing their social-class nature. But in a retrospective study we conclude that despite the communist ideology pressure, the priority social values over personal ones, in the art educational institutions features gradual humanization of relations of participants of the educational process were observed, the emergence of the new art areas and the appropriate teaching methods. These processes are of particular importance for art educational establishments because of the specific purpose to the touch the human soul by means of their activity.

However, the idea of “competence-based approach in teaching” was originated in the early 80s of the last century, when the journal “Perspectives. Questions of Education” published an article by W. de Landsheyer “The concept of minimum competence”. Initially, it was not about the approach, and the competence, professional competence and professional competences of the individual as the purpose and outcome of education. “Competence” in the broadest sense was interpreted as “an in-depth knowledge of the subject or mastering skills”.

Today’s societies place challenging demands on individuals and the specialists whose work is connected with imaginative, creative, and nonscientific branches of knowledge and production. Defining the key competencies of such specialists can improve assessments of how well prepared young people and adults are for life’s challenges, as well as identify overarching goals for education systems and lifelong learning. Individuals need a wide range of competencies in order to face the complex challenges of today’s world, but it would be of limited practical value to produce very long lists of everything that they may need to be able to do in various contexts at some point in their lives.

A competency is more than just knowledge and skills. It involves the ability to meet complex demands, by drawing on and mobilizing psychosocial resources (including skills and attitudes) in a particular context. For example, the ability to paint effectively is a competency that may draw on not only an individual’s knowledge of painting techniques, practical the appropriate skills but also feeling value and attitudes towards those with whom or what he or she is painting.

The act of painting is a joy and experience that brings with it a whole train of emotions, fascination, excitement, achievement, and realizing of the world. The setting out of colours on the palette, the holding of a brush or painting knife, and the real mixing of colours all serve to generate a sensation of action, of insight into

the value of beauty. To paint is to step outside a routine, a normal day, to glimpse entirely new horizons. It is as though a third eye is suddenly found. Fresh vision brings a widening experience and also a new sensibility to everything that is around. Here a painter has a chance to express the reality mediated by his or her system of value orientations. As a result the person’s value orientations either are corrected or influence on those whom his picture is directed.

Conclusion. Thus, our results highlight the key trends in the development of value orientations in the context of global educational process in higher arts education twenty-first century, and a competence-based approach to formation of the future artists’ value orientations is considered to be one of the leading one. They also are as follows: the formation of value orientations of members of the educational process in the context of humanization and axiological component of the education should meet the national and cultural needs; targeted use of synthesis of forms and methods of educational process for acquiring future specialist field of art as a purely professional skills, and learning as value-semantic nature of art; the specially-targeted use of synthesis of forms and methods of educational process organization in order the future specialist in the field of art could obtain both purely professional skills, and mastering of the value-semantic essence of art; awareness by a future art worker of a high-level professional and personal responsibility for meeting the standards of information culture and spread of their creative products forming the moral and spiritual core of the country; adoption of the value orientations on a personal level through their cumulative formation at all levels of consciousness, feelings and behavior.

Final conclusions. There is abundant room for further progress in determining the notion a competence-based approach as well as strategies to formation of the future art workers’ value orientations. Further work is required to analyze the mistakes and progress in the practical application in the higher art school in Ukraine.

References:

1. Definition and Selection of Key Competencies: Executive Summary – OECD.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.oecd.org/pisa/35070367.pdf>

*Tuychiyeva Zulayko Khamrakulovna,
the lecturer Gulistan State University
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

Manifestation of research motives of students in the learning process of psycho-pedagogical sciences

Absrtact: This article outlines the basis and prerequisites for the research motives and their influence on the manifestation of the motivational sphere of scientific and creative abilities of individual in his youth, in the process of acquiring professional knowledge.

Keywords: scientific-research, internal and external motives, personality, motivational sphere of personality, professional knowledge, principles of reformation the educational system education.

*Туйчиева Зулейха Хамракуловна,
преподаватель Гулистанского
государственного университета Узбекистана
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

Проявление научно-исследовательских мотивов студентов в процессе обучения психолого-педагогических наук

Аннотация: В данной статье излагаются основы и предпосылки для научно-исследовательских мотивов, влияния их и мотивационной сферы на проявление научно-творческих способностей личности в юношестве, в процессе приобретения профессиональных знаний.

Ключевые слова: научно-исследовательские, внутренние и внешние мотивы, личность, мотивационная сфера личности, профессиональные знания, принципы реформирования, система образования.

Основными принципами реформирования системы образования является формирование в обществе атмосферы престижности знаний, образованности и высокого интеллекта; соответствия образовательных и профессиональных программ современным мировым достижениям образования, науки, техники и технологий, экономики и культуры; обеспечения тесной связи образования с будущей практической профессиональной деятельностью молодежи; формирования у обучающихся приоритетности общечеловеческих ценностей, высокой духовности, культуры и творческого мышления; органичного единства образования с национальной историей, народными традициями и обычаями, уважения к истории и культуре других народов.

Каждое государство заинтересовано в развитии интеллектуального и духовного потенциала страны. В эпоху глобализации образованность становится важнейшим компонентом экономического развития и накопления национального богатства страны, а высокий духовный уровень населения позволит органично формировать правовую культуру, способность народа жить и трудиться в свободном, демократическом правовом государстве, осознавать свои права и свободы, уметь ими пользоваться в интересах личности, государства и общества.

Только люди, которые осознают необходимость гармонии национальных и общечеловеческих ценностей, располагающие современными знаниями, интеллектуальным потенциалом и передовыми технологиями, могут добиться поставленных стратегических целей развития.

Наступает период развития инициативы, самостоятельности каждого человека, горизонтального мышления. В обществе складывается социальный заказ на творческую личность, т. е. человека, способного думать по-новому, самостоятельно ставить перед собой задачи, цели, предлагать нестандартные решения, сопротивляться рутинному подходу, ориентироваться более на будущее, чем на прошлое. Одним словом, человека с «вирусом новизны», когда даже старые известные пути переосмысливаются с целью совершенствования технологии, наконец, человека, у которого есть не только способность, но и потребность к собственному саморазвитию, самоусовершенствованию.

Тесная взаимосвязь развития исследований по психологии личности с исследованием социальных процессов очевидна. Если в недалеком прошлом делалось акцент на обнаружение и развитие отчетливо выраженной какой-либо одной способности или группы способностей, то теперь складывается

заказ на определение и развитие инициативы, самостоятельности, общительности человека, в том числе акцент на научно-творческие способности. В психологических центрах наблюдается тенденция к исследованиям по этим направлениям, в том числе по проблемам личности как проблемам интегральной психологии.

Обозначая последний весь спектр неинтеллектуальных компонентов человека, мы говорим по двух типах мотиваций: **внешней и внутренней**. При этом под внешней мотивацией понимается такая, которая исходит из внешней по отношению к действующему человеку среды, которая как бы создает стимул к деятельности. Причем иногда этот стимул может быть доминирующим в творческом движении человека. Внешняя мотивация может возникнуть не только как стимул извне, она создается и как необходимость реализовать собственные морально — нравственные, мировоззренческие — установочные, эмоционально — волевые доминирующие в человеке стороны качества его личности. Так, честолюбие «может служить могучим двигателем поведения, характеризующим самую сердцевину личности».

Подлинно внутренняя мотивация «создается в результате противоречия внутри познавательного поля между тем, что уже формализовано, и тем, что надлежит формализовать данному субъекту».

Наблюдая за творческими личностями, можно считать, что иногда новые идеи, возникшие как следствие своей внутренней мотивации, не воспринимаются очень долго. А если эти новые идеи возникли в голове ученика, работающего под руководством своего учителя, то неизбежен конфликт. Безапелляционное отрицательное отношение учителей к внутренней мотивации своего ученика причиняет ущерб творческой личности последнего.

Действенным условием создания в коллективе внутренней мотивации является «факт наличия в деятельности научных коллективов единой программы. При этом процесс генерации идей — основной показатель творчества и фактор внутримотивированного отношения группы людей считается процессом, связанным с успешностью понимания проблемных аспектов деятельности членами научного сообщества и без развития такого понимания успешным быть не может».

Составляющими частями мотивационно-личностного блока творческой личности являются признаки морального, нравственного, этического, мировоззренчески-установочного планов. Например,

американские исследователи Торранс и Холл включают в число этих признаков следующие:

- способность творить чудеса, которые иногда выходят из сферы разумного;
- эмпатия и высокая степень проникновения в нужды и потребности других людей;
- ореол исключительности;
- способность разрешать конфликты, особенно в тех случаях, когда конфликты не имеют логического решения;
- способность к медитации.

Другой американский исследователь Р.В. Рескин, обратил внимание, что творческие личности имеют склонность к нарциссизму (самолюбованию) и между фактами поведения тех и других много общего. Согласно справочнику американкой психиатрической ассоциации, нарциссизм имеет восемь особенностей поведения:

1. Преувеличенное ощущение собственной значимости и уникальности, представление о грандиозности своих свершений и таланте, преувеличение значимости и исключительности своих проблем;
2. Склонность к фантазированию: успехи, власть, положение и т. п.;
3. Потребность в постоянном внимании и восхищении;
4. Склонность отвечать на критические замечания, на безразличие окружающих и поражения двумя способами: а) холодное равнодушие; б) ярость, унижение, стыд, опустошение;
5. Ожидание от других особого отношения, услуг и льгот без принятия на себя обязательств взаимности;
6. Склонность к использованию других людей для удовлетворения своих желаний, для самовозвеличивания;
7. Непостоянство в отношениях между людьми, переходы от идеализации к опорочиванию их;
8. Отсутствие эмпатии, неспособность представить себе чувства других людей.

В его исследованиях также называются следующие черты творческой личности: поглощенность собой, ориентация на самого себя; богатая внутренняя жизнь; первичность мыслительных процессов; импульсивность, независимость; самоутверждение, способность и потребность в господстве и доминировании; готовность использовать других людей, отсутствие эмпатии; напористость и агрессивность; потребность в признании окружающими. Он выдвинул

идею и подтвердил экспериментально наличие положительной корреляции между нарциссизмом и творческой одаренностью.

Очень важны исследования человека, которые в большей степени, чем другие, соответствуют нашему пониманию человека, как субъекта самостоятельного творчества: это подход Е. А. Климова к человеку как субъекту труда и подход В. И. Андреева к перечню творческих способностей личности ученика, студента.

В. И. Андреев дает перечень творческих способностей и классификацию качеств личности ученика и студента применительно к учебно-творческой деятельности. При этом им выделяются следующие способности:

1. Мотивационно-творческая активность и направленность личности. Она передается в любознательности, интересе, чувстве увлеченности, эмоциональном подъеме, стремлении к творческим достижениям, к лидерству, к получению высокой оценки, личной значимости творческой деятельности, самообразованию, самовоспитанию;
2. Интеллектуально-логические. Это способности анализировать, сравнивать, выделять главное, описывать явления, процессы, давать определения, объяснять, доказывать, обосновывать, систематизировать, классифицировать;
3. Интеллектуально-эвристические. Состоят в способностях генерировать идеи, выдвигать гипотезы, фантазировать, ассоциировать, видеть противоречия, переносить в новые ситуации знания и умения, отказываться от навязчивой идеи, преодолевать инерцию

мышления, иметь независимость суждений, критичность мышления;

4. Самоуправление личности. Это целеустремленность, умение планировать, самостоятельно организовать свою деятельность, самоконтроль, оценивать самого себя, рефлексировать и корректировать, быть прилежным;
5. Коммуникативные. Передаются в способностях использовать опыт других, сотрудничать с ними, организовывать, отстаивать свою точку зрения, убеждать других, избегать конфликтов.

Кроме названных способностей, автором включается в творческую личность следующие параметры, называемые свойствами, качествами, способствующими успешности:

Мировоззренческие качества: убежденность, способность отстаивать свои творческие позиции;

Нравственные качества: честность, способность руководствоваться принципами духовной нравственности, скромность, смелость, решительность;

Эстетические свойства: эстетические принципы, способность достигать гармонии, простоты и красоты человеческих отношений;

Индивидуальные особенности: темп деятельности, работоспособность, характеристики стиля учебно-творческой деятельности.

Важным признаком приведенной концепции является ее направленность на поиск творческих характеристик в учебной деятельности и введение мотивации, самоуправления, коммуникации мировоззренческих, нравственных и эстетических качеств, которые в числе признаков творческой личности назывались и выше, но не были классифицированы.

Список литературы:

1. Попов А. М. Психология самостоятельного творчества студентов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1990. – 49 с.
2. Лук А. Н. Психология творчества. – М.: Издательство «Наука», 1976. – 92 с.
3. Международная конференция на тему: «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения – как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны». – Ташкент, 16–17 февраля 2012 года.

Section 8. Psychology

*Babajanova Fotima Farmanovna,
Senior Lecturer, Gulistan State University
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

The early juvenile age is the sensitive period for displaying scientific and creative abilities

Abstract: The article deals with the emotional problems of adolescence, their impact on the formation of personality, the tasks of forming an intellectually developed person. Scientific justification of prerequisites for the manifestations of creative abilities are given. The crucial meaning for adaptation to the complex realities of modern society is not only the volume of accumulated knowledge, but also their system and the ability to apply the knowledge in practice. It requires a certain style of thinking, which is usually called scientific capability to see new connections between things and create something new, both in the material and the spiritual realm. The ability to create something new and meaningful for the individual and society is precisely creativity. The creative person can provide himself not only with a worthy place in society, but also promote the progress of society itself. The continuing Education System in Uzbekistan serves as the basis for further non-stop learning and self-education in the modern world.

Keywords: educational system, emotional problems, adolescence, formation, identity, scientific and creative abilities, creativity, self-education, self-improvement.

*Бабаджанова Фотима Фармановна,
старший преподаватель кафедры педагогики и психологии
Гулистанского государственного университета Узбекистана.
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

Способы эмоционального воздействия на проявление научно-творческих способностей личности в юношеском возрасте

Аннотация: В статье рассматриваются эмоциональные проблемы юношеского возраста, их воздействие на формирование его личности, задачи формирования интеллектуально развитой личности. Даются научные обоснования предпосылок проявления научно-творческих способностей.

Решающее значение для адаптации человека к сложным реалиям современного общества имеет не только объем накопленных знаний, но их системность и умение применять знания в практической деятельности. Это требует определенного стиля мышления, которое обычно называют научным, способного увидеть новые связи между вещами и создать новое, как в материальной, так и в духовной сфере. Способность к созданию нового, значимого для личности и общества как раз и является творчеством. Творческая личность может обеспечить себе не только достойное место в обществе, но и способствовать прогрессу самого общества. Система непрерывного образования в Узбекистане служит базой для дальнейшего непрерывного обучения и самообразования в современных условиях.

Ключевые слова: система образования, эмоциональные проблемы, юношеский возраст, формирование, личность, научно-творческие способности, созидательность, самообразование, самосовершенствование.

Каждое государство, которое стремится к мировому стандарту образования, опирается на хорошо разработанные и научно обоснованные принципы образования. Целью создания принципов в области образования является воспитание гармонично-развитой личности.

В Узбекистане основными принципами реформирования системы образования являются:

- формирование в обществе атмосферы престижности знаний, образованности и высокого интеллекта;
- соответствия образовательных и профессиональных программ современным мировым достижениям

образования, науки, техники и технологий, экономики и культуры;

- обеспечения тесной связи образования с будущей практической профессиональной деятельностью молодежи;

- формирования приоритетности общечеловеческих ценностей, высокой духовности, культуры и творческого мышления обучающихся;

- органичного единства образования с национальной историей, народными традициями и обычаями, уважения к истории и культуре других народов.

Эти принципы образования направлены проявление и формирование творческой, приносящей обществу личности. Немаловажным в системе непрерывного образования является полноценное развитие, формировании всесторонне гармоничное развитие личности и нахождения его место в обществе. Творческий потенциал личности не сводится к качеству ее интеллекта.

Интеллектуальное творчество является, частным случаем более общего свойства активности субъекта, включая его готовность выходить за пределы ситуативной необходимости и способность к самоизменению. Это свойство проявляется не только в интеллектуальной, но и в любой другой деятельности — в социальной активности, художественном творчестве, способности вырабатывать моральное решение и т. д. К сожалению, возрастные параметры творчества и сопутствующих ему личностных свойств пока не изучены.

Творческая активность предполагает, с одной стороны, умение освободиться из-под власти обыденных представлений и запретов (часто неосознаваемых), искать новые ассоциации и непроторенные пути, а с другой — развитый самоконтроль, организованность, умение себя дисциплинировать.

Юность психологически более подвижна и склонна к увлечениям. Чтобы стать творчески продуктивным, юноша нуждается в большей интеллектуальной дисциплине и собранности, отличаясь этим от своих импульсивных, разбросанных сверстников.

Конкретные личностные свойства творчески одаренных юношей бывают различными. Отчасти это зависит от основной сферы деятельности человека. Например, научное творчество обычно сочетается с высокими общими показателями интеллекта, способностью к абстрактно-логическому мышлению, что совсем не обязательно для художников. Много значат условия воспитания: одаренный юноша, если его самовыражение затруднено, обнаруживает черты

тревожности и невротизма, отсутствующие у того, кому семья и школа, академический лицей и колледж помогает раскрыть и реализовать свои способности. Это налагает на учителя большую ответственность. Нестандартность, оригинальность мышления легко спутать с оригинальничанием как средством самоутверждения, а тягу к самостоятельности — с возрастной самоуверенностью и негативизмом.

Поскольку учебная программа строго регламентирована, детское и юношеское творчество гораздо полнее и ярче проявляется вне класса, в научных кружках или в сфере досуга, где оно может сохранять свободные игровые формы. Искусство учителя состоит, в частности, в том, чтобы своевременно распознать преимущественную сферу творческой направленности старшеклассника и стимулировать ее развитие в желательном направлении.

Умственное развитие старшеклассника заключается не столько в накоплении умений и изменении отдельных свойств интеллекта, сколько в формировании индивидуального стиля умственной деятельности.

Индивидуальный стиль деятельности, по определению психолога Е. А. Климова, есть «индивидуально-своеобразная система психологических средств, к которым сознательно или стихийно прибегает человек в целях наилучшего уравнивания своей (типологически обусловленной) индивидуальности с предметными, внешними условиями деятельности».

В познавательных процессах он выступает как стиль мышления, т. е. устойчивая совокупность индивидуальных вариаций в способах восприятия, запоминания и мышления, за которыми стоят различные пути приобретения, накопления, переработки и использования информации.

Стиль мышления старшеклассника зависит от типа его нервной системы. По данным Н. Е. Малкова, старшеклассники с инертной нервной системой в условиях перегрузки учебными заданиями учатся хуже, чем обладатели подвижного типа нервной системы, так как не успевают за быстрым темпом преподавания. Однако недостатки типа нервной системы могут компенсироваться другими ее свойствами. Лица с инертными нервными процессами компенсируют запоздание, несвоевременность своих реакций более тщательным планированием и контролем своей деятельности.

Это убедительно свидетельствует о необходимости индивидуального подхода в обучении, который бы стимулировал самостоятельность и творчество обучаемого. Самостоятельность обучаемого в процессе получения знаний не только улучшает его

непосредственные результаты, но и оказывает благотворное влияние на умственные способности и черты личности. Исходя из этих мнений, можно привести пример о том, что во всех вузах Узбекистана большое внимание уделяется на организации самостоятельной работы студента (СРС). Они в определённом количестве часов ведены в учебную нагрузку студента. Выполняя СРС, студенты усваивают самостоятельно научные знания, на их основе делают свои личные открытия.

Американские психологи Карен Миллер, Мелвин Кон и Карми Скулер (1985, 1986) в рамках большого лонгитюдного исследования влияния труда на личность обследовали наряду со взрослыми трудящимися около 200 юношей. Оказалось, что более сложная и более самостоятельная, свободная от мелочной опеки учебная работа способствует формированию более гибкого, творческого стиля мышления и развитию общей, выходящей за рамки учебной деятельности потребности в самостоятельности, уменьшает вероятность эмоциональных расстройств. Существует и обратная связь: учащиеся с более развитой ориентацией на самостоятельность предъявляют повышенные требования к самоуправлению в обучении. То есть в обучении старшеклассников действуют те же психологические закономерности, что и в трудовой деятельности взрослых.

Творческие способности — далеко не новый предмет исследования. Проблема человеческих способностей вызвала огромный интерес людей во все времена. Однако в прошлом у общества не возникало особой потребности в овладении творчеством людей. В наше время ситуация коренным образом изменилась. Жизнь в эпоху научно-технического прогресса становится все разнообразнее и сложнее. И она требует от человека не шаблонных, привычных действий, а подвижности, гибкости мышления, быстрой ориентации и адаптации к новым условиям, творческого подхода к решению больших и малых проблем.

Формирование творческого мышления учащихся в юношеском возрасте — один из основополагающих принципов обучения, потому что именно в этом возрасте формируются такие новообразования, как мировоззрение, профессиональные интересы, самосознание, мечты и идеалы.

В процесс творчества входят психологические, эмоциональные, неповторимо личные, парадоксально случайные моменты. Но нужно, все-таки, согласиться с возможностью найти, пусть через логику внутреннего диалога в голове творца — изобразить, понять творчество как логический процесс. Но как с этим

согласиться, ведь в творчестве нет никакой логики (точнее, творчество не может быть предметом науки логики). Мышление как творчество — это художественное мышление, а оно радикально нелогично!

Мыслить — это всегда теоретизировать, и суть любого творчества как мышления можно понять, только исходя из процессов теоретизирования. Исходная установка мышления (ситуация, когда мышление необходимо, когда ощущением и представлением не обойдешься) — это необходимость воспроизвести в сознании возможность предмета, то, что сейчас еще не существует, в ощущениях не дано, но что может существовать в неких идеальных, изобретенных ситуациях.

Наступает период развития инициативы, самостоятельности каждого человека, горизонтального мышления. В обществе складывается социальный заказ на творческую личность, т. е. человека, способного думать по-новому, самостоятельно ставить перед собой задачи, цели, предлагать нестандартные решения, сопротивляться рутинному подходу, ориентироваться более на будущее, чем на прошлое. Одним словом, человека с «вирусом новизны», когда даже старые известные пути переосмысливаются с целью совершенствования технологии, наконец, человека, у которого есть не только способность, но и потребность к собственному саморазвитию, самоусовершенствованию.

Юношеский возраст является периодом интенсивного формирования образа возможного будущего и системы ценностных ориентаций, оказывающих влияние на становление характера и личности в целом. Это связано с появлением на данном возрастном этапе необходимых для их формирования предпосылок: овладением понятийным мышлением, накоплением достаточного количества жизненного опыта, занятием определённого социального положения. Процесс формирования этих личностных структур стимулируется значительным расширением сферы общения, столкновением с многообразием возможных форм поведения, взглядов, идеалов. В юношеском возрасте происходит значительный качественный перелом во всём характере жизненного мира.

Юность — социально и профессионально активный этап становления и формирования мировоззрения, потому что именно в этот период созревают и его когнитивные и его эмоциональные личностные предпосылки. Юношеский возраст характеризуется, как мы уже видели, не просто увеличением объема знаний, но и громадным расширением умственного кругозора старшеклассника, появлением у него

эстетических интересов и потребности свести многообразие теоретических фактов к немногим принципам. Хотя конкретный уровень знаний, теоретических способностей, широта интересов у ребят весьма не одинаковы, какие-то сдвиги в этом направлении наблюдаются у всех, давая мощный толчок юношескому «философствованию». Мировоззренческий поиск включает в себя социально активную ориентацию личности, т. е. осознание себя частицей, элементом социальной общности, выбор своего будущего социального положения и способов его достижения. В ходе этих поисков юноша ищет формулу, которая разом осветила бы ему и смысл собственного существования и перспективы всего человечества. Но где взять такую формулу? На эти вопросы нет, и не может быть общих ответов, их нужно выстрадать самому, к ним можно прийти только практическим путем. Стоящий перед юношей вопрос заключается не только и даже не столько в том, кем быть в рамках существующего разделения труда (выбор профессии), сколько в том, каким быть (моральное самоопределение). Вопрос о смысле жизни есть симптом определенной неудовлетворенности. Когда человек целиком поглощен делом, он обычно не спрашивает себя, имеет ли это дело смысл, — такой вопрос просто не возникает. Рефлексия, критическая переоценка ценностей, наиболее общим выражением, которой и является вопрос о смысле жизни, как правило, связаны с какой-то паузой, «вакуумом» в деятельности или в отношениях с людьми. И именно потому, что проблема эта по самой сути своей практическая, удовлетворительный ответ на нее может дать только деятельность.

Юноши, по сравнению с подростками, лучше управляют своим эмоциональным состоянием, их настроение более устойчиво, оно в меньшей мере зависит от нервной системы и в большей степени определяется факторами среды. Однако и в юношеском возрасте наблюдается повышенная эмоциональность. Юношеский возраст, по Э. Эриксону, строится вокруг кризиса идентичности, состоящего из серии социальных и индивидуально-личностных выборов, идентификаций и самоопределений. Если юноше не удастся разрешить эти задачи, у него формируется неадекватная идентичность, развитие которой может идти по четырем основным линиям:

1. Уход от психологической интимности, избегание тесных межличностных отношений;
2. Размывание чувства времени, неспособность строить жизненные планы, страх взросления и перемен;

3. Размывание продуктивных, творческих способностей, неумение мобилизовать свои внутренние ресурсы и сосредоточиться на какой-то главной деятельности;

4. Формирование «негативной идентичности», отказ от самоопределения и выбор отрицательных образцов для подражания. Опираясь в основном клиническими данными, Эриксон, не пытаясь выразить описываемые явления количественно.

Есть юноши, и их не мало, которые не хотят задумываться о будущем, откладывая все трудные вопросы и ответственные решения «на потом». Установка (как правило, не осознанная) на продление веселья и беззаботности существования не только социально вредна т. к. является по своей сути иждивенческой, но и опасна для самой личности.

Необходимым психологическим условием для развития творческих способностей является создание атмосферы, благоприятной для проявления новых идей и мнений, развитие чувства психологической защищенности и позитивной Я — концепции. Юноши, имеющие низкую самооценку, часто не могут реализовать своих способностей, поэтому педагогам необходимо оказать помощь в развитии у них позитивного представления о себе путем внимательного и доброжелательного отношения к ним, поощрения их деятельности. Кроме этого, в данном возрасте стабилизируются эмоциональные процессы, снижается напряженность эмоциональных состояний, что позволяет более позитивно воспринимать краски мира.

В этот возрастной период необходимо привлечь внимание юношу к различным формам и видам занятий, таким, как проектирование, макетирование, конструирование, то есть все то, что направляет интерес и внимание на новую область, в которой может проявляться творческое воображение подростка. Поэтому задача всех педагогов развивать творческие способности учащихся, начиная с раннего юношеского возраста. Ведь именно этот период формирует из учащегося полноценную личность, умеющую отвечать за свои поступки и брать на себя ответственность. Также данный период подходит для реализации своих способностей, ощущения собственной значимости. Для этого педагоги должны правильно направить учащегося, выявить его интересы, склонности и способности для успешной его реализации.

Исходя, из всего отмеченного можно сказать, что любое государство должно быть заинтересовано в развитии интеллектуального и духовного потенциала страны. В эпоху глобализации образованность

становится важнейшим компонентом экономического развития и накопления национального богатства страны, а высокий духовный уровень населения позволит органично формировать правовую культуру, способность народа жить и трудиться в свободном, демократическом правовом государстве, осознавать свои права и свободы, уметь ими

пользоваться в интересах личности, государства и общества. Только люди, которые осознают необходимость гармонии национальных и общечеловеческих ценностей, располагающие современными знаниями, интеллектуальным потенциалом и передовыми технологиями, могут добиться поставленных стратегических целей развития.

Список литературы:

1. Из материалов международной конференции на тему: «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения – как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны». – Ташкент, 16–17 февраля 2012 года.
2. Попов А. М. Психология самодеятельного творчества студентов. – Казань: Издательство Казанского университета, 1990. – 49 с.
3. Лук А. Н. Психология творчества. М.: Издательство «Наука», 1976. – 92 с.
4. Дружинин В. Н. Психология общих способностей. – СПб.: Питер Ком, 1999.
5. Грэйс Крайг. Психология развития. – СПб.: Издательство «Питер», 2000.
6. Климов Е. А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. – С. 49.
7. Кон И. С. Психология ранней юности. – М.: изд. Просвещение, 1989.

*Bakynova Irina Vladimirovna,
North-Caucasian Federal University,
assistant professor of special and practical psychology
Rodionova Elena Sergeevna,
Staheeva Elena Andreevna,
students of the Faculty of Education
E-mail: elenasta2012@yandex.ru*

Organization of psychological assistance to children with mental retardation means art-therapy

Abstract: in this paper considered carefully organizing psychological care for children with mental retardation means art-therapy.

Keywords: mental deficiency, fine arts.

*Бакунова Ирина Владимировна,
Северо-Кавказский федеральный университет,
доцент кафедры практической и специальной психологии
Родионова Елена Сергеевна,
Стахеева Елена Андреевна,
студенты кафедры дефектологии
E-mail: elenasta2012@yandex.ru*

Организация психологической помощи детям с умственной отсталостью средствами арт-терапии.

Аннотация: в данной статье рассматривается организация психологической помощи детям с умственной отсталостью средствами арт-терапии.

Ключевые слова: умственная отсталость, изобразительное искусство.

Умственно отсталые дети — наиболее многочисленная категория аномальных детей. Они составляют, по данным Всемирной организации здравоохранения, примерно 1–3 % от общей детской популяции. Главной задачей обучения и воспитания умственно отсталых детей является развитие их потенциальных познавательных возможностей, коррекция поведения, привитие им трудовых и других социально значимых навыков и умений [5].

Большой вклад в развитие процесса обучения умственно отсталых детей внес В. Н. Синев, по его мнению, подготовка умственно отсталого ребенка к восприятию излагаемого или демонстрируемого материала является трудной и важной задачей, без решения которой, ребенок воспринимает и осознает лишь незначительную часть предъявляемого материала [8].

Изобразительная деятельность является одной из форм усвоения ребенком социального опыта. В процессе создания рисунка дети овладевают знаково-символической системой координат, специфичной для выражения отношений предметного мира, а также человеческих чувств. Специально организованная изобразительная деятельность должна отражать весь спектр социально-личностных потребностей ребенка, влиять на становление личностных качеств и социальную компетентность [1].

В Российском энциклопедическом словаре изобразительное искусство — это специфический вид художественного творчества, создание зрительно воспринимаемых фиксированных рукотворных художественных форм; родовое понятие, объединяющее различные виды живописи, графики и скульптуры [9].

Современные психологи в поиске эффективных средств коррекции все больше ориентируются на использование искусства в процессе обучения и воспитания детей с проблемами [2].

Наиболее важную роль искусства в воспитании и обучении детей с отклонениями в развитии указывали представители зарубежной специальной педагогики прошлого Э. Сеген, Ж. Демор, О. Декроли, а также отечественные психологи и врачи Л. С. Выготский, А. И. Граборов, В. П. Кащенко [4].

Исследование особенностей рисунков умственно отсталых детей Т. Н. Головина разделяет на три основных блока: отражение форм предметов рисунков, отражение пространственных отношений предметов при изображении и особенности восприятия цвета и его использование в изобразительной деятельности. Каждый раздел содержит описание экспериментальных

исследований, определение выявленного недостатка и обозначение путей его преодоления [6].

В своих исследованиях Л. А. Аксенова пришла к выводу о том, что привлечение умственно отсталых школьников к художественно-прикладному творчеству позволит сформировать у них устойчивый интерес к художественно-трудовой деятельности, понять ее целесообразность и ощутить в ней радость и потребность [3].

Нами было проведено исследование уровня тревожности и страхов у детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью средствами изотерапии. На основе полученных данных мы разработали и экспериментально-опытным путем апробировали коррекционную программу с данной категорией детей.

В ходе исследования нами были использованы следующие методики: «Лепим свой страх», «Несуществующее животное» [7].

Проанализировав работы детей полученных в результате методики «Лепим свой страх» мы пришли к следующим выводам. Работа с пластилином для детей была интересна. Они с удовольствием вылепили из пластилина свои страхи. Полученные фигуры из пластилина, говорили о том, что у испытуемых всего класса присутствуют страхи. Это обусловлено, в первую очередь тем, что дети не чувствуют поддержки от своих родителей, так как они воспитываются в школе — интернате для детей сирот.

Так же это упражнение было продуктивно, так как занятие прикладной деятельностью способствует развитию мелкой моторики пальцев рук, координации движений, их точности и целенаправленности, вследствие установления баланса в коре головного мозга между процессами возбуждения и торможения.

В ходе анализа методики «Несуществующее животное», у всех учащихся класса был выявлен высокий уровень тревожности, который проявлялся в большом количестве попыток нарисовать животное — их штриховка и закрашивание.

Практически на всех рисунках были прорисованы органы чувств, что также говорит о повышенной тревожности. Тревожный ребенок чувствителен к возможным опасностям, поэтому наделяет повышенной чувствительностью свое создание. Как символ повышенной тревожности можно выделить увеличенные размеры рисунка, слабый, изображенный тонкими отрывистыми линиями контур рисунка, особенно боковые его границы — означает высокую тревожность, недифференцированную опасливость, готовность к самозащите любого порядка и в разных ситуациях.

Разработанная нами программа содержала следующие этапы:

Цели программы:

- комплексное психокоррекционное, психопрофилактическое и развивающее воздействие;
- гармонизации развития личности через развитие способностей самовыражения и самопознания.

Задачи:

- обеспечить эффективное эмоциональное реагирование, придать ему даже в случаях агрессивных проявлений социально приемлемые допустимые формы;
- облегчить процесс коммуникации для замкнутых, стеснительных или слабо ориентированных на сверстников детей;
- создать благоприятные условия для развития произвольности и способности к саморегуляции;
- оказывать дополнительное влияние на осознание ребенком своих чувств, переживаний и эмоциональных состояний: создавать предпосылки для регуляции эмоциональных состояний и реакций;
- повысить личностную ценность, содействовать формированию позитивной «Я-концепции» и повышению уверенности в себе за счет социального признания ценности продукта, созданного ребенком.

Оборудование: листы А–4, простые карандаши, цветные карандаши, краски, фломастеры, цветные мелки.

Формы работы: игра, беседа.

Этапы работы

1. Подготовительный этап

На данном этапе осуществляется знакомство с детьми. В ходе беседы с детьми, им предоставляется информация об особенностях планируемой работы. Подчеркивается, что на занятиях не требуется наличие каких-либо художественных способностей или навыков изобразительного искусства. Так же подчеркивается, что основной акцент делается на свободном выражении участником своих переживаний и чувств, с помощью имеющихся материалов.

Подготовительный этап включает в себя 2 занятия:

- Занятие № 1. «Нарисуй себя»;
- Занятие № 2. «Создаем образ из пятен».

2. Основной этап

Развитие психических процессов, формирование социальных навыков, динамическое развитие группы.

В терапевтических целях во время рисования необходимо акцентировать внимание детей на их ощущениях, чувствах, настроении.

- Занятие № 3. «Что ты сейчас чувствуешь?».
- Занятие № 4. Рисуем «Взаимоотношения в классе».
- Занятие № 5. «Лепим свой страх».
- Занятие № 6. «Монотипия».

3. Заключительный этап

На заключительном этапе проходит оценка занятий, обсуждение, подведение итогов, закрепление нового опыта и положительных эмоций от занятий, повышение самооценки, собственной значимости уверенности в себе у детей.

- Занятие № 7. Тест «Несуществующее животное».

В итоге можно сделать вывод, что рисунок является хорошим показателем уровня усвоения знаний и представлений детей, с помощью которого можно вовремя увидеть их недостаточность и проконтролировать усвоение.

Нами была предпринята попытка выявить взаимосвязь между применением изотерапии и динамикой уровня тревожности и страхов у детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью. Результат показал, что проведенная психокоррекционная работа имеет положительный эффект, так как уровень тревожности снизился. Это позволяет говорить о том, что более продолжительная коррекционная работа с детьми приведет к тому, что уровень тревожности и страхов у него понизится до минимума, а уверенность в себе возрастет. В ходе практических занятий произошла стабилизация психологического состояния детей и отреагирование ребенком укоренившихся аффектов, которые ребенок не мог своевременно выразить (страхи, обиды, злость и др.);

Изотерапия в детских группах при работе с младшими школьниками не только предоставляет ее участникам дополнительные возможности для самовыражения и воздействует на эмоционально-аффективную сферу ребенка, но и положительным образом влияет на внутригрупповую коммуникацию, повышает самооценку младших школьников, помогает моделировать и «проигрывать» различные проблемные ситуации, формируя адекватную социальную компетентность личности. Эффективность программы была подтверждена результатами контрольного эксперимента.

Список литературы:

1. Амелина А. Н. Арт-терапия в психотерапевтической работе. – М.: Сمارт, 2008. – 367 с.
2. Артпедагогика и арттерапия в специальном образовании./Под ред. Е. А. Медведевой, И. Ю. Левченко, Л. Н. Комисаровой, Т. А. Добровольской. – М.: Издательский центр «Академия», 2010. – 248 с.
3. Бреслав Г. М. Эмоциональная особенность формирования личности в детстве: норма и отношение./ Г. М. Бреслав. – М.: Педагогика, 2010 – 144 с.
4. Бурно Е. М. Терапия творческим самовыражением. – М.: Медицина, 2008. – 250 с.
5. Ветлугина Н. А. Художественное творчество и ребенок. – М., 2008. – 446 с.
6. Ферс Грегг М. Тайный мир рисунка. Исцеление через искусство. – СПб.: Европейский Дом, 2008. – 355 с.
7. Обухова Л. Детская (возрастная) психология Учебник. – М.: Рос. педагогическое агентство, 2008. – 374 с.
8. Осипова А. А. Общая психокоррекция: учеб. пособие/А. А. Осипова. – М.: Сфера, 2009 – 510 с.
9. Российского энциклопедического словаря (РЭС). – Изд.: «Большая Российская энциклопедия», 2011. – 688 с.

*Vakhnina Viktoria Vladimirovna,
Academy of Management MIA Russia,
Assistant professor of department
of psychology pedagogy and organization
of work with the staff
E-mail: Vikavahnina@mail.ru*

Anti-crisis talks as a scientific approach to the category, and crisis management in the practice of law-enforcement bodies

Abstract: The article addresses the problem of overcoming the crisis negotiation activities of police officers. It is proposed to consider the overcoming of crisis negotiations with the help of anti-crisis negotiations, which are the main mechanism to overcome. We consider a methodology to overcome, prevent crises and negotiations.

Keywords: negotiation activities crisis negotiations, psychology of overcoming the crisis, conflict, crisis negotiation competence.

*Вахнина Виктория Владимировна,
Академия управления МВД России,
Доцент кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
E-mail: Vikavahnina@mail.ru*

Антикризисные переговоры как научная категория и подход к преодолению кризисов в практике органов внутренних дел

Аннотация: в статье рассматривается проблема преодоления кризисов переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предлагается рассматривать преодоление кризисов переговоров с помощью антикризисных переговоров, которые являются основным механизмом преодоления. Рассматривается методология преодоления, предупреждения и возникновения кризисов переговоров.

Ключевые слова: переговорная деятельность, антикризисные переговоры, психология преодоления, кризис, конфликт, антикризисная переговорная компетентность.

Для рассмотрения понятия преодоления кризиса переговоров следует обратиться к смежным понятиям, таким как урегулирование и разрешение. Данные понятия в основном используются применительно к конфликтам. Ввиду того что переговоры

(с преступниками, в особенности) являются, в свою очередь, ситуацией, во многом сходной с конфликтом, в нашем исследовании следует структурировать имеющуюся теоретическую базу. Наиболее часто конфликтологами используется понятие урегулирования

конфликта. Тем не менее его концептуальные границы остаются неопределенными. Если исходить из контекста его употребления, урегулирование часто понимается как «мягкое» воздействие на конфликт, а также как его частичное или временное решение. В этом смысле урегулирование может описываться, например, как результат организованного успешного побуждения (или принуждения) одного из противников к тому или иному типу действий, выгодному другой стороне или посреднику. Под урегулированием конфликта понимается вид деятельности, направленный на ослабление и ограничение конфликта, обеспечение его развития в сторону разрешения. Урегулирование предполагает внешнюю сторону воздействия на стороны конфликта.

Близким к понятию урегулирования конфликтов является управление конфликтами. Обобщая содержание, вкладываемое разными исследователями в понятие управления конфликтами, можно сказать, что оно подразумевает процесс контролирования конфликта самими участниками или внешними силами (общественными институтами, властью, предпринимателями, специальными лицами и т. д.). Такое понимание управления конфликтом распространяется на различные уровни его возникновения: от межгосударственного до межличностного, поскольку во всех случаях участники конфликта, столкнувшись с разногласиями по какому-либо вопросу, способны локализовать конфликт, ограничить его определенными рамками, не допуская его эскалации и тем самым управляя им. Таким образом, управление конфликтом — это целенаправленное, обусловленное объективными законами воздействие на его динамику в интересах развития или разрушения той социальной системы, к которой имеет отношение данный конфликт.

Главным в конфликтологии, бесспорно, является понятие разрешения конфликтов. Однако многие авторы используют и другие понятия, которые отражают специфику и полноту прекращения конфликтных действий, например, «затухание» (В. Бойко, А. Ковалев), «преодоление» (Н. Феденко, В. Галицкий), «пресечение» (А. Каменев), «приглашение» (А. Рапопорт), «саморазрешение» (А. Анцупов), «угашение» (В. Добрович), «урегулирование» (А. Хилл), «устранение» (Ф. Эмери), «улаживание» (А. Гозман) и др.

Разрешение конфликта возможно лишь при устранении конфликтной ситуации, а не только исчерпании инцидента. Разрешение конфликта может произойти также в результате истощения ресурсов сторон или

вмешательства третьей стороны, создающей перевес одной из сторон, и, наконец, в результате полного истощения соперника.

Согласно «Энциклопедии социальной работы» разрешение конфликта — это элиминация или минимизация проблем, разделяющих стороны, обычно осуществляемая через поиск компромисса, достижение согласия и т. д. [1, 25]. А. Дмитриев [2, 41] определяет разрешение конфликта как достижение соглашения по спорному вопросу между участниками. Для современной конфликтологии «достижение согласия» как элемент разрешения конфликта фактически считается обязательным. Вместе с тем подобное понимание неочевидно и является результатом определенной эволюции взглядов в данной области. Например, еще в 1964 г. известный конфликтолог Й. Галтунг [3, 136] выделял следующие этапы в разрешении конфликта:

- решить, кто является победителем и кто побежденным, каким будет будущее распределение ценностей;
- осуществить это распределение ценностей;
- прийти к заключению том, что конфликт полностью завершен.

В такой интерпретации разрешение конфликтов описывается в терминах «победы-поражения». Н. В. Гришина считает, что сегодня трудно согласиться с тем, что разрешение конфликта в логике «победы-поражения» и означает полное завершение конфликта. Для социального работника, который в своей работе имеет дело с долговременными отношениями людей, конструктивный выход из конфликта, безусловно, означает не только и не столько разрешение проблем, разделяющих стороны, сколько восстановление и нормализацию отношений самих сторон.

Дж. Рубин предлагает различать «разрешение конфликта» (conflict resolution) и «соглашение» (conflict settlement). По его мнению, разрешение конфликта предполагает в качестве исхода конфликта изменение установок, эффективно приводящее к окончанию конфликта.

Разрешение — характерная стадия конфликта, его завершающий этап.

Теперь рассмотрим понятие преодоления с различных точек зрения. В психологии их называют coping strategies («cope» — преодолевать). Психологическое преодоление в свете психологии личности — это индивидуальный способ взаимодействия с ситуацией в соответствии с ее логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями. В широком смысле слова «coping» включает

все виды взаимодействия субъекта с задачами внешне-го или внутреннего характера, попытки овладеть или смягчить, привыкнуть или уклониться от требований проблемной ситуации. Частично это понятие пересекается с понятием психологических защит, однако оно шире, потому что включает не только ментальную, но и фактическую реальность.

Подведем итог рассмотрению соотношения понятий «урегулирование», «разрешение» и «преодоление». Урегулирование предполагает внешнюю сторону воздействия на стороны конфликта. Разрешение — характерная стадия конфликта, его этап. Процесс преодоления — длящееся во времени действие, направленное на достижение ситуации разрешения конфликта.

При ведении переговоров весьма важным является не только стремление субъектов переговорной деятельности отстоять свою позицию, но и возможность избежать кризиса.

Таким образом, можно сформулировать понятийный аппарат в сфере общественных отношений, касающихся кризисных явлений в переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Преодоление кризиса в переговорах — это длящееся во времени взаимодействие субъектов переговорной деятельности, направленное на достижение согласованности действий, позиций и интересов участников переговоров, окончание кризисной стадии и завершение переговорного процесса.

Предупреждение кризиса в переговорах — это действия субъектов переговоров, направленные на недопущение психически напряженной ситуации, в которых участник переговоров рассматривается другим участником как помеха для реализации своих «я» — желаний, стремлений, интересов, ценностей, целей, убеждений.

Большое значение имеет не только система показателей, отражающих основные признаки кризиса, но и методология их конструирования и практического использования. В современном механизме ведения переговоров это является его наиболее слабым звеном. Речь идет, в конечном счете, о методологии распознавания кризиса во всех аспектах этого процесса: цель, показатели, их использование в анализе ситуаций, практическая ценность предвидения кризисов.

Кризис переговоров детерминирован диссонансом позиций и интересов, который субъективно воспринимается одной или обеими сторонами как неразрешимый, но имеет объективные предпосылки для разрешения; эмоционально-психологическим состоянием

одной из сторон, которым выступает негативной доминантой, приведшей к кризису переговоров; непрофессиональными или несогласованными действиями отдельных правоохранительных структур.

Методология распознавания кризиса теснейшим образом связана с организацией этой работы, которая предполагает наличие специалистов, функции их деятельности, статус рекомендаций или решений, взаимодействие в системе переговорного процесса.

Распознавание кризисных ситуаций и предвидение кризисов позволяют эффективно управлять переговорами, предупреждать и преодолевать кризисные явления. Преодоление кризисов зависит от методик анализа кризисных ситуаций и наличия специалистов в области антикризисного переговорного процесса.

Предлагаем под антикризисными переговорами понимать управляемый процесс предотвращения или преодоления кризиса, отвечающий целям переговоров и соответствующий объективным тенденциям его развития.

Антикризисные переговоры — это переговорный процесс, в котором поставлены определенным образом предвидение опасности кризиса, анализ его симптомов, мер по снижению отрицательных последствий кризиса и использования его факторов для последующего развития.

Возможность антикризисных переговоров определяется в первую очередь человеческим фактором. Осознанная деятельность человека позволяет искать и находить пути выхода из критических ситуаций, концентрировать усилия на решении наиболее сложных проблем, использовать накопленный опыт преодоления кризисов, приспосабливаться к возникающим ситуациям. Кроме того, возможность антикризисного переговорного процесса определяется и доскональным знанием характера, структуры переговорного процесса. Это позволяет предвидеть кризисные ситуации, готовиться к ним. Наиболее опасными являются неожиданные кризисы.

Необходимость внедрения антикризисных переговоров целями самих переговоров — достичь урегулирования ситуации наименьшими потерями.

Антикризисный переговорный процесс — процесс управления кризисами в переговорах, их недопущения и успешного преодоления путем применения совокупности взаимосвязанных операций по изменению параметров реагирования субъектов кризиса, реализуемых в определенной последовательности и направленных на то, чтобы привести кризисный процесс в желаемое целевое состояние.

Антикризисные переговоры ведутся с помощью двух механизмов: обеспечения готовности к неблагоприятным событиям и реализации комплекса мер, направленных на уменьшение последствий уже наступившей кризисной ситуации. Основными факторами, определяющими эффективность антикризисного переговорного процесса, являются: профессионализм ведения переговоров и специальная подготовка, научный анализ обстановки, прогнозирование последствий, оперативность и гибкость в управлении, адаптация к условиям кризиса, система мониторинга кризисных ситуаций (своевременное определение реальности наступления кризиса). Одним из способов преодоления кризиса переговорного процесса, связанных с фактом совершения преступления, с его механизмом, является осуществление рефлексивного управления ходом переговоров с помощью различных приемов психологического воздействия. Значит, необходимо сформировать знания и умения переговорщиков по управлению кризисом.

Действия переговорщиков по управлению кризисом можно обозначить как антикризисные переговоры. Целесообразно ввести в научный оборот понятие антикризисные переговоры как комплекс мероприятий по анализу и оценке потенциальных кризисов, разработке планов антикризисных действий, выявлению признаков кризисов, реализации планов по предупреждению и преодолению кризисов, ликвидации их последствий и недопущению кризисов в переговорном процессе.

Управление кризисами переговоров — совокупность взаимосвязанных операций по целенаправленному изменению или недопущению непримиримых противоречий субъектов кризиса, реализуемых в определенной последовательности и направленных на приведение переговорного процесса в бескризисное состояние.

Антикризисная переговорная компетентность — профессионально значимое интегральное личностное образование, состоящее из личностных качеств, навыков и умений управлять как переговорами, так и кризисами в переговорах, что предопределяет целенаправленное и конструктивное построение антикризисного переговорного процесса.

Антикризисная переговорная компетентность вырабатывается в процессе опытного накопления совокупности специфических знаний, умений, навыков, готовности и способности их применять. Формирование и развитие антикризисной переговорной компетентности происходит в реальных условиях

оперативно-служебной деятельности и в процессе моделирования различных кризисов переговорной деятельности и выбора путей их предупреждения и преодоления в условиях, максимально приближенных к условиям реальных переговоров в ситуации, связанной с совершением преступления. Концепция формирования и развития антикризисной переговорной компетентности сотрудника органа внутренних дел в рамках системно-ситуативного подхода и контекстного обучения ориентирована на профессиональную подготовку сотрудников органов внутренних дел, реализуемая посредством системного использования профессионального контекста.

Для реализации на практике антикризисного ведения переговоров целесообразна разработка психологической концепции антикризисной переговорной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Психологическая концепция антикризисной переговорной деятельности — это система, включающая понятийный аппарат, выявленные особенности и закономерности преодоления кризиса переговоров, сформированная на основе структурно-функциональной модели кризисных ситуаций в переговорной деятельности, с позиций рефлексивного подхода через призму психологических механизмов и технологий преодоления кризисных ситуаций возникающих в ходе ведения переговоров. Главная цель концепции — определение стратегии в переговорном процессе, не допускающей возникновения кризиса.

Процесс формирования и развития антикризисной переговорной компетентности состоит из двух частей: формирования и развития антикризисной переговорной компетентности сотрудников.

1 часть. Формирование антикризисной переговорной компетентности сотрудников:

а) условия формирования антикризисной переговорной компетентности — объективные, субъективные, объективно — субъективные;

б) основные компоненты — речевые умения и навыки; психолого-педагогическая компетентность (коммуникативная компетентность; аутопсихологическая; конфликтная) и экстремально-юридическая компетентность;

в) задачи — установление контакта; поиск совпадающих интересов; разрешение конфликтной ситуации;

г) механизмы формирования — формирование коммуникативных умений, навыков, использование техники нейролингвистического программирования, социально-психологического тренинга, упражнения, игры (ролевые, рефлексивные, деловые) [4, 39].

2 часть. Развитие антикризисной переговорной компетентности:

- а) алгоритм развития — повышение уровня сформированности переговорных умений и навыков;
- б) совершенствование стиля переговорной деятельности;
- в) развитие ценностно-смысловой сферы личности переговорщика;
- г) критерии эффективности переговоров;
- д) уровень развития антикризисной переговорной компетентности — низкий, средний высокий [5, 153].

Таким образом, антикризисная переговорная компетентность формируется из следующих

составляющих: знания составляющих антикризисной переговорной компетентности; умения вести вербальный и невербальный обмен информацией; умения проводить диагностирование психологических свойств и качеств собеседника; умения определять эффективные стратегии, тактики и психотехники; умения взаимодействовать с субъектами переговоров, организовывать их совместную коммуникативную деятельность для достижения определенных целей переговоров; готовности к применению знаний и умений, присущих антикризисной переговорной компетентности; эмоционально-волевой регуляции в процессе переговоров; желании успешного (антикризисного) ведения переговоров.

Список литературы:

1. Гулина М. А. Энциклопедия социальной работы. – СПб: Питер, 2008. – 400 с.
2. Дмитриев А. В. Конфликтология. Учебное пособие. – М.: Гардарики, 2000. – 320 с.
3. Галтунг Й. Теория малых групп и теория международных отношений. Хрестоматия./Сост. П. А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 135–146.
4. Вахнина В. В. Формирование антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел в процессе профессионально-психологической подготовки. // Вестник Тувинского государственного университета. – Выпуск 4. Педагогические науки. – 2014. – С. 35–42.
5. Вахнина В. В. Развитие антикризисной переговорной компетентности сотрудников органов внутренних дел. // Национальная ассоциация ученых (НАУ). Ежемесячный научный журнал, – № 2 (7). – 2015. – Часть 8. – С. 152–154.

*Olkina Oxana Igorevna,
Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences (IP RAS), Postgraduate student
E-mail: olkina.o@gmail.com*

Escapism: current studies and research prospects in contemporary psychology

Abstract: A review and investigation of current empirical studies and tendencies in the escapism problem is presented. It is also substantiated that the future research projects should be concentrated on designing and validating a fundamental theoretical approach of escapism. The integrative theory should be able to explain the phenomenon in a broader meaning and integrate its two opposite poles — negative and positive escapism.

Keywords: escapism, avoiding the reality, cyberpsychology, role-playing games, online addiction, imagination, integrative approach.

In a modern media society, individuals are provided with a wide range of tools to escape from reality which vary from consuming psychoactive substances to participating in online games or engaging in different subcultures' activities. The problem of escapism and immersion in alternative realities, of any kind, is that it involves the issues of emotional, mental and sometimes even physical personal well-being, and, thus, becomes critical.

At the moment a number of empirical studies, devoted to the issue of avoiding the reality, or escapism, exist in USA and Europe. The phenomenon is mostly associated with, or affected by, emerging technology and is being studied in a specific field of cyberpsychology. The issue of escapism emerges in a context of young people and adults getting involved into different types of online games and the developing problems of addictive

behavior. For instance, N. Yee considers escapism as a way of relaxation and avoiding real world problems. He invented a tool for measuring different aspects of on-line players' motivation (MTPI, Motivation of play inventory). His data analysis showed that escapism was the strongest predictor of online addiction [8]. Thereafter, Hagström D., Kaldö V. modified the MTPI scale dividing so-called "positive" and "negative" escapism. After replicating Yee's research, they concluded that, in determining the symptoms of psychological distress, life satisfaction and internet addiction, the negative escapism factor is much more significant than the positive. Because of this, they define escapism as an avoiding behavior and propose to measure only negative aspects of the phenomenon [2]. The most recent Polish research conducted on a large scale sample (N = 1056), also showed that those players who have the escapist motivation spend more time online. They highlight the lack of offline support and the growing amount of online support as a key factor of internet addiction [4].

The two aspects of escapism are also investigated in a number of theoretical studies. A. Evans supposes that escapism is a kind of activity occurring because of the current conditions of our media society. He offers a mixed classification of escapism types:

- **Avoiding** — the main aim of this type of escapism is running from reality and real life difficulties;
- **Passive** — this type of escapism includes activities when person doesn't have to make efforts, e.g. listening to music, watching TV or movies etc.
- **Active** — this type of escapism assumes a change of activity, from the main one (e.g. job) to the alternative one (hobbies). Among the brightest examples are computer games, fishing, poetry, singing etc.
- **Extreme** — activities which are actually or potentially dangerous (drugs or alcohol use, roof jumping etc.)

A. Evans distinguishes productive and "unhealthy" escapism and outlines the following indicators of the second one: procrastination, psychosis, denial (leading to rejection of social norms, rigid personal stance on life and isolation) and addiction (inability to control habits) [1]. Hartevald C. H., Mayer I. developed A. Evans' approach and consider cause-based and effect-based escapism. The first one emerges when a person gets bored and wants to escape from a mundane daily life, or, to the opposite, when one gets too stressed and desires to avoid life challenges. The second kind of escapism is aimed to quit beyond the limits of the reality by means of

daydreaming or getting involved into activities for getting pleasure. The researchers suppose that the effect-based escapism is productive and contributes to personal self actualization [3].

F. Stenseng investigates escapism in a social context. He designed the Dualistic Model of Passion and offers two dimensions of avoiding the reality: self-suppression and self-expansion. Self-suppression is aimed to avoid the negative emotions and has an alternate activity in its focus. Self-expansion is motivated by gaining a new positive experience and involvement. His empirical findings confirm the model: the correlation between self-suppression and low well-being, level of self-control has been proved, whereas self-expansion is related to subjective well-being, flexibility in choosing activities, and generally results positively [7].

In Russia the work which might be considered as the beginning of escapism' investigation in personal psychology is a pilot study conducted by A. Kardopol'tseva. Based on F. Stenseng's findings, she also investigates the two types of escapism in a life context. She concentrates on a positive escapism and defines it much broadly, as a form of self actualization. To her mind, escapism is a conscious and controlled distraction from reality and an essential condition for creative activities. Also she designed a questionnaire aimed to investigate the two types of escapism. Her pilot study (N = 62) on dancers (aged 18–32) shows that systematic self-reflection based on distancing oneself from the situation and an ability to look at oneself objectively, from aside, are the key predictors of positive escapism [5].

T. Savchenko and O. Olkina investigated avoiding the reality by means of immersion into the simulated world of live role-playing games (RPG). These games provide their participants with the opportunity of being submerged into a different reality created by the game master in actual time and space. Participants have their own individual roles, or personal legends according to the reconstructed epoch and game plot. Also they wear costumes relevant to the atmosphere of the simulated world (as in computer games, these words can vary from medieval times to futuristic scenarios) and interact with each other on behalf of their characters. Researchers suggested that in this case escapism can be driven with the intention to change the cognitive component of self-image to the more desired one. The empirical findings of the study (N=40) showed several clusters of gamers who had different changes in their self-image after participating in role-playing game and correlated it with personal qualities and special features

of game's context. Dreamy and considerate, empathic participants described themselves as less honest and truthful after the game. The same time, suspicious, less confident and more anxious gamers said noticed positive transformations in their self image and described themselves as more confident and self-efficient after the game. Due to the researchers' conclusions, it can be explained by the dualistic feature of role playing games' context, when, on the one hand, gamers have to make an unpleasant choice as, being highly motivated to reach their aims, they realize that if they win, the other people will certainly lose. On the other hand, the game provides them with extra resources (like magic or special skills etc.) and freedom of actions they lack in real life. Thus, both-sided context determines different changes into self perception among role players [6].

As it can be seen from the above, most researchers use factoring methods in their empirical studies; they are mostly being held in the spheres of cyberpsychology and social psychology. Most researchers offer and justify the ambivalent model of positive and negative escapism, being mostly concentrated on the last one. Also several determinants of escapism (subjective

well-being, social support, self-reflection etc.) are being investigated rather fragmentally, without integrative theoretical layout.

In conclusion it must be said that current research projects of escapism are quite specific and do not fully cover fundamental theoretical issues of the phenomenon. It is rarely taken into account that escapism may have a broader meaning and can't be reduced to a simple submersion into online world or participation in RPGs. Avoiding the reality also refers to an immersion into psychotic illusions caused by altered states of consciousness, worlds created in one's imagination while reading fantasy books, listening to music, or watching pieces of art etc. Ultimately, the process of daydreaming and fantasizing can be considered as escaping from the real world as well. Finally, the phenomenon of escapism must be studied as a more encompassing one. Therefore, theoretical studies aimed to balance and explain the two poles of the escapism phenomenon and investigate it in a wider context, as a universal mechanism allowing a person to escape the reality for adaptation to real life, seem to be a prospect research line in a nowadays personality psychology.

References:

1. Evans A. This virtual life. Escapism and simulation in our media world. – London: Fusion Press, 2001.
2. Hagström D., Kaldo V. Escapism among Players of MMORPGs – Conceptual Clarification, Its Relation to Mental Health Factors, and Development of a New Measure. //Cyberpsychology, Behavior and social networking. – 2014. – 17 (1).
3. Hartevald C. H., Mayer I. Press enter or escape to play: deconstructing escapism in multiplayer gaming. //Breaking new ground: innovation in games, play practice and theory. Proceedings of DiGRA, – 2009.
4. Kaczmarek L. D., Drązkowski D. MMORPG escapism predicts decreased Well-being: examination of gaming time, game realism beliefs, and online social support for offline problems. //Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking, – 2014. – 17 (5).
5. Kardapoltseva A. Eskapizm kak slozhnoe psichologicheskoe yavlenie v zhizni obshchestva i lichnosti [Escapism as a complex psychological phenomenon in a life of person and society]. //Proceedings of the VII International students' scientific-practical conference. – Moscow: People's Friendship University of Russia, 2012.
6. Savchenko T., Olkina O. Issledovanie obraza "YA" v rolevykh igrakh v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Study on adolescents and youths' self image in a role-playing games]. //Barabanshikov V., Nosulenko E., Samoylenko E. (ed). (Integration of academic and university psychology ser.) – Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences, 2011.
7. Stenseng F. A Dualistic Approach to Leisure Activity Engagement – On The Dynamics of Passion, Escapism, and Life Satisfaction. – University of Oslo, 2009.
8. Yee N. Motivations for play in online games. //Cyberpsychology & Behavior. – 2006, (9).

Sergienko Irina Aleksandrovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
postgraduate student, the Department of Philosophy,
Higher School of Psychology, graduate
E-mail: Sergienko.bi.rey@gmail.com

Platonic love or loneliness: existential choice

Abstract: This article describes the emergence of sensual love in the context of the existential fear of loneliness and realize the inevitability and irreversibility of human existence. Analysis of the crisis phenomena and accompanying changes of the personality by means of experience of love is offered. Also the problem of freedom and choice is reviewed, as the main preconditions for a dependent partner. The impact of loneliness on the understanding of personality, its values and way of thinking are analyzed.

Keywords: existential analysis, loneliness, individual existence, creative self-realization, wisdom, the meaning of love.

Introduction

Each person endures losses in his life. Inevitability and irreversibility of existence put pressure upon mentality. The existential fear of loneliness can appear without being recognized, and then there is a feeling of forlornness and emptiness. Love appears as attempt to avoid loneliness, so, it preserves our mentality against indelible awareness of futility of our attempts to unite with those who are similar to us. Emergence of love isn't caused only by desire to escape from loneliness, it supplies the person with belief and force, introduces a storm of new impressions, develops quality of cognitive processes. Does it cause increasement in socialization? Probably, but it isn't unambiguous. If a person seeks to make an impression on other person to whom he or she has feelings to cause jealousy or to recreate a sociability aura around himself, then love goes on advantage of socialization. But there is also such course of love when there is no desire to communicate with someone else besides an adoration subject. We will talk about this kind of love further.

Love as prerequisite of changes

As Marlene Dietrich said, only the ugly duckling is happy. It has time to think alone over meaning of life, friendship, to read a book, to help other people. This is his way to becoming a swan. Only the patience is necessary! Don't we think over ourselves when we are in love? Love promotes thoughtfulness and a constant flow of thoughts. Such judgment introduces wisdom.

There is a tendency to changes. This tendency depends on subjective experience at the moments of nostalgia, the highest point of sensuality, experience of a close and dear subject. What forces us to rethink the settled vision, to take other understanding of things into account?

Wisdom is gained eventually, but first of all it comes in connection with shocks and crises. It would

be a big mistake and delusion to think that all people are subject to such changes. The longer we trust in something, the stronger it becomes in us, becoming the carrier of values and a factor by which we are guided on life. For some people an adventure means a slight daily stress, for others each day doesn't introduce anything new, life becomes similar to a conveyor, the mechanisms, which are a cornerstone of maintenance of passivity, disappearing in a depth of maintenance of the habitual way of life which isn't involving numerous power costs and is not bringing a personality in area of discomfort.

What does force us to change the relation to life? It has to be something strong, igniting from within, devouring when it emerges and poisoning when it disappears.

One could name many reasons which would take place at each change of personality, but none would be as strong as feeling of true love. The true love generates incomparable extent of life at which a person feels strength to realize himself according to what he would like to be. It is possible to tell that the feeling of love has self-actualizing character because it was granted to a person to represent his hidden desires, to embody undercover hopes and to sublimate passionate aspirations.

Love in the context of an existential analysis

Love, if it is not the Platonic feeling, wants to be realized. Without vital embodiment, it forever remains illusion, fiction. Each time, feeding ourselves with this lethargic invention, we move away from reality, giving opportunity to a seductive dream to carry us away afar deep disappointment and gloomy loneliness. Feeding on this fantastic veil, we can experience desire to express this love somehow, and here the creative self-embodiment takes place.

Our existence isn't reduced only to receiving happiness, it demands sense and even if a person feels pain, he will keep the chosen path because this way represents

sense, giving the importance and necessity to individual existence. “Even if significance which we attach to life, is deeply wrong even if our approach to problems and tasks constantly attracts on us misfortunes and sufferings, we never easily give up on it” [1].

Aiming to be embodied in reality, love takes the steps which are represented in meetings. Meetings provide opportunity to see another person as an identity. One becomes interested in what excites another person, what is important for him, at the same time enforcing us to share information about ourselves, involving us into a dialogue. Feeling can vary through every meeting. Depending on force of the relations, quantity of meetings plays significant role. Strong relations remain invariable despite rare meetings because, while meeting the person, we get to know each other in what that we mean for each other. Relations can remain, but they aren't authorized without the moment of meeting [3].

Specificity of love is that we experience positive emotions, we fall into a certain activity, a process of feeling, we endure value, we worry about another person and about the fact that we care about him, we feel coherence and belonging towards him or her. Such feelings arise to a favorite book and music as well. Listening to music, we feel that we understand that music wants to tell, what it means to us. While having feelings, we experience extreme degree of openness and desire to allow something to affect us. To feel means to give one's internal life to someone's service, to allow something to approach our heart. Life starts moving when we have feeling, feelings set in motion, awaken life. Love has to occur at the level of feelings, in love we concern that other person touches us. It is not sentimentality, but deep acceptance of somebody's relation to our own life. Thus, love is experience of value, and sensual value is always existentially relevant.

When loving people relate to each other, their separate “I” enter into resonance with each other and somewhere deep it forms in certain “you”, forming relationship. The feeling of relation with the loving person represents deep phenomenological vision of essence of other person.

Reflections about love in the context of loneliness

The Russian philosopher V. S. Solovyov wrote about sense of love. In his opinion, the feeling of love has back opposite tendency with reproduction. He explains it with the following fact. The strong love has three options of development: remains unanswered, comes to a tragic end, or remains fruitless [6]. Soloviev also allows the option of realization of the extraordinary strong mutual

love, giving “the most ordinary” posterity, but such cases the extremely rare.

Why mutual and long-lasting love having extraordinary force is so rare? There is a tendency to allow existence of desire to suffer from anguish by means of feeling of love finding a way out in unique creative manifestations. Dante Alighieri's love to Beatrice Portinari can be a striking example of such love. The young nine-year-old poet met love of all his life during the holiday in the house of her father, and it became the main event of his life. “It seemed to me, — the poet wrote, — she is rather a daughter of God, than a mere mortal ... Since that minute I saw her, love seized my heart to such an extent that I didn't have the power to oppose to it and, shivering for excitement, heard a secret voice: “Here is the deity which is stronger than you and will own you””. The feeling towards Beatrice was too loftily and touched the deepest strings of poetic soul. Exactly thanks to Beatrice, according to Dante Alighieri, he stopped being the ordinary person. His known poem “Divine Comedy” is impregnated with the most gentle and touching notes of Platonic love to Beatrice. The collection “New Life” is devoted to a short love story of Dante, the sad print of a presentiment of death of his darling impregnated with tragic motives in view of Beatrice's death [8]. Such love is impregnated with loneliness, as if it was created to remain an unembodied playful whim representing all forbidden desires and never giving an occasion to be offended.

Romantic natures endowed with ardent imagination, possessing sublime nature, directed to an ideal of love, knowledge and truth are inclined to extraordinary Platonic love. Apparently, this strong feeling feeds such natures from within, introducing meaning to existence and leaving an indelible trace forever. The feeling of loneliness can be both a consequence and a reason of manifestation of Platonic love.

Today the binding of Platonic love to absence of physical desire of a partner is found. In this article it turns out that Platonic love arises owing to understanding of impossibility of physical intimacy between partners for any reason, and it may not be the lack of desire of one of the partners. So, the Platonic love often happens to be an unfortunate fate of two lovers.

The reasons for understanding of impossibility of intimacy can come from the partner's own conviction or belief in inadmissibility of manifestation of instinctive behavior, as well as owing to being guided by principles proclaiming a prohibition of demonstration of intimacy. All specified elements can occur at the unconscious level. Since childhood we learn to understand the world in

a certain plane. If a feeling of denial of demonstration of instinctive desires to our love object is cultivated in us or a prohibition on possession of love object is imposed, a partner can distort perception of reality, bringing events into a certain sequence conducting to a situation where demonstration of mutual sexual feelings will be impossible.

Is experiencing strong love feelings an attempt to stop awareness of irreversibility of life? In this case unfortunate love is a kind of outpouring acceptance of existential loneliness.

Whether love is one of the secret spells which is thought up only not to feel lonely? It is a deceptive side of love, but it is very interesting when you look deep into of sensual experiences, since if love is a production of fear of experiencing existential loneliness, then is love not a protective mechanism against lonely pathetic existence? And why do we fear loneliness so much? "Loneliness became some shameful illness. Why does everyone avoid it? This is because it forces to think. Today Descartes wouldn't write: "I think, therefore I am". He would say: "I am alone, therefore I think". Nobody wants to remain alone: it allows too much time for reflections. And the more you think, thy cleverer you become — that is, more sad" [2].

Ability to think enters us into a human dilemma; without having instinctive abilities for adaptation to the fast-changing world, a person is capable to choose, create a choice, and misleads himself by means of this choice ... "Endowed with consciousness and self-awareness, a person learns to allocate himself from the environment, understands the isolation from nature and other people. It leads then to understanding of his own ignorance, the helplessness in the world and, at last, to understanding of an extremity of life, certainty of death" [4].

Love is represented as a choice not to endure completeness of existential loneliness, it urges to soften understanding of a complete freedom of action and a need to work one's way of life for isolation and non-interference from others. It is impossible to define where freedom comes to an end and love begins, and it is even more difficult to tell, what part of loneliness carries love in it. We are born with feeling of loneliness and we can't overcome it. "Certainty of death and emptiness of our life

are absolutely incompatible with that raised statement of identity of oneself and another one, which is carried by feeling love" [7].

The freedom of choice frightens and makes a person vulnerable in relation to dependences. Love, thus, can be considered as a sort of dependence at which the person feels need in other person.

To become a healthy person, it is necessary to come at first to existential questions, and then to find the answer to them. Erich Fromm wrote about the existential dichotomies shrouding our existence and through one of them he pointed to a question of loneliness. On the one hand, we are absolutely lonely and have to decide whom to be and what to do, we have to realize that we work our way of life in deep loneliness, we die and we live individually, but also it is necessary to remember that finding happiness depends on communications with those who are similar to us and, in particular, from association with similar people, having feeling of an evidence of one's living. "Taking this step, he crosses the limits of his isolation, the individual existence, becoming part of something bigger than he is, and realizes himself in the context of the power to which he submits" [5, 160].

Living with someone by means of the allied relations, according to Fromm, we lack confidence and the internal force which are necessary for freedom and independence. Love is "a union with someone or something being outside of the person on condition of preservation of isolation and integrity of one's own I" [5, 3].

A choice made for association with a similar person is overcoming egoism. "The sense of human love in general is a justification and rescue of identity through the victim of egoism" [7].

Giving an individual particle and finding a burning feeling of unification with similar ones, a person comprehends truth of reasonable consciousness and inexpressible experience at the same time, the power of freedom and attachment, weakness before greatness of feeling and inviolability before destruction of this feeling. Love is, without doubt, more, than an attempt to avoid loneliness because it contains a solution to insoluble dichotomies of existence and a sense of an individual embodiment in a creative exaggeration of consciousness.

References:

1. Adler A. Practice and theory of individual psychology: Lectures on introduction in psychotherapy for doctors, psychologists and teachers. – M.: Publishing house of Institute of Psychotherapy, 2002.
2. Beigbeder F. Love lives three years. – M.: Azbuka, 2013.
3. Lenge A. Life, filled with sense. Applied logoterapiya. – M.: Genesis. 2008.

4. Fromm E. The Anatomy of Human Destructiveness. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973.
5. Fromm E. The art of loving. Research of the nature of love. Translation by L. A. Chernyshyova. – Moscow: Pedagogics, 1990.
6. Soloviev V. S. Philosophy of art and literary criticism. – M.: Art, 1991.
7. Soloviev V. The meaning of love./V. Soloviev. – M.: Contemporary, 1991.
8. Tatarinov V. Divine comedy. Preface. – M.: Eksmo, 2007.

*Holnazarova Matluba Kholbutaevna,
Ph. D., Associate Professor,
Department of Pedagogy and Psychology,
Gulistan State University of Uzbekistan
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

Formation of creative abilities of students in the process of socialization

Abstract: The article describes the factors that influence the formation of creativity and socialization of the individual, which is an important component in the long process of the formation of personality in certain social conditions. The process of assimilation of human social experience in which a person has transformed social experience, personal values and orientations, selectively introduced into the system of behavior, the norms and patterns of behavior, which are accepted by society or group.

Keywords: behavioral norms, moral norms, beliefs, human factors of creativity, intellectual development, and socialization.

*Холназарова Матлюба Холбутаевна,
Кандидат психологических наук,
доцент кафедры педагогики и психологии
Гулистанского государственного университета Узбекистана
E-mail: Babajanova-69@mail.ru*

Формирование творческих способностей личности в процессе социализации

Аннотация: В статье описываются факторы, влияющие на формирования творческих способностей и социализация личности. Они являются важным компонентом в длительном процессе формирования личности в определенных социальных условиях, процесс усвоения человеком социального опыта, в ходе которого у человека преобразуется социальный опыт, личностные ценности и ориентации, избирательно вводится в систему поведения те нормы и шаблоны поведения, которые приняты в обществе или группе. Нормы поведения, нормы морали, убеждения человека определяются теми нормами, которые приняты в данном обществе.

Ключевые слова: нормы поведения, моральные нормы, верования, человеческие факторы творчества, интеллектуального развития и социализации.

Знания, которые дают образовательные учреждения, призваны воспитывать в молодежи преданность высоким нравственным идеалам, а также способствовать развитию страны. Эти требования в полной мере соответствуют концепции образования в целях устойчивого развития, принятой в Узбекистане.

Выступая на Международной конференции «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения — как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны», состоявшейся

в нашей столице, глава государства подчеркнул, что в Узбекистане за последние годы проделана огромная по масштабам и глубине работа по кардинальному обновлению и реформированию сферы образования. В этом выступлении также отмечено, что принципиальная особенность реализуемой в республике модели заключается в том, что после девяти лет учебы в общеобразовательной школе следующие три года учащиеся обучаются в специализированных профессиональных колледжах и академических лицеях, где каждый из них

наряду с общеобразовательными дисциплинами получает профессиональную подготовку по 2–3 востребованным на рынке труда специальностям.

Благодаря реализации Национальной программы по подготовке кадров, разработанной под руководством Президента Узбекистана Ислама Каримова, в нашей стране введено 12-летнее обязательное образование. По всей республике построено свыше 1 500 профессиональных колледжей и академических лицеев, которые по своему архитектурному облику и техническому оснащению ничуть не уступают лучшим вузам. Благодаря передовому учебно-лабораторному, компьютерному и производственному оборудованию юноши и девушки не только обретают здесь востребованную специальность, получают обширные знания, но и осваивают современные технологии. В результате они покидают стены учебных заведений конкурентоспособными на мировой арене профессионалами [1].

Изучая особенности юношеского возраста, перед нами выявляются такие вопросы как: Что мы знаем о когнитивных (познавательных) процессах и способностях юношеского возраста? Каковы особенности одаренных, талантливых юношей и какой стиль учебной деятельности способствует развитию их творческого мышления?

Развитие познавательных функций и интеллекта имеет две стороны — количественную и качественную. Количественные изменения — суть изменений в степени, в уровне развития: юноша решает интеллектуальные задачи легче, быстрее и эффективнее, чем ребёнок младшего школьного возраста. Количественные изменения характеризуют сдвиг в структуре мыслительных процессов: важно не то какие задачи решает человек, а каким образом он это делает.

Однако отвлеченные рассуждения юности так же необходимы и полезны, как бесконечные «ПОЧЕМУ?» дошкольника. Это новая стадия развития интеллекта, когда абстрактная возможность кажется интереснее и важнее действительности (именно по тому, что она не знает никаких ограничений, кроме логических) и изобретение, а затем разрушение «универсальных» законов и теорий становятся любимейшей умственной игрой. Причем интеллектуальные игры обладают для юношей большой ценностью, в силу чего эти универсальные теории должны скорее подчинять себе действительность, чем подчиняться ей. Широта интеллектуальных интересов часто сочетается в ранней юности с разбросанностью, отсутствием системы и метода.

Развитие интеллекта тесно связано развитием *творческих способностей*, предполагающих не просто усвоение информации, а проявление интеллектуальной инициативы и создание чего-то нового.

Существуют три подхода к изучению возрастных закономерностей творчества, «креативности».

Первый подход прослеживает связь максимальной продуктивности с возрастом на основе анализа соответствующих продуктов деятельности.

Второй подход можно назвать личностным: сравнивая свойства людей, известных творческими достижениями, со свойствами менее продуктивных людей, психологи пытаются определить важнейшие черты творческой личности.

Третий подход ставит во главу угла изучение самих мыслительных процессов, которые предположительно отличают творческую мысль от не творческой. Это ближе всего к изучению собственно интеллекта.

Эти подходы не исключают друг друга, а являются взаимодополняющими. Возрастные закономерности творчества пока недостаточно ясны. Я. А. Пономарев считает, что пик интеллектуального развития достигается уже в 12 лет, но его нельзя смешивать с кульминацией творческой продуктивности, которая наступает намного позже, так как высокая продуктивность невозможна без большого багажа знаний, жизненного опыта, целеустремленности и ряда других качеств, которыми еще не обладает подросток. Другие авторы склонны полагать, что пик творческих потенций, как и пик интеллектуального развития, наступает позже. Вероятно, на этот вопрос и не может быть общего ответа, ибо творческие способности человека, как и его интеллект, нельзя рассматривать изолированно от содержания деятельности, которая существенно изменяется с возрастом.

Сталкивая личность с множеством новых, противоречивых жизненных ситуаций, переходный возраст стимулирует и актуализирует ее творческие потенции. Важнейший интеллектуальный компонент творчества — преобладание так называемого дивергентного мышления, которое предполагает, что на один и тот же вопрос может быть множество одинаково правильных и равноправных ответов (в отличие от конвергентного мышления, ориентирующегося на однозначное решение, снимающее проблему как таковую). Творческий потенциал личности не сводится к качеству ее интеллекта.

Интеллектуальное творчество является, по-видимому, частным случаем общего свойства активности субъекта, включая его готовность выходить

за пределы ситуативной необходимости и способность к самоизменению. Это свойство проявляется не только в интеллектуальной, но и в любой другой деятельности — в социальной активности, художественном творчестве, способности вырабатывать моральное решение и т. д.

Конкретные личностные свойства творчески одаренных юношей бывают различными. Отчасти это зависит от основной сферы деятельности человека. Много значат условия воспитания: одаренный юноша, если его самовыражение затруднено, обнаруживает черты тревожности и невротизма, отсутствующие у того, кому семья и школа помогает раскрыть и реализовать свои способности. Это налагает на учителя большую ответственность.

Умственное развитие старшеклассника заключается не столько в накоплении умений и изменении отдельных свойств интеллекта, сколько в формировании индивидуального стиля умственной деятельности. Стиль мышления старшеклассника зависит от типа его нервной системы. По данным Н. Е. Малкова, старшеклассники с инертной нервной системой в условиях перегрузки учебными заданиями учатся хуже, чем обладатели подвижного типа нервной системы, так как не успевают за быстрым темпом преподавания. Однако недостатки типа нервной системы могут компенсироваться другими ее свойствами. Лица с инертными нервными процессами компенсируют запоздание,

несвоевременность своих реакций более тщательным планированием и контролем своей деятельности.

Это убедительно свидетельствует о необходимости индивидуального подхода в обучении, который бы стимулировал самостоятельность и творчество учащихся. Самостоятельность школьники в процессе обучения не только улучшает его непосредственные результаты, но и оказывает благотворное влияние на умственные способности и черты личности.

В интеллектуальной сфере учащихся средних и старших классов отмечается недостаточно сформировано самостоятельности мышления, осознанного владения приемами и способами умственной работы. Треть детей испытывает трудности при самостоятельном овладении даже элементарной умственной деятельностью. Из-за неудовлетворительного развития смысловой и образной памяти учащиеся часто прибегают к механическому запоминанию, многие не владеют самыми необходимыми навыками запоминания. Они не умеют конкретизировать теоретические положения, обобщать, сравнивать, делать самостоятельные выводы. Это затрудняет учение и делает его неинтересным.

В завершении, я бы хотела отметить, что единственный выход из этого положения является радикальная перестройка содержания и методов обучения, максимально учитывающая индивидуальные особенности и интересы учащихся и дающая простор их собственной умственной и социальной инициативе.

Список литературы:

1. Из материалов международной конференции «Подготовка образованного и интеллектуально развитого поколения – как важнейшее условие устойчивого развития и модернизации страны». – Ташкент, 16–17 февраля 2012 г.
2. Кон И. С. Психология ранней юности. – М.: изд. Просвещение, 1989.
3. Бурменский Г. В., Слуцкий В. М. Одаренные дети. – М.: «Прогресс», 1991.
4. Андреев В. И. Диалектика воспитания и самовоспитания творческой личности. – Казань: изд. Казанского университета, 1988.

Section 9. Regional studies and socio-economic geography

*Kadnichanska Miroslava Yaroslavivna,
Ivan Franko National University of Lviv,
postgraduate student, the Faculty of Geography
E-mail: myrosjakadn@ukr.net*

Features of tourism of the National nature park «North Podillya»

Abstract: The peculiarities of the tourism resource potential national natural park “Northern skirts”. We describe the natural, historical and cultural tourism resources of the park. Attention is paid to the peculiarities of the development of tourism infrastructure in the area. The problems and prospects of development of tourism in the National Park “Northern skirts”.

Keywords: national park, tourism and resource potential, tourism, recreation and tourism resources, tourism infrastructure.

*Кадничанская Мирослава Ярославовна,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
аспирант, географический факультет
E-mail: myrosjakadn@ukr.net*

Развитие туризма в национальном природном парке “Северное Подолье”

Аннотация: В данной статье освещены особенности туристическо-ресурсного потенциала национального природного парка «Северное Подолье». Описаны природные и историко-культурные туристические ресурсы парка: рельеф, климатические условия, растительный и животный мир, замки, храмы. Названы проблемы и перспективы развития туристической деятельности в национальном природном парке «Северное Подолье».

Ключевые слова: национальный природный парк, туристический ресурсный потенциал, туризм, рекреационно-туристические ресурсы, туристическая инфраструктура.

Постановка проблемы исследования. Одной из наиболее развитых и прибыльных отраслей хозяйства стран мира является туризм. В связи с ростом антропогенного воздействия актуальной стала проблема сохранения природного характера ландшафтов районов, где проходит массовый туризм и отдых людей.

На сегодня среди разновидностей туризма особое распространение приобретает экологический туризм (ecological tourism), который преимущественно осуществляется на рекреационных территориях национальных природных парков, биосферных заповедников, региональных ландшафтных парков.

В восточной части Львовской области расположен национальный природный парк «Северное Подолье», созданный 10 февраля 2010 г. Парк охватывает территорию южной части Бродовского района,

центральную, часть западной, восточной и северо-восточную часть Золочевского района и восточную часть Буского района. Национальный природный парк обладает значительным природным и историко-культурным потенциалом, что способствует развитию туризма на этой территории.

Целью статьи является изучение особенностей развития туризма на территории национального природного парка (НПП) “Северное Подолье”.

Анализ источников и публикаций. Развитию туризма на природоохранных территориях посвящено немало научных публикаций. В большинстве из них характеризуются преимущественно естественные и историко-культурные ресурсы. Поскольку НПП «Северное Подолье» создан не так давно, исследованию его рекреационных ресурсов посвящено

немного работ. Попытками оценить современное состояние туристической деятельности природно-заповедных территорий Западной Украины есть статьи Ю. В. Зинька [4], В. И. Гетьмана [2]. Информацию о природных и историко-культурных ресурсах парка можно почерпнуть в трудах К. И. Геренчука [7], Я. Мацюка [6] и В. М. Слободяна [8; 9]. Во время работы над статьей были использованы материалы НПП «Северное Подолье» (интернет сайт).

Изложение основного материала. НПП «Северное Подолье» обладает значительными рекреационно-туристическими ресурсами, в частности, природными и историко-культурными.

Национальный природный парк «Северное Подолье» создан Указом Президента Украины от 10 февраля 2010 г. [1]. Парк включает территории, которые относятся к северной части Подольской возвышенности, стремительным уступом обрывающиеся к равнине Малеого Полесья.

Преобладающая часть территории «Северного Подолья» находится в пределах абсолютных высот 250–460 м. над уровнем моря. Самые высокие горы на территории парка: г. Вапнярка (460,8 м.) и г. Высокий Камень (440,4 м.). Парк расположен в наиболее возвышенной и лесистой части этой холмистой гряды [7].

Климат данной территории мягкий умеренно-континентальный, влажный. Лето теплое, но не жаркое, часто дождливое, особенно во второй половине. Осень также достаточно влажная с частыми туманами. Весна характеризуется достаточно изменчивыми состояниями погоды, часто затяжная. Вороняки вместе с Гологорами способствуют образованию облачности и осадков, которые (особенно облачность), в свою очередь, выступают как регулятор температурного режима. Неустойчивость погодных условий обусловлена активным развитием циркуляционных процессов, влиянием циклонов и антициклонов. Средняя температура воздуха составляет около +7 °C. Теплым, как показали многолетние исследования, является месяц июль (+18,1 °C). Преобладающими являются западные и северо-западные направления ветров. Средняя скорость ветра составляет 3,7–3,9 м/с. В течение года на данной территории выпадает 700–800 мм. осадков. Влажными месяцами являются июнь, июль, сентябрь, а меньше осадков выпадает зимой [7].

Через горбогорье национального природного парка «Северное Подолье» проходит Главный Европейский водораздел: здесь берет начало река Западный Буг, неся свои воды в Балтийское море и вытекают реки, впадающие в Черное море — Стыр, Серет, Иква [10].

Чрезвычайную научную ценность представляют территории, на которых сосуществуют растения разного происхождения: западно-европейского, средиземноморского, азиатского и северного. Более 200 видов растений и около 30 видов животных нуждаются в государственной, межгосударственной и местной охране. Флора парка насчитывает более 1600 видов — почти треть растений Украины [7].

Национальный природный парк «Северное Подолье» имеет важное функциональное значение для развития популяций фоновых, прежде всего, охотничьих видов животных. Современная фауна насчитывает 127 видов птиц, 41 вид млекопитающих. Среди них 22 вида занесены в Красную книгу Украины (2009). Фауна территории парка исследована достаточно слабо. Выявлено 2 вида птиц, которые числятся в Европейском красном списке животных и растений, находящихся под угрозой исчезновения (1991): могильник (*Aquila heliaca*) и коростель (*Crex crex*) [10].

Важным рекреационно-туристическим ресурсом на территории парка является историко-культурное наследие.

На хуторе Плиснеск вблизи с. Подгорцы на территории одного из крупнейших археологических комплексов площадью 160 га. сохранились оборонительные валы древнерусского городища VIII–XIII вв. Древний город, который ученые считают столицей белых хорватов, укрепленный семью рядами оборонительных валов, имело детинец с дворцами, ремесленный посад и пригороды преимущественно для сельского населения [6, 36].

На территории парка есть уникальные оборонительные комплексы: средневековый Олеский замок XIII–XVIII вв., замок-дворец бастионного типа XVII в. в с. Подгорцы, бастионный замок XVII ст. в г. Золочеве, замок XV–XVIII вв. в пгт Поморяны. Олеский, Золочевский и Подгорецкий замки принадлежат Львовской национальной галерее искусств имени Бориса Возницкого. Эти объекты интенсивно используются в туристической деятельности, многие туристические фирмы предлагают экскурсионные туры «Замки Золотой подковы».

Поморянский замок после многих перестроек и долгого периода упадка потерял свой первоначальный вид и находится в аварийном состоянии.

На территории НПП «Северное Подолье» и в окрестностях также немало сакральных памятников, в частности, Василианский монастырь XVII–XVIII вв. в с. Подгорцы и монастырь Происхождения Древа Креста Господня УГКЦ (бывший доминиканский

монастирь) XVII–XVIII вв. в пгт Подкамень Бродовського р-на, церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1836) в с. Гаи, церковь Покрова Пресвятой Богородицы (1767) в с. Пеняки, церковь Св. Николая (1825) в с. Ясенев Бродовского района, монастырь капуцинов XVIII ст. и костел Пресвятой Троицы в г. Олесько Бусского района, церковь Св. Николая (1765), церковь Воскресения Господня (1624–1627), костел Вознесения Господня (1731–1763) в г. Золочев, костел Успения Пресвятой Богородицы (1613) в с. Белый Камень, костел Св. Николая (1400–1651) в с. Выжняны, церковь Воздвижения Честного Креста (XVII в.) в с. Красносельцы Золочевского р-на и др. [5].

Уникальными объектами культурного наследия являются деревянные церкви, аналогов которым нет ни в одной стране мира [9].

Большинство церквей, расположенных на территории парка, относятся к галицкому типу. В частности, церкви Св. Иоанна Богослова (1793) в с. Батьков, Св. Юрия (1795) в с. Накваша Бродовского р-на; Св. Арх. Михаила (1697) и Рождества Пресвятой Богородицы (1750) в с. Куты Буского р-на; Успения Пресвятой Богородицы (1749) в пгт Глиняны, Св. Онуфрия (1727) в с. Майдан Гологорский, Св. Арх. Михаила (1761) в с. Подлипцы, Св. Параскевы (1715) в с. Плутив, Собора Пресвятой Богородицы (1690) в пгт Поморяны, Св. Николая (1731) в с. Сасов Золочевского р-на [5].

Учитывая недолгое существование парка туризм недостаточно набрал развитие. В парке созданы эколого-познавательный маршрут «Тренога», который проходит по территории геолого-ботанического памятника природы «Тренога», среди зелени леса на вершине горы можно увидеть скалы самых прихотливых форм выветривания, оставшиеся от карбонатных песчаников со дна бывшего Сарматского моря.

Привлекают посетителей места у истоков одной из крупнейших рек Украины — Западный Буг. Ежегодно здесь проходит международный экологический этнофестиваль «Чистые источники Буга» [10].

Выводы. НПП «Северное Подолье» обладает значительным рекреационно-туристическим потенциалом для развития как эколого-познавательного, историко-культурного, сакрального, так и спортивного (конного, велосипедного, пешего) туризма. В окрестных населенных пунктах существуют благоприятные условия для развития агротуризма. Однако, туризм в парке еще не достаточно развит. Не все существующие рекреационно-туристические ресурсы в полной мере привлекаются для развития туристической деятельности. На наш взгляд, необходимо создавать новые туристические маршруты, в частности, пешеходные и велосипедные, эколого-познавательные тропы, стационарные зоны для отдыха.

Список литературы:

1. Указ Президента України «Про створення національного природного парку «Північне Поділля»» від 10.02.2010 р. N 156/2010 // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/156/2010>.
2. Гетьман В. І. Екотуризм у національних парках. / В. І. Гетьман // Екологічний вісник. – 2002. – № 7–8 – С. 24–28.
3. Івченко А. С. Україна. Фортеці, замки, палаці ... / А. С. Івченко, О. А. Пархоменко – Київ: Картографія, 2010. – 600 с. – С. 179–181.
4. Зінько Ю. В. Екотуризм у національних природних парках Західної України / Ю. В. Зінько, О. М. Шевчук // Матеріали міжнар. конф. До 120-річчя географії у Львів. у-ті (24–26 вересня 2003 р.). – Львів: Видавничий центр ЛНУ ім. І. Франка, 2003. – С. 239–241.
5. Каднічанська М. Я. Використання історико-культурної спадщини національних природних парків Львівщини у туризмі. / Д. А. Каднічанський, М. Я. Каднічанська // Матеріали VII міжнародної наукової конференції «Географія, економіка і туризм: національний та міжнародний досвід» (Львів–Тернопіль, 4–6 жовтня 2013 р.). – Львів: Вид. центр ЛНУ ім. Івана Франка, 2013. – С. 205–210.
6. Мацюк О. Я. Замки і фортеці Західної України. Історичні мандрівки. – Львів: Центр Європи, 2005. – 192 с.
7. Природа Львівської області. [за ред. К. І. Геренчука]. – Львів: Вид. Львів. у-ту, 1972. – 151 с.
8. Слободян В. Українські церкви Бродівського району. / В. Слободян, В. Вуйчик, С. Івасейко. – Львів: Місіонер, 2000–192 с.
9. Слободян В. Шедеври української сакральної дерев'яної архітектури. / В. Слободян // Вісник інституту Укрзахідпроектреставрація. – 1996. – Т. 4. – С. 52–59.
10. Сайт Національного природного парку «Північне Поділля» // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://park-podillya.com.ua/>
11. Сайт «Дерев'яні церкви Галичини». // [Електр. ресурс]. – Реж. дост.: http://decerkva.org.ua/kuty_mykhaila.html

Section 10. Sociology

*Arstangaliyeva Zulfiya Zhmagildievna,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
post-graduate student of department
of philosophy, humanities and psychology
E-mail: zulfija_arstangalieva@mail.ru*

*Andriyanova Elena Andreyevna,
head of department of philosophy,
humanities and psychology*

*Kuznetsova Mariya Nikolayevna,
associate professor of department
of philosophy, humanities and psychology*

*Gorshenina Valeriya Ivanovna,
associate professor of department
of philosophy, humanities and psychology*

The role of physical activity in health preservation of the elderly people

Abstract: The article is concerned with the role of physical activity of elderly people in the context of health preservation practices. It demonstrates the interrelation of systemic health level worsening of the elderly population with health care organization and life style changes. The most common physical activity types among the elderly people are morning gymnastics, walking, dosed running, swimming. It is pointed out that the increase of physical and social activity level of the representatives of the elderly generation is possible in the shift of the accent onto prophylaxis of diseases and gerontology prophylaxis on the whole, in case the mentality, precepts and personal opinions concerning health are changed.

Keywords: elderly people, health preservation, physical activity.

Numerous investigations aimed to study life prolongation, health demands of the elderly age group representatives, as well as peculiarities of interaction with the health care system verify the urgency of elderly people's health preservation problem for modern social sciences and for medical sociology in particular.

A number of Russian researches deal with the problem of health preservation and improvement and their interrelation with life style in the elderly age, such as I. Zhuravleva, A. Izutkin, Yu. Lisitsin, N. Sedova, E. Chernyshkova, D. Shilova and some others. Investigations concerning elderly people's health through the prism of social inequality are reported in the works of M. Elutina, L. Panova, N. Rusinova, etc. Problems of medical and recreation-sanitary service of a social-gerontological group are discussed in the works of O. Murzina, D. Solodukhina, N. Zavjalova and others. However, the study of questions focused on the elderly population's health preservation within medical sociology, according

to A. Reshetnikov, appears to be of primary prevalence as far as possibilities of integration of various approaches to the investigation of this complex phenomenon are concerned. Besides, the contemporary stage of the society development necessitates to shift the accents from disease to health, from treatment to prophylaxis, from intervention to observation, from a patient to a human being, from therapy to care, from a medical institution to the society [13]. In the context of elderly people's health preservation the significance of this problematic is obvious: elderly people belong to the group of the highest risk.

Some studies carried out within the previous 10 years verify not only the decrease of certain health level indices of the elderly people but a systemic worsening associated both with health protection organization and life style changes in this social-demographic group. According to the UNO data, the main cause of health worsening in Russian people is the crisis in the health care system which is based primarily on stationary forms

of treatment, not on ambulatory and prophylactic methods and healthy life style propaganda [1, 11]. Now the proportion of elderly people in Russia constitute more than 20 %, and the main task of the state is to preserve and improve the health of the elderly population, as well as to raise life activity prolongation and to form motivation for healthy life style maintenance [8].

According to the WHO data, the leading positions among elderly people's diseases belong to the disorders of the cardio-vascular system, brain and diabetes. The morbidity rate decrease seems to be possible in case the elderly people themselves prolong their motor activity and self-service, the necessary factor being continuous monitoring of living conditions and medical service of the elderly age group representatives, as well as improvement of prophylactic measures among the people of young and middle age [17].

So, at the individual level practices of health preservation in the elderly age are those forms of activity which contribute to preservation and strengthening of a human being's health. The choice is determined by the cultural level of the person, by his gained knowledge and life precepts, a certain complex of behavioral norms concerning health maintenance. The most effective practice is to follow an optimal motor regimen regarding gender, age and physiological peculiarities.

Positive effects of motor activity on the human organism have long been studied and proved. According to N. Amosov [3], the author of a systemic approach to health including that in the gerontological group of patients, muscular activity trains all the organs, thus increasing cardiac and vascular output, their strength and capacities. The respiratory system supplies gas exchange increase, respiratory muscles and air passages get strengthened. The digestive organs are activated while primary processing of the food and receiving the impulses for peristalsis due to the abdominal press tension. The positive result is substantiated by combining physical exercises and a regular (vegetable) diet.

So, the motor activity is one of the factors contributing to the prophylaxis of various diseases in the elderly and old age. Active life style reduces the risk of coronary diseases and obesity by 15–20 % on an average. The coronary disease manifestations are most commonly observed in people with a low motor activity, much more rarely — in people with a moderate activity and very rarely — in persons with a high motor activity. Besides, from the viewpoint of M. Savenko, regular physical exercises appear to make a positive effect on the elderly people's psychics raising the emotional state and mood

levels and contributing to depression overcoming; they may also decrease the risk of senile dementia development [14]. According to the reported data of elderly women's functional condition investigation, conducted by I. Vlasova, dosed physical exercises in the elderly age have the property of gerontological protection [5].

Prophylactic measures undertaken at the age above 40 contribute to a more favourable ageing process, prevent a great number of sufferings and debility. It is more difficult for an elderly person with dystrophic changes in the organism to start doing physical exercises or other types of therapeutic physical training, while preservation of habits acquired through years of life is experienced much easier and it allows to maintain a good physical form of the organism [4, 16].

Physical activity as the basic means of personal physical, psychic and social health maintenance, improving life quality and not depending on dietary regimen and habits is the primary condition of healthy life style. WHO recommends to consider physical activity of moderate intensity and duration for 30 minutes a day with regular loads 5 days a week to be optimal [6].

The most common forms of physical activity among elderly people are as follows: morning exercises, walking, running, swimming. However, according to the data obtained by E. Kachan, K. Ivko, S. Trofimova, Finnish walking becomes today quite a popular type of physical activity [7]. It should be pointed out that purposeful dosed physical loads give a positive effect in elderly people's health maintenance when these loads are adequate to the somatic status and rational in reference to the health. Besides, as M. Miller states, realized and purposeful physical activity has not only health-strengthening but also health-forming character, "attracting" other elements of personal healthy life style, such as giving up smoking and abnormal use of alcohol, adoption of a healthy diet, rational organization of work and rest regimen [9].

A sufficient level of physical activity makes it possible to reduce the risk of downfalls and traumas. There is the evidence that those people who are actively and regularly engaged in sport suffer from fatigue 1.5 times less; fall ill with gastro-intestinal diseases 3.5 times more rarely; they suffer from hypertension — 2 times, from chronic tonsillitis — 3.5 times, and grippe — 2 times more rarely [12].

It has been proved that the proportion in the group of people who regularly do physical exercises and who have managed to preserve their working capability and continue their professional activity, accounts for 23.8 %, while in the group of people who do not maintain their physical form it is only 2.1 %. These findings testify the fact that

physical activity in everyday people's life intensifies and improves the reservoir capabilities of the organism. Individuals who are oriented to maintain and strengthen their health, where optimal physical activity is an important element, preserve their working capability and positive active life style motivation for quite a longer time [2, 15].

Thus, application of physical training system activates the sense of youth, plays an important role in life tonus elevation and maintenance of health and working capabilities of the elderly people. Physical activity in the individuals of this age group must have predominantly sanitary and therapeutic-prophylactic character. It is necessary to develop a complex, integrating

and intersectoral approach with the accent on the strategies in the sphere of health maintenance at the level of all elderly people which would support the strategies at the level of an individual human being. Besides, elevation of physical and social activity level of the elderly generation representatives may in fact be possible only in case the accent is focused on prophylaxis of diseases and gerontology prophylaxis in general, on national protectorate programs concerning health and social life aspects of the elderly generation, as well as in case the level of health and physical condition of the population elevates and the mentality, precepts and viewpoints onto the value of health really change.

References:

1. Андриянова Е. А. Социальные параметры профессионального пространства медицины: автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Волгоград, 2006. – 39 с.
2. Агранович Н. В., Анопоченко А. С., Агранович В. О. Медико-социальные аспекты занятий умеренной физической активностью в пожилом возрасте. // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 10 (1). – С. 13–17.
3. Амосов Н. М. Преодоление старости, «Будь здоров!». – М., 1996.
4. Василенко Н. Ю. Социальная геронтология: учеб. пособие. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2003.
5. Власова И. А. Биологический возраст и уровень здоровья пожилых лиц, занимающихся физическими тренировками. // *Сибирский медицинский журнал*. – 2011. – № 5. – С. 65–68.
6. Физическая активность и взрослые люди. // *Глобальная стратегия по питанию, физической активности и здоровью*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.who.int/dietphysicalactivity/factsheet_adults/ru/index.html (дата обращения: 15.01.2015).
7. Качан Е. Ю., Ивко К. О., Трофимова С. В. Повышение резервных возможностей организма пожилых людей: роль физической активности. // *Российский семейный врач*. – 2013. – Т. 17. – № 3. – С. 30–32.
8. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351).
9. Миллер М. А. Физическая активность населения в реализации демографической политики России. // *Вестник Томского государственного университета*. – 2008. – № 310. – С. 142–149.
10. Овчинникова Л. В. Психологическая поддержка жизненной позиции пожилого человека средствами фитнеса. // *Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта*. – 2012. – Вып. 7 (89). – С. 109–115.
11. Основные направления деятельности ООН в Российской Федерации: ООН в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unrussia.ru> (дата обращения: 15.02.2015).
12. Перова Е. И., Гаркавенко В. А., Клендарь В. А. Анализ динамики основных показателей развития физической культуры и массового спорта в Российской Федерации. // *Вестник спортивной науки*. – 2013. – № 5. – С. 100–104.
13. Решетников А. В. Социология медицины (введение в научную дисциплину): руководство. – М.: Медицина, 2002. – 976 с.
14. Савенко М. А. Двигательная активность в пожилом возрасте. // *Вестник национального института здоровья: Матер. I Национального конгресса по валеологии «Качество жизни и здоровье»*. – СПб., Национальный институт здоровья, 2006. – С. 24–25.
15. Чернышкова Е. В. Медико-социальные механизмы пролонгирования активного образа жизни в пожилом возрасте: автореф. дис. ... докт. социол. наук. – Волгоград, 2013. – 45 с.
16. Юрова И. Ю., Андриянова Е. А., Федорова Л. М., Масляков В. В. Проблема здоровьесбережения сельского населения современного российского общества. // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 7 (5). – С. 1065–1069.
17. Global Health and Ageing: brief report/eds: WHO; US National Institute of Aging. – Geneva: WHO, 2011. – P. 2–11.

*Chernyshkova Elena Vyacheslavovna,
Saratov State Medical University n. a. V.I. Razumovsky,
head of foreign languages department*

*Rodionova Tatyana Vyacheslavovna,
senior lecturer of foreign languages department*

*Mukhina Marina Yurievna,
senior lecturer of foreign languages department
E-mail: marina_muhina@mail.ru*

*Veretelnikova Yulia Yakovlevna,
senior lecturer of foreign languages department*

*Chernyshkov Danila Vsevolodovich,
lecturer of physical training department*

Elderly age: healthy life style and life activity prolongation

Abstract: The article presents the analysis of the results of elderly people's (aged 55–65) questionnaires concerning the basic precepts of healthy life style for activity prolongation (N = 180). It has been established that the basic principles of healthy life style include regular moderate physical loads, a rational diet, giving up bad habits. Healthy life style popularization may become a promising measure to increase activity motivation of elderly people.

Keywords: elderly age, healthy life style, activity prolongation.

Demographic changes are characterized by significant ageing of the population in Russia, thus attracting scientific interest to the problems concerning prolongation of elderly people's activity for their full-valued social integration. Contemporary pace of society development demands that elderly people shift their life style precepts towards active participation in all spheres of social life, this fact determining the necessity of healthy life style.

The materials for healthy life style basic precepts' analysis in elderly people's activity prolongation were the data of a sociological research by questioning, performed in Saratov region during the period of 2014–2015. The characteristics of the random sampling were as follows: the total number of the questioned was 180 people; the age scope was 55–65 years; gender distribution of the respondents was 50 % of females and 50 % of males.

Since ancient times various societies demonstrated a rather stable stereotype of the elderly age as the period of human life associated with illnesses, helplessness and social uselessness. However, yet in the works of ancient philosophers there could be found controversial opinions concerning the fact that worsening of health and revolutionary changes in an elderly person's organism might be compensated by life experience, insight and sense of internal personal freedom, while moderate physical activity was believed to be an excellent prophylaxis of inevitable age changes in the human organism [1; 2].

The development of medical knowledge and technologies served to be the basis for ageing process over-comprehension. The first scientifically substantiated ideas about activity prolongation in the later life period appeared in the XVIII century. The most common precepts for health maintenance were the principles of general hygiene and moderate life style [3; 4]. Significant attention was paid to physical activity within the individual's power, to a rational diet, temperance from alcohol and tobacco smoking.

According to the results of the research, the above mentioned healthy life style precepts not still remain timely but they are the basic ones for activity prolongation in the elderly age. Most of the respondents (75 %) consider giving up bad habits (use of alcohol and tobacco smoking) to be the basic condition of healthy life style maintenance. 57 % of the questioned believe that moderate physical loads and fitness are the main factors of healthy life style maintenance. 22.5 % of the questioned determine a rational diet and following diets to be the basic healthy life style precept.

Advantages of physical exercises and fitness are well known and proved. For elderly people it is particularly important to understand the role of mild and moderate physical loads in prevention of age physiological changes of the organism commonly associated with the activity level decrease due to life style changes. It has been proved that regular physical loads may positively influence the increase of an average life-span, they also help elderly

people to maintain functional independence, improve the life quality [5; 6]. Besides, adequate physical loads contribute to prevention of cardio-vascular diseases, diabetes, osteoporosis, depression. There are the data about morbidity decrease of intestinal cancer, stroke, vertebral column pathology. Physical exercises appear to be the main principle of weight-reducing programs [9].

Distribution of the answers, concerning the most personally acceptable type of physical loads for each respondent, has revealed the following preferences: walking (43 %); daily physical exercises at home (33.5 %); climbing the stairs (11 %); running (6 %); swimming (4 %); training in fitness centers (2.5 %). Physical loads must become habitual but they should not be excessive. Elderly people doing moderate physical exercises, such as walking for 30 minutes every day, can significantly improve their health condition.

It should be pointed out that most of the respondents (63 %) have demonstrated a great interest to fitness programs adapted for elderly people, since these training programs are conducted under control of specialists. However, only a small number of elderly people can afford this opportunity because of financial problems.

In the context of elderly people's activity prolongation, healthy life style maintenance is a personal initiative since contemporary health protection does not provide activity prolongation of the elderly people in 67.5 %; provides practically in 17.0 %; provides on the whole in 15.5 % of cases. Negative evaluation of the health care bodies' functioning may be explained from the viewpoint of deep-seated social stereotypes considering elderly people as social ballast. The promising effort aimed to reconsider this viewpoint is adoption of national programs of "active ageing".

Besides, one of the results of still greater involvement of the elderly people into the sphere of medical services is ageing medicalization. Really, the objective reason for medical sphere enlargement is the fact that elderly people become ill more frequently and they require a greater amount of medical control and intervention, i.e. medicalization, within reasonable limits, is a useful phenomenon. However, the stereotypical correlation: "elderly" means "sick", leads to incompatibility of these notions with the notion "activity" [7; 8].

Another significant precept of healthy life style is a rational diet balanced in accordance to the age and individual peculiarities of the organism. The choice of low-calorie diets with a small amount of salts is important for prevention of many diseases, including cardio-vascular disorders, diabetes, obesity, gastro-intestinal diseases.

These diets also play a prophylactic role in the development of malignant neoplasms.

Most positive answers (69.4 %) verify the fact that the respondents are well informed about the differences in dietary peculiarities of elderly and younger generations. However, realization of approved dietary patterns for elderly people appears to be complicated because of financial difficulties in this population group: 43.7 % of the questioned people can afford rational balanced diets; 56.3 % of the respondents state that their financial situation does not completely afford them to follow the dietary rules.

According to the questionnaires' data, elderly people are poorly informed about medically approved dietary recommendations — 44 % of the positive answers. The major information reaches elderly people through: television and mass media advertising — in 18.3 %; personal experience of colleagues, relatives and acquaintances — in 14.8 %; advices of chemist's pharmacists — in 6.5 %; consultations of medical specialists — in 5 %; through Internet — in 1.4 % of cases.

Another problem associated with dietary pattern misbalance in the elderly age is obesity. However, a significant part of the questioned people associate their body weight increase entirely with the organism's ageing process consequences (42.9 %); with the lack of financial means to follow rational dietary rules (24.5 %); with consequences of chronic diseases (20.4 %); with consequences of hypodynamic life style (12.2 %).

Healthy life style maintenance is impossible without giving up bad habits. So, most respondents (75 %) believe that giving up alcohol and smoking is the basic precept for healthy life style; 16.8 % of the questioned people consider significantly reduced alcohol use and tobacco smoking to be of great importance. Many causes leading to elderly people's death may be prevented, life style being one of the methods. Alcohol, for instance, is the main factor of a great variety of accidents, such as automobile crashes, heart attacks, violence and suicides.

The results of the conducted questioning have revealed that activity prolongation in the elderly age is really possible providing the basic healthy life style principles are followed. These principles include moderate physical loads (exercises), a rational diet, giving up bad habits. However, realization of these precepts often meets a number of barriers, the main barriers being elderly population's poor awareness about medically approved recommendations on physical activity and diet in accordance with the organism's age and individual peculiarities, as well as the lack of financial resources.

Thus, popularization of healthy life style in the elderly age may be considered as a promising measure to raise interest and motivation for active life style, to

overestimate life values and to properly include representatives of the elderly age group into contemporary social life.

References:

1. Альперович В.Д. Проблемы старения: демография, психология, социология. – М.: Астрель: АСТ, 2004. – 352 с.
2. Аристотель. Риторика.//Античные риторики/Пер. Н. Платоновой; под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва, 1978. – С. 84–89.
3. Монтень М. Опыты. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3./Пер. с фр. А. С. Бобович и др. – М.: Голос, 1992. – 384 с.
4. Погребняк А.А. Старость как ресурс.//Философия старости: геронтология: сб. материалов конф. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. 24. – С. 21–23.
5. Амосов Н.М. Преодоление старости, «Будь здоров!». – М., 1996. – 190 с.
6. Мечников И.И. Этюды оптимизма. – М.: Наука, 1964. – 338 с.
7. Чернышкова Е.В. Медико-социальные риски пролонгирования активного образа жизни пожилых людей.//Фундаментальные исследования. – 2012. – № 3, ч. 2. – С. 358–361.
8. Елютина М.Э. Социальная интеграция: возрастной аспект.//Интеграционные процессы в современном обществе. – Саратов: Аквариус, 2003. – С. 12–25.
9. National Health Promotion and Disease Prevention Objectives.//Summary Report. Boston, USA, – 2010. – Vol. 1. – P. 23–26.

Section 11. Philology

*Abdullayeva Yegana Atamoglan,
Pr. ass. of Literature of foreign countries department
of Azerbaijan University of Languages
E-mail: yeganeabdullayeva2013@mail.ru*

Intermediality of 20th century in Azerbaijani literature as an impact of Western literary sophistication (within parallels of literary activity of Afaq Masud and William Somerset Maugham)

Abstract: Presented article dedicated to the problem of intermediality in artistic literature. The author has elicited some theoretical conceptions of intermediality and substantiated her ideas with the examples from Azerbaijani and English literatures. In this article particularly parallels were carried out between the works of literature named "Theater" by W. S. Maugham and "The Woman who Commits Suicide on the Railway" by Afaq Masud.

Keywords: prose, Afaq Masud, Somerset Maugham, intermediality.

Azerbaijani Literature has never been away from the influences of existing changes and tendencies of the world's philosophic and literary envision and constantly displayed inclination for adopting the innovative ideas.

Undoubtedly, the ideology of Azerbaijani literature has been influenced by modern literary movements and tendencies. They mostly are based on emerging innovative fluctuations aimed at comprehending the world and human being as well as elicit secrets of life and also to explore new method of expressions for realizing the major missions of literature.

If one starts reviewing Azerbaijani literature, they will succeed to observe felicitous retransmission of processes occurring at studies of philosophical literature.

We might detect existentialism in the works of Anar and Elchin, surrealism and expressionism in the works of Afaq Masud, the elements of magic realism in the novels of Yusif Samadoghlu and Sabir Ahmad as well as postmodernist prose in creativity of Kamal Abdulla. Overall it is impossible to ignore the mechanism of intermediality in Azerbaijan written works of art.

The conception of intermediality has commenced to stand in line with the notions named "intertextuality" and "reciprocal art" in areas of philosophy, philology and art since the last decade of XX century.

Intermediality has been drawing attention as a language of artistic culture based on various kinds of art principles as well as a special methodology of analyses of art work and particular mode of imaginative text structure.

As Irina O. Rajewsky noted, intermedial quotations and extracts are considered to be realized by means of intertextual mechanisms [4].

The problem of reciprocal art was being watched by the usage of reminiscences (linked with other kinds of art study) in literary works.

Comparative literary criticism suggested researching mutual affinity of art by means of confrontation of characters and plotting in literary works.

Thus, the conception of "artistic system" emerged for summing up various areas of art and supplementing one other in reciprocal way on literary criticism.

Considering the study of the systems of culture as a principle in his book named "The Morphology of Art", M. Kagan sees the entrance of art to a whole world as an open system and notes its reciprocal tie in different levels of meaning and semantic rates. According to Kagan for comprehending internal laws of art, one ought to define subordinate and co-ordinate interaction between artistic and creative work [2].

A. N. Veselovsky saw the unity of word and music or word and gestures within ritual text as "initial syncretism". While bidding farewell to elementary epoch, the culture protested against the formulation of texts containing only single language system which were generated by means of severe codes in any genre [1].

Due to semiotic studies, texts containing of one single language and by means of transferring information, they possess modes of equal rights.

The words, color, shadow of a writer as well as tactics of an artist, the sounds of music are being organized by an architect and a sculptor in such a way that, all the specific codes and legislation of any art kind could be unified.

In other words, intermedial correlations are determined as an artistic channel of communication among the different kinds of artistic languages.

Actually in the system of intermedial relations the process of transmitting one artistic code to another one is fulfilled, then mutual association is performed not in semiotic mode but according to the meaning.

Involvement of the elements of one artistic type to another inappropriate art kind, leads to the alternation of the principles of the reciprocal bonds.

In fact, the interrelation emerges in the meaning of sounds but not in the language of art.

For instance, the figurative meaning of a composition, shape, coloring is transmitted to a literary text in the description of the painting. Therefore it generates specific impact and the association of vision is getting less and is giving its place to the meaning of association.

That is to say, stoical feature of the fine arts is substituted with the dynamicity and inconstancy of the literary character. Therefore, intermediality is linked with the analyses of the text but not with "the citations". Moreover, intermediality is a figurative structure, combining the information of other artistic types in itself. It is the particular type of intertextuality which is based on the artistic codes of various kinds of art in a literary work and the creation of the distinct artistic space in the system of culture. Being a specific form of the cultural dialogue, intermediality is performed by means of the interrelation of the artistic quotations and such kind of artistic quotations are artistic characters, being distinctive for definite periods.

The storyline of the novel named "Theater" by W. Somerset Maugham is linked with the artistic feature of theatricality [3]. The performance is a significant element of the novel and the main character creates specific life spectacle and artistic existence of him due to legislation of art and this scene is going to be more important than the reality itself. The same opinion could be said about "The Woman who Commits Suicide on the Railway" by Afaq Masud and the main character Gultekin Sarabskaya is playing a role throughout the work. She creates a performance inside another performance with misleading the audience. Though scene decoration shows the main character on the railway station, she loses the borderline between reality and unreality and blending

the performance with reality or today with yesterday she showcases particular play of herself.

Even, the stage of suicide at the end of the play generates difficulty to understand whether her being dead in reality or her playing a performance. Throughout the story the hero plays with the language of parody and sarcasm and leads the events to her own direction creating a scene herself and the audience. While hinting to real events and being in miserable condition, she feels sorry for human and the fate of humanity, however she sarcastically signals upcoming events.

Taking for granted the elements of theater and using the principles of performance, Afaq Masud makes a scene out of another one.

Using the poems of Shakespeare, Goethe, Rückert, Ramiz Rovshan, Vagif Bayatli, the writer generates intellectual scene with the language of the hero, however she links the reciting of the poems with such kind of events that, feeling the rules of play, the audience is faced with an elite and mass dilemma. For the writer, theatrical reminiscences are the modes of interpreting the essence of esthetic bonds towards life and Afaq Masud becomes a real director of her own "play". Within the framework of her play, the author paves the way for her characters to perform the conception of "life and art". As well as W. S. Maugham, Afaq Masud puts in motion the character of her hero according to the distorted scenario.

The writer elicits the theatricality by means of specific descriptive device and the image of theater in the artistic material of the play or in the semantic level bears the distinct burden of meaning. We can observe these features both in creativity of W. S. Maugham as well as in Afaq Masud. The language and style of the author accommodate itself to the model of social-physiological narration.

W. S. Maugham portrays the man having particular inner world and creative individuality. This hero strives to explore more unlike and "unique" life style. Julia Lambert doesn't act against everyday life on the contrary; she applies ordinary life events to art and the hero does it so creatively.

We can observe the same action in Gultekin by Afaq Masud as well. The woman who is becoming seventy years old is fired from the theater and young generation doesn't need her talent and skills in acting. Despite the fact that she struggled against pressures with all her power, she lost her job. While being in comic circumstances, Gultekin Sarabskaya continues to play her role professionally. This play displays itself in her speech, relationship with humans, and indifference towards community

and the hero plays the life itself. Watching her play, the audience feels confusion as it becomes really difficult to differentiate if the actress is playing a role or she is displaying a segment of her real life.

We can detect intertextual audience together with the point of view of the readers in novel. Emerging such audience is connected with the playing behavior of Gultakin Sarabskaya. The characteristic features of the theater portray itself in artistic world of the play and the heroine most times structures her behavior on stage and generates artistic scene. Observing real events, the reader adjusts to the rules of theater and in this case intertextual audience emerges. By means of theater mechanism, the causes of described events become clear.

In this case, the literary work called "The woman who commits suicide on the railway" by Afaq Masud could be estimated as a work of art combining the features of intermediality.

The hero of Maugham, Julia Lambert as a director also conducts the people around her by dramatizing their behavior. Being professional actress and modeling the events, she watches these events like a director and at the same time evaluating the events from the spectator's point of view, the hero arranges life events according to her play. Her professional and personal lives are in mutual relation with each other and most of the time it is hard to examine the borderline between life and theater.

Thus, ideological and artistic reflection of a theater inside a novel genre ("Theater") gives us an opportunity to bring into line with the principles of intermediality. The factors defining the conception of intermediality, constantly represent the connection with other kinds of

art. Studying the language of theater in literature is connected with the problem of intermediality and defines the bond of various language channels.

The hero of W. S. Maugham clarifies individual aims with the help of art and acting, simultaneously the skill of playing in the most difficult situations aids him in figuring out vital issues and overcoming difficulties. One of the significant tasks is that, the theatrical password of both Afaq Masud and W. S. Maugham is disclosed not only in the system of characters but also in problems and themes of works. The main artistic feature of both works of literature is that, Julia Lambert as well as Gultakin Sarabskaya is the directors or actresses of their roles, simultaneously they act like an intertextual spectator who keeps distance for himself or herself. All these are the methods of utilizing the problems of one art type in the framework of another art kind and this ought to be recognized as a language of artistic culture based on the principles of various art kinds.

Above mentioned facts visually, again asserted intelligible and incontestable reality: mankind and humanist artistic philosophy logically are linked with the unbreakable ties as a lively organism and develops collectively. As same as the unique gifts of the mankind's civilization, any national literature is capable of upgrading the quality of human's intellect from age to age.

From this point of view, for surely we can announce that, the processes occurring in 20–21st centuries in Azerbaijani literature, indicated authors not to be closed towards innovative positive impacts of world philosophical-literary deliberation, on the contrary our writers are ready to adopt innovative world conceptions and present them to readers with high quality.

References:

1. Veselovsky A. From the Introduction to Historical Poetics: Questions and Answers. /Trans. & Ed. by B. Maslov – 1894.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.academia.edu/1237152/Alexander_Veselovsky_From_the_Introduction_to_Historical_Poetics_Questions_and_Answers_1894.
2. Kagan M. The Morphology of Art: Historical and Theoretical Research on the Inner Structure of the World of Art. – L.: Iskustvo, 1972.
3. Maugham W. S. Theatre. – N. Y.: Arno Press, 1977.
4. Rajewsky I. O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality//Intermedialités, no 6 au tomne 2005.//[Electronic resource]. – Available from: http://cri.histart.umontreal.ca/cri/fr/intermedialites/p6/pdfs/p6_rajewsky_text.pdf

Aliyeva Hamida Achmed,
 Philosophy assistant professor of Literature
 of foreign countries department
 of Azerbaijan University of Languages
 E-mail: ahemide@mail.ru

The world outlook of Germanic and Turkic peoples in “Beowulf” and “The Book of Dede Korkut”

Abstract: The article deals with the astonishing parallels between “Beowulf” and “The Book of Dede Korkut” and investigates the view point of German and Turkish nations, reviews the similarities of their ethnic moralities. The article highlights the episodes of Anglo-Saxon traditions, life style and bravery and compares the analogies between “The Book of Dede Korkut” and “Beowulf”. The paper also juxtaposes affinities between Anglo-Saxon hero Beowulf and Turkic hero, Basat.

Keywords: epic, tribe, ancient saga, mythical, folklore, Anglo-Saxon.

There are remarkable resemblances between the Anglo-Saxons’ epic poem of “Beowulf” and the Azerbaijani Turkic epic literary work of “The Book of Dede Korkut” that is featuring the spiritual and heroic characteristics of Azerbaijani Turks.

One can conjecture the origin of the similarity between the two literary works considering the fact that “Beowulf” was created based on the most ancient Scandinavian legends.

There are sufficient historical facts proving that Turkic tribes — who have been known under various names by researchers and historians, but in fact they all belonged to the same origin who lived in historical Azerbaijani territories before they moved to Asia Minor and then to Europe in millenniums BC.

Icelandic “The Prose Edda” contains interesting and logical information about Turkic tribes (As tribes — H.A) who moved to Iceland [3, 8].

Prominent Icelandic historian and public figure, Snorri Sturluson, penned “The Prose Edda” based on ancient sagas. As part of his book’s introduction, Snorri Sturluson touched upon the settlement of “As” tribes across the northern regions of Europe including Sweden, Norway and Iceland following the tribes’ migration to Troy. “*Ynglinga saga*”, a chapter of Sturluson’s book namely “*Heimskringla*”, provides wide information on the Asian origin of “As” tribes [7].

In his book which is studying the Germanic zoomorphic decoration published in 1904, Well-known Swedish archaeologist B. Salin, voiced his attitude towards the issue and confirmed that S. Sturluson’s theory has been formed based on historical facts (Altgermanische Thierornamentik).

Following his visit to Gobustan rocks, the famous Norwegian scientist and traveler, Thorheyerdahl surprisingly,

decided to look for the traces of his Scandinavian ancestors in Caucasus particularly in Azerbaijan instead of far North.

The intermingling of ancient Turkic with Scandinavians had positive impacts on the development of social and cultural life of both nations.

That is why one can explore a number of common spheres between Scandinavian folklore and the folk art of Turkic nations. Therefore it is an essential need to look for the root of some common theme and subjects between “The Book of Dede Korkut” and the Scandinavian epic “Beowulf”. The existence of heroic songs as well as supernatural characters — cyclops, ogre, dragon, etc- and fight scenes against queer creatures, indicate the similarity in the folklore area of both nations.

“Beowulf” starts with an introduction narrating about legendary Scyld Scefing who is considered the ancestor of Danish kings and fame of glorious Scyldings royal family. Great-grandson of Scyld, the king Hrothgar gained much property by the means of conducting military strikes. For his knights, Hrothgar constructed a luxurious palace which was decorated with deer horns and named the palace as Heorot (mead hall). The king periodically used the “mead hall” to hold various kinds of receptions and feasts to keep the fighters happy.

Somehow it was a sign of the king’s respect to the knights in exchange to their fidelity. In the meantime the move was known as a type of archaic traditional tie between the king and fighters, it also indicated the close-knit and brotherly ties between the king and knights. The same custom was very popular among Oghuz and other Turkic tribes.

Researcher A. M. Hazanov was stating by interpreting the same traditions “Herodotus monarchs’ (tribe leader) would organize huge feast for his fighting men

each year and this tradition indicates close-knit bond between king and knights. Even in the most communities of folklore literature the traditions of feast and giving gifts still exists and this is typical for nomadic tribes" (ancient Turks- H.A.) [6, 184].

In different chapters of "The Book of Dede Korkut" one can find lots of similar scenes. For instance, "It was customary for Bayindir Khan, khan of khans, to invite all princes of the Oghuz to a feast once a year. As usual, he gave a feast this year too, and had many stallions, young male camels and rams slaughtered for the occasion..." (Legend I: The Story of Bugach Khan, Son of Dirse Khan, The Book of Dede Korkut).

One of the motives which were reflected in Turkic epic is connected with giving gift custom. While being merciless to their enemies, Turks were faithful to their companions and supporters and in order to express their feeling they were sharing their fortune so generously with their pals. Alongside with their money, gold and other expensive items they used to share their most beautiful horses with friends. Obviously, for Turkic tribes, horses were the most saint creature as well as the most quintessential element indicating their existence. Gifting a horse could be the symbol of special regard and gratefulness.

The king of Danes Hrothgar alongside with some precious presents gifted two gracious horses to Beowulf that is one of the facts featuring a common tradition with Turks.

The most salient feature stating similarity between "The Book of Dede Korkut" and "Beowulf" is linked with the "Goggle-eye" Tepegöz – Grendel stories.

In the first chapter of "Beowulf" it is depicted that Hrothgar had been under attack by a monster known as Grendel for twelve years. Every night, he would appear out of the fog that covered the swamp and would eat fighters. No one was able to encounter him, hence feasts were getting less and less and whole Denmark was covered with grief and sorrow. After some while the Geats heard about their neighbor's tragedy and jointly with 14 knights Beowulf came to help Hrothgar.

As can be seen, Beowulf is not an Anglo-Saxon hero; he is the knight of one of the Scandinavian tribes — the Geats who settled in the east of Sweden.

In the eighth legend of "The Book of Dede Korkut" namely "The Story of Basat, Killer of Goggle-eye" the events approximately occurred on the same manner.

In this legend the object being under attack is Oghuz people and the violator is a One-Eyed Giant. To prevent losing more people, Oghuz tribe agreed to appease two men and 500 sheep every day.

It is notable that the episodes based on One-Eyed Giant or Cyclopes are widespread in most nations' folklore. We can observe such kind of legends on Slavic, German, French, Finnish and Scandinavian nations. Nevertheless, the first written source based on One-Eyed Giant is considered to be Homer's *Odyssey* in the world literature. However, it is not correct; the most ancient legend of "The Book of Dede Korkut" is "The story of Basat, Killer of the One-Eyed Giant". "The Father of History" Herodotus in his books mentioned the topic of "One-Eyed Giant" and stated that there were quite a lot of legends about single-eyed creatures among Scythians (the most ancient Turkish tribes). "The Book of Dede Korkut" caught the attention of German scholar H. F. Von Diez and he, in his turn invented the book for Europe, and this breakthrough primarily linked with the legend of "One-Eyed Giant". There isn't any indication of Grendel's being a Cyclop in "Beowulf" epos. However one can identify Grendel with "One-Eyed Giant" for some features. Oghuz's "One-Eyed Giant" is the off-spring of Houri (half human-being and half legendary creature) and the father of "Goggle-Eye" Sari Choban (Yellow Sheppard) and they met each other at a spring.

According to ancient "Oghuzname" mother of "Goggle-Eye" lived in a big sea, Grendel's mother also lived in a swamp, meanwhile Grendel in "Beowulf" is known as the monster of the sea. After Grendel's death, his mother attacked Beowulf and the Danes to revenge. Houri in "Book of Dede Korkut" tends to get revenge not only for Sheppard but also for whole Oghuz tribes; however she does it not straightforwardly but in a roundabout way.

She wears magic ring to the finger of her son, makes him immortal and says: "My Son the sword will not cut you, the arrow will not kill you" (The Legend of Basat, Killer of the One-Eyed Giant) with this act she puts Oghuz family under danger.

Grendel of "Beowulf" just like One-Eyed Giant is so dreadful and dangerous, cruel and with doing much crime he killed a number of Danish knights.

One-Eyed Giant also killed lots of gallant boys of Oghuz tribe — brother of Kazan khan Qaragune, Alp Rustem, Demir Donlu Mamaq, Ushun koja and his two brothers, Bigiqanlı Bukduz Emen. In both eposes when people were oppressed heavily –Danish people were covered with tyranny, Beowulf rode to save them, as there was a turn of third brother to be killed by One-Eyed Giant, Basat displayed heroism. Unlike Basat, brave fighter of Geats Beowulf rushes to help their neighbor the Danes and rescue them from lurch. However this episode itself has something in common with Oghuz tribes and with

their socio-political as well as ethical-moral values and reminds relationship between Outer and Inner Oghuz.

Despite the fact that there were some gaps and sometimes clashes among Oghuz noble men, they were never left one- another in trouble.

We can come across with such kind of short struggles among northern and eastern German tribes in "Beowulf" as well. For instance we can portray as an example the king of Geats Hygelac who is identified with the king Chlochilaicus in the source by Gregory of Tours and the king appears as invading the Frankish Kingdoms.

Beowulf just like Basat fights with the enemy face to face, Basat defeats One-Eyed Giant and Beowulf kills Grendel only due to their own power and courage.

One of analogous between both heroes is their competence to vanquish the enemy not only by the means of physical privilege but also with playing trick, capability estimating the circumstance on time. Prior to fight against One-Eyed Giant, Basat asks the elders (preparing meal for Giant) about the rival's weak points. The elders answer the Giant's single eye is only from meat and the other parts of body are spell-binding and immortal. Acting wily, Basat exactly beats the eye of Google-Eyed and guarantees himself with success in the struggle.

Beowulf minds the enemy's power and weak points in advance and he is primarily aware of Grendel's being cruel, ruthless and crafty. Therefore he explains his friends being meaningless to fight against Grendel face to face.

Beowulf is sure that he is able to perish Grendel with his sword and shield however he also knows that the monster will run from open combat and the hero is absolutely aware of his sudden explode in darkness. Thus Beowulf waits for the night to come and hides among his knights. At night Grendel attacks "the mead hall" after having been disturbed by the noise of the drunken revelers, unexpectedly Beowulf with strong hand holds his wrist and Grendel terrifies and realizes to be confronted with supernatural power. Hard man-to-man fight ends with the victory of Beowulf and the hero mortally wounds Grendel by ripping his arm off and he dies in his cave under the swamp.

Another analogous between "Beowulf" epos with "One-Eyed Giant" is linked with the names of heroes — the names of Beowulf and Basat. Hence, all the heroes particularly in "Beowulf" are named with individual alias, only the name of Beowulf is absolutely different.

The name of Basat was given by Dede Korkut. Once, during the following assault of rival, Oghuz tribes had to move, while immigrating Aruz Koja's little son was left behind and the lion found the child and brought him

up. Some years passed one day the herdsman of Oghuz family enlightened people about one boy having human face but with lion feature and attacking horses and sucking the blood of animals. Aruz recognizes his lost son and brings him back home. With advice of Dede Korkut he leaves the lion and joins Oghuz heroes, trains to ride horse and fight with sword. Dede Korkut calls him Basat because of his attacking horses.

We can assume that there was some explanation or legend connected with the name of Beowulf, only it wasn't spread to Britain. It would be the cause of having much idolatry figures and being abridged by clerks or probably there wasn't any episode among Scandinavian sagas implying the legend of the name. We know that Anglo-Saxons didn't bring "Beowulf" to Britain in complete form, they brought it with fragments. Anyway the etymology of the name of Beowulf arises some interest and taking into consideration the epic experience of the epos, emerging this name couldn't be fortuitous situation. To research the meaning of the name properly, we need to pay attention to some special features of Anglo-Saxon language. There were some simple words constructing system in Anglo-Saxon language as well as in German and Danish ones. The exact and correct formation of individual and things' names in ancient Anglo-Saxon language, no matter sounds funny in modern period but raises astonishment as well. For instance the word body was interpreted in Anglo-Saxon language as "the house of bones" ("bahu") and the word joint as "the garden of bones" ("banloca"). Literal sense of the name Beowulf means "the wolf of bees" [8, 87].

If we would make more meticulous, semantic analyses, we can find out that it means "bear". Saxon's element beo means bee, vulf means wolf. This expression was formulated because of a bear having erected nose just like wolf and dogs, while looking for the meal its demolishing swarm of bees with the same nose. This presents Anglo-Saxon language being so precise and having great literal sense of translation features, at the same time this language has abundant poetical expression and imagery modes.

"Beowulf" ends with the death of the hero — funeral rite of Beowulf. We must note here that this funeral ceremony is held according to heathendom traditions in Europe in antic period. His cremating in somehow reminds Hector's cremating scene in Homer's "Iliad".

At the end of the story the bravest twelve fighters of Beowulf with displaying the last gratitude towards their king and warlord, bury the ashes together with jewelers which were found out of the cave of the dragon (killed by Beowulf) and reared a hill on his grave.

Obviously, one can observe hill-shaped tombs in areas where lived Turks and they were calling such kind of graves as “kurgan”. The meaning of kurgan is the grave of khan and these tombs were recognized as “Scythian kings’ tombs” and were scattered over Eurasian territories. Ancient Turks used to bury their kings or glorified heroes with their own jewellery, welfare things and even with their horses as well.

A tomb which was discovered in south-eastern Kazakhstan, the Issyk kurgan, belonging to the king namely “Golden dress” describes the culture of Sak-Turks.

In Europe people were making cremating procession and it was the same in Scandinavia. The first history of

Kurgan tradition starts with the funeral of the king Freyr which was mentioned in the book named “The Earth” contained of Nordic sagas. However funeral ceremonies are very conservative rites and not all Scandinavians were happy with this new method. After his death the king of the Danes was buried alongside with all his fight equipment, personal items and horse according to his will. This leads to the beginning of the age of Kurgans in Denmark.

Despite, Norwegians and Swedes continued to cremate corpses; the last funeral episode in “Beowulf” expresses the elements of both ceremonies in it. This echoes the mutual bond of two different cultures and their being in synthesis not in opposition.

References:

1. The Book of Dede Korkut.//[Electronic resource]. – Available from: http://en.wikisource.org/wiki/Book_of_Dede_Korkut.
2. Beowulf (dual-language ed.). – New York: Doubleday, 1977.
3. Sturluson Snorri. The Prose Edda: Tales from Norse Mythology, translated by Jean I. Young. – University of California Press, 1964.
4. Гуревич А. Я. История и сага. – М., 1972.
5. Мельникова Е. А. Англосаксонское общество в истории и эпосе. – М., 1987.
6. Хазанов А. М. Социальная история скифов. – М., 1975.
7. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.gutenberg.org/files/598/598-h/598-h.htm>.
8. After the Flood by Bill Cooper.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.ezekielwatch.com/portal/69/resources/aftertheflood.pdf>.

*Issina Gaukhar Ilikeshevna,
Karaganda State University, Kazakhstan,
Doctor of Philology, the Faculty of Foreign languages
E-mail: g.issina@mail.ru
Kondratyeva Yuliya Taguirovna,
Karaganda State University,
postgraduate student, the Faculty of Foreign languages
E-mail: juliavip4@yandex.ru*

Cognitive strategies of impact in media discourse

Abstract: The article investigates cognitive strategies of impact in contemporary press in order to identify the most effective mechanisms of influence on recipient in media discourse. The cognitive approach has received a great popularity in the realm of media discourse study: due to its mediator role mass media do not simply reflect or mirror the events of reality but rather create a new reality through interpretation processes. The research was carried out on the base of material taken from the news broadcasts on Eastern and Western channels.

Keywords: discourse, mass media, cognitive mechanisms, strategies of impact.

An address to the field of media discourse is caused by its core position in the discursive space of public communication: it penetrates into all types of institutional and everyday discourse because of its thematic variety and genre originality.

The cognitive approach has received a great popularity in the realm of media discourse study: due to its mediator role mass media do not simply reflect or mirror the events of reality but rather create a new reality through interpretation processes (media channels,

ideological perspectives, cultural specifics). The information-oriented society, linguistic world image, ideology, and culture have become the basic concepts at the cognitive level of media texts study.

Media discourse is considered as any kind of discourse, implemented in the field of mass communication produced by the media. So we can speak about political, religious, educational and other media discourse, implying that these types presuppose a relatively stable set of practices of production, transmission and interpretation of media.

The authors interpret media discourse as a thematically focused, socially conditioned speech-thinking activity in the mass media space. The principal difference of this type of discourse is that in addition to the production of certain knowledge, objects' assessment and their images it creates understanding of the ways of knowledge transmission. In other words, the central subject of media discourse is not so much, for example, political processes, as the ways of describing and transmission of knowledge about them. In this sense, the media discourse is eminently intermediary activity.

The purpose of the article is to investigate the cognitive mechanisms of political information coverage and representation by Russian and Western mass media. The research was carried out on the base of material taken from the news broadcasts on Russian (*Russia 24, First Channel*) and Western (*BBC, CNN*) channels.

It is difficult to argue the assertion that media texts do not only passively reflect the reality but actively mold, create it. It is a collective effort of mass media to create and actively impose on us an imaginative representation of reality. Media provide us with the opportunity to perceive this world as an image through a multifaceted complex of directly or unintentionally induced emotions, feelings, impressions.

All methods of influence related to the interpretation of an event, an image or a situation can be reduced to two cognitive strategies — “intensification” and “downplaying” [1]. Their essence is to dose the quantity and quality of information on any object of reality. Intensification strategy implies “bulging” of others' flaws and their merits; the strategy of downplaying' is a muting of their shortcomings and merits of others, which is achieved due to defaults on some undesirable aspects. This view is supported by the performance of the US President Barack Obama, who said at the end of his speech after winning the presidential election in 2012, *“God's grace we will continue our journey forward and remind the world just why it is that we live in the greatest nation on Earth”*.

This message carries the ideological code of “American exceptionalism”. The Quotation “The greatest nation on Earth” caused a flurry of both positive and negative emotions, and has proven so popular among British and American journalists, thus effectively becoming a political (ideological) cliché.

As a result of the study, it was found that Russian and Anglo-American media have different interpretations of the events in Ukraine. The method of content analysis allowed to find out that Russian news channels and political talk shows often use the term “information war”, while the Anglo-American media use the term “proxy war”.

Online Oxford dictionary defines it as follows: proxy war is a war instigated by a major power which does not itself become involved [2]. Proxy wars have also been fought alongside full-scale conflicts. It is almost impossible to have a pure proxy war, as the groups fighting for a certain nation usually have their own interests, which can diverge from those of their patron. Typically proxy wars function best during cold wars, as they become a necessity in conducting armed conflict between at least two belligerents while continuing cold warfare. Proxy wars were common in the Cold War, because the two nuclear-armed superpowers (the Soviet Union and the United States, and to some extent, China) did not wish to fight each other directly, since that would have run the risk of escalation to a nuclear war (see mutual assured destruction). Proxies were used in conflicts such as Afghanistan, Angola, Korea, Vietnam, the Middle East, and Latin America.

Russian media use, in the authors' opinion, a more restrained expression (“information war”), so as not to disturb the audience and not to remind of the Cold War. In this case, “downplaying” strategy is applied. Anglo-American media, on the contrary, use the cognitive strategy of “intensification”. Operating with the terms “proxy war”, “pro-Russian militants”, “pro-Russian separatists”, “pro-Russian rebels”, they aim to unite the nation in the face of a common “enemy”.

The recent Western reports also feature such title as “The War of Words” which bears a strong resemblance to the title of a scientific fiction novel by English author H. G. Wells “The War of the Worlds”. In our humble opinion this play on words is used as an allusion to two superpowers' current tension and serves well the intensification cognitive strategy.

While considering the recent demonstrations and turmoil in Ukraine in 2013–2014, the Euromaidan, they were widely broadcast by the majority of Western networks including overall government corruption, abuse

of power, the violent dispersal of protesters, freedom of speech and human rights violation in Ukraine, etc. However, the amount of information has been reduced recently or the undesirable facts are withheld altogether, i. e. indiscriminate attacks (shell-fire) on civilian areas of the South-Eastern Ukraine regions by government forces, consequent civilian casualties, humanitarian crisis, human rights abuses such as illegal detention, torture and ill-treatment, derogatory Garbage “lustration”, total breakdown of law and order by Right Sector, repeated ceasefire violations. The attention of western viewers was switched to other local or world scale problems, i. e. Ebola virus epidemic in West Africa, an extremist, jihadist rebel group The Islamic State of Iraq and the Levant (also known as ISIS), the Ferguson protests, Paris terror attacks. They were extensively broadcast.

Russian media and the militants themselves referred to the Ukrainian transitional government in Kiev as the “Bandera Junta”, referencing the Ukrainian nationalist Stepan Bandera, and also as “fascist”, and “nationalist”. Andrew Higgins in his article [“In Ukraine, Russia Plays a Weighted Word Game”](#) published in *The New York Times* on 16 April, 2014, claims that: “The divide between Ukraine’s mostly Russian-speaking East and its Ukrainian-speaking West has bedeviled the country since its independence in 1991. The two sides have different churches, different cultures and different heroes, with nationalist fighters like Stepan Bandera hailed in the west as great patriots but reviled in the east as fascist monsters” [3].

In our opinion this divide has a longer prehistory. It all started after World War II when occupied Western territories switched sides and started to fight for Nazi Germany to gain Ukraine’s independence from the Soviet Union. The Ukrainian East with closer ties to the Soviet Union felt betrayed and could hardly ever forget.

In the Ukrainian media “Colorado beetle” ([Українян: kolorads’kyy zhuk](#)) was used as a derogatory word for the pro-Russian demonstrators and militants, in reference to the Ribbon of St. George they wore. In Western media, there is a special interpretation of this expression. Daisy Sindler, for example, in her article “What’s Orange and Black and Bugging Ukraine?” connects this expression to the imperialist conspiracies and foreign invasions: «It’s not just the ribbons that have Ukrainian loyalists drawing parallels with Colorado beetles. For post-Soviet citizens, the unloved, destructive insects are also synonymous with imperialist plots and foreign invasions. The bugs — which reportedly originated in the U. S. state of Nevada, not Colorado — first appeared on Soviet territory in the wake of World War II, when they

were believed to have been unwittingly transported to Europe alongside American troops. The Warsaw Pact countries, fearing a food shortage, decried the voracious outsiders as a CIA plot to destroy Soviet agriculture. Officials launched a region-wide campaign to wipe out the beetle, villainizing them in propaganda posters and pulling schoolchildren from class to gather the bugs and drown them in buckets of benzene or spirit» [4]. Thus, it is evidently seen how the strategy of discrediting is successfully implemented. This is due to the fact that Western countries do not recognize the legitimacy of the Crimean referendum and call a voluntary integration of the Crimea to Russia as «Russian aggression and annexation of Crimea».

Russian media keep on covering the civil war casualties and hardships of the fraternal people of Ukraine. Hardly ever a single news broadcast is devoid of reports from the front, besides, as a rule this coverage makes a headline, which implies the importance and top priority of these data. Hence, this information has a certain meaning, a code, if you want: “We are not indifferent to your fate, we feel related”. And this is meant not only for the Russian viewers, but also for Ukrainian few who still carry on watching Russian channels via satellite television.

No wonder it is hard or even impossible to break one’s world image, to persuade someone in the opposite because we are raised in a certain community with a definite ideology and perception of the world. Collective consciousness has roots in our families, ancestors, i. e. family history, hence, it is deeply engraved in our minds.

The authors conclude that media representations differ because of the collective consciousness, world-image and national ideology of various counterparties. And that is where the problem of truth arises. We consider that there is no such thing as absolute truth, everyone has his/her own truth or perspective, i. e. what you believe in, and it is hard or even impossible to change one’s world view because we are raised in a certain community with a definite ideology and perception of the world. Collective consciousness is deeply engraved in our minds because of family history, upbringing, and propaganda. It is in vain to try to break one’s world image, and it is no use to persuade someone in the opposite.

In the surreptitious realm of world politics a common person is often puzzled or even at a loss what to make out of what is going on. That is when media conveniently come to help and interpret the events to mold public opinion. The mass media impose the dominant ideology on the rest of society, and the connotations of words and images are fragments of ideology that perform an

unwitting service for the ruling elite. The antagonism of East and West is the objective reality, whereas mass media is a tool in hands of politicians to win the hearts and minds of the majority.

The phenomenon of discourse between various societies is not only an external function, but the basis for the existence and development of these societies themselves. The analysis of discourse of this kind is

particularly relevant today, when such concepts as history of the world, global economic and political processes, and human values have become reference points of human being. Mutual understanding is possible only under the condition of recognizing the rights of others (the man, ethnos) for being the subject of other values at the level of concrete representation and at the same time, the bearer of universal values and senses.

References:

1. Larson Ch. U. Persuasion: reception and responsibility./Ch. U. Larson. Wadsworth Publishing Company. – Belmont, Ca, 1995.
2. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.oxfordlanguagedictionaries.com>.
3. Higgins A. In Ukraine, Russia Plays a Weighted Word Game./The New York Times. – 16 April 2014.
4. Sindelar D. What's Orange And Black And Bugging Ukraine?/Voice of America. – 28 April 2014.

*Karova Tanzilya Djamalovna,
municipal educational institution «Gymnasium № 28»,
the city of Nalchik, the teacher
E-mail: karova_1979@mail.ru*

Classification of antonyms by the degree opposites in Karachay-Balkar language

Abstract: The article is devoted to the study and classification of antonyms, depending on the degree opposites of their values. It is noted that between the members of binary oppositions the opposition of values can be expressed in different degrees, indicating full or partial contrast.

Keywords: antonyms, degree of oppositions, binary oppositions, a complete contrast, partial contrast.

*Карова Танзиля Джамаловна,
муниципальное казенное общеобразовательное
учреждение «Прогимназия № 28»,
город Нальчик, преподаватель
E-mail: karova_1979@mail.ru*

Классификация антонимов по степени противоположности в карачаево-балкарском языке.

Аннотация: Статья посвящена изучению и классификации антонимов в зависимости от степени противоположности их значений. В ней отмечается, что между членами бинарных оппозиций противопоставленность значений может выражаться в разной степени, обозначая полный или частичный контраст.

Ключевые слова: антонимы, степень противоположности, бинарные оппозиции, полный контраст, частичный контраст.

При исследовании антонимов карачаево-балкарского языка, наряду с другими критериями, следует учитывать тот факт, что не все бинарные оппозиции имеют одинаковую степень противоположности. Актуальность статьи определяется значимостью изучения нетождественности противоположных отношений между компонентами антонимических

опозиций в карачаево-балкарском языке. Признак, по которому противопоставлены пары антонимов, может проявляться в разной степени. «Одни слова в большей степени приспособлены в языке для выражения антонимических функций, другие — в меньшей, третьи — совсем не приспособлены для этого» [1, 103]. В зависимости от степени

противопоставленности значений многие лингвисты выделяют полные (симметричные) и неполные (асимметричные) антонимы. Исследователь антонимов русского языка М. Р. Львов предлагает классифицировать антонимы по степени антонимии и считает, что «большие трудности в лексикографическом описании антонимов связаны с тем, что степень антонимии различных пар неодинакова» [2, 32].

В исследуемом языке проблема антонимии рассматривалась в работах Гужеева Ж. М., Отарова И. М., которые выделяют языковые и контекстуальные антонимы. Отаровым И. М. отмечается, что «в зависимости от различительных признаков, которыми обладают слова с противоположным значением, могут быть выделены антонимы языковые и контекстуально-речевые» [3, 35].

В карачаево-балкарском языке по степени противоположности значений антонимы можно разделить на три группы: полные, неполные и контекстуальные антонимы. Полную антонимию выражают не все пары антонимов. Например, антонимы **онг** — **сол** «правый — левый», **гитче** — **мазаллы** «маленький — огромный», **бал** — **таш** «мед — камень» неравнозначны. В первом случае имеет место полная антонимия, так как каждый член противоположен другому всем объемом лексического значения. В данной бинарной оппозиции употреблены антонимы, широко и регулярно противопоставляемые в самых различных контекстах. Во втором случае антонимы **гитче** «маленький» — **мазаллы** «огромный» выражают более слабую противоположность. Слово **гитче** — «маленький» следовало бы противопоставить слову **улуу** — «большой», но антонимами являются и **гитче** «маленький» — **мазаллы** «огромный». Ослабление степени противоположности в данном примере объясняется тем, что второй член обладает дополнительным оттенком значения, то есть **мазаллы** — «огромный» означает не просто «большой», а «огромный», отличающийся своей необъятностью. Обычно слово **мазаллы** «огромный» употребляют тогда, когда говорят о чем-то гигантском необъятном по размерам. С другой стороны слово **мазаллы** производит на человека определенное впечатление, воздействующее на эмоции. А слово **улуу** «большой» не обладает экспрессией. Антонимы **гитче** «маленький» — **мазаллы** «огромный» являются неполными антонимами, так как «одним из условий для антонимического ряда является единая стилистическая окраска для обоих членов ряда» [3, 34]. Противоположные слова **гитче** «маленький» — **мазаллы** «огромный» относятся к разным стилям и не могут систематически

появляться в одних и тех же антонимических контекстах. Однако, слова в таких парах выражают противоположность, а значит, являются антонимами.

А в третьем случае степень противоположности значений ограничена и наблюдается только контекстуально: **Тили** — **бал**, **жюреги** — **таш**. «Язык — мед, а сердце — камень». Слова **бал** и **таш** по своему значению не выражают противоположности, но в речи в определенном тексте они могут противопоставляться.

Полные антонимы в карачаево-балкарском языке характеризуются способностью выражать значение полного контраста и независимостью от контекста. Напр., **улуу** — **гитче** «большой — маленький», **шүёх** — **душман** «друг — враг», **бушуу** — **кьюанч** «горе — радость», **аман** — **иги** «плохо — хорошо» и т. д.

Полные бинарные оппозиции относятся к одному семантическому ряду. Например, **кёк** — **жер** «небо — земля», обозначают противоположные стороны пространства; **кыыш** — **жай** «зима — лето» противоположные времена года; **татлы** — **ачы** «сладкий — горький» обозначают противоположности вкусовых качеств; **акъ** — **къара** «белый — черный» противоположности по цвету и т. д.

Следует отметить, что полные антонимы могут сохранять значение контраста в различных частях речи. Например, **байлыкъ** — **жарлыкъ** «богатство — бедность» (существительные), **бай** — **жарлы** «богатый — бедный» (прилагательные), **бай** — **жарлы** «богато — бедно» (наречия) и т. п.

Полные антонимические оппозиции выражают грамматическую соотнесенность обоих членов антонимической пары (**сат** — **ал** «продать — купить», **сатыу** — **алыу** «продажа — купля» и т. д.), возможность закрепиться парами в памяти людей, чему способствует произношение одного члена вызвать в сознании возникновение другого члена антонимической пары. Например, **тынч** — **кыйын** «легкий — трудный», **узун** — **кысха** «длинный — короткий», **ачы** — **татлы** «горький — сладкий» и т. д.

В карачаево-балкарском языке неполными антонимами можно называть такие бинарные оппозиции, которые отражают не одинаковую, а различную степень проявления противоположных свойств, признаков и качеств. Такие антонимы указывают на степень усиления признака или градацию. Например, **ариу** — **суйдюмлю** — **эриши** «красивый — симпатичный — некрасивый»; **арыкъ** — **толу** — **семиз** «худой — полный — толстый»; **аман** — **мажал** — **иги** «плохой — лучший — хороший» и т. д. Как видно

из примеров, полную антонимию выражают крайние симметричные члены (**ариу** — **эриши**, **арыкъ** — **семиз**, **аман** — **иги**), а средние же указывают на возрастание или убывание степени признака и являются неполными антонимами (**сюйдюмлю** — **эриши**, **толу** — **семиз**, **аман** — **мажал**) и т. д.

Компоненты неполных антонимов, как было сказано, отличаются стилистической нетождественностью. Например, **ариу** «красивый» — **жапысыз** «неприглядный», **акъыаллы** «умный» — **сылхыр** «ошалелый», **биле** «точить» — **гумухла** «затупить», **жуукълаш** «приближаться» — **узакълаш** «удаляться», **къала** «дворец» — **гыты** «хибара», **семиз** «толстый» — **къылле** «худой» и т. д. Первые члены антонимических пар являются книжными словами, а вторые принадлежат к разговорной сниженной лексике. На наш взгляд, слова в таких оппозициях выражают противоположность, несмотря на их стилистическое разнообразие, а значит, их можно назвать неполными антонимами. Такие пары антонимов встречаются в пословицах: Жарлыны **гытысы** байгъа **къала** кёрюнюр (Нарт сёз). «Хибара бедного богатому дворцом кажется» (пословица); **Акъыаллыны** аллы бла оз, **сылхырны** арты бла оз (Нарт сёз). «Обходи умного спереди, дурака — сзади» (т. е. не связывайся) (пословица).

Выражая частичную противоположность, неполные антонимы обладают различными оттенками идеографических значений, которые воздействуют на эмоции человека. Такие антонимы наиболее точно выражают мысль, создают необыкновенно яркий образ. «Противоположность значения может возникать в зависимости от желания говорящего придать дополнительную экспрессивность своей речи, при которой положительная или отрицательная оценка выражается в зависимости от намерений говорящего» [2, 37].

Болду сенде, эски юйюм,
Тоюм да, **жиляуум** да.

Бюгюн билмейме кесим да,
Жиляймамы, жырлаймамы?
Туугъан жерими юсюнде
Къууаннгандан **жиляймамы?**

В этих примерах контекстуальными антонимами являются пары слов **той** «пир» — **жиляу** «плач», **жиляймамы** «плачу» — **жырлаймамы** «пою». Степень противоположности данных пар антонимов ограничена и зависит от ситуации и контекста.

К неполным антонимам в карачаево-балкарском языке относятся и слова семантически однородные, но одновременные по характеру противопоставления, то есть один из членов бинарной оппозиции является устаревшим словом. Например: *Да, кертиди, адамны жашаууу ауалы болгъан кибик, ахыры да болады — къартаяды, ёледи...* («Малкъар халкъ жомакъла») «Да, верно, жизнь человека как имеет **начало**, так имеет и **конец** — стареет, умирает...» Антонимы **ауал** — **ахыр** «начало — конец» являются неполными, так как слово **ауал** относится к устаревшей лексике.

В карачаево-балкарском языке противоположность значения могут выражать антонимы, как в прямом, так и в переносном значениях. Например, слово **къалын** в значении «густой» имеет антоним **жукъа** «жидкий» (**къалын сют** — **жукъа сют** «густое молоко — жидкое молоко»). А в переносном значении **хуржуну къалын** — **хуржуну жукъа** дословно обозначают «толстый карман» — «тонкий карман» (то есть «богатый — бедный»). Рассмотрим другие примеры: **къарыулу** — **къарыусуз** «сильный — слабый» **къарыулу жаш** — **къарыусуз жаш** «сильный парень — слабый парень», **къарыулу жашайдыла** — **къарыусуз жашайдыла** «живут богато — живут бедно»; **жумушакъ** — **къаты** «мягкий — твердый», **жумушакъ гыржын** — **къаты гыржын** «мягкий хлеб — твердый хлеб», **жумушакъ адам** — **къаты адам** «добрый человек» — «жестокый человек» и т. д.

В исследуемом языке есть слова, которые не являются антонимами в прямом и переносном значениях, но могут стать ими в окказиональном употреблении в том или ином контексте, противоположность их значений не закреплена в языке и носит индивидуально-авторский характер:

Проводились у тебя, мой старый дом
И **пир**ы, и **плачи**.

(К. Мечиев)

Сегодня не знаю я сама,
Плачу или **пою**?
На своей родной земле
От радости ли **плачу**?

(Т. Зумакулова)

Синтагматическим антонимам в исследуемом языке характерна ситуативная противоположность, выраженная в определенном контексте, за рамками которого поляризация слов утрачивается. Например, **къабыр** — **бешик** — «могила — люлька», **жаныуар** — **адам** — «животное — человек» являются антонимами только в определенном тексте:

Ёлюм жашауну чюйресиди,
къабыр — бешикни,
 кече — кюнню,
 къыш — жазны
жаныуар — адамны ...

Смерть противоположность жизни,
 могила — люльки,
 ночь — дня
 зима — лета
 животное — человека ...

(М. Ёльмезов)

В данном стихотворении языковые и контекстуальные антонимы употребляются параллельно, что способствует созданию резкого контраста.

Следует обратить внимание на то, что не все слова, противопоставленные в тексте можно относить к антонимам. Хотя, по мнению Н. М. Шанского, в антонимичные отношения могут вступать и синонимы: «Обозначая одно и то же явление действительности, под пером писателя они могут превращаться в ряде случаев, по существу в контекстуальные антонимы: *не помер, а издох; не глаза, а очи*» [5, 164]. Такое понимание контекстуальных антонимов, на наш взгляд, является слишком широким, так как в языке не будет слов, которые не могли бы стать антонимами. Контекстуальные антонимы, как и языковые, «должны выражать противоположное значение и соотноситься с языковыми» [6, 23]. Например, в пословице **Умут тау башында, ажал имбашында** «*Мечты на вершине горы, а смерть за плечами*» контекстуальные антонимы **тау башында — имбашында** выражают противоположные пространственные признаки и соответствуют языковым антонимам «далеко — близко». В пословице **Бал тамгъан тилден ууда**

тамады «С того языка, с которого капает мед, капает и яд» противоположное значение выражают слова **бал — «мед» и уу — «яд»**. Данные контекстуальные антонимы противопоставлены по признаку вкуса и соответствуют антонимам языка *сладкий — горький*.

Анализ фактологического материала показывает, что не все пары антонимов карачаево-балкарского языка выражают одинаковую степень противоположной семантики. Полные антонимы характеризуются тем, что каждый член бинарной оппозиции противоположен другому всем объемом лексического значения. Такие антонимы отличаются независимостью от контекста, закреплённостью к одному семантическому ряду. Среди неполных антонимов можно выделить семантически неполные, стилистически неполные и разновременные по характеру противопоставления. Для контекстуальных антонимов характерны следующие особенности: зависимость от определенного контекста, так как вне текста утрачивается противоположность значений; индивидуально-стилистическое использование, которое не закреплено в языке; соотнесенность с языковыми антонимами.

Список литературы:

1. Новиков Л. А. Избранные труды. Проблемы языкового значения. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – т. 1. – 672 с.
2. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка под ред. Л. А. Новикова. – М., 1984. – С. 32.
3. Отаров И. М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: изд-во Эльбрус, 1996. – С. 34, 35.
4. Махиева Л. Х., Карова Т. Д. Энантиосемия в карачаево-балкарском языке. // Известия КБНЦ РАН. – Нальчик, 2014. – № 5 (6). – С. 235–239.
5. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. – М., 1958. – С. 164.
6. Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов-на-Дону, 1995. – С. 23.

Kasymova Zhanat Perdebekovna,
 Al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan, Teacher
 E-mail: zhanat_kasymova@mail.ru
 Sapayeva Gulzhan Edigeevna, Teacher

Problems of poetic translation

Abstract: The article is devoted to poetry itself and its peculiarities and analyzes problems of translation of poetic works. It shows that translation is a tool of social, economic, spiritual, scientific communication between people, tribes, nations, nationalities and a tool of friendship, cooperation, apprenticeship exchange.

Keywords: literary translation, idea, content, source, words, poetics, translator, poetry, aspects.

Translation of fiction is a creative art. It means that it is a word, it is an integral part of literature, publicists. In ancient times translation was a tool of intercommunication and mutual understanding between people of different societies.

Translation work is a true creative art. A translator is a child of his people, his environment, and the time he is living in now. It means he should know two languages perfectly, moreover he'd better be a writer, a poet, and a scientist at the time. Translation quality depends on his talent, knowledge, and his cultural sensitivity and experience in general.

Generally speaking, if discuss translations of poetic works, there a lot of peculiarities of translating poetry.

"Poetry is an art of word, a priceless model of artistic mastery. What's more, poetry has a great capacity to describe important social events and phenomenon. It is a great tool of acknowledging surrounded world and life and a big productive area of our social consciousness, artistic and aesthetic feelings. That's why imagery and figurativeness of words in poetry take its source from the real life and are closely connected with it. Mastery of using an appropriate word, artistic mastery are intimately related with skills of perception and comprehension of life phenomenon and strength of thinking and consciousness" [1, 7].

Poetry has a feature to give deep meaning by using few words, at times a short and small work thoroughly introduces the way of living, culture, history, customs and traditions of a certain country. Several couplets of a poem can attract a person's inner world and make them think about most cryptic things. Poetry is a higher form of national language existence. In poetic creativeness it is felt the spiritual side, historical peculiarities, cultural development, and language capacity of a certain nation. Understanding poetry of a foreign nation means perception of their behaviour and manners and a sensitive world of foreign culture. Language of poems is characterized as a special model of lexis. Required by the form of the poem a method of constructing includes short and small, imaginary, beautiful and romantic, stressed and rhythmic lines, whereas the idea of the text ornaments it in an artistic and sophisticated and accurate way.

One of the peculiarities of poetry is its rhythmical formation. Rhythm in a poem has its own meaning. Rhythm connects thoughts that are described in a poem by their meaning and summarizes and concludes it. Rhythm given in lines as a harmony of words which are similar in pronunciation in order to describe thoughts of an author correctly is the main structural part of poetry.

It is one thing to write a line of poems by their meaning, and it is totally another thing to rhyme them skillfully. Rhythm in a poem has a function of harmonizing, collecting and classifying words meanings. In translation rhythm cannot be repeated accurately as in the original. It is impossible. However it mustn't lose its own feature based on rhythm. Although rhythm is constructed differently in a translation text, a poem should save its inner rhyme, melody and intonation and be ornamented by impression and power of its meaning.

Speaking about problems of translation of poetic works, translation of world poetic works into our Mother tongue and works in Mother tongue into world languages has always been challenging. It is doubtless that translating outstanding and meaningful works of a certain nation is one of the most helpful things nowadays. If an original text is a national poet's work of a certain nation and its national features are clear and understandable, in this case in order to translate it is required from a translator not only a big responsibility, but also a great talent. It means that a translator's talent should be the unique one. And it is important to estimate it correctly. There are some differences in translation of poetry and prose. A translator of fiction should not depart from the original text and works only within its system. As for poetry a translator harmonizes his own thoughts with the author's thoughts and makes his lyric feelings be expressed. However, he doesn't clash with the original text, its content and form. "When a poet reveals a group of events which were the basis for creation of another poet's work, only in this case a translator's work will be successful and gain a poetic feature" [2].

Actually, the main requirement for a translation work is transmitting artistic and ideologic state and aesthetic sensation of the original text. It is necessary not to translate a word for word, but the author's idea. In poetic works it also depends on what kind of devices such as intonation, rhythm, rhyme, imaginary elements an author used at a certain level. Translations of poetic works have a positive effect on enlarging our native literature's aesthetic opportunities and enriching our literary language.

Nowadays a problem of translation from Russian into Kazakh hasn't been investigated at length. And there few scientific works devoted to translation of Kazakh fiction into the Russian language. For instance, a scientist N. Sagandykova tried to research above mentioned problem at length in her candidate and doctoral dissertations. Her works are devoted to poetic translation. She mainly analyzed the history of translation of poetic works into the Russian language and methods and

approaches used in translations [3, 4]. The scientist says: "There were little serious research about the principles, methods and quality of the translations of the Kazakh works into Russian. The translation of the Russian classics into the Kazakh language was much more studied and discussed".

When we discuss about if we have learned classics of the Kazakh literature and could we introduce them to the world, the first question that springs in mind is what is the level of translation of Kazakh writers' works and whether they are satisfactory in terms of quality. Because it is obvious that Kazakh writers are being translated into other foreign languages except related ones such as Kyrgyz, Uzbek languages through the Russian language. Their readers are not only Russian people, but representatives of other nationalities who know Russian very well and their number is quite big. That's why the importance of the problem doesn't need special proof.

It is a big disadvantage that works of many Kazakh poets haven't been transmitted into Russian not changing their content, artistic power and impression yet. There are many reasons of this tendency and they are being widely discussed. For example, these works have been translated by translators who don't know Kazakh, what's more translators haven't been responsible for the works and have translated them in a hurry, they have divided the works and skipped some parts — these facts can explain many things.

A prominent translator G. Belger says: "... the main disadvantage of translating works of the Kazakh literature into Russian is simplifying the original text. A translator might not understand the author's idea in the work or might not know the language in which the original work is written or know it slightly, even he/she can be a person who is responsible for their work. As a result outstanding Kazakh pieces of fiction lose their beauty and artistry and turn into poor and plain works" [4, 45]. This has a great meaning. G. Belger means by a phrase 'a translator who simplifies' translators who don't feel responsibility for translation. Especially he warns to be careful in translation of Kazakh poets and writers' works into the Russian language.

It is true that poetry Abay and Sultanmakhmud, prose of Auezov and Musirepov have been translated into Russian saving their beauty and impression. This can be said about many writers who are contributing in development of the Kazakh literature by their works.

We will understand a lot if compare the original text with a translated variant. In this case we reveal some differences in the language of original work and translation

work. A language in which the original work is written respects the rules of the Kazakh language, understandable and clear, while a translation sentences are constructed incorrectly, words are not properly chosen and it is hard to read; it will be clear that this one is translation.

To our mind, it has two reasons except a translator's ability to use the language skillfully. Firstly, while translating from Kazakh we don't pay attention to special peculiarities of both languages and formation types of some word combinations according rules of a certain language, and try to attach them unwillingly that is translate them literally. Or course, it should be accurate as much as it is possible. However we need to understand 'accurate translation' as translating accurately and use it in this term. In process of translation we have to pay attention to understanding a meaning of a certain Kazakh notion in a proper way and by means of what words it can be translated into Russian. A language of Russian works translated into English, French has no difference from the original text, there are even many idioms and proverbs which are peculiar to the Russian language only. That's a language of works which are translated in Kazakh should be similar to the original one.

In translations of works of related nations into Russian a quality of the Russian language seems to be wasteful and poor. Apart from few works, translators of poetry and prose works cannot use riches, impressive devices of the Russian language. This kind of translators usually copy the original text in a 'line-to-line' way and make the original text lose its beauty and artistry, sometimes be very plain. That's why in the Russian criticism the translated prose is considered to be a shoddy, low-quality model of literary language. Although it is difficult to admit, this is a case which afflicts us very much. In addition, there are also some stylistic and imaginary peculiarities, artistry feature or national characteristics of the original which might be skipped in process of translation into Russian. For instance, in translations it is not felt such things as differences in historical periods, historical appropriateness in character's speeches or author's comments; there is no difference between speech manners of characters from various social groups.

"Although the origin of this kind of translations are Kazakh, Uzbek, Latvian, Tatarian, Armenian, they speak Russian fluently. This fact shows that a translator is a good Russian writer and a master of the language. Nevertheless he doesn't connect his own style to the style of an author which is going to be translated. Moreover, the translator thoroughly investigates a language and thinking world of an author. He/she begins to translate

only after researching all materials referred to the original work. He learns about history of the nation described in the work and gets introduced with the time and environment characters of a book live in. A great writer, a talented translator: this kind of translators, unfortunately, is rarely met" [5, 85].

That's why we need to be responsible for translation of outstanding Kazak works. We cannot give them to everybody, but a high-qualified and experienced translator, we must protect our works from squish?! In order to prevent these problems we need to make the requirements for translation higher, what's more it is necessary to strengthen the activity of publishing houses and editor's offices and to discuss and immediately find solutions to problems and difficulties occurred in process of translation at the meeting of editors by involving linguists too.

A piece of fiction is a single work which unites content and form. It is impossible to consider its idea, content and depth of thoughts or idea and form separately. Consequently, one cannot translate them separately with different methods. A piece of fiction itself is a concise appearance of reality by imaginative description. The main requirement of every piece of art is to understand a life realistically and describe it in an exact way. A poetic translation, first of all, is a piece of fiction. It means that translation is a variant which is done by

understanding reality depicted in the original language and described by systems of images of the target language. Thus, requirements for description of objective reality in the original and its translation are the same. It means that the methods and approaches that the author uses in depicting certain phenomenon of life are compulsory for a translator, too. In order to reveal the meaning of accurate translation we need to consider requirements for fiction in general.

Accordingly, the main requirement for the translation of fiction is transferring the reality of the work in a proper way.

A translator sees the reality of life through the original text. And through the author, too. That's why the bigger the role of the concrete image of life is for the author of the original text, the more important the original text is for the translator. "On this basis there are three requirements for a translator: firstly, to transfer reality described in the original text correctly. Secondly, to give the idea of the original work without any corruption. Finally, not to break accepted system of the mother tongue. Other issues can be solved on the basis of these three requirements" [1, 4].

It is obvious that following all the requirements doesn't give absolute accurate translation and it is impossible that a translator's individuality isn't felt.

References:

1. Akhmetov Z. Olen sozdin teoryasy – Almaty: Mektep, 1973.
2. Karatayev M. Poeziya muraty. //Kazakh adebieti. – 1971, 23rd September.
3. Sagandykova N. Osnovy khudozhestvennogo perevoda. – Almaty: Sanat, 1996.
4. Belger G. Oda perevodu. – Almaty: Daiyk press, 2006.
5. Auezov M. Korkem audarmanyn keibir teoryalyk maseleleri. //Uakyt zhane adebiet. – Almaty, 1962.
6. Satybaldiyev A. Rukhani kazyna. – Almaty: Zhazushy, 1987.

*Lysseyko Larissa Vladimirovna,
Staatliche Schwarzmeer-Universität namens Petro Mohyla,
Kandidat für philologischen Wissenschaften,
Dozentin des Lehrstuhls für Germanistik Mykolaiv, Ukraine
E-mail: lora_mak@yahoo.de*

Präzisierende Norm des Mittelhochdeutschen

Abstrakt: Der Artikel untersucht die Grenznormen des grammatischen Systems. Es werden die oberen und unteren Grenzen der Sprachnorm erforscht. Eine obere Grenze ist die quantitative und eine untere die strukturelle. Es wird eine Analyse durchgeführt, die sich mit den morphologischen und syntaktischen Besonderheiten der deutschen Sprache des Mittelalters befasst.

Stichwörter: Obere Grenze der Norm, untere Grenze der Norm, die Syntax, die Morphologie, die Zusammensetzung.

In der Sprachkunde gibt es Normen, die ausschließlich zum grammatikalischen System zählen und als Grenzwerte der Norm gelten. Nach der Meinung von K. Bühler, O. Funke, H. Glinz, W. Havers gilt dieser Begriff nur für ein begrenztes Volumen und bei einer Konstruktion, in denen sich die obere und untere Grenze unterscheiden [3; 5; 6; 7]. Beide Grenzen bilden sich unterschiedlich. Die obere Grenze ist die quantitative und die untere die strukturelle. Die obere Grenze gilt nach Untersuchungen von E. Otto und F. Mayer als unbestimmt und undeutlich, die in der Regel, nicht kodifizierbar ist. Im Gegenteil dazu ist die untere deutlich geprägt und kann kodifiziert werden. Gleichzeitig sind beide Grenzen instabil und können sich im System der Sprache, vor allem bei der oberen, verschieben [9; 7].

Bei der Berücksichtigung der einzelnen Stile ist zu beachten, dass sich die syntaktischen Strukturen und morphologischen Bildungen in den Texten der verschiedenen Arten trafen.

In einem publizistischen, öffentlichen, konfessionellen, wissenschaftlichen Stil, und auch in den Werken der Gebrauchsliteratur und in der schönggeistigen Literatur, in den Texten des Heldenepos, der Lyrik und des Dramas sieht die Norm folgenderweise aus: Die obere, quantitative Grenze bildet sich auf allen grammatikalischen Ebenen, die offen strukturiert sind, d. h. sie kann durch neue Mitglieder ergänzt werden. In erster Linie betrifft dies die Gruppen von Wörtern, einfachen und komplexen Sätzen. Jede der genannten, grammatikalischen Einheiten kann eine beliebige Anzahl von beordnenden und unterordnenden Komponenten anfügen [10].

Einerseits können die wichtigsten Satzglieder durch die Bildung einer unendlichen Kette von gleichartigen Gliedern unendlich ergänzen: *diu schænen wîp, der guote wîn* — ‘eine schöne Frau, ein guter Wein’; *der winter, der lenze, der sumer, der herpst* — ‘Winter, Frühling, Sommer, Herbst’; *ein roß, ein wolff, ein hunt, ein gans, ein gouch* — ‘ein Pferd, ein Wolf, ein Hund, eine Gans, ein Kuckuck’; *Rôme, Megenze, Kölne* — ‘Rom, Mainz, Köln’; *vischen, krebzen, karpfen sint driu wundertier* — ‘Fische, Krebse, Karpfen sind drei Wundertiere’; *ochsen, esel, guoche* — ‘Ochsen, Esel, Kuckuck’; *sin bluot, sin lop, sin list* — ‘sein Blut, sein Lob, sein Trick’ [4].

Die angeführten Situationen der untersuchten Stile zeigen die obere quantitative Grenze, die durch Hinzufügung der gleichartigen Satzglieder bei der Aufzählung der dargestellten Ereignisse oder bei der Beschreibung einer bestimmten Situation gebildet wurde.

Andererseits werden abhängige Glieder des zweiten Grades wie das Attribut oder adverbiale Bestimmung

hinzugefügt, die wiederum durch zahlreiche abhängige Satzglieder des dritten Grades ergänzt werden können. Währenddessen können die unterordnenden Satzglieder durch gleichartige Satzglieder aufgebaut werden. Nicht nur einfache Sätze, sondern verschiedene Arten von Satzgefügen können durch die Nebensatzglieder erweitert werden: *so ein mensch ist doch getrittet in din vruntschaft, so ist der erste trit dar nah, daz er sich und bereite beweglich setzte uf leiden* — ‘sowie ein Mensch doch in deine Freundschaft getreten ist, so ist der erste Schritt dann nah, dass er sich auf Leiden vorbereitete’; *swie ich ahn zweifel bin, dass mein nachfolget fuhrnemen van etlichen für die unwissenheit und thorheit gerettet wird, dorum daz sie ein kleine vernunft und ein ungelerte geringe verständnuss darin finden, dann ich weiz das wol, daz kleiner verstand und geringe kunst in diesem meinem nachfolgete büchlein erfunden wirt* — ‘sowie ich am Zweifeln bin, dass meine nachfolgende Absicht von Etlichen vor der Unwissenheit und Torheit gerettet wird, weil sie wenig Vernunft und ein ungelehrtes, geringes Verstandnis darin finden, denn ich weiss das wohl, dass wenig Verstand und geringe Kunst in diesem, meinem nachfolgenden Buechlein erfunden wird’ [4].

Außer der Syntax gibt es in der deutschen Sprache zusammengesetzte Wörter, die auch in der Lage sind, sich bis ins Unendliche zu erweitern. So bildet jedes deutsche Kompositum die Grundlage für eine neue Zusammensetzung mit dem Ziel einer klareren Definition und einer größeren Konkretisierung: *prudir + schaft* — ‘Bruderschaft’, *frowen + êre* — ‘die Ehre einer Frau’, *der stat + porte* — ‘die Tore der Stadt’, *des christen + name* — ‘Name des Christen’, *bar + fusz + regel* — ‘Barfußregel’, *vrunt + schaft* — ‘Freundschaft’, *hayl + prun* — ‘der heilige Brunnen’, *tochter + man* — ‘der Mann der Tochter’, *narren + zunfft* — ‘die Zunft der Narren’, *handt + wreck* — ‘Handwerk’.

Der angegebene Prozess weist darauf hin, dass die Bildung von zusammengesetzten Wörtern gemeinsame Züge mit der Bildung von syntaktischen Konstruktionen bezüglich der Unbegrenztheit der Bildung hat. Wie die angeführten Beispiele zeigen, wurden die Wortformen durch Ergänzung der Suffixe, durch die Zusammensetzung verschiedener Wortstämme gebildet, die zu verschiedenen Wortarten gehören könnten.

Im Gegensatz dazu sind morphologische Einheiten geschlossen. Die Anzahl der grammatikalischen Kategorien, in denen Sie Grundmorpheme ersetzen, ist sehr begrenzt. Zu ihnen können Hilfmorpheme hinzugefügt werden, die das Grundmorphem ergänzen. In der deutschen Sprache verfügen syntaktische Strukturen und Komposita über die Fähigkeit, sich theoretisch unendlich zu erweitern [1; 5, 24]. Diese zusammengesetzten

Bildungen in deutscher Sprache sind bezüglich ihre Bestandteile offen: *der priester* — ‘der Priester’, *priesterschaft* — ‘Priesterschaft’, *macht* — ‘macht’, *mächtig* — ‘gigantisch’, *sunne* — ‘Sonne’, *sunnelich* — ‘sonnig’, *künec* — ‘König’, *künelich* — ‘königlich’, *ritter* — ‘Ritter’, *ritterschaft* — ‘Ritterstand’, *minne* — ‘Liebe’, *minnelich* — ‘lieblich’, *gedult* — ‘Geduld’, *gedultklich* — ‘geduldig’, *kiusche* — ‘Tugend’, *kiuschheit* — ‘Keuschheit’, *lid* — ‘leiden’, *lidend* — ‘leidend’, *zunfftig* — ‘zünftig’.

Daher zeigen die skizzierten Theorien, dass die obere Grenze in einer bestimmten Zeit während der Entwicklung der deutschen Sprache und in verschiedenen funktionalen Stilen sehr stark schwanken kann. Die Sprache verfügt über eine große Chance zur Bildung und Entwicklung von komplexen syntaktischen Strukturen. Vor allem betrifft dies die Form der Kommunikation (mündlich oder schriftlich), den Grad der Unmittelbarkeit, die Vorherrschaft der Gefühle oder der Abstraktionen während des Aktes der Kommunikation, den vorhandenen Bestand der morphologischen Formen und synonymischen Formationen. Durch die aufgezählten Faktoren kann sich die obere Grenze vom Sichtpunkt des Umfangs und der Entwicklung versetzen. Das bestätigt folgendes Beispiel: *so bist du in dem ellenden jammertal, in dem liep mit leide, lachen mit weinenne, vrod mit trurkeit vermischt ist, in dem ganz vrodde herz nie gewan* — ‘so bist du in dem elenden Jammertal, in dem Liebe mit Leid, Lachen mit Weinen, Freude mit Traurigkeit vermischt ist, in dem das Herz nie ganz Freude gewann’ [4].

Im Gegensatz zur oberen kann die untere Grenze der Norm bezüglich des Umfangs und der Konstruktion der syntaktischen Strukturen durch die quantitativen Merkmale bestimmt werden. Null gilt als Grenze der Verkürzung des minimalen Grades der bestehenden Komponenten der Bildung. Dieser Prozess führt zu einer Kürzung des Satzes bis in die letzte Komponente, so dass am Ende nur eine Wortform bleibt. Dies zeigt sich in den Texten, wenn statt Anregungen oder Fragen, Trennzeichen und bei der Rede Gesten benutzt werden. Trennzeichen und Gesten gelten nicht als Nullformen der Kommunikation. In der Regel tritt nur das Wort vom quantitativen Sichtpunkt aus als die untere Grenze des einfachen Satzes auf. In anderen syntaktischen Strukturen ist es schwierig genug, eine Reduzierung bis zu einem Element zu minimieren [2, 26]. Der Prozess der Reduktion ist für die mittelalterlichen deutschen

Dramen typisch, in denen die Kommunikation auf Fragen und Antworten, Ausrufe und Nachrichten zurueckgeführt wurde. Die Sätze waren gar nicht lang: *rat an, ritter*. — *herr, ich waiß nicht* — ‘Rate mal, Ritter. — Herr, ich weiß nicht’; *Got sol uns ce helfe chomen* — ja — ‘Gott kommen sollte, um uns zu helfen — so’; *Jesus christ ist erstanden* — *der ist erstanden* — ‘Jesus ist auferstanden — er ist auferstanden’; *her, des habt imer dank!* — ‘Herr, dessen habt immer Dank’; *Rubin, ich se dort vil lute!* — *herre, da ist iamarkt hute* — ‘Rubin, ich sehe dort eine Menge Leute! — Herr, da ist heute Jahrmarkt’; *meister, dy rede were vns czu starck* — ‘Meister, die Rede war uns zu stark’.

In der Satzreihe erscheint die untere Grenze zum Beispiel im Satz, der aus zwei gleichwertigen Teilen besteht: *ich iu sage, liebe süne mîn, iu enwachset korn noch wîn* — ‘ich sage Euch, meine lieben Söhne, Euch wächst weder Korn noch Wein’; *mich ruowet Fruote ber mer und von Staufer war ich noch ein* — ‘mich beruhigt Freude über dem Meer und ich war noch einer von den Stauern’; *daz ist ez man klagt und sprechen su* — ‘das ist es, man klagt und spricht so’; *recht hat er und in nennit here* — ‘er hat Recht und man nennt ihn Herr’ [4].

Im Satzgefüge, das aus einem Haupt- und einem Nebensatz besteht, ist die untere Grenze der Norm: *frome die liute sint guot* — ‘selig sind die guten Menschen’;

lobistu, spricht Plato, eynen man daz er kommet ritters von slacht — ‘du lobst, sagt Plato, einen Mann, weil er nach ritterlichem Kampf von der Schlacht kommt’;

also tud ouch einem ritter wert, als sin cleid, sin togunt guot ist — ‘also legt auch ein Ritter wert darauf, wenn seine Kleidung und seine Tugend gut ist’ [4].

Nach Untersuchung der oberen und unteren Grenze der Normen, kommt man zu dem Schluss, dass für die mittelhochdeutsche Sprache die obere und untere Grenze gekennzeichnet ist, weil die syntaktischen Konstruktionen die Eigenschaft der Erweiterung durch die Zugabe von beiordnenden und unterordnenden zeigen. Dieselben Sätze verfügen über verschiedene Arten und Möglichkeiten der Kombination und Verknüpfung von Syntagma. Die Erweiterung des Wortschatzes kommt durch die Bildung der zusammengesetzten Wörter und morphologischen Variationen. Dem deutschen Mittelalter ist die rasante Entwicklung der Sprache eigen. In der analysierten Periode erfolgt allmählich die Normierung der Sprache unter Berücksichtigung der jeweiligen Besonderheiten des Stils.

Referenz:

1. Baumgärtner K. Zur Syntax der Umgangssprache. – Berlin: Wissenschaftsverlag, 1989.
2. Behagel O. Deutsche Syntax. – Heidelberg: Quelle & Meyer Verlag, 1986.

3. Bühler K. Sprachtheorie. – Jena: H. Popitz, 1998.
4. Eine neue Geschichte der deutschen Literatur./Geschichte der deutschen Literatur. – Berlin: University Press, 2007.
5. Funke O. Die innere Sprachform. – Reichenberg: v. Otto, 1924.
6. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. – Bern: Buchgesellschaft, 2001.
7. Havers W. Handbuch der erklärenden Syntax. – Heidelberg: Schulze Verlag, 1989.
8. Mayer F. Schöpferische Sprache und Rhythmus. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1959.
9. Normen der deutschen Literatursprache 2 Auflage 2. – Berlin: Akademie Verlag, 1976.
10. Otto E. Stand und Aufgaben der allgemeinen Sprachwissenschaft. – Berlin: Akademie Verlag, 1987.

*Sarsekeeva Natalya Kantalyevna,
Kazakh National University named after Al-Farabi
Candidate of Philology, Associate Professor
E-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru*

*Zhengis Nuraiym Nurkhatovna,
Kazakh National University named after Al-Farabi,
postgraduate student, the Faculty of Philology
E-mail: nukon_93@list.ru*

Communicative aspects of interpretation of artistic text

Abstract: The peculiarities of the author's narrative prose of Sasha Sokolov on the novel "School for the fools" are analyzed in this article. The necessity of differentiation of the author and the narrator & neutral style for a more accurate interpretation of the literary text is proved.

Keywords: author, motive, plot, hero, narration, image, chronotop.

Global changes occurring in the world today show that education is determined by many countries as a priority direction of social and economic development, the means of maintaining competitiveness and leading position in the global markets. Conditions for the existence of mankind in the XXI century urgently demand the transition to a strategy of development of society on the basis of dynamically updating knowledge and high-performance technologies, including rapidly developed communication strategies in philosophy, culture and other humanities. In view of the foregoing, we note that today there is paid special attention to the formation of communicative culture of the future specialist-philologist, teacher of language and literature. It is known that anthropometric model of language description, which has become one of the major achievements of the whole philological science of the twentieth century, is intended to increase attention to all manifestations of the activity of the text's author, which owns the role of organizing and synthesizing the beginning of all types described reality.

As part of this work is very important to be submitted as the leading global semiotic thoughts, ideas about the text as "meaning-device" that belong to Y. M. Lotman, and the types of intertextual communication, "artistic behavior" of recipient who perceives the text [1, 84].

The object of our attention is the activity of the implicit author, increasingly manifested in the works of contemporary world literature providing the opportunity for different reading the main story situations. It does not matter which one offers the reader versions or variants takes place in reality ("extra-textual" reality). Implicit author is interested not so much what is happening, but how it happens, and what the consequences for the further development of the plot conflicts has an occasion.

In this article the object of attention is the novel of contemporary Russian emigre writer **Sasha Sokolov** "A School for Fools". He is the only Russian writer of the second half of the twentieth century who was highly appreciated by **Vladimir Nabokov**. The famous Russian-American writer called this work "charming, tragic and touching book". It was the first novel of S. Sokolov published in the USA (1975) after his departure abroad. Prominent American professor of Slavic Studies Carl Proffer translated the novel into English and helped to publish in the publishing house "Ardis", United States. S. Sokolov's prose is the novels "Between Dog and Wolf" (1979) and "Palisander" (1985) became known for publication in the foreign publishing house and Russian readers could read them only during the adjustment period.

“School for Fools” is characterized by very complex narrative structure: in the novel sound different voices of the narrator — “student” and his counterpart, of his (their) mother, of the teacher Paul Norvegov, also called Saul, of implicitly “impersonal” author, as well as many random characters (neighbor in the queue, train dispatchers etc.). In a short time to accommodate as much as possible situations, the author gives to the narrator power that allows him to subdue a period of time: the last moves freely from the future to the past and back again. The narrator characterizes the usual notion of time: “We have with it, with time, some confusion, confusion — all is not as good as it could be. Our calendars are too arbitrary, and numbers, which have written there, don’t mean anything like counterfeit money ... Also I would like to say that each person has their own special, unlike to other’s the calendar of life...” [2, 37–38].

The narrator seeks absolute freedom, freely treating the time, denying it the opportunity to influence the events of his own life according to the will of the author: “... recently (this minute, soon), I floated (float, I’ll float) down the big river on a boat. Until that, (then) many times I’ve been (will be) there and I’m familiar with the surroundings. It was (it is, it will be) a very good weather ...” [2, 39].

Habitual perception of time as a reality is insufficient for implicit author. It is known that time flows not only at the time of the events, but when all has already happened. Past in the S. Sokolov’s novel constantly continues and continue to occur after an event has already occurred. Not by chance in the title of the novel featured a musical term “school” — in such way called collections of Studies for young musicians (“for fools”). From the «music» of different character’s “life calendars” composed some action, in which music, layering of word is more important remember the Mandelstam: “We were the music in the ice ...”). In addition, in the Russian culture image of Ivan the Fool is not clear: as it known, he became smarter than everyone else.

Mental disorder of narrator, a boy with a forked consciousness, who is a student of the school for mentally retarded children, is motivated by the narrative technique of the novel. The hero is a teenage boy who believes that he has a twin, sometimes does not distinguish illusion, own dream from reality. As critic A. Zorin noted: “Sokolov’s poetics is characterized by the simultaneous existence of several strands not only the central narrator, but factually all of the other characters” [3, 252]. Their voices on equal conditions included in the narrative, thereby contributing to the creation of a special polyphony.

The narrator differentiated from the surrounding amazing spirituality, warmth and kindness. “School for Fools” is pervaded by the poetry of childhood — the time of special closeness to the nature and the greatest fullness of life, which is very close motivated to Vladimir Nabokov’s many Russian novels, particularly in memoirs and autobiographical novel “The other shore”. But instead of poeticized by Nabokov the noble mansion figured the Cottage for sale, where the hero lives “in her father’s house”, prosecutor’s assistant (in Nabokov’s novel — lawyer), not very attractive person, unlike from Nabokov’s idealized character.

The pupil of the school as well as Nabokov’s hero loves butterflies and cycling (“because the bike — it is always good in any weather, at any age”), but unlike him is not able to distinguish the incidents in terms of their significance in view of the split personality and some “selective memory”. He seemed to live in the paintings which scrolls on the screen of consciousness. He is fall love with his teacher of botany Veta Arkadievna, the subject of hopeless boyish passion. His beloved tutor, Paul (also known as Saul) Petrovich Norvegov, also fall in love with pupil Rosa Vetrova, who studies at the same special school. In the mind of the hero Veta Arkadievna Akatova easily converted into a “branch of acacia”, then in the railway line on which trains go from the city to the country. Roza Vetrov same miraculously transformed into the geography teacher Norvegov’s professional symbol, the favorite student, and exposé of lies and falsehood.

Belonging to a childhood and a willingness to suffering, lust for life and resignation, beauty and corruption are merged into a single context: “... northern branch, the branch of acacia or, say, lilac blooms white flowers that smell of creosote, vestibule dust, cigarette smoke, looms along the right of way, evening tiptoed back into the garden ... branch is fall asleep, but the trains which symmetrically placed on it, running in the dark, calling on the name of every flower ...” [2, 18].

Text can be built up as continuous inner monologue addressed to the “other” himself. In this monologue erased any time and cause-effect relationships, and “events”, which is narrated, are perceived as a multidimensional event: “... sleep, sleep smelling creosote branch wake up in the morning and the color fades after the rash petals eyes semaphores and dancing in beat your own wooden heart, laugh at the stations, be sold a passing departing and cry and cry naking in the mirror compartment as your name, I known as a branch of acacia branch railway line, I ... take me here I still take it fades quite inexpensive at the station, I’m no more ruble I sold tickets and want to ride as free auditor will not ...” [2, 19].

In the structure of the story is still possible to identify a number of sites — the love of the hero to the teacher and the associated with internal experiences and episodes (imaginary courtship to her); split hero after he tore a river lily “nymphaea Alba” (nymphaea now becomes the name of his “other himself” and acts as an opponent in relation to the Veta Arkadijevna); history of dismissal “by magic” and teacher Norvegov’s a very strange death, talked about it to his disciples, who came to visit him in the country.

At the same time he appears as a postman Mikheev (he is also Medvedev) Sender Wind, immortal prophet Saul, who is also Paul of “Acts of the Apostles”. One of the three epigraphs, premised the novel, is an extract from this source and the style reminiscent of “weaving of words”: “Then Saul, who is also called Paul, filled with the Holy Spirit, looked intently at him, said”. The second epigraph to the novel is a group of verbs exceptions, “rhythmically organized for easy memorization”, “Chasing, hold, run, hurt, hear, see and twirl, and breathe, and hate, and depend on, and endure”. It is connected with a hard life of pupil of a special school, the “excluded” from the usual society. As for the third epigraph: “The same name! The same look!”, this phrase, as indicated in the epigraph, taken from a short story by Edgar Allan Poe “William Wilson” in which the hero pursued his double. When the hero finally managed to kill the twin, it turned out that he killed himself. It is interesting that in the Vladimir Nabokov story “Horror” shows a similar situation that requires special study in connection with the problem of reflection in the writer.

As an element of intertextuality in the novel there is unnamed by author another Edgar Allan Poe story “The truth about what happened to Mr. Waldemar”, where hero “shows” own death in the first person as a teacher Norvegov at S. Sokolov. Last sitting on the school windowsill, angrily tells pupils that he apparently died.

Lotman wrote that it was the peculiarity of the sender is most valuable as a text message. Thus, the speech stream of consciousness beginning writer often has the character of the mythological perception of the world to limit the generality of the surroundings: “How was it called? The river was called”, And “how was called the station? — I can not see from a distance. The station is called”, “Came those who came” and others. Next to the images of violence and cruelty, which contribute to the creation of motives humiliation of children, the stupidity of the authorities of the school for the mentally retarded inmates (“Fools”), in parallel, without interfering with them, with the help of free verse language is formed,

implicit author’s internally ordered, free imagination. The narrative is determined by the dynamics of rhythm, clutch phonetic and grammatical associations. For example, the word “tickets” comes through the river Leta, also arises about Land of the Lonely Nightjar, gentle bird Nightingale, etc. Disappeared as a result of some kind of metamorphosis “student” like a ghost, does not leave any traces even in the sand of the river Leta (!), which can be crossed in that and in other directions. Interestingly, in an interview with American journalist John Glad [4] Sasha Sokolov spoke about his concept “disinterest narrative element”, citing the fact that life itself plotless and literature — “is not about that”.

Before the final of the “School for Fools” takes place the conversation between the author and the narrator, several times accentuates the communicative nature of the text: “Apparently, our story is nearing its end, and the time to decide what the titles we will put on the cover” [5, 256]. The book’s title is given by the narrator, by analogy with the “School for the piano”, “School for the barracuda”, moreover, “Nymphaea said that you can only write about it, because only about it and should be written ...” (author’s irony concerning the writer’s rapture is obvious). However, the ubiquitous enemy of lie in all its forms, Saul Petrovich had already sold a skeleton as testament, “in installments”, to the pro shop, where “**real** (highlighted by the author of the article) skeletons are much more expensive than artificial” [2, 257].

This action evokes the narrator excited flood of memories about “knowledge-hungry, bold truth-seekers, Saul’s and his principles and statements heirs”. Despite internal disagreements, “pupil” and his “alter ego” Nymphaeum and author, whistling “silly songs” together go to the “street with thousands of feet” and “magically” transformed into passersby. So once again built up “extra-textual art-life text”, which, according to Lotman, mutually exclusive options are implemented at the same time both in terms of the speaker, and from the point of view of the hero.

Discussed material teaches the importance of deep study in any artistic discourse or text saying of its communicative orientation, and, in particular, the organization of the narrative. In addition, the analysis made it possible to identify the four most common in the modern world literature strategy: appeal to the reader (listener) and established dialog, a straight, simple lines of statements, tendency to clarifying the previously said and tendency to emotion. These strategies are implemented in the text by selecting the appropriate language resources.

References:

1. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М., 1970.
2. Соколов С. Школа для дураков: Роман. – СПб., 2001.
3. Зорин А. Насылающий ветер. //Новый мир. – 1989. – № 12.
4. Глэд Д. Беседы в изгнании. – М., 1991.

*Normamatova Dilfuza Turdikulovna,
Gulistan State University,
Teacher, the Faculty of Philology
E-mail: dilmuzanormamatova@mail.ru*

Use of instructional approaches in teaching vocabulary for EFL learners

Abstract: This article enlightens some approaches of learning and teaching vocabulary in the field of instructional strategies. And also examines the use of some techniques and goals in teaching vocabulary as part of the design of a communication. It clarifies the most common prompt for creating lessons plans in language teaching activity.

Keywords: vocabulary, comprehension, approach, motivation, content goal, techniques, new words, language skill.

Vocabulary is one of the major problems confronting EFL learners. Because of their weak vocabulary, they cannot communicate their ideas as clearly as they would like to and they cannot grasp the ideas transmitted to them. They cannot read the columns of a newspaper or popular magazine or even understand newscasts on the radio or television. Their listening — comprehension, writing, and a reading abilities are preventing from progressing by their limited vocabulary.

It has been presumed that vocabulary can be acquired through reading and practicing other language skills. However, this is not adequate; learners must be taught the structure of words regularly and systematically. They should have a clear understanding of the component units words how these units are put together to form new meanings.

There is the general agreement that the possession of a large number of vocabulary items are necessary to success in social, professional and intellectual life; that vocabulary is vehicle for thought, self expression, interpretation and communication [1, 42].

All too often, *new words* are the sole focus of vocabulary teaching, with difficulty determined by the size of a word rather than by students' familiarity with a concept. This is an overly simple and generic approach to a complex issue. A lengthy word can be easy to comprehend and apply, if students are already familiar with what the word represents. On the other hand, short words such as "love", "irony", "power" and "ellipse" pose problems because, for many students, each word represents an

abstraction. What complicates matter even further is that concepts hidden behind these terms change from situation to situation. For example, consider the multiple meanings of the word "square" as it is used in mathematics (a four-sided figure), building trades (a tool for measurement), or casual conversation (a nerd). The importance of learning a word cannot be determined through generic means, such as selecting longer rather than shorter words for teaching, or without reference to the context in which the word appears. Vocabulary instruction should focus on concepts that are both unfamiliar and essential to the context in which they are being applied to plan [1, 42].

Planning for vocabulary teaching requires special kinds of thinking about goals for content (which words to teach), process (which vocabulary processes to emphasize), and motivation (how to develop student interest). These decisions are the subject of this section.

Content goals: Content goals for vocabulary are to (1) select vocabulary terms that are important in a specific context, and (2) teach vocabulary at an appropriate level (definition or meaning) that words are important in a context when they are basic to understanding large subject matter concepts and principles. For example, middle and secondary school students already know how to eat. They develop the basic knowledge and ability to eat without knowing the term "nutrition". The goal in many science and healthy classes, however, is to teach students what it means "to eat well". To achieve this goal, students must acquire and communicate with a common language based on the content to be learned.

Emphasizing nutrition and other related concepts during vocabulary instruction helps teachers and students distinguish old concepts from new, encouraging students to process from a junk-food mentality to a better understanding of the body and relationship between a balanced diet and good health [8, 145].

Students should also be equipped with an understanding of the principles of the word construction and how the words of the English language are constructed of smaller elements and how they can be taken apart into their component units. An understanding of the structure of English words will facilitate learning and enhance recall. The advantages of such an approach are as follows:

1. Learners can master and more easily retain words whose relationships can be clearly seen and understood. Each word then reinforces and is reinforced by others. This method is based on the principle of meaningful learning; learning through comprehending, associating and integrating the new material with that which has already been learned.

2. Learners are usually unable to identify or recognize words that are related or are derived from the same root unless such relations are pointed out to them. When this is done, they gain a better insight into familiar words and a clearer and sharper picture of their meaning. They soon get into the habit of looking for keys and breaking down words. The most difficult words will become easy. Their enjoyment of reading will eventually increase, and they will learn more through extensive and intensive reading.

3. Knowledge of how the language works makes the learners feel more secure with unfamiliar words. This feeling of security will develop their confidence in themselves, an important factor in language learning.

4. The learners' spelling will improve, since we are exposing them to roots whose spelling tends to be constant.

To achieve maximum benefit from the vocabulary program, I can state that during my teaching experience I have noticed how enthusiastic are about practicing vocabulary by means of games.

Vocabulary teaching techniques

There are numerous techniques concerned with vocabulary presentation. However, there are a few things that have to be remembered irrespective of the way new lexical items are presented. If teachers want students to remember new vocabulary, it needs to be learned in context, practiced, and then revised prevent students from forgetting. Teachers must make sure students have understood the new words, which will be remembered

better if introduced in a "memorable way" [7, 143]. Bearing all this in mind, teachers have to remember to employ a variety of techniques for new vocabulary presentation and revision.

Grains and Redman (1986) suggest the following types of vocabulary presentation techniques:

Visual techniques. These pertain to visual memory, which is considered especially helpful with vocabulary retention. Learners remember better the material that has been presented by means of visual aids [9, 452–453]. Visual techniques lend themselves well to presenting concrete items of vocabulary-nouns; many are also helpful in conveying meanings of verbs and adjectives. They help students associate presented material in a meaningful way and incorporate it into their system of language values.

Verbal explanation. This pertains to the use of illustrative situations, synonymy, opposites, and scales definition [4, 74].

Use of definition. Using a dictionary is another technique of finding out meanings of unfamiliar words and expressions. Students can make use of variety of dictionary, monolingual, pictorial, thesauri, and the like.

Using games. There are many advantages of using games. Games can lower anxiety, thus making the acquisition of input more likely. They are highly motivating and entertaining, and they can give shy students more opportunity to express their opinions and feelings [2, 20–21]. They also enable learners to acquire new experiences within a foreign language which are not always possible during a typical lesson. Though the main objectives of the vocabulary activities are to acquaint students with new words or phrases and help them to consolidate lexical items, they also help to develop the students' deeper understanding.

To achieve deeper understanding the new words, students need to know the meanings behind vocabulary terms by the help of vocabulary presentation techniques which is stated above. Students know vocabulary meanings when they can appropriately apply concepts to the content they are learning. The ultimate test of students' ability to apply vocabulary is the test *transfer* [8–143]. Ideally, when students study meanings, they should be able to apply them in current lessons and transfer their understanding to later lessons. Unfortunately, teachers cannot be sure that students will transfer their vocabulary knowledge from one lesson to another. When asked about previously taught concepts, some students respond with blank stares or disbelief. The reason for this may be traditional vocabulary instruction.

Traditional instruction focuses on large number of words, taught mostly on a definition level. When students are exposed to large numbers of vocabulary concepts and are given little time to study them, learning is often superficial and short – term. Trying to teach a large number of words on a meaning level is no way out of this dilemma. Though taking a meaning approach – as opposed to a definition approach – makes the learning deeper and more long – term for the words, developing meanings always takes more time and fewer words can be taught [8–145]. If large numbers of words are fundamental to understanding the content, teachers can very quickly become bogged down in teaching individual word meanings. Attention to vocabulary process and strategic vocabulary learning supports the first goal. The motivation goals for teaching vocabulary are to help students: gain self – confidence in their own abilities to learn new words, and discover enjoyment in learning new words in a content area.

Students grow in self – confidence and independence as they see that newly learned words and vocabulary process can be used to eliminate confusion and to comprehend border concepts and principles. They realize that they don't have to feel victimized by the unfamiliar terms that keep cropping up in the text.

Contrary to some beliefs, students will choose to expand their own vocabularies when motivated to do so. In a recent study, students reported that it is fun to learn new words and to be able to use them for communicating [6, 634]. The words students enjoyed, however, came from pleasure reading rather than from school textbooks. Most students have not discovered how to enjoy and communicate with the vocabulary of their content texts. Teachers also can start to build motivation for vocabulary learning by finding out what students find interesting. For some students, this might mean asking what they read outside of class and asking them to keep a journal of the interesting words they discover. For other students, this could take the form of creating a slang dictionary complete with words students often use it.

Vocabulary instruction involves more than teaching the hard words. Because of the quantity or compactness of concepts within content areas, teachers need to identify and distinguish words best presented on a definition level from words best taught on a meaning level. Helping students become strategists when learning vocabulary is an important goal. When students experience success in determining word meanings on their own, they are more likely to be interested in learning the language of a content area.

References:

1. Adil Al-Kufaishi. A vocabulary building program is a necessity not luxury. *English teaching forum*, 26, 2, – 1985. – 44 p.
2. Uberman Agnieszka. The use of games for vocabulary presentation and revision. *English teaching forum*, 36, 1, – 1998. – P. 20–26.
3. Allen E. and Vallete R. *Moderen language classroom techniques*. – New York, 1972. – 132 p.
4. Garins A. and Redman S. *Working with words: a guide to teaching and learning vocabulary*. – Cambridge University Press, 1986. – P. 74–80.
5. Gerald G.D., Laura R.R. *Improving classroom reading instruction*. – McGraw-Hill, Inc., 1993. – P. 132–143.
6. Haggard M. The vocabulary self – collection strategy: Using student interest and world knowledge to enhance vocabulary growth. *Journal of reading*, – 29, 7, – 634–632 p.
7. Hubbard P., Jones H., Thornton B. and Wheeler R. *A training course for TEFL*. – Oxford University Press, 1983.
8. Conley Mark W. *Content reading Instruction*. – McGraw-Hill, Inc., 1992. – P. 143–172.
9. Zebrowska M. *One hundred language games*. – Warsaw, 1975. – 308 p.

Section 12. Philosophy

*Barash Lyubov Aleksandrovna,
Ph. D. in Philosophy, Peoples Friendship University
of Russia (Branch) in Sochi,
E-mail: Libar3017@mail.ru*

“The art as the game” and the theory of artistic communication

Abstract: Development of ideas of Kant, touching the mutual relations of artist and spectator within the framework of Kants interpretation of art as «free game of cognitive capabilities», examined in the article. The modern going is investigated near artistic communication as derealization of reality, going away to the world of game, fantasy.

Keywords: artistic communication, game, subjectivity, possibility.

*Бараш Любовь Александровна,
кандидат философских наук,
Сочинский филиал РУДН
E-mail: Libar3017@mail.ru*

«Искусство как игра» и теория художественной коммуникации

Аннотация: В статье рассматривается развитие идей Канта, касающихся взаимоотношений художника и зрителя в рамках кантовской интерпретации искусства как «свободной игры познавательных способностей». Исследуются современные подходы к художественной коммуникации как дереализации действительности, уходу в мир игры, фантазии.

Ключевые слова: художественная коммуникация, игра, субъективность, возможность.

Рассмотрение Кантом эстетической деятельности как «свободной *игры* познавательных способностей» [5, 85] в качестве условия, при котором способ представления предмета становится «всеобщим сообщаемым», что и является основой художественной коммуникации, нашло продолжение в эстетических концепциях его последователей. В одних теориях художественная коммуникация предстаёт как независимая от других сфер жизни — общественной, трудовой, политической — чисто эстетическая деятельность. Человек играет, потому что он художник. Человек общается посредством игры, потому что в этом — его предназначение творить, созидать. «Человек играет только тогда, когда он в полном значении слова человек, и он бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [6, 302]. Одна из линий развития идеи искусства как игры — понимание игры именно в кантовском духе, то есть как чисто эстетической деятельности. Так, Кассирер с позиций феноменологии мыслит её как одну из граней в процессе созидания символических форм. Постструктуралисты также отводят игре большую роль. У них это

«игровое движение кодов», «игра с персонажами, непрерывный кодовый обмен» (Барт) [2: 137, 167], «игра чередующихся и наслаивающихся друг на друга интерпретаций» (Эко) [7, 118–119], «поле игры — поле бесконечных (знаковых) замещений, совершающихся в замкнутом пространстве некоего конечного множества» (Деррида) [3: 450, 463].

В других философских направлениях кантовская идея «свободной *игры* познавательных способностей» в той или иной мере соотносится с общественными реалиями. С одной стороны, акцент ставится на «всеобщности» эстетического чувства, с другой стороны, художественная коммуникация перестаёт быть «целесообразностью без цели», ибо цель очевидна: гармонизация посредством искусства производственной деятельности человека, либо компенсация социальной или психологической неудовлетворённости. Так, по мнению Дьюи, синтез искусства и игры должен влиять на трудовую деятельность, делать её более осмысленной и творческой, и поскольку главной целью фактически оказывается единство коллективной жизни, важнейшей функцией

искусства является его развлекательное, компенсационное назначение.

Сравнение коммуникативного подхода к искусству Канта и Фрейда интересно тем, что у Фрейда, несмотря на наличие многих основных понятий, почерпнутых им у Канта, коммуникативность искусства практически отсутствует. Вместо «всеобщей сообщаемости» Канта у Фрейда — конфликт между человеком и обществом, система общественных ограничений для субъекта. Поскольку разрушить их он не может, то пытается хотя бы бежать, скрыться от реальности в иллюзорном, игровом мире искусства. Если у Канта удовольствие от красоты художественного произведения связано с «возможностью *сообщать* своё душевное состояние», обусловлено «естественной склонностью людей к *общению*» [5, 86], то у Фрейда удовольствие имеет характер удовлетворения *эгоистических*, запретных желаний. У Канта произведение искусства не только нравится, но «*притягивает на согласие* другого» [5, 228], причём нравится оно всем лишь в том случае, если его «идеал состоит в выражении *нравственного*» [5, 104], у Фрейда же речь идёт о преодолении нравственных установок. Если у Канта коммуникативность искусства связана со *сверхчувственным* [5, 228], то у Фрейда искусство — чувственная, игровая форма компенсации неких нереализованных в жизни целей.

Возможно, не совсем справедливы упреки Канту в том, что в своём эстетическом учении он в меньшей степени уделил внимание содержанию художественного произведения, в то время как его суждения о вкусе, «объективный принцип которого невозможен», позволяют делать выводы о приоритете формы. Действительно, некоторые философские и множество художественных направлений XX века взяли на вооружение именно субъективистский подход Канта, дающий основание для преувеличения значения бессознательного, иллюзорного, иррационального. Но именно коммуникативный подход Канта в значительной степени опровергает доводы тех, кто понимает его субъективизм как обоснование бессодержательности: ведь, по Канту, «всеобщей сообщаемостью» произведение будет обладать только в том случае, если оно вызывает «*благорасположение каждого*». Но благорасположение каждого невозможно, если произведение искусства замкнуто на такую *субъективность*, которая не находит отклика в других. Пожалуй, именно коммуникация — та область, где Кант до какой-то степени сближается с *объективным* идеализмом [1, 197].

Он не вдаётся в подробности относительно функций содержания, но зато многократно подчёркивает общую и главную его суть: в каждом конкретном произведении оно должно нести в себе символ «нравственно доброго», что является актуальным на все времена. Что же касается формы, то она мыслится философом такой, которая могла бы быть созданной свободной *игрой* воображения в согласии с рассудком и содержала бы в себе «соединение многообразного» [5, 110]. Причём форма должна быть создана не репродуктивным, подчинённым законам ассоциации, а продуктивным и самостоятельным воображением, которое должно быть источником произвольных форм *возможных* созерцаний. Это означает, что художественная форма даёт в процессе коммуникации бесконечные возможности творчества. Ведь она создана воображением, которое открыто для «сочинительства, то есть для фантазий, занимающих душу». Возникает вопрос: применимы ли к современной коммуникации кантовские воззрения на содержание и форму?

Свободная игра воображения... Пейзаж, открывающийся из разбитого окна, на картине Магритта... Впрочем, окно это или нарисованный на нём прекрасный вид природы? Стоит только разбить стекло, прорваться из мира придуманного, вымышленного, в мир настоящий, реальный — и сколько чудесного, радостного, необыкновенного может случиться... Что это на картине Уоррена — явь или сон: человек, приподнимающий гладь моря, словно покрывало, чтобы что-то спрятать под него? Это «Мировой порядок» (так называется картина), и этот порядок таков, что из разверзшихся облаков на человека с ужасом и гневом взирает — кто? Какое-то высшее духовное существо? Лик самой Природы? Зритель угадывает, фантазирует, творит. Он бежит от жестокой реальности в волшебный мир сна, иллюзии. Его уносит в этот мир *игра воображения*, а оно — в полном соответствии с Кантом — продуктивное и творческое, и служит источником произвольных форм, *возможных* созерцаний. В мире постмодернистского искусства возможно всё. То, чего нет, но *могло бы* случиться. То, что невероятно, но всё же происходит. Можно лёгким движением откинуть полог поверхности моря и заглянуть под него. Можно по волшебной лестнице, украшенной цветами, забраться в заоблачную небесную высь. Или содрогнуться от «призрака гражданской войны». Ещё Аристотель обосновал это право художника — изображать то, что вероятно могло бы случиться. И если художник сумел увлечь в этот мир зрителя, то и зритель оказывается сопричастным

миру возможного. И в этом мире делает для себя настоящие эстетические открытия [4, 140–141].

Мир игры, иллюзии — не только убежище от невыносимой реальности. В этом мире происходят художественные открытия, он создан для творчества, дарит богатство образов и идей, которые могут быть

наполнены «нравственно добрым». Быть может, перенесённый искусством в сферу моральной свободы, нацеленный на нравственно доброе и заряженный творческой энергией человек окажется способным создать такую реальную действительность, от которой уже не захочется бежать в мир иллюзии?

Список литературы:

1. Асмус В. Ф. Немецкая эстетика 18 века. – М.: Искусство, 1962. – 311 с.
2. Барт Р. S/Z. – Пер. с франц. Г. К. Косикова и В. П. Мурат. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
3. Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук. // Письмо и различие. / пер. с франц. Д. Кралечкина. – М.: Академический Проект. – 495 с.
4. Ингарден Р. Эстетическое переживание и эстетический предмет. // Исследования по эстетике. – М.: Издательство иностранной литературы, 1962. – 572 с.
5. Кант И. Критика способности суждения. / пер. с нем. – М.: Искусство, 1994. – 367 с.
6. Шиллер Ф. Соб. соч. в 7 т., Т. 6. Статьи по эстетике. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 791 с.
7. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.

*Hajiyeve Mahammad Shahbaz oglu,
Doctor of Philosophy, Position executor professor
of department «General Mathematics»,
Nakhchivan State University, The Azerbaijan Republic
E-mail: mamedhaciyeve@mail.ru*

The essence of mathematical idealization and the role of idealization in the sciences

Abstract: Mathematics was, and is, most of the applied science of sciences, particularly for sciences natural sciences, the sciences of economic, social, etc. And for this, a mathematical abstraction as a method has a special place system sciences. Feedback ideal objects of mathematics with reality is more complex than in the natural sciences. And we have studied the properties such idealization.

Keywords: ideal, phenomena, modeling, mathematical abstraction, abstraction of identification, the field of science.

*Гаджиев Магомед Шахбаз оглы,
Доктор философских наук, И. о. профессора
кафедры «Общей математики» Нахичеванского
Государственного Университета Азербайджанской Республики
E-mail: mamedhaciyeve@yahoo.com*

Сущность математических идеализации и роль таких идеализации в системе наук

Аннотация: Математика стало, и есть прикладной наукой большинство наук, особенно для наук естествознания, для наук экономических, социальных и др. И по этому, математическое абстрагирование, как метода, занимает особое место система наук. Связь идеальных объектов математики с действительностью более сложна, чем в естественных науках. И в работе исследованы такие свойство идеализации.

Ключевые слова: идеал, явления, метод моделирования, математическое абстрагирования, абстракция отождествления, области науки.

При построении возможных математических моделей действительностей объективного мира широко используется такая специфическая форма абстрагирования, называемая идеализацией.

Под понятием идеализацией понимается образование новых понятий, которые наделены не только свойствами, отвлеченными от их реальных прообразов, но и воображаемыми свойствами, отсутствующими у исходных объектов. Это делается для того, чтобы посредством изучения идеализированных образов облегчить в конечном счете изучение их реальных прообразов. Как уже отмечалось выше, такой метод моделирования применяется и в других науках (например, при замене физического маятника математическими). Многие понятия различных областей математики представляют собой такие идеальные понятия. Очевидно, что в объективном мире нет нигде так называемая понятия «геометрическая точка», которая не имеет объема (размера), цвета, запаха. Но попытка построения геометрии, не используя этого понятия не сообразим, и в конечном итоге не проводят успеху. Далее, с помощью идеальных понятий, как «геометрическая точка», развивалась сама геометрия в целом.

В геометрии к полученным после идеализации геометрическим фигурам применяют далее абстракцию отождествления. Так как, отождествляя все шары, получают общее понятие шара, отождествляя треугольники, параболы, ромба и других плоских — общее понятия геометрические фигуры.

Связь идеальных объектов математики с действительностью более сложна, чем в естественных науках. Это явилось причиной многочисленных попыток неправильного истолкования предмета математики, отрыва ее от реального мира. Например, некоторые биологи считали применение математических методов в биологических наук «идеалистически-математическим». Отметим, что в науке важна полученная. Тем самым, развитие науки опровергло сказанное заблуждения.

Попытки исказить природы математического знания возникали и внутри самой математики. Например, авторы, пишущие под псевдонимом Бурбаки, полагают, что «то, между экспериментальными явлениями и математическими структурами существует тесная связь, — это, как кажется, было совершенно неожиданным образом подтверждено недавними открытиями современной физики, но нам совершенно неизвестны глубокие причины этого ...».

Если вспомнить, что основные понятия математики уходят своими корнями в реальный мир, то вряд ли

можно удивляться, что они оказываются полезными при исследовании этого мира. И разумная идеализация реальных объектов, явлений и процессов — мощный метод познания действительности. В целом можно сказать, что идеализация используется прежде всего там, где сложность реальных объектов, явлений и процессов мышления представляет значительные трудности для исследования.

Особым видом идеализации является абстракция потенциальной осуществимости. Например, при построении натуральных чисел абстрагируются от того, что невозможно написать или назвать число, содержащее целиком много десятичных знаков (например 1000^{1000}). Всякий раз, когда мы доходим до некоторого числа n допускается возможность написания и следующего за ним числа, $n+1$.

Математические абстракции являются важным моментом в пониманию вещей объективных действительностей.

Широкое использование в математике абстрактных понятий приводит к использованию для их изучения особых методов познания: аксиоматические, моделирования.

Математическая абстракция может выступать в двух различных формах:

Первая форма имеет место в чувственном познании предмета и заключается в том, что при чувственном восприятии предмета мы можем отвлечься от одних свойств и выделить другие его свойства. Например, рассматривая некоторый предмет как геометрическое тело, мы обращаем внимание только на его форму, размеры, положение на плоскости или в пространстве.

Вторая форма, в которой выступает абстракция, характеризуется тем, что она выходит за пределы чувственное вообще. Такая абстракция является не только простым отбором тех или других свойств объекта или явления, но является и их преобразованием. Так, изучая в школьном курсе геометрии вопрос о классификации треугольников в зависимости от величины их углов.

Отметим, что абстрагирование и обобщение — два логических приема, применяемые почти всегда совместно в процессе понимания. Обобщение и абстрагирование неизменно применяются в процессе формирования понятий, при переходе от представлений к понятиям и, вместе с индукцией, как метода эвристической.

Математика — эта абстрактная наука, которая основой сообразуется действительности объективного

мира, хотя и эти действительности могут быть те вещи, которые и нет в мире в реальном виде (Например; «точка», «плоскость» и др.).

Материальный мир состоит из объектов, обладающих определенными свойствами и находящихся в определенных соотношениях друг с другом. В процессе развития эти объекты взаимодействуют, видоизменяются, учитывая одни свойства и приобретая другие. Одной из важнейших задач человеческого познания является изучение объектов материального мира, их свойств, взаимоотношений, взаимодействий, путей их видоизменения, с тем, чтобы использовать это знание для решения прикладных задач.

В математике с помощью абстрагирования создаются «понятие».

Термин «понятие» обычно применяется для обозначения мысленного образа некоторого класса вещей, процессов, явлений объективного мира, также отношений между ними, и конечно между сторонами вещей объективной реальности или нашего сознания.

Формирование математических понятий, и вообще — сложный психологический процесс, начинающийся с образования простейших форм познания — ощущений — и протекающий часто по следующей схеме:

ощущения → восприятия → представление → понятия.

Математические понятия отражают в нашем мышлении определенные формы и отношения действительности, абстрагированные от реальных ситуаций.

Каждое понятие объединяет в себе объектов (вещей, явлений, отношений) — объем этого понятия — и характеристическое свойство, присущее всем объектам этого класса, и только им, — содержание этого понятия. Например, понятие «треугольник» соединяет в себе класс всевозможных треугольников (объем этого понятия) и характеристическое

свойство — наличие трех сторон, трех вершин, трех углов (содержания понятия).

Содержание понятия раскрывается с помощью определения, а объем — с помощью классификации. Надо отметить, что и содержание понятия раскрывается с помощью классификации. Посредством определения понятий и классификации и есть понятия, которые и образуют взаимосвязи.

На разных этапах развития математики в ней вырабатывались и методы специфические, характеризующие процессы математического осмысления определенных фрагментов разнообразных пространственных форм и количественных отношений материального мира. Использование математических методов в различных науках позволяет вскрыть структурную общность законов, лежащих в основе описания различных явлений и процессов, и с не сходностей областями, в которых действуют эти законы.

Роль математики в естествознании, гуманитарных и общественных наук заключается в том, что она предлагает общие и достаточно четкие модели для изучения окружающей действительности в отличие от более расплывчатых качественных моделей, характерных до математического этапа развития данной науки.

Изучения сложных проблем современной науки и техники в настоящее время стало невозможным без построения моделей явлений мира. Проявления таких моделей в какой-либо области науки и техники, отрасли производства показывает, что система понятий этой отрасли достигла такого уровня, что без математического абстрагирования, т. е. без математики не обойтись. Если естественные научные открытия обнаруживают до сих пор неизвестные свойства окружающего мира, то математические открытия обнаруживают ранее неизвестных свойства рассматриваемых моделей мира и позволяют создать новые модели.

Список литературы:

1. Алексеев П. В., Панин А. В. Теория познания и диалектика: Учеб. пособие для вузов. – М.: Высшая школа, 1991. – 383 с.
2. Бурбаки Н. Алгебра. Алгебраические структуры, линейная и полилинейная алгебра. – М., 1962. – С. 60.
3. Кудрявцев Л. Д. Мысли о современной математике и ее изучении. – М.: Наука, 1977.
4. Современные основы школьного курса математики: Пособие для студ. Пед. ин-тов./Н. Я. Виленкин, К. И. Дуничев, Л. А. Калужнин, А. А. Столяр. – М.: Просвещение, 1980. – 240 с.
5. Философия: учебник/под. ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. – 4-е изд. – М.: Академический Проект; Трикста, 2007. – 688 с.
6. Философия: учебник/под. общей ред. Л. Н. Москвичева. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 688 с.

*Garanina Olga Denisovna,
Moscow State technical University
of Civil Aviation, professor
E-mail: odgar@mail.ru*

Standardization of the consciousness of the personality as a way of social management in the Information Society

Abstract: The negative aspects of informatization of spiritual life of modern society are examined in the article. The necessity of standardization of maintenance of consciousness of man is grounded for a social management.

Keywords: information society; negative consequences of informatization of spiritual life; standardization of consciousness; social management.

*Гаранина Ольга Денисовна,
Московский государственный технический
университет гражданской авиации, профессор
E-mail: odgar@mail.ru*

Стандартизация сознания личности как способ социального управления в информационном обществе

Аннотация: В статье рассматриваются негативные аспекты информатизации духовной жизни современного общества. Обоснована необходимость унификации содержания сознания человека в социальном управлении.

Ключевые слова: информационное общество; негативные последствия информатизации духовной жизни; стандартизация сознания; социальное управление.

Возрастание информационных ресурсов духовной деятельности, обусловленное широким распространением средств массовой коммуникации (радио, телевидения, средств аудиовизуальной записи и репродукции, печати и др.) произвело поистине революционизирующие сдвиги в духовной жизни каждого человека. Массы людей получили возможность активного включения в духовную жизнь не только одного, отдельно взятого общества, но, благодаря развитию электронной спутниковой связи, в духовное взаимодействие мирового масштаба [1, 3–4]. Расширение границ духовной жизни каждого человека и общества в процессе развития информационных технологий, несомненно, является позитивной тенденцией. Однако остановимся на некоторых негативных моментах информатизации духовной жизни в современном российском обществе. В социуме наблюдается явное отставание общего культурного уровня развития людей от темпов внедрения информационных технологий, что заставляет производить информационные продукты, которые могут потреблять люди с невысоким или недостаточно развитым уровнем духовных запросов. Существенным и важным следствием внедрения информационных

технологий в духовную жизнь явилось доминирование художественно-образных эмоционально наполненных духовных форм по отношению к рационализированным политическим, правовым, нравственным и т. д. Иными словами, лидирующее положение в духовной жизни общества начинают занимать те виды духовного производства, которые принято называть развлекательными и которые в силу определенных причин, прежде всего, экономического характера, оказались наиболее тесно связаны с информационными технологиями. Всем известные как выражение нравственного беспокойства три «с» — «секс, сила (насилие), страх» стали тематической формулой массового информационного воздействия. Общество получило возможность широчайшего доступа к «зрелищам», создавая виртуальные пространства, в которых проигрываются в виде игр, кино- и мультфильмов жизненные ситуации, компенсирующие недостаток реальной жизненной активности.

Все это обуславливает тотальную массовость потребления духовной информации развлекательного характера. Эта информация воздействует на человека постоянно, повседневно, можно сказать, безгранично, настигая человека и в крупном городе и глухой де-

ревне (при наличии соответствующих технических средств). Массированная информационная экспансия ведет к своеобразной универсализации духовной жизни, — каждый человек потребляет ту же информацию, что и другие: в разных уголках земного шара люди поют одинаковые песни, слушают одинаковые рекламные слоганы, смотрят одинаковые кинофильмы. Можно предположить, что при этом формируется сходный тип оценки определенных объектов и отношений, сходные установки на поведение в определенных ситуациях. Возникает парадоксальная ситуация: универсальное сознание, содержание которого формируется под воздействием разнообразных информационных каналов, в конечном итоге становится унифицированным, стандартным. Указанный процесс вызывает некоторую растерянность общества перед агрессивным наступлением информационной среды. Во многом это связано с теми существенными трансформациями, которые происходят в массовом сознании. С одной стороны, выбор информационных продуктов и услуг богат как никогда. Каждый может формировать собственное информационное «окружение» по своему вкусу и запросам. Этому способствует рост числа телевизионных каналов, альтернативных источников информации и экономическая доступность продуктов развлекательной индустрии для больших масс людей.

С другой стороны, как уже отмечалось, происходит заметная унификация массового сознания, обусловленная глобальным информационным воздействием, в рамках которого идет массированная пропаганда определенного образа жизни: формируются одинаковые эталоны организации социально-политического, экономического и бытового пространства, манер поведения, красоты, в различных странах рекламируются одни и те же группы товаров. Парадоксом духовной жизни формирующегося информационного общества является ярко выраженная индивидуализация духовно-информационного воздействия при массовости содержательной направленности этого воздействия и массовости получаемого духовного результата. Надо заметить, что наполнение сознания каждого потребителя информации совершается не хаотично (как может показаться), а, как правило, осуществляется в процессе информационного воздействия, подготавливающего человека к жизни в обществе, то есть имеющего определенные социальные цели. Следовательно, стандартизация сознания как потребность социального управления реализуется как на индивидуальном, так

и на социальном уровне. Информационные технологии в современном обществе превратились в сильнейшее средство социализации личности. По разным информационным каналам, заменяющим влияние семьи, школы, дружеского окружения, человек получает представление об образцах одобряемого поведения, о принципах взаимодействия с другими людьми и т. п. Этот процесс закономерен и неизбежен. Но возникает вопрос — каковы будут результаты такой социализации? Сейчас пока трудно с уверенностью говорить об этом, но вполне очевидно, что агрессивный напор эмоционально-развлекательной информации деперсонализирует личность, воспитывает в ней социальную апатию, инертность, конформизм. Эти качества закрепляются пропагандируемыми стандартами жизни, стандартами поведения. Вполне возможно, что подобное впечатление отражает только начальный этап формирования нового глобального мировоззрения, в котором эмоционально-образное восприятие мира, формируемое современными средствами массовой информации будет постепенно дополняться рационально-теоретическим пониманием.

Однако такой переход возможен при условии постепенного вытеснения зрелищно-развлекательной функции, которую выполняет большинство продуктов информационных технологий, когнитивной, когда основной задачей внедряемых новых информационных технологий станет обучение, формирование, прежде всего знаний, а не эмоциональных образов. Представляется, что в современном функционировании информационных технологий когнитивная функция еще не является доминирующей, поскольку ее реализация пока не приносит выраженной коммерческой прибыли. Данное обстоятельство обусловлено тем, что, во-первых, художественно-образные развлекательные продукты информационных технологий имеют более широкий рынок, чем познавательно-обучающие программы (их и производить сложнее). Во-вторых, функционирование информационных технологий в форме средств массовой информации тесно связано с рекламно-коммерческой деятельностью. Коммерческая реклама проникает в буквальном смысле в самую плоть духовной культуры, непосредственно вторгаясь в содержание самых разных ее образцов, по существу, эксплуатируя духовные достижения человечества в определенных целях. Возникает ситуация превращения произведений искусства в служанку торговой рекламы — не реклама обслуживает произведения искусства, а произведения искусства рекламируют товар или услугу. Важную роль здесь

играют приемы так называемого «подсознательно-го воздействия», когда в форме непритязательных, «беспроблемных» развлечений осуществляется внедрение в сознание психологически расслабленного человека определенных идей, установок, стереотипов поведения. Специалисты по информационной безопасности подчеркивают, что «с позиций обеспечения информационной безопасности представляет определенную угрозу коммерциализация институтов и средств информатизации (теле- и радиокompаний, сегментов российской части Интернет, газетных изданий и др.), делающая их зависимыми от диктата маргинальных, политических, общественных и криминальных структур на едином информационном поле российского государства» [2, 58]. Это делает особенно актуальной проблему защиты духовного мира человека, общества от произвольного духовного манипулирования.

Стандартизация сознания в информационном обществе осуществляется в трех основных областях: поведенческой, когнитивной, аксиологической. Поведенческие стандарты интериоризируются как ролевые наборы, предопределяющие выполнение определенных функций в обществе, выполнение ролей отца, жены, друга, делового партнера и т. п. Потребитель информации входит в воображаемый мир и выполняет в этом виртуальном мире виртуальные роли и способы поведения, которые приобретают характер общезначимых способов решения проблем в реальной жизни. Нельзя сказать, что эти способы поведения и выполняемые роли всегда имеют негативный характер, но, несомненно одно — все более отчетливо проявляется линия прагматизма на выработку определенных верований, система которых помогает преодолевать сомнения. В конечном итоге сознание утрачивает способность к самостоятельной аналитической деятельности, способность к ответственности за определенную «реакцию на стимул».

В когнитивной области стандартизация осуществляется преимущественно на уровне обыденного сознания, в процессе закрепления житейских стереотипов. В информационном обществе эти стереотипы формируются путем широкого распространения

средствами массовой информации знаний о способах решения жизненных проблем (достаточно вспомнить, как возросло количество телевизионных программ, посвященных проблемам семьи, взаимоотношений мужчины и женщины, криминальным происшествиям и т. п.). Предлагаемые решения этих проблем принимаются как одобряемые обществом нормы поведения, что превращает их в регулятор поведения личности в реальной жизненной аналогичной ситуации.

Социально-стабилизирующая функция стандартизированного сознания наиболее очевидна в аксиологической сфере. В общественном сознании информационного общества через систему информационных каналов разных содержательных направлений закрепляются принципы конформизма, толерантности, традиционализма — принципы, которые способствуют утверждению социального мира и интеграции разнородных социальных сил. Эти принципы, приобретая характер общезначимости, становятся ценностными регуляторами индивидуального сознания. Возникает проблема динамики и содержательной наполненности этих регуляторов, их соотнесенности с определенными социальными условиями, определенной социальной ситуацией, поскольку в периоды социальных конфликтов и потрясений сознание, ориентированное на толерантность и конформизм, нередко деформируется, с трудом воспринимает новые социальные идеалы.

Стандартизация сознания в информационном обществе может рассматриваться как необходимый механизм управления, поскольку избыточная информация, преобладание виртуальности над реальностью создает иллюзию оторванности от социума, от реальных социальных норм и правил. Выйдя из виртуального мира на поле социальной реальности, человек должен быть уверен, что нормы и правила этой реальности не отличаются от тех, по которым действовали персонажи информационных пространств. Однако нельзя не подчеркнуть, что отсутствие в этом механизме потенций к творческому развитию личности, к проявлению индивидуальности грозит расширением тоталитарных позиций, постепенной элиминацией из духовной сферы свободомыслия и индивидуализма.

Список литературы:

1. Кузнецов М. М. Опыт коммуникации в информационную эпоху. — М.: ИФРАН, 2011. — 143 с.
2. Ефимов Н. Н. Приоритеты государственной политики в сфере информационной безопасности Российской Федерации. // Личность. Культура. Общество. — 2000. — Т. II. — Спец. вып. — С. 50–56.

*Zdorovenko Lilya Viktorovna,
department of philosophy the name
of professor Valeryi Grigor'evich Scotnyi, of Drogobych
state pedagogical university the name of Ivan Franko,
scientific and pedagogical staff, Lecturer of philosophy
E-mail: innovationvz@drogobych.com*

The problem of reality and human soul the metaphysical anthropology S. Frank

Abstract: We consider the philosophical doctrine S. Frank's soul, in which the relative content of the empirical reality of our life is rooted in the absolute being. Analyzed: understanding the role of the spiritual life; the value of the human soul and its integrity as the foundation of human existence and the center of psychic origin, to exist in objective reality as a totality.

Keywords: actual consciousness, metaphysical anthropology, soul, spiritual life, integrity, timelessness, empirical consciousness.

*Здоровенко Лилия Викторовна,
кафедра философии им. проф. Валерия Григорьевича Скотного,
Дрогобычского государственного педагогического университета
имени Ивана Франка, научно-педагогический работник
E-mail: innovationvz@drogobych.com*

Проблема реальности и души человека в метафизической антропологии С. Л. Франка

Аннотация: Рассматривается философское учение С. Л. Франка о душе, в которой относительная реальность эмпирического содержания нашей жизни коренится в самом абсолютном бытии. Анализируются: осмысление роли духовной жизни; значение души человека и ее целостности, как основы человеческого бытия и центра системы психических координат, для существования в объективной реальности как тотальности.

Ключевые слова: актуальное сознание, метафизическая антропология, душа, душевная жизнь, целостность, вневременность, эмпирическое сознание.

Для современной действительности характерны катастрофическое ускорение привычного способа жизнедеятельности, ценностных ориентиров, потеря связи и взаимопонимание между поколениями, общественных статусов, релятивизм иерархии ценностей. Такие «сшибки» общественного и индивидуального сознания уже не раз происходили в истории в периоды трансформаций общества. Вследствие этих ситуаций усиливаются эсхатологические унастроения, депрессии, психологическое оцепенение, ощущение одиночества перед неизвестностью, которая неумолимо выталкивает большинство людей из обустроенного ими привычного бытия. Поэтому для современного человека становится неотложной потребностью ощущать надежность жизни.

Следует сказать, что важные аспекты этого проблемного вопроса рассматривались великими мыслителями и прошлого века, например, Л. П. Карсавиным,

С. Л. Франком, О. П. Флоренским, О. С. Булгаковым и другими. Так историк русской философии В. Зеньковский отмечал, что для этих мыслителей, как правило, отправным стало учение В. Соловьева о «метафизике всеединства». Он обращал внимание, что именно эта метафизическая концепция, хотя и развивалась всеми по-разному, тем не менее, определила дальнейшие пути их философской мысли.

В этой плеяде мыслителей философия С. Л. Франка заслуживает особенного внимания. Так А. Мень, характеризуя его исключительное значение, обращал внимание на то, что «среди мыслителей этого поколения Франк был самым философским — в прямом значении этого слова. Это был мощный философский интеллект <...> Он, как бы погружался в океан мысли, в океан абстрактных схем все глубже, и, наконец, достигнул самого дна реальности» [5]. С пиететом откликались о стройной, осмысленной

системе С. Л. Франка такие известные интеллектуалы как А. Ф. Буббайер, В. А. Волков и М. В. Куликов, В. В. Зеньковский, В. Н. Ильин, О. Н. Некрасова и Л. Н. Столович.

Многоаспектное философское наследие С. Л. Франка имеет для нашего исследования эвристическое значение, поскольку в нем отражены глубокие рефлексии относительно таких проблем, как философское осмысление религии и философской антропологии в триаде: человек и культура, человек и бытие, человек и Бог. Опыт рефлексий С. Л. Франка тем более актуальный, что они были осуществлены, как настаивает сам автор, в условиях социальных потрясений, уничтожения духовных ценностей, которые формировались на основе тысячелетних традиций, тотального застоя легитимности социальных институтов и смысложизненных идеалов. Это было время, прежде всего, губительной потери веры во всемогущество Человека и его безграничные возможности изменять природный и социальный миры на основе новейших достижений науки.

Революционные потрясения вынудили С. Л. Франка изменить ориентиры: от идеалистической метафизики — к новому философскому дискурсу, в котором доминировала религиозная концепция осмысления нового времени революционных преобразований. Духовный опыт метафизических поисков стал концептуальной основой для его философских работ: «Предмет знания», «Смысл жизни», «Непостижимое», «DE PROFUNDIS», а также — «Душа человека». Фактически, эти работы стали основой для его учения о живом знании, в котором феномен «жизни» — это наиболее глубокое и всеохватывающее выявление абсолютной реальности, в которой данный феномен становится основным как для онтологии и гносеологии, так и для философии культуры и социальной этики С. Л. Франка.

В современной философии определен усиленный интерес к осмыслению смысла жизни, осуществляемый в контексте учения о взаимоотношении реальности и человека. К этой проблеме в своих научных исследованиях обращаются Н. Андреев, П. П. Гайденко, О. Т. Ермишин и В. А. Кувакин., все они приходят к выводу о том, что С. Л. Франк, будучи одним из ярчайших интеллектуалов, оставил свои рассуждения о душевной жизни человека, не как о тени актуального сознания, а как об абсолютном начале, тайне и источнике человеческой личности. Поэтому его исследования духовных уровней человеческого сознания, во всей их глубине, помогает осознать систему душевного мира, место,

роль и значение в жизни людей, а также идеальное отношение душевного мира к другим сферам бытия.

В условиях современного футурошока осмысление роли духовной жизни, как основы человеческого бытия, осуществленные С. Л. Франком — безусловное важное теоретическое задание, ориентированное на объяснение душевной жизни, как центра системы психических координат, в которой относительная реальность эмпирического содержания нашей жизни коренится в самом абсолютной бытии.

Среди научных работ, посвященных исследованию духовности как основы человеческого бытия, реальности и души человека в интерпретации С. Л. Франка, в первую очередь, привлекает внимание работа В. К. Ларионовой, которая в монографии «Этика Абсолюта С. Л. Франка» [1] исследует его философско-этическую систему, что выстраивалась на основе высших достижений философской европейской и русской мысли. В частности, как самое ценное в духовном наследии С. Л. Франка, выделяется постановка и решение им проблемы единства либеральных ценностей независимой личности и ценностей традиций, проблема отношения человека к проявлениям зла, обоснование системы этических основ и оценок на фундаменте онтологии, раскрывающей себя в основном как этическая система.

В. С. Мовчан, анализируя причины парадигмальных отличий между западноевропейской и восточнославянской характеристикой отношений человека и мира, которые утверждают органичность моральных связей, выделяет в творчестве С. Л. Франка доминирование чувственного начала с ощутимыми чертами античного понимания всеединства, как сопричастности и связи всего сущего. Она обращает внимание, на то, что «моральный аспект этого понятия связан с характером переживания бытия <...> Здесь гуманизм проявляет себя в форме человеколюбия и настроенности на любовь трансцендентного воплощения добра — Бога» [2, 379].

В. А. Малахов, обосновывая значение любви и веры, показывает, что эти стороны человеческого бытия являются его неуничтожимой возможностью, и в своих выводах также ссылается на С. Л. Франка. Он показывает, что у С. Л. Франка «проблема веры обращена не только к выбору, но и к рассуждениям и предполагает в человеке способность трезво, критически изучать свое внутреннее бытие, определяющие основания своего отношения к миру, соединить движение мысли и движение чувств в своеобразной «совестливой» рациональности» [3, 207–208].

Поскольку, важным достижением С. Л. Франка в определении сферы душевной жизни является и объяснение душевной жизни в сфере сознания, поэтому в нашей работе целесообразно охарактеризовать то, каким образом он стремится определить основные черты душевной жизни, присущие этой своеобразной стихии.

С. Л. Франк отмечает, что обычно, своеобразие душевной жизни определяется непротяженностью психического, в отличие от протяжности материального. Но если суждения, по которым душевное отличается не только от материального, но и от «духовного» являются правильными, то эти учения все равно недостаточны хотя бы потому, что они не указывают отличительного признака душевного как такого. Он считает, что не только настроение, чувства, устремления, но и математическая теорема, моральная заповедь, государственный закон не могут быть измерены метрами, иметь объем в пространстве, передвигаться в нем, иметь материальный вес [4, 26].

Исследуя разные примеры относительно черт душевной жизни, философ приходит к выводу, что существенная черта человеческой души определяется ее отличием от предметного мира — ее неизмеримостью. Так называемая непротяженность, которую корректно определить как непространственность душевной жизни, является лишь одним из проявлений этой неизмеримости. Но для того, чтобы обозначить своеобразие душевной жизни в ее существенных чертах, необходимо исходить не из рациональных верификаций, а из непредвзятого описания душевной жизни такой, как она непосредственно нам дана в ощущениях. Тогда общее понятие неизмеримости разворачивается в сложное разнообразие конкретных черт [4, 29].

Прежде всего, в душевной жизни им выделяется характер целостности. Он считал, что предыдущая психологическая теория игнорировала эту основную черту. Под сознанием или душевной жизнью понималось сугубо формальное единство, нечто похожее на пустую сцену, которая, как бы извне, наполнялась содержанием, и это содержание состояло в том, что на сцену выходили предварительно согласованные персонажи с масками «чувств», «представлений» и «стремлений».

Таким образом, утверждается, что невыразительный момент бесформенной целостности — это первая характерная черта духовной жизни. Но для того, чтобы как следует определить для себя ее своеобразие, необходимо отличать ее не только

от определенной множественности разобщенных элементов, но и от сугубо логического абстрактного единства. Философ считает заблуждением ссылки на отличие духовной жизни от суммы отдельных частей, которые часто воспринимаются как достаточное доказательство единства «души» логически определенного единства поля сознания. Тем не менее, он допускает, что необходимо признать правоту эмпирической психологии, когда она отрицает отождествление душевной жизни с единством души.

Душевная жизнь, не будучи определяема множественностью, для С. Л. Франка не является и определенным единством, но мыслится как определенный рубеж между тем и другим. Это состояние не достигает в логическом отношении ни того, ни другого. Оно есть определенной экстенсивной тотальностью, которой также не хватает интегрированности и дифференцированности [4, 32]. В логическом смысле душевную жизнь философ определяет как чистую потенциальность, экстенсивное единство, но в обоих смыслах — это бесформенность и лишь материал, способный стать как действительным единством, так и действительной множественностью, но именно как бесформенный материал для того и другого.

Также отмечается, что единство может иметь разные степени. Единство и объединенность душевной жизни может быть лишь иным обозначением для определенного понятия самопроникновения. Это соотношение философ рассматривает в явлении, которое обозначает термином «рассеивание». Он обращает внимание, что с одной стороны, рассеивание является расслаблением сознания, а с другой — рассеивание означает дезинтеграцию душевных состояний [4, 35].

В определенных случаях кажется, что такое разрушение единства действительно имеет место. И именно в этих случаях эмпирическая психология усматривала фактическое опровержение «метафизического» учения о единстве души. Поэтому часто брались во внимание общеизвестные случаи расщепления душевной жизни. С. Л. Франк не защищает это метафизическое учение в его традиционном смысле. Он считает, что данное учение действительно виновно в смешении низших и высших сторон душевного бытия, в упрощении своих понятий [4, 37].

Доказывается, что душевная жизнь не имеет границ не потому, что охватывает бесконечность, а потому, что ее позитивное содержание в своих ограниченных составляющих непостижимым образом «исчезает», не имея определенных границ. Душевная

жизнь стремится вглубь к бесконечности. И поэтому, вспоминая Гераклита, С. А. Франк утверждает, что границ души невозможно найти, даже исходя из все ее пути, поскольку слишком глубока ее основа. Он делает вывод, что мы можем знать о том, что действительно переживаем, если переживание не тождественно сознанию и не исчерпывается своей познанной стороной, лишь опыт душевной жизни всегда дает нам потенциальную бесконечность и содержит позитивное указание на предыдущую, более глубокую и темную сторону любого сознательного переживания. Исследователь выявляет, что неограниченность душевной жизни — это всего лишь другое выражение его целостности, что она — выражение ее единства с качественной стороной. Душевная жизнь — и есть сама потенциальная бесконечность, неограниченное (*indifinitum*), в отличие от бесконечного (*infinitem*). Он считал, что лучше всего это понимал Лейбниц, когда писал, что душевная жизнь, или же, внутренний мир монады, охватывает всю вселенную и даже Бога, но выражает или представляет эту бесконечность лишь приблизительно [4, 43].

Философ выделяет и такую черту душевной жизни, как вневременность, объясняя, что душевная жизнь находится как бы между бесконечностью и ограниченностью. Точно также она является чем-то промежуточным между чистой надвременностью и абсолютной погруженностью в мгновение времени. К надвременному он относит наше знание, когда, выражая определенную истину, мы улавливаем определенный общий смысл, который всегда возносится над мгновением времени. И поэтому, считает он, в знании мы возносимся над временем и живем в вечности [4, 45].

Второй пример вневременного С. А. Франк выделял, ссылаясь на память, с помощью которой у нас есть возможность в настоящем времени владеть прошлым и, таким образом, прошлое не ускользает от нас и не теряется нами. Живя в настоящем, мы не погружены в него, а возносимся над ним, осматривая то, что отдалено от нас во времени. И, наоборот, полностью погруженным в данный момент мы мыслим свое телесное бытие, для которого вообще не существует прошлого и будущего. Телесное бытие существует лишь для сознания, когда каждое событие в телесном мире мы можем полностью связать с определенным моментом жизни. Между тем и другим, по его мнению, и размещается наша душевная жизнь.

Человеческая душа, в его понимании — это живое субъективное единство, которое формирует знание

в ограниченное субъективное целое, необходимое для задач практической жизни. С другой стороны, несмотря на подчиненность чистого знания субъективной формирующей силе жизни, сама функция знания, как универсального способа формирования личностью ее душевной жизни, свидетельствует о неразделимом единстве начала знания и сути душевной жизни. Душа и руководит жизнью в силу того, что она, по своей сути, есть потенция знания, внутренне родственная началу знания и имеет с ним общее основание. Так конкретная природа формирующего начала душевной жизни предстает субъективной деятельно-формирующей силой жизни. Душевная жизнь в этом смысле не противостоит объективному миру, как чуждой для нее сферы, а возникает как своеобразно оформленный элемент объективного бытия [4, 54].

По мнению философа, это описание душевной жизни, как реального носителя чистого знания, еще не достаточно полно охватило внутреннюю связь между душой и объективным, надындивидуальным бытием. Существует более глубокое единство этих двух сторон, выяснение которой содействует лучшему пониманию единства души и ее отношением к абсолютному бытию. И это единство С. А. Франк называет духовной жизнью.

В работе «Душа человека» он, для определения души, предлагает примеры ее возможного существования и связи с иными аспектами нашего бытия. В то время, когда другие философы под понятием «душа» понимали нечто мистическое, он сопоставляет его с термином «сознание». В соответствии с С. А. Франком, душа в понимании единства или целостности душевной жизни, вовсе не является чем-то таинственным. Наоборот, она является близким и доступным для нас миром. Каждое мгновение жизни мы осознаем ее. Мы и есть она, хотя часто не замечаем и знаем ее. Он считал, что душа охватывает все уровни нашего бытия, в ней вмещены ответы на все вопросы, которые нас волнуют, и все, что нас окружает, также сводится к душе. Таким образом, в его рассуждениях проявилось метафизически-трансцендентальное объяснение мира души человека и ее возможности [4, 60].

Обобщая характеристику принципов реалистической философии духовности, предпринятую С. А. Франком, можно сделать выводы о том, что становление души как сознания и формы образования объясняется им через принцип развития. Этот процесс мыслится таким, что пребывает в постоянном движении. Таким образом, сугубо

феноменологическое рассмотрение душевной жизни, ее характерных черт и ее субординации с высшими и нижними сферами бытия, приводит нас к определению сущности душевной жизни, как целого в системе бытия. Конкретная душевная жизнь как целостность, или «душа» — это такое своеобразное начало, которое пребывает между временным течением эмпирического телесно-предметного мира и актуальной надвременностью духовного бытия. И, благодаря этой опосредованности, душевная жизнь расширяется во всех сферах бытия.

Рассуждая над проблемой души человека, С. Л. Франк привлекает к философскому тезаурусу такие понятия, как «душевная жизнь», «предметное сознание», «актуальное познание», «природа самосознания», «вневременность души», «потенциальная бесконечность». Им рассмотрены разные значения понятия «сознание», в которых различаются усложненные исходящие явления, отображающие взаимодействие душевной жизни со сферами, находящимися вне ее границ.

Эта позиция позволяет приблизиться к платоновскому пониманию души, как посредника между идеальным миром духовного бытия и чувственно-эмпирическим миром временной жизни. В этой целостности, которая связывает необозримую бесконечность, полноту и единство абсолютного бытия

с ограниченностью и изменчивостью эмпирического бытия и мыслится им сущность человеческой души.

Представление о единстве универсального и уникального выразилось в религиозно-философской идее С. Л. Франка. Она открывает вместе с проблемой души и проблему смысла жизни, которая в первой трети XX ст. предстала как необходимость осознания общественно-политической культурной жизни народов мира. Это был поиск нового способа жизни, в котором душа человека пыталась воплотить смысло-жизненные идеи в реализацию самой жизни.

Настоящая человеческая деятельность, по мысли философа, должна быть ориентирована на поиск и нахождение смысла жизни, без которого человеческая деятельность становится бессмысленным скитанием, ведь силы духа должны превосходить силы утилитарного мира, для того, чтобы не наступило затмение вечного Света.

Наследие С. Л. Франка стало значительным вкладом в развитие как психологического, так и философского анализа структуры души, типологизации существенных черт, которые создают уникальный узор на индивидуальной духовной жизни. Фактически его рефлексии над душой человека были направлены на то, чтобы осознать архитектуру человеческой психики, истинные источники человеческой жизни, отразить смысл бытия человека.

Список литературы:

1. Ларіонова В. К. Етика абсолюту С. Л. Франка: Монографія/В. К. Ларіонова. – К.: Б. В., 1996. – 100 с.
2. Мовчан В. С. Історія і теорія етики. Курс лекцій. Навч. посібник/В. С. Мовчан. – Дрогобич: Коло, 2003. – 512 с.
3. Малахов В. А. Уязвимость любви./В. А. Малахов. – К.: Дух и литера, 2005. – 560 с.
4. Франк С. Л. Предмет знания. Душа человека./С. Л. Франк. – М.: АСТ, 2000. – 992 с.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.alexandrmn.ru/books/mdc/mdc4_10.html

*Muminova Zarifa Odilovna,
Samarkand State University,
Senior staff scientist,
Fakulty of Social economy,
Uzbekistan, Samarkand city
E-mail: muminova.2013@inbox.ru*

Spiritual moral being of humans in the sinergetik context

Abstract: In this article the problem of forming humans moral being. In the article do sinergetik analizing spiritual world of humans. Because, in this days sinergetik is general seintifik paradigm.

Keywords: moral, themselfknowing, themselforganization, themselfrealization, garmony, difficult systems, psichik, spiritual world of humans.

Муминова Зарифа Одиловна,
Самаркандский Государственный Университет,
Старший научный сотрудник, факультет
Социальной экономики, Узбекистан, Самарканд
E-mail: tuminova.2013@inbox.ru

Духовно моральный мир человека в контексте синергетики

Аннотация: В статье рассматривается проблема духовного бытия человека с точки зрения синергетики. Так как синергетика является общенаучной парадигмой. Сделано синергетический анализ морального, психического и духовного мира человека.

Ключевые слова: дух, нрав, самопознание, самоорганизация, самореализация, гармония, сложные системы, психика, духовное бытие.

Мы живем в XXI веке, в сложной и противоречивой реальности, где проблемы духовно-нравственной сферы, моральные ценности человека находятся под огромным прессингом экономических, политических и нравственных проблем. XXI век размыл контуры гармоничного бытия человека во Вселенной: мощные темпы научно-технического прогресса, вооружившего его многообразием способов управления внешней реальностью, ставят под вопрос возможность контроля человека над собственным внутренним миром, разорванным нарастающими стрессами, кризисами самосознания, отчуждением от природы, общества, самого себя. В течении развития человечество многочисленные ученые в своих научных работах и исследованиях долгое время изучили сложнейшие грани, изменчивости и неповторимости духовных свойств человека сделали важные научные выводы на основе этих исследований. В этой статье мы постараемся изучать духовный мир человека с точки зрения синергетики, потому что в конце XX и в начале XXI века синергетика рассматривается как общенаучная парадигма. Синергетика — новое направление в познании человеком природы, общества и самого себя, смысла своего существования. Синергетика дает своеобразные объяснение на многие вопросы касающейся духовному мира человека. Сегодня синергетика быстро интегрируется в область гуманитарных наук, возникли направления социосинергетики и эволюционной экономики, применяют ее медики, психологи и педагоги, развиваются приложения в лингвистике, истории и искусствознании, реализуется проект создания синергетической антропологии.

Человек — не только микрочастица Космоса, но и огромный, очень сложный и во многом еще загадочный мир. Внутренний или духовный мир человека — это тоже безграничный космос самых разнообразных ощущений и чувств, эмоций и настроений,

замыслов и идей, понятий и образов, фантазий и идеалов, ценностей и теорий. По этому, человек, его сложный и загадочный мир является основным предметом философии, психологии, социологии уже много веков. Чем глубже мы изучаем этот мир, тем больше вопросов и спорных выводов появляются о сложном составе человеческого духовно психического бытия. Именно духовностью каждого человека, народа и общества определяются, характер, направление, разумность и будущий прогресс человеческой жизни. Бердияев ценит духовность таким образом: «Духовный мир есть место встречи природы Божественной и природы человеческой. Эта встреча и есть духовный первофеномен» [2, 42]. По мнению одного из основателей синергетической концепции Г. Хекена, «В наблюдаемом и окружающим нас мире нет системы сложнее чем самого человек и человеческого общества» [7, 72]. Поэтому еще рано сказать что в их изучении научное сознание достиг существенных успехов. Синергетика рассматривает человека, как одним из самых сложных систем. Сложные системы обладают свойством самоорганизации. «Наиболее очевидная особенность сложных систем заключается в том, что они способны к самоорганизации, то есть спонтанному образованию и развитию упорядоченных структур» [1, 91]. В определенной части своего смысла синергетика и такие понятия как самоорганизация, саморазвитие и эволюция имеют общность, которая позволяет указать их все в качестве результатов синергетического процесса. В особенности самоорганизация устойчиво ассоциируются сегодня с синергетикой. Однако такие ассоциации имеют двойное значение. С одной стороны, эффект самоорганизации является существенным, но, тем не менее, одним из компонентов, характеризующих синергетику, с другой — именно этот компонент придает выделенный смысл всему понятию синергетики и, как правило, является наиболее существенным и представляющим

наибольший интерес. Человек является Разумным существом и обладает свойствами как, самоуправление, самосознание, самоконтроль, самопознание, самокритика и самооценка. Эти свойства являются элементами самоорганизации. Самопознание это сознать человеком самого себя. «Мы подходим к очень ответственному времени — к коренному изменению нашего научного мировоззрения. И в основе его — познание человеком самого себя» [3, 32]. Внимательный взгляд на себя и свою историю а данных позиций несомненно поможет человечеству лучше понять свое настоящее и взглянуть в будущее, прогнозировать его на сотни, тысячи и миллионы лет вперед. С точки зрения синергетики мы можем сказать о человеке как уникальном духовно-телесном, природно-социальном феномене и о мире, в котором ему предстоит жить и действовать, привить навыки самостоятельного поиска истины, сформировать потребность в самовоспитании, самореализации, самоорганизации для успешной деятельности, соответствующей постоянно меняющимся условиям социума. В этом — залог жизнеспособности и устойчивого развития как самого человека, так и общества в целом. «Развитие человеческого общества, общественного производства, общественного сознания переносит процесс самоорганизации и самоуправления на уровень социальных систем» [4, 154]. Синергетика как научно-исследовательское направление вызвана к жизни необходимостью нахождения адекватных ответов на те глобальные вызовы, с которыми сталкивается развитие современной цивилизации в целом. В этой связи теория психологических систем (или психосинергетика, что тоже самое), разработанная В. Е. Ключко, является одним из вариантов развития постклассической психологии. Человек понимается в указанной теории как самоорганизующаяся система, т. е. система, порождающая психологические новообразования и опирающаяся на них в своем самодвижении. С точки зрения синергетики самоосуществление человека, включающее в себя процесс самоорганизации, невозможно без упорядоченности, не предполагающей воздействие извне. «Вступает в силу фактор эволюции системы, связанный с антиэнтропийным

характером, обусловленным накоплением структурной информации, которая способствует устойчивому развитию личности, продуктивной самореализации в ходе жизнедеятельности» [5, 154]. В рамках синергетического подхода, понятие «самоосуществление» выступает не как результат жизненного пути, не как процесс, реализующий этот путь, а как «постоянное движение в сторону усложнения», «наращивания себя», «открытие новых мерностей», позволяющих обнаруживать в мире новые возможности в соответствии с законами «взаимодействия» и «ограничения взаимодействия» [5, 154]. В. Е. Ключко указывает, что в данном контексте речь может идти «о жизни как процессе самоосуществления» потому что сама жизнь становится ежеминутным самоосуществлением, удерживающем жизненную трансспективу.

Человек как сложная система состоит из нескольких элементов. Это, телесное существование, душевная жизнь и духовное сущность, то возможности эволюции человека, общества, цивилизации и культуры зависят от всех трех Природ. У человека все эти три Природы должны соответствовать друг-другу и развиваться гармонично. «Онтологический фазовый поворот Социума возможен только при условии, когда ведущим становится духовный вектор, а ведомым — телесный вектор материальной жизни. Синергетическое миропонимание не оставляет сомнений в том, что будущее не за разобщенностью, а за общечеловеческим единством, не за стихийными формами развития, а за социальными технологиями, обеспечивающими гармонизацию общественных и личных интересов в общецивилизационном масштабе» [6, 68].

Новые взгляды на эволюцию, развитие, привносимые синергетикой, несут в себе громадный (и пока еще не востребованный в полной мере) потенциал, овладение которым гарантирует интеллектуальное преимущество, заключающееся в способности (как общества, так и его отдельных членов) влиять на собственную эволюцию, выбирать пути развития. Такие понятия, как «самореализация», «саморазвитие», «самоосуществление» наполняются реальным смыслом.

Список литературы:

1. Баранцев Р. В. Имманентные проблемы синергетики. // Вopr. Философии. – 2002. – № 9. – С. 91.
2. Бердяев. Н. А. Смысл творчества. – 1929. – Ч. 1. – С. 42.
3. Вернадский В. И. Научная жизнь как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – С. 32.
4. Егоров В. С. Синергетика: человек, общество. // Синергетика: человек, общество. – М., 2000. – С. 154.
5. Ключко В. Е. Самореализация личности: системный взгляд. / В. Е. Ключко, Э. В. Галажинский / под ред. Г. В. Залевского. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 1999. – С. 154.

6. Лукьянов А. В. Философия трансцендентальной телесности. // Акчурина А. Б. Человеческая телесность: трансцендентальная сущность и социальные аспекты ее идентификации. – Уфа: Гилем, 2005. – С. 7.
7. Хакен Г. Синергетика. Наука. – М., 1986. – С. 67.

*Petev Nikolay Ivanovich,
die Staatliche Universität Vladimir,
der Assistent des Lehrers,
die Institut der Philosophie und Religionswissenschaft
E-mail: cyanideemo@mail.ru*

Die eschatologische Katharsis als Prinzip der Apokalypse Endlichkeit des Daseins

Abstrakt: Buch werden: In diesem Artikel untersucht das Phänomen der eschatologische Katharsis. Das Prozess der Reinigung beinhaltet die sittliche Vervollkommenung des Individuums. Allerdings ist der Prozess der eschatologische Katharsis betrifft nicht nur den Menschen, sondern des gesamten seins.

Stichwörter: die eschatologische Katharsis, die Reinigung, der Dasein.

Der Fachaussdruck „Die eschatologische Katharsis“ ist ein besonderer ontologischer Prozess. Im Ergebnis auf diesem Prozessen die Reinigung die Welt von Übel. Dieses Phänomen hat den Charakter von moralisches Primat bei eschatologisches Korrelat. In apokalyptischen Bildern der vielen Religionen (zum Beispiel, Christentum, Zoroastrismus, die Religionen des Mesoamerikas und Germanes Volks) liegt das Prinzip der Erhaltung des Daseins und der Beachtung der moralischen Regeln. Die moralische Säkularisierung ist nicht nur der Katalysator des geistigen Verfalls der Menschheit sondern führt zu der Destruktion des Daseins.

Das erste, was müssen Sie beachten, — ist die Natur der Eschatologischen Katharsis. Der gesamte Prozess des apokalyptischen Sturzes ist ein Wunsch aller ontologischen Prozess in den Zustand «Entelechie verhält» (sehen Sie Hinweis № 1). Es ist ein Zustand des seins, ohne übel, insbesondere moralischen, dann gibt es primäre und perfekt. Das Übel tritt Akzidentisch [18, 122], und in der gesamten Architektur des seins hat den Charakter der Spur, das heißt, dass nicht zu eigen, diese Struktur zunächst. Wie ein lebendiger Organismus, der Schöpfung bestrebt ihn loszuwerden (sehen Sie Hinweis № 2). Bezug auf die Endzeit Katharsis — ist ein Prozess der Befreiung und Reinigung des seins von dem Übel. Es ist ein Paradox, aber das Übel selbst spielt eine wichtige Rolle in diesem Prozess. Aber bitte beachten Sie, dass die apokalyptischen Zerstörung ist nicht sofort gültig Ereignis, sondern ein Prozess, der hat das Ziel, die Reinigung des seins (sehen Sie Hinweis № 3).

Das teleologische Substrat der eschatologischen Katharsis — ist die Reinigung des seins vom Übel,

insbesondere die moralische, die für die Erfüllung seiner ursprünglichen Zustand. Ein Paradebeispiel dafür ist die apokalyptischen Lehre und Zoroastrier. Nach ihm ist die Hauptursache des Übels in der Welt ist Übel Geist Angra Manyu, die «wütend stürmte in die Welt durch die untere Sphäre der Stein des Himmels und brachte Sie seine Perfektion» [2, 35]. Gemäß der Mythologie nämlich Angra Manyu brachte das Übel und den Tod in die perfekte Welt der Überlieferung von Ahura-Mazda. Mit diesem Zeitpunkt beginnt die Ära der «Vermischung» (sehen Sie Hinweis № 4), wo das Gute gegen das Übel ist. Das Ergebnis dieses Kampfes ist die Rückkehr des gesamten Universums in seinen ursprünglichen Zustand, dabei entstand die neue Welt, das ist nicht etwas, das transzendente. Es ist derselbe, der die materielle Welt ohne übel (sehen Sie Hinweis № 5). Der Prozess der geistigen Reinigung betrifft nicht nur das Individuum, sondern nur des materiellen Daseins, in die Sie eingedrungen Angra Manyu. Aber ein sehr wichtiger Faktor ist, dass die Person auf keinen Fall entfernt Verantwortung für das Übel in der Welt (sehen Sie Hinweis № 6).

Merken Sie, dass in der Religion der alten Germanen und im Christentum gibt es auch Elemente der eschatologischen Katharsis. Soteriologischer Aspekt der eschatologischen Katharsis ist den Übergang vom Anthropozentrismus zu Ontologozentrismus (Zoroastrismus, die Religion der alten Germanen usw.). Zum Beispiel, in der Religion der alten Germanen das Prinzip der Reinigung erstreckt sich auf die Menschen und die ganze Schöpfung, einschließlich der Götter. Ragnarök wird zerstört Dasein zusammen mit den Göttern. Und nach eschatologischer Zerstörung über alle neun

Welten, wird ein neuer und perfekt, und ohne übel gebildet. Die Stelle wird nur die Götter aus der alten Welt, die sich nicht bereits in einem dem Einfluss des Übel (sehen Sie Hinweis № 7). Darüber hinaus, bis zur endgültigen Zerstörung der ontologischen auch gerettet werden zwei Menschen (Liv und Livtrasir), denen bestimmt, die Menschheit wiederherstellen [7, 79]. Interessant ist die Tatsache, dass der gerettete ein paar Menschen Sohn in den Wald Hoddmimir, die Teil der alten Welt, so kann der Schluss gezogen, dass das böse dringt nicht in alle Teile der göttlichen und der materiellen (menschlichen) der Welt. Dementsprechend Triade (die Götter, die Menschen und die materielle Welt), die nicht berührte, «Verderbnis» und werden zu Bestandteilen der Architektonik des neuen Daseins. Der Prozess Der estachologische Katharsis in der Religion Skandinavien gilt für alle Bereiche des Daseins, die sowohl materielle als auch transzendent.

Schwieriger ist der Fall im Christentum, weil hier das Objekt der Soteriologie der Mensch ist. Unter den Forschern der christlichen Lehre gibt es die Meinung, dass nicht nur der Mensch, der wird gerettet werden, während Estachologischen Sturz, aber auch und die gefallen Engel: «nach der langen jahrhundertealten Perioden, Laster verschwinden, und nichts bleibt außerhalb der Güte, im Gegenteil, und Erebos einstimmig beichten wird die Herrschaft Christi» [12, 250]. Mit anderen Worten, die Rettung in diesem Kontext hat einen besseren Anthologie Charakter, der ihm Fremd ist Anthropozentrische Besessenheit. Alle gefallen Engel wieder in den ursprünglichen Zustand, d. h. in der Engel, das Sie hatten vor dem Fall. Gregor von Nyssa macht eine solche Annahme, gestützt auf die Heilige Schrift, genauer gesagt, auf der eine Geschichte über die «Himmelfahrt Schlange Moses» [11, 268–269]. Grundlage dieser Hypothese ist die Vorstellung, dass der Übergang von der Natur, wie die Engel und die Menschen, die von einem Zustand und Form in die andere und wieder zurück. Das heißt zunächst, dass die gütige Natur nach seinem Geschöpf kann den Übergang in den Zustand Laster und Sünde, aber in der gleichen Zeit, Stelle die Möglichkeit, die Behandlung dieses Prozesses und die Rückkehr Objekt in den ursprünglichen Zustand, der frei vom Übel. Wenn man bedenkt das Konzept, das Soteriologie findet Charakter der Estachologische Katharsis.

Aber Apokatharsis von Gregor von Nyssa und mit Bezug auf die Endzeit Katharsis Brand abweichend sind. Das erste Konzept hat privaten Charakter, dann kann es sein, betrachtet und analysiert wurde nur im

Rahmen einer Tradition, nämlich die des Christentums. Dann wie mit Bezug auf die Endzeit Katharsis hat umfassend, wie immanenten Prinzip der ontologischen Bewegung des Seins, Sie ist in der apokalyptischen Konzepten unterschiedliche Religionen. So oder so, seine Elemente sind, zumindest teilweise, in der apokalyptischen lehren wie die der traditionellen Konfessionen und nicht-traditionellen. Darüber hinaus, der moralische Aspekt ist der Primat der estachologische Katharsis, während für die Apokatharsis von Nyssa wichtigste Element der Glaube ist.

Die Erreger Substrat der estachologische Katharsis — ist, dass es in der Schöpfung des Übel und die Notwendigkeit, ihn loszuwerden, die für die Rettung. Um die Ursache zu verstehen die Estachologische Katharsis, zunächst müssen Sie prüfen, die Natur des Übel. Wie schon oben gesagt, das Übel akzidentisch ist und ist ein Rudiment in der Architektur der ursprünglichen Schöpfung. Jedoch ist der innere Gehalt Paradox: trotz der Tatsache, dass es eine enorme macht hat, in Wirklichkeit ist es nichts so und ist schädlich für sich selbst [18, 117]. Das Übel sich selbst entlarvt und welkt mit der große zerstörerische Energie, die in Erster Linie destruktiv wirkt sich auf die Sache selbst. Diese Energie überladen und hat eine übermäßige Aktivität [5, 154]. B. Spinoza stellt fest, dass «jede Sache, soweit es von ihm abhängt, ist bestrebt, seine eigene Existenz» [19, 130], das heißt, die versucht, Ihre Realität, existentielle Dasein. Angesichts der Tatsache, dass «je mehr der Realität eigen ist, die Natur einige Dinge, desto mehr hat Sie die Kraft» [19, 14], kann gefolgert werden, dass das Übel nicht über eine gültige Kraft hat. In der Allgemeinen ontologischen und der eschatologischen Bild von der Welt des Bösen spielt eine besondere Rolle, deshalb gibt es auch die Notwendigkeit, seine Annahmen für die weitere Reinigung der Welt.

Die Frage, was gut benutzen kann, das Übel in seinen Zielen ist sehr relevant. Zum Beispiel, J. Rollis glaubt, dass das Übel kann man korrigieren, das Übel, als das beste der möglichen Geräte enthalten kann, die Balance Unvollkommenheiten [16, 249]. In Wirklichkeit sehr oft die Vernichtung des Übel das Übel erzeugt noch mehr Übel und so weiter bis ins unendliche. Und dennoch, das Prinzip der estachologische Katharsis vermutet, dass das Böse ist begrenzt und ist ein Instrument für die Erfüllung der höchsten Ziele, obwohl leugnen, seine destruktiven Charakter und die Auswirkungen auf das Individuum unmöglich. Unmöglich, nicht zu bemerken, dass das Böse hat die Eigenschaft des Mimesis, das heißt, hat die Fähigkeit, die äußere Form des Guten, mit anderen

Worten, ihm nachzueifern. Diese mimik bietet das Übel zu durchdringen alle Bereiche des Daseins. Aber der Mensch intuitiv in der Lage zu unterscheiden, das eine vom anderen.

Die Ursache estahologischer Ereignisse in den Kontext der Bilder ontologischen Abbaus ist die moralische Degeneration ist, wo deutlich nachvollziehbare Ursache-Wirkungs-Beziehung zwischen der moralisch-geistigen die Zerstörung der Struktur des seins. Als Beispiel führen wir die nordische Mythologie: das Übel dringt nicht nur in den Menschen, aber auch die Götter, die Sie erschaffen haben, das Universum und wurden seinen Schutz. Warum ist das geschehen? Ja, weil Sie (die Götter) zunächst mit der Tatsache abgefunden, dass das Übel vorhanden ist unter Ihnen, und in der Folge erlaubt ihm dann über Ihnen, so viel macht, dass Sie verloren haben, dann ist das Letzte, was symbolisierte die Reinheit und Güte, nämlich Gott Baidur [3, 289]. Nach der Ermordung des Baidur, das Übel ist so verwurzelt in der Gottheiten, dass Sie sogar vergessen, über den Heiligen Eid nicht vergießen «brüderlichen» Blut (sehen Sie Hinweis № 8). Durch Meineid getötet unschuldig Mord Baidur Gott head. In den Prozess der moralische Degradierung und Zerstörung des seins ändert sich auch der Charakter der Asgardien. Hell Besessener, dass die Götter, wie die Menschen unter dem Einfluss des Übel, ist der Mythos von der rituellen Beerdigung Baidur. Während der Prozession der Beerdigung starb vor Kummer Göttin Nanna (Blühende), und Thor getötet wurde Zwerg-Lit (Farbe) [20, 49], dass, egal wie symbolisiert die Vergänglichkeit der Schöpfung bestimmte positive Aspekte. Dieser Mythos sagt über die moralische Zersetzung der Götter, und auch über den ontologischen «Verwelken» universalen Vaters.

Bei den Zoroastriern das Übel hat nicht nur im Menschen, sondern in fast allen Bereichen des materiellen Daseins. Moralische Verhalten wurde eigentlich dreifachen Ethik (gute Gedanken, Worte und Taten), die war gleichzeitig ein Symbol für den glauben, für Sie [2, 48]. Die Ausführung dieser moralischen Vorschriften ist nicht nur Weise Leben eines jeden Gläubigen der Zoroastriens, sondern auch der Kampf gegen das Übel. Jede gute Tat bringt die Offensive des jüngsten Gerichts, an dem alles Übel und gemein ist, bestraft wird und brennt im Feuer. Eine wichtige Rolle in diesem Fall spielt nicht nur die moralische Evolution, sondern eine moralische Degradation. Je früher jeder Mensch erkennt sich zum guten oder Übel, desto eher kommt die Zeit der Reinigung der Welt. Deshalb

Demoralisierung des Universums spielt zwei verschiedene Aufgaben:

- 1) Sie ist Indikator für die Existenz des Übel in der Welt, was bedeutet, dass die unmittelbare Notwendigkeit, Sie zu bekämpfen;
- 2) und Sie ist eine notwendige Bedingung der Reinigung: nur wenn jeder einzelne machen die Wahl, und nur dann, durch die eschatologische Zerstörung des seins, wird möglicherweise die Rückkehr der ursprünglichen und reinen Welt.

Im Christentum ist die Ursache estahologischer Katharsis ist die Notwendigkeit der Reinigung der menschlichen Natur von der Laster nach dem Sündenfall. Die ursprüngliche Ursache des Übel im Menschen ist, die Freiheit des Willens [8, 317]. Hier lohnt sich eine Bemerkung: in der eschatologischen Konzept des Christentums Entscheidungsfreiheit ist die Befolgung der durch die geistige Evolution. Die Unterordnung der eigenen Lastern ist nichts anderes als Sklaverei [8, 319].

Wenn man das Konzept des Heiligen Gregor von Nyssa über die Möglichkeit der Katharsis der gefallenen Engel, die Katharsis in dieser Interpretation findet eine breitere Skala, so wie er tragen würde, nicht anthropozentrische Charakter, wie im Konzept der Apokatharsis des Heiligen Gregor von Nyssa und die ontologische, da gerissen soteriologischer Verslossenheit und eschatologische Heil für andere Wesen (gefallene Engel). Anzumerken ist, dass in der christlichen Tradition gibt es keine Lehre über die Rettung der gefallenen Engel, so wie die Engel schon einmal entschieden, seinen Willen entweder zum guten oder zum Übel [9, 224].

Die folgende Funktion der estahologische Katharsis, die Sie beachten — dies ist die Reinigung durch das leiden. Insbesondere ist es die inhärente christlichen Apokalyptik. B. Pascal stellt fest, dass das leiden, das ist nichts anderes als der Natürliche Zustand eines Christen, in dem er selbst zu sein [13, 8].

A. Schweitzer, die Analyse der Lehre des Apostels Paulus über die eschatologischen die Sehnsucht und Erlösung, nannte diesen Vorgang «sterben und die Auferstehung in Christus» [22, 198]. Entzug und das leiden ist ein integraler Bestandteil der Reinigung des Individuums von der Sünde. In der «Offenbarung» des Johannes zu leiden haben zwei Aspekte:

- 1) das leiden der Gerechten, die eine zentrale Bedeutung für die Erhaltung seiner geistigen Freiheit (sehen Sie Hinweis № 9);
- 2) leiden, diejenigen, die haben drucken des Antichristen, und Knechte der Sünde und des Übel (sehen Sie Hinweis № 10).

Aber auch für diejenigen, die Verführung erlegen irdischen Gütern, gibt es eine Chance, sich zu bessern. Darüber sagt ein Auszug: «die Offenbarung»: «Und in jener Stunde geschah ein großes Erdbeben, und der zehnte Teil der Stadt fiel, und wurden getötet in dem Erdbeben siebentausend Namen der Menschen; und die übrigen Furcht ergriffen wurden, und Gaben Ehre dem Gott des Himmels» (Offb. 11:13). Die Angst, die hier beschrieben werden, als ein Stimulans Divinations und moralischen Läuterung wie Ihre Folgen. Können Sie einverstanden mit der Meinung der T. Wright, dass das Leiden und Martyrium werden die Waffen des Sieges über das Böse [14, 110]. Darüber hinaus leiden, im Rahmen der estahologische Katharsis, sind ein wesentlicher Katalysator für die moralische Authentizität des Individuums, das heißt, seine Bestimmung entweder zum guten oder zum Übel.

Mit Bezug auf die Endzeit Katharsis räumt mit einigen der materiellen Aspekte. Zum Beispiel, in der Mythologie der Skandinavien existierte, die den Wert des Lebens, aber dennoch, jeder Soldat bereit war, zögern Sie nicht, geben Sie es in die Schlacht, um in den Kapiteln abläuft, um während *Ragnarök* sich gegen die Kräfte des Übel (sehen Sie Hinweis № 11). In der Religion Mesoamerika Menschenopfer waren weit verbreitetes Phänomen zu sein, dabei haben nicht nur das Leben der Gefangenen, sondern auch die eigenen. In der Religion des Zoroastrismus es gibt viele Hemmungen, die sich mit der Idee, dass bestimmte Sachen oder Tiere sind die Personifizierung des Übel. Deshalb gibt es bestimmte Einschränkungen für die Erhaltung der Reinheit des Individuums.

Ein Paradebeispiel für die Gegenüberstellung von materiellen Gütern und moralischen Läuterung ist ein Bild der apokalyptischen Zerstörung des Universums, das in der Offenbarung des Johannes. Aber in der gleichen Zeit, Jesus Christus, weit Weg vom Hass auf die menschliche Welt, er Predigt nicht die Ablehnung von Leben auf der Erde, sagt über Ihre Umleitung [21, 17–18]. Jedoch, nach der «Offenbarung», gerade durch materielle Güter und Spaß Übel sein, zu versklaven, die die Menschen während estahologischer Zerstörung des Seins.

Das Teleologische Primat der estahologische Katharsis ist die unbedingte sittliche Authentizität des einzelnen. Jedes Bild estahologischer Zerstörung des Seins beinhaltet die Wahl zwischen gut und Übel.

Man kann sogar sagen, dass die Ereignisse apokalyptischen Charakter determinierten Individuen auf die Vollziehung der moralischen Entscheidung. Dieser Trend wird sich in jedem der eschatologischen Konzept.

Ein Paradebeispiel ist der Zoroastrismus, wo dieses Prinzip zugrunde der Soteriologie. Die Rettung des Menschen hängt von seiner Wahl, und «der Sinn des Zoroastrismus ist, um das Leben zu erleichtern Wahl zwischen gut und Übel, senden alle, die zum guten Abwehr das Übel mit Hilfe Gebete und Zaubersprüche» [10, 350]. Darüber hinaus trägt die Verantwortung nicht nur für sein Schicksal, sondern auch für das Schicksal des gesamten Universums [2, 40].

Das interessanteste Beispiel der moralischen determination ist die Gottheit der nordischen Mythologie Loki. Loki ist ein prominenter Vertreter der Archetyp Trickster [23, 347], woraus folgt, dass seine Handlungen haben keine moralischen Korelat. Zunächst unterscheidet es nicht zwischen gut und Übel. Doch nach einigen Ereignissen. (Mord, seine Söhne und seine qualvolle Gefangenschaft) [20, 51], nimmt er die Seite des Übel und während *Ragnarök* Kampf gegen die Götter von Asgard [7, 34–35]. Loki macht Ihre moralische Entscheidung, das ist, was geschieht, ist moralisch determiniert. Die Ereignisse der apokalyptischen Zerstörung des Seins nicht nur vermuten moralische Authentizität des Individuums, und machen Sie ein obligatorisches Element. Mit anderen Worten, eine solche moralische Entscheidung ist unantastbar und muss. Wenn sogar das Individuum nicht in der Lage, eine Entscheidung, die Ereignisse und Katastrophen estahologischer Zusammenbruch determiniert ihn dazu.

Naturkatastrophen im Bild der apokalyptischen Zerstörung des Seins tragen in Ihrem inneren Gehalt des moralischen Substrat. Die äußeren, materiellen Prozesse haben nicht den Charakter weder die guten noch die Übel [6, 43]. In Wirklichkeit ist der Prozess der Zerstörung der materiellen Substanz des Daseins, ist der Prozess des Übergangs von einem Zustand in den anderen. Zum Beispiel, im Christentum ist die ursprüngliche ätherische Zustand des Seins, in der Zoroastrismus und der nordischen Mythologie, in den Zustand der unbefleckten der Welt, der ohne Sünde ist. Naturkatastrophen für einen starken Geist wahrgenommen werden, nicht als Schmerz, sondern im Gegenteil als geistige Reinigung [6, 43]. Die Zerstörung der materiellen Existenz ist ein Katalysator der moralischen determination des Individuums.

In der Konzeption der estahologische Katharsis Übel hat nur begrenzte Auswirkungen auf die Allgemeine ontologische Prozess. Es ist ein Instrument der moralischen determination des Individuums. Eine solche teleologische Ziel macht, das Übel ein notwendiges Element im gesamten Prozess der estahologische Katharsis.

Hinweis:

1. Das heißt, es ist das Streben nach dem Stand der vollständigen Vollendung, das hat seine Stärke und das Endergebnis [sehen 1, 11].
2. Wie ein Gift vergift Körper, das böse zerstört Dasein.
3. Er hat 2 Stufen: 1) die Potenz, wo eine es immanent Existenz; 2) Entelechie. In diesem Fall ist die Katharsis hat die Besonderheiten der Speicherung dabei je stärker die moralische Degeneration, desto stärker entwickeln sich die eschatologischen Ereignisse.
4. Die zoroastrische Mythologie unterscheidet drei Phasen des Universums: 1) die Schöpfung; 2) Mischen; 3) die Teilung.
5. Das materielle Dasein war besser als die vorhergehende immateriellen, weil vollkommenen Schöpfung Ahura Mazda haben in ihm wohl in der Form von etwas getrennt und greifbare [sehen 2, 35].
6. Dieses Konzept verbunden mit der mythologischen Personen Iimu. Eine epische Könige, der verloren hat, seine Gnade und seine Seele bemächtigte sich der devas. Über ihn werden wir schon oben erwähnt. Sein stolz war er selbst, und auch die Menschen, so wie es ist wegen ihm, das Übel dringt ein in die Welt. Er messte sich zu Ahura Mazda und nannte sich der Schöpfer aller Dinge. Wenn das Übel packet ihn, dann wurde er ermordet und in die Hölle kommt. Später, Dank Zarathustra wer die Vergebung bekam, aber ist er dazu bestimmt, bleiben in der Hölle vor dem jüngsten Gericht [sehen 15, 225–226].
7. Es sind die Götter, wie Balder und Hödur [sehen 7, 37].
8. Trotz der Tatsache, dass die nordischen Götter in der Asen und Vans wurden, doch zwischen Ihnen, nach dem langen Krieg, waren Sie miteinander, dann gibt es den Brüdern nicht Blut, sondern Freundschaft. Oft ist eine solche Freundschaft wurde so stark, wie die Blutsverwandschaft [sehen 17, 172].
9. Das Übel wird auf die Menschen wirken auf alle möglichen Arten, nur um Sie weigerten sich, die von der moralischen Freiheit. Wer wird widerstehen, Tier, wird verfolgt und getötet. Doch am Ende das Übel wird zerstört, so wie «wer mit dem Schwert tötet, der den selben muß getötet werden durch das Schwert» (Offb. 13: 7–10, 15–17). Aber gerade diejenigen, die weiterhin glauben und die Freiheit, und nicht nehmen, die Trauer, der Antichrist, der wird gerettet, während estahologischem Kollaps.
10. Ein Beispiel ist die Trauer, das die Menschen anbeten Babylon (Hure Babylon) (Offb. 18: 16–19).
11. Der Tod und die Herrlichkeit, die uns geraten in den Kapiteln abläuft, verflochten in der nordischen Mythologie. Nach den Legenden, einige Krieger, bevor Sie bis ins hohe Alter, gingen aus den Häusern, zu sterben im Kampf, damit verdienen die Stelle in den Hallen von Odin, und nicht vom Alter [sehen 4, 29–31].

Referenz:

1. Аквинский Ф. Онтология и теория познания: фрагменты сочинений. – М.: ИФ РАН, 2001.
2. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1994.
3. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы. /пер. с англ. Г. Г. Петровой. – М.: Центрполиграф, 2008.
4. Гуревич А. Я. Избранные труды. Норвежское общество. – М.: Традиция, 2009.
5. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика. Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т., Т. 5. – М.: Русская книга, 1996.
7. Исландский Эпос. Старшая Эдда. /Перевод А. Корсуна. – СПб: Азбука-классика, 2008.
8. Лейбниц Г. В. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1982.
9. Моленко О. Богословские вопросы. Апокалипсис. Пророчества. – М.: Памятники исторической мысли, 2007.
10. Немировский А. И. Мифы и легенды Древнего Востока. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
11. Нисский Г. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. – М.: типография В. Готье, 1861.
12. Нисский Г. Творения святого Григория Нисского. Ч. 4. – М.: типография В. Готье, 1862.
13. Паскаль Б. Мысли о религии. – М.: Типо-Литография Д. А. Бонч-Бруевича, 1899.
14. Райт Т. Тайна зла: откровенный разговор с Богом. //пер. с англ. М. Завалова. – М.: Эксмо, 2010.
15. Рак И. В. Мифы Древнего Ирана. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
16. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского Университета, 1995.
17. Симпсон Жаклин. Викинги. Быт, религия, культура. /пер. с англ. Н. Ю. Чехонадской. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.

18. Скрипник А. П. Моральное Зло. – М.: Политиздат, 1991.
19. Спиноза Б. Этика. – М.: АСТ, 2001.
20. Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. – СПб.: Наука, 2005.
21. Чемберлен Г. Христос не еврей, или Тайна Вифлеемской звезды. – М.: Алгоритм, 2012.
22. Швейцер А. Жизнь и мысли. // пер. с нем. Чернявского А. Л. – М.: Республика, 1996.
23. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. – М.: Совершенство, 1997.

*Saydazimov Kamol Tulkunovich,
Assistant of department philosophy
of Tashkent medical pediatric institute
E-mail: Kam_s@list.ru*

*Khaydarov Khurram Farmonovich,
Professor of department philosophy
of Tashkent medical pediatric institute
E-mail: dilbar-khadjaeva@rambler.ru*

The specify of social law

Abstract: This article describes the regulatory role of the historical laws, which act as a general indicator of social process, being of his highest criterion.

Keywords: historical development, objective laws, social philosophy, society, laws of development of society, mechanisms of laws, social process, relationship of social forces.

*Сайдазимов Камол Тулкунович,
Ташкентский педиатрический медицинский институт,
Ассистент кафедры «Философии»
E-mail: Kam_s@list.ru*

*Хайдаров Хуррам Фармонович,
Ташкентский педиатрический медицинский институт,
Профессор кафедры «Философии»
E-mail: dilbar-khadjaeva@rambler.ru*

Специфика социального закона

Аннотация: В данной статье рассматриваются регулирующая роль исторических законов которые выступают в качестве общего показателя общественного прогресса, являясь высшим его критерием.

Ключевые слова: историческое развитие, объективные законы, социальная философия, общество, законы развития общества, механизмы законов, общественные процессы, соотношения социальных сил.

Исходным пунктом при выяснении онтологического содержания социальных закономерностей являются самые общие положения диалектического учения о связях. Общая его сущность в том, что всякая связь есть движение и развитие. Отсюда всякий закон есть не что иное, как проявление универсального движения, его определенная форма, тип.

Социальная форма движения материи, также охватывает связи и отношения различных типов. Соответственно их взаимодействие объясняется законами различных уровней. Общесоциологические

законы «выхватывают» и характеризуют наиболее общие связи и зависимости, свойственные массам общественных явлений, раскрывают единую логику мирового развития. Это высший философский уровень социальных обобщений. Объективной основой исторических закономерностей выступают связи между отдельными событиями и явлениями человеческой истории, многообразные конкретные реалии той логики, которая обнаруживает себя во временном масштабе, — выявляемые посредством их исторического анализа и описания [1].

Понять природу гуманитарного можно, лишь исходя из понимания специфики самопроявления человека, его деятельности. Сфера гуманитарного — сфера человеческой деятельности, в которой есть основания различать объективную и субъективную компоненты. Объективное — социально-исторические законы, действующие в обществе и определяющие поведение людей. Субъективное — индивидуальные интересы, намерения, — словом, партикулярные интенции человека, который преследует в обществе свои цели, подбирая для этого кажущиеся ему оптимальными средства. Естественно, разведение объективного и субъективного в человеческой деятельности — плод сильного аналитического приема. На деле социальные законы и механизм их реализации в индивидуальной, «эгоистической» активности людей неразделимы. Тем не менее препарирование деятельности человека плодотворно. Оно плодотворно в границах познания как отделенных от деятельности людей социальных законов, так и мотивационно-смысловой, экзистенциальной стороны жизнедеятельности человека, понимается, вписывающегося в своих проявлениях в сферы влияния социума [2, 340–345].

Исходя из большей фундаментальности базисных отношений и в противоположность экономизму и вульгарному социологизму, подчеркнем необходимость учета активной роли надстроечных отношений как в общественном процессе, так и в его познании.

Определяя семантическую канву гуманитарного исследования с учетом сказанного, возможно утверждать: опираясь на социально-политические закономерности, изучаемые в обществознании, гуманитарный анализ задается целью понять, постичь, осмыслить, воссоздать структуры мира человека во всем обилии форм их проявления и выражения.

Будучи ассоциацией наук, исследующих социальные отношения в отдельности (экономика, политика, право, этика, эстетика, религиоведение) или в совокупности (история, философско-социологические доктрины общества), обществознание гуманитарной в той мере, в какой предусматривает учет субъективного фактора — рассмотрение человека как личности, носителя индивидуального.

Там, где представитель обществознания — историк, юрист, философ и т. д. — апеллирует к социально-политическим сущности (факты, законы, зависимости общественно-исторического процесса), он выступает преимущественно как обществовед. Там, где он апеллирует к «миру человека» (мотивационные, ценностно-смысловые параметры, аспекты

«фона личности»), он выступает, прежде всего как гуманитарий.

Так, строя теорию, историк, разумеется, обращается к социально-политическим законам, действующим в обществе и определяющим поведение людей. Однако, поскольку история — не совокупность безликих «коллективных движений», но персонифицированных событий, на каком-то витке рассуждений историк вынужден прибегнуть к реконструкции некоего личностного их измерения. Учет общественно-закономерного в исторической теории делает ее объективной, учет индивидуально-личностного делает ее человеческой [3, 22–27].

Специфической направленностью познания в гуманитарных науках является рациональная реконструкция помыслов, побуждений, намерений, прочих данностей мира личности, вызываемых к жизни тем, ситуационной мотивацией — при наличии достаточных причин и внутри субъективной интенцией — при наличии целевой причины.

Возможность понимания гуманитарного материала обусловлена зависимостью жизни производства от исторических условий, определяющих характер обработки людьми друг друга, обмена деятельностью, уровня развития их истинной природы.

Понимание, то есть реконструкция личностных измерений объективации деятельности, осуществляется в контексте учета общественной практики, очерчивающей их смысловой потенциал и способствующей адекватности его раскрытия.

Все общественные процессы можно разделить на две основные разновидности в зависимости от способа регулирования, на процессы, регулируемые с помощью специально разработанных правил, которые мы будем в дальнейшем называть каноническими, и процессы, протекавшие «свободно» не обремененные регламентацией, которые назовем просто не формализованными процессами. Вряд ли следует доказывать, что и то и другое регулируется в конечном счете объективными законами развития общества. Только в одном случае оно осуществляется сознательно, с помощью особых правил, так называемых социальных норм, а в другом объективные законы общества выступают регуляторами непосредственно, оказывают свое воздействие на течение процесса независимо от намерения людей, а иногда и вопреки их намерениям.

Прежде всего регулятором общеисторического процесса выступают законы диалектики. Именно благодаря действию законов диалектики история

принимает случайности, входя составной частью в общий ход исторического процесса, уравниваются другими случайностями.

Отсюда можно сделать один весьма примечательный вывод относительно особенностей регулирующей роли общесоциологических законов в отношении общеисторического процесса: чем более развитым, более сложным становится общеисторический процесс, чем дальше он уходит от своего первоначального состояния, тем с большей силой проявляется регулирующая роль исторических законов пока, наконец, такое регулирование принимает вполне осознанный характер со стороны общества путем научного проникновения в сущность механизма действия, что кстати и приводит в нашем примере с законом соответствия к сокращению периодов нисходящей линии развития общества по мере перехода от одной формации к другой, более высокой [2, 340–345].

Регулирующая роль вышеназванных исторических законов выражается далее в том, что они выступают в качестве общего показателя общественного прогресса, являясь высшим его критерием. К сожалению, в тех многочисленных и жарких спорах относительно объективного общественного прогресса не учитываются именно характер, механизм действия общеисторических законов [4, 88–97].

Объективные законы общества являются как бы сигналом, оповещающим о ходе исторического процесса, все отклонения, любая патология которого отражаются на особенностях проявления, на механизме их действия. В условиях, когда общеисторический процесс совершается в целом стихийно, всякое отклонение мировой истории от требований общесоциологических законов (что проявляется в различного рода кризисах, попятных движениях, спадах производства и т. д.) вызывает ответную реакцию со стороны последних.

Общественное развитие постепенно начинает входить в необходимую колею, определяемую общесоциологическими законами, выступающими в роли регулятора хода исторического процесса и его объективного критерия.

Общеисторический процесс, как уже было сказано, состоит из множества различных, порой прямо противоположных субпроцессов. Общая равнодействующая исторического процесса складывается из массы более частых, относительно самостоятельных субпроцессов. Прежде, чем эта общая равнодействующая выявится с достаточной полнотой, проходит относительно много времени, иногда

измеряемого целыми эпохами. В сущности сама эта равнодействующая и представляет собой общую статистическую закономерность, выступающую показателем исторического развития. Но прежде чем она может быть вскрыта, необходимо время, требуется ее «вызревание». Тенденция должна быть хорошо просматриваема. Другими словами, закономерность исторического процесса «оформляется» в ходе самого этого процесса, она как бы вырастает вместе с его ростом и усложнением. Вот почему обнаружение этой общей закономерности, ее открытие стало возможным в середине XIX века, когда появились соответствующие социальные условия, когда сам исторический процесс достигает сравнительно высокого уровня развития. Поэтому практика показывает, что для того, чтобы найти закон, управляющий ходом исторического процесса, нужно, чтобы условия, в которых он действует, достигли необходимой степени зрелости [2, 340–345].

Законы общественной жизни, регулируя общий исторический процесс путем более или менее гармоничного соединения различных сторон общественной жизни, представляют относительно самостоятельность, известную степень «свободы» нематериальным, идеологическим процессам. Последние оказывают свое влияние на экономические процессы, тормозя или, наоборот, ускоряя эти последние, а значит и исторический процесс в целом.

Известно, что каждая сфера общественной жизни имеет свои особые, специфические законы. Этим законам подчиняются субпроцессы, содержание которых составляют элементы этих сфер. Поэтому процесс, объединяющий в себе элементы других сфер форм общественного сознания, интегрирует множество самых разных законов, которые в совокупности образуют то «царство законов», о котором говорил Гегель. Это «царство законов» предполагает некоторую взаимосвязь, представляет собой систему, в которой существует определенная координация и субординация законов. Вместе с тем «царство законов», благодаря условиям, в которых протекает процесс, порождает новые закономерности, новые необходимые связи, в том числе и между самими законами, характерными для интегративного процесса в целом.

При этом координационные функции в таких процессах выполняют законы, свойственные всем явлениям, входящим в этот процесс, т. е. общесоциологические законы, а также законы диалектики, а субординационные функции выполняют законы, свойственные природе интегративного процесса.

Сложность поиска и выявления исторических законов обусловлена прежде всего тем, что в исторических процессах чрезвычайно трудно выделить повторяемость, которая является определяющим критерием закона. Вопрос о законе в социально историческом познании есть прежде всего вопрос повторяемости. Решение этого вопроса возможно лишь при более и менее верной фиксации существенных, содержательных черт в социально-историческом процессе.

Осознанная и целенаправленная деятельность людей подчинена объективным законам. Незнание этих законов делает людей слугами «слепой необходимости». Познав законы, люди становятся «хозяевами» только в том случае, если они действуют в соответствии с этими законами. Осознанная и целенаправленная деятельность людей может приводить к иным результатам, чем те, которые они стремились достигнуть. Это является проявлением факта, что деятельность имеет объективный независимый от субъективных устремлений и целей характер. Это происходит потому, что, с одной стороны, в историческом развитии взаимодействует множество всяких факторов, с другой стороны – «конечный результат всегда получается от столкновения множества отдельных волей» и возникает «нечто такое, чего никто не хотел».

Интересы различных социальных групп различные и часто противоположны. Следовательно, их деятельность по-разному относится к законам и влияет на их действия: либо способствует, либо препятствует им. Поэтому действия исторических законов, их осуществление в различных условиях зависит от соотношения социальных сил от результата их взаимодействия. Социально-историческое познание, выявляя факторы, стимулирующие или «блокирующие» социальную деятельность субъектов исторического процесса, не может не учитывать, что в обществе, где

нет общности интересов, не может быть единства целей, не говоря уже о единстве действия.

По мнению некоторых исследователей, социологические законы — это законы, действия которых разворачиваются в сфере общего в историческом процессе, исторические законы же реализуются в сфере особенного. Но, как известно, отдельное не существует иначе как в связи, которая ведет к общему. Поэтому отнести социологические законы к сфере общего, оторвать их от формы проявления или действительного бытия, а механизмы их действия назвать уже другими историческими закономерностями, — это значит в методологическом аспекте противопоставить закон в идеальном виде закону в его действительном проявлении, то есть закономерности.

Изучение механизма действия социальных законов непосредственно приводит к открытию специфических исторических закономерностей. Неправильно было бы считать, что в истории действуют лишь общие социологические законы и ни с какими иными якобы отныне может иметь дело. Такой взгляд обедняет историю как науку. Специфические исторические закономерности исследователь может вскрыть, изучая взаимодействие преопределенных конкретных условиях — это дело исторической науки.

Необходимо учитывать, что все существенные исторические изменения общественных явлений протекают, в конечном счете, как изменения всего социального организма, а социально-экономическая система оказывается проходящим конкретно-историческим состоянием общества. В этих условиях показателем системного качества выступает именно специфическое, отличное от исторически предшествующего ему явления и от того, что является общим для всех других исторических этапов развития общества.

Список литературы:

1. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации). – СПб.: Лань, 1999. – 480 с.
2. Тумайкин И. В. Закон и постмодернистский дискурс: полярность объяснений современного социального мира. // Вестник ДГТУ. – 2007. – № 3. – С. 340–345.
3. Тумайкин И. В. Место закона в социально-гуманитарных исследованиях. // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007. – № 3. – С. 22–27.
4. Гемпель К. Г. Функции общих законов истории. // Вопросы философии. – 1998. – № 10. – С. 88–97.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Mamirov Omon Uktamovitch</i>	
Spiritual culture Ustrushana (on archaeological materials)	3
Section 2. Journalism	6
<i>Georgiievskia Viktoriia Volodymyrivna</i>	
Party segment of the modern media space of Ukraine	6
Section 3. Study of art	9
<i>Baluyev Sergey Mihaylovitch, Pollak Ekaterina Alexeevna</i>	
“A Dancer, holding her dress” by Antonio Canova: the history of statue’s creation	9
Section 4. History	12
<i>Aghayev Yusif Shukur</i>	
Art of war on “Kutadqu Bilik” by Yusif Balasaqunlu	12
<i>Aydarbaeva Raushan, Niyazkhankyzy Gulzhanat</i>	
On the problem of the formation irredenta of kazakh in China.	18
<i>Babkova Nadiya Vyacheslavivna</i>	
Flags of the Ukrainian Cossacks in the 16 th – 18 th centuries	20
<i>Gaidin Sergey Tikhonovich, Burmakina Galina Aleksandrovna</i>	
The history of establishing of protected areas in Yenisei region.	23
<i>Ibragimova Meruert Nurhjigitovna, Nusupbaeva Saltanat Adirovna,</i> <i>Toyshubekova Zhulduz Klubbekovna</i>	
The hiker Amir Timur to Mogolstan	28
<i>Mozgovoi Sergej Grigorievitch</i>	
Social and political context prince Dmitriy Vichnevetsky activities.	30
<i>Prishchepa Tetyana Mukolaevna</i>	
The military ministers of Bulgaria: the students of the educational institutions of the Russian Empire (1879–1915)	33
Section 5. Cultural studies	38
<i>Akhmedova Raziya Abdullayevna, Vagabov Mahach Mustafayevich</i>	
Cultural and historical features of the literary system in a multinational region Dagestan.	38
<i>Soldatenkova Olga Vyacheslavovna</i>	
The relationship of light, Holiness, and word in the Russian Orthodox tradition.	41
<i>Yakovlev Alexander Viktorovich</i>	
Semiotics in the study of the cultural landscape of Ukraine	45
Section 6. Linguistics	49
<i>Alekseeva Elena Mikhailovna</i>	
The process of formation sacral-religious interpretation in the Gospel parable “The Sower”	49
<i>Aripova Darya Andreevna</i>	
Interrelation and adjacency of cognitive structures UNDERSTANDING, KNOWLEDGE and EXPLANATION	52
<i>Bashmakova Irina Stepanovna</i>	
Phraseologisms use in scientific & technical texts and their translation techniques	55
<i>Bondarenko Alla Ivanovna</i>	
Integrative approach to analysis of temporality markers in Ukrainian poetry of the 20 th century	59
<i>Walter Arthur</i>	
The significance of lingua franca for the promotion of the concept of sustainable development	63

<i>Matbek Nursulu Kurmanbekkyzy, Umirbekova Roza Kaldybekovna,</i> <i>Kasymova Zhanat Perdebekovna</i>	
The nogai language is a cognate of the Kazakh language	68
<i>Stojani Edita</i>	
Reflections on basic issues of Albanian terminology in theory and practice	70
Section 7. Pedagogy	73
<i>Abdenova Zhuldyz Amirzayevna</i>	
An integrated approach for the development of communication skills	73
<i>Asanov Naukan Altaevich, Ibragimova Meruert Nurhijigitovna</i>	
The scientific study of managing innovations in teaching process at higher education system	75
<i>Biletska Svitlana Anatoliivna</i>	
Moral education in extracurricular work of general schools of Ukrainian provinces in 1850–1860 years	78
<i>Onasko Christina Alexandrovna</i>	
Theoretical questions of feedback in teaching of students in the works of national scientists (70 th – 80 th of the twentieth century)	83
<i>Tararak Natalia Grygorivna</i>	
Competence-based approach to formation of the future art workers' value orientations in Ukraine	86
<i>Tuychiyeva Zulayko Khamrakulovna</i>	
Manifestation of research motives of students in the learning process of psycho-pedagogical sciences	89
Section 8. Psychology	92
<i>Babajanova Fotima Farmanovna</i>	
The early juvenile age is the sensitive period for displaying scientific and creative abilities	92
<i>Bakynova Irina Vladimirovna, Rodionova Elena Sergeevna, Staheeva Elena Andreevna</i>	
Organization of psychological assistance to children with mental retardation means art-therapy	96
<i>Vakhnina Viktoria Vladimirovna</i>	
Anti-crisis talks as a scientific approach to the category, and crisis management in the practice of law-enforcement bodies	99
<i>Olkina Oxana Igorevna</i>	
Escapism: current studies and research prospects in contemporary psychology	103
<i>Sergienko Irina Aleksandrovna</i>	
Platonic love or loneliness: existential choice	106
<i>Holnazarova Matluba Kholbutaevna</i>	
Formation of creative abilities of students in the process of socialization	109
Section 9. Regional studies and socio-economic geography	112
<i>Kadnichanska Miroslava Yaroslavivna</i>	
Features of tourism of the National nature park «North Podillya»	112
Section 10. Sociology	115
<i>Arstangaliyeva Zulfiya Zhmagildievna, Andriyanova Elena Andreyevna,</i> <i>Kuznetsova Mariya Nikolayevna, Gorshenina Valeriya Ivanovna</i>	
The role of physical activity in health preservation of the elderly people	115
<i>Chernyshkova Elena Vyacheslavovna, Rodionova Tatyana Vyacheslavovna,</i> <i>Mukhina Marina Yurievna, Veretelnikova Yulia Yakovlevna,</i> <i>Chernyshkov Danila Vsevolodovich</i>	
Elderly age: healthy life style and life activity prolongation	118
Section 11. Philology	121
<i>Abdullayeva Yegana Atamoglan</i>	
Intermediality of 20 th century in Azerbaijani literature as an impact of Western literary sophistication (within parallels of literary activity of Afaq Masud and William Somerset Maugham)	121

<i>Aliyeva Hamida Achmed</i>	
The world outlook of Germanic and Turkic peoples in “Beowulf” and “The Book of Dede Korkut”	124
<i>Issina Gaukhar Ilikeshevna, Kondratyeva Yuliya Taguirovna</i>	
Cognitive strategies of impact in media discourse	127
<i>Karova Tanzilya Djamalovna</i>	
Classification of antonyms by the degree opposites in Karachay-Balkar language	130
<i>Kasymova Zhanat Perdebekovna, Sapayeva Gulzhan Edigeevna</i>	
Problems of poetic translation	133
<i>Lysseyko Larissa Vladimirowna</i>	
Präzisierende Norm des Mittelhochdeutschen	136
<i>Sarsekeeva Natalya Kantalyevna, Zhengis Nuraiym Nurkhatovna</i>	
Communicative aspects of interpretation of artistic text	139
<i>Normamatova Dilfuza Turdikulovna</i>	
Use of instructional approaches in teaching vocabulary for EFL learners	142
Section 12. Philosophy	145
<i>Barash Lyubov Aleksandrovna</i>	
“The art as the game” and the theory of artistic communication	145
<i>Hajiye Mahammad Shahbaz oglu</i>	
The essence of mathematical idealization and the role of idealization in the sciences	147
<i>Garanina Olga Denisovna</i>	
Standardization of the consciousness of the personality as a way of social management in the Information Society	150
<i>Zdorovenko Lilya Viktorovna</i>	
The problem of reality and human soul the metaphysical anthropology S. Frank	153
<i>Muminova Zarifa Odilovna</i>	
Spiritual moral beying of humans in the sinergetik context	157
<i>Petev Nikolay Ivanovich</i>	
Die eschatologische Katharsis als Prinzip der Apokalypse Endlichkeit des Daseins	160
<i>Saydazimov Kamol Tulkunovich, Khaydarov Khurram Farmonovich</i>	
The specify of social law	165

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**№ 3–4 2015
March–April**

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal
№ 3–4 2015 (March–April)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief	Petra Busch, Austria
Consulting editors	Jolanta Lewicka, Poland Rostislav Komarov, Russia
International editorial board	Egor Rachynski, Ukraine Natalia Bondarenko, Russia Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan Nikolay Inshin, Ukraine Alajos Fazekas, Hungary Slavka Konstantinova, Bulgaria Tatiana Yashkova, Russia Jennifer Mathieson, Scotland Hong Han, China Alessandro Massaro, Italy
Proofreading	Kristin Theissen
Cover design	Andreas Vogel
Additional design	Stephan Friedman
Editorial office	European Science Review “East West” Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Am Gestade 1 1010 Vienna, Austria
Email:	info@ew-a.org
Homepage:	www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Economics and management

*Amanov Actam Mirzaevich,
Associate Professor,
Department of «Taxes and Taxation»,
Tashkent Financial Institute
E-mail: nasibaturgunowna@mail.ru*

The role of tax policy in the regulation of public production

Abstract: The tax is set legally elected representatives of the people (legitimately constituted authority). Income tax – a product of society, the condition of people living together, united in the state. Public life objectively are certain collective needs that must be met only through collective efforts. Tax policy – it is not automatic execution of tax laws and their improvement.

Keywords: tax policy, land tax, cadastral, income, tax trap.

*Аманов Ақтам Мирзаевич,
доцент, Кафедра «Налоги и налогообложения»,
Ташкентский Финансовый институт
E-mail: nasibaturgunowna@mail.ru*

Роль налоговой политики в регулировании общественного производства

Аннотация: Налог устанавливается законно избранными представителями народа (т. е. законно сформированным представительным органом). Налог — это продукт жизни общества, условие совместной жизни людей, объединенных в государство. Общественная жизнь объективно порождает определенные коллективные потребности, которые могут быть удовлетворены лишь коллективными усилиями. Налоговая политика – это не автоматическое выполнение налоговых законов, а их совершенствование.

Ключевые слова: налоговая политика, земельный налог, кадастровый, подоходный, «налоговая ловушка».

Налог в современном обществе является сложным социальным институтом, имеющим длительную историю. Он непосредственно отражает уровень общественного развития в культурной, экономической, политической и иных сферах. В то же время налог оказывает мощное воздействие на состояние политической и экономической системы.

Долгое время господствующим было только классическое представление о роли налогов в экономике. Более 200 лет назад А. Смитом впервые было создано учение об эволюции государственных финансов. Формирование налоговой системы происходит на достаточно высоком уровне развития государства. Он определил ее как более или менее упорядоченное и систематическое изъятие части доходов самостоятельно хозяйствующих субъектов и выдвинул четыре принципа налогообложения: равномерность, определенность, удобство уплаты и дешевизна.

Ученые-классики У. Петти, Ж.-Б. Сей (1767–1832) и английские экономисты Д. Рикардо, Дж. Милль (1773–1836) считали экономику устойчивой и саморегулируемой системой, в которой спрос рождает предложение, а при переизбытке любого из них происходит самоуравновешивание путем передвижения производителей в дефицитные отрасли хозяйства. Налоги играли лишь роль источников дохода бюджета государства, а полемика велась вокруг принципов справедливости взимания (равномерного или прогрессивного) и части изъятия, обусловленной фискальной потребностью. Но с усложнением экономических отношений в обществе, с действием объективных циклических процесса возникла потребность в корректировке классического учения, выделении роли государства, влиянии его на экономические процессы, а также в регулировании социально-экономических границ налогообложения.

Налог устанавливается законно избранными представителями народа (т. е. законно сформированным представительным органом). Налог — это продукт жизни общества, условие совместной жизни людей, объединенных в государство. Общественная жизнь объективно порождает определенные коллективные потребности, которые могут быть удовлетворены лишь коллективными усилиями. Указанные коллективные потребности, в конечном счете, являются исходной причиной любого налога. Еще Монтескье, говоря о государственных доходах (подразумевая налоги), отмечал, что они представляют собой часть, «которую каждый из подданных дает из своего имущества для того, чтобы обеспечить пользование остальным». «Налог — это обмен, — заявляет Прудон. — Вмешательство государства в деятельность, предоставленную частной инициативе, отвергается наукой и принципом свободы. Но есть услуги, снабжение которыми не могут взять на себя частные лица, их регулирует и вознаграждает общество; они составляют специальность государства и являются объектом налога».

Налоговая система — совокупность предусмотренных налогов и обязательных платежей, взимаемых в государстве, а также принципов, форм и методов установления, изменения, отмены, уплаты, взимания, контроля.

Налоги могут взиматься следующими способами:

1) **кадастровый** — (от слова кадастр — таблица, справочник) когда объект налога дифференцирован на группы по определенному признаку. Перечень этих групп и их признаки заносится в специальные справочники. Для каждой группы установлена индивидуальная ставка налога. Такой метод характерен тем, что величина налога не зависит от доходности объекта. Примером такого налога может служить налог на владельцев транспортных средств. Он взимается по установленной ставке от мощности транспортного средства, не зависимо от того, используется это транспортное средство или простаивает.

2) **на основе декларации**

Декларация — документ, в котором плательщик налога приводит расчет дохода и налога с него. Характерной чертой такого метода является то, что выплата налога производится после получения дохода и лицом, получающим доход. Примером может служить налог на прибыль.

3) **у источника**

Этот налог вносится лицом, выплачивающим доход. Поэтому оплата налога производится до получения дохода, причем получатель дохода получает

его уменьшенным на сумму налога. Например, подоходный налог с физических лиц. Этот налог выплачивается предприятием или организацией, на которой работает физическое лицо. Т. е. до выплаты, например, заработной платы из нее вычитается сумма налога и перечисляется в бюджет. Остальная сумма выплачивается работнику.

Ученые-экономисты выделяют три типа налоговой политики государства.

Первый тип — политика максимальных налогов, характеризующаяся принципом «взять все, что можно». При этом государству уготована «налоговая ловушка», когда повышение налогов не сопровождается ростом государственных доходов.

Второй тип — политика разумных налогов, которая способствует развитию предпринимательства, обеспечивая ему благоприятный налоговый климат.

Третий тип — налоговая политика, предусматривающая достаточно высокий уровень обложения, но при значительной социальной защите.

При сильной экономике все указанные типы налоговой политики успешно сочетаются. Налоговая политика государства как совокупность научно обоснованных и экономически целесообразных тактических и стратегических правовых действий органов власти и управления способна обеспечить потребности воспроизводства и рост общественного богатства.

История экономического развития большинства стран демонстрирует многогранность структуры и приоритетов налоговой политики. Однако эта политика обычно преследует цели: стимулировать или ограничивать деятельность хозяйственных субъектов, обеспечивать доходы бюджета, поддерживать интересы общества. В процессе производства товаров и в ходе действия механизма рыночной цены формируются доходы хозяйствующих субъектов. Гос-во путем изъятия части доходов, сформированных в процессе деятельности хозяйствующих субъектов, формирует доходную часть бюджета. Через налоги осуществляются перераспределение совокупного продукта общества между его реальными производителями и государством. Варьирование налоговыми льготами, их дифференциация позволяют воздействовать на динамику и структуру производства, капиталовложений и занятости, соответствующее распределение доходов.

В различных странах основную часть доходов бюджета составляют именно налоги. Так, во Франции налоги формируют 95 % доходов государственного бюджета, в США — более 90 %, в Германии — 80 %, в

в России — около 93 %, в Узбекистане — примерно 96 %. На территории Республики Узбекистан согласно Налоговому кодексу действуют:

- общегосударственные налоги;
- местные налоги и сборы.

К **общегосударственным налогам** относятся:

1. налог на доходы (прибыль) юридических лиц;
2. налог на доходы физических лиц;
3. налог на добавленную стоимость;
4. акцизный налог;
5. налог за пользование недрами;
6. экологический налог;
7. налог за пользование водными ресурсами.

К **местным налогам и сборам** относятся:

1. налог на имущество;
2. земельный налог;
3. налог на развитие инфраструктуры;
4. налог с физических лиц на потребление бензина, дизельного топлива и сжиженного газа для транспортных средств;
5. сбор за право торговли, включая лицензионные сборы на право торговли отдельными видами товаров;
6. сбор за регистрацию юридических лиц, а также физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью.

Налоговая система должна быть свободна от малоэффективных налогов, сбор которых требует затрат, сопоставимых или превышающих величину налоговых поступлений. Например, налог на имущество физических лиц.

При реформировании налоговой системы необходимы следующие принципы:

1. Предельные налоговые ставки должны быть по возможности низкими, поскольку все искажения, как показали экономические исследования, связаны именно с величиной предельной ставки.

2. Схемы избежания налогов связаны в основном с прогрессивностью налоговой шкалы и с налогообложением капитала по различным ставкам. Снижение уровня предельных ставок, по расчетам специалистов, уменьшило бы привлекательность уклонения от налогов.

3. Формировать налоговую систему необходимо из «хороших» налогов, т. е. тех, о которых заранее известно, кто их в конечном счете заплатит. Налоги с выручки считаются несправедливыми налогами, и их применение в развитых странах очень ограничено (не считая косвенных налогов).

4. Налоговые преобразования должны быть понятны рядовому налогоплательщику. Поэтому важнейшими принципами налоговых реформ являются гласность и широкая разъяснительная методическая работа среди налогоплательщиков.

Исходной установкой при проведении налоговой политики служит не только обеспечение правильного порядка взыскания с налогоплательщиков налоговых платежей, но и проведение всесторонней оценки хозяйственно-экономических отношений, складывающихся под влиянием налогообложения. Следовательно, налоговая политика — это не автоматическое выполнение налоговых законов, а их совершенствование.

Список литературы:

1. Пеньков В. Оптимизация налоговой системы. // Экономист, – 1996. – № 5.
2. Налоги. Колл. авторов. – М: «Финансы и статистика», 1997.
3. Никитин С. М., Глазова Е. С., Степанова М. П. Налогообложение и экономическое, развитие. // Деньги и кредит, – 1996. – № 3.

*Dmitrieva Alexandra Alexandrovna,
Financial University under the Government
of the Russian Federation, Student,
The Department of State and municipal administration
E-mail: alejandradmritrieva@gmail.com*

Regulation of professional activity of state civil servants in the Russian Federation

Abstract: The article considers the problem of decomposition of nation-wide principles of regulation of state service to a local level. The modern system of regulation of professional activity of state civil servants is performed.

Keywords: state service, regulation, professional activity, mechanisms of state administration.

The role and significance of state civil service in the mechanism of state administration, its administrative-legal concept cannot be overestimated. Being an integral element of the Russian state, state civil service ensures the functioning of the social governance mechanism. Several most substantial elements can be distinguished in the notion of state civil service. Firstly, the purpose of state civil service is related to practical realization of state goals and tasks, which is a part of state administration and determined by the character of state authority. Secondly, state civil service is performed at government posts in state bodies. Professional activity that implies an activity performed on the basis of special skills and knowledge is a leading feature of state civil service. Professional activity is an activity regulated by the state and aimed at uninterrupted, successive and competent ensuring of execution of powers of state bodies, realization of state functions by persons taking the place of state positions and performed by civil servants employed by state service. Therewith, professional activity of state civil servants should be aimed at a search for optimal variants of political, economic, social and other effective means of realization of state policy in the conditions of opposition to destabilizing factors and destructive processes destroying the state.

The efficiency of execution of professional activity and provision of state services by state civil servants largely depend on the quality of development and implementation of regulations. Regulation of the activity of state civil servants performs one of the backbone functions. According to the article 47 of the Federal law № 79-ФЗ as of 27.07.2004 «About state civil service of the Russian Federation» [1, 3215], it is established that professional activity of a state civil servant is performed in compliance with official regulation that forms an integral part of administrative regulation of a state body. Administrative regulation is a normative legal act that establishes the sequence, terms of administrative procedures and actions within the organization of activity of a state body. This act also defines the order of interaction between structural subdivisions and state civil servants of the state body, forms of organization of work with physical persons and legal entities and other bodies of state authority and local self-government, institutions and organizations during the performance of a state function. Official regulation includes the list of state services rendered to citizens and organizations in accordance with administrative regulation of the state body in compliance with the Order of development and approval of administrative regulations of execution of state functions (rendering of state services) [2, 3169]. The given normative legal act is interesting

because it establishes the criterion of conformity of official and administrative regulation, i. e. confirms the interrelation of the activity of a state civil servant and a state body. It became possible due to the application of a principal of sequence in the system of regulation of state service, according to which organization of the activity of state civil servants should be regulated deductively with consideration of existence of primary (generally accepted provisions, federal tasks) and secondary (concrete and detailed provisions, concrete acts of state bodies and their structural subdivisions) norms. Execution of administrative regulations that norms enabling a state body to perform its functions are incorporated in depends on the activity of concrete state civil servants; hence, there is a need to transfer the terms of execution of administrative actions, interaction with other state civil servants as well as responsibility for non-performance of administrative actions stipulated in the administrative regulation to official regulations of state civil servants. At the same time, administrative regulation plays a role of a uniting factor that enables every servant to see the entire picture, understand their importance and personal contribution to the organization of work of the state body. The number of administrative regulations is influenced by the sphere of activity of a concrete state body; the list of functions performed by it and designated powers. The state body can have several administrative regulations. Thus, it is necessary to view the interaction of administrative regulations of the state bodies and official regulations of separate state civil servants in the context of constant dynamics of the external environment that provokes changes in social relations and, respectively, regulation of a state service.

Further successful development requires improvement of organizational principles of activity of state servants; qualitative rethinking of their position and role in the society in accordance with the changing conditions of the external environment, modernization of administration system and territorial planning. One should take into account the specific of a state servant's activity. It is manifested in the fact that a state servant implements the state policy, the result of which is not produced material values, but information and rendered services. The orientation to end result, social and public importance generates difficulties when reflecting the impact of a separate state civil servant on the result in the regulation of the servant's activity. State bodies and their structural subdivisions should have clear instructions and order of procedures developed with consideration of the specific of activity of every state civil servant, their division or department and state body. Regulation in the system of a state civil service should give

an opportunity of joint relation of the activity of servants and respective state bodies, their structural subdivisions with the purpose of decrease of personnel load during the evaluation of professional activity of state civil servants. Realization of implementation of modern methods of regulation of professional activity of state civil servants is possible with the use of decomposition approach. This method implies the building of «a tree of chains» from the highest level of administration to the lower one. Indicators in the regulations change at every level together with the level of administration: from integral (basic social, economic and political characteristics of the activity) through more focused indicators of subdivisions and divisions to maximal concretization in every separate state servant. Methodologically, the most important task is

the implementation of such mechanism of step-by-step decomposition of basic provisions laid at federal level to official regulation of a state civil servant through administrative regulation of the state body. Currently, required administrative legal prerequisites for effective regulation of the activity of state bodies and state civil servants are already created in the Russian Federation. State administration has the task to create modern state civil service promoting the employees upon their achievements and oriented to service the population, which is based on the principles of transparency, openness and ensures clear external accountability. Economically effective, competent and high-performance state civil service is required for effective development and realization of the main priorities of the country in the sphere of state administration.

References:

1. Federal law № 79-ФЗ as of 27.07.2004 «About state civil service of the Russian Federation» (edition as of 31.12.2014, with amendments as of 06.04.2015) // Legislation bulletin of the Russian Federation, – 02.08.2004, – № 31.
2. Decree of the Government of the Russian Federation № 373 as of 16.05.2011 (edition as of 23.01.2014) «About development and approval of administrative regulations of execution of state functions» (together with the «Rules of development and approval of administrative regulations of execution of state functions», «Rules of development and approval of administrative regulations of rendering of state services», «Rules of conduct of an expertise of projects of administrative regulations of rendering of state services».) // Legislation bulletin of the Russian Federation, – 30.05.2011, – № 22.

*Kunditsky Alexander Alexandrovich,
Lviv Ivan Franko National University, Doctor
of Economics, Professor, Department of Management
E-mail: skund@ukr.net*

On the question of the need to reform higher education in Ukraine

Abstract: The paper shows the importance of education as a specific individual and for the country as a whole. Analysis of educational expenditures in Ukraine shows their poor condition compared with other European countries. The author notes that the present unsatisfactory state of higher education is not only the result of underfunding, but also a number of other reasons that are explored in this article.

Keywords: education, finance, government, quality, government regulation, teachers.

*Кундицкий Александр Александрович,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко
доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента
E-mail: skund@ukr.net*

К вопросу необходимости реформирования высшего образования в Украине

Аннотация: В статье показывается важность образования как для конкретного индивида так и для страны в целом. Анализ образовательных расходов в Украине показывает их неудовлетворительное состояние по сравнению с другими европейскими странами. Автор отмечает, что сегодняшний неудовлетворительное

состояние высшего образования не только результат недофинансирования, но и ряда других причин, которые исследуются в данной статье.

Ключевые слова: образование, финансирование, государство, качество, государственное регулирование, преподаватели.

Любая деятельность человека невозможна без одного из важнейших факторов — знаний, основным источником которых сегодня является образование. Образование улучшает все формы жизнедеятельности человека: обучение на рабочем месте, здравоохранение, управление домашним хозяйством. Приблизительная стоимость этих неденежных выгод составляет две трети заработной платы [6, 218].

Образование — это инвестирование в индивидов, обеспечивает отдачу, как и любое другое капиталовложение [7, 54]. В настоящее время доказано, что инвестиции в науку и образование являются самыми выгодными. Они являются гарантией быстрой отдачи, закладывая надежную основу для нынешнего и будущего прогресса. Любая страна, для того чтобы занять видное место в мировом сообществе, должна заботиться о собственном научно-техническом потенциале [5, 298].

Украинское образование — один из крупнейших секторов общества, в котором работают и получают образование услуги около 9 млн. человек. Украина унаследовала от СССР мощную разветвленную образовательную систему с передовой на то время инфраструктурой. За годы независимости фактически происходило экстенсивное использование материально-технических, кадровых и организационных ресурсов предыдущей системы, и приспособления их к потребностям независимого государства.

Образование тесно связано с деятельностью государства. Одной из главных причин, кроме Конституции Украины, участия государства в обеспечении и гарантировании образования является то, что образование может служить средством, с помощью которого человек может повышать свой жизненный уровень.

Также, важной причиной участия государства в образовательном процессе является общественно-полезная ценность расходов на образование. Пользу от наличия высокообразованных граждан имеет не только отдельно взятый индивид, но и государство в целом. То есть, общественная выгода от образования является большей суммой, чем выгоды, которые получают отдельные граждане. Это основная причина того, почему государство не решает вопрос об определении уровня образования рыночными методами.

В данном случае рынок способен учесть долгосрочные интересы государства, его социальные и экономические перспективы, действия других принципов, которые ему присущи.

Что касается высшего образования, то его наличие в 2,3 раза снижает риск бедности и в 1,7 раза повышает вероятность получения средних доходов [1, 5].

Бюджетное финансирование высшего образования, несмотря на относительный рост этого показателя на практике является недостаточным и имеет деформированную структуру расходов. Почти 80 % предусмотрено на оплату труда с начислениями и стипендии. Например, оплата труда — 55 %, расходы на стипендию — 22 % на коммунальные услуги — 5 %, капитальные расходы — 2,6 %. На науку выделяется лишь 4,5 %, что тоже ниже требований законодательства.

В то же время в Украине, по данным статистики, продолжается увеличение числа специалистов с научными степенями, которые работают в различных сферах экономики. Только в 2013 г. звание доктора наук получили 1 105 человек, кандидата наук — 4 633 человека, средний возраст которых составлял 49 лет мужчин-докторов наук и 45 — женщин-докторов наук и соответственно 35 и 34 года — кандидатов наук. Однако доля докторов и кандидатов наук, которые принимают непосредственное участие в выполнении научных и научно-технических работ, постоянно уменьшается и на 31 декабря 2013 г. составила 19,2 % общего их количества, что меньше, чем на 31 декабря 2012 г., на 0,6 %.

Общеизвестно, что развитые страны не экономят на образовании, а ежегодно кардинально увеличивают расходы на образование из государственного бюджета, обеспечивая таким образом свое будущее развитие. Достаточно привести такие примеры: США тратят на эти цели 16 %, Германия — 12 %, Франция — 16 %, Финляндия — 7,2 % от годового валового внутреннего продукта [3, 75–84].

Назревшим задачам на сегодняшний день является обеспечение доступности качественного образования для всех членов общества. Согласно прогнозам ЮНЕСКО в XXI в. цивилизованного уровня благосостояния достигнут только страны, в которых 40–50 % трудоспособного населения будет иметь качественное высшее образование. По состоянию на 2001 г. по Украине 13 %

населения с полной и 16–18 % с неполным высшим образованием. По прогнозам П. Шевчук и Г. Скорой численность населения с полным высшим образованием в Украине на начало 2051 достигнет 6 015 тыс. человек, а доля их в населении составит 18,3 % [8, 90].

Как показывают исследования отдельных ученых система образования Украины остается одной из отсталых в Европе [2]. Причем среди главных причин такого положения обычно отмечается ее неудовлетворительное финансирование. Частично соглашаясь с данным утверждением считаем, что финансирование является важной, но не единственной причиной неудовлетворительного состояния отечественного образования и в частности высшего. Рассчитывать на рост финансирования образования в период, когда Украина с оружием в руках отстаивает свою независимость не приходится. В то же время мы должны обратить свое внимание на ряд предпосылок, которые также являются причиной сегодняшнего состояния отечественного образования и их устранение не требует значительных средств, а только воли и государственного мышления. Попробуем рассмотреть каждую из них.

Во-первых, несовершенство государственного управления высшим образованием, которая проявляется в формализации процедур лицензирования и аккредитации со всеми негативными последствиями, отсутствием эффективной системы контроля качества деятельности высших учебных заведений, неудовлетворительным финансированием, отсутствием действенного механизма обоснования и регулирования количества высших учебных заведений (ВУЗ), слабая связь перечня специальностей и лицензированных объемов подготовки с запросами экономики, архаичные механизмы формирования корпуса руководителей вузов.

Во-вторых, социальное качество образования, которая характеризуется тем, что наличие диплома о высшем образовании не всегда обуславливает возможность получения работы по специальности, ориентация значительной части населения на получение дипломов, а не качественного образования; широкое распространение подготовки курсовых, дипломных, магистерских работ, кандидатских, докторских диссертаций на заказ и продажа, и поддержка общественным мнением этой практики.

В-третьих, особенность учебного процесса в вузах Украины, которому присущи ориентация подавляющего большинства учебных заведений на максимизацию набора абитуриентов, отсутствием вариативной части содержания образования и индивидуальных

планов студентов, несогласованностью содержания образования с международными стандартами по большинству специальностей, слабая связь учебного процесса с бизнесом, распространение списывания, отсутствие системы объективной оценки результатов учебной деятельности студентов, несоответствие материальной базы учебного процесса.

В-четвертых, специфика студентов украинских ВУЗов, которая проявляется в низком уровне мотивации значительной их части на обучение, несформированности неблагоприятного отношения к списыванию, плагиату, коррупционных средств получения оценок, несформированности четких профессиональных интересов, несоответствие большей части поступающих на первый курс требованиям учебного процесса, несформированность необходимых учебных умений и недостаточность базовых знаний, слабые знания иностранных языков.

В-пятых, особенности условий работы преподавателей украинских вузов, которые проявляются в большом объеме аудиторных занятий, низкой заработной плате, неудовлетворительных знаниях иностранных языков, отсутствие опыта преподавания в вузах других стран, формализация научной деятельности.

В-шестых, особенности управления украинскими вузами, которые проявляются в отсутствии профессиональных менеджеров в составе руководства на всех уровнях, централизация университетского менеджмента в одних руках, несамостоятельность структурных подразделений, отсутствие реальной автономии, ограниченность прав коллегиальных органов, отсутствие системы оценки руководителей всех уровней, господство традиции неограниченного временного прибивания на должности назначенных руководителей, а также их заместителей, ориентация университетского менеджмента на решение финансовых проблем, а не на качества образования, несовершенство системы отбора, оценки, продвижения, развития управленческих и преподавательских кадров, кулуарность принятия важных управленческих решений.

В сложившейся ситуации эффективность государственного регулирования высшего образования пропорциональна мотивации студентов и по оценкам не превышает сейчас 10 % в соответствии с усредненной оценки [2]. По нашему мнению, одним из выходов из сложившейся ситуации является изменение государственной модели финансирования образования на конкурсной основе. Данная модель должна предусматривать конкурс вузов за возможность государственного финансирования и подготовку

специалистов по соответствующим направлениям в объемах и на сроки необходимые для развития национальной экономики. Условия данного конкурса должны предусматривать следующие характерные блоки как качество профессорско-преподавательского состава, историю и традиции вуза, уровень международного признания.

Относительно качества профессорско-преподавательского состава то традиционно у нас определяют долю докторов наук, кандидатов в общей численности преподавателей вуза. Хотя, по мнению автора этой статьи уместно также определения уровня их научной активности куда бы входили такие критерии как количество единоличных публикаций, проведения и участие в международных конференциях, количество подготовленных кандидатов и докторов наук в течение последнего срока контракта, знание иностранных языков. Вопрос качества профессорско-преподавательского корпуса тесно связано с таким-то в наших условиях деликатным вопросом как возраст и выход на пенсию. Отправить семидесятилетнего профессора на пенсию или дать меньше одной ставки без его на то согласия для большинства вузов Украины считается неэтичным и трудным в исполнении. Это выглядит наиболее парадоксально, когда значительное количество молодых ученых в том же вузе работает на 0,25, 0,5 или 0,75 ставки. В данном вопросе считаю целесообразным обратиться к опыту цивилизованных стран где этот вопрос давно решен. Так, например, в соседней нам Польши законодательно регламентировано, что трудовые отношения с преподавательским составом приостанавливаются при достижении 70-летнего возраста.

Следующим шагом, который бы способствовал повышению качества преподавательского состава является изменение подхода к набору в аспирантуру (докторантуру) и дальнейшую защиту научной работы. Суть предложения сводится к тому, что выпускник данного вуза может поступать в аспирантуру в любой соответствующего профиля вуз кроме родного. Аналогично процедура защиты, с поправкой — кроме вуза где выполнялась работа.

Также в ситуации с целью совершенствования эффективности государственного регулирования образования, уместно пересмотреть структуру учреждений высшего образования и привести

ее в соответствие с потребностями государства; дать четкое определение понятий “университет”, “академия”, “институт”, “колледж”, “техникум”, “училище” и их подразделений — “факультет”, “отделение”, “кафедра”, “лаборатория”; разграничить понятия “национальный”, “государственный”, “региональный”, “местный” так скоро все периферийные университеты станут национальными. Поскольку в Украине отсутствует практика, которая присуща другим странам мира о существовании стандарта деятельности руководителей образовательной сферы — разработать данные стандарты с учетом международного опыта в кратчайшие сроки.

Другим направлением реформирования высшего образования является устранение предпосылок для развития коррупции, в частности, государство не должно восстанавливать вступительные экзамены в вузы и расширять число льгот, которые облегчают поступление в учебные заведения. Так, по состоянию на сегодняшний день существует восемь льготных категорий.

Кроме льготников, имеющих право зачисления в вузы вне конкурса, еще льготники, которые имеют право первоочередного зачисления в вузы при одинаковом количестве набранных конкурсных баллов. И таких категорий девять, но только две из них предусматривают успешное обучение абитуриентов в школе: выпускники старшей школы (полное общее среднее образование), награжденные золотой или серебряной медалью, выпускники основной школы, которые имеют свидетельство о базовом общем среднем образовании с отличием.

Автор соглашается с мнением о том, что привилегии в образовании должны иметь те, кто это заслужил, показав успехи и незаурядность уже во время учебы в школе, независимо от своего социального статуса. Иначе, раздавая льготы многочисленным социальным категориям, мы потеряем талантливых школьников, которым не повезло родиться в семье льготников и которые выедут учиться в Европу или Америку, где лучшие университеты предоставят им гранты, разглядывая в них будущих ученых и новаторов [4, 4].

Таким образом, приведенные выше предложения, по мнению автора этой статьи, будут способствовать подъему стандартов украинского образования к уровню мировых образцов, а также поднимут рейтинги отечественных образовательных учреждений, в том числе высших.

Список литературы:

1. Берсуцкий Я. Г. Стратегическое управление: модели и методы: учеб. пособие / Я. Г. Берсуцкий, Н. Н. Лепа. – Донецк: ДИЭХП, 2001. – 141 с.

2. Войтенко Г. О. Проблемы и пути реформирования высшего образования в Украине./А. А. Войтенко, В. П. Войтенко, Л. А. Телис//Новые научные статьи по проблемам высшего образования. – 2011. – Май.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kisilmv.if.ua/science/new-in-higher-education-05-2011.htm>
3. Ковалюк Е. М. Семейные хозяйства Украины: принципы, механизмы, перспективы: учеб. пособ./А. Н. Ковалюк, Г. А. Лех, С. К. Реверчук. – К.: Атика, 2002. – 176 с.
4. Орлова И. Проект “Популярная экономика: мониторинг реформ”./И. Орлова.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eba.com.ua/static/members>.
5. Сердюк И. Г. Стимулирование инновационной деятельности./И. Г. Сердюк//Финансы Украины. – 2003. – № 11. – С. 81–90.
6. Хорошковский В. Некоторые сравнительные аспекты экономического роста./В. Хорошковский, В. Юрчишин//Экономика Украины. – 2000. – № 12. – С. 4–12.
7. Цыганов С. А. Государственная поддержка инновационной деятельности (опыт программ SBIR и STTR в США). Управление инновациями. Становление развития малой технологической фирмы: сборник статей/С. А. Цыганов. – М.: АНХ, 1999. – 201 с.
8. Шевчук П. Е. Прогноз уровня образования населения Украины в 2050./П. Е. Шевчук, Г. Ю. Быстрая//Демография и социальная экономика. – 2007. – № 1. – С. 85–96.

*Matchanova Amangul Azatovna,
the competitor of Karakalpak State University,
Karakalpakstan, Uzbekistan
E-mail: svetmamb@mail.ru*

Formation and development of cooperation of agro-industrial complex in the conditions of modernization economics of the Republic of Karakalpakstan

Abstract: Agro-industrial integration became an important factor of development of agricultural production in the conditions of limited water supply and connection of branches of productive animal husbandry with agriculture of Karakalpakstan. Interactions between all links of agro-industrial complex stimulate growth and modernization of agricultural production.

Keywords: agro-industrial complex, Karakalpakstan, modernization, cooperation, development.

*Матчанова Амангул Азатовна,
соискатель, Каракалпакский государственный
университет, Каракалпакстан, Узбекистан
E-mail: svetmamb@mail.ru*

Формирование и развитие кооперации агропромышленного комплекса в условиях модернизации экономики Республики Каракалпакстан

Аннотация: Агропромышленная интеграция стала важным фактором развития сельскохозяйственного производства в условиях ограниченного водоснабжения и соединения отраслей продуктивного животноводства с земледелием Каракалпакстана. Взаимодействия между всеми звеньями агропромышленного комплекса стимулируют рост и модернизацию сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, Каракалпакстан, модернизация, кооперация, развитие.

В условиях все более возрастающего уровня конкуренции и технологического развития на фоне существующих проблем агропромышленного комплекса,

в стране необходима эффективная стратегия ее модернизации, целью и конечным результатом которой должна стать устойчиво-конкурентоспособная

отрасль, с обновленной устойчивой производственной базой, обеспечивающая необходимые пропорции оптимального сочетания структуры потребления и производства [1, 2]. Модернизация агропромышленного комплекса, основанная на формировании высокотехнологичных ресурсов, реализации современных систем управления и эффективном вовлечении в хозяйственный оборот инновационных разработок, позволяет обеспечить экономический рост в условиях глобализации экономики [3].

В годы независимости Узбекистана в структуре народнохозяйственного комплекса Республики Каракалпакстан произошли заметные изменения и сейчас в нем доминирующая роль принадлежит агропромышленному комплексу. В результате большинство промышленных предприятий призвано перерабатывать сельскохозяйственное сырье.

За последние годы агропромышленный комплекс Республики Каракалпакстан ежегодно производит более 482 млрд. сумов сельскохозяйственной продукции, которая составляет более 34,7 % общего внутреннего валового продукта республики. А в натуральном исчислении сельское хозяйство, и его главная отрасль — орошаемое земледелие, ежегодно производит 188 тыс. тонн хлопка-сырца, 231,4 тыс. тонн зерна, 29,2 тыс. тонн картофеля, 134,1 тыс. тонн овощей, 69,6 тыс. тонн фруктов, а также 58,9 тыс. тонн мяса (в живом весе), 183,6 тыс. тонн молока и другой животноводческой продукции.

Агропромышленная интеграция наряду с интенсификацией и индустриализацией сельского хозяйства стала важнейшим фактором развития сельскохозяйственного производства в условиях ограниченного водоснабжения и соединения отраслей продуктивного животноводства с земледелием. Для промышленной переработки сельскохозяйственного сырья были построены и введены в эксплуатацию новые производственные мощности. Так, в городах Нукусе и Турткуле были сданы в эксплуатацию текстильные комплексы, и тем самым впервые был освоен выпуск готовых изделий из хлопко-волокна. Были введены в эксплуатацию ряд хлопкоочистительных и рисоочистительных заводов, мукомольные комбинаты, а также маслобойные заводы, ориентированные на местное сельскохозяйственное сырье. Все эти меры способствовали увеличению объема промышленной продукции по линии АПК. Благодаря созданию в разных направлениях новых отраслей промышленности в последние годы появились новые виды продукции, такие, как текстильные изделия, пищевые соли, консервные изделия и др.

С учетом ежегодного спроса на хлопко-сырец, и учитывая его потребность в текстильной промышленности на ближайшие годы, рассматривается вопрос увеличения объема производства хлопка путем внедрения интенсивной технологии и за счет расширения посевных площадей орошаемых земель. Однако, с резким сокращением водных источников в низовьях Амударьи в условиях экологической напряженности, становится реальным пересмотр структуры посевных площадей орошаемых культур. Несмотря на большие расходы вод в верхнем и среднем течении Амударьи в структуре посевных площадей Республики Каракалпакстан все еще преобладает водоемкие культуры, у которых спрос на воду очень велик.

Таким образом, в Каракалпакстане, в частности в северных районах, посевные площади хлопчатника во многих хозяйствах и даже в разрезе районов заменены водоемкой культурой в условиях отсутствия соответствующей технологии полива, что отрицательно сказывается на мелиоративном состоянии земель. В результате, снизилась урожайность хлопчатника, и хлопководческие хозяйства изменили свои производственные направления на зерновые и кормовые культуры. Но площадь хлопчатника в северных районах не сокращалась, и даже в структуре посевных площадей были включены посевы овощебахчевых культур, которые не принимались в нужном объеме в расчет как севооборотные культуры. Свидетельством этому служат производственные показатели хлопководческих хозяйств Кунградского района. Здесь даже в отдельные годы урожайность хлопчатника с одного гектара составляет 10,8–15,0 центнеров, что даже на 38 % ниже среднереспубликанского показателя. Поэтому, в дальнейшем надо обратить внимание на совершенствование структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур в республике, имея в виду значительное сокращение посевных площадей хлопчатника в северных районах. Это, во-первых, предотвратит распространение посевных площадей во всех хозяйствах, во-вторых, приведет к развитию хлопководства за счет южных районов, где имеются благоприятные термические ресурсы в вегетационный период.

С учетом ежегодного спроса на хлопко-сырец, и учитывая его потребность в текстильной промышленности на ближайшие годы, рассматривается вопрос увеличения объема производства хлопка путем внедрения интенсивной технологии и за счет расширения посевных площадей орошаемых земель. Однако, с резким сокращением водных источников в низовьях Амударьи в условиях экологической напряженности,

становится реальным пересмотр структуры посевных площадей орошаемых культур. Несмотря на большие расходы вод в верхнем и среднем течении Амударьи в структуре посевных площадей Республики Каракалпакстан все еще преобладают водоемкие культуры, у которых спрос на воду очень велик.

Результаты показали, что Республике Каракалпакстан, в частности в северных районах, посевные площади хлопчатника во многих хозяйствах и даже в разрезе районов заменены водоемкой культурой в условиях отсутствия соответствующей технологии полива, что отрицательно сказывается на мелиоративном состоянии земель. В результате, снизилась урожайность хлопчатника, и хлопководческие хозяйства изменили свои производственные направления на зерновые и кормовые культуры. Но площадь хлопчатника в северных районах не сокращалась, и даже в структуре посевных площадей были включены посевы овощебахчевых культур, которые не принимались в нужном объеме в расчет как севооборотные культуры. Свидетельством этому служат производственные показатели хлопководческих хозяйств Кунградского района. Здесь даже в отдельные годы урожайность хлопчатника с одного гектара составляет 10,8–15,0 центнеров, что даже на 38 % ниже среднереспубликанского показателя. Поэтому, в дальнейшем надо обратить внимание на совершенствование структуры посевных площадей сельскохозяйственных культур в республике, имея в виду значительное сокращение посевных площадей хлопчатника в северных районах. Это, во-первых, предотвратит распространение посевных площадей во всех хозяйствах, во-вторых, приведет к развитию хлопководства за счет южных районов, где имеются благоприятные термические ресурсы в вегетационный период.

В дальнейшем для создания нормальных мелиоративных условий в хлопкосеющих хозяйствах республики необходимо интенсивно развивать искусственное дренажирование орошаемых земель, путем строительства межхозяйственных и внутрихозяйственных коллекторных сетей. В настоящее время дренажирование сельскохозяйственных земель осуществляется горизонтально открытым дренажом. Вопросы возможности применения вертикального дренажа в условиях Республики Каракалпакстан исключены, из-за геолого-литологического строения территории. В результате, мелиоративное состояние орошаемых земель ухудшилось, и его значительная часть подвергается вторичному засолению. По статистическим данным, в Каракалпакстане только 20,6 % (103,2 тыс. га.) его

площади отнесены к лучшим и относительно лучшим категориям земель, 33,8 % (169 тыс. га.) к слабозасоленным, 34,3 % (171,4 тыс. га.) к средnezасоленным, 11,3 % (56,6 тыс. га.) к сильнозасоленным, т. е. относится к категории непригодным для орошаемого земледелия, что осложняет повышение эффективности сельскохозяйственного производства.

По данным фермерских хозяйств Амударьинского района, здесь под посевы хлопчатника засеяно 2042 га. и произведено 4089 тонн хлопка, а урожайность составила более 20 ц/га. В фермерских хозяйствах Эликатинского района урожайность хлопчатника достигла 21,4 ц/га, в Берунийском районе — 22 ц/га. Однако, производственная деятельность фермерских хозяйств республики показывает, что урожайность хлопчатника здесь также остаётся низким. Исследование показывает, что в силу природно-экологических бедствий, постигших за последние годы регион, т. е. резкого снижения водного зеркала Аральского моря и сокращения водных источников, дальнейшее развитие агропромышленного комплекса из года в год становится затруднительным. Сокращаются посевные площади сельскохозяйственных культур, и ухудшается мелиоративное состояние земель, что приводит к снижению урожайности земледелия и продуктивности животноводства. Все это отрицательно сказывается на нормальном функционировании даже перерабатывающих отраслей промышленности. Так, например, ряд производств, в продукции которых остро нуждается местное население (растительное масло, мясные и молочные продукты, хлопчатобумажные ткани и другие) задействованы на 59–67 %.

Вместе с тем заметим, что отсутствие достаточно четкого механизма для рационального снабжения предприятий сырьем, а также организации их взаимобмена недостающими материалами и изделиями, является одной из причин не обеспечения населения товарами первой необходимости. В целом, в Республике Каракалпакстан прирост населения превышает рост объемов производства ряда основных продуктов питания, что является главным фактором возрастающей социально-экологической напряженности. Поэтому в ближайшие годы предстоит расширить посевные площади зерновых и кормовых культур за счет свободных земель, находящихся внутри имеющихся земледельческих хозяйств и путем освоения нового пахотно-пригодного земельного фонда северных районов. Расширение площади зерновых культур с одновременным повышением урожайности до 30–40 ц/га позволит удвоить валовой сбор зерна в год.

Отмечая некоторые положительные подвижки в развитии АПК, необходимо обратить внимание на неотложное решение ряда проблем, сдерживающих процесс модернизации и инновационного развития в АПК [3]. Отметим, что наряду с хлопководством и зерноводством в сельском хозяйстве Каракалпакстана общереспубликанское значение имеют: шелководство, производство овощебахчевых культур, плодоводство и виноградарство. Эти отрасли сочетаются с хлопководством и зерноводством, и играют большую роль в обеспечении сырьем предприятий АПК. В связи с этим на территории отдельных районов, особенно в полосе, прилегающей к железнодорожным путям, необходимо организовать новые отрасли промышленности, а также цеха перерабатывающей индустрии. Все это позволит покрыть внутренние потребности сырьем промышленности и отчасти вывозить в сопредельные регионы.

В последние годы под воздействием организационно-управленческой деятельности местных органов власти работой сельскохозяйственного производства, даже в условиях Аральской экологической катастрофы, в Республике Каракалпакстан создаются определенные условия для развития агропромышленного комплекса.

В частности происходит концентрация и специализация земледелия в оазисной части республики, его техническое перевооружение, а также начато внедрение индустриальных методов транспортабельной перевозки и доставки сырья путем централизации обслуживающих функций сельскохозяйственной ассоциации, а также совместное решение ряда социальных проблем села [1, 4]. При этом создаются реальные возможности для возникновения сложной кооперации и комбинирования производств по производству, переработки и реализации продукции. Формирование аграрно-промышленного комплекса (АПК) соответствующей условиям рыночной экономики, включает в себя совокупность аграрной отрасли и сфер деятельности, которые участвуют

в производстве, заготовке, переработке, хранении, транспортировке и оптовой реализации сельскохозяйственной продукции.

Такие АПК по призванию должны состоять из нескольких звеньев:

- а) производство сельскохозяйственной продукции;
- б) промышленная переработка сельскохозяйственного сырья;
- в) предприятия, обеспечивающие хранение, транспортировку и реализацию продукции. Базой формирования агропромышленного комплекса в условиях многоукладной экономики выступает сельское хозяйство, однако, главной базой является интегратор — промышленность, от которой зависят темпы и уровень развития отрасли [2]. Связи и пропорции между этими звеньями зависят от уровня комбинации производственных структур сельского хозяйства и поэтому она постоянно совершенствуется.

Взаимодействия между всеми звеньями агропромышленного комплекса становятся все более важным условием роста и модернизации сельскохозяйственного производства. Важной составляющей частью этого роста, т. е. роста производительности труда выступает территориальная организация производственно-технологических и организационных связей АПК и т. д.

Таким образом, промышленное освоение резервов АПК, и на этой основе развитие отрасли перерабатывающей промышленности на базе местного сырья, должно предшествовать всем мероприятиям по модернизации и увеличению вклада Республики Каракалпакстан в общереспубликанскую экономику Узбекистана. Формирование стратегии модернизации аграрного сектора Республики Каракалпакстан, включая определение стратегических направлений, происходит в системе стратегического управления, которая должна обеспечивать согласование целей, возможностей и интересов, не упуская при этом важность и значение информационных ресурсов.

Список литературы:

1. Карасев В. И. Развитие сельскохозяйственной кооперации в странах Западной Европы и России. // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2005. – № 5–6. – С. 69–77.
2. Кудряшов В. Формы организации кооперации, и интеграции, фермерских хозяйств. // Международный сельскохозяйственный журнал. – 1995. – № 6. – С. 34–41.
3. Маслов С. А. Экономические основы с.-х. кооперации. Экономика кооперативного крестьянского хозяйства. – М.: Изд-е автора, – 1928. – 104 с.
4. Ушачев И. Г. Состояние и перспективы развития корпоративных форм управления в АПК России. // АПК: экономика, управление. – 2002. – № 10. – С. 21–31.

*Nikishin Alexander Fedorovich,
Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor, Department of Trade policy
E-mail: ktdn@yandex.ru*

*Pankina Tatiana Viktorovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
Associate Professor, Department of Trade policy
E-mail: pankina.tv@mail.ru*

The problem of involvement of clients in electronic commerce

Abstract: The article considers the problems of involvement of clients in electronic commerce. The analysis is performed and recommendations on solution of such tasks as the problem of the use of the Internet by elder clients, problems of technical infrastructure and clients' awareness and other problems are provided.

Keywords: electronic commerce, electronic trading, rendering of services on the Internet.

In the modern world the electronic commerce is of a paramount importance. The development of electronic commerce in the twenty-first century is particularly considered in the works of Ilyashenko S. B. [1, 150–155], Magomedov G. D. [2, 220–225] and others. The reasons of the rapid development of the electronic commerce include a few advantages; primarily, it is a high speed of information transfer. It enabled to provide the clients with the services rendered remotely in real time mode. The most development of such services was observed in the sphere of trading — currently, a lot of goods are realized via online stores, auctions, trading grounds and websites for private advertisements. Another common example is the sale of tickets — acquiring a train or plane ticket via the Internet a passenger has a few benefits such as speedy purchase that allows acquiring more deficit tickets, visual selection of seats, convenient payment, no queues and other advantages. The simplicity of ticket purchase enables the clients to buy them even when there is no time to make a purchase, including a case when a ticket is acquired for the purpose of tourism, and make impulse purchases. Similar advantages are gained by a tourist in future, which include hotel booking, purchase of tours, selection and booking of excursions. The fact that the whole process of travel planning happens at one-time is a big advantage. It has a huge potential for the development of tourism, which, in turn, determines the development of other industries [3, 125–127].

Internet technologies have enormous impact on the market of insurance services. Many clients, who are ready to get insured, can postpone it for long. The simplicity and promptness of insurance via the Internet enables the insurance companies to attract additional clients.

In spite of the advantages, the process of involvement of clients in the electronic commerce faces several

difficulties. Such difficulties are largely determined by the peculiarities of the attitude of separate categories of clients towards modern technologies.

For instance, elderly people form a problem category. They have crusted habits in the sphere of acquiring goods and services, which are difficult to change. According to different evaluations, the share of Internet users older than 55 years old accounts for 6 to 8 percent of all Internet users, whereas the number of population of such age is around 25 percent (On the example of the Russian Federation, data for 2014). Thus, the level of Internet use among this age category is significantly lower.

A high differentiation of income is observed in the indicated age group. When attracting the clients of the specified age group with a high income, such classic advantage of the electronic commerce as the reduction of the cost of goods and services, is not substantial. Many business relations for this category of consumers have already been formed and the clients have quite a big level of conservatism. Thus, the enterprises in the sphere of the electronic commerce have to look for new ways of involvement of such clients. In this case, the costs do not have a determining influence; the main criterion is the convenience of use of the respective technologies. Currently, the use of electronic ink is undergoing a rapid development. Electronic ink has a few advantages, which can be used — high energy non-dependence, including the preservation of image for a long period, low cost, safety for health. Thus, a mobile application designed with the use of electronic paper will facilitate the adaptation of a client to modern technologies. The electronic device will be perceived by the client as a piece of paper of high density. The technologies of use should be maximum conventional for

the client — the client should receive information in the form common for them, i. e. fill in a standard service order form. Due to the fact that every such client brings the company quite high profit, electronic devices can be provided free of charge to regular customers. The involvement of new clients should be accompanied by certain events on stimulation of the use of such technologies. At modern luxury shops, such devices can be given for temporary use. At such shops, the problem of thefts is less pressing and the computer system can perform the analysis of customer's preferences. In case of a successful use and when the priorities of the given client have been defined, the device can be offered as a gift. The indirect advantage of this technology is the collection of statistics about the client's behavior.

The advantage of the electronic commerce is the reduction of costs, which allows offering a lower price level. This specific emphasizes the relevance of involvement of consumers with low income level in the electronic commerce. For this category of clients, unlike the category viewed previously, the fact of price reduction is the main motivator itself [4, 125–127]. Thus, the task of a trade organization is not to stimulate the consumers to use technology, but to help them use it. The offered software should be maximum simple as well as the organization of client consultation should be arranged. Currently, the performance of some socially important services is done with the help of such technologies, which contributes to client involvement but causes inconvenience and difficulties. Thus, an important competitive advantage of trade organizations can be the process of client consultation. In respect of a high social importance [5, 718], it is reasonable to solve this task at a state level as well [6, 56–61]. The organization of respective free courses at the expense of the state, which will enhance computer awareness of the population, will allow reducing costs on service rendering in future, as well as contributing to the involvement of the population in the electronic commerce.

The question of a low level of technical equipment of the certain population category is related to the above described problem. This issue is especially current for the citizens of the regions. The involvement of wide masses of regional population in the electronic commerce, especially those living in small populated settlements, is impossible without solving this issue. Herewith, the problem is determined by not only computer facilities, but also by the access to the Internet.

To solve the first set task, one can install self-service terminals ensuring access to the offers of commercial

organizations. Mobile terminals can be used in populated settlements with small population, where the installation of stationary terminals is commercially unprofitable. A side commercial organization can be involved in the creation of such terminal chain. Herewith, the main source of profit for such company can be a commission charged from the commercial organizations connected to such terminals, but not the payments of the population. In the operation of the chain, one can presuppose the cooperation with already existing chain of payment terminals. The functions of such terminals may include the search of goods, formation of an order, payment for the order, delivery booking upon the wish of a customer. The realization of a chain of such terminals does not require connection to global networks to function.

The presence of a chain of terminals also contributes to the solution of the second task — organization of the Internet access. In this case, the customer can learn about the goods on producers' websites, see the analytical articles and read the reviews of other customers. The connection of terminals to the global network will widen the circle of potential offers significantly.

It is important to note that the terminal should not be an ordinary computer connected to the Internet and performing the Internet access in a standard way. The terminal serves the union of trade organizations; requires specialized software, on the one hand, simplifying the search of offers for consumers, on the other hand, offering the goods in accordance with the assortment of trade organizations that are a part of the union.

Today, mobile operator chains have a wider circulation than computer networks. Hence, the user often has a device in hands that allows transferring and receiving information. In this case, the task of involvement of a user in the process of electronic commerce can be solved with the help of the use of such devices. Such involvement is presently realized by two ways — optimization of a website or the use of mobile applications. Unfortunately, such optimization is done only for mobile devices using a certain operating system. Thus, the process of involvement of users who have different mobile devices in the electronic commerce is important.

In compliance with GSM standard, any mobile device has a function of receiving and sending a short text message (SMS). Today, only some kinds of services use this opportunity for client interaction. This service is widely used in the sector of bank services that allows clients performing some bank operations via SMS. Such technology can be successfully applied in other spheres of activity. One can code the receipt of standard services

for regular customers. Multimedia messages give more opportunities at present.

Often, the client doesn't realize the advantages offered to them by the means of electronic commerce due to incompetence. If in the sphere of trade such incompetence often refers to the details of a transaction, in the sphere of services the client may not even know about the existence of some capabilities. Currently, the stimulation of information transfer from one client to another gained a wide spread. It should be noted that this method presupposes a high quality of service rendering. Nevertheless, a required mass of clients, through which the spread of information is effective, is absent in some spheres of activity. In this respect, it is reasonable to offer the service providers to develop partner programs offering the services of side companies together with their own ones. It is important to inform the client about the opportunities to use electronic technologies in the process of service rendering regardless the ways of rendering.

When attracting clients to the electronic commerce, the companies may face the problem of distrust. Many clients, especially elderly ones, do not trust the transactions in electronic format a priori. The reason of such distrust is a long-term habit to demand a «paper» confirming any transaction. Particularly, the service of printing a ticket on the official blank can be used

for such clients when buying tickets. In the sphere of trade the client wants to acquire goods inspecting it in detail in advance.

In order to attract such clients at the first stage, it is suggested to involve the service of settling purchase formalities through a terminal along with traditional service. Observing others, the client will pay attention to the convenience of order processing and, possibly, will try to perform such operation on their own shifting to the interaction with the website smoothly.

In future, one can offer the service of goods delivery to the customer.

After the initial involvement in the electronic commerce, the client can be offered a variety of forms of payment for goods and services, opportunity to discuss purchased goods and other additional capabilities.

The problem of stimulation of the use of means of electronic commerce by clients is current. Nevertheless, commercial organizations should solve this task. Firstly, it is related to the fact that the servicing of a client with the use of online technologies is usually notably cheaper. Secondly, this task is also solved by the enterprises-competitors. And the client attracted by the competitors will be lost. The approach to the solution of this problem requires the consideration of plethora of factors, particularly, the investigation of a reason of non-involvement of a client in the electronic commerce.

References:

1. Ilyashenko S. B. Socio-economic aspects of the condition of electronic commerce in Russia. In the collection of works: Current problems of modern science. The collection of articles of the International scientific-practical conference: in 4 parts. Responsible editor A. A. Sukiasyan. – 2013. – P. 150–155.
2. Magomedov G. D., Kakhrianova D. G. Electronic trade: modernized approach. In the collection of works: Groundbreaking economic reforms in the conditions of risk and uncertainty. The collection of articles of the International scientific-practical conference. Responsible editor A. A. Sukiasyan. – Ufa, 2015. – P. 220–225.
3. Tyunik O. R., Nikishin A. F., Pankina T. V. Tourism as a factor of trade development. // Innovative science. – 2015. – Vol. 1. – № 4. – P. 125–127.
4. Valko D. V., Sergeicheva I. A. Approach to systematization of factors of consumers' behavior in the Russian market of electronic trade. // Herald of South-Ural State University. Series: Economics and management. – 2014. – Vol. 8. – № 1. – P. 115–121.
5. Maiorova E. A. To the issue of social efficacy of trade. // Successes of modern natural science. – 2015. – № 1–4. – P. 718.
6. Ivanov G. G., Orlov S. L. Social aspects of entrepreneurship in trade. // Herald of economics, law and sociology. – 2013. – № 1. – P. 56–61.

*Portnova Natalia Arkadievna,
University of Nizhni Novgorod,
Ph.D., Institute of Economics and Business
E-mail: Portnova_n@mail.ru*

*Sorokin Sergey Anatolievich,
University of Nizhni Novgorod,
Ph.D., Institute of Economics and Business
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru*

Evolution of the structure of social production USA

Absrtact: A mathematical formalization of multisector models of the structure of employment in the US economy.

Keywords: multisector model, mathematical modeling.

*Портнова Наталья Аркадьевна,
Нижегородский государственный университет,
Институт экономики и предпринимательства,
кандидат технических наук,
E-mail: Portnova_n@mail.ru*

*Сорокин Сергей Анатольевич,
Нижегородский государственный университет,
Институт экономики и предпринимательства,
кандидат технических наук
E-mail: Sorokin-unn@rambler.ru*

Эволюция структуры общественного производства США

Аннотация: Выполнена математическая формализация многосекторных моделей структуры занятости в экономике США.

Ключевые слова: многосекторная модель, математическое моделирование.

Структура общественного производства

Приблизительно 9 000–10 000 лет назад архетип воспроизводства населения уступил место новому историческому типу — традиционному, который связан с условиями аграрного общества (т. е. с переходом к производящей экономике). Традиционный тип преобладал в мире до XVIII века. В условиях производящей экономики переход от феодализма к промышленному производству привел к очередной смене типа воспроизводства населения — к современному типу. Переходные процессы для различных регионов обладали особенностями, однако, к началу XX века была замечена тенденция, претендующая на общность. Эта общая тенденция прослеживается в эволюции структуры общественного производства. Динамика мирового экономического развития такова, что рабочая сила перемещается из сфер материального производства в сферу услуг: происходит переквалификация рабочих мест. Все большее количество отраслей материального производства становятся все более

услугооказывающими, повышение наукоемкости продукции ведет к росту стоимости услуг в цене товара. Эта тенденция порождает ряд вопросов:

- каковы причины такого перераспределения трудовых ресурсов;
- что ожидает мировую экономику в будущем;
- каков прогноз социальной структуры будущего.

Динамика изменения численности населения, занятого в различных сферах экономики свидетельствует о том, что изменение в распределении трудовых ресурсов и перемещение центра тяжести из «первичной» во «вторичную» и далее в «третичную» сферу экономики совершается по мере общего развития экономики и научно-технического прогресса каждый раз, когда происходят события, оказывающие серьезное влияние на социальную структуру общества. Подобная тенденция связана с общим развитием цивилизации, и является неизбежной.

В настоящее время известны следующие модели занятости в экономике: двухсекторная модель,

трехсекторная модель Фишера (1935 год) и Кларка (1940 год), пятисекторная модель Белла (1973 год), четырехсекторная модель Пората (1977 год), шести-секторная модель Зингельманна (1978 год), двухполюсная модель общественного производства.

Двухсекторная модель общественного производства. В основе двухсекторной модели лежит *разграничение материального и нематериального производств*, которое базируется на следующих взаимосвязанных критериях:

- участие отраслей и видов деятельности в создании *материальных благ*;
- прямое (потребляющее) воздействие на природу: если деятельность отрасли направлена на преобразование *вещества природы* с целью его приспособления к человеческим потребностям, то она относится к материальному производству;
- овеществление результатов труда: если такое овеществление отсутствует, деятельность относится к нематериальной сфере.

В начале XX века в промышленности насчитывалось около 20 отраслей, в XXI веке в индустриально развитых странах сфера материального производства включает более 55 отраслей, подотраслей и видов производства. В США в начале XXI века количество видов деятельности имеет порядок 10^3 .

Трехсекторная модель общественного производства. Двухсекторная модель общественного производства, по мере развития и усложнения экономики, перестала адекватно отражать происходящие изменения, что потребовало изменить модель ее структуры. Одним из первых, наряду с А. Фишером (1935), трехсекторную модель предложил К. Кларк в работе «*Condition of economic Progress*», изданной в Лондоне в 1940 году. В соответствии с гипотезой Фишера-Кларка, а так же работами экономистов, разделяющих их мнение, характер развития мировой экономики определяется жизненными циклами ее отдельных секторов. Основные структурные изменения в секторах экономики связываются с двумя факторами — динамикой спроса и динамикой производительности труда. Сфера услуг полагается важнейшим источником роста ВВП и главным объектом для трудоустройства населения.

К *первичному сектору экономики* причислялись все отрасли добывающей промышленности и сельскохозяйства.

Вторичный сектор включал обрабатывающие отрасли (обрабатывающий сектор экономики — отрасли обрабатывающей промышленности и строительство).

Третичный сектор — сектор услуг (сфера услуг).

Трехсекторная модель удовлетворяла потребности экономического анализа хозяйственной жизни развитых стран до середины XX века. В 60–70-е годы рост диспропорции между секторами экономики в развитых странах стал очевиден. Устойчивый характер этой диспропорции часто рассматривается, как признак возникновения *постиндустриального общества* в форме *сервисной модели*.

Соотношение секторов экономики в развитых странах изменилось следующим образом.

1. Первичный сектор демонстрирует снижение собственной доли участия в валовом выпуске и в структуре занятости.

2. Вторичный сектор характеризуется следующими двумя тенденциями:

- с одной стороны, начиная с 70-х годов XX века, во вторичном секторе наблюдается процесс уменьшения числа занятых;
- в то же время, вторичный сектор эффективно функционирует, обладая высоким уровнем производительности труда: он остается одним из главных потребителей технологических достижений.

3. Третичный сектор переживает стремительное развитие: наблюдается рост его участия в создании валового выпуска и одновременный рост занятости.

Отсутствие строгих критериев, в соответствии с которыми тот или иной вид деятельности следует отнести к сфере услуг, постоянное появление новых видов деятельности и эволюция прежних — привели к отделению некоторых видов деятельности из ранее единого третичного сектора (т. е. к расчленению сферы услуг).

Пятисекторная модель Белла. Белл, пересмотрев структуру третичного сектора, выделил наряду с тремя указанными секторами еще два: четверичный и пятеричный. Согласно Беллу третичный сектор уменьшился до транспортных и коммунальных услуг, а торговля, финансы, страхование и операции с недвижимостью отошли к четверичному сектору. К пятеричному сектору относились: здравоохранение, образование, отдых, исследовательская деятельность и правительственные учреждения. Четких критериев такой структуризации общественного производства Белл не указал.

Четырехсекторная модель Пората. Порат в работе «*Информационная экономика*» 1977 года выдвинул идею четырех секторов: сельское хозяйство, промышленность, сектор услуг и информационный сектор, т. е. сектор создания знаний.

Шестисекторная модель Зингельманна. Зингельманн в работе «*From Agriculture to Service: The transformation of Industrial Employment*» 1978 года предложил выделить в структуре общественного производства шесть секторов, в том числе четыре сектора в сфере услуг (Таблица 1).

Двухполюсная модель общественного производства. Общественное производство можно представить двухполюсной системой: на одном полюсе будут отрасли, тяготеющие к *субъект-объектному* началу, на другом — к *субъект-субъектному*. *Субъект-объектный* полюс представляет взаимодействие человека с предметом своей деятельности или с объектом потребления, а *субъект-субъектный* — объединяет такие отрасли, в рамках которых взаимодействие людей основано на межперсональном общении. В настоящей работе двухполюсная модель общественного производства не рассматривается.

Эволюция структуры занятости в экономике США

Концентрация занятости в секторах экономики США. М. Кастельсом [1] были собраны базовые статистические данные по семи крупнейшим рыночным экономикам мира (США, Япония, Германия, Франция, Италия, Соединенное Королевство и Канада), что позволило ему провести анализ эволюции их структур занятости и профессиональных структур за 70 лет, основываясь на типологии занятости Зингельманна.

Зингельманн анализировал изменения структуры занятости в различных странах между 1920 и 1970 годами. Опираясь на работу Зингельманна и используя свои данные за 1970–1990 годы, М. Кастельс продолжил этот анализ до периода развития информационных обществ. М. Кастельс предложил классификацию ведущих мировых экономик, используя эволюцию структуры занятости в качестве фундаментального показателя их общности, а также их разнообразия.

Таблица 1. – Распределение занятости по секторам экономики США в %

Отрасль	Год									
	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1985	1990	1991
I. Добывающий сектор	28,9	25,4	21,3	14,4	8,1	4,6	4,5	4,0	3,5	3,5
Сельское хозяйство	26,3	22,9	19,2	12,7	7,0	3,7	3,6	3,1	2,8	2,9
Горнодобывающая промышленность	2,6	2,5	2,1	1,7	1,1	0,8	1,0	0,9	0,6	0,6
II. Трансформационный сектор	32,9	31,6	29,8	33,9	35,9	33,1	29,6	27,2	25,6	24,7
Строительство		6,5	4,7	6,2	6,2	5,9	6,2	6,5	6,5	6,1
Коммунальные предприятия		0,6	1,2	1,4	1,4	1,3	1,2	1,2	1,1	1,1
Обрабатывающая промышленность:		24,5	23,9	26,2	28,3	25,9	22,2	19,5	18,0	17,5
пищевая		2,3	2,7	2,7	3,1	2,0	1,9	1,7	1,6	1,5
текстильная		4,2	2,0	2,2	3,3	2,2	0,8	0,7	0,6	0,6
металлургия		7,7	2,9	3,6	3,9	3,2	2,7	2,0	1,8	1,7
машиностроение			2,4	3,7	7,5	6,7	5,2	4,5	3,8	3,7
химическая		1,3	1,5	1,7	1,8	1,6	1,6	1,3	1,3	1,3
прочие обрабатывающие отрасли		9,0	11,8	12,3	8,7	10,3	10,0	9,4	8,9	8,6
III. Распределительные услуги	18,7	19,6	20,4	22,4	21,9	22,4	21,0	20,9	20,6	20,6
Транспорт	7,6	6,0	4,9	5,3	4,4	3,9	3,7	3,5	3,5	3,6
Связь		1,0	0,9	1,2	1,3	1,5	1,5	1,5	1,3	1,4
Оптовая торговля	11,1	12,6	2,7	3,5	3,6	4,1	3,9	4,1	3,9	4,0
Розничная торговля			11,8	12,3	12,5	12,9	11,9	11,9	11,8	11,7
IV. Услуги производителям	2,8	3,2	4,6	4,8	6,6	8,4	10,5	12,7	14,0	14,0
Банки		1,3	1,1	1,1	1,6	2,4	2,6	2,9	2,9	2,8
Страховое дело		1,1	1,2	1,4	1,7	1,8	1,9	1,9	2,1	2,1
Недвижимость		0,6	1,1	1,0	1,0	1,0	1,6	1,7	1,8	1,8
Проектно-конструкторские работы			1,3	0,2	0,3	0,4	0,6	0,7	0,7	0,7
Бухгалтерские услуги				0,2	0,3	0,4	0,5	0,5	0,5	0,6
Прочие деловые услуги		0,1		0,6	1,2	1,8	2,6	4,0	4,9	5,0
Юридические услуги			0,4	0,4	0,5	0,5	0,8	0,9	1,0	1,1
V. Социальные услуги	8,7	9,2	10,0	12,4	16,3	22,0	23,7	23,6	24,9	25,5
Медицина и здравоохранение			2,3	1,1	1,4	2,3	2,3	3,6	4,3	4,5

Отрасль	Год									
	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1985	1990	1991
Больницы				1,8	2,7	3,7	5,3	4,0	4,0	4,1
Образование			3,5	3,8	5,4	8,6	8,3	7,8	7,9	8,0
Социальное обеспечение и религиозные услуги			0,9	0,7	1,0	1,2	1,6	2,2	2,6	2,7
Неприбыльные организации				0,3	0,4	0,4	0,5	0,4	0,4	0,4
Почтовые услуги		0,6	0,7	0,8	0,9	1,0	0,7	0,7	0,7	0,7
Правительство		2,2	2,6	3,7	4,3	4,6	4,7	4,7	4,8	4,8
Прочие социальные услуги				0,1	0,2	0,3	0,4	0,2	0,2	0,2
VI. Бытовые услуги	8,2	11,2	14,0	12,1	11,3	10,0	10,5	11,7	11,5	11,7
Домашняя прислуга		6,5	5,3	3,2	3,1	1,7	1,3	1,2	0,9	0,9
Отели		2,9	1,3	1,0	1,0	1,0	1,1	1,4	1,5	1,6
Рестораны и бары			2,5	3,0	2,9	3,3	4,4	4,9	4,8	4,9
Ремонт			1,5	1,7	1,4	1,4	1,3	1,5	1,4	1,4
Прачечные			1,0	1,2	1,0	0,8	0,4	0,4	0,5	0,4
Парикмахерские и косметические кабинеты		0,9			0,8	0,9	0,7	0,8	0,7	0,7
Развлечения		0,9	0,9	1,0	0,8	0,8	1,0	1,2	1,3	1,3
Прочие бытовые услуги			1,6	1,2	0,4	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4
Всего	100,2	100,2	100,1	100,0	100,1	100,3	99,8	100,1	100,1	100,0

Источник: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Объединенная база данных, приведенная М. Кастельсом, отражает распределение занятости в секторах экономики США в % от общей занятости в соответствии с шестисекторной моделью Зингельманна (Таблица 1). Данные Зингельманна (1920–1970 годы) и М. Кастельса (1970–1990 годы) несколько не совпадают, что, естественно, наблюдается в 1970 году. Для совместного использования обеих баз данных, статистика была усреднена в месте «сшивки» (в 1970 году).

Формализация многосекторных моделей

Двухсекторная модель. Предварительный анализ демографических особенностей экономики США обсуждался ранее [2, 246–251]. При построении математической модели будем исходить из следующего *предположения*: основными факторами, обуславливающими распределение рабочей силы между секторами экономики, являются *спрос* и *производительность труда*. Аналогичный подход был применен при моделировании структуры занятости в экономике Японии [3, 6–11].

Пусть L_i — численность занятых в i -м секторе экономики (миллионы человек):

$$v_i = \eta_i - \xi_i, \quad (1)$$

где: v_i — удельная скорость роста числа занятых в i -м секторе экономики,

ξ_i — высвобождение (удельный отток) занятых из i -го сектора экономики по причине роста производительности труда.

$$\frac{dL_i}{dt} = v_i L_i, \quad (2)$$

$$L_i = L_{0i} \exp(v_i t), \quad (3)$$

$$i = \overline{1, n}.$$

Концентрации занятых в секторах экономики можно представить следующим образом:

$$n_i = \frac{L_i}{\sum_{i=1}^n L_i}, \quad (4)$$

$$i = \overline{1, n}.$$

В том случае, когда вся экономика представима только двумя секторами, $i = \overline{1, 2}$, получаем:

формулу (5):

$$n_1 = \frac{L_{01} \exp(v_1 t)}{L_{01} \exp(v_1 t) + L_{02} \exp(v_2 t)} = \frac{1}{1 + \frac{L_{02}}{L_{01}} \exp((v_2 - v_1) t)},$$

формулу (6):

$$n_2 = \frac{L_{02} \exp(v_2 t)}{L_{02} \exp(v_2 t) + L_{01} \exp(v_1 t)} = \frac{1}{1 + \frac{L_{01}}{L_{02}} \exp((v_1 - v_2) t)}.$$

Трехсекторная модель. Математическое описание трехсекторной экономики можно выполнить по аналогии с (4) для случая, когда вся экономика представима только тремя секторами, $i = \overline{1, 3}$:

$$n_1 = \frac{L_{01} \exp(v_1 t)}{L_{01} \exp(v_1 t) + L_{02} \exp(v_2 t) + L_{03} \exp(v_3 t)} = \frac{1}{1 + \frac{L_{02}}{L_{01}} \exp((v_2 - v_1)t) + \frac{L_{03}}{L_{01}} \exp((v_3 - v_1)t)}, \quad (7)$$

$$n_2 = \frac{L_{02} \exp(v_2 t)}{L_{02} \exp(v_2 t) + L_{01} \exp(v_1 t) + L_{03} \exp(v_3 t)} = \frac{1}{1 + \frac{L_{01}}{L_{02}} \exp((v_1 - v_2)t) + \frac{L_{03}}{L_{02}} \exp((v_3 - v_2)t)}, \quad (8)$$

$$n_3 = \frac{L_{03} \exp(v_3 t)}{L_{03} \exp(v_3 t) + L_{01} \exp(v_1 t) + L_{02} \exp(v_2 t)} = \frac{1}{1 + \frac{L_{01}}{L_{03}} \exp((v_1 - v_3)t) + \frac{L_{02}}{L_{03}} \exp((v_2 - v_3)t)}. \quad (9)$$

Вычислительный анализ. Вычислительный анализ трехсекторной модели выполнен на временном интервале с 1790 года по 2000 год. Годовой ряд был заменен условным временным рядом t : 1790 год соответствует $t_1 = 0$, каждое последующее значение условного временного ряда определялось равенством:

$$t_{m+1} = год_{m+1} - 1790.$$

Концентрации занятости выражались не в %, а в долях от единицы. Коэффициенты уравнений определены посредством оптимизации

$$\sum_{i=1}^3 \sum_{j=1}^k (n_{ji} - n_i(t_j))^2 \rightarrow \min,$$

$$v_i \geq 0.$$

В процессе вычислительного анализа использовались статистические данные, содержащиеся в Табл. 2.

Таблица 2. – Концентрации занятости в секторах экономики США

Год	t	Концентрации занятости в секторах		
		Сельское хозяйство	Производство	Сфера услуг
1790	0	0,870	0,067	0,006
1870	80	0,577	0,207	0,158
1900	110	0,445	0,200	0,300
1905	115	0,400	0,215	0,325
1910	120	0,360	0,230	0,350
1915	125	0,317	0,250	0,370
1920	130	0,280	0,285	0,400
1925	135	0,275	0,260	0,420
1930	140	0,265	0,240	0,440
1935	145	0,245	0,245	0,445
1940	150	0,225	0,260	0,455
1945	155	0,210	0,275	0,470
1950	160	0,185	0,267	0,490
1955	165	0,145	0,285	0,520
1960	170	0,120	0,275	0,550
1965	175	0,082	0,275	0,590
1970	180	0,055	0,260	0,625
1975	185	0,055	0,225	0,675
1980	190	0,040	0,215	0,680
1985	195	0,030	0,190	0,725
1990	200	0,026	0,165	0,740
1995	205	0,025	0,150	0,770
2000	210	0,021	0,133	0,780

Источник: Исследования авторов.

Однако, при использовании настоящей методики математического моделирования, была изменена трактовка трехсекторной модели: в первичном секторе были оставлены только сельскохозяйственные отрасли, а отрасли добывающей промышленности

перенесены во вторичный сектор. Причиной тому послужили два наблюдения, полученные благодаря статистическим данным.

1. В США динамика численности занятых в отраслях добывающей промышленности качественно

не отличается от аналогичной динамики во вторичном секторе: изменение концентрации занятых со временем ведет себя экстремально, проходя через максимум, в то время как в сельском хозяйстве наблюдается монотонное снижение процента занятых.

2. Концентрация занятых в отраслях добывающей промышленности настолько мала, что не вносит существенного изменения в качественную картину динамики численности занятых при переносе добывающей промышленности из первичного сектора экономики во вторичный сектор.

Таким образом, трехсекторная модель экономики США, в рамках рассматриваемой методики, представлена следующими секторами:

- *сельское хозяйство* — все сельскохозяйственные отрасли;
- *производство* — все производственные отрасли, включая все добывающие отрасли: иначе говоря, производственный сектор — это трансформационный сектор плюс

добывающие отрасли по классификации Зингельманна;

- *сфера услуг* — все услуговые отрасли.

Были получены следующие коэффициенты уравнений:

$$L_{01} = 2,319; L_{02} = 0,191; L_{03} = 0,05; \\ v_1 = 0; v_2 = 0,018; v_3 = 0,031.$$

Результаты вычислительного анализа отражены на Рис. 1. Общая занятость американцев в 1790 году $\left(\sum_{i=1}^3 L_{0i}\right)$ составила 2,56 миллиона человек, т. е. 65,14 % от общей численности населения этого года.

Шестисекторная модель. Формализацию шестисекторной экономики можно выполнить по аналогии с (4):

$$n_i = \frac{L_{0i} \exp(v_i t)}{\sum_{i=1}^6 L_{0i} \exp(v_i t)}, \quad (10)$$

используя статистику Зингельманна (1920–1970 годы) и Кастельса (1970–1990 годы) (Таблица 3).

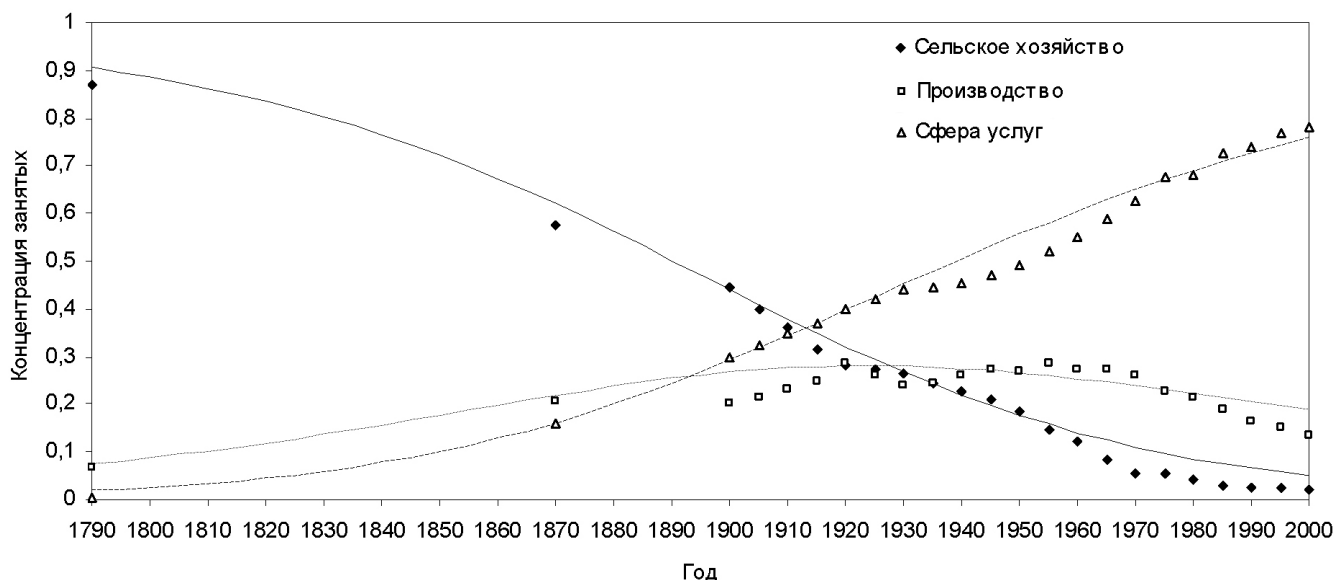

Рис. 1. Занятость в секторах экономики США в соответствии с трехсекторной моделью

Таблица 3. – Концентрации занятости в секторах экономики США

Год	t	I. Добывающий сектор	II. Трансформационный сектор	III. Распределительные услуги	IV. Услуги производителям	V. Социальные услуги	VI. Бытовые услуги
1920	0	0,289	0,329	0,187	0,028	0,087	0,082
1930	10	0,254	0,316	0,196	0,032	0,092	0,112
1940	20	0,213	0,298	0,204	0,046	0,100	0,140
1950	30	0,144	0,339	0,224	0,048	0,124	0,121
1960	40	0,081	0,359	0,219	0,066	0,163	0,113
1970	50	0,046	0,331	0,224	0,084	0,220	0,100
1980	60	0,045	0,296	0,210	0,105	0,237	0,105
1985	65	0,040	0,272	0,209	0,127	0,236	0,117
1990	70	0,035	0,256	0,206	0,140	0,249	0,115

Источник: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

В табл. 3 данные Зингельманна (1920–1970 годы) и Кастельса (1970–1990 годы) несколько не совпадают, что наблюдается в 1970 году: для совместного использования обеих баз данных, статистика была усреднена в месте «сшивки» (в 1970 году).

Вычислительный анализ. Вычислительный анализ шестисекторной модели выполнен на временном интервале с 1920 года по 1990 год. Годовой ряд был заменен условным временным рядом t : 1920 год соответствует $t_1 = 0$, каждое последующее

значение условного временного ряда определялось равенством:

$$t_{m+1} = \text{год}_{m+1} - 1920.$$

Получены следующие коэффициенты уравнений:

$$L_{01} = 18,62; L_{02} = 18,635; L_{03} = 10,953; L_{04} = 1,187;$$

$$L_{05} = 4,178; L_{06} = 6,042;$$

$$v_1 = 0,434; v_2 = 0,464; v_3 = 0,467; v_4 = 0,493;$$

$$v_5 = 0,484; v_6 = 0,466.$$

Результаты вычислительного анализа отражены на Рисунке 2.

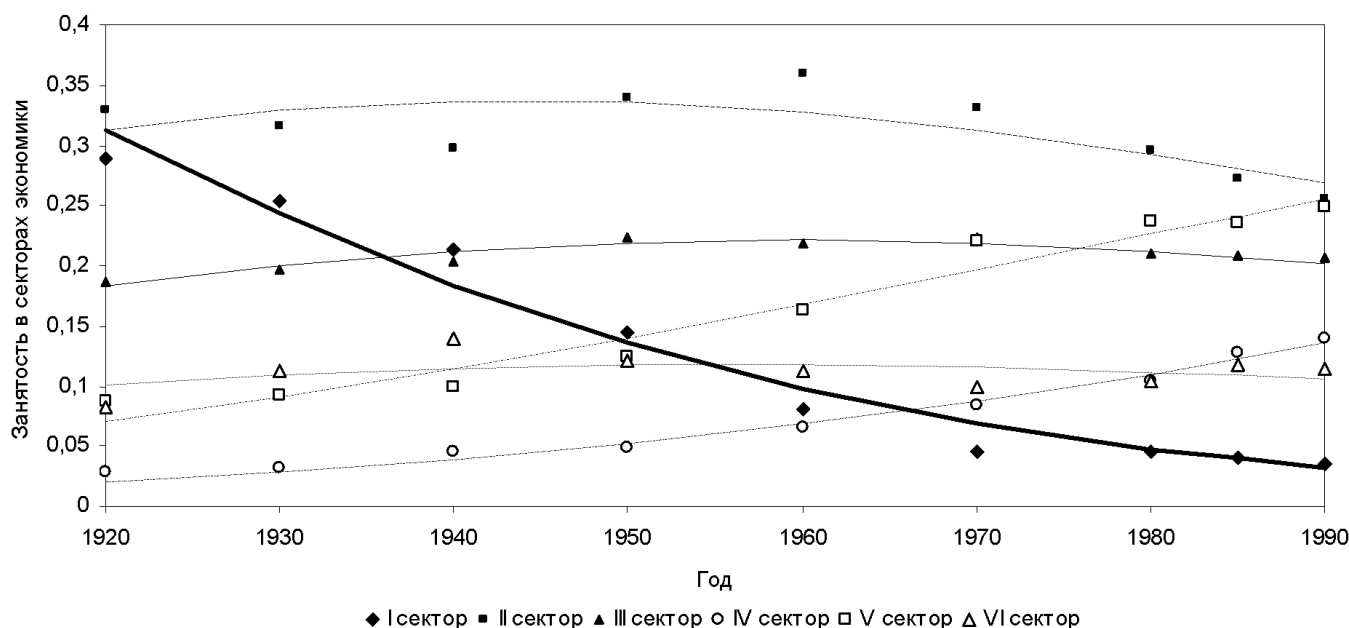

Рис. 2. Занятость в секторах экономики США в соответствии с шестисекторной моделью Зингельманна

Список литературы:

1. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
2. Portnova N.A., Sorokin S.A. Demographic of the US economy.//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. – 2014. – № 11–12. – С. 246–251.
3. Sorokin S.A. Demographic factor of economic development in Japan.//Proceedings of the 1st International conference on development of sociology and demography in Eurasia. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna, 2014. – P. 67–80.

*Skrypnikova Anastasia Alekseevna,
Volgograd State University,
student, Institute of Management
and Regional Economy
E-mail: sanastya91@gmail.com*

Fan relationships management

Abstract: The article raises the issue of attracting and retaining fans of sport clubs. It is dealt with basic elements of fan relationship management, their importance and development trends. Much attention is given to justifying the need for the development of Russian sports clubs this activity.

Keywords: sports club, fans, CRM-system, loyalty programs, gamification.

Скрытникова Анастасия Алексеевна,
Волгоградский государственный университет,
студент, Институт управления и региональной экономики
E-mail: sanastya91@gmail.com

Управление взаимоотношений с болельщиками

Аннотация: В статье поднимается вопрос о привлечении и удержании болельщиков спортивными клубами. Рассматриваются основные элементы управления взаимоотношений с болельщиками, их значимость и тенденции развития. Особое внимание уделяется обоснованию необходимости развития российскими спортивными клубами этого направления деятельности.

Ключевые слова: спортивный клуб, болельщики, CRM-система, программа лояльности, геймификация.

В условиях жесткой реальности спортивные клубы постепенно начинают сознавать необходимость перехода от дотаций регионального бюджета к самостоятельному обеспечению своей работы. Денег, выделяемых регионом как правило хватает только на выживание, о развитии речи не идет. Однако и такая поддержка может в любой момент прекратиться и существование клуба, его участие в различных соревнованиях, а значит и сохранение основных игроков и тренеров станет большим вопросом. Особенно сильно эта проблема становится видна в кризисные периоды, когда область вынуждена сокращать бюджет. Так, выступление волгоградского гандбольного клуба «Динамо-Синара» в Лиге Чемпионов в начале 2015 года ставилось под сомнение из-за финансовых проблем, вызванных снятием с господдержки и отсутствием определенности по спонсорским контрактам. Сейчас, справившись с этой ситуацией команда вышла в полуфинал престижного соревнования. Но факт остается фактом, источником средств являются субсидии из областного бюджета (60 %) и спонсорские поступления (40 %) [4]. Конечно, бюджеты областей не резиновые, и сокращать расходы на социальные нужды, например, на постройку детских садов ради поддержки не жизненно важного спортивного клуба было бы странно, и плохо воспринято местным населением.

В результате руководство клубов, заинтересованное в том, чтобы клуб продолжал существовать ищет различные возможности ухода от зависимости от местной власти. Решением, кроме успешной продажи игроков и призовых, является привлечение спонсоров, продажа телевизионных прав и выручка от продажи билетов, атрибутики. Однако в числе тех, кто успешно выступает, имеет реальные шансы приглашать игроков высокого уровня и даже создавать свои школы на своей базе в основном те, кого финансово обеспечивают крупные компании,

естественные монополии и олигархи — ФК и БК «Зенит» («Газпром»), ФК «Динамо» (ВТБ), ФК «Локомотив» (РЖД), ФК ЦСКА (Евгений Гинер и партнеры), БК ЦСКА («Норильский никель», «Ростелеком») и другие. Спонсируются как правило виды спорта, пользующиеся наибольшей популярностью и в крупных городах.

С продажей телевизионных прав в России дела обстоят пока плохо, и с зарабатываемыми немалые суммы за счет этого клубами Европы и Америки несопоставимы. За один сезон на счет НФЛ поступает около 8,3 миллиардов долларов только от продажи прав на телетрансляцию, Английская премьер-лига получает 1,6 миллиарда долларов, а в России — футбольная Премьер-лига подписала контракт с НТВ+ на 69 миллионов долларов за три года трансляций, то есть по 23 миллиона в год [8]. Разница ощутима, и это при том, что футбол — самая популярная игра в стране. Что же делать остальным видам спорта, командам без неограниченных денег и всем тем, кто хочет покрыть хотя бы часть затрат? Обратить внимание на клиента, на того кто готов платить, чтобы прийти и поддержать команду, кто любит спорт, и тех, кто об этом еще не догадывается.

Первый вопрос на который необходимо дать ответ: а кто это? кто является тем человеком, который приходит на стадион, какие у него социально-демографические характеристики, стиль жизни, как часто он приходит на игру, что его привлекает — сама игра, атмосфера, или это может просто способ времяпрепровождения? С кем он приходит — один, с друзьями или с семьей? Есть ли дети? Данные можно собирать при оформлении абонементов, среди подписчиков в социальных сетях, перед игрой у пришедших. За проведение опроса и предоставление своих контактных данных в качестве благодарности может быть выдан небольшой сувенир, билет на один матч. В результате собирается база данных, и вносится в CRM-систему.

CRM-система — это информационная система предназначенная для автоматизации бизнес-процессов компании, обеспечивающие взаимодействие всех ее подразделений с клиентами на уровне, определяемом CRM-идеологией. Такая система, с одной стороны, решает задачи, направленные на удовлетворение и удержание клиентов, а с другой служит оптимизации деятельности компании, сокращая издержки, связанные с поиском и обработкой информации, анализом данных, управлением продажами.

Работа с каждым болельщиком должна быть индивидуализирована. Поступающие данные должны постоянно обрабатываться, анализироваться, первоначальную информацию о клиенте необходимо обновлять и дополнять историей его взаимоотношений с компанией, то есть историей покупок, отзывами, вопросами и другими точками связи.

Результатом анализа является множество сегментов потребителей со схожими характеристиками. Каждому из сегментов направляются свои предложения. Например, для студентов медицинского университета на конкретном матче действует 30 % скидка на билеты. Или, обладателю семейного абонеента предлагается купить детскую клубную футболку. Приятным эмоциональным моментом станет поздравление с днем рождения ребенка, неожиданный подарок за преданность клубу.

Также исходя из знания аудитории можно предложить различные программы лояльности для каждой группы.

Программа лояльности — это программа, в рамках которой компания поощряет своих покупателей к приобретению ими товаров тем или иным способом, а также получает возможность собрать данные о них и напрямую общаться с ними.

В качестве программы могут выступать: карта с фиксированной, с нарастающей скидкой, накопление баллов, призы, конкурсы, особые условия обслуживания, доступ к мероприятиям, закрытых для других клиентов [7].

Среди российских футбольных и хоккейных клубов популярны карты болельщика. Они могут выдаваться бесплатно всем, или за небольшую плату, которая идет на погашение затрат по ее выпуску (200–500 рублей). Карты как правило сводятся к получению скидки на приобретение билетов и атрибутики, права на участие в конкурсах и мероприятиях (открытые тренировки, встречи с атлетами, экскурсии по стадиону), скидки у партнеров клуба. Интересную программу реализует ФК «Спартак», выделяя три

статуса — Gladiator, Centurio и Spartacus. Зарабатывая баллы, болельщик переходит на новый уровень, где открываются новые возможности и мероприятия [5].

Программа лояльности может быть направлена как на всех болельщиков, так и только на держателей абонементов, которые обеспечивают заполнение мест на каждом матче. Программы, направленные на таких болельщиков делают покупку абонементов более привлекательной.

Например, баскетбольный клуб Лос-Анджелес Клипперс предоставляет держателям клубных абонементов различные приятные бонусы — эксклюзивная касса, комплимент в виде нескольких бесплатных пригласительных билетов для друзей, покупка мест на парковке, частная экскурсия по «закулисьям», посещение определенного бара и другое [1].

Washington Wizards предлагают бонусы в зависимости от «стажа». Например, присутствие с командой перед началом игры, полностью оплаченная поездка на двоих на выездную игру [3].

Важное условием программ лояльности — они должны быть понятными, а текущие результаты, например количество баллов, легко отслеживаться. Кроме того, призы должны иметь высокую ценность для болельщика.

Зная своего клиента и историю взаимодействий можно вовремя заметить угасание его интереса к клубу и сделать заманчивое предложение, вернув на стадион. Активных болельщиков следует поощрять и направлять их действия в нужное клубу русло. Болельщики, чувствуя заботу клуба, отплатят тем же. Все это позволяет сделать внедренная CRM-система и программы лояльности.

Придя на стадион болельщик должен чувствовать себя комфортно. Большая парковка, вежливый персонал, гардероб, детские, игровые зоны, кафе — все должно способствовать тому, чтобы болельщик проводил здесь много времени, получал удовольствие и хотел вернуться. Чтобы в перерывах зритель не скучал, проводятся различные конкурсы и шоу-программа.

Другим моментом является продажа атрибутики клуба — болельщик охотнее будет приходить, рассматривать и покупать товар, если у него будет выбор. Широкий ассортимент — от ручки и календаря, игровой формы до постельного белья привлечет болельщика, а клуб получит дополнительный доход.

Существенным аспектом является разработка билетной и абонементной программы. Сейчас многие клубы не топовых видов спорта пускают зрителей абсолютно бесплатно. Такие действия вызваны

нежеланием браться за работу с болельщиками или боязнью, что при введении платы за вход зрители исчезнут совсем. Однако, билет поднимает ценность мероприятия в глазах человека — хороший продукт не может стоить дешево или отдаваться бесплатно. Билетная программа строится таким образом, где каждый желающий сможет подобрать наилучшее для себя место по цене и расположению. Абонементы могут предлагать несколько форм, например, семейный, на посещение всех игр, на топовых соперников. Цена должна соответствовать качеству инфраструктуры, игры и учитывать средний доход населения в регионе. Перейдя к грамотно разработанной билетной программе спортивный клуб не только не потеряет в количестве зрителей, но и приобретет качественно новых, энергичных поклонников.

Исходя из постоянного развития технологий и усиления борьбы за клиента можно выделить следующие тенденции:

- клубы начнут или продолжают активный сбор данных о болельщике, стремясь знать о человеке больше него самого;
- программы лояльности будут еще больше сегментированы под разные группы клиентов, их интересы и стиль жизни;
- развитие мобильных приложений как элемент программы лояльности. Согласно исследованию Locket 2013 года, в среднем пользователь за день снимает блокировку с телефона примерно 110 раз, если исключить 8 часов, которые уходят на сон, в среднем человек смотрит на смартфон каждые 6 минут;
- учет Интернет-активности (размещение фото со стадиона, репост новостей о клубе) при начислении баллов в программах лояльности;
- геймификация. Вовлечение болельщика в игру. Например, накопление баллов за определенные действия, переход на следующий уровень, интересные призы.

Примером успешного управления взаимоотношениями с болельщиками может быть хоккейный клуб «Динамо Минск». Собрав информацию о своих болельщиках, они получили среднестатистический портрет болельщика, разделили их на сегменты и стали работать с каждым из них. Так, создан фан-клуб «BYzone», члены которого получают скидки на билеты, помощь в организации выездов, доступ к открытым тренировкам и другое. Поскольку у 60 % болельщиков есть дети, то клуб разработал программы и для детей — игровые зоны, мастер классы, мини турниры.

Так как 20 % держателей абонементов — женщины, то для них организуется проект «Хоккей на шпильках», где сначала рассказывается о правилах, судействе, затем показывается заточка коньков, экипировка, а в конце — общение с хоккеистами. И это все лишь часть мероприятий, организованных клубом, дополняющих проработанную билетную и абонементную программы. Средняя посещаемость домашних матчей минского «Динамо» составляет 14 120 человек. Это второй показатель в Европе [6].

Еще одним интересным примером является пересмотр политики в области взаимодействий с болельщиками волейбольного клуба «Зенит-Казань». В сезоне 2013/2014 бесплатный проход заменен на билетно-абонементную программу, приглашение на матчи высылается через SMS и электронную почту, использование сервиса промо-билетов: разовое посещение матча «Зенит-Казань» с целью знакомства с клубом, постоянная активность в Интернете (клубный канал, группы в социальных сетях — число подписчиков Вконтакте увеличилось в 3 раза), предматчевые шоу, аттракционы и конкурсы для зрителей, мастер-классы для детей и общение с волейболистами, появление фирменной атрибутики клуба, ввод геймифицированной программы лояльности «Zenomania». Все мероприятия были основаны на результатах анализа базы данных, по которым большая часть болельщиков — люди в возрасте от 26 до 35 лет, то есть тот возрастной сегмент, который активно пользуется Интернетом и смартфонами. Таким образом, волейбольному клубу при введении билетно-абонементной программы, удалось сохранить посещаемость регулярного чемпионата на прежнем уровне, а состав болельщиков качественно изменился: на трибунах больше заинтересованных болельщиков, положительно изменяется атмосфера на матчах [2].

Спортивные клубы в России постепенно приходят к пониманию важности своих болельщиков. Отношение к ним как к серой неизвестной массе, которая если захочет придет, а не захочет, то и не надо, меняется и продолжит меняться. На смену приходит индивидуальное отношение к каждому болельщику, основанное на постоянно пополняемой и обновляемой базе данных клиентов. Персонализированные предложения и приглашения, программы лояльности, карты болельщиков, инфраструктура, предматчевые шоу и игровые зоны, кейтеринг, билетно-абонементные программы, развитие деятельности в социальных сетях должны работать в системе, в центре которой находится болельщик и его интересы.

Список литературы:

1. Официальный сайт Los Angeles Clippers.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nba.com/clippers/tickets/programs0809.html>
2. Официальный сайт "Sellout sport system".//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://selloutsport.com/s3/dl/zenit_2013-2014.pdf
3. Официальный сайт Washington Wizards.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nba.com/wizards/tickets/loyalty_program_2012.html
4. Официальный сайт комитета физической культуры и спорта Волгоградской области.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sport.volganet.ru/upload/iblock/c4e/akt_1.pdf
5. Официальный сайт ФК "Спартак".//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spartak.com/main/fanzone/fancard/>
6. Официальный сайт ХК "Динамо-Минск".//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hcdinamo.by/kak-minskoe-dinamo-iskalo-svoego-bolelshhika/>
7. Харский К. Пять правил программ лояльности клиентов. //Альмонах "Лаборатория рекламы". – 2007.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advlab.ru/articles/article630.htm>
8. Электронное периодическое издание «Лента.ру» интернет-газета. –2014.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/09/24/tvrights/>

*Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University, candidate of science in Economics,
associate professor, International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Avetyan Agasi Karapetovich, undergraduate
of International economics and management department
E-mail: agas_avetyan@mail.ru*

Theoretical aspects of functioning of modern touristic industry and sanatorium complex

Abstract: Basic theoretical framework and specific features of functioning of touristic industry and sanatorium complex in modern conditions been researched. Their role in the economic system of country, main functions, basic elements, growth factors been defined.

Keywords: touristic industry, touristic services, sanatorium complex, region, touristic infrastructure.

*Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет,
к. э. н., доцент кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru*

*Аветян Агаси Карпетович,
магистрант кафедры мировой экономики и менеджмента
E-mail: agas_avetyan@mail.ru*

Теоретические аспекты функционирования современной туристской отрасли и санаторно-курортного комплекса

Аннотация: Исследованы основные теоретические основы и специфические особенности функционирования отрасли туризма и санаторно-курортного комплекса в современных условиях. Определена их роль в экономической системе государства, функции, основные элементы, факторы роста.

Ключевые слова: туристская отрасль, туристские услуги, санаторно-курортный комплекс, регион, инфраструктура туризма.

Современная внешнеполитическая ситуация, инициировала изменения не только на внешнем, но и внутренних рынках РФ, переориентировав интересы россиян на потребление целого ряда услуг внутри страны. К числу отраслей сферы услуг наиболее сильно подвергшихся данным изменениям можно отнести туристский сектор. Начиная с осени 2014 года среди населения России наблюдается снижение спроса на потребление туристских услуг за рубежом в пользу выбора путешествий и отдыха внутри страны. Прежде причиной такой тенденции явилось резкое падения курса рубля и высокие темпы роста инфляции [12], а также общая политическая и социально-экономическая напряженность, вызванная введением перекрестного режима санкций РФ и группы стран мира. Учитывая рост спроса на отечественные услуги туризма и отдыха в антикризисных стратегиях многих регионов были сформулированы направления, задачи и мероприятия по развитию инфраструктуры туристско-рекреационного комплекса, которые должны быть реализованы в кратчайшие сроки. Важность развития данного комплекса актуализируется именно в данный момент не только в связи с необходимостью удовлетворения текущего повышенного спроса, но также в стратегическом аспекте, исходя из того, что кризисная ситуация может явиться толчком для последующего роста как внутреннего спроса, так и предложения [9]. В связи с этим основой эффективной реализации антикризисной программы развития туристско-рекреационного комплекса должно явиться прежде всего теоретическое осмысление фундаментальных основ его функционирования и развития с целью формирования четкого понятийно-категориального аппарата, определения роли и места туристско-рекреационного комплекса в экономической системе государства, а также разработке методологических подходов к его управлению.

Туристская отрасль в настоящее время превратилась в индустрию международного масштаба, занимающую третье место по доходам среди других крупнейших экспортных отраслей экономики [4]. Современная туристская индустрия сложна и многогранна. Она имеет сложную структуру, в состав которой входит множество компаний и частных лиц, занятых предоставлением туристских услуг. В этой сфере осуществляют свою деятельность множество ресторанов, музеев, исторических достопримечательностей, отелей, гостиниц, различных видов транспорта, ничем не обобщенных между собой. Как только в их деятельность вмешивается корпорация или

ассоциация сферы туризма, эти элементы становятся поставщиками туристского продукта.

Туризм считается одним из крупнейших, высокодоходных и наиболее динамично развивающихся отраслей экономики, являясь активным источником поступлений иностранной валюты и оказывает влияние на платежный баланс страны. Помимо культурных, образовательных, социальных функций, основными экономическими функциями туризма являются: обеспечение занятости, сглаживанию неравномерностей экономического развития регионов, нивелирования платежного баланса. Влияние туризма на рынок труда проявляется в предоставлении новых рабочих мест в гостиничном, коммерческом, логистическом секторе [10], а также сфере здравоохранения, культуры, искусства, вовлеченных в процесс функционирования туристической индустрии в регионах, которые существенно зависят от данного сектора экономики. По оценкам специалистов, на каждые 10 новых рабочих мест в развитых странах 7 приходится на сферу услуг [2; 6; 13]. Это объясняется тем, что здесь требуются значительные объемы высококвалифицированного ручного труда (уборка гостиничных комплексов и прилегающих территорий; приготовление пищи и организация питания туристов и пр.) [11].

Функция сглаживания проявляется в том, что туризм при определенных условиях может способствовать экономическому развитию депрессивных, слабых в структурном отношении, регионов. Создание туристских предприятий в удаленных, малонаселенных или индустриально слабо развитых регионах частично нейтрализует некоторые негативные явления глобальной экономической среды [14]. В данном случае туризм выполняет выравнивающую функцию, поскольку многие привлекательные в природном или культурном отношении регионы способны с помощью туризма обеспечить себе темпы экономического роста, превосходящие среднестатистические показатели, что означает создание дополнительного дохода и рабочих мест.

Влияние туризма на стабилизацию платёжного баланса региона осуществляется через функцию его нивелирования. В составе платежного баланса расходы местных туристов, выехавших за пределы региона, противопоставляются доходам, полученным от потребления товаров и услуг, прибывшими в регион туристами. Вклад в платежный баланс страны выражается в виде разницы между расходами иностранных туристов в стране и расходами резидентов этой же страны за рубежом.

Курортное обслуживание во всем мире относится к быстро окупаемым и динамично развивающимся отраслям. Санаторно-курортная сфера стимулирует, отрасли, обслуживающие ее непосредственных потребителей: торговлю, транспорт, питание, связь, промышленность и т. д.

Анализ сущности и понятия рынка санаторно-курортных услуг [1; 7; 8] позволяет сделать вывод, что это:

- общественное и экономическое явление, которое объединяет спрос и предложение для обеспечения процесса купли-продажи рекреационного продукта;
- совокупность потенциальных потребителей туристского продукта;
- система хозяйственных отношений, при которых происходит процесс превращения услуг в деньги и обратно — здесь стоит отметить, что туристский рынок образуют страны экспортеры и импортеры туризма;
- взаимодействие спроса, предложения, цены и конкуренции;
- самостоятельный элемент более обширного понятия «рынок товаров и услуг».

Центральное место в раскрытии сущности санаторно-курортной сферы занимают рекреационные услуги, представляющие собой услуги, связанные с проведением отдыха, восстановлением сил и здоровья людей, использованием свободного времени. Во многих развитых странах сфера рекреационных услуг занимает значительную долю в структуре доходов национальной экономики.

Санаторно-курортная сфера государства обеспечивает: уравнивание объема производимых и потребляемых туристических продуктов в ассортименте, поддерживает на должном уровне баланс спроса и предложения данных продуктов по структуре и объему. Это осуществляется путем установления связей между множеством независимых тур операторов, агентств и туристов через куплю-продажу тур продуктов. В процессе этих отношений устанавливаются ценностные эквиваленты, предназначенные для обмена тур продуктов, стимулируется результативность производства рекреационных продуктов и определяются направления производства требуемых продуктов с наименьшими затратами.

Роль рынка туристских услуг в современной экономике достаточно высока, в частности она раскрывается

через определение количественного и качественного состава туристских продуктов (какие туристские продукты, в каком количестве необходимы на данный момент); уравнивание спроса и предложения на туристский продукт; формирование санаторно-курортного комплекса и его экономики.

Характеризуя рынок рекреационных услуг, следует учитывать его следующие особенности: основным товаром здесь являются услуги; помимо продавца и покупателя здесь так же задействовано огромное количество посредников, обеспечивающих взаимосвязь спроса и предложения; особенности спроса на рекреационные услуги: огромное разнообразие потенциальных клиентов, обладает большой замещаемостью, эластичностью, высокой степенью дифференциации и индивидуальности, отдаленностью местом и временем от туристического предложения; предложение также имеет ряд особенностей: все услуги и товары, будь то естественные, созданные или туристические, имеют тройственный характер: комплексность, высокая фондоемкость и низкая эластичность.

Чтобы более четко понять процессы, происходящие на туристском рынке (конкуренция, сбыт, ценообразование и т. п.), по мнению специалистов [1; 3; 5] необходимо обратить внимание на отношения взаимодополняемости, т. е. комплементарности и взаимозаменяемости — субституции. Чем больше та или иная рекреационная услуга имеет заменителей, тем оощутнее влияет субституция. Потребитель, приобретая один вид услуг, автоматически приходит к необходимости приобрести целый комплекс других услуг (развлечения, питание и т. д.).

Таким образом, санаторно-курортный комплекс является активным фактором, влияющим на устройство и политику государства. Он переплетает культуру и транспорт, безопасность и международные отношения, экологию и занятость населения, гостиничный бизнес и туризм, он играет большую роль в социальной и экономической политике государства в целом, региона и муниципальных образований в частности. Именно поэтому разработка направлений развития туризма и санаторно-курортной сферы в условиях современного состояния отечественной экономики может явиться важным рычагом для ее выхода из кризиса и формирования новых перспективных факторов роста.

Список литературы:

1. Азар В. И. Экономика туристского рынка./В. И. Азар, С. Ю. Туманов. – М.: ИПК госслужбы, 1998.

2. Куницына Н. Н. Прогнозирование динамики экономических систем (монография) – Ставрополь: Сервисшкола, 2006. – 132 с.
3. Куницына Н. Н., Савцова А. В. Региональные экономические системы: цикличность и неопределенность динамики (монография). – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2008. – 184 с.
4. Листопад М. Е. Экономическая безопасность страны: вопросы теории и методологии. – М., 2010. – 240 с.
5. Листопад М. Е. Конкурентоспособность как определяющий критерий национальной экономической безопасности. // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – № 22. – С. 56–60.
6. Никулина О. В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики: монография – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010. – 190 с.
7. Никулина О. В. Тенденции развития современных предприятий в условиях динамичности и неопределенности внешней среды. // Экономический анализ: теория и практика, – 2008. – № 17 (122). – С. 40–45.
8. Сербиновский Б. Ю., Сербиновская А. А., Шевченко А. А. Проблемы и перспективы развития туризма в России, Ростовской области и Краснодарском крае. Часть 1. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 76 (02). – С. 168–179.
9. Старкова Н. О., Рзун И. Г., Саватеева А. С. Основные направления и проблемы привлечения иностранных инвестиций в РФ. // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. – 2014. – № 30. – С. 209–214.
10. Старкова Н. О., Рзун И. Г., Успенский А. В. Исследование зарубежного опыта формирования логистических систем. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 99. – С. 1062–1085.
11. Старкова Н. О., Рзун И. Г., Сакания С. В. Состояние и проблемы малого и среднего предпринимательства в РФ. // Достижения вузовской науки. – 2014. – № 13. – С. 154–160.
12. Старкова Н. О., Рзун И. Г., Аверина А. В. Инфляция на потребительском рынке России. Оценка тенденций и перспектив. // Актуальные вопросы экономических наук. – 2014. – № 41–1. – С. 168–173.
13. Старкова Н. О., Саввиди С. М., Сафонова М. В. Тенденции развития логистических услуг на современном мировом рынке. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 85. – С. 480–490.
14. Старкова Н. О., Старков И. С. Применение современных подходов к управлению изменениями в информационной системе предприятия. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 66. – С. 194–205.

Starkova Nadezhda Olegovna,
Kuban State University,
candidate of science in Economics, associate professor,
International economics and management department
E-mail: n.starkova@mail.ru
Tolstova Alisa Zakharovna,
Kuban State University,
candidate of science in Economics, associate professor,
International economics and management department
E-mail: tolstova@kubannet.ru

Brand management as factor of increasing competitiveness of Russian dairy industry

Abstract: Position of enterprises of dairy industry on food market of Russia under conditions of embargo of import of food products has been characterized. Prospects for increasing their competitiveness through intellectual assets of marketing character have been evaluated.

Keywords: sanctions, embargo, dairy industry, import, branding, marketing.

Старкова Надежда Олеговна,
Кубанский государственный университет,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента
E-mail: n.starkova@mail.ru

Толстова Алиса Захаровна,
Кубанский государственный университет,
кандидат экономических наук, доцент кафедры
мировой экономики и менеджмента
E-mail: tolstova@kubannet.ru

Управление брендом как фактор повышения конкурентоспособности предприятий российской молочной отрасли

Аннотация: Охарактеризовано положение предприятий молочной отрасли на продовольственном рынке РФ в условиях действующего продуктового эмбарго. Оценены перспективы повышения их конкурентоспособности за счет интеллектуальных активов маркетингового характера.

Ключевые слова: санкции, эмбарго, молочная отрасль, импорт, брендинг, маркетинг.

В августе 2014 года Президентом РФ был подписан указ о запрете ввоза продовольственных товаров, сырья и отдельных видов сельскохозяйственной продукции из стран, поддержавших введение экономических и политических санкций в отношении РФ. Эмбарго коснулось 70 % импорта творога и сыров, которые ввозились в нашу страну из Украины, Финляндии, Нидерландов, Литвы, ФРГ — основных европейских стран-импортеров молочных продуктов. В настоящее время на территорию РФ поступает лишь 30 % всего объема сыров, закупаемых ранее за рубежом [9]. Во избежание дефицита российские ретейлеры начали активно заключать договора с импортерами из Индии, КНР, государств Южной Америки, но известно, что производство сыров, привычных российским потребителям, хорошо развито только в странах Южной Америки [8], а их возможностей недостаточно для полного удовлетворения спроса на российском рынке. Другим способом решения данной проблемы является создание собственной стабильной ресурсной базы для производства молочных продуктов, способных заместить импортные аналоги.

На сегодняшний день в России наибольшим спросом среди молочных продуктов пользуется питьевое молоко [14]. Его потребление на одного жителя страны ежегодно растет, в среднем в год одним человеком потребляется 36,5 литров молока. На втором месте по потреблению россиянами — кисломолочные продукты с показателем 8,6 кг. на человека в год, на третьем месте располагаются сыры, их употребляют 3,3 кг. на человека в год, четвертую

строчку занимает сливочное масло — 2,4 кг. в год. Из кисломолочной продукции жители нашей страны отдают предпочтение кефиру.

Неудовлетворенный спрос инициировал начало процесса импортозамещения на рынке молочных продуктов. Многие представители молочной промышленности стремительно приступили к разработкам и внедрению новых технологий по производству сыров с целью занятия свободных рыночных ниш в период отсутствия на рынке зарубежных конкурентов, стабильно доминирующих в отрасли [7; 12]. Некоторые производители уже начали производить ряд новых сыров, ранее представленных в импортном ассортименте. В настоящий период времени основным видом производимого сыра в России являются: российский, голландский, пошехонский, костромской, но на сегодняшний день развитие на российском рынке получает группа элитных благородных сыров, таких как сыр с плесенью и мягкие сыры (Дор Блю, Рокфор, Бри и т. д.).

Однако решение вопросов повышения конкурентоспособности товаров отечественной пищевой промышленности прямо связано с необходимостью модернизации не только технологической базы, но и системы управления маркетингом [10]. Именно эффективный маркетинг, как важнейший элемент рыночного механизма хозяйствования, при котором основная роль в формировании структурно-ассортиментной политики принадлежит потребителю, способен в большей степени повлиять на успех российских производителей молочных продуктов и завоевание ими стабильной рыночной доли в долгосрочном

периоде. Реализация маркетинговой деятельности на предприятиях пищевой промышленности как метода целенаправленного регулирования производства, его переориентации в соответствии с изменением рыночной конъюнктуры и перспективами развития потребительского спроса, должна осуществляться с учетом сложности и особенности рыночных отношений в этой области. Молочные товары относятся к товарам повседневного спроса, они быстро раскупаются в розничной торговле, имеют особые условия хранения, непродолжительный срок годности. Это накладывает особые требования на товаропроизводителя в части корректировки его рыночной активности. На протяжении длительного периода времени основными направлениями деятельности отечественных производителей молочной продукции, направленной на преодоление высокой конкуренции на рынке являлись расширение ассортимента, повышение качества производимых продуктов, работы и создание новых видов продукции. Все это имело важное значение для развития отрасли, однако без адекватного маркетингового сопровождения не сильно влияло на повышение конкурентоспособности ее продукции. Таким образом, российские молочные продукты часто не могли выдержать конкуренции со стороны уступающих им по качеству, но стабильно укрепившимся на рынке за счет эффективных маркетинговых коммуникаций популярных зарубежных товаров [11]. В создавшихся условиях перед предприятиями отечественной молочной промышленности актуализировалась необходимость восполнения рыночного отставания не только за счет формирования системы управления маркетингом и создания его материально-технической базы, но и за счет поиска и применения опережающих инновационных технологий, способствующих проникновению на рынок российских товаров, способных заменить высококачественные импортные.

Отсутствие собственной эффективной модели продвижения продукции молочной промышленности, обуславливает необходимость использования опыта конкурентов, преуспевающих в сфере маркетинга пищевых продуктов, скорректированный на характер и особенности современных российских потребителей. С точки зрения надежности на первый план безусловно выдвигается уже апробированный и заслуживающий доверия во всем мире подход — брендинг, то есть процесс создания и управления брендом. Зарубежный термин бренд в нашей стране используется в экономической и управленческой

сфере в отношении определения понятий «товарный знак», «знак обслуживания», «наименование места происхождения товара», сформулированных в российском законодательстве для индивидуализации товаров, выполняемых работ или оказываемых услуг юридических или физических лиц. Бренд представляет собой не просто товарный знак, состоящий из названия, графического изображения (логотипа) и звуковых символов организации или товара. Помимо этого, для его создания и формирования имиджа бренда в сознании потребителей исключительной важностью обладает его словесное сопровождение — словесный товарный знак [1]. Именно в устном звучании товарный знак приобретает наиболее сильное и запоминающееся выражение, становясь «идентификатором» конкретного товара. В отличие от товарного знака понятие бренда включает в себя широкий диапазон характеристик, в его состав входят набор потребительских ожиданий и ассоциаций, приписываемых товару, а также обещания определенных преимуществ, которые собственник бренда ему предписывает [4]. Основной целью брендинга промышленных товаров является завоевание конкурентных преимуществ за счет содержания уникальности и имиджа бренда в глазах потребителей. К сожалению этот современный инструмент маркетинга используется российскими производителями молочных продуктов крайне мало и неэффективно. Согласно статистике на территории РФ осуществляют свою деятельность около 600 крупных производителей сыров и порядка 150 сыроваренных заводов, ведущие позиции по изготовлению твердых и мягких сыров занимают: «Сыр Стародубский» (Брянская область); «Можгасыр» (Удмуртия); «Калининский» (Краснодарский край). И не одна из этих марок не является хорошо известной и легко узнаваемой. В то же время зарубежные товаропроизводители уже давно умело пользуются преимуществами брендинга для завоевания позиций на российском рынке.

Таким образом, российские производители молочной продукции должны максимально использовать условия действующего эмбарго в свою пользу для формирования активов, способствующих завоеванию временно пустующих рыночных ниш и стабильной позиций в отрасли. Помимо модернизации технологической базы и развития инновационных производственных технологий [2; 5; 6], важным прогрессивным направлением увеличения доли продукции отечественных молочников может явиться формирование эффективной системы управления

маркетингом, ориентированной на развитие и продвижение бренда новых товаров.

В условиях высокого уровня конкуренции на современном рынке продовольствия в РФ одним из прогрессивных путей увеличения доли продукции отечественной пищевой промышленности может явиться формирование эффективной системы управления маркетингом. Брендинг, как один из важнейших элементов данной системы на предприятиях российского пищевого сектора должен развиваться с учетом передового зарубежного опыта, но опираясь на традиции,

связанные с особенностями менталитета отечественного потребителя. При этом перед российскими субъектами пищевой промышленности должна стоять задача не только увеличить свою долю на рынке продовольствия за счет продукции популярных брендов, но также повысить объемы продаж в сегментах, где в настоящее время преобладает импорт. Для реализации данных задач процесс брендинга на предприятиях отечественного пищевого сектора должен осуществляться не только системно, но и масштабно, охватывая продукцию всех без исключения отраслей.

Список литературы:

1. Кизим А. А., Старкова Н. О., Дырий А. П. Брендинг как приоритетное направление развития маркетинговой деятельности российских предприятий пищевой промышленности. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2014. – № 6 (49). – С. 50–55.
2. Козырь Н. С. Реструктуризация бизнеса и оценка его стоимости. // Наука и экономика. – 2010. – № 2. – С. 95–99.
3. Костецкий А. Н., Старкова Н. О. Оценка уровня управления интеллектуальными активами на предприятиях пищевой промышленности Краснодарского края. // Финансы и кредит. – 2005. – № 34. – С. 31–38.
4. Костецкий А. Н., Старкова Н. О. Управление интеллектуальными активами. // Учеб. пособие – Краснодар: М-во образования и науки Российской Федерации, Кубан. гос. ун-т, 2006. – 317 с.
5. Куницына Н. Н., Савцова А. В. Региональные экономические системы: цикличность и неопределенность динамики (монография) – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2008. – 184 с.
6. Никулина О. В. Стратегические ориентиры инновационного развития экономики: монография. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2010 – 190 с.
7. Никулина О. В., Шевченко И. В. Международный бизнес: теория и практика управления. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2006. – 435 с.
8. Обзор российского рынка молочной продукции. // Исследования компании Euromonitor International. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.foodmarket.spb.ru/current.php?article=1624> (дата обращения 04.10.2014).
9. Старкова Н. О., Дырий А. П. Анализ остояния современного рынка молока и молочной продукции в РФ. // Экономика и предпринимательство. – 2014. – № 11–3. – С. 627–631.
10. Старкова Н. О., Кизим А. А. Управление маркетингом промышленных предприятий. // Экономика устойчивого развития. – 2012. – № 9. – С. 183–189.
11. Старкова Н. О. Особенности применения маркетинга в деятельности современных сельскохозяйственных предприятий. // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2012. – № 81.
12. Шевченко И. В., Мудрова Л. И., Щерблякина Ю. С. Проблемы транснационализации российского бизнеса. // Финансы и кредит. – 2010. – № 3 (387). – С. 2–10.

Section 2. Science of law

*Abdibekov Nazarbay,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
Baimakhanova Dina Muratovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional
and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: dina_405@mail.ru*

To the theory of civil society

Abstract: Main goal of activity of government and the Kazakhstan reforms in the fundamental principle is construction and development of the constitutional state and civil society. The concept of development of civil society and formation of the modern open state allow solving problems of interaction of the population and authorities. The democracy in its full realization provides differentiation of civil society and state by means of certain mechanisms of influence of citizens on activity of government bodies of the country.

Keywords: government, constitutional state, civil society, democracy, mechanism.

“Civil society” in translation from English — “civil society”, has rather difficult history. This concept was included into the use in the XVII–XVIII centuries which sense was that the community of citizens has to have the laws and not depend on a rough arbitrariness from the state.

Ideas of civil society leave to Aristotle’s “Policy”, Platon’s “State” and other Ancient Greek doctrines. Ideas and development of civil society were gained by the continuations in Renaissance, in T. Hobbes, J. Locke, Sh. Montesquieu, Zh. Zh. Russo’s works, etc.

Ancient Roman scientist Mark Tully Cicero (106–43 y. BC), considering the state in the form of public integration, I had important historical impact on the formulation of the theory of the constitutional state and civil society. On Cicero’s views the people were represented by not any community of the citizens created, somehow, and — purposeful association of people of the connected among themselves by consent in matters of law and common interests.

According to the concept of the thinker, the state is legal not because its bodies adhere to the laws because the state is the natural right of the people coordinated and ordered and the state laws have to correspond to the natural right. And only in this case, laws are fair. In his opinion, laws serve strengthening not only the power, but also submission of citizens. Cicero formulated a

legal principle of action of the law in space, and defended equality of all citizens, their rights and freedoms, at the same time denying property, intellectual and office equality. By its definition the general law and order, and protection of the rights and freedoms of the citizen as an important component of the power based on the law and statehood means the state, is not private, but common cause of the state [1].

The main problem with different definitions of civil society arises from the ambiguity of its content, because of the social and political aspects. Since the time of Aristotle, and to the ideological views of John Locke these areas were considered as a whole, without the emphasis on the existence of a civil society. Civil society began to understand the particular sphere of relations, mainly property, market, family, moral, which should be in a certain dependence on the state. The basic idea implied nonintervention in the affairs of civil government, people’s privacy. The concept of “civil society” was closer to a market economy, not dealt with in the context of official authority.

Later, in 1690 in his “Second Treatise of Government”, John Locke devoted a chapter to this problem, calling it “the political and civil society”. Society in his vision differs from the natural state and, in addition, civil society is incompatible with the absolute monarchy, which is the political entity [2].

In accordance with the teachings of Hegel's civil society — first of all a system of needs based on private property, as well as components such as family, culture, religion, education, law and others. The main element is a man — his role, function, position. Karl Marx in his views used the concept of civil society as the organization of the family, classes, class, property, distribution, people's lives, emphasizing their historical conditioning, predetermination of economic and other factors [3].

The main feature of civil society is private property, and the reform of XVI–XVII centuries in Europe served as a prerequisite for the emergence of civil society, making the individual person and the owner. Civil society implies a way of modern life, including the most important conditions that together determine the type of civilization — the market economy and democracy [4]. The question of civil society has historically been defined as the most appropriate unit of human life, and this issue is closely linked with the development of civilization, the new stage of the social process. All views dominated by one thing — the property and non-interference in the affairs of the state of society.

As a result, the global concept of civil society was designated as the state of the citizens with the closely related legal and political culture where the dominant order is supported not only state coercion, but amateur efforts of citizens, with a high degree of self-organization and without any effects of government agencies. State in accordance with this concept, is under the control of civil society, in view of the provision of public services. Between state-controlled and civil society are closely inter-related, because both are taken into account fiscal and the tax functions of the state in relation to individuals and organizations. Such a state of self-regulation of society provides not only the political, cultural, and socio-economic spheres of life [5].

Of course, not all civil society can be. After all, civil society, first of all — this is an indicator of a civilized society is sufficient, with the inherent development of democracy. And, as noted by Professor V. A. Kim and G. Kim, in comparison with other societies, characterized by narrow class principles and strict government control, people living in civil society and representing different social and other layers, “united not along class lines, and with universal dimensions” [6].

In recent years, a number of countries, including: USA, Canada, UK, Japan and others, there is a tendency to consolidate the foundations of civil society as a complex constitutional and legal institutions. The main

causes of the difficulties of transition to civilian uncivil society theorists distinguish long-term dependence on the state of society, economic and political independence of citizens. A striking example of which are post-Soviet countries.

The key elements of civil society advocate diversity and equality of forms of property, freedom of labor and entrepreneurship, ideological diversity and freedom of information, the inviolability of human rights and freedoms, the development of self, civilized legal power. Civil society is not only a set of structures and numerous organizations, but also the state of society and its elements that contribute to its further development. The most important characteristics of civil society are: democracy, rule of law, humanity, transparency and other features of the rule of law [7].

Many theorists define civil society as a collection of independent from the government, independent institutions and relationships, built on the basis of individual rights and freedoms, democracy and sustainable development of the respective legal system and political pluralism. In this case — is an independent association of people who are actively involved in the life of society and express their opinion. Civil society incorporates both personal and collective and public interests, uniting people through a variety of connections, while preserving the rights of individuals and the public administration.

The existence of civil society and the state and development of Academician M. T. Baimakhanov treats in the form of parallels with the common fundamental interests related to the progress of society, the country, increased levels of economy, culture, welfare [8]. At the same time, the modern liberal legal theory, argues that civil society and the state are relatively independent spheres of private and public interests. Civil society is a sphere of free activity in which there are individual and collective actors pursuing private goals and interests, and the state, representing the public relations of power, represented by authorized officials of the state apparatus is required to be guided by the general interest, and is an area of the common affairs of the subjects, acting in relation to civil society individuals [9].

By the institutions of civil society are political parties, the media, professional, religious, scientific, artistic and non-governmental organizations, established in the form of non-state funds, non-profit institutions, associations and other legal entities initiative groups implementing various activities of social orientation.

There is also a scientific view that too much freedom of civil society considered a factor complicating the social life and the rise of conflicts causing more strict government regulation to address them.

The causes of such conflicts, according to this theory can be:

1) Disagreement and contrast individual and collective interests. In such circumstances, the State plays the role of conflict in the political, economic, social and other spheres of public life of citizens, united in the group association.

2) The initial instability of relationships between people, social connections with the authorities. This conflict reflects external factors and structure arises from the initial erroneous links and intentional exposure from other companies purporting to cause instability of the system [10].

The influence of civil society in the political system, public policy and law is an important dimension of democracy, and the higher the degree of diversity and the participation of citizens in public life through civic alliances, the stronger and better public control over the activities of the state, the more effective the influence of civil society in the adoption of critical government solutions.

The meaning of the term “civil” extensive and multifaceted and interpreted by different scientists in different ways. But based on the idea of it can be determined that it is not any society with its citizens, can be

attributed to civil as relatively and not any state where there is a right may be legal. For example, Soviet society for many reasons, and adhere to the principles of public administration could not be any legal or civil.

Based on the foregoing and certain common characteristics, it is possible to identify the main elements of civil society under the Constitution of the Republic of Kazakhstan. For example, recognize ideological and political diversity (Article 5), is protected by state and private property (Article 6), given the freedom of speech and the right to free access to receive and impart information (art. 20), the right to freedom of entrepreneurial activity (Article 26), the right to participate in managing state affairs and the right to appeal to the state authorities of the Republic of Kazakhstan (Article 33) [11].

The formation of civil society institutions in Kazakhstan acquires comprehensive, i.e. improved relations with the private sector (business) and public authorities; multiscale problems are discussed development of Kazakhstan society.

Constant process of development of civil society is based on short-term priority needs of society, and the world of modern trends progression. Further improvement of civil society as socially important condition, is necessary for an embodiment in reality of ideas of the democratic, constitutional and social state that is possible with active participation of citizens in all spheres of activity of society.

References:

1. “Harakteristika grazhdanskogo obshhestva. Ponjatie i priznaki grazhdanskogo obshhestva i pravovogo gosudarstva”./[Electronic resource]. – Available from: <http://pravovedam.com/str.php>.
2. Lokk Dzh. Dva traktata o pravenii. Soch. v 3 t., T. 3. – M., 1988. – S. 312.
3. Matuzov N. I., Mal’ko A. V. Teorija gosudarstva i prava. – M.: Jurist, 2002. – S. 200.
4. Kara-Murza. Intelligencija na pepelishhe Rossii. – M., 1997. – S. 244–245.
5. Darendorf L. Grazhdanskoe obshhestvo./[Electronic resource]. – Available from: <http://www.krugosvet.ru/articles/27/1002728/1002728a2.htm>.
6. Kim V. A., Kim G. V. Konstitucionnyj stroj Respubliki Kazahstan (obshhie polozhenija). – Almaty, 1998.
7. Bol’shoj juridicheskij jenciklopedicheskij slovar’./A. B. Barihin. – M.: Knizhnyj mir, 2006. – S. 132.
8. Bajmahanov M. T. Osnovy gosudarstva i prava Respubliki Kazahstan. – Almaty, 1997. – S. 16.
9. Chetvernin V. A. Grazhdanskoe obshhestvo, pravovoe gosudarstvo i pravo. Kruglyj stol zhurnalov «Gosudarstvo i pravo» i «Voprosy filosofii»./Voprosy Filosofii. – 2002. – № 1. – S. 12.
10. Bachilo I. L. Informacionnoe pravo. Teorii i praktiki. Kollektivnaja monografija. Institut gosudarstva i prava rossijskoj akademii nauk. – M.: Jurajt, 2009.
11. Konstitucija Respubliki Kazahstan ot 30.08.1995.

*Erbolat Abdulla,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law,
Almaty, Kazakhstan
E-mail: sergei--95-777@mail.ru*

Legal awareness of modern Kazakhstan society

Abstract: The paper presents the arguments of scientific relevance of legal awareness of modern Kazakh society. This article deals with the problems related to legal awareness of Kazakh society. The purpose of this article is to consider the legal awareness peculiarities of modern Kazakhstan society, connected with the transition from a totalitarian society to legal state as also to identify the social and psychological factors that influence the effectiveness and impact of rights.

Keywords: legal awareness, society, Kazakhstan.

Legal Awareness as a category of theory of state and law means the sphere of public, social group and individual consciousness related to the reflection of legal phenomena, which is determined by socio-economic conditions of the society. In mankind history ideas about the basic functions of legal awareness - as cognitive, evaluative and regulatory- were developed, which impact the forming the legal awareness of the civil society.

In the modern world legal awareness as relation of people to the right is one of the most essential questions of theory and practice in state activity. Today, the Republic of Kazakhstan stands on the threshold of important socio-political events. The transitional period of state is completed, and it was underline in the speech of the President of the Republic of Kazakhstan N. A. Nazarbayev on the opening of the third session of Parliament of the Republic of Kazakhstan [1, 1–2]. Entering into WTO, in the number of fifty most competitive countries of planet, is steps on the way of becoming of Kazakhstan as a center of stability and integration in the region of Central Asia. It requires from Kazakhstan society obligatory compliance with principles of progressive development and of dynamical growth. Forming of legal awareness comes forward as a requesting factor of internal stability of society. Without the developed sense of justice it is not possible to have positive legal reforms, to create wholesome civil society as also to provide internal integrity and external sustainability of state. These and other social processes are a mortgage for having secure and sustainable state. As a result, the study of legal awareness, as also its essence, conformities to law and dynamics of development comes forward as grounds for theoretical working of range of problems related to the construction of legal state – socially oriented with sustainable parameters of progressive development. Due to the complex of different relations the necessity

of increasing of legal socialization is caused by growing attention from the side of state policy, law enforcement authorities, labor teams and socio-political institutes for prevention of law-breaking in the republic. That is why; we have to work out newly the questions about objective and subjective factors, which determine consciousness of personality, as also about correlation of knowledge and convictions in its structure, about the orientation of aims and valued orientations, about nature of social activity and other components of consciousness and behavior. To our opinion, it is appropriately noticed by scientists, that “heritage of totalitarianism will be felt long; especially it gives about itself to know in a modern transitional period. Moral and legal illnesses of society went so far and got such threatening character, and became the powerful brake for conducting economic, socio-political, legal and another reforms” [2]. Forming of legal awareness takes place under influence of historical experience of society, and also of social experience of different individuals and groups. Legal awareness has a certain structure consisting of two levels — ordinary and theoretical. Ordinary legal awareness, which inherent to most people, includes fragmentary ideas about law, frequently incorrect, burdened by prejudices. A theoretical level forms scientific knowledge about law and its essence, about the origin, legality, as also about law and order, legal state and legal responsibility. At this level legal awareness has integral system of views to the nature of law. Ordinary legal awareness forms during everyday life of people, while their intercommunication, participating in trials, mutual relations with law enforcement authorities. Prevailing of moral estimation of legal norms is characteristic for ordinary legal awareness [3]. Theoretical basis of research was a study of scientific and educational literature, materials of scientific conferences and other materials, reflecting the questions

of legal awareness. Monographic studies of Kazakhstan scientists were used as theoretical basis for research as also scientific developments of leading Russian scientists were investigated. As local so foreign humanitarian and actually legal literature had a large value for study relating indirectly and directly to this theme. It is clear, that education of legal awareness begins with mastering of moral values, norms in family, school, in spiritual communication.

Legal thinking as well opinion and legal awareness of young citizens are developing during the process of life observing and thinking about ordinary going events, as also about domestic and social conflicts related to the norms of law. Belletristic literature, mass media play a large role in legal education. Therefore, the opinion of V.P. Kazimirschuk and V.N. Kudryavtsev, that legal awareness of citizen and sense of justice are closely associated categories, is very actual [4, 125].

References:

1. Nazarbayev N. A. Modernisation of State Administration On Principles of Corporate Management, Transparency and Accountability to the Public Society. // *Kazakhstanskaya Pravda*. – Sep. 2nd, – 2006, – No. 203 (25174).
2. Baymakhanov M. T, Vaysberg L. M., Beyssenov A. U. and others. Interaction of Legal Awareness with Ethics and Morality in the Society of Transition Period. – Almaty, 1995. – P. 4.
3. Legal Awareness and Legal Culture of Employees of the Department of Internal Affairs. – L., 1981. – P. 46, 47.
4. Kazimirschuk V. N., Kudryavtsev V. N. Modern Sociology of Law. – M.: Yuridicheskaya Literatura, 1995.

*Smanova Akmaral Bakhtiyarovna,
Teacher of law faculty of the Kazakh
National University named after al-Farabi
E-mail: Akmaral.Smanova@kaznu.kz*

Informational law in the sphere of mass media in Kazakhstan

Abstract: The world is going through a fifth information revolution, which allows almost instantaneous transmit and receive the necessary information. The rapid development of computer technology, communication and communication provides a unique opportunity for the formation and development of interstate information cyberspace. Mass computerization, the rapid pace of development of information technology has led to a revolutionary change and breakthrough in the development of business, industry, research, education and social life.

Today around the world are increasingly using the concept of “information society”, one of a kind company did not recognize any state or territorial boundaries. The primary means of development of information society is multimedia - the result of merging the Internet and media.

It is the Internet and the media are the most important means of receiving, processing, analyzing and disseminating information. Accordingly, in the modern world that are highly dependent on the timeliness and accuracy of information obtained their role to play.

Mass information - intended for the general public print, audiovisual and other reports and materials. The media - print periodical, radio and television programs, documentaries, audio and video recording and some form of periodic or continuous public distribution of information, including the WEB-sites in public telecommunication networks (Internet and others), free speech, creativity and expression in print and otherwise, of their views and opinions, receive and impart information by any means not prohibited by law is guaranteed by the Constitution of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: Media, mass media, freedom of speech, censorship, media owner, journalist, editor, recording media, government secrets and other Internet sites, providers, the circulation of information, the information society, hackers, online retailers, the Internet - the company, the IT -government, information technology.

Questions of the rights and duties of modern mass media are disputable. In spite of the fact that the list of the normative legal acts, regulating activity of the Kazakhstan journalists and mass media, seems huge and

exhaustive, lawmaking process in this area doesn't stop. For example, such drafts of laws as the Law of the RK “About Publishing”; Law of the RK “About Informationization” are developed. Separate regulations on mass

media contain in industry codes (civil, civil and procedural, criminal, criminal procedure, tax, administrative and other codes) which play extremely important role in the general framework of the legislation on mass media. These acts contain the provisions defining such legal aspects, as slander, invasion into private life, the admission of mass media to judicial hearings and lighting them in the press, etc.

Informational legal relationship are regulated also by a number of laws which directly concern activity of mass media or regulate separate aspects of their activity. Laws on mass media, on national security, on languages, on licensing, on communication, on advertizing concern to them, etc. Besides, there is a number of laws which are connected with activity of mass media, journalists, however their action extends (and even more) on the relations which aren't concerning mass media. The Law "About Copyright and the Adjacent Rights" concerns to that, for example. From bylaws in the field of mass media it is possible to carry government resolutions — about an order of registration of foreign mass media, about some questions of use of a radio-frequency range of RK, of accreditation of correspondents and many others.

Unlike other CIS countries, where there are the separate laws regulating TV and radio broadcasting, in Kazakhstan regulation of these relations continues to be carried out at the level of bylaws (The resolution of the government of RK of July 18, 2007 No. 607 "About the approval of rules of licensing and qualification requirements to activity on the organization television and (or) broadcastings"). It represents a fertile field for abuses in the field of mass media.

But the subject of the rights and duties of journalists, their powers of office is most interesting to me. Especially, as this subject in our legislation is insufficiently precisely regulated.

But let's go one after another. What is a basis of regulation of mass media? Certainly, Constitution. In the Constitution of Kazakhstan the freedom of speech and creativity is guaranteed, censorship is forbidden, the right of everyone to receive and extend information any way not forbidden by law is consolidated. At the same time

there are also the restrictions accepted in the international practice. Point 3 of article 20 of the Constitution of the RK doesn't allow promotion or propaganda of violent, change of the constitutional system, violation of integrity of the republic, undermining safety of the state, war, a social, racial, national, religious, class and patrimonial superiority, and also a cruelty and violence cult. Specified freedoms, the rights and restrictions are reproduced and in article 2 of the Law of the RK "About Mass Media".

The rights and duties of the journalist respectively are listed in articles 20 and 21 of the Law of the RK "About Mass Media". But what their practical realization in real conditions? As in modern conditions of development of computer technologies, the Internet, absolute general availability of information the journalist can fulfill such duties as: to grant requests of the persons which have provided information, for the indication of their authorship, preservation in secret information source, observance of reliability of information.

Thus, definition of a circle of the rights and duties of journalists is one of the most important elements of the Kazakhstan legislation on mass media as the volume of these rights and duties speaks about an essence of professional activity of workers of mass media. Specifics of a profession of the journalist allows it to have the rights inaccessible to other citizens, but it involves also a duty to fulfill a public debt. So, the state has to help journalists to realize it.

Prompt emergence of new technologies and their continuous convergence, mass media cardinally changing the nature, influence and a condition of mass and information law. Whether will lead these processes to revolution in information law? As it is represented, adaptation of traditional standards of copyright, inviolability of private life, honor and dignity protection and other human rights to new forms of collecting, storage and distribution of mass information will be their result only. The computer right, the right of new technologies and communications will expand an existing legal framework, will force legislators and judges to master unknown to them while right application areas, but at all won't replace the existing right of mass media.

References:

1. The law of the Republic of Kazakhstan "About mass media" of July 23, 1999. – No. 451-I.
2. [Electronic resource]. – Available from: http://www.100storon.ru/smi_20_years/20111114/249517667.html
3. Конституция РК. // «Норма-К», – 2012.

*Apenov Seryk Meiramovich,
Al-Farabi Kazakh National University, candidate of jurisprudence,
associate professor, Faculty of International Relations
E-mail: apenov68@mail.ru*

*Makiseva Maryiyash Kaidaulovna,
associate professor, Faculty of International Relations
E-mail: makishevaSa@mail.ru*

Socially dangerous action and its consequence as one of conditions of social conditionality of norms of criminal law

Abstract: The article objective signs of structure of a criminal offense, action or inaction and its public and dangerous consequences. Need of studying of the question posed is that by establishing a criminal and legal ban to this or that act the legislation has to consider a degree of intensity of socially dangerous act which under the correct assessment would provide justice and stability of norms of criminal law and differentiation of administrative misconduct from a criminal misconduct.

Keywords: Criminal law, Administrative law, Criminal Code, Code on administrative offenses, misconduct, social danger, criminal offense.

The question under discussion deals with the basis or ways of identifying the degree of social danger of the act defining it as criminal in criminal law and recognizing a criminal act socially dangerous from the point of view of sociological analysis, which, as a result, would show the social conditionality of criminal law norms.

In criminal law for the recognition of the act as a criminal offense, the elements of a crime with a particular focus on the objective evidence are applied.

In conformity with the general provisions of criminal law, all acts recognized as criminal offenses must be socially dangerous, illegal, guilty and punishable. These common signs of a criminal offense by its sequence and nature are diverse. If social danger and the criminal character of the acts are the basis for establishing the legal interdiction, the wrongfulness and punishment of the acts are determined after the establishment of the legal prohibition.

We suppose that the basis of the existence of these common signs of a criminal offense require confirmation from the perspective of sociological analyses. The elucidation of the social danger and its consequences are considered to be important issues for the reason that in the legislative practice it often happens when the acts previously recorded as crimes are transferred to the Code on administrative offenses. In our opinion, such a legislative approach may signify the lack of stable, unambiguous laws and a firm legislative stance.

Substantiation of the social danger of the act and its consequences, arising from its accomplishment is regarded to be the task of sociology of criminal law, and its study is one of the main issues in this field of science.

N. A. Belyaev, considering the main directions of sociological research in criminal law, defines it as follows:

a) identification and research of objective and subjective factors influencing the creation of norms and institutions of criminal law (law-making activity);

b) elucidation and research of objective and subjective factors, affecting the efficacy of criminal law, its norms and institutions. Thus, he emphasizes the necessity of substantiating criminal law provisions not only from the point of view of law, but from the sociological angle as well [1, 45–46]. As we consider, the reason of researching of social danger of the act and its consequences posing a danger of a criminal character, not punishment, is associated with the sequence of categories of “crime” and “punishment”, i. e. first a crime must be committed, and only then we can speak about punishment.

Besides, the legal and sociological meanings of the notions “crime” and “punishment” are quite different; they are not identical notions. Under social assessment, the act recognized as a criminal offense may be considered dangerous to society, but social characteristics of punishment does not pose any danger.

However, in some cases, we can speak of socially dangerous consequences of punishment, and it may happen when punishment of criminals is applied incorrectly.

Sociological trend on justification of criminality of this or that act primarily draws attention to the degree of importance of public relations or social values and the clarification of socially dangerous features of acts encroaching on the values of society.

Thus, the social aspect of criminal law on the issue of the justification of a crime or inaccessibility of acts

makes it obligatory to take into consideration not all the attributes of the elements of a crime such as forms of guilt inherent in this act, the age at which a person bears criminal responsibility, but its more significant and essential aspects which display the danger of this act.

The initial assessment or criterion of clarifying the social danger of the act must be a measure of conformity of the offense to the objective laws of society. Differentiating the behavior of people into different classes or groups exactly by this criterion, we can see that the socially positive behavior may change society for the better, while the negative behavior of people, being a conscious will of a person as well, may do damage to the values of society. The social danger of the act does not require the assessment of the action or inaction of a person.

In the theory of law socially positive or negative actions of a man are always analysed and accordingly are evaluated as the behavior of a conscious being, as the law analyses only the act of a sane person, who has reached the legal age. "All human actions have external (objective) and internal (subjective) features. External features provide the manifestation of human behavior in the objective reality; internal features reveal mental issues (needs; interests; motives; etc.) which occur in the mind of a person and determine his behavior. In life, they form the psychological unity" [2, 213]. The concept of the social danger of the act in its content also covers the psychological unity of a man.

The social danger of human actions is easily determined in criminal offences by material evidence, when the end of the crime committed envisages the occurrence of significant damage in the property or physical form. The question arises how the social danger of acts relating to the formal or truncated composition can be substantiated, which legally at the end of the act does not envisage the occurrence of socially dangerous damage. The reason for the existence of such provisions in criminal law is connected with sufficient public or social danger of acts, and on this basis to set up the prohibition of criminal law for their committing.

In the literature on law the notions of formal composition are defined in the following way: "formal composition is such a composition which includes only acts without consequences. The crime with such a composition is considered to be completed from the moment of committing the act, regardless of the actually occurring consequences" [3, 58].

In our opinion, the definition given above does not reveal the meaning of the formal composition on full, because the question arises that if the act does not envis-

age harmful consequences, then why the act should be considered as a crime, what is the crime of the act. Consequently, **the formal elements of a criminal offence will be the composition, the completion of which is defined by the presence of the act recognized by law as the criminal offence posing social danger in a sufficient degree.**

To substantiate the crime of formal composition, it is necessary to disclose the social danger of the act. The principal meaning of the formal composition of a crime is determined by the possibility of the violation by law of protected objects, i. e. to inflict damage to the legitimate interests of society and the state, though in such offences there are no consequences of a material nature. Social danger of such a composition of a crime is substantiated by the necessity of establishing the legal prohibition, which otherwise would lead the respective sector of society to the state of chaos.

For example, such criminal offences as kidnapping, slander, rape, bribery, forgery, involvement of minors in criminal activity are referred to the formal composition. Let's assume that bribery or forgery of documents are not regarded as a criminal offence by law. In this case, the conception that such acts must not be committed, will be formed in society, because for getting a document it is necessary to fulfil the relevant legal formalities. For example, if you want to have a diploma, you must study. Besides, nobody wants to be slandered.

Thus, in case of committing such acts, we are not able to bring those persons to criminal responsibility because of the lack of relevant articles in the law, which means that there would be no order in these fields of social life. That's why such behavior of people due to its inconformity with the norms of social public life and a serious degree of consequences will be regarded as formally criminal and subjected to criminal — legal prohibition.

For the legislative practice the work related to criminalization and decriminalization is a frequently encountered phenomenon. In such a situation, the legislator often has no firm position on crime or inaccessibility of an act, when it is impossible to foresee the consequences of a material nature. Such an undesirable legislative practice is particularly common for acts that do not pose great danger. The reason that the legislator does not stand on the firm position related to crime or inaccessibility of the acts is connected with the existence in the system of law of the adjacent branch of law, administrative one.

Administrative law as well as criminal law is engaged in the protection of public relations, and for this reason, identical offences such as hooliganism, smug-

gling violations of labour safety rules, etc. can be found in this branch of law. These offences in criminal and administrative law differ in the severity of the offence. But in establishing an exact distinction between these branches of law in the theory of law for some categories of offences, there exist a method as taking into consideration the presence or absence of the consequences of a material nature.

For example, “administrative offences in transport, road and communications spheres” or “administrative violations of sanitary-epidemiological and ecological requirements for the environmental protection” do not require the application of responsibility on the occurrence of the consequences of a material nature. It turns out that the Code on administrative offences treats some offences in the form of formal composition, i. e. without the occurrence of damage, while criminal law for these offences envisages significant damage, i. e. deals with it as with a material composition.

Another distinctive criterion of administrative offences from criminal offences is the extent of the damage. According to this criterion in the theory of law property damage may be subdivided into small, considerable, large and extra large. For the occurrence of criminal liability, traditionally, the caused material damage should be not less than small.

However, in the new Criminal Code of the Republic of Kazakhstan of 2014, not observing such a criterion for the distinction between criminal law and administrative law, article 187 establishes liability for petty theft. In conformity with paragraph 10 of article 3 of the Criminal Code “inconsiderable (article 187) value of property owned by the organization, not exceeding few monthly calculated indices, or property owned by a physical (natural) person, not exceeding two monthly indices”.

A fair remark may be addressed to such legislative practice, if to take into consideration the amount of one monthly calculated indices in the RK. In accordance with the law on Budget since January 2014 the amount of one monthly calculated index is 1852 tenge. If we consider this amount in relation of the exchange rate of the dollar to tenge, it is approximately \$10. A monthly calculated index (MSI) is the index used in Kazakhstan for calculating pensions, allowances and other social payments, as well as for calculating fines, taxes, etc. To establish criminal liability for the theft causing the damage not less than \$ 20, would mean the excessive severity of criminal law. The sanction of Article 187 for petty theft envisages a fine in the amount up to one hundred monthly calculated indices, or correctional work in the same size, or involvement into public work for a period

of up to one hundred twenty hours, or arrest for up to forty five days. That’s why, in respect of criminal offences against property, legislation of 1997 should be observed.

Another distinctive criterion of an administrative offence from a criminal one is the degree of gravity of the damage inflicted to human health. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan divides the physical damage inflicted to human health into light, medium and grave.

The Criminal Code of the RK of July 3, 2014 subdivides criminal offences into two categories: “misdemeanor” and “felony”, and, accordingly, establishes liability for offences not of great gravity, which were previously transferred to the Code on administrative offences.

If to cast a look at the legislative history on the deliberate infliction of slight bodily injuries and damages it should be noted that in the Criminal Code of 1959, 1997 criminal liabilities were envisaged. However, during the period of validity of the Criminal Code of 1997 under the humanization of criminal legislation, in conformity with the legal policy of the Republic of Kazakhstan for 2010–2020, the criminal law prohibition for beating, deliberate infliction of slight injury to health was abolished by the Law of the RK dated January 18, 2011 and administrative responsibility was introduced.

Thus, by introducing into criminal law of 2014 of the notion “criminal misconduct”, the criminal responsibility for these acts has been established. At present, intentional infliction of injuries to human health is not a crime, but a criminal misconduct.

While clarifying whether this or that behavior is criminal or not, the legislator must first of all decide the degree of social danger of the act. It is connected with the fact that in some cases there might be some difficulties in determining the boundaries between the acts relating to the formal structure of the crime and socio-negative acts infringing upon the moral and ethical norms, and in some cases upon the acts which should be considered as administrative offences. In order to decide the issue to what type of crimes the act belongs, i. e. to the norms of the moral and ethics or criminal offences, it should proceed from the point of view of the consequences of this act in case a legal prohibition is not imposed.

The next composition of crime is a truncated composition. In legal references the meaning of this composition is determined in the following way: “In a number of cases, the legislator transfers the moment of the completion of a crime to one of the stages of preliminary criminal activity — preparation or attempt. For the recogni-

tion of such crimes completed, neither the occurrence of criminal consequences nor the completion of the act are required" [4, 52].

As we suppose, the meaning of a truncated completion lies in the fact that the social danger of the act on the level of the crime is detected not only by the actual moment of completion of a crime, but also by its initial stage of the implementation of illegal intentions, which by its content and the degree of danger infringe upon the law protected interests.

On this basis, such acts as banditry, organization of illegal paramilitary formation, extortion are considered to be completed crimes in their preliminary stage and have every ground for the criminal liability to be used.

In the truncated composition the actual moment of the completion of a crime does not correspond to the legal completion. The legal moment of the completion in such a crime is in the early stage of the criminal behavior, and the acts committed by an offender in the initial stage by virtue of sufficient social danger are recognized to be legally completed. Sufficient social danger of the acts which belongs to the truncated composition is substantiated by the presence of the legal moment of the completion of such a composition envisaged by other articles of criminal law. For example, banditry stipulated in article 268 of the Criminal Code of the RK, is legally considered to be completed from the moment of setting up of a stable armed group, but not from the moment of performing an armed attack, which means from the actual moment of the completion of this crime. But members of the group being armed with firearms, will show the presence of elements of crime, envisaged in paragraph 1 of Article 287 (illegal purchase, transfer, sale, storage, transportation or carrying of firearms, ammunition, explosives or explosion

devices). The formation of a stable criminal group as a gang, equally the participation in the acts of such a group, display the signs of a completed crime under Article 262 of the Criminal Code of the RK (Creation and management of an organized, criminal organization as well as participation in them).

Thus, the truncated composition unlike other elements of a criminal offence, has the following socially dangerous characteristics:

- the legal moment of the completion of a crime is in the early stage than its actual completion;
- in the legal moment of the completion the degree of the social danger of the act is extremely high;
- there are encroachments upon the objects protected by Criminal Law;
- in the initial stage of performing criminal intentions, there are signs of another completed crime.

Based on the fore going, it should be noted that the social danger of crimes under Special Part of Criminal Law, related to the formal and truncated composition of crimes, is determined by the direction against the values of society, or, at least by the possibility of occurrence of threats to violate them, by the gravity of such actions which may lead the society into a state of chaos, unless a legal prohibition is imposed.

It should be acknowledged that the elucidation of the degree of social danger of an action gives a justifiable ground to establish the criminal law prohibition of the commission of this act or a high degree of social damage of the action is a prerequisite for recognizing this act legally criminal. These two trends or the assessment of socially dangerous behavior must not be inconsistent with each other, i. e. the legal assessment of the danger of criminal act must be based on the social evaluation.

References:

1. Belyaev N.A. Criminal Law at the present stage: the problems of Crime and Punishment. – SPL, – 1192.
2. Criminal Law./edited by: N. F. Kuznetsova, I. M. Tyazhkova. – Vol. 1 – M.: Zertsalo, 1992.
3. Gaukhman L. I. Qualification of Crimes. – M., 2002.
4. Criminal Law of the Republic of Kazakhstan (Common part)./edited by: prof. I. I. Rogov and Prof S. M. Rakhmetova – Almaty: Norma-K, 2005.

*Akhmetbekkyzy Zhanara,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Baimakhanova Dina Muratovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional and Administrative Law,
Faculty of Law, al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: dina_405@mail.ru*

Concept and classification of a referendum

Abstract: One of the most important interesting and forms of direct democracy demanding reconsideration the referendum is. In 1964 professor V. F. Kotok noted that in special literature the referendum (from the Latin word *re fero* that means I report, I report) is determined as national poll, national vote by the bill. A kind of a referendum the plebiscite (from the Latin word *plebs* — the simple people, *scitum* — the decision) applied usually to the solution of territorial and other specific state questions.

Keywords: referendum, Constitution, democracy, socialist.

Plebiscite means is the same referendum, but carried out on a narrow circle of questions.

Professor V. F. Kotok considered that in effect there is no distinction between a referendum, poll of the population and plebiscite. All of them it is independent of the name submit themselves the statement of this or that the draft of the state decision by the national vote giving to the decision final and obligatory character [1, 4].

M. V. Zwick differentiates a referendum and plebiscite and says that them is inadmissible to mix, so as plebiscite is characterized by the antidemocratic orientation, not integrity on restriction of the rights of representative bodies and citizens and is in hands of monopoly means of a manipulation will of masses [2, 24]. Therefore plebiscite it is inexpedient to carry out in socialist society. In the analysis of this statement it must be kept in mind surely that it was made more than 10 years ago and current approach to the characteristic of plebiscite of a referendum in general considerably changed, it is impossible to tell that to plebiscite lines of reactionism, infringement of the rights of citizens, so are inherent in a name as it is always necessary to consider real arrangement politically of forces in this state, the characteristic of its political system another. Besides, usually procedure of a referendum and plebiscite are identical and it is impossible to tell that in one case it serves interests of reaction, an in other to interests of development of democracy. Na our look, it is difficult to agree with such sharp differentiation of a referendum of plebiscite.

Professor A. A. Mishin in legal encyclopedic the dictionary gives the following definition of this institute: “A referendum (from Latin *referendum* — that has to be reported) — the appeal to the selective case for the

purpose of adoption of the final decision on the constitutional, legislative or other internal political and foreign policy questions” [4, 149]. It turns out, the referendum is an appeal of the supreme representative body to citizens, but here it isn't visible to essence of this institute, as votes, direct adoption of the concrete decision, not of a simple sentence of a certain question for consideration to voters.

The legal encyclopedic dictionary gives plebiscite definition as poll of the population, as the rule, for the purpose of definition of destiny of the respective territory. In some countries plebiscite is considered a referendum synonym [3, 320].

Referendum — the most important institute of direct democracy. Represents itself direct law-making of the people. The referendum — is one of the ways of participation of the public in decision-making important for the state and for each certain citizen. The decision made by the person influences result of procedure and has to be supported with awareness (knowledge) on this question. Conditions of holding a referendum and its procedure are regulated by constitutions and the legislation of the respective countries.

A. A. Mishin still time emphasizes that “a peculiar kind of a referendum is plebiscite that is poll of the population about political destiny of the territory on which it lives. In some countries plebiscite is considered broader concept, than a referendum which is considered a kind of plebiscite. In other countries do distinction between plebiscite and a referendum” [3, 115]. As we see, in legislations of the different countries differently treat these terms. For example, in the Constitution of the Republic of Estonia the term plebiscite isn't used at all, arti-

cle 56 says that the people carry out the Supreme state power through the citizens having the right of a voice:

1. by the way of elections to the State meeting;
2. by the way of referendum (national vote).

The constitution of Japan in article 96 says that amendments to the Constitution are taken out on an initiative of Parliament from a consent not less than 2/3 from the general number of deputies of chambers and it is represented then on approval of the people; the amendment is considered approved if the majority voting supported it, or as a special referendum... Here the concept a referendum and its synonym — “approval of the people” [5, 58].

Ukrainian scientific A. G. Murashin differently gives definition of a referendum: “A referendum — national (national) vote for the purpose of adoption of the final decision on the constitutional, legislative or other internal political questions” [6, 300].

In our legislation (the old legislation means) only the term “referendum” was used always. Term “plebiscite”. Put identical sense in concept of a referendum. In the Constitution of 1936 the referendum was defined as “national poll”. Such definition is hardly worth using because as follows from the concept “poll”, the result of vote in this case most likely has no obligatory value neither for the public power, nor for citizens [7].

Article 5 of the Constitution of the USSR of 1977 and Constitution KAZSSR since 1978 provided that “the most important questions of the state life are submitted for national discussion, are so put national vote (referendum)”. In these Constitutions the referendum and national vote are used as synonyms, it emphasizes imperative nature of results of this institute.

In the only law USSR “About national vote (a referendum of the USSR)” of December 27, 1990 in article of 1 part it was designated that “in the present Law the referendum is understood as a way of admission of the USSR by citizens by national vote of laws of the USSR and other decisions on the most important questions of the state life” [7].

B that period of time and at us in the republic prepares the draft of similar Law KAZSSR “About national vote (referendum KAZSSR)”. This project was full, mirror reflection of the allied Law and therefore contained such definition of a referendum is exact. The legislation on a referendum of the independent state of the Republic Kazakhstan defines the next way this institute. The decree of the President of the Republic Kazakhstan which is valid the constitutional law “About a Republican Referendum” of March 25, 1995 says: “A republican referendum national vote according to

drafts of laws and the decision on the most important questions of the state life of the republic” [8]. The decree of the President of November 2, 1995 specified concept of a referendum, having added that it isn't simple vote according to drafts of laws and the decision on the most important questions of the state life of the republic, but, the main thing, according to drafts of the Constitution and the constitutional laws [9].

A also according to changes and additions of May 8, 1999 the Decree of the President of the Republic Kazakhstan which is valid the constitutional law “About a Republican Referendum” owing to which this Decree is called now the Constitutional Law of the Republic Kazakhstan On a republican referendum says that the present Constitutional Law according to the Constitution of the Republic Kazakhstan defines an order of appointment, preparation and holding a republican referendum.

Proceeding from the aforesaid, it is possible to make a conclusion that the referendum is the specific institute of direct democracy representing itself national, local (in dependence on scale of the held event in borders of all republic or certain district, or administrative-territorial unit) vote according to drafts of the Constitution, the constitutional laws, laws, acts of local self-government and other most important questions of the state life. Other words the referendum represents itself a specific form of the final solution of these or those state questions directly people. Plebiscite is a kind of a referendum. From the legal point of view of distinction between a referendum and plebiscite isn't present; these are full synonyms. However, stylistic distinction is available: plebiscite call a referendum on the questions having for the country or the region as it is accepted to speak, fatal character. For example.. a question of the state accessory of the disputed territory, of a form of board, of further existence of the ruling mode, of trust to the leader of the country, etc. [10, 145].

The referendum is the form of direct will of citizens which is expressed in vote on the most significant questions of nation-wide, regional or local scale.

The main signs of a referendum are:

- 1) the referendum is the form of direct implementation by the people of the power allowing to reveal will of the people in the “pure” look which isn't mediated by representation of deputies;
- 2) the referendum is always vote — a way of identification of will of most of the population;
- 3) the bills adopted on a referendum as the rule, can change (to be cancelled) only by adoption of the new decision on a referendum;

4) the decision made on a referendum doesn't need the statement what — or other body and enters force, as the rule, since the moment of official publication of results of a referendum.

Classification of referenda is carried out on the different bases. In dependence on a referendum subject — the question which is taken out on it the constitutional, legislative, international legal and administrative referenda are marked out.

Subject of the constitutional referendum is modification of the constitution or adoption of the new draft of the constitution. A subject of a legislative referendum is adoption of the bill, modification or cancellation of the existing laws.

The international legal referendum is held for the solution of the questions arising in the interstate relations. The accession to the international organizations, ratification or denunciation of the international contracts, the solution of questions of international legal destiny of the territory can be a subject of such referendum. The administrative referendum is held on the questions which aren't connected with acceptance, change or cancellation standard-legal acts. Change of administrative-territorial division, the early termination of powers of officials, questions of local value (construction of constructions, lying of roads, etc.) can be a subject of an administrative referendum.

The referendum and national poll is not one and too, not synonyms. The referendum assumes adoption of the final decision, a poll it only discussion of the important decision or decisions.

The constitutional theory classifies referenda on various types by various bases. Many researchers of this institute mentioned this question in the works.

In dependence on the captured territory referenda share on nation-wide (nationwide) and local.

Nation-wide referenda are held in borders of all state in all territory.

Local referendum — vote of citizens on questions of local value. The decision on holding a local referendum is made by representative body of local self-government on own initiative or of the requirement of citizens according to the charter of municipal education. In a local referendum have the right to participate all citizens living on the territories of municipal education having the selective right.

Obligatory and facultative referenda are characterized also by various validity of the accepted decisions. "The decision made by an obligatory referendum can be cancelled or is significantly changed only by national vote. The facultative referendum generates the deci-

sion which can be changed or cancelled as representative body, so and new national vote. The last can be carried out in that case if it finds necessary the appropriate representative authority" [6, 11]. The last can be carried out in that case if it finds necessary the appropriate representative authority [6, 11].

Foreign authors, being guided by the analysis of the Constitution of the different countries, divide an obligatory referendum on absolutely obligatory and rather obligatory. Absolutely obligatory referendum corresponds to that definition of an obligatory referendum about which it was told above; to rather certain it is considered that referendum which is obligatory means of permission of disagreements between the constitutional bodies of the power.

Allocate so and the rejecting referendum. The rejecting referendum — national vote for the purpose of cancellation of already adopted act. The rejecting referendum can be held according to the requirement of a certain number of voters or administrative units. If vote is taken on an initiative of voters, the rejecting referendum is called as the national veto. The rejecting referendum is provided by the Constitution of Switzerland.

From the rejecting referendum which is held according to the requirement of a certain number of voters for cancellation of already adopted law, it is necessary to distinguish the petitions referendum which received distribution to the USA. This referendum is held according to the requirement of a certain number of the citizens who signed the petition about adoption of the relevant law. The Petitions referendum call national vote under the bill which is carried out according to the requirement of a certain number of the citizens who signed the petition about adoption of the relevant law. The Petitions referendum is provided in the legislation in the majority of states of the USA. In Italy the petitions referendum can be held on an initiative of local bodies of the power. It is necessary to distinguish institute of a national initiative from a petitions referendum. The ratifying referendum — national vote according to the draft of the law after its acceptance by parliament, but before coming into effect, or under the bill prepared by the executive power or group of voters which is transferred to vote, passing representative body.

Differing from elections (in its course deputies aren't elected, a directly is accepted by the population the decision), the referendum at the same time in a form has some general with it lines. In a referendum, so as and in elections, accepts participation all selective case of the country. In both cases there is a vote process. During preparation

for a referendum, so as and to elections the interested parties develop broad propaganda campaign.

In literature allocate also other types of referenda in dependence on time of their carrying out, obligatory force and other circumstances.

As it was already noted an unambiguous assessment of a referendum it is impossible. Democratism or reactionism of this institute depends on real political circumstances and conditions in which the referendum is held.

References:

1. Kotok V.F. Referendum in system of socialist democracy. – M.: Science, 1964. – P. 4.
2. Zwick M.B. Problems of the theory of socialist democracy (it is state-legal acts), the Abstract of the thesis of the doctor of jurisprudence. – Kharkov, 1986. – P. 24.
3. Legal encyclopedic dictionary. – Moscow: Soviet encyclopedia, 1984. – P. 320.
4. Mishin A.A. Constitutional (state) right of the foreign countries. – Moscow: White Alvah, 1996. – P. 149.
5. Murashin A.G. Direct democracy in system of socialist self-government of the people. – Kiev: Vptsya school, 1989, – P. 64.
6. Constitutional (state) right of the foreign countries. General part. – Moscow: Beck, 1996, – P. 384.
7. The law USSR “About national vote (a referendum of the USSR)” of December 27, 1990.//News of Councils of national deputies, 1990, on December 19.
8. The decree of the President of the Republic Kazakhstan which is valid the Constitutional Law “About a Republican Referendum” of March 25, 1995.//Kazakhstan Truth, – 1995, on March 28.
9. The decree of the President of the Republic Kazakhstan which is valid the Constitutional Law “About a Republican Referendum” of November 2, 1995.//Messages of Kazakhstan, – 1995, on November 4.
10. Constitutional (state) right of the foreign countries. General part. – Moscow: Beck, 1996, – P. 385.
11. Kotok V.F. Referendum in system of socialist democracy. – M.: Science, 1964, – P. 4.

*Badalov Tengiz,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Baimakhanova Dina Muratovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional
and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Kazakhstan
E-mail: dina_405@mail.ru*

Basic principles for governance in the information sphere in the Republic of Kazakhstan

Abstract: Basic principles of state control in the sphere of information originate in the current Constitution of the Republic of Kazakhstan. For example, in Article 3 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan says that the people exercise state power directly, as well as the right to exercise their delegated power to state institutions. These include public authorities and central executive body for the media — the Ministry of Culture, Information and Sport. On the other hand the public authorities, including the Ministry of Culture, Information and Sport, in the exercise of public administration in this article are guided by the main principles of the Republic of Kazakhstan: ensuring social cohesion and political stability.

Keywords: governance, state control, Constitution, democracy.

The principle of social cohesion and political stability in the state administration in the field of media is shown in the following. In the interests of society and in-

dividuals are prohibited any propaganda or spread of information violating social harmony and political stability. At the constitutional level, it is affirmed that unaccept-

able propaganda or agitation of violent change of the constitutional violation of the integrity of the Republic, undermining of state security, war, social, racial, national, religious, class and tribal superiority, as well as the cult of cruelty and violence.

Limitations associated with the need for social cohesion and political stability is contained in the legislation on the media, the Criminal Code, the law “On national security” and other normative legal acts. This principle not only contains prohibitions, restrictions on the activities harmful to the public interest, but also approves the actions that promote social cohesion and political stability in the country.

The action of the constitutional principle of economic development for the benefit of the people of Kazakhstan can be seen in privatization and de-monopolization of the media environment, the privatization of state-owned media, state media support, advocacy and knowledge of market relations through the media.

Before the public administration in the field of media and non-media companies face challenges in strengthening and development of Kazakhstan’s patriotism, to educate the younger generation in patriotic spirit. For example, in Kazakhstan, public safety is provided by the decisions and actions of government agencies, organizations, irrespective of ownership, officials and citizens, aimed at creating a national psychology, based on the Kazakhstan patriotism and interethnic harmony, strengthening the unity of the people of Kazakhstan.

The principle of solving the most important issues of state by democratic methods involves legislative regulation of the democratically elected Parliament of the Republic of issues related to the sphere of information and discussion of these issues among the general public. For example, the Law of the Republic of Kazakhstan “On mass media” was passed by Parliament, and proposed it in 2000–2001 amendments previously discussed by society and the media.

The Constitution of the Republic of Kazakhstan shall recognize ideological and political diversity, freedom to disseminate any ideology or political ideas are not extremist. The individual’s right to freely receive and disseminate information by any lawful means, except for information which is referred to the secrets of the law, is an important fundamental principle defining the boundaries and methods of government information sphere. There is one fundamental position of the responsibilities of public authorities, non-governmental organizations, media and officials to provide everyone an opportunity to get acquainted with concerning his rights and interests

of information. These important provisions of the Constitution make the person an active participant in social relations of public administration in the field of media. This contributes greatly to another constitutional provision of direct action on the right of citizens to participate in managing state affairs.

Provisions of the Constitution of the Republic of Kazakhstan, provides for equality of all before the law and the courts, as well as the right to judicial protection of their rights and freedoms play an important role in the management information area in the implementation and protection of the personality of his civil rights in the field of information serve its constitutional guarantee. These provisions of the Constitution above all aimed at creating self-regulating in Kazakhstan, open and independent civil society. Protection of subjective rights is relevant. In the promotion and protection of the rights and freedoms associated with information of great importance should be attached to the following means: constitutional control; the judicial system; parliamentary oversight; prosecutor’s supervision.

Recognition and equal protection of the public and private property is an important argument in favor of independent non-state media. Not only businesses and assets of independent non-state media, but the information itself as the property and goods undergoing the sale, are protected by law. Property and information held by the media may be seized only by a court decision in the cases expressly provided in the laws of the Republic of Kazakhstan. The media have a right to bring such actions and decisions. These provisions and procedures emphasize the fundamental democratic governance in the field of media.

An important principle is the prohibition of any censorship. In this context, G. S. Sapargaliyev writes: “The Constitution paves the way for the formation of independent media. Political censorship is a powerful tool of the totalitarian regime is gone. Ensuring the independence of the media allows highlight shortcomings in the work of state bodies, violations of the law by officials and to some extent helps to strengthen the rule of law”. This implies a number of fundamental ideas. Indeed, in a totalitarian system of censorship carried primarily a pronounced political character. Its purpose was to prevent the spread of certain political and ideological views, besides official policy and ideology.

However, censorship in the Soviet Union played the most on the spread of dissent, i. e. backfired. Dissent in the late 80-ies of XX century in the Soviet Union, as it is known, has become destructive. Therefore, the purpose of the state and society is not in the fight against all dissent,

and support a constructive exchange of views on society. In ensuring the independence of the media should be interested state itself. State in which reached a maximum design degree of transparency, is stable and sustainable, it will not get any revolutionary upheavals. So to speak, “couples should be issued in a timely manner” and only then will not happen accumulation of critical social temperature. Dissemination of information about dangerous sources of tension allows you to remove it, discuss problems involving the wider community interested in the peaceful, evolutionary transformations, the interests of all, and marks the beginning of a solution. All this will contribute to the objectives of building a democratic state in Kazakhstan.

The Constitution states that everyone has the right to freely receive and disseminate information by any lawful means. Illegal way — it spread slanderous and other information that is untrue, as well as illegal profit on operations with the information. The Constitution and laws provide ample opportunities of democracy, in contrast to earlier times, and most importantly — the state, in fact, actually implements the most important principle: the dissemination of information is no longer the monopoly of the state. Information, more and more is a commodity, and people choosing a particular newspaper or magazine pays for their content necessary information. In a market society an attack on freedom of information is almost impossible. The market, the market orientation of the economy of Kazakhstan is fundamentally important guarantees of freedom of information.

Category “legitimacy” and “legality of public administration” have a different meaning and functional significance. The relationship between the state and public institutions should be based on the principle of legality. Media activities should be based on respect for the Constitution and laws of Kazakhstan. State management information area and in the media should be based on the laws of the Republic, take place within them, to be legitimate. In this one of the most important areas of public life to greater extent relations should be regulated by laws. Administrative powers and duties of public authorities, rights and duties of management objects defined in the law “On mass media”.

Objectivity — a necessary feature of the control system. Without knowledge of the state of managed objects subject of management cannot fully manage a certain area. In general, for an objective implementation of general government introduced a mandatory distribution of a certain number of copies of the publications in the upper, central authorities, allowing them to have information about the social processes. In order to achieve

objectivity in media management are given the right to appeal against refusal of registration and bring their arguments. Activities of the Ministry of Culture, Information and Sport and its territorial bodies are based on objective data on the state of the field of mass media.

Publicity of government media in Kazakhstan noticeable in intensive mutual relations of the media with the controls in the feedback meetings are often held parties and round tables. Controls are open, available for dialogue and controlled society. Acts of management regarding the media, published for the general public. In addition, the regulations concerning the scope of the media must be officially published as affecting the rights, freedoms and duties of citizens. Without this, such acts cannot be used.

The principle of accountability for results management is reflected in the fact that the Minister of Culture, Information and Sport is personally responsible for the execution of tasks assigned to the Ministry and the exercise of their functions. Employees of the Ministry as public servants are responsible for the proper performance of their duties and the use of powers.

Under the principle of optimal control state determines the optimal size of the Ministry and its territorial bodies, optimum internal structure of the Ministry, optimal composition of tasks, functions and powers of the agency and its subsidiaries.

Opponents of state support for the media claim that it violates the principles of competition in the field of information and pose a threat to press freedom. Defenders put forward its argument: in a society should be saved pluralism of opinions. For example, in Sweden the need to introduce protectionist measures media arose due to a sharp reduction in the number of daily newspapers for 50 years of the twentieth century. Developed on the basis of a special parliamentary commission recommendations were adopted laws that prevent concentration of ownership of the media to encourage the establishment of new newspapers, determining the availability of subsidies. In Sweden, all the newspapers are exempt from value added tax, they reduced postal rates, party newspapers are exempt from tax on income from advertising newspapers are available for the technical modernization of loans on favorable terms. State support also exists in Norway. Finland and Austria. In Finland, the party newspapers receive subsidies proportional to the number of deputies from the party in the parliament, and government subsidies are allocated to religious and cultural publications. A special program to promote the development of the press in Austria supports several small newspapers, plays a particularly important role in the formation of different political opinions. In the

Federal Republic of Germany and the United States do not have broad public support for the media. In general, it should be noted that both models (state support and not support the media) are not perfect. It is important that the system of state support of the media lacked selectivity of the state in relation to a variety of media.

In Kazakhstan in the field of public administration by the media can highlight specific principles related to the multi-ethnic people. This is the principle of incorporating multi-ethnic, national interests and supports the development of the national media. Of course, one could relate it to the principle of ensuring social cohesion and political stability. But this principle does not end with the goals of public consent. Also stated support for the language, culture, traditions and maintaining the various nations. Constitutional provisions on the status of languages and care of the state to create conditions for study and development of languages of the people of Kazakhstan are also of fundamental importance in the management information area. Dissemination of information in the official language must be at least 50 % of the total volume of information disseminated by the media. The state can support the national language and the diversity of languages or prohibit certain languages. So, unlike Turkey, Kazakhstan has no banned languages, on

the contrary many nationalities living in the Republic of Kazakhstan, have newspapers, magazines, television and radio programs in their native language.

In our view, there are also the principles of management in the field of media:

- the principle of serving the media community, the public interest;
- principle of development: improving the legislation on the media, changing forms and methods of control towards democracy and optimality;
- principle of international cooperation is vital in the context of globalization and internationalization;
- respect for human rights and freedoms;
- the principle of an independent and impartial judicial resolution of disputes and offenses in the media;
- the principle of judicial protection of violated rights and freedoms, including the right to freely receive and impart information, freedom of speech and thought, do refutation;
- the principle of availability of information, not otherwise provided by law to any secrets;
- principle of non-intentional dissemination of information that violates someone else's rights.

*Baimakhanova Dina Muratovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional
and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University
E-mail: dina_405@mail.ru*

Leading role of the President of the Republic of Kazakhstan in enhancing mechanism for protecting and safeguarding the rights and freedoms of citizens

Abstract: The article is devoted to analysis of the main direction of activity of the President of Kazakhstan as a guarantor of the fundamental rights and freedoms of citizens of Kazakhstan, the definition of the specificity of this activity. The author reveals features of the President's activities to protect socially vulnerable groups of the population. President of Kazakhstan is an important element of the institutional component of constitutionalism in Kazakhstan. RK Constitution provides that the President of the Republic of Kazakhstan is the guarantor of the rights and freedoms of citizens. In the Message of the President RK great importance given to the development of the social sector.

Keywords: President of Kazakhstan, Presidential Message to the people of Kazakhstan, the rights and freedoms of citizens of Kazakhstan, the mechanism of protection of the rights and freedoms of citizens.

Making the Message to the people of Kazakhstan "Nurly zhol — a way to the future" the President of the Republic of Kazakhstan noted that today the whole world faces new calls and threats. The world economy didn't re-

cover from consequences of global financial and economic crisis. Restoration goes very slow and uncertain rates, and recession proceeds somewhere else. Geopolitical crisis and sanctions policy of the leading powers creates

an additional obstacle for recovery of world economy. From the experience I have a presentiment that the next years will become time of global tests. All architecture of the world will change. There will be able adequately to pass through this difficult stage not all countries. This boundary will be passed only by the strong states, the solid people. Kazakhstan as part of world economy and the country which is in close proximity to epicenter of geopolitical tension, comes under negative influence of all these processes ... But thus before the Government the difficult, but specific objective is put — to provide all social obligations in full [1]. In the Message of the President of Kazakhstan the great value is allocated for development of social sector, improvement of the mechanism of protection, protection and ensuring the rights and freedoms of citizens of RK.

The President of Kazakhstan as government body is the most important element of an institutional component of constitutionalism in RK. The constitution of RK fixes that the President of Kazakhstan acts as the guarantor of observance of the rights and freedoms of citizens. “The constitutional function of the President to guarantee observance of the rights and freedoms of citizens is put as a basis of its relationship with other public structures and government bodies urged to support also the legality mode.

The head of state plays very active practical role in ensuring realization of constitutional rights and freedoms of citizens, the statement of the mode of legality, fight against various forms of crime, observance of the state discipline” [2, 210–211].

Activities of the President of Kazakhstan for guaranteeing, protection and ensuring the rights and freedoms of citizens are many-sided. One side of this activity is participation in legislative activity. According to changes and additions in the Constitution of 21.05.07 the President has rights of a legislative initiative now.

Besides, the President has the right to define priority of consideration of drafts of laws in Parliament of RK, and also to declare consideration of the bill urgent, meaning that the Parliament has to consider this project within one month from the date of its introduction. At non-execution of the requirement of the President by Parliament, he has the right to issue the decree which is valid the law which will work before adoption of the new law by Parliament in accordance with the established procedure.

Concrete example of participation of the President in legislative activity is initiation by it in May, 2007 changes and additions in the Constitution of RK which had comprehensive character, mentioned all aspects of life of the

state and society and was directed on further expansion of democracy and acceleration of process of creation of the constitutional state.

The President of Kazakhstan enters a circle of subjects of the appeal to the Constitutional Council of RK. Through this direction of the activity it also realizes the function of the guarantor of the rights and freedoms of citizens. For these years the Parliament and the Constitutional Council established close effective cooperation in questions of ensuring the constitutional legality. From chairmen of chambers and deputies more than 70 addresses which concern various constitutional institutes and prospects of their development, the principles of relationship of the state, public associations and citizens, mechanisms of ensuring human rights and the citizen came to KC RK.

According to 12 addresses Constitutions in total of 13 laws adopted by Parliament and presented for the signature to the Head of state, including Special part of the Civil code, the laws “About the Rare and Being Under the Threat of Disappearance Animal Species”, “About Activity of the International and Foreign Non-profit Organizations in the Republic of Kazakhstan” and others were recognized not corresponding. A number of laws which acceptance had a high public response are recognized corresponding to the Constitution [3].

The President of Kazakhstan, defining the main directions of domestic and foreign policy of the Republic, promotes recognition of Kazakhstan on the international scene by the full, equal partner. Kazakhstan in full assumed liabilities on implementation of the Charter of the UN, incorporation of its provisions in the national legislation. Kazakhstan is the party of many international treaties regulating various aspects of protection of human rights — the Conventions on the Rights of the Child of 1989, the Geneva humane conventions of 1949 and additional protocols to them, some conventions of the International Labor Organization on protection of the rights of workers in the production sphere, etc. In 1998, 4 ratified Conventions came into force: Convention on elimination of all forms of discrimination against women of 1979, Convention on the prevention of crimes of genocide and punishment for it of 1948, International Convention of elimination of all forms of racial discrimination of 1966. And the Convention against tortures and others cruel, inhuman or degrading treatments and punishment of 1984. In process of creation of legal and social and economic conditions process of ratification and accession to other international legal acts in the field of human rights will proceed [2, 213].

So, on June 26, 2008 the President signed the Law RK № 48-IV "About ratification of the Optional protocol to the Convention against tortures and others cruel, inhuman or degrading treatments and punishment" [4].

Kazakhstan actively interacts with member states of the CIS in the international human rights activity. Kazakhstan signed the Agreement on the help to refugees and displaced persons of 1993, the Convention CIS on ensuring the rights of the persons belonging to ethnic minorities of 1994, a number of contracts on legal aid and legal relations on civil, family and criminal cases, etc. [5].

In the summer of 1994 the historical decision on transfer of the capital of Kazakhstan to Astana was made. The President of Kazakhstan Nazarbayev N.A. was the initiator of transfer of the capital. On July 6, 2008 Astana celebrated the 10-year anniversary. Speaking at the solemn meeting devoted to this significant event, the President noted that Astana became model of social and economic development for all Kazakhstan.

The state seriously and consistently is engaged in creation of conditions for business development. On enlarged meeting of the government the President of the country noted that "it is necessary to concentrate all resources and to provide concrete result in limited number of the priority branches having high-tech potential". However from an assignment which the Head of state gave, — "to deal with SEZ and the unemployed from them to reduce".

The President of Kazakhstan, carrying out function of the guarantor of the rights and freedoms of citizens, hears reports and controls activity of the government bodies which are directly subordinated and accountable to the head of state. On November 27, 2014 the first deputy Prime-Minister of RK Bakytzhan Sagintayev held selector meeting on questions of realization of orders of the Head of state. Deputies of Parliament of RK, heads of the central state agencies and JSC NUH Bayterek took part in work of meeting.

In the Message to the people of Kazakhstan "Nurly zhol – a way to the future" the President of Kazakhstan charged to reconsider approaches to construction of social rent housing for the population under low interest rates. In this regard the mechanism of construction and realization of rent housing is presented to JSC NUH Bayterek. 180 billion tenges will be allocated for these purposes from National fund in 2015–2016, from them 35 billion tenges are allocated for leading of engineering and communication infrastructure, 145 billion tenges for construction and acquisition of rent housing. In general holding taking into account additional sources

of financing for construction of rent housing it is planned to send 250 billion tenges. The expected input of housing till 2020 will make more than 1.4 mln sq. m.

Besides, 10 billion tenges will be allocated for development of infrastructure and material base of 10 higher education institutions defined basic for the State program of the forced industrial and innovative development of Kazakhstan [6].

In December, 2014 Nursultan Nazarbayev held a meeting with the President of the French Republic François Hollande who arrived to Kazakhstan with the state visit. France is the leading trade partner (commodity turnover in 9 months 2014 made 4.7 billion dollars) and the large investor of our country (a gross stream of direct investments since 2005 totals about 10.8 billion dollars).

We also cooperate in education, — the President of Kazakhstan noted. — In Astana the V Forum of higher educational institutions will take place, and in Almaty the first in Central Asia branch of University Sorbonne will be open. In the capital the monument to Charles de Gaulle who in 1966 visited Baikonur Cosmodrome also opens [7].

Presidents of Kazakhstan and France Nursultan Nazarbayev and François Hollande participated in a ceremony of a greeting of participants of Kazakhstan-French of business and university forums.

Participants of a forum were addressed by the vice-president of the International commission of Conference of presidents Khaled Buabdala who reminded that the international forum of the Kazakhstan-French higher educational institutions "Development of training and the academic mobility: exchange of experience, problems and prospects", taken place in Astana in 2011, gave a big impetus to further development of the bilateral relations.

Within two years about 500 students were accepted by the French party, the most part from them entered the university, the part got to business schools or got vocational engineering education. From 2009 to 2014 the number of the Kazakhstan students in France became twice more, and we are sure that such dynamics in the relations will proceed.

It gave university of Lorraine which maintains the strong relations with Al-Farabi Kazakh National University and the Kazakh national technical university of K. Satpayev in Almaty as an example. It is known that in 2009 these three higher education institutions signed the partner agreement which result was a creation of the Kazakh-French scientific and educational center "Geo-

Energetic” — one of the main directions of bilateral university cooperation [8].

The sphere of constant attention of the Head of state — socially vulnerable groups of the population. In the performance “Social modernization of Kazakhstan”: the President declared twenty steps to Society of General Work: “It is necessary to develop mechanisms of socialization of the citizens belonging to category of socially vulnerable population. It first of all disabled people and physically disabled people, members of large families, persons of pre-retirement age. And not guardianship of the state, but creation of such conditions which would help these citizens to find self-confidence, in the opportunities to socially useful work” has to become the main approach.

In 2008 Kazakhstan signed the Convention of the UN on the rights of disabled people and the Optional protocol to it. Two years later the Standard of rendering special social services in the field of social protection of the population in the conditions of rendering services was approved at home. Last year such services are rendered more than 87 thousand people of advanced age and to disabled people. For disabled children 17 houses boarding schools, 29 day hospitals function. According to the Plan of measures on ensuring the rights and improvement of quality of life of disabled people for 2012–2018 last year with technical supportive (compensatory) means provided more than 96 thousand physically disabled people (88 % of total number needing). Are provided to them the prosthetic and orthopedic help, surdo-, tiflo- means, wheelchairs, obligatory hygienic means, and also services of individual assistants and experts of sign language [9].

On December 5, 2014 in Astana the field meeting of Committee on welfare development of Mazhilis of Parliament of RK and Social council at fraction of Nur Otan party in Mazhilis with participation of members of the working group on the bill “About the State

Youth Policy in RK” took place. During a meeting questions of development of youth policy in the country were discussed.

Opening a meeting, the chairman of Social council of fraction of Nur Otan party, the deputy of Mazhilis of Parliament Aytkul Samakova noted importance of the discussed question. The other day the Mazhilis in the first reading approved the bill “About the State Youth Policy” developed at the request of the Head of state. In the bill definite purposes, tasks, the main directions of the state youth policy. The document fixed competences of government bodies, the norm that they realize the state youth policy is defined and it will be the indicator of an assessment of their activity. The special attention is paid to involvement of youth in life of the state and society, creation of conditions for their participation in decision-making process. The purpose and the maintenance of the youth resource centers and social services for youth are accurately defined. A. Samakova emphasized that transfer of the rights and duties of youth shouldn't become the purpose of the bill.

– The youth is the future. This part of the population as any another is progressive and open to the new. The way of Kazakhstan and the future is connected with a level of development, opportunities, valuable orientations, extent of participation in economic, political and public life of the Kazakhstan youth, — A. Samakova told [10].

Carrying out function of the guarantor of the rights and freedoms of the person and citizen along with other functions, the President of Kazakhstan carries out the enormous volume of work. It would be desirable to emphasize that characteristic of the present Message is that despite the cataclysms which are available in world economy influencing development of economy in Kazakhstan, the President focused attention to need of the further solution of social problems, improvements of welfare of the population. It is one of stability levers in the country [11].

References:

1. Nazarbayev N.A. President's Address to the Nation “Nyrly Jol – Way of the Future”.//Kazakhstan pravda. – 2014, November 12. – № 221 (27842).
2. Malinowski V.A. The head of state sovereign Kazakhstan. – Almaty, 1998. – 242 p.
3. Rogov I.I. The role of the nation's leader in the development of development and the development of Kazakhstan's parliamentary.//Kazakhstan pravda. – 2013, 27 November – № 324 (27598).
4. Law “On ratification of the Optional Protocol to the Convention against Torture and Other Cruel, Inhuman or Degrading Treatment or Punishment,” dated June 26, 2008 – № 48-IV.//Kazakhstan pravda. – 2008, 28 of June.
5. Statement by the First Vice-Minister of Foreign Affairs E. Idrisov at the conference “Human rights and freedoms in the process of reform in Kazakhstan”. – 18–19 June 1998.//Proceedings of the Conference “Human rights and freedoms in the process of reform in Kazakhstan”. – Astana, 1998. – P.15.

6. Rental housing – at low rates.//Kazakhstan pravda. – 2014, November 28. – № 233 (27854).
7. Maher Y. Kazakhstan – France: at the level of strategic partnership.//Kazakhstan pravda. – 2014, December 6th. – № 240 (27861).
8. Tulesheva G., Osipov V. Business Workshop of the Presidents of Kazakhstan.//Kazakhstan pravda. – 2014, December 6th. – № 240 (27861).
9. Samakova A. Factor consolidation of the people.//Kazakhstan pravda. – 2013, 21 November. – № 320 (27594).
10. Kembayeva A. Develop youth policy.//Kazakhstan pravda. – 2014, December 6th. – № 240 (27861).
11. Bijanov A. Program specific actions.//Kazakhstan pravda. – 2014, November 12. – № 221 (27842).

*Batyrova Ayjarkyn,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
Baimakhanova Dina Muratovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State and Law Theory and history,
Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University
E-mail: dina_405@mail.ru*

The theory of social rights

Abstract: In this article questions of the theory of the social rights are considered. The social rights not only are adjusted by the law, but also and to provide system of mechanisms of protection and guarantees. According to the theory of the rights of the natural right I arose how the state can exist without it. However real guarantees of essential social protection of the population can exist, only if political system of society, first of all it is connected with association of public funding mechanisms for social measures and actions.

Keywords: social rights, Constitution, constitutional, social rights.

Social rights as guaranteed by the Basic Law category of rights can, we believe, be considered in the narrow and broad concepts. Isolation of different points of view on the concept and content of social rights associated with the identification of research in the previous section of narrow and broad interpretation of the category of “social sphere”, is based on the particularities of the identified social rights turn, in fact, the essence of the phenomenon under study law.

A social right has constitutional status and is mainly determined by the general legal status of a person in the Republic of Kazakhstan. “Constitutional rights and freedoms are fundamental not only in form, as enshrined in the Basic Law, but, most importantly, and content. Form, i. e. securing the rights and freedoms in the Constitution of the Republic of Kazakhstan, is only a direct consequence of the exceptional value of their content. The Basic Law enshrined the rights and freedoms which are vital to the greatest extent and social significance for the individual and for society as a whole and the state” [1, 269–270].

Social rights are not only regulated by law, but also to provide a system of guarantees and protection mechanisms. Human and civil rights under paragraphs 1 and 3 of

Article 39 of the Constitution may be restricted by law and only to the extent that this is necessary in order to protect the constitutional order, public order, human rights and freedoms, health and morals. Is not permitted in any form or restriction of the rights and freedoms of citizens for political reasons. Thus, it is forbidden to limit constitutional rights, freedoms of man and citizen, for other reasons, other than those specified in the Basic Law. In this regard, let us quote Z. Zh. Kenzhaliev, V. A. Kim that the system of human rights and freedoms in the Constitution of 1995 is given in accordance with the Universal Declaration on the species, the content, and the mechanism of their protection. This means that the Constitution enshrines the rights and freedoms of the completeness with which they are implemented in other advanced democratic countries, the rights of freedom are considered as characteristic of man as natural and not donated by the state, that they should enjoy all the people on the basis of equality, that they can't be disposed of, and limitations must be provided only by the law [2, 16–17].

Our analysis of the research on the constitutional social rights allows us to state some of their basic characteristics, included almost all researchers in the

author's definition of constitutional social rights is: consolidation of their composition in the Basic Law of the country; definition they are not as abstract and subjective requirements facing the state; relationship of social rights with decent (enough) the standard of living for people.

So, in the thesis, N.D. Gerashchenko states: "... the constitutional social rights — is enshrined in the Constitution of the Russian Federation the basic rights granted to each person the opportunity to qualify for the state of certain material benefits and provide him a decent standard of living and social protection" [3, 90].

In this paper, D.S. Shelestova summarized: "Social rights — a right that enable a person incapable of self, for objective reasons (disability, large families, all special public authority (judges, investigators, military), to provide for their needs in a particular sphere of life, qualify for assistance society in the face of state bodies and public associations" [4, 119].

E. V. Aristo believes it clarified the concept of "constitutional social rights of man and citizen", which refers to guaranteed by the state, to meet the vital needs of man, his dignity and the free development of life. They relate to the maintenance and consolidation of regulatory social life of the individual, determine the position of a person in employment and living conditions, employment, welfare, social security, in order to create the conditions under which people can be free from fear and want. Consider the group of constitutional rights corresponding obligation of States to implement certain organizational and legal measures entailing a redistribution of part of its funds for the direct provision of material goods of certain categories of citizens [5, 6].

M. V. Shinto believes that the definition of "constitutional social rights" should be read as follows: constitutional social rights — is objectively mature, recognized by society and the State and enshrined in the Constitution of the Russian Federation set of rights and freedoms that should be enjoyed by everyone in order to ensure and protect their certain properties, interests and capabilities it needs to normal physiological, physical and spiritual existence and development for socio decent life and socially significant activity [6, 43–44].

The concept of social rights, in some sources — socio-economic rights, we believe, is not it considered in relation to the essence of the sphere of social relations in which they are translated into reality. From this position the content of social rights can be studied from the point of view of a narrow understanding of the concept of social rights, the interpretation of the legal definition of a

more or less wide and the widest possible understanding of social entitlements.

In our view, the list of social rights in the broadest sense, such rights as the right to social security, social protection, social insurance, maintenance, the right to freedom of labor, free choice of occupation and profession, safe working conditions, remuneration for work without any discrimination, the right to social protection against unemployment, the right to labor disputes, the right to rest, the right to housing, education, health. Believe is a fair opinion A. N. Sagindykov expressed in perspective on the nature and content of the constitutional right to health care that some social rights can serve as a legal basis for the development of other constitutional social rights [7, 54].

Overall constitutional and legal status of man and citizen has been systematically analyzed in the judgment of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan dated December 1, 2003. – N 12 "On the official interpretation of Articles 10 and 12 of the Constitution of the Republic of Kazakhstan", which sets out the following conclusions about the nature and content of the relevant constitutional provisions. For example, states that the rules on nationality included in section II "Man and the Citizen" of the Constitution and Article 10 of the combined, which structurally specified section begins. Significant is the fact that the constitutional and legal regulation of the rights and freedoms of man and citizen is preceded by the norms of citizenship, as it set a specific focus and content of constitutional rights, freedoms and duties of persons.

The Constitution differentiates the legal status of the individual, using the term "citizen of the Republic of Kazakhstan", "every", "all", "foreigners" and "stateless person". It should be understood that when the text of the Constitution refers to "every" and "all" that we have in mind as citizens of the Republic, as well as persons without citizenship of the Republic; when the "citizens of the Republic of Kazakhstan" — only those associated with citizenship of Kazakhstan. Thus, the Constitution establishes these subjects for different amounts of rights and freedoms, which they can use, and a different amount of duties to which they are assigned.

Constitutional and legal status of citizens of the Republic of Kazakhstan assumes possession of the whole complex of rights, freedoms and duties established by the Constitution, with the equality of the law. For foreigners the same and stateless persons specified otherwise limited, constitutional and legal status: they shall enjoy the rights and freedoms and bear the responsibilities that apply to citizens, except in cases provided by the Constitution,

laws and international treaties (paragraphs 3 and 4 of Article 12, paragraph 1 of Article 14 of the Constitution).

Firstly, the Constitution of the same category of social rights that are realized in labor and derived relations, the same actors — workers, defined as belonging to everyone the right to freedom of labor, the right to social protection against unemployment, and associated with the listed with powers such rights as the right to a minimum wage, social security in the event of illness, disability, loss of breadwinner and other legal grounds are only citizens of the Republic. Following the logic of securing these rights in the Constitution, for example, a foreign citizen has the right to enter into an employment relationship, has the right to social protection against unemployment, but is not entitled to a guaranteed minimum wage, social security at the expense of the employer in case of illness. Naturally, the present situation is contrary to the spirit and the “spirit” of the Constitution, but may take place based on the literal interpretation of the provisions of the Basic Law.

Second, despite the affirmation of the right to social security only for citizens of Kazakhstan, in normative legal acts that establish legal support implementation of this constitutional right is regulated by the possibility of their implementation stateless persons, foreign citizens, oralmans. Thus, the right to social aid are citizens of the Republic of Kazakhstan, repatriates, persons with refugee status, foreigners and stateless persons who have residence permits and permanent residence in the Republic of Kazakhstan; temporary disability benefits paid by the employer to employees who, by definition, the Labour Code — any natural person; repatriates are included in the target population, which State shall take measures to promote employment; Most other social rights on pensions, social insurance is carried out by citizens and for-

eigners and stateless persons permanently residing in the territory of the Republic of Kazakhstan. Thus, we have the analysis of the current legislation revealed consolidation of social rights in accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, belonging exclusively to citizens, foreigners, stateless persons permanently residing in the Republic of Kazakhstan, and for repatriate's refugees. We note the lack of a unified approach to the subjective social composition of holders of constitutional powers.

According to the theory of natural law rights arose long before the state can exist without it. However, the real guarantees of material social protection of the population can exist only if the political system of society, first of all it is related to consolidating the public financing mechanisms of social measures and activities. Thus, the effective features and tools of realization of social rights are only possible within the framework of state institutions, but as a legal category social rights are not related to the ability of the state to provide them, to ensure the right to decent, adequate standard of living belongs to everyone from birth, persons who are in a difficult life situation (loss of a breadwinner, work, illness, disability, and much more), is entitled to a free volume of guaranteed health care, labor is not less than the minimum, the man has a natural right to housing. Housing market conditions are often seen as an object of sale, good investment, and at the same time the country's Basic Law guarantees the availability of housing for certain categories of persons: citizens in need of housing, it is available at an affordable price from the state housing funds.

Recognition of the social rights of the natural group requires secure their belongings in the Basic Law of the country, not just citizens.

References:

1. Constitutional law of the Republic of Kazakhstan./Editor. Ed. M. S. Narikbayev. – Almaty: Kazakh State Law University, 2001. – 656 p.
2. Kenzhaliyev Z. Zh., Kim V. A. Development of constitutional law of the Republic of Kazakhstan: Textbook. Part 3 – Almaty: Kazakh University, 2007. – 54 p.
3. Tereshchenko N. D. Constitutional social rights of the individual: the history and current status of the Russian Federation: Dis. cand. jurid. Sciences. – M.: MSU, 2004. – 194 p.
4. Shelestov D. S. The constitutional foundations of self-protection of social rights citizens of the Russian Federation: Dis. cand. jurid. Sciences. – M.: Moscow State Social University, 2004. – 237 p.
5. Aristov E. V. Social rights of man and citizen in the Russian Federation for Constitutional Studies: Author. dis. cand. jurid. Sciences. – M., 2005. – 24 p.
6. Shitov M. V. The right to social security in old age in the Russian Federation (the constitutional and legal problems): dis. cand. jurid. Sciences. – M., 2006. – 217 p.
7. Sagindykova A. N. Problems of realization of the constitutional right to health care in the Republic of Kazakhstan: dis. Doctor. jurid. Sciences. – Yekaterinburg: Ural State Law Academy, 1999. – 382 p.

*Bumazhnikova Olga Viktorovna,
candidate of jurisprudence, lawyer of Chamber of Advocates of the Tver region,
associate professor of NOU VPO «Upper Volga Institute», RF, city of Tver
E-mail: bumazhnikova.olga@yandex.ru*

Encumbrance as one of ways of regulation property (economic) relations

Abstract: disputes on the legal nature of encumbrance, in particular encumbrances of objects of both movable, and real estate in science of private law proceed still. In work the problem of observance of interests at emergence of encumbrance on property is considered, protection of the rights and legitimate interests as owner, and the third parties on the burdened property.

Keywords: encumbrance, encumbrance of property, encumbrance role, legal regulation of the public relations, private law.

*Бумажникова Ольга Викторовна,
к. ю. н., адвокат Адвокатской палаты Тверской области,
доцент НОУ ВПО «Институт «Верхневолжье»», РФ, г. Тверь
E-mail: bumazhnikova.olga@yandex.ru*

Обременение как один из способов регулирования имущественных (экономических) отношений

Аннотация: споры о правовой природе обременения, в частности обременения объектов как движимого, так и недвижимого имущества в науке частного права продолжают до сих пор. В работе рассматривается проблема соблюдения интересов при возникновении обременения на имущество, охрана прав и законных интересов как собственника, так и третьих лиц на обремененное имущество.

Ключевые слова: обременение, обременение имущества, роль обременения, правовое регулирование общественных отношений, частное право.

В современных социально-экономических условиях обременения считаются одними из необходимых обеспечительных прав использования движимого и недвижимого имущества при возникновении долгосрочных имущественных отношений [8]. Значимость этого института в начале прошлого века была отмечена И. А. Покровским «крупной теоретической новизной по сравнению с римским правом». В отношении обременений он писал: «... этот институт оказался жизнеспособным; он пережил создавшие его отношения и, отбросив свои архаические виды (например, повинности в виде натуральных продуктов), оказался способным удовлетворять некоторым новым экономическим потребностям» [10, 211–212].

Например, в современном российском правопорядке становится востребованным использование недвижимости не только как средства для удовлетворения потребностей в жилье, сельскохозяйственном использовании, производстве, но и в качестве финансового инструмента, объекта для извлечения прибыли, средства обеспечения обязательств, гарантии благосостояния.

В связи с чем, в научной литературе обременения называют по-разному: как обеспечительные права либо как права реализации (распоряжения), а также как права, имеющие смежный характер, соединяющие права пользования имуществом и права реализации [8]. Содержание обременения рассматривается:

а) как возможность получения выгод за счет имущества от уплаты платежей, оказания услуг и тому подобное от каждого очередного собственника обремененного имущества;

б) при неосуществлении предусмотренных обременением повинностей управомоченное лицо вправе реализовать правомочие в виде предъявления требования о принудительном взыскании долга за счет продажи обремененного имущества, как движимого, так и недвижимого.

Однако в литературе отмечаются не только положительные стороны обременения, но и отрицательные, например профессор И. А. Покровский также писал: «... если подобные вещные обременения в известных пределах неизбежны и полезны, то, с другой стороны, нельзя отрицать и того, что они могут явиться за этими пределами серьезным тормозом для дальнейшего

хозяйственного развития... Нужно иметь в виду при этом уменьшение не столько денежной, сколько моральной ценности собственности. То моральное значение, которое собственность на землю имеет и должна иметь для собственника, его чувство прочности, свободы, независимости своего положения, его привязанность к земле, все это может быть в высшей степени умалено правом другого лица на такое или иное вмешательство. Возможность этого последнего будет служить постоянным подрывом энергии собственника, тормозом для хозяйственного процесса. При установлении подобных обременений собственность теряет всегда нечто такое, что никому из обоих участников договора не идет на пользу...» [10, 209–210].

В связи с чем, в экономико-математическом словаре закреплено следующее определение: «Обременение — это ограничение или иные особенности в правах использования недвижимого имущества, которые могут повысить или понизить стоимость имущества, но не предотвращают его передачу (при продаже) новым собственникам» [14]. В терминологическом словаре «Страхование и управление риском» — другое определение: «Обременение — любой внешний интерес или право на имущество, имеющие интерес лица, являющегося владельцем имущества» [11].

Соображения подобного рода оказали беспорное влияние на новейшее законодательство и создали некоторое осторожное, даже опасливое, отношение к обременениям. Для того, чтобы по исключению допустить тот или другой тип подобных обременений, необходимы особые, специальные основания. В результате каждое законодательство определяет эти допускаемые им типы, и частная автономия может проявлять себя только в выборе их [10, 210].

Конечно обременение — это вторжение в чужую жизнь, деятельность, но при этом необходимо отметить, что без него не смогло бы в достаточной степени функционировать общество [3, 45–50].

Цель обременения заключается в необходимом обеспечении разумного сочетания интересов экономически обособленных участников общественных отношений, разрешении возникающих между ними конфликтов. Обременение призвано обеспечить устойчивое развитие экономических отношений в обществе, развитие предпринимательства, повышение гарантий надежной защиты имущественных прав субъектов права [8].

Обременение основано на диалектическом единстве, переплетении и взаимозависимости интересов личности, общества и государства [3, 45–50].

Поэтому неслучайно, спустя столетие при формировании нового гражданского законодательства некоторых европейских стран (Хорватии, Македонии, Словении, Эстонии, Латвии), в связи с провозглашением частной собственности и других вещных прав, например на землю, обременения вновь обретают популярность. В частности, обременения закреплены в гражданском праве Хорватии в виде *stvarnim teretom*, Эстонии — *reaalkoormatised*, Латвии — *realnastas*, Словении — *pravica stvarnega bremena* и Македонии как «реален товар».

В зарубежных правовых порядках обременения применяются при продаже земельного участка или предприятия на основе ренты, содержании имущества в кондоминиуме (общей собственности), регулировании соседских отношений, осуществлении сервитутных прав, отношениях застройки. Распространение получили вещные покупки, жилищные, индустриальные и отопительные вещные обременения. Многие из перечисленных обременений не были известны прошлому столетию, их конструкция разработана в связи с требованиями усложнившегося имущественного оборота. Актуальность этого института в европейских странах отмечается и современными зарубежными юристами, проблемы регулирования обременений раскрываются в научной и учебной литературе последних лет [8].

Жизнь заставляет постепенно изменять отношение к возможной степени свободы в осуществлении права собственности. От провозглашения сверхлиберального принципа «разрешено все, что прямо законом не запрещено» практика и наука стали обосновывать разумность и необходимость вмешательства государства в управление экономикой, — пишет Е. А. Торкановский, — можно считать преодоленным. Практика показала, что отказ от государственного управления ведет к развалу хозяйства. Рынок нельзя рассматривать как чисто экономический (внесоциальный) феномен. Государство, вырабатывающее стратегические приоритеты развития, должно использовать весь спектр ценовых, финансовых и силовых рычагов для их осуществления [13, 25; 1, 68; 15, 18; 2, 302–303].

В условиях существующего по объективным причинам диалектического противоречия некоторых общественных интересов личным, особую значимость приобретает регулятивная функция государства, которая не только направляет реализацию интересов как индивидов, так и общества в целом в нужное русло, так и не дает отдельным противоре-

чиям перерасти в социальный конфликт, защищает наиболее уязвимые интересы и в то же время стоит на страже баланса интересов личности, общества и самого государства [12, 125–126; 7].

Современный подход к регулированию отношений собственности характеризуется признанием невозможности законодательного закрепления исчерпывающего перечня правомочий собственника. При столкновении права собственности с правами и законными интересами иных лиц «на помощь обществу должен прийти закон, устанавливающий ограничения произвола со стороны собственника в интересах всего общества в целом» [6, 11; 5, 418–419]. В этом состоит одна из основных задач правового регулирования отношений собственности. «Бесмысленно, — утверждает О.А. Омельченко, — кон-

струировать собственность, не имея в виду, прежде всего ограждение прав одного лица, признаваемого собственником, перед другими лицами — несобственниками» [9, 161; 5, 419].

Обременение — это право, возникающее на основании закона, иного нормативного правового акта, судебного акта или договора на объект третьих лиц в сфере владения, пользования и распоряжения индивидуально-определённым движимым или недвижимым имуществом [2, 302; 4, 30]. Институт «обременение» формируется обществом и для общества как исключительная мера при регулировании рыночных отношений, когда происходит столкновение интересов между собственником и третьими лицами, с целью регулирования рыночных отношений и создания баланса интересов в обществе.

Список литературы:

1. Аккуратов И. Ю., Коршунов Н. М., Хорев А. А. К вопросу об ограничениях и обременениях права собственности. // Государство и право. — 2000. — № 10.
2. Бумажникова О. В. Актуальность обременения в частном праве Российской Федерации. // Российский научный журнал. — 2012. — № 6 (31).
3. Бумажникова О. В. Роль обременения в правовом регулировании общественных отношений. // Материалы II Международной научно-практической конференции «Закон и правоприменительная практика». — Н. Новгород, 30 июня 2013 года.
4. Бумажникова О. В. Философско-правовое понятие обременений в частном праве Российской Федерации. // Вестник Тверского государственного университета. — Серия Право. — 2012. — № 29.
5. Гражданское право: часть первая: учебник. / Под ред. В. П. Камышанского и др. — М.: Эксмо, 2011.
6. Гребенников В. В. Институт собственности в условиях рыночной экономики и социального государства. — М.: Манускрипт, ТЕИС, 1996.
7. Дзгоева Б. О. Соотношение частных и публичных интересов в правовом регулировании рекламы: монография. — Прспект, 2009.
8. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок: монография. — М.: «Волтерс Клувер», 2011.
9. Омельченко О. А. Основы римского права. — М., 1994.
10. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. — М.: Статут, 1998.
11. Страхование и управление риском. Терминологический словарь. // В. В. Тулинов, В. С. Горин. — М.: Наука, 2000.
12. Субочев В. В. Право и его роль в обеспечении диалектического единства личных, общественных и государственных интересов. // Право и государство: теория и практика. — 2006. — № 5.
13. Торкановский Е. Передел акционерной собственности. // Хозяйство и право. — 1999. — № 3.
14. Экономико-математический словарь. Словарь современной экономической науки. / Л. И. Лопатников, — М.: Дело. 2003.
15. Яковлев В. Ф. Тенденции к повышению роли арбитражных судов сохраняется. // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 1999. — № 4.

*Frolova Evgeniya Evgenievna,
Doctor of Law, Head of department
of the entrepreneurial and the antimonopoly law
of the Far Eastern Federal University, Russian Federation
E-mail: frolevgevg@mail.ru
Voykova Natalia Andreevna,
PhD in Law Senior Professor of department
of the entrepreneurial and the antimonopoly law
E-mail: voykova.n@mail.ru*

Credits and classification of credit requirements

Absrtract: in article aspects of classification of credit requirements at bank to a different type to borrowers are considered, and also specialized crediting as a special agreement type of the credit is considered.

Keywords: bank loans, calculation of credit risk, credit requirements, borrower, specialized crediting.

*Фролова Евгения Евгеньевна,
Д. ю.н., профессор, заведующий кафедрой
предпринимательского и конкурентного права
Дальневосточного федерального университета
E-mail: frolevgevg@mail.ru
Войкова Наталья Андреевна,
К. ю.н., ст.преподаватель кафедры
предпринимательского и конкурентного права
E-mail: voykova.n@mail.ru*

Кредиты и классификация кредитных требований

Аннотация: в статье рассматриваются аспекты классификации кредитных требований у банка к разного вида заемщикам, а также рассматривается специализированное кредитование как специальный вид договора кредита.

Ключевые слова: банковские кредиты, расчет кредитного риска, кредитные требования, заемщик, специализированное кредитование.

Кредиты, предоставляемые банком, могут обеспечиваться залогом недвижимого и движимого имущества, в том числе государственных и иных ценных бумаг, банковскими гарантиями и иными способами, предусмотренными федеральными законами или договором. При нарушении заемщиком обязательств по договору банк вправе досрочно взыскивать предоставленные кредиты и начисленные по ним проценты, если это предусмотрено договором, а также обращать взыскание на заложенное имущество в порядке, установленном федеральным законом. Кредитная организация обязана предпринять все предусмотренные законодательством Российской Федерации меры для взыскания задолженности. Кредитная организация вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о возбуждении производства по делу о несостоятельности (банкротстве) в отношении должников, не исполняющих свои обязательства по погашению задолженности, в установленном федеральными законами порядке.

Процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, в том числе определение величины процентной ставки по кредиту в зависимости от изменения условий, предусмотренных в кредитном договоре, процентные ставки по вкладам (депозитам) и комиссионное вознаграждение по операциям устанавливаются кредитной организацией по соглашению с клиентами, если иное не предусмотрено федеральным законом. Кредитная организация не имеет права в одностороннем порядке изменять процентные ставки по кредитам и (или) порядок их определения, процентные ставки по вкладам (депозитам), комиссионное вознаграждение и сроки действия этих договоров с клиентами — индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или договором с клиентом.

В рамках внедрения документа Базельского комитета по банковскому надзору «Международная

конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы» (International Convergence of Capital Measurement and Capital Standards. A Revised Framework, Basel Committee on Banking Supervision) Банком России были разработаны «Методические рекомендации по реализации подхода к расчету кредитного риска на основе внутренних рейтингов банков» [1]. Согласно указанным рекомендациям, активы, подверженные кредитному риску, и условные обязательства кредитного характера (далее — кредитные требования) распределяются по классам кредитных требований с различными характеристиками рисков.

Классами кредитных требований являются кредитные требования к корпоративным заемщикам, суверенным заемщикам, финансовым институтам, розничным заемщикам, а также доли участия в капитале третьих лиц. В рамках класса кредитных требований к корпоративным заемщикам дополнительно выделяется пять **подклассов** специализированного кредитования. В рамках класса кредитных требований к розничным заемщикам выделяется три подкласса. В рамках классов кредитных требований к корпоративным заемщикам и кредитных требований к розничным заемщикам в качестве подкласса может рассматриваться приобретенная дебиторская задолженность.

Банки могут использовать и иную классификацию кредитных требований в своей внутренней системе управления и оценки рисков, в целом соответствующую приведенной выше классификации по экономическому содержанию.

Кредитные требования к корпоративным заемщикам. Кредитные требования к корпоративным заемщикам включают кредитные требования к юридическим лицам (за исключением финансовых институтов) и физическим лицам, включая субъекты малого и среднего предпринимательства (согласно определению, данному в Федеральном законе от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»), управление кредитными рисками которых осуществляется банком по каждому заемщику индивидуально [2].

В рамках данного класса кредитных требований выделяются подклассы специализированного кредитования — кредитные требования, возникшие в результате совершения банком операций по целевому (специализированному) предоставлению денежных средств, основными отличительными характеристиками которых являются:

- заемщиком является, как правило, специализированное юридическое лицо (SPV/SPE), созданное

исключительно для финансирования конкретных операций и/или осуществления операций с материальными активами;

- основным источником исполнения обязательств (более 50 % кредитных требований) перед кредитором является доход от активов, приобретенных за счет предоставленных банком заемщику средств;

- условия кредитования предоставляют кредитору существенный уровень контроля над активами и доходом заемщика.

Специализированное кредитование может подразделяться на следующие пять подклассов:

проектное финансирование — вид кредитования, в рамках которого заемщиком является, как правило, специально созданное юридическое лицо, реализующее данный проект, а основным источником расчетов с кредиторами являются поступления от данного проекта и создаваемые в рамках проекта активы. Подобный вид финансирования наиболее характерен для крупных и дорогостоящих инвестиционных проектов, например, строительства объектов энергетики, путей сообщения;

объектное финансирование — вид кредитования, основной целью которого является приобретение заемщиком определенных материальных активов (например, морского или воздушного судна). В данном случае основным источником исполнения обязательств заемщика является доход от использования конкретного актива, который одновременно является обеспечением кредитного требования. В качестве источника исполнения обязательств заемщика перед кредитором могут также выступать лизинговые платежи или арендная плата третьих лиц за пользование активами, принадлежащими заемщику;

товарно-сырьевое финансирование — краткосрочное структурированное кредитование, целью которого является предоставление финансовых ресурсов для приобретения заемщиком сырьевых товаров (например, нефти, сельскохозяйственных культур, металлов), а также для финансирования дебиторской задолженности (приобретения прав требований по такого рода активам). В данном случае заемщик не располагает какими-либо иными материальными активами и не осуществляет каких-либо иных видов деятельности, при этом единственным источником исполнения обязательств заемщика является выручка от реализации (продажи) актива, а структура сделки (операции) позволяет компенсировать низкое кредитное качество заемщика. Уровень кредитного ри-

ска (значения вероятности дефолта, уровня потерь при дефолте) фактически не зависит от финансового состояния заемщика, а отражает «самоликвидирующийся» характер операции и опыт кредитора в структурировании подобных операций;

финансирование приносящей доход недвижимости — вид кредитования под залог недвижимости, при котором степень исполнения обязательств заемщика и уровень возмещения потерь по активу в случае дефолта заемщика зависят исключительно от денежных потоков данного актива. Основным источником денежных потоков в данном случае являются арендная плата или реализация (продажа) актива. В качестве заемщика может выступать специализированное общество (SPV/SPE), строительная компания, арендодатель. Главным отличием кредитных требований, относимых к данному подклассу, от иных кредитных требований, обеспеченных недвижимостью, является сильная положительная зависимость (корреляция) между источниками исполнения обязательств и источниками возмещения по активу в случае дефолта заемщика, поскольку оба эти фактора зависят в основном от денежных потоков от использования недвижимости;

финансирование коммерческой недвижимости с нестабильными ценовыми параметрами. Данный подкласс кредитных требований демонстрирует повышенную волатильность потерь по сравнению с другими подклассами «специализированного кредитования». К данной категории относятся ссуды под залог коммерческой недвижимости размером свыше 100 млн. рублей. К данному подклассу относятся в том числе:

- кредитные требования, обеспеченные коммерческой недвижимостью, характеризующейся повышенной волатильностью показателей дефолта;
- ссуды на приобретение земельных участков, ссуды, выданные на стадии проектирования, до начала или на стадии строительства объектов недвижимости, отнесенной к категории, указанной в предыдущем абзаце;
- ссуды, выданные на стадии проектирования, до начала или на стадии строительства любых объектов недвижимости с нестабильным (на момент выдачи ссуды) источником ее погашения (например, реализация строящегося объекта недвижимости в будущем, будущие денежные потоки от сдачи объекта недвижимости в аренду), в которых доля собственных средств заемщика не является значительной.

Кредитные требования к суверенным заемщикам. Кредитные требования к суверенным заемщикам включают кредитные требования к центральным правительствам, центральным банкам, органам федеральной власти, а также международным финансовым организациям, которые относятся к классу активов с коэффициентом риска 0 % в рамках стандартизированного подхода.

Кредитные требования к финансовым институтам. Кредитные требования к финансовым институтам включают кредитные требования к банкам, а также к субъектам Российской Федерации и муниципальным образованиям Российской Федерации, иным государственным учреждениям и организациям, которые не относятся к классу кредитных требований с коэффициентом риска 0 % в соответствии с **Инструкцией** Банка России от 03.12.2012 № 139-И «Об обязательных нормативах банков» [3].

К данному классу кредитных требований банку рекомендуется относить кредитные требования к инвестиционным и страховым компаниям, подлежащим регулированию, отвечающему рекомендациям Базельского комитета по банковскому надзору («Международная конвергенция измерения капитала и стандартов капитала: новые подходы» (далее — Базель II).

Кредитные требования к розничным заемщикам. Кредитные требования к розничным заемщикам включают кредитные требования к физическим лицам, включая ссуды на покупку жилой недвижимости, в том числе ипотечные ссуды, а также кредитные требования к субъектам малого и среднего предпринимательства, если совокупный объем их задолженности (включая просроченную задолженность) перед банком не превышает 40 млн. руб., которые удовлетворяют одновременно следующим критериям:

- заемщиком является физическое лицо или субъект малого и среднего предпринимательства;
- кредитный продукт имеет розничный характер (например, кредиты на покупку автомобилей, кредиты на оплату обучения и прочие ссуды физическим лицам с аналогичными характеристиками);
- розничные операции объединяются банком в общий пул однородных кредитных требований, имеющих сходные характеристики, и управляются на уровне пула.

Кредитные требования к розничным заемщикам могут подразделяться на три подкласса:

- **возобновляемые розничные кредитные требования** — необеспеченные требования к физическим лицам с установленным лимитом выдач (за-

долженности), в рамках которых средства предоставляются банком на возобновляемой основе (например, кредитные карты, овердрафты, кредитные линии). Максимальный размер кредитного требования к заемщику не должен превосходить 4 млн. рублей. Эти активы характеризуются низкой волатильностью показателя потерь, при этом банку необходимо располагать достаточным объемом статистической информации для подтверждения выполнения этого условия;

- **кредитные требования, обеспеченные залогом жилой недвижимости**, включая ссуды на покупку жилья, в том числе ипотечные, при условии, что заемщик — физическое лицо проживает в объекте недвижимости или сдает ее в аренду;

- **прочие кредитные требования к розничным заемщикам**, в том числе кредитные требования на покупку транспортных средств и кредитные требования к субъектам малого предпринимательства.

Доли участия в капитале третьих лиц. Доли участия в капитале третьих лиц предоставляют банку прямое или опосредованное право на участие в капитале, активах, прибыли коммерческой организации или финансового института, не входящих в консолидированную с банком группу. В данный подкласс не включаются вложения в финансовые инструменты, уменьшающие величину регулятивного капитала банка.

В частности, в этот подкласс могут быть отнесены:

- миноритарные (неконсолидированные) доли участия в уставном капитале третьих лиц;
- целевые ссуды, предоставленные дочерним компаниям банковской группы (холдинга) на покупку долей участия в капитале третьих лиц;
- иные долевыми финансовыми инструментами.

Приобретенные права по кредитным требованиям. Приобретенные права по кредитным требованиям включают кредитные требования, которые по своим качественным параметрам не являются отдельным классом кредитных требований, но объединяются по типу финансирования (например, финансирование под уступку денежного требования (факторинг). В данный подкласс могут быть отнесены приобретенные права требования, которые по своим качественным параметрам соответствуют классам кредитных требований к корпоративным и розничным заемщикам, в следующих целях:

- применение банком упрощенного порядка рас-

чета значений параметров риска по приобретенным правам требования в случае несоблюдения им рекомендованных минимальных требований, установленных для ссуд корпоративным заемщикам. Такой подход обусловлен тем, что банк — приобретатель дебиторской задолженности может не обладать достаточной информацией о заемщике, необходимой для соблюдения рекомендуемых минимальных требований количественной оценки риска (то есть статистической информацией, используемой для оценки параметров риска вероятности дефолта и уровня потерь при дефолте);

- оценка так называемого риска «размывания» требования, то есть вероятность того, что сумма приобретенной (профинансированной) дебиторской задолженности, причитающейся к получению банком, сократится (например, в связи с предоставлением первоначальным кредитором денежных средств или финансовых активов должникам, зачетом, компенсацией затрат, связанной с возвратом товара).

Кредитные требования по сделкам секьюритизации — кредитные требования, возникшие в результате совершения или участия в сделках (операциях) по секьюритизации активов, включая вложения в долговые обязательства, обеспеченные активами.

Подход на основе внутренних рейтингов к расчету кредитного риска является альтернативой стандартизированному подходу к оценке кредитного риска, предполагающему использование фиксированных коэффициентов кредитного риска по различным группам активов, которые определяются регулирующим органом.

Переход к расчету достаточности капитала на основе внутренних рейтингов является обоснованным при выполнении банком следующих условий:

- группировка и последовательный учет всех балансовых активов, подверженных кредитному риску, и условных обязательств кредитного характера в рамках отдельных классов со сходными характеристиками кредитного риска;
- соблюдение рекомендуемых минимальных требований, предъявляемых к внутренним системам и процессам присвоения рейтингов и оценке отдельных компонентов кредитного риска по классам кредитных требований, качеству корпоративного управления и внутреннего контроля за указанными системами и процессами.

Список литературы:

1. Письмо Банка России от 29 декабря 2012 г. № 192-Т «О Методических рекомендациях по реализации подхода к расчету кредитного риска на основе внутренних рейтингов банков».

2. Федеральный закон от 24.07.2007 N 209-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2014).
3. Инструкция Банка России от 03.12.2012 N 139-И (ред. от 16.02.2015) «Об обязательных нормативах банков» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.12.2012 N 26104).

Dodik Setiawan Nur Heriyanto, S. H., M. H.,

Eko Rial Nugroho, S. H., M. H.,

Lecturer, Faculty of Law, Islamic University of Indonesia

E-mail: dodiksetiawan@uii.ac.id

Legal implication of regulating CSR in local regulation (study on local law of Kutai Kartanegara, No. 10, year 2013, About corporate social responsibility)

Abstract: This paper will analyze conflicting contents between Kutai Kartanegara's Local Law No. 10, Year 2013, on Corporate Social Responsibility with the upper legislation on CSR In Indonesia and also will make short recommendations on how to challenge the local law. By using legal normative approach as the research methodology, this study found that none of higher law regulating CSR giving a mandate to enact local law on CSR and some of its substance contradict with the basic values of CSR as business ethics.

Keywords: CSR, Business Ethics, and Local Regulation.

A. Introduction

As the region that has abundant of natural resources, Kutai Kartanegara regency becomes a source of destination for many investors specifically in the field of exploration of coal and natural gas. It could be seen from the number of company existed in this region tends to increase every year. In 2010 the total number of the company amounted to 802 companies, while in 2011 the total number of companies amounted to 1,170 [1].

The enactment of Kutai Kartanegara's Region Local Law No. 10 of 2013 on Corporate Social Responsibility (hereinafter called as Kutai Kartanegara Local Law) was a government policy in order to provide a clear setting of the operation and management in social and environmental responsibility of the companies in the district of Kutai Kartanegara [2]. Local Government of Kutai Kartanegara considered the creation of the rule is expected to accommodate the interests of the public and delivering strict sanctions to companies that do not have intention to organize CSR [3]. None of the higher law obliged the local government to set a specific local law on CSR. After what have been done by Kutai Kartanegara region, the euphoria of drafting local regulations regarding CSR are now just left alone without being offered a clear and present evaluation from the central government. This euphoria is now criticize by the investors as one of the challenging effort in investing money in Indonesia.

Basically, Indonesian Limited Liability Company Law does not delegate any area to form a local regulation on CSR and infact gives technical regulation on how to implement CSR by Government Regulation Number 47 of 2012 on Social and Environmental's Corporate Responsibility (hereinafter called as Government Regulation). Hence, the researchers are interested to investigate whether or not there is a conflict between the rules on CSR at the local level and the higher level. Furthermore, we also will emphasize the legal effort to harmonize the setting CSR in the Kutai Kartanegara Local Law.

B. Local Government Competency in Regulating CSR

According Indroharto, the nature of government competency is "simple express", means that clear in the intention and purpose, tied to a specific time and restricted by written and unwritten law. It can be general (abstract) i. e. in making rules, and also be concrete i. e. in making government decisions [4, 70].

Given by the Constitution of the Republic of Indonesia in 1945 (hereinafter as 1945 Constitution), regions have the competency to establish local law. Local law created and agreed by the Head of Local Government as the executive power and the Local House of Representatives (DPRD) as the legislative power. Under article 18 Paragraph 6 of the Constitution stated that: "The local government is entitled to the right to establish Local Law and other regulations to implement its autonomy and its duty of assistance".

This constitutional guarantee is further elaborated in Article 236 of Law No. 23 of 2014 on Local Government, which states that:

1. To elaborate local autonomy and the duty of assistance, Local Government enacted Local Law.
2. Local Law referred in Paragraph (1) created by House of Representative with the agreement of Head of the Region/Local Government.
3. Local Law referred in Paragraph (1) contains:
 - a) to hold local autonomy and the duty of assistance; and
 - b) to elaborate the higher law.
4. Beside substantive provision referred under Paragraph (3), Local Law could contain local character substances in accordance with the law.

Based on the Constitutional and higher regulation's mandate above, the Local Government of Kutai Kartanegara had the authority to draft local regulation on CSR. However the substance of this local law should in accordance with the guidelines regulated in article 14 of Legal Drafting Law [5] that highlighted the local law could be made under conditions: on behalf of implementation of regional autonomy and the duty of assistance, accommodate local conditions, and/or further elaboration from the higher legislation.

Kutai Kartanegara Local Law on CSR was not made neither on the basis of implementation of regional autonomy and the duty of assistance or elaboration from the higher legislation. Technical direction on how companies share their profit to social and environmental accountability was regulated in details in Government Regulation. Thus, the only reason of Kutai Kartanegara Local Government created this law was merely about to accommodate the local character.

None in Indonesian Nat. Law are giving narrow interpretation of the local character as substantive requirement to create local law. It means that local government has a freedom to create their local law since it is not contrary to the higher law and public policy [6, 132]. This both measurements should be fulfilled during the creation of local law.

Further exploration on this study shows that the substance of the arrangement Kutai Kartanegara Local Law was not a delegation of higher delegation and implementation of local autonomy and the duty of assistance as well but rather to accommodate local character. In fact, this local character could be shown from this regency incomes dependency from investment on natural exploration [7, 307]. This region has ranked number one of the richest city in Indonesia that comprises coal, gas, oil, and other natural wealth [8]. As the popular mining source,

coal production growth in this region was maintaining to average 33.84 % every year [8]. Thus, Kutai Kartanegara regency has the authority to draft Local Law on CSR substantially to emphasise local conditions in the region.

C. Background of the Enactment of Kutai Kartanegara Local Law on CSR

Under its academic report, the enactment of Kutai Kartanegara Local Law had three reasoning backgrounds such as [2]:

1. Philosophical reason

The local government used the article 33 of 1945 Constitution as the philosophical basis in the drafting of local law on CSR. Promoting general welfare is a constitutional mandate that should underlies the entire establishment of legislation in the field of economy. Then the local government argued that the company's commitment in implementing and running the CSR program is a support for the creation of sustainable development. In addition, the presence of CSR in the company's policy is an investment for growth and sustainability of the company. CSR policy is no longer understood as a means of cost (cost center) but rather as a means of profit. Thus, the enactment of the Kutai Kartanegara Local Law was not only creating a balance relations and corporate sustainability, but rather indirectly supporting the government's efforts to realize the goal of promoting the constitutional mandate: general welfare of the nation.

2. Juridical reason

The local government analysed the higher laws regulated CSR and none of them prohibited their strong commitment to oblige CSR for companies in their region. Both Indonesian Limited Liability Company Law and its technical regulation (Government Regulation) were not mandating local government to form a local regulation on CSR. Thus, by using a *contrario* reasoning, local government of Kutai Kartanegara concluded that they have possibility to use Legal Drafting Law to produce local law since it is not violation of the higher law and sets the local character.

3. Sociological reason

Companies that stood up and operated in the region should be offset by the proper CSR programs implementation based on the capability of the company. Between the company, community, and environment are closely related and have mutualistic relations. To achieve the harmonious relationship, local government asked by the society to make necessary guidance in the application of CSR standards in the frame of local regulation. The substance of the CSR was setting

up the public interest and environmental preservation because both of these areas are always harmed when the company operates their business. CSR standards set out in the Kutai Kartanegara Local Law could be held in a variety of activities, not just limited to social and economic programs. There are other areas that can be targeted for corporate social responsibility such as education, cultural preservation society, protecting the environment to remain stable, and etc. [9]. Such programs are practically worthwhile for the society and the environment and also will indirectly imply good corporate image.

D. Congeniality of CSR Settings Between Kutai Kartanegara Local Law and the Higher Law on CSR and the Basic Concept of CSR

After depth analysis in comparing suitability between Kutai Kartanegara Local Law and the related higher law, there are three important highlight points that this law should be compromise with the higher law regulating CSR and the basic concept of CSR, such as:

1. *Contradictio in nomenclature*

Nomenclature came from Latin language: *nomen* (means as name) and *calare* (means as designation) that refers to the requirements, the basic systems, and procedures relating to the naming standardization of word or phrase to a particular object [10]. The title of legislation in some certain matters is part of *nomenclature*. Nomenclature used in the Kutai Kartanegara Local Law was “Tanggung Jawab Sosial Perusahaan” in Indonesian language or “Corporate Social Responsibility” in English translation. If we are using legal drafting techniques in naming of the legislation title and nomenclature, the phrases used should be appropriate with the nomenclature used by the higher law. The suitability of nomenclature between the higher law and its bellowing regulations would be resulted legal certainty in interpretation and implementation.

The nomenclature used in the Kutai Kartanegara Local Law was different with the higher law nomenclature that is “Tanggung Jawab Sosial dan Lingkungan Perusahaan” (Corporate Social and Environmental Responsibility). The higher law guided that the corporate responsibility was not merely in social but affirmed their environmental liability. Though the using of this term was critically debated but the legislator argued that this term was suitable for Indonesian condition that most of the companies only care about the profit and social charity but not for the environmental impact surrounding their business operation even the state has its specific environmental law. The Government Regulation also ascertains that corporations that operated in natural resources

exploration should also focused on the environmental liability [11] during and after its operation.

In addition, the Legal Drafting Law stated that the title of the legislation local law must reflect the substance or its content [12]. The substance of Kutai Kartanegara Local Law is not only regulated about the form of social responsibility but also its liability in the environmental side. i.e. article 10 of this law invoke the corporation to do one of the model of CSR such as partnership and environmental preservation. For this reason, the nomenclature used should be accordance with the higher law: Corporate Social and Environmental Responsibility.

2. *The law governing CSR should not legal obligatory basis*

a) *CSR is essentially a derivation of business ethics on a voluntary basis*

CSR is essentially derived from business ethics. Business ethics arises from the business interaction with humans that complement each other to meet their basic as a result of the complexity of human needs that are growing and infinite [13, 42].

Ethics has been variously defined, inter alia, as: the study of morality [14, 7], inquiry into the nature and grounds of morality where the term morality is taken to mean moral judgments, standards and rules of conduct [15, 5] and/or as set of rules to control human behavior and values that guided into a good life [16, 5].

More philosophically, Suseno clarified that ethic is a science not merely a doctrine. It gives us the norm how we should live in morality basis. This morality is a part of instructions on how we should live. Moreover, this argument also supports Dafts statement that ethic is “the code of moral principles and values that governs the behaviors of a person or group with respect to what is right or wrong” [17, 326].

Business ethics is as the application of ethical values to business behaviour [18]. Ethics needed in business area when businessman as humans started to realize that the increasing business margin led them increasingly marginalized in their values of humanity. Thus it was commonly believed as a myth that business is business. Business is just devoted to profit as much as possible (profit-oriented) [19, 189–202]. In this regard, Richard T. De George calls the myth of amoral business that has rolled an image, that business should not be (do) is confused (or intervened) with morality values [13, 7].

As actors in this world with both positive and negative impacts, corporations are best seen not as inherently immoral or moral but as collections of human beings who act together as agents with moral consequences for good or ill [20, 40–41]. The voluntary nature of CSR is

often interpreted by business to mean that, since CSR activities are not binding, they are always optional and therefore can be determined solely by business [21, 4]. As derivation of business ethics, therefore, CSR is morally binding and forming voluntary behaviour for corporations while they are freely to decide their own CSR activities without threatened by the legal sanctions.

b) Imposing sanction for corporations under Kutai Kartanegara Local Law is in contravention to the basic concept of CSR as derivation of business ethics

Based on article 33 of the Kutai Kartanegara Local Law ruled that for companies that are operated within its region and does not execute CSR will be charged by administrative sanction [22]. This administrative sanction includes: first, written warning done by the government based on the factual basis and the company report [22]. If this warnings do not obeyed by the corporation, the local government by its authority will enforcing them from: restriction on business activity, suspension of business activity, revocation of business activities, and/or limiting the investment facility [22].

Imposing such administrative sanctions for corporation that is not executing CSR activities is clearly incompatible with the spirit of business ethics as moral obligation. Netither Indonesian Company Law or Government Regulation (the higher law) obliged them to do CSR but none sanctions clearly regulated on that legislations.

In addition, Kutai Kartanegara Local Law also strictly ruled such forms of CSR programmes. It means that the government does not give flexible space for the company to decide the type and the size of the CSR activities [22, ar. 16-22]. As separate legal entity, government does not have the right to influence the company policy. Government Regulation gives CSR framework for companies on how to do and how much should spend for CSR even this measurement is based on the voluntarily basis.

Corporations still have legal obligation to follow legislations that relates toward their business activities. The legal dimension of corporate social responsibility thus refers to obeying local, national and international law regulating competition (procompetitive legislation) and protecting: worker's human rights (equity and safety legislation); the consumer (consumer protection legislation); and the natural environment (environmental protection laws) [23]. Such Indonesian national regulations that should be respected and followed for corporations, inter alia:

1. The area of organisational governance that stipulated in Law No. 28 of 1999 on State Implemen-

tation of Clean and Free of Corruption, Collusion and Nepotism.

2. The area of environmental protection that regulated in Law Number 23 of 1997 on Environmental Management.
3. The area of labour practices that regulated in Law Number 13, Year 2003 concerning Labor.
4. The area of the consumer protection that stipulated in Law No. 8 of 1999 on Consumer Protection.
5. The area of fair business practices that regulated in Law Number 5 of 1999 on the Prohibition of Monopolistic Practices and Unfair Business Competition.
6. The area of human rights protection that regulated in Law Number 39, Year 1999 on Human Rights.
7. The area of social and economic development that regulated in Law Number 25, Year 2004 on National Development Planning System, Act No. 16 of 2006 on the Extension System of Agriculture, Fisheries and Forestry, and so forth.

Thus, though CSR concept is based on the voluntarily basis but in other side corporations bound to legal obligations stipulated under legislations related to their business conduct. It means that Kutai Kartanegara Local Law should be more generally regulated about the guidance of Corporate Social and Environmental Responsibility without regulated sanctions. Harmonizing the business activities with the effort to improve the local character of the region will be resulted economic to create eco-cultural powerful region.

c) Reward Systems

Sentencing administrative sanction is not appropriate with the basic concept of CSR. Thus, this study recommends the local government adopting the reward systems for corporations that succeed in executing CSR programmes in the region. This reward system now becomes a general practice in the business area and most of them given by non-profit institutions.

Reward is a form of award or bonus given for individual achievement [24, 4] or legal entities. Reward could be a stimulation to produce satisfaction [25] and to provide continuously action. Punishment or criminal sanction is a form of negative reward. But in positive side, reward could be in various forms such as: compliment as the simplest one.

Giving reward to companies conducting CSR is more effective than giving the sanction. The positive reward will arise the spirit of enterprise to implement CSR. Certain

award measurement held in Europe has increased the accommodative companies in implementing CSR [26]. Local government of Kutai Kartanegara may provide positive reward to companies in their region that has increasing social and environmental quality by their CSR programmes. These awards could be used by the company for the better corporate image in the public eyes [27, 143]. Moreover, this good reputation will influence the company prospectus during the selling of the shares in the stock market.

E. Further Legal Efforts

Draw back to the previous analysis, Kutai Kartanegara Local Law has inappropriate substances such as: the contradictio of nomenclature, imposing administrative sanctions, and the absence of reward system as effective CSR implementation. Based on these reasons, Local Government of Kutai Kartanegara should make changes to the Kutai Kartanegara Local Law to conform the basic theory of CSR and higher regulations on CSR. For this changing effort, Legal Drafting Law gives the possibility for local government to amend their law by an agreement with local house of representative (as legislative power) [28].

Either the Local Government of Kutai Kartanegara or the local house of representative, until now, there is no effort to change Kutai Kartanegara Local Law. However, the higher legislation gives the central government authority to review this local law by two different authorities: Ministry of the Domestic Affair and the Supreme Court. Reviews conducted by the Ministry of the Domestic Affair is called as the executive review [29] while the review conducted by the Supreme Court referred as judicial review [30]. Two of these mechanisms may lead to cancellation of the local law's enactment. The Ministry of Domestic Affair gained its authority in conducting a review local law and oversight its conformity to the local autonomy [31, 9]. The Supreme Court as the judicial power strengthens by the Constitution also has the authority to review the local law [32, 3].

Both Ministry of Domestic Affair and the Supreme Court have their own capacity in revoking the local law. According to Law No. 23, Year 2014 on Local Government stipulated that the supervision of the Provincial Local Government starts when the local government (regional level) submitted the local law no later than three (3) days after enactment. If those local law in contradiction with the public policy and/or higher legislations, it can be cancelled by the Governor as the representative of Central Government in regional level. The decision of the Governor to revoke those local law enacted under Governor Decision. At least seven (7) days after the decision issued, the Head of the Region canceled its imple-

mentation and make further cooperation with the Local House of Representative to revoke the local law. Since there is no specific period of time in revoking such local law thus the Governor may revoke the local law anytime even one year after its enactment. However, this effort is merely based on political intention meaning that since there is no effort from the Governor to revoke the local law so the local law could still be implemented.

The other way that could be taken is to file judicial review before the Supreme Court. The authority of the Supreme Court to review the local law is regulated under Law No. 4, Year 2004 stated that "Supreme Court has the authority to decide that the legislation below the act or law (*undang-undang*) [33] is illegally to be implemented based on the reason of contradiction with the higher law" [34]. This law was created under delegation from the 1945 Constitution to create specific authority of Supreme Court especially in reviewing local law. Thus, the business entity could confront the local law by using the judicial review before the Supreme Court. Once the Supreme Court invalidated the local law, the Local Government should canceled its implementation and make further cooperation with the Local House of Representative to revoke or change the local law.

F. Conclusion

Constitutionally, Local Government of Kutai Kartanegara has the authority to enact local law. However, neither Indonesian Limited Liability Company Law nor Government Regulation do not provide a mandate to the region, more specifically, to formulate local law on CSR. The Local Law of Kutai Kartanegara was enacted on behalf of accommodating the local character of the region. This local content is critically debated since not the whole of the substance reflected the local character of the region.

After in-depth analysis and study, there are three important adjustments of the Kutai Kartanegara Local Law comprising with the higher law, *inter alia*: conformity of the nomenclature used with the nomenclature used by the higher law, the emphasis of CSR as part of its adherence to business ethics, and the use of reward systems as a form of the company's most effective compliance in implementing CSR. At least these three points could be used by the other local governments in the drafting of their local law on CSR.

To conform with the basic concept of CSR and its conformity with the higher law, Local Government of Kutai Kartanegara should take the initiative effort to make changes to the local law. Moreover, if there is no such conformity, business entities may ask the cancellation through the Supreme Court since because of there was no evaluation decision from the Ministry of Domestic Affair.

References:

1. Department of Cooperation and Small Business Development Regency. 2011 Company Registration Number Issued by Legal Entity Regency. – Kutai Kartanegara Regency, 2011.
2. Academic Manuscript and the Draft of Local Law Concerning Corporate Social Responsibility. – DPRD Kabupaten Kutai Kartanegara, 2012.
3. Kesimpulan “FGD-CSR” optimalisasi CSR Perusahaan Terhadap Pemberdayaan Masyarakat Sebagai Bahan Penyusunan Draft Perda (CSR) di Kukar.//[Electronic resource]. – Available from: <http://balitbangda.kutai-kartanegarakab.go.id/?p=521> (accessed: 29 September 2013).
4. Indroharto. Usaha Memahami Undang Undang Tentang Tata Usaha Negara. – Jakarta: Sinar Harapan, 1989
5. Law No. 12, Year 2011 on Legal Drafting Law (hereinafter stated as “Legal Drafting Law”), art. 14.
6. Public policy defined as the peace condition of the society, public prosperity, and public non-discriminatory. See Abdullah Rozali. Pelaksanaan Otonomi Luas Dengan Pemilihan Kepala Daerah Secara Langsung. – Jakarta: Raja Grafindo Persada, 2007
7. There was increasing number of mining exploration permits issued by the Local Government in every year and supports local governments revenues. Fenty U. Puluhulawa. “Pengawasan Sebagai Instrumen Penegakan Hukum Pada Pengelolaan Usaha Pertambangan Mineral dan Batubara”.// Journal Dinamika Hukum. – Vo. 11. – 2011.
8. In 2008, coal production in Kutai Kartanegara region was 13,487,541-ton metrics. In 2009, the production increase to 20,883,783-ton metrics of coal and in 2010 was achieved to 29,014,588-ton metrics. See Surga Energi Kutai Kartanegara.// [Electronic resource]. – Available from: <http://wartaekonomi.co.id/berita5964/surga-energi-kutai-kartanegara.html> (accessed: 13 November 2014).
9. Kutai Kartanegara Local Law, arts.16–22. This law specifies that the area of CSR should be hold in the area of education, health, public assistance, arts and sport, socio-religious programmes, environmental preservation, and other real programmes that raise the live quality of the society.
10. Tata nama. // [Electronic resource]. – Available from: http://id.wikipedia.org/wiki/Tata_nama (accessed: 1 September 2014).
11. Government Regulation No. 47, Year 2012 on Corporate Social and Enviromental Responsibility (hereinafter stated as ‘Government Regulation’), art.3.
12. The Legal Drafting Law, annex II.
13. Redi Panuju. Etika Bisnis. – Jakarta: P.T. Grasindo, 1995.
14. Velasquez M. G. Business Ethics. Upper Saddle River, N.J.: Prentice-Hall. – 1998.
15. Ferrell O. C. & Fraedrich J. Business Ethics. – Boston: Houghton Mifflin, 1997.
16. Simorangkir O. P. Etika Bisnis. Second Edition. – Jakarta: Yagrat, 1986.
17. Daft R. Organization Theory and Design. – Cincinnati, Ohio: South Western, 2001.
18. Daniel Cohen, et. al. Business Ethics. – 2008.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.cimaglobal.com/Documents/ImportedDocuments/cid_tg_business_ethics_apr08.pdf.pdf (accessed: November 16th, 2014).
19. Gianfranco Zanda, ed. Corporate Management in a Knowledge Based in Economy. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2012.
20. Michael Kerr, Richard Janda & Chip Pitts. Corporate Social Responsibility: A Legal Analysis. Chip Pitts ed. – 2009.
21. Dwight W. Justice. “Corporate social responsibility: Challenges and opportunities for trade unionists”. Labour Education 2003./I No 130. – 2003.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---actrav/documents/publication/wcms_111459.pdf (accessed 11 November 2014).
22. Kutai Kartanegara Local Law, art.33.
23. Zoe S. Dimitriades. “Business Ethics and Corporate Social Responsibility in the e-Economy: A Commentary”.// Electronic Journal of Business. – 2007. – Vol. 12. – No. 2.//[Electronic resource]. – Available from: http://ejbo.jyu.fi/articles/0701_1.html (accessed on 11 November 2014).
24. Raja Ali Haselman. “Analisis Reward dan Punishment Pada Kantor Perum Damri Makasar (Studi Kasus Kantor Perum Damri Makasar)”.// Jurnal ekonomi. – 2011.
25. Chapilin J. P. Kamus Lengkap Psikologi. – Jakarta: P.T Raja Grafindo Persada, 2004
26. European CSR Award Scheme.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.europeancsrawards.eu/wp-content/uploads/2012/11/WP5_Award_Guide-upload-20.8.2013.pdf (accessed: 11 November 2014).
27. Binoto Nadapdap. Hukum Perseroan Terbatas. – Jakarta: Permata Aksara, 2012.

28. Legal Drafting Law, art. 56 and 63.
29. Law No. 23, Year 2014 on Local Government, art. 251 paragraph (1).
30. 1945 Constitution, art. 24 A.
31. Nur M. Sholikin, et.al. Laporan Kajian Implementasi Pengawasan Perda oleh Pemerintah dan Mahkamah Agung. Pusat Kajian Hukum Dan Kebijakan Indonesia. – 2011.
32. Sulistyo Yuri, Antikowati & Rosita Indrayati. “Pengawasan Pemerintah Terhadap Produk Hukum Daerah (Peraturan Daerah) Melalui Mekanisme Pembatalan Peraturan Daerah Berdasarkan Undang-Undang Nomor 32 Tahun 2004 Tentang Pemerintahan Daerah”// e-Journal lentera hukum. – Vol. I (1). – 2014.
33. In Indonesia, there is a hierarchy of its national law from the higher to the last: 1945 Constitution, People Consultative’s Assembly Regulation, Law/Act, Government Regulation, President Regulation, Province’s Local Law, and Region’s Local Law. Legal Drafting Law, art. 7.
34. Law No. 4, Year 2004 on Judicial Power, art. 11, paragraph 2 (b).

*Esengeldiyeva Actoty,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Karataeva Aygul Muratbaevna,
Candidate of Law, professor of the Chair of State and Law Theory
and history, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law,
Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: karataeva_80@mail.ru*

The concept of legal awareness, value, interpretation and content

Abstract: Legal awareness affects the behavior of people with the rule of law, along with them, and sometimes in spite of them. For example, we can talk about the regulatory impact on social relations legal awareness, if there is a gap of law or the law itself allows manual mailing standards legal awareness in resolving certain issues. Productive role legal awareness is particularly great in the process of legislative activity. In the course of enforcement this activity is optional (along with the law and with it) factor assessment of the facts and decisions of a legal case.

Keywords: legal state, civil society, legal consciousness, democracy, right and liberty.

Legal awareness is the empowerment of individuals regarding issues involving the law. Legal awareness helps to promote consciousness of legal culture, participation in the formation of laws and the rule of law.

Public legal education comprises a range of activities intended to build public awareness and skills related to law and the justice system. This term also refers to the fields of practice and study concerned with those activities, and to a social and professional movement that advocates greater societal commitment to educating people about the law. Distinct from the education of students in law school seeking a degree in law (which is often simply called “legal education”) and the continuing professional education of lawyers and judges (which is sometimes called “continuing legal education”), public legal education is principally aimed at people who are not lawyers, judges, or degree-seeking law students.

The term “public legal education” (PLE) is related to, and may encompass, several similar terms. The terms “public legal information” and “public legal education

and information” (PLEI) emphasize a difference between educating and providing information. The term “community legal education” is common in Australia and the United States, where it often refers to community-based public legal education activities led by legal aid organizations. The term “law-related education” (LRE) usually refers to public legal education in primary and secondary schools (and sometimes in higher education), as opposed to PLE for adults and outside of school.

Legal awareness — is a form of social consciousness, which is a system of legal opinions, theories, ideas, concepts, beliefs, estimates, moods, feelings, which expresses the ratio of individuals, social groups, the whole society to the existing and the desired rights to legal phenomena, to the behavior of people in the field of law. That is a people’s subjective perception of legal phenomena. Legal awareness has one of the priority components of known theoretical constructs (theoretical body) more complex forms of legal consciousness.

The role of the legal awareness

As a special form of social consciousness is the consciousness legal awareness law, the totality of views ideas, concepts, beliefs, attitudes, emotions, feelings, human, association of persons or of the whole society on the right and his role.

It owns a significant role in various areas of legal life. It is an ideal internal determinant of any legal activity:

- in legislative activities in creating legal regulations;
- in law enforcement practice bodies and state officials in the resolution of specific situations;
- even when ignorance of specific legal requirements, facilitating the selection of variants law-abiding behavior by all subjects of legal relations;
- with direct regulation of some relations in the case of omissionship right when in the absence of the necessary standards enforcers use their own sense of justice. This is especially common in the era of revolutions, when the old legislation is destroyed, and the new is not created.

E.A. Ilyin wrote famous book named “The value of Legal awareness” and said the more developed, mature and deeper natural justice, the more perfect will in this case, and “positive law” and guided by them outside people’s lives; and back: vagueness, confusion, weakness, and not the objectivity of the natural legal awareness will create “not objective”, ie. e. the bad, wrong, unfair, does not correspond to the prototype “positive law.” Then the “right” a unified and true to his idea, bifurcates and becomes a kind of internal heteroglossia with itself: a natural legal awareness claims is not something that says knowledge of positive law, and as a result, the soul acquires two different legal awareness, because in addition to the natural there is a legal awareness is positive, it does not coincide with the content. This bifurcation of law, such heteroglossia of justice — evidence, of course, about the spiritual failure, comprehending human: he can not — for lack of will or lack of skills — to understand the content of the natural right and put it in the the unshakable foundation any judgment about the “positive” law; but as always depends on the ability of the heart that loves, and of the will, which forges and brings the ability, all of this great spiritual failure in the law-making rests on universal and historically steady hardening of hearts and the lack of will to legal law.

The social consciousness — a reflection of social existence; totality collective representations inherent in a particular era. It reflects the spirit and the condition itself a particular society. Social consciousness is often contrasted with the individual consciousness as some-

thing in common, that is contained in the consciousness of each person as a member of society. Social consciousness is an integral part of the superstructure and expresses his spiritual side. In Soviet philosophy was especially stressed the idea that the public consciousness “active” reflects social being, ie, converts it. Social consciousness, adding up of consciousness are a society of people, it is not a simple sum, and has some system properties that are not reducible to the properties of the individual consciousness. Identify different forms of social consciousness.

The structure of legal awareness

- Legal ideology (society’s attitude to the law in general — the legal environment of the person): legal doctrines and concepts, principles, level of legal science in general.

- Legal psychology (emotional evaluation societies and individuals of legal phenomena): feelings, moods, feelings.

- Individual knowledge about law (the level of knowledge of each individual): the level of legal scholars, nonspecialist, and so on.

- Personal values of the individual (personal experience and belief system, based on which a person evaluates the legal phenomena).

- Subjective will of an individual — the ability of a person on the basis of knowledge and feelings to make a decision that determines the lawfulness or unlawfulness of its behavior.

Types of legal awareness

- Individual legal awareness — a private attitude of man to the right (to reflect the views and beliefs of specific single individual). The level legal consciousness in this case is defined abilities and capabilities of the individual.

- Group — relating to the right of various small social groups and collectives.

- Corporate — legal awareness of representatives of various professions, social groups and layers, the party legal awareness.

- Mass — legal awareness extensive masses of people.

- The social — relation to the right of the whole society (the sum of saved up knowledge and ideas about right for the entire history of mankind).

The structure of legal awareness

1. The first element — information. It is the presence in consciousness of a particular amount of information about the law.

2. The second element — evaluation. After being informed of the normative actman somehow related to it, such as it evaluates, compares with their own values.

3. The third — a strong-willed. Learning about the law and assessing it, the person decides what he will do in the conditions provided for by law. Use the law or not.

Functions of legal awareness

- Cognitive function — a certain amount of legal knowledge resulting from intellectual activity.
- The evaluation function is a certain emotional attitude of the person to different aspects and phenomena of life on the basis of legal experience and legal practice.
- The regulatory function legal awareness performed by means of legal systems and legal value-orientations, synthesizes all other sources of legal activity.
- Predictive function (modeling) is the formation of certain models (rules) behavior that are measured legal awareness as it should, social and necessary. It is in anticipation of what standards should be used and how to do so enshrined in their rights and responsibilities effectively regulate social relations. The rule of law are essentially the product of justice. Acting the ideological source of law, legal awareness and performs predictive function.

Legal awareness affects the behavior of people with the rule of law, along with them, and sometimes in spite of them. For example, we can talk about the regulatory impact on social relations legal awareness, if there is a gap of law or the law itself allows manual mailing standards legal awareness in resolving certain issues.

Productive role legal awareness is particularly great in the process of legislative activity. In the course of enforcement this activity is optional (along with the law and with it) factor assessment of the facts and decisions of a legal case.

With the right legal conscience citizens trust the less as a great danger of his deviations from the norm due to personal interest. Moreover, the real danger becomes negative role legal awareness because of its underdevelopment, omissionship, retardation, focus on antisocial values.

The role of the legal awareness is manifested in its functions: cognitive, predictive, regulatory, educational.

References:

1. Bainiyazov R. S. Legal awareness and legal mentality in Rossi. – Saratov, 2001. – P. 170–173.
2. Voplenko N. N. Legal awareness and Law culture. – Volgograd, 2000. – P. 150–152.
3. Matwzov N. I., Malko A. V. Theory of State and Law./It was translated into kazakh from Russian. Altynbasov B. Ö. – Almaty: “Aysanam-Press” Publishing House, 2013. – P. 180–182.
4. Zholaman Q. D. Theory of State and Law/Textbook “Nur-Press” – Almaty, 2005. – P. 165–169.
5. Ozbekovich S., Qopabaev Ö. Theory of State and Law./Textbook – Almaty: Seven charter, 2006. – P. 142–149.
6. Theory of State and Law./Ed. M. N. Marchenko. – M., 1998.
7. Sapargaliev G. S., Ibrayeva A. S. Theory of state and the law. – Almaty: Jeti Jargi, 1998. – P. 179–180.
8. “Law” – the national preventive the legal research journal. – 8, – 2003. – P. 77–79.
9. “The law and the modern” scientific legal history. – 10 (154), – October 2013. – P. 37–40.

*Zharbolova Aygerim Zhaksylykovna,
candidate of law, associate professor
of the department of theory and history of state
and law, constitutional and administrative law,
al-Farabi Kazakh National university
Kussainov Duman Ozamanovich,
candidate of law, associate professor
of the department of theory and history of state
and law, constitutional and administrative law
E-mail: zharbolova.aygerym@mail.ru*

The role of an objective basis and subjective factors in the exercise of legislative activity

Abstract: In article questions of objective bases and subjective factors of legislative activity under the influence of which they are the states are considered, influence to formation of structure of the law is also considered. In addi-

tion, legislation affecting the interaction of the basis of objective and subjective factors were analyzed, based on the necessity for effective lawmaking, and linked in historical terms.

Keywords: Parliament, the legislative activity, the legislature, the basis of objective, subjective factors, economic, political authorities, government agencies, public and private, culture, mentality, customs and traditions.

Legislative activity is born from social, political, economic processes which happen in life, and are in close connection among them. These process its impact on the formation of the norms of the law. Because, with the legislative acts, the legislative body of the society and political conditions, economic, social, cultural, based on the level of spiritual development.

Legislative activities of the Parliament and the people of the Republic, the legislative powers of the President in the case of legislative acts aimed at the creation of intelligent, purposeful, creative activity. This activity is the result of necessities and the needs of the people, resulting from the interests and goals. And, in turn, of the public relations needs of the people, natural, and social conditions.

Society and human life for thousands of years for centuries formed an objective based on current laws. They are independent of our choice and they impose certain restrictions on the behavior of mankind. Inclusive legislation directly affects him without words. Legislative activities including law-making arises from the effects of certain strength. This is the efforts in the philosophy called “factor”. Accordingly, the factor of — in this case, the event has been a driving force. If we talk about law- it affects the creation of legislative activity, to build the text of the law.

The science of state and law is the driving force of the law and impacts on compiling databases of law and two types of factors which it is based, said: objective and subjective. Objective basis and subjective factors trigger law enforcement process and influence the laws’ content. Although law making activities of the Republic of Kazakhstan Parliament’s results from conscious activities of deputies, it is subject to numerous factors. These factors may depend on consciousness and will be law-maker, but also might exist independently. Objective factors that impact the law making activities are conditions, independent from human consciousness and will, but they are decisive and grounding conditions (climatic and geographical conditions, social, economic basics, etc.), underlying that type of activities.

Subjective factors of law making process are conscious activities of law making activities’ participants. Considering them as a whole, we see that objective factors are the level of the law making activities and influ-

ence the law project formation, while timely cognition of objective factors and well-timed adoption of law results from subjective factors, or conscious human activities. Category of “objective factor” gives an opportunity to understand that historical events are defined by objective regularities irrespective human consciousness and establish, to what objective side of history depends on humans, their consciences and actions.

Objective factors, in comparison with subjective factors will be initial and defining. Thus, lawmaker actions concerning the law making process are objectively grounded. Lawmaker dose not select external objective conditions underlying lawmaking process by his own choice. He is always bound to certain objective causes and is dependent on objective necessity.

Subjective factors of lawmaking change, develop, also permanent links with objective foundations. Therefore, economic, social-historical and other objective foundations influence consciousness of deputies, government members in realization of their rights of lawmaking initiative.

Conscious deputies’ activities as well as other subject participating in lawmaking process depends on public life, economic development of society and other objective conditions. Therefore, subjective factors of law-making are connected with the objective foundations. The connection of objective and subjective factors with objective foundations is analyzed by professor Kenzhalyiev, who emphasized specifics of political power in the Kazakh society: “In this society political power acts with other regulating public forces. Regulatory powers of nomadic society — customary law, public consciousness nomadic lifestyle and natural conditions were closely interconnected. State power and state organs of traditional Kazakh society took into consideration their basic regulatory public forces. They counted the limits and conditions of the systemic interrelations of the above-mentioned factors” [1, 45].

Thus, old practice shows that political power evolved in close connection with objective foundations, in that case with natural-geographic and natural-public conditions. Therefore, we can conclude that development of subjective factors is determined by objective conditions. But that opinion pointing to the role of objective basics does not envision that subjective factors are

not the basic one, but are derivatives and supplementary forces, as subjective factors in their turn develop or alter corresponding objective foundations. Thus, they generate considerable changes in social life by adopting law.

Impact of subjective factors on the objective ones in transitional period when the society enters a new stage of development might be dominating, as objective factors may counterbalance each other. For example, Kazakhstan during the transitional period from the socialist society to a new type of society built its economic system on a new foundation, i. e. destroyed the socialist economics and built a new one. Respectively, due to liquidation of socialist property that was the foundation of socialist economic relations it ceased being an objective factor. With the elimination of socialist property were abolished and other objective economic factors of the old society. New types of property emerged. Objective economic factors of the old society could not impact the state activities, especially the lawmaking in the new society, because objective factors during the radical historical social transformation are deprived from the objective influence.

Naturally, they do not disappear on their own, as they are influenced by subjective factors. In that case, we can trace dominating role of subjective factors. During the radical transformation, subjective factors come to the fore. As in that period new economic basics are being formed under the influence of subjective factors. And after the approval of the contrary, they begin to affect the subjective factors. For example, the state recognized private property, and fixed in the constitution and other legal acts. Thus, subjective factor generated an objective foundation. Further law of reverse force starts working. If analyze that example, then private property forces of the state to take certain measures — the state adopts laws on private property protection, creates conditions for its development. Therefore, we can conclude these two categories (objective foundations and subjective factors) are interconnected, integral and are two sides of the historical development.

Corresponding to the social development, correla-

tion between objective foundations and subjective factors in lawmaking must match each other. Conscious activities of lawmaker must always originate from such actions as cognition, comprehensive study, and analysis of objective factors. In other words, law maker in his law-making process must rest on real objective basics — real economic, cultural, social levels of society, but not on his belief, ungrounded prognosis and take as basics the cultural specifics, national mentality, Kazakh customs and then take laws.

Deputies are humans that express people's will and legalize people's will by adopting laws. Will of the people is always connected with own, but not alien natural-public achievements (customs, traditions, culture, forms of labor and lifestyle, etc.). Therefore, lawmakers in taking laws must not give up different influences to reach within short time big achievement, they must operate resting on social conditions, not to inflict harm on values, that were accumulated for a long historical time. Lawmaker within the process of law making must not separate himself from the people what is has aggregated within a long period of time, and must view them in holistic way, as an integral part. To this end, the legislator must know the customs, traditions of his people, the national mentality. Ignorance of the above mentioned by a lawmaker might have negative outcome. In connection with that we must agree with the opinion of Kazakhstan scholar S. Ozbekuly: "We know from history what negative consequences for the people followed from the adoption of legal norms that did not correspond to national consciousness and psychology of our people during the communist totalitarian system of Bolsheviks" [2, 143].

Thus, the legislature in connection with the conduct of the work of the law is based on the activities. The legislature — cannot be completely unreasonable in its sole discretion, to take any action. It always depends on the specific need and he has a real historical content. The history demands on the parliament to take laws considering specifics of people's psychology, traditional foundations, natural-climatic, social, economic conditions of the state.

References:

1. Kenzhaliev Z. Zh. Some aspects of the Constitution of the Republic of Kazakhstan and legal political issues. // Bulletin of the al-Farabi Kazakh national University, – № 2, – 2002. – 137 p.
2. Ozbekuly S. Idea of the Kazakhstani legal-political historical issues and its principles. // Lawmaking process in the Republic of Kazakhstan. – Almaty, 1997. – 365 p.

*Ibraeva Alua Salamatovna,
Doctor of Law, professor of the Chair of State and Law Theory
and history, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: ibraeva_tgp@mail.ru*

*Alimbekova Madina,
PhD student, International Kazakh-Turkish
University A. Yasawi, Turkistan*

The legal culture of judges in the Republic of Kazakhstan

Abstract: The purpose of this article is the study of the theoretical and practical issues of improving the legal culture of the judges in the Republic of Kazakhstan. Particular attention is paid to the legal mentality and formation of professional judges of justice. We study the impact of globalization on the legal culture of modern Kazakh society. Methods of teaching are historical, comparative legal, structural and functional, logical, legalistic.

Keywords: legal culture, legal consciousness, mentality, legal nihilism.

Legal culture — a system of legal material and spiritual achievements and values accumulated in the organization and development of the legal aspects of society, reflecting the level of development of civilization and its qualitative state.

The term “legal anticulture”. In our view, the concept of “legal anticulture” does not fit into the framework of a general concept of culture as a system accumulated by mankind’s material and spiritual achievements, and the concept of law as a measure of freedom and justice, cultural phenomena and results of civilizational development. The term “anti-culture” does not contribute to an understanding of culture as the positive effects of social reality.

Legal culture is an indicator of the development of legal life, its qualitative state. The concept of “quality legal life” implies a high level of its development within the framework of the rule of law and the rule of law, law and order, the high level of legal, regulatory and quality required legal, law enforcement, interpretation of acts of law enforcement activities.

Person is the central subject of culture as a society and legal culture. The climax of the legal culture is a legitimate human behavior. It is therefore noteworthy anthropological approach to legal culture. High level of personal legal culture (of justice, the desire to live according to conscience and truth, obey the law, respect for people, their freedom and inalienable rights, and so on. N) is a condition of becoming a constitutional state.

Legal culture has normativity. Normative legal culture is manifested in the fact that it is by the rules — the rules of conduct, definitive, appraisal, and other non-mandatory standards, incentives, principles of law normalizes the functioning of society, sets reasonable

limits of activity of subjects of legal culture, the normative basis for regulation of its objects, brings stability and order in the lives of people, in their attitude towards the legal artifacts. Legal culture, in addition to the rule of law, includes the earlier social norms, legal customs which for centuries was replaced by a norm of law-making bodies. Other sources of law (the works of prominent lawyers, religious texts, scriptures, commandments, treaties, etc.) also constituted a component of legal culture in the different stages of historical development.

Pay attention to the ideological component of the legal culture. We emphasize that the ideas, views, concepts and theories related to the protection and validation values of legal culture, formed and fought their way in connection with the idea of the rule of law. It is in the nomination process and the development of ideas and theories of the rule of law at different historical stages formed the legal culture of values (human rights, individual freedom, mutual responsibility of the state and the individual, the rule of law, due process, rule of law, etc.). To the ideas, values and institutions of legal statehood became a reality penetrated the fabric of society, in the minds of officials and citizens, members of a society.

Legal culture of the judges is closely related to his moral character. For the judge, it is important to keep the balance between humanity (kindness) and severity (justice). Here, the primary role played by the judge awareness of its debt, its beliefs and self-education. This problem is both personal and public. It should be noted that these qualities are not achieved at once, but gradually educated and formed in the process of judicial activity. The decisive factor here is the stage of maturity. “Kindness and severity — a twofold concept for a public servant, and to the judges especially. Detachment from one another leads to

formalism, professional inadequacy and ignorance. This is especially dangerous for the judiciary” [1].

To recognize an integral part of the legal culture of society domestic legal mentality, which has considerable influence on the character of positive law, particularly its implementation. In the ability to understand the specifics of the legal mentality, Kazakhstan largely laid the foundation for a successful productive activity of judges. Understanding the meaning of the legal mentality of society, judges do their job more focused, conscious, to what purpose the judge must seek and what is needed.

Legal mentality is a deep level of justice, expressed in a structured and holistic unified community of legal notions, stereotypes, habits, reactions, etc., in the nature and manner of legal perception. But legal mentality is not able to independently interpret theoretically and ideologically legal validity. Here, you must have an abstract (logical) sense of justice. It is expressed in the categorical conceptual level of legal thought.

For the Kazakh mentality is characteristic traditionalism, collectivism, the desire to search for truth, goodness, equality, mercy and justice. All this is reflected in the legal mentality.

Of particular importance in the legal culture of the judges should be given to the creative, which is essential to the actualization of rights. We believe that society needs a judge who'd had the spirit of creativity, critical perception of the conversion rules of law, for without this condition, the judge can not fulfill its art. 78 of the Constitution of the duties and rights to evaluate the existing laws in terms of protecting human rights and freedoms.

Developed sense of justice judges should evaluate the law in terms of not only the idea of the priority of human and civil rights, but also the existence of the duties of the person in front of a social group, society and state. It is impossible to focus only on human rights. More important is the implementation of the individual's own sense of justice debt to the rest of the actors, the real update they started positive responsibility. That is, the idea and sense of duty, duty, responsibility of absolutely necessary components of justice, without which it is defective. These are the general social values. We should not also forget about the responsibilities of the state, society, collectivity before individual, whose implementation is intended to provide him/her with a decent life. Responsibilities (as well as subjective rights) should not be one-sided character — they are interrelated, interdependent and mutually reinforcing.

We are of the opinion of known lawyers — scientists (Kazakh researchers S. Z. Zimanov, S. S. Sartaev,

Russian researcher R. Bayniyazov.) believe that the legal consciousness of judges must have the wisdom and beauty. These spiritual and cultural values inherent in the creative and not dogmatic sense of justice. Wisdom of justice is expressed in spiritual harmony, legal ideas and legal sense, when the legal outlook and a sense of entitlement do not contradict each other. Wise legal consciousness is a state (spiritual static) and the process (the spiritual dynamics) of intellectual and volitional synthesis of legal knowledge, legal experience and, more importantly, high on mental power and real-life oriented philosophical-cultural understanding and a sense of the true nature of the legal world. Legal wisdom is organic beauty (aesthetics) of justice. Wisdom itself is already an inner (spiritual) beauty, but in alliance with the aesthetic ideals, images, feelings, it gets a unique intellectual brilliance. The beauty of justice is most pronounced in a clear, very clear, concise, meet the legal logic of legal concepts, ideas, principles, doctrines, sources, actions. On a psychological level, aesthetics of justice judges is particularly strong in the legal sense — the sense of the legal conscience, law, legal obligations and debt, etc.

Today, the importance of culture in professional judges should be given to the development of constitutional justice, the basis of which should be striving judges to achieve peace and harmony in the society. It is important for judges to understand that their main purpose — not to punish and to punish, but to educate members of the community to reach a compromise and harmony in society, and in the spiritual condition of the members of society.

It is also important to pay special attention to the development of the constitutional spirit. Without development, we are accustomed none of the constitution. For it is the spiritual source of the constitutional arrangement, development, functioning state, instilling a national constitutional and legal aspirations.

Today it is important to rely on legal experience to achieve the traditional legal culture of the Kazakh people, as well as to achieve universal legal civilization. It is necessary to take the appropriate legal optimum, while adhering to the measure, rather than mechanically assimilate into the domestic legal environment of Western political and legal institutions and values. In Kazakhstan, 10-volume fundamental scientific work, performed under the leadership of academician of NAS RK S. Z. Zimanov “The ancient world right Kazakhs”, published. The purpose of this study is to reveal the unique legal world of Kazakh people in a nomadic civilization. The central figure of this study is bi — judge of the people, their moral and legal quality. We believe that every judge

of our country should know the history of their people.

Based on these theoretical positions, let us move on to the practical problems of professional and legal culture of the judges. The media today talks about the low professional level and low legal culture of the judges. Despite the fact that in most cases this information is incorrect, the significant impact of such information on society. I think that talking negatively about the entire judicial system of Kazakhstan is impossible. There are individual negative symptoms.

From the viewpoint of performance of legal culture, these drawbacks can be described as follows:

1) Lack of ability to deal with people on the basis of respect.

2) Low culture in general.

3) Lack of civil liability and patriotic consciousness.

4) The low level of professional qualifications.

5) Have some judges negative sense of justice, based on mistrust, doubt in the integrity and honesty of the people, the so-called presumption of guilt.

6) Today, there are cases where, in practice, there is an explicit or implicit distortion of the meaning of the law by judges, which leads to the formation of negative public attitude toward lawyers, law and even constitutional.

7) In some cases, the process of judicial activity has been neglected by the view of society, the reassessment of the significance of personality, abusing their official position.

Of course, the question of formation of professional legal culture affects on different areas of the work of judges. Yet the main points are the professional and personal qualities of the judge. In this regard, we believe it is necessary to implement the following measures.

1) Begin with the need to improve the quality of legal education. It is no secret in Kazakhstan that there are so many law schools, yet with no qualities.

2) Make higher requirements for judges. Raise the age limit and qualification work experience. Judges must exempt the seat for violation of ethical norms.

3) Conduct a constant study of public opinion about the activities of judges. The results of these studies should be the basis for evaluation of judges.

4) Pay special attention to the ethical principles of the law schools in the learning process. Develop a code of ethics for law students and law schools of the Republic of Kazakhstan. For violation of the ethical standards, students must be withdrawn from the universities.

5) It is necessary to conduct extensive research on the subject with the participation of representatives of the various sciences — political scientists, sociologists, lawyers, psychologists, culture, and historians. Such

studies should be carried out under the auspices of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan.

6) What is needed is a close contact, a close alliance of legal science and practice. Kazakhstan hosts various conferences, produced a lot of recommendations. However, unfortunately most of them are not applicable in the legal practice, and not explored in the practice, but remain on paper.

7) We believe that judges should be directly involved in the creation of the state standard of higher legal education.

The two components of the legal culture: human and national.

Human and national components can be isolated in the legal culture. Legal culture of a country, as a rule, is formed in the process of weaving the various contradictory value orientations and methods of political and legal participation of citizens, as well as national traditions, customs, ways of public recognition of human rights and other circumstances, expressing stable features of civilized development of society and the state. Legal phenomena by themselves in the national legal system are seen as cultural values to the extent that they are recognized sense of justice, national and legal mentality. It is a different degree of moral, cultural and historical maturity of ethical legal mentality among different people, the state of the rights and freedoms of the individual, the nature of the relationship of state and civil society, which determines the capabilities of the legitimating legal values of peace of the country. As each ethnic group has its purely legal unique ethnic mentality, the content of the legal culture of the people will have unique features.

The formation of high legal culture is directly involved as legal, free civil society. Freedom of the individual, the realization of human rights, all kinds of free (economic, scientific, artistic, etc.) human activity, political and ideological pluralism, which are implemented in a civil society, create the necessary conditions for the realization of the values of legal culture. Of course, each nation has its own way to the rule of law.

The introduction of the idea of the rule of law and the primacy of human rights does not contradict the national traditions of the Kazakh people, spiritual and cultural foundations of life of Kazakhstani society, psychology and consciousness.

The context of the impact of globalization on national legal cultures is necessary in order to protect them from destructive penetration of national and spiritual foundations of alien elements, which identify criteria to as-

sess the identity of the legal culture. Identity of the legal culture of stability is maintained mainly by its spiritual components. It is consciousness, psychology, mentality, traditions, customs, characterized by strength, stability, and sometimes conservative, preserve and maintain the identity and national spiritual specificity of legal culture. Destruction of the legal culture is fraught with spiritual crisis legal society, degradation of personality, change the whole eè system of value social guidelines.

For a modern legal culture are important components of the backbone of the traditional Kazakh society — stable moral and ethical standards, law-abiding faith in the principles of fairness, kindness, generosity, humanity, the inseparability of legal and moral values, and others. We believe that these qualities must be cultivated and developed in the legal space of the Republic of Kazakhstan.

Legal culture is closely related to the Republic of Kazakhstan, to the Russian legal culture and legal cultures of other post-Soviet countries, especially the countries of Central Asia. This is mainly due to the fact that the legal culture of post-Soviet states for many years formed through a unique Eurasian geopolitical cultural education. It can serve as a resistance to the negative impact of alien elements of Western legal culture.

Globalization also covers cultural life. It brings worldwide cultures close together, at the same time strength-

ening the association of individuals in certain frames, uniform rules and regulations, thus contributing to the loss of identity of ethnic groups. It leads to the unification, universalization and standardization of cultural and spiritual orders, the erosion of traditional cultural values. Introduction into the national legal culture of any outside elements that are not consistent with the national components of spiritual culture (consciousness, psychology, mentality), gives rise to internal contradictions, reducing the systemic legal culture.

The context of the impact of globalization on national legal cultures is necessary in order to protect them from destructive penetration of their national and spiritual foundations of alien elements identify criteria to assess the identity of the legal culture. This criterion may be a legal mentality. Mentality as a spiritual and psychological phenomenon is the pressure of the historical roots in Kazakhstan.

Legal mentality consists of spiritual slice of subconscious, being part of the content of justice, reflects the legal values within the framework of sustainable, sometimes difficult to change patterns of thinking and behavior. Elements of ethnic and national psychology are actively involved in shaping the mentality. It is spiritual and psychological components of justice that reveals the most human response to penetrating external value of legal culture.

References:

1. Zimanov S.Z. To be the personification of goodness and justice ... // Sanger. – 2001. – № 1. – P. 6.
2. Ancient world right Kazakhs: Materials, documents and studies. In 10 volumes. Program Manager S.Z. Zimanov. Volume 1, 2, 3 – Almaty: Zheti zhargy, 2004.
3. Sartayev S.S. The meaning of life. // Scientific publication. – Almaty: LLP «Daur», 2007. – P. 320.
4. Bayniyazov R.S. Philosophy of justice. Statement of the problem. // Jurisprudence. – 2001. – № 5. – P. 12–23.
5. Bayniyazov R.S. Legal awareness and legal mentality in Russia: Author. dis. ... Doctor. jurid. Sciences. – Saratov, 2006. – P. 16.

*Kaynazarova Ayman Abdashimovna,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
E-mail: nurlaiym@mail.ru*

The French revolution as a factor in transformation of the French state in the XIX century

Abstract: As the title implies the article describes the influence of the French revolution to the change of the French state in XIX century. It is given the information about the two concepts of evolution distinguished by the researchers. It is described the struggles for the power between the sides that have happened in Europe up to now, in consequence of which have appeared states. France is pointed out to stand as a kind of an ideal type of strong state.

It is described in detail all the periods of different forms of government which experienced France. Conclusions are drawn that the French revolution made an enormous impact to the formation of strong legal state.

Keywords: revolution, confrontation, evolution, modernization reforms, monarchy, constitution, transformation.

The term “revolution” and “evolution”, “political revolution” and “social reform” hiding in its content the history of struggle of political ideas, significantly affect not only the ideological preferences of individuals and social groups, but also on practical steps of governments of various countries, on nature of their ongoing social reforms. During the XIX–XX centuries, the problem of social change is described in terms of “evolution”, “revolution”, “progress”.

In the last third of the XX century the idea of development was given a new interpretation in Western literature. Researchers began to distinguish two concepts of evolution: a linear, unidirectional and multiline, multidirectional. This approach is applied to the problems of social life led to the new features of the revolution, is regarded as one of the possible and the actual parties to the social changes (social evolution). Whatever it was, the impact of the French Revolution on the transformation of the state of this country can hardly be overestimated.

Historically, the state in Europe evolved as a result of confrontation of divergent but equally strong social and political factors. At first it was a struggle between two independent forces — secular and spiritual power. Later, there was a confrontation of equivalent contenders for power: the king, the clergy, the feudal lords and urban communities. In modern times, the state appears as a result of the class struggle and party interests. The meaning of a European state, thus, determines the need for reconciliation and conflict prevention, which found expression in the idea of the social contract. The logical extension of its model was the rule of law, for the law is intended to find a new version of the social balance — balance of private freedom and the common good.

The essential task of the state is to collect people through the tool of centralization under the auspices of a single will. At some point this very process took place in Europe in its history, and this process, named as the creation of a consolidated nation-state was estimated exclusively positive. France stands as a kind of an ideal type of a strong state in the Western world. It is historically and organizationally is the main initiator of modernization reforms in the country. Unlike the United States throughout the history of France it is the state at all stages of development (absolutist, liberal and social), which builds community, and in the process of transfor-

mation public institutions were more dependent on the state than the state on them.

In late August – early September of 1789 in the Constituent Assembly the “moderates” proposed for the first time to establish a two-chamber parliament, which in the future will become an important element of the state of France. Then the majority of deputies supported neither this project nor the absolute royal veto. Together with other deputies who voted for the absolute veto of the King, the “moderates” were included in the grouping of the Constituent Assembly, which later became known as “a right wing” and from which have their origin in the subsequent right-wing political parties and currents of France.

An important factor in the ideological evolution of the “moderates” became the law of the Constituent Assembly of 1790–1791, in which they had not become involved any more. Decrees on division of citizens to “active” and “passive”, the release of bank notes, the abolition of titles, on Civil Constitution of the Clergy varied with their ideas of monarchical state. Sharp criticism of the “moderates” caused the constitution itself in 1791, which, although retained the monarchy, but, in their opinion, gave unacceptably broad powers to the Legislative Assembly at the expense of the powers of the King. After the uprising on August 10, 1792, that overthrew the monarchy and the establishment of the republic in France, one part of the “moderate” died, another part moved away from political life, and others emigrated. During the revolution, there were new power bodies — the Committee of Public Safety, the Committee of Investigation (later the Committee of surveillance), the Constituent Assembly which later became Legislative etc.

The implementation of institutes of a civil society requires some human material, the appearance of which is possible by two opposite processes of integration and unification of cultural values. The result of the confrontation of these trends is the appearance of the person — the forms of sociality, able to embody the universal content of cultural values at the expense of more mature personality. It allows a person to join the society and culture, institutes of a civil society and citizen ethnicity. French Revolution created the preconditions for more rapid development of a civil society and contributed to the formation of adequate human material.

French bourgeois revolution was the most important and decisive factor in the transformation of the French state in the XIX century.

We have highlighted three of the most important aspects of the transformation of the socio-political and legal views on the state in France in this period. The first is that the idea of the state makes it possible to formulate and practically organize a “general field” in a society. This approach shifts the focus from the state as an institution of political practice (i. e., the state in the narrow sense of the word), to the state as an idea, to the perception of it as a problem, and as a project.

The second aspect involves the implementation of a historical continuity. Thinkers of a revolutionary France did not put forward as an example the device of neighboring states. Accordingly, it becomes unacceptable conclusion on the possibility of automatic transfer of abstractly designed model of state from one social environment to another.

The third aspect, important for understanding the transformation of the French state in the 19th century, is emphasis on the moral functions of the state, because the main purpose of the state is not just a collective accommodation arising from the needs and benefits of marriage, but also the production of people gathered in the State, and activities aimed to the good.

As a result of revolutionary changes in France that took place over the past two centuries a law state had

been formed, which was based on the principles of popular sovereignty, respect for human rights and freedoms by the state, parliamentary democracy, the rule of the constitution in relation to all other laws and regulations, the separation of powers and the institute of responsibility of the authorities as the institutional framework of law, independence of the judiciary, respect for the obligations undertaken by the State in international relations.

The history of France in the XIX century is characterized by frequent changes of forms of government. The First Republic (1792–1804) existed 12 years; The Second Republic (1848–1852) — 4 years; The Third Republic (1870–1940) — 70 years; The Fourth Republic (1946–1958) — 12 years; The Fifth Republic exists till today. Constitutional monarchy of Louis Philippe was replaced by the Second Republic 1848–1851, which in its turn was abolished by the Second Empire of Napoleon III in 1852–1870. With the proclamation of the Third Republic in France in 1870 and the adoption of its constitution the country entered a long period of relatively state and legal stability. Stable political institutions were established, including bicameralism, implemented for the first time in the Constitution of 1795; single Presidency, established by the Constitution in 1848, the State Council, attached by the Constitution in 1799, a rich state-legal framework was accumulated.

References:

1. Документы истории Великой французской революции. Учебное пособие для студентов ВУЗов. – Москва, 1990–1992.
2. Ревуненков В. Г. Очерки по истории Великой Французской революции: 1789–1814. – СПб., 1996.
3. Манфред А. З. Великая французская революция. – М., 1983.
4. Фальпина Н. А. От парламентской к полупрезидентской республике: опыт Франции (III–V республики): диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ростов-на-Дону, 2007.
5. Беляков В. Г. Высшие органы власти и управления Франции в последней четверти XIX века: диссер. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Ленинград, 1984.
6. Галанза П. Н. Буржуазное государство и право Франции (периода революции 1789 года). // История государства и права. – М., 1951. – Т. 2.

*Karataeva Aygul Muratbaevna,
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor of Department
of the Theory and History of State and Law, Constitutional
and Administrative Law, Law Faculty, Al-Faraby KazNU
E-mail: karataeva_80@mail.ru*

Legal literacy

Abstract: The paper considers the substantive part of the legal culture. Also in the paper comprehensively researched to the legal literacy. The main conclusions and points the author may be used in the formation and development of legal culture, to increase the legal awareness and legal education of Kazakh society.

Keywords: culture, civilization, legal culture, legal civilization, legal education, government, public authority, the state's activity.

The theory of the constitutional state is based on advantage of the law and its regulation of social life. This role is more important than just respect the law and comprehensive. What is the ratio of people in relation to the law, even if the latter is the key for them in any case? A variety of different conditions and all legal relations of the law not only set our regulations do not allow it, and, through this, "the general rules of the game" are developed.

The purpose of the study of the phenomenon of socialization of the individual in society is the study of how personality is formed. Socialization is not determined only on the individual's ability and the ability to access the public, as well as the integrity of the society, upgrade potential, development, respectively, to survive.

Psychology, anthropology and sociology, socialization is studying three subjects. Psychologists focused on the structure of the person or entity identification [1].

Anthropologists consider the phenomenon of a certain culture of socialization, the same set of values of the latter, "thinking, feeling, and action methods", the accepted norms of the people of the spectrum is considered. These general rules given to the society to ensure the integrity and stability of the society [2].

Sociologists and anthropologists consider the point of view of society, such as socialization. In particular, the role played by individuals or institutions as socialization agents of norms transmission, in terms of the model is better. Entities to teach the social roles of socialization or social skills they will accept the terms of [3].

Legal -complex process of socialization. Some jurists, anthropologists who are engaged in studying of institute of norms and legal system, them.... Legal action is required provisions are formed for the peaceful method [4].

Exposes all other lawyers of legal action by the authorities of the order, determined by the claim say. Anyone not to obey the law under the pretext of ignorance is not allowed. Legal Protection of the Rights of every person to know, however, allows you to [5].

Imperative and dispositive legal norms have two aspects that affect the formation of the legal culture of society. However, the diversity of the law and that will not change under the influence of aspects. Study the repressive measures of criminal law and legal culture is not only a model of justice, civil rights, responsibilities and opportunities involved in the movement.

Legal culture is a basic right to know. The problem of illegal access to a variety of people from different coun-

tries and research is being conducted. Thus, in the seventies in the Soviet Union and the countries of the European studies were carried out to know the right. Then the Polish research in the understanding of the right [6], the Hungarian studies [7] and to the right of individuals to the court of appeals. And the socialist Soviet scientists in their analysis of individual factors take into account the increase respect for the law.

Recently the set of works on understanding of human consciousness, legal consciousness and a set the direction of studying of legal consciousness are published in Kazakhstan [8].

Certain social rights for the study of the culture of individual rights, its motives, goals, forms should be considered. There is an important role in legal education. To improve the legal awareness is one of the main channels. The accumulated information and legal education, legal and into a position of trust, to act in accordance with the law, habits, and to act in accordance with the legal knowledge, training, or in accordance with the law is the basis for action. Their rights, duties, in case of violation of the right to knowledge are prerequisites for the ability to protect her.

Public relations consciousness of profound changes in society, in particular due to the changes in the legal consciousness.

Most of the respondents for their fundamental rights are safe today to life, the right to free health care and medical assistance, the right to human dignity, the mother was right to life and the right input. In general, life by providing the necessary level of economic rights, aren't special attention to the rights and ensuring the democratization of the society. These rights include the physical aspect of life is good, but the spiritual aspects are involved in this are the rights is demolished and the threat of disorder.

Today, crime is increasing, low standard of living of the majority of the population, is often the offense, there is no guarantee of employment and the correct fee. Unfortunately, still defines the legal limit their actions to control the behavior of the people, who serve to protect their legitimate interests of the establishment of the legal space. Money, government, family, etc. strength is a priority. Member or personal connections to the law of the man to go covered there are a lot of situations. This is not the most effective anti-bribery and abuse of officials. All of this is the cost of human rights and freedom of the blue coins. These are necessary to establish a system of legal protection. The sys-

tem is gradually ensuring the right to be in accordance with international standards.

People know more bad law, because of the use of their guaranteed rights and opportunities for assistance in difficult situations. Legal literacy level rises in the government, public regulation will become law.

Legal education through the mass media will allow the development of the company's legal culture and consciousness.

Because of the laws in order to clarify the issues of legal regulation of various aspects of the Constitution, it is a natural phenomenon. As guarantor of the Constitution and other laws, human rights experts have low prices, lack of confidence in the law. The effectiveness of the Constitution "average" only one in four people, but only one-third of the experts assessed the legislation. If the "low" and "no" In both cases, if that 50 % of the cost will be recognized expert fighting legislation related to the violation of human rights abuse. Kazakhstani society and legal data obtained shows a low degree of freedom.

Legal rigorism is the top of the offenses to invite you, the majority of the population that the stricter measures to combat crime and wants to keep the death penalty. Many of the actions of people in the middle of their offense staffs, indifferent to the personal requirements of the law of the legal ratio of household-level mismatches.

However, only in the sense of justice abjectivity all

the facts cannot be explained only. Because of legal consciousness as a psychological phenomenon of intellectual formed on the basis of the existing legal norms and categories. If you avoid the tax bearer many people today, and inconsistencies in the legislation, the Tax Code difficulty, caused by high taxes. This is symptomatic of data, because it shows the ineffectiveness of the national fiscal and financial system. This is the state in the economy "rules of the game" is a symbol of the need to re-consider. As well as the legal framework the tax credit and the need to improve the guide. It is necessary to improve the legislation to raise the level of consciousness of the population, many of the shortcomings of the socio-economic and moral-psychological guidance.

Today, the top of all points of the local structures of power, "open", which is the time. Transparency and public control is carried out only through the formation of an independent printing. Liberal, criticism of the political system that respects human rights and business practices, information must be approved by the expansion of the free forum.

Interfere with the establishment of the rule of law and civil society in Kazakhstan there is a lot of factors, the most important of which is the conservative mind of its citizens. Research shows that a large number of applications, the oldsters with the values of civil society and the rule of law and the formation of high legal culture show that it is not the right approach.

References:

1. About personality structure Malrieu P. et al. La formation de la personnalité in *Traite de psychologie de l'enfant*, sous la direction de H. Gratiot-Alphaandery et R. Zazzo. – P.: Presses Universitaires de France, 1973. – V. 5; About the identity of the subject, see.: Erikson E. *Enfance et société*. – Neuchâtel-Paris: Delachaux Niestlé, 1982.
2. Kuril'ski-Ozhevan Sh., Arutyunyan M. Yu., Zdravomyslova O.M. Images of law in Russia and France. – M.: Aspect Press, 1996. – C. 6.
3. Goslin D. (Ed) *Handbook of socialization theory and research*. – Chicago: Rand McNally, 1969.
4. Kantorowicz H. *The Definition of Law*. – N. Y.: Octagon Books, 1980.
5. Terre F., Sayag A. *Connaissance et conscience du droit* in *Travaux du colloque de sociologie juridique franco-soviétique*. – P., 1975, oct., – Paris: Editions du Centre National de la Recherche Scientifique, 1977.
6. Podgorecki A. Legal Consciousness as a Research Problem. – *European Yearbook in Law and Sociology*, 1977. Kurczewski J. *Prawo w społeczeństwie*. – Warszawa, 1976.
7. Kulcsar K. *La connaissance du droit en Hongrie*. *Année sociologique*. – 1967.
8. Interaction with the legal consciousness of morality and ethics in a society in transition. Auth. M. T. Baimakhanov, L. M. Vaysberg, A. U. Beisenova, M. A. Ibragimov, A. K. Kotov. – Almaty: Zhety zhargy, 1995. – P. 85–128.
9. Aytaliev A. General Civil Society: general and regional problems. // *idea*. – 1999. – № 4. – S. 29.
10. Obolonskyi A. V. Human rights on the verge of civil society and the conservative syndrome as a major obstacle to their implementation. // In. *Human rights and political reform*. – M., 1997. – S. 101.
11. Smirnov V. P. Decree. slave. – S. 229–230.

*Konarbayeva Madina Muratovna,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
Ibrayeva Alua Salamатовна,
doctor of legal sciences, professor
al-Farabi Kazakh National University
E-mail: ibraeva_tgp@mail.ru*

Legal mechanism to protect the institution of childhood. Experience of Kazakhstan and foreign countries

Abstract: Of the topic is that the protection of the Institute is an integral part of childhood, as the future of our country and the world community in our younger generation. It should be recognized that no country in the world can claim to be the pattern in the observance of the rights of the child. Even for the most democratic and economically developed countries are characterized by the growth of juvenile delinquency, the presence of families with low living standards, the mortality rate of children due to lack of medical care, the growth of street children. All these facts prove the impossibility of solving children's problems only national means. The purpose of this article is a review of a legal mechanism to protect the institution of childhood. Consider the experience of the Republic of Kazakhstan and foreign countries.

Keywords: childhood, Convention on the Rights of the Child, orphans, protection of the children, adoption.

As of 2010 living in Kazakhstan 4,755,902 children from birth to 18 years. They are children of pre-school, school age and young students. Orphans and children without parental care — 42 thousand. According to the Committee, in the country today with children and childhood are about 600 non-governmental organizations. The approximate percentage of children is 30 % of the total population of the Republic of Kazakhstan. Therefore, protection of rights and legitimate interests of children — one of the main directions of the national policy of the Republic of Kazakhstan.

The main legal acts regulating the legal status of children in the Republic of Kazakhstan is the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Civil Code of the Republic of Kazakhstan and the Law of the Republic of Kazakhstan dated August 8, 2002, "On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan". There is also a network of different organizations for training and education of children; there are all kinds of services for psychological, educational, legal, medical support children. From one year to increase the budget allocated for education, health, social and cultural maintenance of children.

A significant event in the field of childhood institution in the adoption of the Convention on the Rights of the Child in 1989. Kazakhstan has ratified this Convention on June 8, 1994, thus taking its international obligations for the implementation of its legislation into conformity with the Convention. Thus, the country reaffirmed the need for legal protection of children. Basic rights and duties of the child enshrined in the Law of the Republic of

Kazakhstan "On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan". The law regulates the rights of the child, such as: the protection of health at the individual and its preservation, to life, liberty, dignity and inviolability of private life, freedom of speech and conscience, information and participation in public life, at the required level of life, property children's rights, children's rights to housing, education, freedom of labor, state aid, rest and leisure, as well as the duties of the child [5]. In 2000, the President signed the Optional Protocol to the Convention on the Rights of the Child on the involvement of children in armed conflict, child trafficking and child prostitution and child pornography.

At the moment, 190 countries in the world have ratified the Convention on the Rights of the Child. Convention on Human Rights might well be regarded as the world's first human rights treaty that is ratified by all countries of the world.

For the first time in history, the convention has been established international mechanism for monitoring the implementation of the Convention — Committee on the Rights of the Child. He is authorized to examine periodically (every 5 years) reports of States on measures they have taken to implement the provisions of the Convention [1, 44]. In addition, Article 45 provides that the Committee is the focal point of international cooperation to implement the objectives set out in the Convention. One of the major innovations — a provision that the state must provide "wide publicity of their reports in their countries" [1, item 6 Article 44]. In our country cre-

ated by government agencies under the Ministry of Education and Science to ensure the protection of children, as well as the Committee on the Protection of Children's Rights and the Department.

In order to ensure the fullest protection of the rights and lawful interests of minor children provided the article in the Code "On Marriage (Matrimony) and Family" [4].

The state policy of Kazakhstan for the Advancement of Kazakh children carried out in accordance with the principles, goals and objectives, which set the global community.

In accordance with the Constitution of the Republic of Kazakhstan taking care of children and their upbringing are the natural right and responsibility of parents. Family and children are under the protection of the state [3].

In order to ensure the rights of the younger generation have adopted laws "On Education", "Health Protection in the Republic of Kazakhstan", "On Marriage and Family", "On Special State Benefit" and others in which there are special chapters and sections to facilitate the implementation of the main provisions of the Convention on the Rights of the Child.

Establishing the age of majority in the current civil legislation of the Republic of Kazakhstan, the age of marriage and for military service to 18 years is not contrary to the provisions of the said Convention. Individual rights, for example, to work, the child has the right to enjoy equal footing with adults 16 years of age, the age of criminal responsibility is defined for 14 years.

The right to life enshrined in the Constitution, meets the requirements of the Convention [3, Article 15]. Its right in the criminal aspects provided measures for protection from violent attacks on the life, physical integrity.

The maximum to ensure the survival and development of children in difficult areas environmentally focused special laws to protect children in the Aral and Semipalatinsk regions.

The Constitution of the Republic of Kazakhstan, the Law "On Public Associations" guarantee a child like any other citizen, the right to freely form and express their views [3].

Questions of citizenship of children are regulated by the Constitution, the Civil Code and the Law "On Citizenship" and meet the requirements of the Convention [6]. The child's identity is ensured by awarding him the birth surname, name and patronymic, in accordance with the Law "On Marriage and Family". Upon reaching the age of 16 he has the right to change the child's name, first name, at its discretion [4].

The laws of the Republic of Kazakhstan "On culture", "On Physical Culture and Sports", "On Tourism" et al. Provide additional mechanisms for implementing the child's right to development. Thus, the current legislation of the Republic of Kazakhstan establishes the right of the child to the development of education, recreation, leisure and participation in cultural life, which is also consistent with the provisions of the Convention.

Subject of constant public attention is the progress in the implementation of the Convention "On the Rights of the Child". First Lady, President of the Foundation "Bobek" Nazarbayeva S.A., in order to create a mechanism for the legal and social protection of the child from all forms of discrimination, initiated the development of the draft Law "On Protection of Children's Rights", "Children's Villages Style and Youth Homes" adopted and are currently working.

The main purpose of the Law "On Protection of Children's Rights" is to create a legal and socio-economic conditions for the realization and protection of the rights and legitimate interests of children.

The law asserts the equality of children, regardless of their origin, race, nationality, social status, wealth, sex, language, education, religion, place of residence, health and other circumstances relating to children and provides for measures aimed at protecting the rights of the child, on the education, health and political rights [5].

A special chapter is devoted to the state policy in the field of protection of rights and legitimate interests of children. Differentiated powers of central and local representative and executive government bodies in the implementation of safeguards the rights of the child.

The most important is the inclusion of provisions on state support, including in financing public and other non-profit organizations engaged in human rights activities for children, funding for programs and projects that may be under government orders.

Head of the Law "Child Protection in adverse conditions and extreme situations" provides protection of children without parental care, children — with disabilities, including children with mental and physical development of children — refugees, children affected by natural disasters, accidents and catastrophes [5].

As a measure of protection of social rights of children with disabilities will be allocated from the state budget additional funds for their education at the level of established standards.

It is also envisaged to provide public financial support for guardianship (foster) families and children's villages of family type [7]. Children — the disabled are

guaranteed free specialized medical, and psychological assistance defectological choice of institution and employment in accordance with the possibilities.

There is a special article, which prohibits the participation of children in hostilities. Children — refugees who have lost their property and personal property as a result of hostilities, armed conflict, shall have the right to protect their interests [5].

Guardianship authorities at the location of these children should take steps to trace the parents or relatives to provide material, medical and other assistance, if necessary, define them in health care, boarding, another educational institution. Children — refugees, loss of parents, provided the same social protection, as well as any child without parental care [5].

In a special chapter devoted to the mechanisms of protection of rights and legal interests of children enshrined powers of government agencies and non-governmental organizations, as well as the courts, prosecution, the Interior and guardianship, notaries and public associations.

Thus, Kazakhstan has actively created additional conditions to ensure a fuller realization of children's rights.

In Kazakhstan, there are many programs to protect the institution of childhood to prevent and combat various forms of violence against children. For example, in 2011, ended the state program "Children of Kazakhstan". On an ongoing basis, the project "City Child Friendly" and "Road to school". Police regularly go on raids "Children in the night city". In all areas of the country to create a Department of Child Protection, is a city and regional hot-lines, a few years ago was launched telephone number of the national "hot line" 150, the President of the Republic has a National Commission for Women and the Family, etc. For the implementation of each program and each project allocated budget on a large scale.

There are examples of very good practice to solve the problem of orphan hood. According to the Ministry of Education and Science, the decision was made on material incentives Kazakh citizens who have taken on the care of a family of children left without parental care, in the amount of 10 monthly calculation indices (in 2012 amounts to 1,618 tenge) [4].

The government of Kazakhstan recognizes the problem that it faced, and it is fully involved in the reform of social protection and the development of social protection services. For example, the last law "On special social services" (2009), is a progress, since it introduces the concept as a "technical support families". This type of legislation is interpreted as evidence of the Government's commitment

to the transformation of the system of child protection. However, it does not solve all the existing problems. The novelty of the topic and the lack of practical experience among key stakeholders, are the most serious problems for Kazakhstan. In addition, the existing system of child protection is very fragmented, as a number of different local and central levels shall decide on the protection of children without measures for coordination or mediation.

One of the functions of the media is information education. However, publications, television and radio programs largely do not provide legal education to every child and every man knew his rights. It is also necessary to raise public awareness about the Convention on the Rights of the Child.

The Convention on the Rights of the Child states that mankind owes to the child the best it has. Also, in the Convention states: "All actions concerning the child should take full account of its interests" [1, Article 3].

Unfortunately, I cannot say about child labor. On the one hand in the most important law for children written that every child has the right to freedom of labor, free choice of occupation and profession. Children from the age of fourteen shall be entitled to resolve the parents, in their free time to participate in socially useful work available to them for health and development without harming the physical, moral and mental condition of the child, and are eligible for the profession. "It is forbidden to take the child to draw or heavy physical work and work with hazardous or dangerous working conditions" [5, Article 16].

But what we see in reality? Young people working on washes, parking lots, work as conductors, porters. Young girls, in turn, work as a waitress. Their employers often violate their rights.

Among the most pressing issues include family violence. Potential victims of domestic abuse are children. It is the parents mostly to blame for causing physical violence and psychological impact on children. As for other countries, particularly in Europe, are very strictly enforced the rights of children against parents to children, strictly monitor how parents treat their children, making sure that children are not exposed to violence in the family.

Lack of understanding and concern on the part of adults, unfavorable atmosphere, the child's inability to cope with stress, lack of life experience, is that the child enters into a state of depression, loss of self-esteem. The child then resorted to more destructive means of self-destruction: the abuse of toxic drugs and alcohol, access to firearms crime.

My opinion is that we need to strengthen the control of the Department for the protection of children's rights,

as well as other government agencies for the implementation and enforcement of child rights. Conduct a survey to identify violations of children's rights, actions, conferences in the protection of children, to communicate not only with adults, and primarily with children.

Our future is in our children. And we can create good future for our country and for our world. This should be in the minds of everyone, to ensure our children a happy childhood.

References:

1. The Convention on the Rights of the Child.
2. The Universal Declaration of Human Rights.
3. The Constitution of the Republic of Kazakhstan.
4. Code of the Republic of Kazakhstan on Marriage and Family.
5. Law of the Republic of Kazakhstan dated August 8, 2002 – № 345-І “On the Rights of the Child” in the Republic of Kazakhstan.
6. Act of 20.12.1991, the “On Citizenship of the Republic of Kazakhstan”
7. Law of the Republic of Kazakhstan on 13.12.2000. N 113–2 “On children's villages of family type and youth houses”.
8. Commission on Human Rights under the President of UNICEF and discussed the problems of children's rights in Kazakhstan./I. Ignatova.//Kazakhstan Pravda, – 08.09.2007.
9. Message from the President of the Republic of Kazakhstan-Leader of the Nation Nursultan Nazarbayev to the people of Kazakhstan «Strategy» Kazakhstan-2050 «a new policy established state». 14.12.2012.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-lidera-natsii-nursultana-nazarbaeva-narodu-kazakstana
10. Dzhandarbekov B. A. The problem of social and economic rights of the child in the legislation of the Republic of Kazakhstan. Website legal science network «Modern Law». // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/Проблемы-социально-экономических-прав-ребенка-в-законодательстве-Республики-Казахстан>.

*Kunchasheva Almira Ertaevna,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Ibrayeva Alua Salamatovna,
doctor of legal sciences, professor
E-mail: ibraeva_tgp@mail.ru*

Juvenile justice system the institutional components of constitutionalism: theory and practice

Abstract: The article is sanctified to the questions of Juvenile of Justice of Republic of Kazakhstan. The special attention applies on legal framework of Juvenile of Justice. In the article the question is about the system of organs, applying in the activity the special rules of handling minor, engaged in a criminal trial.

Keywords: Juvenile Justice Constitution of Republic of Kazakhstan, minor, Convention of the UNO, about rights for a child, normatively legal acts.

Juvenile justice system the institutional components of constitutionalism: theory and practice Juvenile justice (lat. juvenilis youth; lat. Justitia — justice) legal basis for the Western model of the system of state bodies engaged in the administration of justice in cases of offenses committed by juveniles.

To date, the most common are the following definition of “juvenile justice”:

1. the system of special procedures in cases of offenses of minors who have committed a criminal offence and has attained the age of criminal responsibility;
2. system of norms and institutions related to the child as the subject of the offences, regardless of age and categories of offences;
3. the system includes not only the relevant legislation, but also the complex of state and other bodies and

organizations, has as its purpose the protection of the rights and legitimate interests of minors; implementation of juvenile justice; responding to juvenile delinquency.

Juvenile justice as a legal institution, which provides the constitutional condition of the implementations of the rights and freedoms of minors has gained relevance in the study of how scholars and practitioners. Modern trends in the development of state and law, assume legislative strengthening and creation of new legal norms, institutions, mechanisms for the protection of socially vulnerable layers of the population. One such socially unprotected layers of the population are minors.

Note that in his address to the nation on December 14, 2012 “Strategy «Kazakhstan-2050»: new political course of the established state”, the President of the Republic of Kazakhstan — Leader of Nation N. Nazarbayev A. expressed his opinion that: “the most important part of social policy in the new phase I declare the protection of motherhood and childhood. Children are the most vulnerable and unprotected part of our society, and they should not be deprived of their rights”.

In legal science, refers to minors — persons under a certain age which the law binds its full capacity, i. e., the implementation in full of subjective rights and legal duties enshrined in the Constitution and other laws of the country.

The leading role among agencies should belong to juvenile court. In turn, juvenile (children’s) called the court, within its competence, considers criminal, civil and administrative cases in which one of the parties is a minor. The main tasks of the juvenile courts are to protect children and their rehabilitation.

In the legal literature under “juvenile court” means a special system of administration of juvenile justice who committed the crime, as well as the special rules applied to them.

On the basis of the rights and legitimate interests of minors, as well as from the competence of the various organs of juvenile, Juvenile justice can be interpreted in the narrow and broad meanings. The juvenile justice system in the first sense is a system of bodies, using their the activities of the special rules for the treatment of minors involved in criminal proceedings. In a broad sense is a system of organs using in their activities special rules for the treatment of juvenile about took the place of the offense, crime or other violation of rights and legal interests of the child.

The procedure for the protection of the rights and freedoms of minors, are regulated by the following legal acts:

1. the UN Convention on the rights of the child;

2. world Declaration on the survival, protection and development of children 1990;

3. UN guidelines for the prevention of juvenile delinquency (adopted in Riyadh in 1990);

4. the Concept of legal policy for the period from 2010 up to 2020, approved by the decree of the President dated 24 August 2009, defines the development of juvenile courts, the main vector of development of the judicial system of the Republic of Kazakhstan;

5. Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted at the Republican referendum on August 30, 1995) (with changes and additions as at 02.02.2011);

6. of the Criminal procedure code of the Republic of Kazakhstan, (with changes and additions as at 23.04.2014).

During the first years of functioning of this institution, to maximize compliance with the legal rules governing this sphere of social life. So, in relation to a minor, deprivation of the liberty are punished only 10 % of the minors, while in the Republic the figure was 20 %.

According to some experts, this figure suggests a particular, individual approach to minors compliance with all adopted juvenile technologies, the introduction of alternative measures of punishment used it is a specialized court. Since the start of the judges had the task of collecting, summarizing, introduction and implementation of all existing procedures and forms of work with minors in legal proceedings.

In April of the current year in Majilis of Parliament of Kazakhstan were discussed the issues of improvement of national legislation on protection of the rights of the child. And also there were discussed questions of the following kind:

1. the further improvement of national legislation and improve the well-being of children in the Republic of Kazakhstan, creation of conditions for the comprehensive education of the child in the family;

2. prevention of child abandonment and the creation of favorable conditions for the upbringing of the child in the family;

3. improving both economic and legal mechanisms for significant reduction of orphans, children living in children’s homes;

4. introduction system work for the elimination of the sale of children, including abroad, which, unfortunately, are due to the lack of transparency of the accounting system children who have remained without care of the parent;

5. the creation of a national database for children — orphans, children left without parental care.

Minors must have the full right to protect their constitutional rights and freedoms. In the world practice the protection of the rights and freedoms of minors, following categories of rights and freedoms of minors:

1. personal rights and freedoms:
 - the child's right to life;
 - the child's right to protection of honor and dignity;
 - the child's right to inviolability of the person, home, private life, secrecy of correspondence, telephone conversations, postal, Telegraph and other message forms;
 - the right to privacy is reflected in the freedom of communication between people;
 - the right of the child to freedom of thought, of speech, freedom of the media;
 - the child's right to freedom of conscience and religion;
 - the child's right to move freely, to choose a place of residence.
2. Political rights and freedoms:
 - the child's right to Association;
 - the juvenile's right to assemble peacefully, without weapons, hold rallies, meetings;
 - the right to participate in government directly or through representatives in a child is absent due to his age, mental, and intellectual features. This right is exercised only with the coming of age.

3. Social, economic and cultural rights and freedoms of the child.

This group of rights with regard to such important spheres of human life, property, labor relations, health, recreation, education, social welfare, art.

Socio-economic, cultural rights aimed at meeting the physical, material and spiritual needs of the individual. Securing these rights of the child is important, because their implementation contributes to the personal development of minors as a member of society:

- the child's right to freely use their abilities and property for entrepreneurial and other not prohibited by the law of economic activity;
- the right of private ownership of the child;
- the child's right to housing;
- the right to housing includes the right to: stable on use of occupied residential premises; improving housing conditions; ensuring a healthy environment, living environment;
- the right to health;
- the right to social security;
- the child's right to work;
- the right to education;
- the right to participate in cultural and artistic life of the society.

Based on the above investigated possible to draw the following conclusions:

1. need to adopt normative legal acts that would significantly change the role of social services and their active part:

- as a social worker, studying the social environment of a teenager who find themselves in conflict with the law, as well as cooking range socializing solutions to offer to the judge as options, possible in the form of alternatives to imprisonment, which oversees the implementation of judicial decisions; as the mediator, organizing and carrying out the process of reconciliation of the parties (in the framework of the procedures provided for by law, using the so-called reductive approach and the possibilities of reparation by the accused to the victim as a statutory entity performing the above steps);
- as a person that promotes socialization (social, household and employment unit) minors returning from specialized educational institutions or places of deprivation of liberty.

2. is an urgent need to create separate code governing the operation of the entire juvenile system of the Republic of Kazakhstan.

References:

1. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.zakon.kz/4618742-kruglyjj-stol-v-mazhilise>.
2. Federal law "Fundamentals of legislation on juvenile justice of the Russian Federation". – M., 1999. – S. 8, 9.
3. [Electronic resource]. – Available from: <http://www.bnews.kz/...ews/post/62007/>
4. The Concept of development of the juvenile justice system in the Republic of Kazakhstan for 2009–2011: approved by decree of the President of the Republic of Kazakhstan on August 19, 2008. – No. 646.//Kazakhstanskaya Pravda. – 2008, 28 Aug.
5. Bychkova S. F. Prospects. – Almaty, 2006.

*Mamontov Alexander Evgenyevich,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 2 cours, Faculty of Law*

*Salimgerey Aron Amanzholovich,
Ph. D., Associate Professor,
Director of the Institute of State and Law
E-mail: Aron.Salymgerei@kazn.kz*

Legal issues on the safety of road transport relations in Almaty

Abstract: the Article dedicated to the question of the security of road traffic in Almaty city. Also in the article is held monitoring of the events directed at improvement to a traveling situation in Almaty and analysis of the law “on road traffic”.

Keywords: Road and transportation problems, road traffic accidents, law “on road traffic”.

Almaty is a multi-purpose, economically developed city of the Republic of Kazakhstan with a population of over half a million people. In this regard, in the city of Almaty is very advanced trading and transportation infrastructure. It causes congestion of city vehicles. According to statistics, as of 1 January 2014, the city had registered 505,202 vehicles [1, 47]. According to akim city Almaty, about 200 thousand rail cars a day come to the city [2]. In this regard, strongly increases the total congestion of streets and a growing number of traffic jams. Constant big “influx” of vehicles leads to a sharp deterioration of the ecological situation in the city.

According to RSE “Kazgidromet” in September 2014, the air of the city is characterized by a very high level of contamination [3]. The highest frequency of maximum permissible concentration of impurities was 98.7 % (characterized as a very high level), exactly same time, the standard index of the concentration of nitrogen dioxide is 7.9 (characterized as high level). In addition to environmental conditions, the actual problem there is a simply pavement, which is unable to withstand the test environment. Also according to official statistics, in the city, an ever increasing number of road accidents. So, in 2012 the number was 14,168 units, in 2013, the pace of this figure rose sharply to 23,359 units [1, 58].

Currently authorized bodies in the field of road transport relations take legal and logistical solutions to problems in the road transport sector in the city of Almaty. So, construction of road junction, ring road, ground and underground pedestrian crossings, paid and free vehicle Parking. We have developed a system of toll roads. Set posts video traffic safety on city streets. High pace of construction of underground stations, having in action five stations and ready for operation 2 new stations of the 1st line, and also plans subway construction 2nd stance metro. Organized municipal taxi fleet consisting of ve-

hicles running on natural gas. In addition, plans for the city, the construction of 13 environmental positions, at the entrance to the city of Almaty [2].

It should be noted that the decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated April 16, 2014. No. 798 “About changing the boundaries of the city of Almaty” was expanded boundaries of the city of Almaty, which thereby increased its total area [4]. Joint resolution of akimat of Almaty city dated July 2, 2014. No. 3/522 and the decision of the extraordinary XXIX session of maslikhat of Almaty city V convocation on July 2, 2014. No. 240 “On education Nauruzbayeva district and establishing the boundaries of districts of Almaty city” [5] the city has a new Nauryzbai district. In this regard, the active development of new plans for urban development of the city of Almaty.

An important factor in the resolution of traffic problems is the fact that the international Olympic Committee (IOC) from Almaty city competent authorities the application was filed to receive the 2022 winter Olympics [6].

If the IOC will choose the mountains. Almaty to host the Olympic games, it will contribute to the development of a range of engineering, architectural, political, legal and cultural activities to improve the transport infrastructure of the city.

The law of the Republic of Kazakhstan on April 17, 2014. No. 194-V “On road traffic” (with changes from 29.09.2014), coming into force six months after its official publication 19.04.2014, establishes the legal bases and General conditions of the road and security in the Republic of Kazakhstan [7]. This law provided to replace the previous law of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 1996. No. 29-I On road traffic safety (with changes and additions as at, 13.01.2014) [8].

The law of RK dated April 17, 2014. “On road traffic”, consisting of 95 articles (the Law of RK dated July 15, 1996 was 28 articles) introduced new institu-

tions. In particular, responsible for the additional authorized bodies, as well as provided their rights and responsibilities in ensuring road safety; regulated risk in the field of road safety, and risk management system and internal control in the field of road safety; establishes the rights and duties of officials exercising state control and supervision in the field of road safety. Fixed issues management activities aimed at ensuring road safety and elimination of consequences of road accidents, road safety and capacity, ensuring the safety of the vehicles. Advanced requirements for legal entities and individual entrepreneurs to ensure road safety. Fixed issues related to the management activities of the intelligent transport system and its authorized body. Fixed the issue of rendering assistance to persons injured in road traffic accidents.

Approved rights of public associations in the implementation of measures to ensure road safety. Demands on the state registration of the vehicle, as well as its refusal and termination. New driving license categories — BE, CE, DE, Tm, and Tb, as well as the subcategories A1, B1, C1, D1, C1E, D1E and conditions of their acquisition and termination. Us abilities represents a new Chapter Of “the movement of people with disorders of the musculoskeletal system”. Before more extensive rights of people with dis-

orders of the musculoskeletal system have been laid down by the legislation in the field of road safety. This Chapter establishes their right to a safe and smooth movement in the Republic of Kazakhstan, as well as to create necessary conditions. Put the rights and responsibilities of professional associations for the training of drivers of vehicles. Expanded duty station operators mandatory technical inspection of vehicles. Also expanded and extended to other areas of the previous law on road traffic safety.

The new law will help to solve part of, certain problems of road transport relations in Almaty, as a result of road traffic relationship formed poor environmental conditions, heavy pollution with harmful substances.

The city became heavily overloaded vehicles. The congestion of city vehicles has led to a sharp rise in road accidents. Also besides all this, the construction of roads does not meet the security principle, enshrined in law and does not provide a high throughput of vehicles.

All the above problems are not only States, but also society as a whole. For the quality of the comprehensive analysis of relationships in the road transport sector in the city of Almaty problem domain be addressed in a holistic manner, including with the participation of research institutes.

References:

1. Transport in the Republic of Kazakhstan –2009-2013.//Statistical digest. – Astana, 2014. – P. 47.
2. Results A. In Almaty will run more than 1,000 environmentally friendly buses.//[Electronic resource]. – Available from: <http://strategy2050.kz/ru/news/2749>
3. Newsletter On the state of environment of the Republic of Kazakhstan. – Vol. 9 (179). – September 2014. – S. 59./ Ministry of energy of the Republic of Kazakhstan RSE “Kazgidromet” Department environmental monitoring.// [Electronic resource]. – Available from: <http://www.kazhydromet.kz>
4. Kazakhstanskaya Pravda. – 18 April, 2014. – No. 75 (27696).
5. Joint resolution of akimat of Almaty city dated July 2, 2014. No. 3/522 and the decision of the extraordinary XXIX session of maslikhat of Almaty city V convocation on July 2, 2014. No. 240 “On education Nauruzbayeva district and establishing the boundaries of districts of Almaty”.//Source: IP PARA WWW// [Electronic resource]. – Available from: <http://online.zakon.kz>
6. Almaty was the first to file an application for admission of the 2022 winter Olympics.//[Electronic resource]. – Available from: <http://tengrinews.kz/allsports/almaty-the-first-applied-for-admission-winter-Olympic-games-2022-year-240076>
7. The law of the Republic of Kazakhstan dated April 17, 2014. No. 194-V “On road traffic” (izmeneniya from 29.09.2014).//Source: IP PARA WWW//[Electronic resource]. – Available from: <http://online.zakon.kz>
8. The law of the Republic of Kazakhstan dated July 15, 1996. No. 29-I “On road safety” (with changes and additions as at, 13.01.2014)//Source: IP Para WWW//[Electronic resource]. – Available from: <http://online.zakon.kz>.

*Kuantayev Dinmuhamed,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna,
candidate of juridical science, associate professor
of department of theory and history of the state
and law, constitutional and administrative law,
law faculty, Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: nurlaiym@mail.ru*

The case decisions of Kazakh biys about the cost dispute

Abstract: As the title implies the article describes how the cost disputes were resolved in traditional Kazakh society. Author lists the norms which the cases were regulated by. It is specially noted Tauke khan's "Zhety zhargy". It is spoken in detail the resolution of some particular cases. It is reported the values of payments relatively to the social status of the object of crime. Author, also, names the principle of "blood to blood, soul to soul", which was in force very long time in the Kazakh environment. Much attention is given to the example, where Tole biy resolves cases on cost disputes wisely and very skillfully. Overall, the article shows the resolution of cost disputes, making as example some particular cases.

Keywords: traditional Kazakh society, cost dispute, Zhety zhargy, principle, sultan, biy, kun.

The systems of the principles and norms which devoted to human's life and their health started being formed from birth of the Kazakh customs and rights. These norms in the beginning to be grouped in the principle "blood-blood, soul- soul", and then they were forced out by institute "payment of cost". The thought that the person has to pay material payment for murder of the person or for commission of a trauma was the cornerstone of payment of cost.

In traditional Kazakh society cost disputes were solved on the norms shown in "Kasym khannyn kaska zholy", "Esym khannyn eski zholy" and "Zhety zhargy" of Tauka khan. Therefore we have to show types of punishments which were intended for murder or for commission of a trauma. For example, the famous Russian scientist A. I. Levshin referring to "Zhety zhargy" writes: "under these resolutions, relatives of the killed have the right to deprive of life the murderer, and chopped off a hand, a foot, an ear and other has to be deprived of the same part of a body. However punishments can be softened on sentences of judges or according to claimants, and then the criminal is punished only established for any crime by a payment. The murderer returns himself life, paying in kun, that is giving for each killed man 1000, and for the woman of 500 rams. Any member who studied or chopped off to another pays similarly a certain number of cattle. The thumb costs 100 rams, a little finger 20, and so on". And the famous researcher of "Zhety zhargy" N. Oseruly continued this chain as follows: "For the pricked-out two eyes — an overall cost; for one eye

floor of cost; for two ears floor of cost; by two hands — an overall cost; for disability — an overall cost; for each finger — the one tenth cost; for a emasculation an overall cost; for the cut-off two breasts — an overall cost; for only the noticeable baby — one nine of a penalty; till 5 months — three nine of a penalty; since 5 months before emergence on light floor of cost; from emergence on light — an overall cost".

"Zhety zhargy" established that for murder of sultans and Hodge the cost of a penalty makes seven costs. Exact punishments for other types of murders and injuries are also established in this law. A. I. Levshin claims: "If the wife destroys the husband, she by all means indulges in the death penalty from which the patch kun if relatives don't forgive her. Pregnant wives who aren't punished for murder of husbands are excluded from this rule, but forever indulge in contempt and are esteemed by the disgraceful. If the husband kills the wife, he can get rid of execution if he have paid kun".

We gave examples about murders and perfect injuries from the articles "Zhety zhargy". Their main essence — the principle "blood-blood, soul-soul" was in force very long in the Kazakh environment. The principle of payment of cost was in parallel used with them, they supplemented each other, they competed with each other.

They were the main twin principles of that time. It can be noticed from decisions of biys that time. For example, we will consider decisions to Tole biy about cost dispute. Tole biy was not only the son of the time, but also one of authors of "Zhety zhargy". We will consider decisions of

Tole biy about cost dispute according to the data which orally remained in the people. In one of data it is said that Tole biy participated in cost disputes and very skillfully solved them. The decision of Tole би about these disputes extended in the people with the word as “Almasyn bolsa moinym bar, asylyn bolsa koinym bar”.

This story has two versions. One of them wrote N. Torekulula. The second of them wrote A. Nysanala. “One batyr from the people of an oshakta killed the Dzhigit from the village of Kulnazar during a horse stealing. Here so cost dispute began” — N. Torekulula’s version so begins. It continues: “Boribay the poet a sort from Akbur anti-terrorist operation sang of this history as follows: «Oshakty Kulnazarga kyn bermeksin, alty atan, alpys zhulky pul bermeksin. Tulumdy kyz, aidarky ul bermeksin. Kulnazar kelip oldi auylina, ishim ottai kuiedi bayirima. Eger de pul bermesen, kyn bermesen, Esekem tanba basar sayirina». Eseke who is called by the poet, it is Espembet batyr. People from an oshakta didn’t listen to it. Years passed everything. Edige who was only 14 got onto a horse singing of this dispute”.

In A. Nysanala’s versions Edige’s arrival to Tole biy is described in a different way: “... Oshakta’s Dzhigits from a first zhuz killed Kulnazar from Zhadiger of an average zhuz, they didn’t pay cost, in this regard four persons from a sort Zhadiger came to Tole biy, but it didn’t begin to spoke normal with them. He listened to the first claimant and gave the right hand, then having listened to the second gave the left hand. — Unless there was a word after them? — third claimant said about himself and started talking, but Tole biy in reply to it extended top of the lip, and in reply to the fourth claimant lower of the lip. All four couldn’t wait from Tole biy the necessary answer and went home. When they told all event Aydabol Edige biy said: — Thus Tole biy estimated all of you. When exorcized the first yours he gave two hands, he wanted to tell that you are “bouncers”. When exorcized the following yours it extended two lips, he wanted to tell that you “dismiss gossips between two brothers, you can’t finish dispute and start talking about good”. The people directed Edige to Tole biy.

We noticed from this versions that Tole biy was the judge of the time. Also it is noticeable that Tole biy didn’t answer whom — got, and received only the elite.

On stories Edige “...brought together near ten people and started on a way. When came to the village Tole biy left to them towards, greeted and passed with the words “Almasyna moinym bar, asylyna koinym bar”. Edige told “Tole biy, you don’t look in my party?”. Then biy answered: “When the law from you, equipment from

us”. Edige: “Tole biy thus finished dispute. Tomorrow it to prepare a dowry and the bride. Tole biy actually gave to him the bride and sent them to the homeland happy”.

In N. Torekulula’s versions dispute to end differently. Roofing felt biy resolved dispute thus: “Alty atasyn arkalap zhyrgen kim bar? Zheti atasyn zhetelep zhurgen kim bar? Almasyn bolsa moinym bar, asylyn bolsa koinym bar. Byl daydin kesimi osi bolsa kaitedi, agaiyn!

Edige the first understood the decision of Tole:

– Oh, respected by all biy! Who possesses force, felt belongs to it who possesses a mouth, the word belongs to it. The told word — the shot arrow, it won’t come back. The law was from you, now and zhabyk let will be from you! — Edige told. Next day the people of an oshakta Mamay Zhadiger married one girl to the village”.

There are two objects who should pay attention. First that to Tole was ready to dispute in advance and found the fast solution. In two versions didn’t begin to speak to Tole much, and finished dispute very quickly — “Almasyn bolsa moinym bar, asylyn bolsa koinym bar”. Tole wanted to tell that the people of an oshakta didn’t admit the guilt, they were ready if payment of cost or bloody revenge deytvovat. Roofing felt at once understood that Edige didn’t come with intention “blood-blood” therefore it gave it cost and having told “asylyna koinym bar” he meant that in cost there is also a girl.

The second object, on A. Nysanala’s versions Tole told to Edige “if the law is from you, zhabyk let will be from us”. Probably it to Tole wanted that Edige himself made the decision on payment of cost.

And on the version of N. Torekulula Edige tells this word to Tole biy. Because in this versions the decision about payment of cost speaks itself to Tole. Edige speaks to Tole: “The law was from you, now and zhabyk let will be from you”. The law means the power, word means as the decision.

Generally this dispute proves that to Tole biy could solve the whole problem in a word which didn’t find the solution between the whole people during many years.

One more of decisions in which Tole biy dispute Abilkhayr who arose in connection with death of the khan participated. The Russian materials gave the chance to restore a picture between Abylkhayr khan and Barack sultan. First, dispute between two generations Chingis khan began for a long time. Secondly, Abylayr khan was close with russian officials, Barack sultan couldn’t see it. Thirdly, Abylkhayr robbed Barack’s caravan going with Hiya. Fourthly, maintaining the power by Karakalpaks in the Younger zhuz became the reason of big dispute. Dispute ended with death Abylkhayr khan.

Not only Barack is involved in murder Abylkhayr khan. Others also were incited against Abylkhayr. Among them there were also Barack's sons-Kayyp and Syrymbet batyr. And Barack struck with the hands the last blow and did it.

The first court of the biy found Barack guilty, on "Zhety zhargy" he had to pay seven costs. But Adylkhayr took to his sons only two costs and then the sons of Abylkhayr khan killed Syrymbet batyr.

Abylkhayr's sons didn't stop it. They wanted to revenge Barack sultan. Therefore Barack sultan in the second time addressed to court of the biy. This time he asks that to Tole biy solved this problem.

And according to N. Torekulula, sons Abylkhayr khan addressed in the second time to Tole biy. It brought together Ayteki biy, Syrymbet biy, Eseykhan biy, Zhalgan biy, Dosay biy, the Daba biy, Kabek biy and others. Then he carried out court. The court lasted for a long time. According to the decision to Tole biy, Barack biy wasn't punished.

Tole biy second time helped to Barack biy. Roofing felt recognized the second court of biy correct and considered wrong, to punish Barack biy in the second time. It could apply correctly the decision as "Bir koidan eki ret teri

syppyrlmaidy". Here so court of the biy Barack biy made the decision regarding. It executed the decision, that is gave to Sons two costs. Then they killed his son. After that the court didn't begin to apply any measures about Barack.

As we see, the court of biy functioned for the good of national unity. In their decisions the purpose biy lies. Also they could apply skillfully the principles and norms which arose in the Kazakh society.

One more news from outside biy became Tole that he adopted the new law about the person, died in cold. It introduced the following law for the person who didn't help umerashchy with cold. If he was in a wolf fur coat that it has to pay a cost floor if in a mutton fur coat that it had to come true. Under this law in materials in committee of Semey area it is told: "... Tola investigating case of the frozen person who didn't rescue passing, it was expressed about the last that he has to pay ½ kun for frozen if was itself in a wolf fur coat and has to be acquitted if was in a mutton fur coat".

These materials show that decisions were made on "Zhety zhargy" and other principles, and on new samples of decisions.

References:

1. Levshin A. I. The description the Kyrgyz – the Cossack or Kyrgyz-kaysatsky hordes and steppes. Under the general edition of the academician M. K. Kozybayev. – Almaty: Sanat, 1996. – 656 s.
2. Oserula N. Zheta of a zharga. – Almaty: Zheta of a zharga, 1995 – 80 s.
3. Torekulov N. Tole bi. Bilikteri, tolgauly, tapyrlytara, шешендік szder i, өсиеттері. – Almaty: Du_r – 32 s.
4. Уш пайгамбар. A. Nysanala. – Almaty: Daur, 1992. – 184 s.
5. Kazakh-Russian relations at 16–18 centuries (collection of documents and materials). – Alma-Ata: Academy of Sciences of KAZSSR publishing house, 1961. – 743 s.
6. Torekulov N., Kazbekov M. Kazaktyn of a bi-sheshendera. – 1, 2 books. – Almaty: Zhalyln, 1993. – 398 s.
7. Kazaktyn of zandara anti-terrorist operation: Kuzhattar, derekter, zertteuler. In ten volumes. – Almaty: Zheta of a zharga, 2006. – 7-that. – 604 s.
8. Materials on the Kazakh common law: Collection Popular scientific edition. – Almaty: Zhalyln, 1998. – 464 s.

*Murabildaeva Meruert Alimahunovna,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
E-mail: meruert_murabildaeva@mail.ru*

*Useinova Karlygash Rakhimzhanovna,
candidate of law science, department Theory and History
of State and Law, Constitutional and Administrative Law*

The history of development civil society

Abstract: Legal state law protects interests all the people, the interests of social groups and represent the freedom-legal state law protects interests all the people, the interests of social groups and represent the will of the people. It is known in legal state of each article, each point of law has the advantage.

Keywords: legal state, civil society, democracy, right and liberty.

The concept of civil society “was introduced” by John Locke, Adam Smith to reflect the historical development of society, its transition from the wild natural state to the civilized. This concept is analyzed by many great minds of social thought from Aristotle, Hegel, Marx to modern authors XXI century. Under the civil society they understand society at a certain stage of its development, including voluntarily formed not state structures in the economic, socio-political and spiritual spheres of society.

John Locke formulated the basic principles civilized relationships in society:

- personal interests stand above the interests of society and the state; Freedom — the highest value; foundation of freedom of the individual, a guarantee of its political independence — private property;
- freedom means non-interference someone to the privacy of the individual;
- individuals conclude among themselves social contract, ie. e. create a civil society; it forms a protective structure between the individual and the state.

Thus, according to Locke, civil society — people voluntarily united in various groups and self-governing institutions, fenced from direct intervention by the law of the state. Legal State intended to adjust these civil relations. If civil society is ensures the right (the right to life, liberty, the pursuit of happiness, and so on. D.), The state — citizen’s rights (political rights, t. E. The right to participate in the management of society). In either case, it is a person’s right to self-realization.

Civil society is the “aggregate of non-governmental organizations and institutions that manifest interests and will of citizens” [1]. Civil society includes the family and the private sphere, referred to as the “third sector” of society, distinct from government and business [2]. Dictionary.com’s 21st Century Lexicon defines civil society as:

- 1) the aggregate of non-governmental organizations and institutions that manifest interests and will of citizens; or
- 2) individuals and organizations in a society which are independent of the government [1].

Sometimes the term civil society is used in the more general sense of “the elements such as freedom of speech, an independent judiciary, etc, that make up a democratic society”. Especially in the discussions among thinkers of Eastern and Central Europe, civil society is seen also as a concept of civic values. One widely known representative

of this concept is the Polish former dissident Adam Michnik. Most authorities have in mind the realm of public participation in voluntary associations, trade unions and the like [4], but it is not necessary to belong to all of these to be a part of civil society. The Thirty Years’ War and the subsequent Treaty of Westphalia heralded the birth of the sovereign states system. The Treaty endorsed states as territorially-based political units having sovereignty. As a result, the monarchs were able to exert domestic control by emasculating the feudal lords and to stop relying on the latter for armed troops. Henceforth, monarchs could form national armies and deploy a professional bureaucracy and fiscal departments, which enabled them to maintain direct control and supreme authority over their subjects. In order to meet administrative expenditures, monarchs controlled the economy. This gave birth to absolutism. Until the mid-eighteenth century, absolutism was the hallmark of Europe [5]. The absolutist concept of the state was disputed in the Enlightenment period. As a natural consequence of Renaissance, Humanism, and the scientific revolution, the Enlightenment thinkers raised fundamental questions such as “What legitimacy does heredity confer?”, “Why are governments instituted?”, “Why should some human beings have more basic rights than others?”, and so on. These questions led them to make certain assumptions about the nature of the human mind, the sources of political and moral authority, the reasons behind absolutism, and how to move beyond absolutism. The Enlightenment thinkers believed in the inherent goodness of the human mind. They opposed the alliance between the state and the Church as the enemy of human progress and well-being because the coercive apparatus of the state curbed individual liberty and the Church legitimated monarchs by positing the theory of divine origin. Therefore, both were deemed to be against the will of the people. Strongly influenced by the atrocities of Thirty Years’ War, the political philosophers of the time held that social relations should be ordered in a different way from natural law conditions. Some of their attempts led to the emergence of social contract theory that contested social relations existing in accordance with human nature. They held that human nature can be understood by analyzing objective realities and natural law conditions. Thus they endorsed that the nature of human beings should be encompassed by the contours of state and established positive laws. Thomas Hobbes underlined the need of a powerful state to maintain civility in society. For Hobbes, human beings are

motivated by self-interests. Moreover, these self-interests are often contradictory in nature. Therefore, in state of nature, there was a condition of a war of all against all. In such a situation, life was “solitary, poor, nasty, brutish and short”. Upon realizing the danger of anarchy, human beings became aware of the need of a mechanism to protect them. As far as Hobbes was concerned, rationality and self-interests persuaded human beings to combine in agreement, to surrender sovereignty to a common power. Hobbes called this common power, state, Leviathan. John Locke had a similar concept to Hobbes about the political condition in England. It was the period of the Glorious Revolution, marked by the struggle between the divine right of the Crown and the political rights of Parliament. This influenced Locke to forge a social contract theory of a limited state and a powerful society. In Locke’s view, human beings led also an unpeaceful life in the state of nature. However, it could be maintained at the sub-optimal level in the absence of a sufficient system. From that major concern, people gathered together to sign a contract and constituted a common public authority. Nevertheless, Locke held that the consolidation of political power can be turned into autocracy, if it is not brought under reliable restrictions. Therefore, Locke set forth two treaties on government with reciprocal obligations. In the first treaty, people submit themselves to the common public authority. This authority has the power to enact and maintain laws. The second treaty contains the limitations of authority, i. e., the state has no power to threaten the basic rights of human beings. As far as Locke was concerned, the basic rights of human beings are the preservation of life, liberty and property. Moreover, he held that the state must operate within the bounds of civil and natural laws. Both Hobbes and Locke had set forth a system, in which peaceful coexistence among human beings could be ensured through social pacts or contracts. They considered civil society as a community that maintained civil life, the realm where civic virtues and rights were derived from natural laws. However, they did not hold that civil society was a separate realm from the state. Rather, they underlined the co-existence of the state and civil society. The systematic approaches of Hobbes and Locke (in their analysis of social relations) were largely influenced by the experiences in their period. Their attempts to explain human nature, natural laws, the social contract and the formation of government had challenged the divine right theory. In contrast to divine right, Hobbes and Locke claimed that humans can design their political order. This idea had a great impact on the thinkers in the Enlightenment period. The

Enlightenment thinkers argued that human beings are rational and can shape their destiny. Hence, no need of an absolute authority to control them. Both Jean — Jacques Rousseau, a critic of civil society, and Immanuel Kant argued that people are peace lovers and that wars are the creation of absolute. As far as Kant was concerned, this system was effective to guard against the domination of a single interest and check the tyranny of the majority.

Modern history G. W. Hegel completely changed the meaning of civil society, giving rise to a modern liberal understanding of it as a form of market society as opposed to institutions of modern nation state. Civil society is the realm of economic relationships as it exists in the modern industrial capitalist society, for it had emerged at the particular period of capitalism and served its interests: individual rights and private property. Hegel, civil society manifested contradictory forces. Being the realm of capitalist interests, there is a possibility of conflicts and inequalities within it (ex: mental and physical aptitude, talents and financial circumstances). He argued that these inequalities influence the choices that members are able to make in relation to the type of work they will do. The diverse positions in Civil Society fall into three estates: the substantial estate (agriculture), the formal estate (trade and industry), and the universal estate (civil society). A man is able to choose his estate, though his choice is limited by the aforementioned inequalities. However, Hegel argues that these inequalities enable all estates in Civil Society to be filled, which leads to a more efficient system on the whole. Karl Marx followed Hegelian way of using concept of civil society. For Marx, civil society was the base where productive forces and social relations were taking place, whereas political society was the superstructure [3]. Agreeing with the link between capitalism and civil society, Marx held that the latter represents the interests of the bourgeoisie. Therefore, the state as superstructure also represents the interests of the dominant class; under capitalism, it maintains the domination of the bourgeoisie. Hence, Marx rejected the positive role of state put forth by Hegel. Marx argued that the state cannot be a neutral problem solver. Rather, he depicted the state as the defender of the interests of the bourgeoisie. He considered the state to be the executive arm of the bourgeoisie, which would wither away once the working class took democratic control of society. The above view about civil society was criticized by Antonio Gramsci. Departing somehow from Marx, Gramsci did not consider civil society as coterminous with the socio-economic base of the state. Rather, Gramsci located civil society in the political superstructure. He viewed civil society as the vehicle for

bourgeois hegemony, when it just represents a particular class. He underlined the crucial role of civil society as the contributor of the cultural and ideological capital required for the survival of the hegemony of capitalism. Rather than posing it as a problem, as in earlier Marxist conceptions, Gramsci viewed civil society as the site for problem-solving. Misunderstanding Gramsci, the New Left assigned

civil society a key role in defending people against the state and the market and in asserting the democratic will to influence the state. At the same time, Neo-liberal thinkers consider civil society as a site for struggle to subvert Communist and authoritarian regimes. Thus, the term civil society occupies an important place in the political discourses of the New Left and Neo-liberals.

References:

1. Malko A. V., Matuzov N. I. Theory of State and Law translated form Russian. – Almaty: “Aisa-Press”, 2013.
2. Edwards Michael. Civil Society. – Cambridge, England: Polity Press, 2004.
3. Draper Hal. Karl Marx’s Theory of Revolution (Volume 1: State and Bureaucracy, Volume 2: The Politics of Social Classes). – New York: Monthly Review Press, 1977 & 1986.
4. Hrapnyuk V. N. Theory of State and Law, 1997; Zholaman K. D. Theory of State and Law. Textbooks: Nur-Press. – Almaty, 2005.
5. Ibrayeva A. S. Theory of State and Law: Textbooks. 2nd ed. With ext. And edit. – Almaty: Zheti Zhargy, 2006. – 424 p.

*Mynbatyrova Nurlaym Kanbatyrovna,
candidate of juridical science, associate professor
of department of theory and history of the state
and law, constitutional and administrative law,
law faculty, Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: nurlaiym@mail.ru*

Main directions of theory of state and law in the soviet and soviet Kazakhstan period

Abstract: The aim of the article is to define the main directions of theory of state and law in the Soviet and Soviet Kazakhstan period, to analyze and to memorize its features. At the very beginning of the Soviet period theorist-scientists’ point of view in sphere of theory of state and law had been analyzed. Scientists who made a great contribution into the development of theory of state and law and their opinions about state and right had been memorized. Methodical basis of the article consists of the cognitive principles and special scientific methods unity and connection. System, historically, comparative evaluation methods had been used during the work. Author’s all achievements can be used in reformation of legal fields taking into account people’s traditional jurisprudence. It can be used in teaching theory and history of state and law, legal and social studies history disciplines at law faculty.

Keywords: state, law, proletarian right, social right, Marxism, group attitude, theory of state and law.

The development of theory of state and law during the Soviet period had basically been formed by impact of Marxist studies. The main ideology embracing all fields of social life in the Soviet period was supposed cognition of group which directed to form the communist community. The main categories and conceptions of theory of state and law were developed in strong ideology and were improved in false scientific cognition.

During the Soviet period to establish proletarian ideology was the main direction then to establish legal ideology. Ideological theory basis leaned on Marxist and Leninist state and legal studies, is the studies derived from basic relations in theory of state and right.

After October revolution all authors in Marxist direction had recognized resolutions of bolsheviks as a proletarian law. On this basis proletarian legal conception was grounded and formed. One of this conception’s supporter D. I. Kursky mentioned that “right” means proletarian interests [1, 104]. P. I. Stuchka theoretically made a great contribution into further development of Marxist right concept during the Soviet period. According to P. I. Stuchka’s point of view group description of right had been recognized. Methods based on revolution dialectics were guided. Base studies was methodically founded in defining of right [2, 57–60]. At the beginning of the Soviet State there

have been a conception “legal groups” in acts adopted by fair people commissariat.

We should know that during the Soviet period E. B. Pashukanis made a contribution into formation of legal conception, in his common theory of law and Marxism work, he gave a special meaning to nature of legal group, leaning on works of Marxist studies founders. It is considered that bourgeois law was the most developed law of last types [3]. It limited liability of above mentioned proletariat law. In the mid 1930s the author introduced the main concept of socialist law. After formation of soviet community (there were no group discrimination) it was necessary to research the Soviet State and its rights. Later in M. Doschenko’s work the idea of socialist law had been developed. The conception Legal science had been developed during the Soviet period with a special influence of A. Ya. Vyshinsky. In 1938 at the first meeting on Soviet state and problems of legal science, A. Ya. Vyshinsky’s conception of law was formed. In accordance with this conception, the conception right representing interests of governing group (authorities) rules and regulations were legally confirmed by the state [4]. Ya. Vyshinsky meant by conception of law the legal right conception. Because he didn’t mean the difference between “law” and “right”, and therefore conception of “law” was accepted as the “right”.

Since mid 1950s during the Soviet period conception of law had been criticized in a certain degree. Right didn’t mean only legal right, but also more than legal norms in legal relation conception. This conception was offered by S. F. Kechekyan and A. A. Piontovsky. Later, A. K. Stalgevich added legal consciousness considering legal norms as legal relations conception. Between 1960–1980s instead of legal norms conception, conception of law had been used widely.

In Soviet Kazakhstan, theory of state and law had been evaluated and developed due to persistent work of Kazakhstan’s well-known scientists as S. Z. Zimanov, M. T. Baimakhanov, G. S. Sapargaliev, S. N. Sabikenov and others. Among them the patriarch of legal sciences S. Z. Zimanov’s work was especially important. In 1974 he wrote an article about contradiction problems of law in Kazakhstan and invited scientists to take part in discussion of this problem. It was one of very important job of that

time and was connected to M. T. Baimakhanov’s monographic work [5, 86]. S. Z. Zimanov basically mentioned that subjective reasons of legal contradiction due to ideological conception wasn’t reasonable, and said that it was necessary to research contradiction of law not only theoretically, but also practically [6, 140]. In 1982 S. Z. Zimanov did a report on theme “Common theory of law and its place in legal system” at the seminar of lawyers and philosophers which was organised by Institute of State and Law of Academy of Sciences and theory of state and law and history departments of Kazakh State University. In his report he considered widely the role and place of law conception. In his report he also identified that practice will play an important role in common theory conception, and nowadays new aims and tasks in state law have to be considered on jurisprudence theory level than legal fields. In addition, he offered to analyze and review main advantage and disadvantage problems of theory of state and law. In 1970 various conceptual opinions concerning theory of state and law had been analyzed. S. Z. Zimanov was against that theory of state and law was in methodical sciences, he offered to consider it as a science with a methodical meaning. In his work he also offered to pay a special attention to person’s legal status and form it in a special legal science direction.

Some problems of theory of state and law were discussed by scientists with S. Z. Zimanov’s guidance. In 1984 there was a joint meeting together with above mentioned Institute and departments with S. Z. Zimanov’s guidance. S. Z. Zimanov was one of leading scientists who made a great contribution into development and formation of legal sociology in Kazakhstan period. At the beginning of 1980s due to S. Z. Zimanov’s persistent work there had been debate on various theory problems of state and law of the Soviet Union state. One of such debates was mentioned in V. S. Nersesyan’s report about conception of law. At that time it was important that conception of law must be understood widely than norms. V. S. Nersesyan offered the necessity of difference between conception of law and right in the late of Soviet State and post Soviet period. Later it was convenient to form liberal theory of conception of law.

References:

1. Kursk D. I. Selected articles and speeches. – M.: Gos. publ. jurid. lit-ry, 1958. – 327 p.
2. Drybin L. G. Stuchka – theorist and advocate marxizma-Leninism. – Riga, 1983. – 484 p.
3. Pashukanis E. B. General Theory of Law and Marxism. – M., 1924. // [El. res.]. – <http://www.gumer.info/bibliotek>
4. Vyshinsky A. Y. Problems in the theory of state and law. 2nd ed. – M.: Gosyurizdat, 1949. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.twirpx.com/files/law/tgp/ff.djvu/>

5. Baimakhanov M. T. Contradictions in the development of the legal superstructure under socialism/ M. T. Baimakhanov; Ans. Ed: Zimanov S. Z. – Alma-Ata: Science of the Kazakh SSR, 1972. – 358 c.
6. Zimanov S. Z. General Theory of Law and its place in the course of the theory of state and law. – Alma-Ata, 1979.

*Myrzakulova Moldir,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law,
Scientific adviser: Associate professor U. A. Akhatov
E-mail: moldir.myrzakulova@mail.ru*

Concept and features of slave and slavery in the traditional Kazakh law

Abstract: Traditional Kazakh society is small in relation to the following trading update of slavery, although she is the subject of many discussions of this issue is very complex. At the same time, Kazakh society of slaves and slavery of the views of the nomadic way of life and its spiritual sources showed how to search. Kazakh nomadic society deeply the nature of slavery, only one side of assessment, blowing, to provide a comprehensive, in-depth analysis showed that the phenomenon is one of the most necessary.

Keywords: traditional law, society, slave, historical practice.

In the modern Kazakh society phenomena that are socio-politically important and being especially when the image against them, and you will notice that their relationship is a clear need for a deeper concepts. In fact, the world of nomads, especially Kazakhs are allocated in the process of farming, the concept of cultural and moral concepts, etc. factors which are of their particular characteristics. According to our opinion, one of the events require special concepts in the Kazakh public concept is slavery.

Why in the traditional Kazakh society, rather than for example in some eastern and western countries appeared position peculiar concepts. Of course, this is a difficult task, it is impossible to convey the scope of a single word or a concept. We can understand and penetrate deeply into the development of the evolution of the emergence of slavery in the Kazakh steppe.

In protokazakh Institute of slavery society evolves with every requirement arising in society socio-economic processes. Forms and methods of slavery and slavery if delve deeper into the history of the development and changes in ways of using a particular sector of society.

Based on historical practice formed in protokazakh society of slavery, mainly in Kazakh society slaves, and the essence of the concept and their role in society has established a system. In other words, in the traditional Kazakh society, that is, in the XV century, and the beginning of XVIII century formed the notion of systems on the role of slaves society, and this is the fruit of centuries of trial which is rich in its fruits.

In traditional Kazakh society study of slavery richly problems that are theoretically important. In our the-

ory, such important problem is on the one hand from the etymology of slavery. In a brief encyclopedia of our country is said about the etymology of slavery, and expressly states that takes place in a slave society, as well as its function, and talk about the benefits of his work for the nomadic Kazakhs. Now let's try to consider the conclusion: "In Kazakhstan developed a generic form of slavery. Slaves for sex differences were called servant and slave. They are mainly engaged in household chores. And in rural areas slaves were used for plowing the land, and for the construction of irrigation facilities. But here, the slaves could not become the main production force. Slaves in the Kazakh society were were *bezpravny* creatures, and control an ancient rule based on traditional *adat* rules. Slaves were bought, sold again, and let's get together dowry rich girls sometimes even becoming the prize in the competition. But it is not very developed in Kazakhstan, only had a patriarchal characteristic" [1, 301].

And the ancient Turkic language dictionary and slaves provided the following explanation: "Qul I.

1. The slave Slave: *ol odka qul quliy bolmis erti* — while slaves became slave owners; *kisi barca jarmaq quly boldilar* — all people have become slaves of money.

2. God's servant, a man: *qul tanrika butti* — people believe in god (single); *farista bitir qul nequ qilmisin* — Angel writes that made the servant of God; *bajat berdi qulqa eki koz qulaq* — God gave man two eyes and ears.

Qul, kun: male and female slaves, slaves: *qulim kunim boduniy tanri jer aju berti* — my slaves and people then headed Heaven and earth; *beduk bergan gatiy*

qayalin toqip emgatip qul kunug islatdimis ersar — if we are forced to work as slaves, torturing (their) large rods and rigid rod; bulun qilyil oylin qizin qul kunin — held captive by his children and slaves; qul qarabas — slaves, slaves; ukus qul qarabas kerak — need a lot of slaves; boyuz quli see. Boyuz I; kun qul see. Kun”.

“Kun — slave, servant; silik qiz oylun kun bolti — your pure female offspring become slaves; ol kunka jip egirtti — he forced female slave thread twist.

Kun, qul — slaves and servants; tozun javas edgu kisilarig kun qul gilip – making noble, gentle, kind people slaves and slaves” [2, 464].

In one published in the light dictionary defines servant: “It’s a farmer who has no rights and is entirely dependent on the host” [3, 419].

During the analysis of the issue of the slave etymology of the mid-century Kazakh steppe thinker, one of the scientists — Mahmoud Kashkari “with the Turkic word” pay special attention to the work and thought of the resolution. According to Mahmoud Kashkari work slave following thought: “Free is a derivation of the word slave. Therefore, the type of free-silver pearl slave Kumish, warrior slave Alb free, safe shoes, Mayliayak so-called slave Kutlug free. Later they were offered to the children of this word only Khahan. Even though the word in the name of some of the birds of prey were used in combination. For example, Chagri free — Karshyga free, Kuch free — High, such as those claiming to be free of charge.

As for the word is moved to the sons of Afrasiyap, their grandfathers, who is very special to commemorate the unique. Therefore, if they apply to any business his grandfather, or type the letter, they keep a low behavior, it was said, who graduated from the castle of the following actions. Later that their side is the name of the title. Free to highlight the name of the other slaves their word, he was more familiar with the words” [4, 28].

Etymology of the word slave Turkish go into one of the most well-known orientalist scholars — T. I. Sultana said [5, 537].

Slave word really is the Turkish language. Slave history of the word appears on stage, in our opinion, will be able to start medieval Turkic khanate place on the territory of Kazakhstan. From this period of time “slave” and “slave” in the words of a nomadic society as a social group name widely used in many papers and other documents.

Kazakh society of slavery was one of the main institutes of Kazakh customs law [6, 83].

Kazakh customs Institute of slavery on the right — the nature of slavery, its methods, ways and forms, that slaves in the legal conditions are part of the violations of

the rights of Kazakh customs. Kazakh customs Institute of slavery on the right is characterized by the following symptoms:

- First of all, the right to Kazakh customs of slavery is a special relationship between independent standards;
- Secondly, the internal unity of the system is the structure of slavery;
- Thirdly, the general rules governing the relations of slavery is part of the Kazakh customs law [7, 75].

Kazakh steppes public consciousness slave society is one of the lowest social negative approach, the second part to go in terms of masculine feel very sorry for him that was. In fact, this world views on slavery and slave brought to people living in the community in terms of its population, based on the respect to the nature of freedom-loving characteristic of the people of the world in the field [8, 379].

We are a traditional Kazakh society, which caused the ownership of slaves and slave ancestors, do not exceed the level of this world view. Then just give into the secrets of these phenomena, we can focus on the eyes with a gentle approach that does not need to appear. Pleasures of this world are eternal, uncertain how much joy to the eye area by the ancestors of the slave is tied to a deeper, wanted to see the treatment of his personality. Depressed and had to get the most out of the status of slaves to the nomads of the defenseless. Turkic brother, warned: “Kalgan was revoked, the sons of the people Tabgash labor of slaves, slave girls” find the words [9, 61].

In addition, the well-known Turkologist S. G. Klyashtorn’s Let us talk about the slaves opinion: “And no matter what the contradictions are not characterized relations between rich and poor, between the runs and the common people, hangover generally opposed to other groups of the population, part of the ancient Turkic El — Revolutionaries completely dependent on slaves, who, even having joined the family of their owners, did not members of the ancient Turkic community. That slaves were powerless social periphery of the ancient society.

The semantic range of terms, which are indicated in the ancient Turkic runic monuments of Central Asia unfree man (molecules) and unfree woman (Kühn) ... male and female slaves in the ancient community of people were forcibly taken away from their habitats, torn from their tribal environment deprived of their status, surrender to the power of their masters” [10, 137–138]. Turks slavery was finally sent to prison for. In desperation view. English slavery understanding of this point of view in the minds of slaves to show themselves in public life and freedom, and the company has become a full member of the opportunities [11, 91].

Kazakh steppes, we have developed a unique approach to the slaves as well as the total field of people like to look behind the legal consciousness of the public. Traditional legal system, which has been studied for many years, the famous scientist, academician S.Z. The auditorium of the Kazakh laws and parents with respect to its foundations associated with the mobile game, the methodological values expressed as follows: "Kazakh law is distinguished that it guided basically customary legal norms and institutions was formed and has developed as if in a "free" area and therefore a mostly peaceful, natural resistance of nomadic civilization. In this regard, we can say that it is in substantial part in many respects ahead of his time, in the depths of which was formed and developed into its framework" [12, 34].

This is a fundamental review of any of the legal structure of the Kazakh society and institutions, the media should not be satisfied. Traditional Kazakh society and its place and role in the slave of the value of

the opinions expressed in the case of films behind the legal consciousness of the public should be looking for. Here is the Kazakh public legal consciousness of the nature of slavery, we can open only in a comprehensive way [13, 96].

Traditional Kazakh society to the depths of the legal world of centuries of slavery is the personification of a generalized practice. Kazakh society of slaves and led a nomadic life of society on the basis of the views and positions to democratic principles, ideas and concepts.

Traditional Kazakh society is small in relation to the following trading update of slavery, although she is the subject of many discussions of this issue is very complex. At the same time, Kazakh society of slaves and slavery of the views of the nomadic way of life and its spiritual sources showed how to search. Kazakh nomadic society deeply the nature of slavery, only one side of assessment, blowing, to provide a comprehensive, in-depth analysis showed that the phenomenon is one of the most necessary.

References:

1. Kazakh SSR: Short Encyclopedia: 4 vol. – Almaty: Kazakh Soviet Encyclopedia old-General, 1984. – T. 1. – 301 p.
2. The Dictionary of Old. – Leningrad: Nauka, 1969. – p. 464.
3. Dictionary of the Kazakh language: 50 thousand words and phrases contained in the./Compiled by: b. Bolğanbaev, B. Potassium, S. Bizakov etc. – Almaty: Dyke Press, 1999. – 419 p.
4. Kashkari M. The bottom of the Turkish language: (a sofa lwğat dog-Turks)./translated: K. Beketaev, A. Ibatov. – Almaty: native, 1993. – 28 p.
5. History of Kazakhstan. Ancient times up to the present day: 5 vol. – Almaty: Atamura, 1998. – T. 2. – 537 p.
6. Ibraeva A. S., Ibraev N. S. Theory of State and Law: Textbook. – Almaty: Seven of the Charter, 2003. – P. 83.
7. Jidkov O. A. History of State and Law of the Ancient East. – M., 1963. – P. 75.
8. Kashkari M. Turkish Dictionary: (sofa lugat-dog-Turkish): The three-volume/Translation: A. K. Egeubaev. – Almaty: Hunt, 1997. – T. 1. – P. 379.
9. Kultegin. Tonykok: ancient Turkic runes Records./literary vers. of the Kadir Mr. Ali. – Almaty: region, 2001. – 61 p.
10. History of Kazakhstan and Central Asia: Textbook/M. H. Abuseytova, J. A. Abylhozhin, S. G. Klyashtorny et al. – Almaty: Dyke-Press, 2001. – P. 137–138.
11. Qurışjanulı A. Old Turkic inscriptions:/Title words. Proverbs and sayings. – Almaty: Source, 2001. – 91 p.
12. The auditorium of Zimanov S. Z. Drevniy World Kazakhs and its origins./of Kazakhstan in: Documents, data and research: 10 volumes. – Almaty: Seven of the Charter, 2001. – T. 1. – P. 34.
13. Craft I. I. Of the Kyrgyz antiquity. – Orenburg, 1900. – P. 96.

*Nurbayev Adilet Nurbayuly,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Ospanova Jamilya Azizkhanovna,
Candidate of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional
and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University
E-mail: adok_92@mail.ru*

State-legal protection of children in the Republic of Kazakhstan

Abstract: In work state and legal bases of protection of the rights of the child in the Republic of Kazakhstan are investigated. Are considered history of development of the concept of human rights and rights of the child in the legal concept of human rights, concept of the mechanism of protection of the rights of the child, the structure and the characteristic of the mechanism of legal protection of the rights of the child both with theoretical, and from a practical side are given. The provisions lit in work are directed on improvement is state — legal protection of the rights of the child. In any society children have to use special care and protection. They are the most expensive that can be, and from that, their life is how arranged, what conditions are created for them by the state, the future of this state depends. Therefore questions of protection of children and their basic rights, and children have too rights, have to be the focus of attention in any state.

Keywords: children, legal protection, reforming, convention, action mechanism.

Master's thesis topic I chose about protecting the interests of children in the Republic of Kazakhstan, as he decided to continue the theme of the thesis, which he defended, studying in a bachelor degree. This paper investigates the state and legal framework for the protection of children's rights in the Republic of Kazakhstan. The history of the development of the concept of human rights and the rights of the child in the legal concept of human rights, the concept of a mechanism to protect the rights of the child, given the structure and characteristics of the mechanism of state — the legal protection of the rights of the child with both theoretical and practical perspectives. Subjects covered in the provisions are aimed at improving public-pravovoy child protection. In any society, special care and protection should be used by children. They — it's the most expensive that can be, and that's how their lives are arranged, what the conditions are created for them by the state, depends on the very future of this state. Therefore, the protection of children and their fundamental rights, and the children have the same rights, should be the center of attention in any state. The original idea of human rights formed in the mainstream theory of value and legitimacy of the law (Socrates, Plato, Aristotle, Pericles, Demosthenes). Each stage of development of society was yet another step in the expansion of rights and freedoms. In this topic, if you communicate with the theory of law, it is possible to identify the child as a minor has the legal capacity from the moment of

birth, and capacity comes from the moment they reach a certain age established by the state. Thus, recognizing the child's legal capacity, the state determines the assignment to him a certain amount of natural and inalienable rights, obliging society guaranteed the protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the child. It is the right to life is the most essential and, one might say, the basic right of the original, which appears after the birth of the child, and no one can deprive him of that right. Human rights and child are universal moral categories, fundamental in nature, which are an integral part of each individual in his relations with the state. The modern concept of human rights involves three aspects:

- Each authority has its own bounding boxes;
- Each person has their own autonomous sphere in which no force can invade;
- Each person can make a strong statement against the state in order to protect their rights.

Human rights belong to the category of moral rights, but they differ from other moral rights for a number of reasons. Moral rights may belong to the individual with his particular place or role in society. Human rights, on the contrary, are universal. They belong to all people in all situations, regardless of social status. Base sources is represented by several groups of documents. The first of these should include legislative and other normative acts adopted in the last decade. This group of sources is very important because it allows us to characterize

particular state approach in the field of legal policies for state protection of children's rights in the country. For example, only for the period from 1999 to 2005 in Kazakhstan on this issue developed and adopted a number of national laws, which include:

- 1) "The concept of the state youth policy of the Republic of Kazakhstan" dated 28 August, 1999;
- 2) Code of the Republic of Kazakhstan "On Administrative Offences", dated 30 January, 2001 (Chapter 12 "Administrative offenses against the rights of minors");
- 3) Law of the Republic of Kazakhstan "On preventing and curbing smoking", dated July 10, 2002;
- 4) The law of the Republic of Kazakhstan "On youth policy in the Republic of Kazakhstan" dated July 7, 2004;
- 5) The Law "On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan" dated August 8, 2002; Typical position "on the Commission for the Protection of Minors" of 2001. The degree of elaboration of the problem is characterized by the fact that during the period of formation of Kazakhstan as a sovereign state research in this area, in fact, were not carried out. Source materials research were: laws, ordinances, codes, regulations defining the legal status of the child. An important place is given to the analysis of official documents: letters, statements and speeches of the President of the Republic of Kazakhstan and the leading statesmen, as well as monographs, collections of scientific papers, scientific journals, scientific and socio-political literature. The study takes into account the achievements and experience of the Soviet, Kazakh, Russian and foreign states on public-legal protection of children's rights. According to the Law of RK "On the Rights of the Child" dated August 8, 2002, the public policy objectives of the Republic of Kazakhstan for children are:
 - Ensuring the rights and legitimate interests of children, preventing discrimination against them;
 - Consolidation of the basic guarantees of the rights and legitimate interests of children, as well as the restoration of their rights in cases of violations;
 - Formation of the legal framework guarantees the rights of the child, the establishment of appropriate bodies and organizations for the protection of the rights and legitimate interests of the child;
 - Promote the physical, intellectual, spiritual and moral development of children, education for their patriotism, citizenship and peace, as well as the implementation of the child's personality in the public interest, traditions of the people of the state, the achievements of national and world culture;
 - Focus the work on the formation of a minor legal awareness and legal culture. At present, the protec-

tion of the rights and legitimate interests of the children entrusted to the guardianship authorities in the field. According to Article 106 of the Law "On Marriage and Family", they perform their functions through the competent authorities of education, social protection and health. However, under the current distribution of powers issues such as the prevention of child separation from family, early identification of children in difficult situations, and taking action on their device in the family, in most cases remain unsolved. In this context necessary to change the legal status of the guardianship authorities through their reform in independent business units local government offices. To ensure the quality of life of children, the relevant international standards, Kazakhstan has joined many international instruments, including the Convention on the Rights of the Child. In connection with the international commitments Kazakhstan deadlines reported to the UN Committee on the Rights of the Child on the implementation of the signed them normative legal acts. Thus, in accordance with the resolution adopted at the 58th session of the UN General Assembly in September 2006, the Committee was prepared by the National Report on the implementation of the Declaration and Plan of Action "A World Fit for Children". The Committee also prepared a report on the implementation of the Republic of Kazakhstan of the Optional Protocol on the involvement of children in armed conflict, which was heard in the UN Committee on the Rights of the Child in Geneva in September 2006. During the ratification of the Convention on the Rights of the Child, Kazakhstan has twice reported to the UN Committee on the Rights of the Child on the implementation of its provisions. The second report, prepared by the Committee, held at the 45th session of the UN Committee on the Rights of the Child in May 2007. In order to implement the recommendations made at this session of Kazakhstan, the Committee developed an "Action Plan for the implementation of the Concluding Observations of the UN Committee on the Rights of the Child", which reviewed and approved at a meeting of the Interdepartmental Commission on international humanitarian law and international human rights treaties. To the greatest extent to protect the rights and interests because of physical, mental and social immaturity require minors. But their rights are increasingly violated by parents and officials. And the number of such violations, unfortunately, is steadily growing. One of the most effective ways to protect the rights and interests of minors in the Republic of Kazakhstan, in my opinion, is the optimization and improvement of the legislation on models of practice in foreign countries.

References:

1. The Constitution of the Republic of Kazakhstan., 30.08.1995.
2. Children of UNICEF: "Children as subjects of International Law". – Astana, 2013.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.unicef.by/projects/childrenrights/>.
3. Law on the Protection of Children's Rights in the Republic of Kazakhstan., 8.08.2002.
4. Children's Legal Center and UNICEF, Guidance for legislative reform on juvenile justice. – 2011.
5. Convention "On the Civil Aspects of International Child Abduction", The Hague, 25 October, 1980.

Orisbaeva Zamira,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna,
candidate of juridical science, associate professor
of department of theory and history of the state and law,
constitutional and administrative law, law faculty,
Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: nurlaiym@mail.ru

Some problems of studying the history of ideas division of the authorities in Western Europe

Abstract: The article is about the occurrence and development of the idea of division of power. Author divides its development into four stages and gives information on each of them. Also, author emphasizes some scholars, who made a significant contribution to the development of the idea of division of power. It is specially noted John Locke and Sh. L. Montesquieu, being strongly associated with the modern theory of division. It is pointed out that the early political and legal ideas had an enormous influence on thinkers of modern times. Conclusion are drawn that the consideration of the triad in the form of legislative, executive and judicial powers over time has become a classic formula of the theory of constitutionalism.

Keywords: division, state-legal relations, balancing, natural law, social contract, monarchical form, democratic form, authority.

Division of the authorities is one of the oldest political principles that emerged as a political and legal thought in ancient times and developed up to now.

Development of the theory division of the authorities can be divided into four stages:

1. The theory of division of the authorities in the ancient legal thought;
2. The theory of the division of the authorities in the medieval legal thought;
3. The theory of the division of the authorities between the bourgeois revolutions.

The theory of the division of the authorities at the present stage. The rudiments of the modern theory of division of powers were laid in ancient times. Ancient thinkers have tried to identify the communication and interaction between the law and the government, which would ensure the harmonious functioning of the society of a particular era. Scholars of antiquity believed that the most reasonable

and fair, only that the political form of life in which the law is generally required, both for citizens and for the state itself [1, 27].

Platon, exploring the state-legal relations, and especially the origin, structure and functions of the state, divides them by shape [2, 94]. It is based on the principle of classification of the differentiation of authority of one, or a particular group of the majority.

In his book "Politics" Aristotle wrote: "Where there is no rule of law, there is no place and form of the state system. In any state system of three main parts; first — the legislature body considering the affairs of the state, the second — position, the third — the judicial authorities" [3, 159]. Aristotle divides the state into three right and three irregular shape. In his opinion, the most correct form of the state — the political, selects the best of the monarchical and democratic forms of the state, in other words, take into account the interests of the Politia as a people and the ar-

istocracy. Thus, Aristotle wanted to limit the power of the monarch, and to protect it from the tyranny of subjects.

A new milestone studying the problem of political, legal and functional relations between the authorities opens Polybius. In his doctrine of the state a lot of attention is paid to the exclusion determination of arbitrariness on the part of the authorities to the subject, as well as prevention of conflict between the branches of government. To solve this problem, in his opinion, can be achieved by balancing the branches of government. Polybius, recognizing six basic forms of the (kingdom, tyranny, aristocracy, oligarchy, democracy, ochlocracy) believed that each of them because of their weaknesses can be transformed into its opposite. Based on these assumptions, he concludes that, of course, the perfect form must recognize this, which combines features of all forms of government. Polybius main advantage of this form of state has seen in the fact that it is more stable than other forms of government. All these signs of the state he saw the state of the Romans. In the state of the Romans — says Polybius — state power is divided between the consuls, the Senate and the people [4, 122].

Thus it is necessary specify that Polybius, Aristotle, Plato and other ancient scientists in the concept of division of powers did not put the meaning that is characteristic of this concept today. Talking about the division of the authorities, they primarily had in mean the principle of equal participation of all interested parties in government. Recognizing this fact, however, the author proceeds from the fact proposal that it was in ancient times, and these scientists was the beginning of the theory of separation of powers. Occurrence of the theory division of the authorities in the modern sense is usually strongly associated with the names of two prominent thinkers of modern times — John Locke and Sh. L. Montesquieu [5, 186].

For the first time the theory of division of the authorities began to develop the English philosopher John Locke. This theory is expounded in the paper “On Civil Government”. John Locke — a supporter of natural law and the social contract. It is because of these theories, he formulates his understanding of division of the authorities.

It is no secret that the ancient political and legal ideas have had an enormous influence on thinkers of modern times. In particular, it has been borrowed from the an-

cient theory of natural law, which is largely formed the basis of the theory of separation of powers. However, as the end of the early XVII–XVIII centuries in Europe there was quite different compared to the ancient era, the situation. It is characterized by the emerging struggle of the third estate, and other social groups for political freedom. To achieve the goals of this struggle was necessary to limit the power of the monarch in the current political situation and the future will not allow the concentration of power in the same hands [6, 284]. Thus, the theoretical base has been prepared by the entire objective course of history, and the impetus for its design served as the bourgeois revolution in England (1640–1648), And later in France (1789–1794).

Locke’s ideas about the need for and the importance of division of the authorities were set out in the main his work “Two Treatises on Governance” (1690), and the idea of separation of powers Montesquieu and others of his social and political views — in the novel “Persian Letters”; historical essay “Reflections on the causes of the greatness and fall of the Romans” and mainly his work — “The Spirit of Laws” (1748).

Similarly to other scientific ideas and concepts, the theory division of the authorities has been prepared by all previous socio-political development and the accumulation of historical experience in the organization of the state and legal life and maintaining stability in the society and the state.

Similar ideas of separation of powers develops and supplements later in the works of Montesquieu. In each state, he wrote, “there are three kinds of power: legislative power, executive power in charge of international law and the power of the executive in charge of civil rights. By the first part of the emperor or the institution makes the laws, temporary or permanent, and corrects or removes existing laws. By the second, he declares war or make peace, sends and receives ambassadors, provides security to prevent the invasion. Due to the third power, he punishes the crime and authorizes the collision of individuals. The latter could be called the judicial authority, and the second — just the executive branch of the state” [7, 186].

Consideration of the triad in the form of legislative, executive and judicial powers over time has become a classic formula of the theory of constitutionalism.

References:

1. Alekseev N. N. The idea of the state. – Publishing house «Lan», 2001. – P. 27.
2. Kerimov A. D. Executive power in the system division of the authorities. // «Citizen and Law», – 2001. – № 9. – P. 94.

3. Troubetzkoy E. N. Religious and social ideal of Western Christianity. – SPb.: Publisher RKhGI, 2004.
4. Kotlyarevskiy S. A. Power and right. – Publishing house «Lan», 2001. – P. 122.
5. Michelle A. The idea of the state. Critical experience the history of social and political theories in France since the Revolution. – M.: Publishing House «The territory of the future», 2008. – P. 186.
6. Shevtsov V. Division of the authorities in the Russian Federation. In 2 vols. – M., 2004. – P. 284.
7. Civil society: the origins and the present. – Legal Center Press, 2000. – P. 186.

*Ospanova Jamilya Azizkhanovna,
Cand. jur. sci., associate professor of department
of the theory and history of state and law,
constitutional and administrative law,
Al-Farabi Kazakh national University
E-mail: sergei-95-777@mail.ru*

Tendencies of development of the modern administrative legislation in the Republic of Kazakhstan

Abstract: In this article is considered tendencies of development of the modern administrative legislation in the Republic of Kazakhstan. Reforming of the administrative legislation is caused by certain difficulties in practice of law-enforcement activity of the modern period of development as imperfection of the existing administrative legislation generated uncertainty on a number of questions. Research of regularities of process of modernization of the administrative and delictual legislation of the Republic of Kazakhstan from the moment of finding of independence and to the present showed that its forward development was based on program documents and, first of all, is connected with implementation of the Program of legal reform from 1994 to 2001.

Keywords: administrative legislation, reform, codification, law-enforcement activity.

In the conditions of the proceeding administrative and legal reforms the greatest relevance is gained by processes of modernization of the administrative and delictual legislation of the Republic of Kazakhstan regulating administrative and delictual types of the public relations which are formed as a result of perfect administrative offenses and involvement of the offender to administrative responsibility, or release of the person who made an administrative offense from administrative responsibility and an administrative penalty.

Reforming of the administrative legislation is caused by certain difficulties in practice of law-enforcement activity of the modern period of development as imperfection of the existing administrative legislation generated uncertainty on a number of questions. For example, rather legal nature of the sanctions provided in various laws, decrees of the President, resolutions of the government of the Republic of Kazakhstan, and also an order of their application that, eventually, negatively affected protection of the rights and freedoms of the person and citizen, the organizations in the administrative and delictual relations.

Considering the social and economic and political transformations happening in Kazakhstan this period of

development where the main idea of activity of government bodies was creation in the Republic of Kazakhstan of the constitutional and democratic state founded on market economy it is necessary to specify that in the Republic of Kazakhstan attempt of strict implementation of rules that borders of state regulation of the developing administrative and delictual relations have to be defined strictly by a legal framework and the legislation which have the purpose a problem of the maximum ensuring the principle of a priority of the rights and freedoms of the person was carried out. Also rules that the most admissible borders of intervention of the state in functioning of the market relations are defined by usefulness of this regulation for formation and functioning of new types of “vlasteotnosheniye” and all system of a new state system were considered.

In the context of reforming of the administrative and delictual legislation which main statutory act the Code of Administrative Offences had to be, noticeable lag in its development that was connected, first of all, with difficulties of a transition period was observed. Thus it is necessary to specify that are protected by measures of administrative and legal coercion not only norms of administrative law, but also the norms relating to other branches of the right.

At the same time, characteristic feature of this period was also that in all spheres of the Kazakhstan legislation codification of regulations which result was an adoption of new industry codes of the Republic of Kazakhstan was carried out: civil, criminal, civil procedural, criminal procedure, criminal and executive, etc.

However in the sphere of administrative law till January 30, 2001 in Kazakhstan the Code Kazakh with the Soviet Socialist Republic about administrative offenses of 1984 with the corresponding additions and changes which followed from the contents, specifics and essence of the formed market relations worked. Adoption of the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses of January 30, 2001 allowed to be claimed in opinion that the administrative and delictual legislation defining the bases, measures and an order of implementation of measures of institute of administrative responsibility came to a new stage of the development. The fact of implementation of its second codification which allowed to bring a considerable standard array of the administrative and delictual legislation into accord not only with the Constitution of the Republic of Kazakhstan, but also with modern social and economic realities of the country eloquently testified to it.

The idea about formation of qualitatively new institute of administrative responsibility in system of the Kazakhstan administrative law of torts by the legislator is substantially realized. And it isn't casual as judgments of this sort visually are confirmed by the following examples. So, for example, the Code Kazakh the Soviet Socialist Republic about administrative offenses of 1984 existing before acceptance the Administrative Code of RK of January 30, 2001 contained a far incomplete list of norms on the circumstances excluding administrative responsibility which in the theory of the right existed actually in the structure. In the real case, the legislator was limited only to that were carried to their number — the emergency which found reflection in article 17 Administrative Code Kaz. The Soviet Socialist Republic, and the necessary defense which found reflection in article 18 Administrative Code Kaz. Soviet Socialist Republic.

In the new Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses there were whole chapters devoted to a regulation of the called types of the public relations. Changes in political and legal reality, new approaches in rule-making, efforts of scientists in the sphere of administrative law led to corresponding changes in branch from the point of view of its standard and legal filling. There was a large number of own acts, and at the level of laws which

existence during the Soviet period was impossible (laws on public service, administrative procedures, appeals of natural and legal entities, etc.).

Further reforming of the administrative and delictual legislation of the Republic of Kazakhstan is inseparably linked with adoption of the Concept of legal policy of the Republic of Kazakhstan of September 20, 2002.

The advantage of the called Concept is that within the specified document is defined by the legislator that “the current legislation providing functioning of legal system of the country according to the Constitution of the Republic of Kazakhstan, the conventional principles and norms of international law demands further development, in particular, of stage-by-stage improvement of current laws, and also acceptance in need of the new regulations meeting the requirements of further democratization of society and problems of social and economic development” [7, 4].

The legislation on administrative offenses has to be most directed on restoration of the violated rights, the prevention of the legal conflicts in society by administrative and legal measures. Thus when forming administrative and legal sanctions the principle of their harmony of degree of public danger and to character of an offense has to be observed strictly [2].

Essentially that the called starting positions formed a basis for further formation of the new administrative and delictual legislation, and studying of practice of application of the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses, both judges, and other subjects of administrative jurisdictional activity, caused the necessity of entering of essential changes into the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses (2001) and in some other acts of the Republic of Kazakhstan regulating the administrative and delictual relations. The bases for this purpose were the numerous conflict moments which were characteristic for the existing administrative and delictual legislation:

- first, remained not up to the end worked problematic issues of a ratio of standards of the Code of the Republic of Kazakhstan of administrative offenses with other standards of the administrative legislation;

- secondly, it was not until the end of worked norm on a deadline of pronouncement of the resolution on the case of an administrative offense from the moment of commission of an offense. Unfortunately, it still allows its double interpretation of right application by bodies. So, for example, one judges consider this term as preclusive, others carry this term only by the time of pronouncement of primary resolution on business;

– thirdly, in the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses it is necessary to make changes to separate articles of Special part to exclude their contradictions with other articles of Special part and other sections, and also to provide compliance to requirements of the theory and practice [8, 26–30];

– fourthly, still there is a question of expediency of “binding” of the sizes of administrative penalties to the minimum compensations (MRP), etc.

Called us above and other reasons existing for this purpose became a basis for this purpose that for the first time for all history of development of administrative law the legislator came to a conclusion about need of differentiation of the administrative and delictual legislation to two most parts: material and procedural, and on the basis of these ideas today in Kazakhstan are developed and Drafts of the new Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses and the Administrative procedural code of the Republic of Kazakhstan are widely discussed.

Supporting and joining an initiative of the legislator, analyzing a role and value of estimated codes, we want to pay attention to the next basic moments defining fidelity of the decision made by the legislator:

– first, as it is represented to us, the legislation of the Republic of Kazakhstan on administrative offenses has to consist of the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses and other acts of the Republic of Kazakhstan. At the same time, other acts providing administrative responsibility are subject to application only after their inclusion in the called Code. Thus it is necessary to recognize that the legislation of the Republic of Kazakhstan on administrative offenses has the task protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the person and citizen, health, sanitary and epidemiologic wellbeing of the population, environment, public moral, property, a public order and safety, an established order of implementation of the government protected by the law of the rights and interests of the organizations from administrative offenses and the prevention of their commission.

For implementation of this task the Draft of the Code of the Republic of Kazakhstan about administrative offenses establishes the bases of administrative responsibility, types of collectings imposed for commission of administrative offenses, and other measures of administrative and legal influence, and also the basis for an exception and release of the person who made an administrative offense from administrative responsibility and an administrative penalty [9]; from administrative offenses and the prevention of their commission.

– secondly, the Administrative procedural code has to govern the public relations arising by affairs production about administrative offenses, and also the public relations arising at administration of justice by courts by consideration and permission of the administrative disputes referred to their competence by the present Code.

Problems of administrative production are protection of the violated or challenged rights, freedoms and interests of the person and citizen, legitimate interests of legal entities protected by the law, strengthening of legality and a law and order, the prevention of offenses, and also timely, full and objective clarification of circumstances of each business, its permission according to the Draft of the present Code, ensuring execution of the passed decision [10].

Processes of improvement of an administrative law of torts to be limited to those processes and actions about which we already told, can't. Dynamics of the modern administrative and delictual relations testifies that ahead of us the new researches promoting further improvement of the administrative and delictual legislation wait. In this case it is necessary to agree that the Kazakhstan administrative and delictual legislation which changed within the last decade after all still will present us the new conceptual and structural changes demanding the further theoretical judgment and reflection on pages of the modern legal press.

References:

1. Nugmanova Je. A. Teoreticheskie i prakticheskie problemy sovershenstvovaniya administrativno-jurisdikcionnoj dejatel'nosti v Respublike Kazahstan: diss. ... dokt. jurid. nauk: 12.00.02. – Almaty, 2010. – 333 s.
2. Suttibaeva A. A. Teoreticheskie problemy instituta administrativnogo presecheniya: diss. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02. – Almaty, 2008. – 118 s.
3. Administrativnoe pravo: Uchebnyj kurs./Pod red. R. A. Podoprigrory. – Almaty: Nalogovyy jekspert, 2010. – 368 s.
4. Shergin A. P. Izbrannye trudy jubilara./Sost. i otv. red. V. G. Tatarjan. – M.: Akademija jekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii, 2005. – 487 s.
5. Konceptija pravovoj politiki Respubliki Kazahstan. Odobrena Ukazom prezidenta Respubliki Kazahstan ot 20 sentjabrja 2002., № 949. – Almaty: DESHKIS, 2002. – 28 s.

6. Salishheva N. G. K probleme sovershenstvovaniya norm Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah. // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye voprosy administrativno-deliktnogo prava», posvjashhennoj 70-letiju zaslužennogo dejatelja nauki Rossijskoj Federacii, doktora juridicheskikh nauk, professora A. P. Shergina. – M.: VNII MVD Rossii, 2005. – S. 26–30.
7. Proekt Kodeksa Respubliki Kazahstan ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30 sentjabrja 2009. – Almaty: Hartija za prava cheloveka, 2009. – 490 s.
8. Proekt Administrativnogo processual'nogo kodeksa Respubliki Kazahstan (ijul' 2009.). – Almaty: Hartija za prava cheloveka, 2009. – 157 s.

*Otarbay Aygerim Uysengalikyzy,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law*

*Zharbolova Aygerim Zhaksylykovna,
Candidate of Law, Law department
of the Theory and History of State and Law,
Constitutional and Administrative Law,
Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: zharbolova.aygerym@mail.ru*

The role of objective factors in the implementation of the legislative activity of the Parliament of the Republic of Kazakhstan

Abstract: A concept and essence of objective bases that influence on the process of law making and on forming of sense and maintenance of laws open up in this article. The necessity of account of objective bases is also grounded. Interdependence of factors of objective and subjective character, influencing on legislation, is thus underlined.

Keywords: legislative activity, objective factor, legal norm, normatively legal act, planning, legislative.

Legislative activity is always under the influence of certain objective and subjective factors. Objective basis and subjective factors drive the legislative process, influence the content of laws. Although the legislative activity of the Parliament of the Republic of Kazakhstan is the result of conscious activity of deputies, it contributes to a number of factors. These factors may depend on consciousness and will of the legislator and can exist independently of them. Objective factors influencing legislative activity — these are the conditions that do not depend on human consciousness and will, at the same time are crucial, the basic conditions (natural and geographical conditions, socio-historical conditions, social and economic bases, etc.) underlying this activity.

A subjective factors lawmaking is a conscious activity of members of legislative activity. Considering them together as a whole we see that the objective factors are lever legislation and influence the formation of the content of the bill, and timely knowledge of objective factors and the timely adoption of necessary law is the result of subjective factors, that is, the implementation

of conscious human activity. The category of “objective factor” makes it possible to understand that historical events are determined by objective laws independent of human consciousness and to establish how the objective side of the story depends on the person's consciousness and world view, as well as his actions.

Objective factors compared to subjective factors are the initial, decisive. Since the action of the legislator on legislative activities are objectively justified. The legislator does not choose the objective external conditions that underlie the legislative activities at their own discretion. He is always associated with certain objective reasons and is dependent on the objective necessity.

Subjective factors legislative change, develop, and are also in the interaction due to the influence of objective bases. Consequently, economic, socio-historical and other objective foundations affect consciousness and actions of deputies, members of the Government in the implementation of the right of legislative initiative.

Conscious activity of deputies, as well as other actors involved in the legislative process depends on the

social life and economic development of society and others. Objective conditions. Therefore, the subjective factors related to the legislative objective basis. Communication subjective factors analyzed with the objective basis in the work of Professor Z. Zh. Kenzhalieva that emphasize particular political power in the traditional Kazakh society: “In this society, government works together with other regulatory forces of society. Regulatory forces nomadic society which included — customary law, social awareness, nomadic lifestyle and environmental conditions were closely syazi with each other. Government and public bodies traditional Kazakh society had to reckon with these basic regulatory forces of society. They had to be considered and veins in the conditions and within the system of interaction of these factors” [1].

Thus, the practice of the past shows that political power is developed in close connection with an objective basis, in this case with the natural geographic and proro-social conditions. Hence it can be concluded that the development of subjective factors ultimately determined by the objective conditions. However, this view shows the role of an objective basis does not imply that subjective factors are not basic and derivative, more forcefully, as subjective factors, in turn, develops or modifies the corresponding objective basis. Thus, the adoption of laws they generate significant changes in society.

The influence of subjective factors on objective factors in the transition period, when the company enters a new stage of development can be dominant, as in this period of objective factors can resist each other. For example: Kazakhstan in the process of transition from a socialist society to a new society built its economic system to the new, ie eliminated the socialist economy and built a new and different economy. Accordingly, in connection with the liquidation of socialist property, which is the basis of the socialist economic relations it has ceased to be an objective factor. With the elimination of socialist property were abolished and other objective economic factors of the old society. Instead, it came other types of property. Objective economic factors of the former society could not affect the activity of the state, including law-making in the new society, because the objective factors in the historical period of radical change in society are deprived of the possibility of objective influence.

Naturally they do not disappear by themselves, they are influenced by subjective factors. In this case, clearly traced the dominant role of subjective factors. During the period of radical change in subjective factors come out on top. Because in this period new economic foundations formed under the influence of subjective factors. And, af-

ter the approval of the contrary, they begin to affect the subjective factors. For example, the state recognized private property and secure it in its Constitution and laws. Thus, the subjective factor has created an objective basis. Further, the law takes effect retroactively. If we analyze this example, the private property forces the state to perform certain actions — the government passes laws to protect it creates conditions to develop without barriers, guards her. Therefore, we can conclude that these two categories (objective and subjective factors foundations) are interrelated, are united and are two sides of historical development.

Accordingly, particularly the development of society, the ratio of the objective basis and subjective factors in lawmaking must match. Conscious activity of the legislator must always originate from activities such as knowledge, a comprehensive study, the analysis of objective factors. In other words, if the legislator lawmaking should be based on the real objective foundations — real economic, cultural and social level of society, rather than on their own faith, unreasonable predictions be based on culture features national mentality, custom Kazakhs, and then to pass laws.

Deputies are persons who express the will of the people and give legal effect to the will of the people by adopting laws. Will of the people is always connected own and not someone else's natural social achievements (customs, traditions, culture, and life form Turda, etc.). Therefore, legislators in making the law should not succumb to various influences, in a short time to reach great achievements, they have to act based on the conditions of society, without causing harm to the values that formed the nation during the long years of history. Legislator in the implementation of legislative activity should not be separated from the people that he has gained over the years, must always consider them together in unity as a whole. To this end, the legislator must know the customs, traditions of his people, the national mentality. Ignorance of the legislator above can lead to otritsitelnym result. In this connection, it should agree with the Kazakh scientist S. Ozbekuly, who writes: “From the history we know what negative consequences for the people led the adoption of the rule of law under the banner of internationalism is not appropriate national consciousness and psychology of our people during the communist — totalitarian system Bolsheviks” [2].

Thus, the story itself requires Parliament to make laws especially considering the psychology of the people, the traditional way, natural geographic, social and economic conditions of the state.

References:

1. Kenzhaliyev Z. Zh. The Constitution of the Republic of Kazakhstan and the stages of the implementation of the Concept of Legal Policy. // Bulletin of the Treasury, – No. 2, – 2002. – 45 p.
2. Özbekulı S. Political, legal and historical thought-ed some idea of the rule of law and its principles. // Zakonotvorcheskiy process in the Republic of Kazakhstan: status and problems. – Almaty, 1997. – 143 p.

*Ramonov Soslan Arkadievich,
The Peoples' Friendship University of Russia,
undergraduate student, the Faculty
of Humanitarian and social sciences
E-mail: ramonovsr@mail.ru*

Features and conflicts of inheritance law of foreign countries

Abstract: The article discusses the features of the application and enforcement of controversial issues of private international law of succession. Conducted a small comparison of legislation of foreign states. It describes the current trends of the international law of succession.

Keywords: Conflict of inheritance law, foreign countries, national law, international agreements.

*Рамонов Сослан Аркадьевич,
Российский университет дружбы народов,
студент, факультет гуманитарных и социальных наук
E-mail: ramonovsr@mail.ru*

Особенности и коллизии наследственного права зарубежных стран

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности применения и исполнения спорных моментов международного частного наследственного права. Проводится небольшое сравнение законодательств иностранных государств. Описываются современные тенденции развития международного наследственного права.

Ключевые слова: Коллизия наследственного права, национальное право, иностранные государства, международные договоры.

Коллизионные вопросы наследования всегда остаются в международном частном праве одними из самых трудных и спорных. В регулировании наследственных отношений, преобладает коллизионный способ разрешения споров, из-за осложнения этих отношений иностранным элементом. Наследственные отношения, как и брачно-семейные имеют особенности, как исторические, национальные, религиозные. Часто национальный закон по-разному определяет права на имущество. С одной стороны, наследственное законодательство различается в разных странах, с другой же, государство идет на международно-правовое регулирование. Государство решает данную проблему с помощью унификации права. Существует два международных договора:

1) Гагская конвенция относительно международного управления имуществом умерших лиц от 2 октя-

бря 1973 г. Она предусматривает введение унифицированного документа — сертификата, предъявление которого на территории любого договаривающегося государства дает владельцу право принимать любые защитные меры в отношении наследуемого имущества [1, 486–489];

2) Вашингтонская конвенция о единообразном законе относительно формы международного завещания от 26 октября 1973 г. [2]. Ни одна из этих конвенций в силу не вступила, не набрав необходимое количество ратификаций. Также состоялось международное унификация коллизионных норм наследственного права. Существует две Гагские конвенции: «О коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений» от 5 октября 1956 г. [2, 464–467] и «О праве надлежащем применении к наследованию недвижимого имущества» от 1 августа 1989 года.

Для российской практики характерно международное сотрудничество на региональном уровне и на двустороннем. В рамках СНГ главным документом является конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., V часть которой посвящена наследованию. Он содержит комплекс норм, состоящий из унифицированных коллизионных норм, унифицированных материальных норм, также процессуальных норм по наследственным делам. На двустороннем уровне Россия заключила огромное количество о правовой помощи, консульских договоров.

Приведенные выше примеры подтверждают сформулированный выше тезис о национальном коллизионном праве как основном регуляторе наследственных отношений с международными характеристиками. Национальные коллизионные нормы устанавливают наследственный статут (*lex successionis*), т. е. право государства, которое компетентно регулировать всю совокупность наследственных отношений, осложненных иностранным элементом. Примером определения наследственного статута в национальном законодательстве можно привести Закон Швейцарии «О международном частном праве» 1987 г. (в ред. 2007 г.): «Право применимое к наследованию, определяет, из какого имущества наследство состоит, как и в какой очередности лица вступают во владение имуществом, кто и в какой части отвечает по долгам, происходящим из наследства» [3].

В национальном регулировании выделяются два подхода при определении наследственного статута. Первый исходит из единства наследственного статута, когда на основе единого критерия определяется право компетентное регулировать всю совокупность наследственных отношений как по поводу движимого, так и недвижимого имущества. В странах континентального права коллизионным критерием выступает личный закон наследодателя, преимущественно закон гражданства. Характерно законодательство Чехии, которое подчиняет наследственные отношения тому государству, гражданином которого был наследодатель в момент смерти.

Второй подход связан с расщеплением наследственного статута, что проявляется в применении разных коллизионных критериев для движимого имущества и для недвижимого: наследование движимого имущества подчиняется личному закону наследодателя, а для регулирования отношений наследования

недвижимого имущества, применяется право той страны, где такая недвижимость находится. В результате коллизионное право предусматривает два наследственных статута. Применение одного из них зависит от квалификации наследуемого имущества в качестве движимого или недвижимого, осуществление которой достаточно сложно, так как она должна быть сделана до выбора компетентного правопорядка. (6 глава учебника). Такой подход характерен для стран англосаксонских правовых семей. Примером может служить Гражданский кодекс Квебека (Канада) 1991 г., ст. 3098 которого предусматривает: «Наследование движимого имущества регулируется правом последнего domicilia наследователя; наследование недвижимого имущества регулируется правом места нахождения имущества». При этом согласно ст. 3078 Кодекса квалификация имущества в качестве движимого или недвижимого осуществляется в соответствии с правом той страны, где это имущество находится [2, 347–351].

Расщепление наследственного статута предусмотрено в праве Турции, однако с подчинением наследования движимого имущества закону гражданства наследодателя (ст. 22 Закона о международном частном праве и международном гражданском процессе 1982 г.) [2, 347–351].

Наследственный статут регламентирует в основном всю совокупность отношений, связанных с наследованием. Однако в разных странах встречаются отдельные исключения из наследственного статута. Такие исключения связаны в основном с формой завещательного распоряжения и способностью составлять завещание. Круг вопросов, которые должны решаться избранным правом, неоднозначно решается в разных странах. Кроме общих правил о наследовании, наследственный статут определяет специальные правила о наследовании отдельных видов имущества: прав на интеллектуальную собственность, банковских вкладов и др. Если право предусматривает два наследственных статута, то все общие правила о наследовании устанавливаются параллельно: для движимого имущества и для недвижимого имущества.

В качестве примера закона, где содержание наследственного статута установлено нормативно, обратимся к румынскому Закону применительно к регулированию отношений международного частного права 1992 г. В соответствии со ст. 67 закон, применимый к наследованию (по румынскому праву это личный закон умершего для движимости и закон местонахождения имущества для недвижимости),

определяет: время открытия наследства; лиц, призванных к наследованию; качества, которыми должны обладать наследники; порядок владения имуществом, оставленным наследодателем; условия и последствия распоряжения наследодателя на случай смерти; пределы обязанности наследников уплачивать долги наследодателя; право государства наследовать выморочное имущество. В статут наследования не входят вопросы, связанные с формой завещания, — для них установлена отдельная коллизионная норма.

Законы многих государств содержат отдельные коллизионные нормы для решения вопросов, связанных с завещанием. Чаще всего, как уже отмечалось, отдельные коллизионные нормы устанавливаются в отношении формы завещания, реже — дополнительно в отношении способности лица к составлению, изменению или отмене завещания. Иногда, правда редко, встречаются коллизионные нормы, устанавливающие завещательный статут, т. е. право, компетентное регулировать наследственные отношения по завещанию в целом.

Наличие отдельных коллизионных норм по завещанию объясняется природой завещания как односторонней гражданско-правовой сделки. Поскольку сделка является односторонним волеизъявлением лица, то предполагается и возможность волеизъявления этого лица по выбору права, компетентного регулировать гражданско-правовые отношения, вытекающие из такой односторонней сделки. Однако немногие государства предусматривают возможность выбора права завещателем, а если и предусматривают, то возможности волеизъявления завещателем, как правило, весьма ограничены.

Так, в Германии, как уже рассматривалось, наследственный статут единый, и определяется он законом гражданства наследодателя.

Из этого правила есть одно исключение: наследодатель может в распоряжении на случай смерти выбрать немецкое право в отношении наследования недвижимого имущества, если оно расположено в Германии (п. 2 ст. 25 Вводного закона к ГГУ). Более широкие возможности по выбору компетентного права предоставлены наследодателю Румынским законом 1992 г.: завещатель вправе подчинить наследование своего имущества «иному» закону, чем тот, который назван в ст. 66 [2, 278–279] (личный закон для движимого имущества и закон местонахождения для недвижимого). Как видим, законодатель почти не ограничивает волю завещателя по выбору права. Единственное ограничение связано с обязательным

применением императивных норм наследственного статута, установленного на основе ст. 661. Завещание как односторонняя сделка должно соответствовать требованиям, установленным правом к форме таких сделок. Однако законы государств, как правило, значительно строже подходят к форме завещания, устанавливая специальные требования, отсутствие одного из которых делает завещание недействительным. Например, японское право предусматривает около десятка форм завещания: собственноручное завещание, завещание в форме публичного акта, тайное завещание и др. Завещание в форме публичного акта должно соответствовать ряду требований: присутствие не менее двух свидетелей, устное изложение нотариусу содержания завещания завещателем, запись нотариусом изложенного и прочтение вслух, выражение согласия завещателя и свидетелей с текстом и получение их подписей, внесение нотариусом дополнительной записи о совершенных действиях, скрепление ее его подписью и печатью [2].

Понятно, что вопрос о форме завещания может приобрести основополагающее значение при решении всего комплекса наследственных отношений, осложненных иностранным элементом, если завещание составлено не в том государстве, где рассматривается дело о наследовании. Поэтому очень часто законы многих государств не только предусматривают отдельные коллизионные нормы о форме завещания, но и многовариантное регулирование этого вопроса. Из множества возможных примеров сошлемся на немецкое право. В отношении формы завещания ст. 26 Вводного закона к ГГУ предусматривает 5 альтернативных коллизионных привязок. Достаточно, чтобы форма соответствовала одной из них: праву государства, гражданином которого был завещатель в момент составления акта или в момент смерти; праву того места, в котором наследодатель распорядился о последней воле; праву места, в котором наследодатель имел место жительства или обычное местопребывание в момент составления акта или момент смерти; праву места нахождения недвижимого имущества; праву, которое применялось к наследственным отношениям (*lex causae*) [4, 175–178].

Способность лица составлять завещание, изменять его или отменять является проявлением общей гражданской дееспособности. Дееспособное лицо вправе совершать любые действия по поводу завещания. Вместе с тем наследственное право многих государств устанавливает более льготные правила завещательной дееспособности, устанавливая

более низкий возраст наступления завещательной дееспособности или менее обремененные правила для выражения завещательной воли недееспособным или ограниченным в дееспособности лицом. В момент вы полнения воли завещателя его уже нет в живых и тем самым отпадает необходимость в при-

менении к завещателю строгих правил дееспособности, направленных на охрану лиц, совершающих юридические действия. Например, в Японии возраст завещательной дееспособности наступает в 15 лет в то время, когда общая дееспособность возникает в 20 лет.

Список литературы:

1. Международное частное право./Дмитриева Г. К., Бякишев К. А. – 2004.
2. Международное частное право. Иностранное законодательство./Предисл. А. Л. Маковского; Сост. и научн. ред.: А. Н. Жильцов, А. И. Муранов. – М.: Статут, 2001.
3. Журнал международного частного права. – 1997. – № 1.
4. Текст закона в новой редакции.// [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.winston.com/site-Files/publications/Palay_NewSwissRules.

*Ruseva Nevena Ivanova,
University of Ruse, Bulgaria,
Graduate in Law, Faculty of Law
E-mail: nevena_ruseva@abv.bg*

Features in the investigation of child victims of violence

Abstract: The article presents cases in which the child is a victim of crime. Consider the specifics of the investigation in criminal proceedings involving a minor witness. Presents the main phases through which the investigation. Discusses the legal requirements and qualities that should have investigative and judicial authorities in working with children. Recommendations are given for raising the level of qualification and specific training of investigators who work with children — victims of violence.

Keywords: child, crime, youth, investigation, investigating authorities.

*Русева Невена Иванова,
Университет Русе, Болгария
Кандидат юридических наук,
Юридическая школа
E-mail: nevena_ruseva@abv.bg*

Особенности расследования детей, ставших жертвами насилия

Аннотация: В этой статье представлены особенности случаев, в которых ребёнок является жертвой преступления; рассмотрена специфика расследования в уголовном производстве при участии несовершеннолетнего свидетеля. В ней представлены основные этапы, которые проходит расследование, обсуждены нормативные требования и качества, которыми должны обладать органы в работе с детьми. В статье указаны рекомендации о повышении уровня квалификации и специального обучения полицейских и судебных органов, работающих с детьми — жертвами насилия.

Ключевые слова: дети, преступность, подростки, расследование, расследующие органы.

Введение

В смысле болгарского уголовного закона, преступлением является то общественноопасное деяние (действие или бездействие), которое выполнено по виновности и объявлено законом наказуемым — чл. 9, пункт 1 из Уголовного кодекса.

Превенция против преступности и стремление к предотвращению, к раскрытию уже выполненных преступлений, стоят в списке основных приоритетов каждого современного демократического государства, представленных соответствующими учреждениями. На преступность указано как на один из основных

проблем общества, которое, со своей стороны, должно соответствующими государственными и муниципальными властями, предпринимать всякие меры — изначально — законодательные, а потом — социальные, воспитательные, превентивные и репрессивные, чтобы ограничить и ликвидировать эту форму нарушений закона. Преступность и в частности посягательство против личности являются самым высшим проявлением антигуманного акта, демонстрирующий пренебрежение достоинству и неприкосновенности людей.

Насилие и есть форма принуждения, акт, которым демонстрируется и упражняется действие или бездействие (в более редких случаях), которые приводят к физическому, психическому или эмоциональному страданию лиц. Способы, которыми проявляется насилие, разной природы и совершаются по разным мотивам. Оно направлено к разным категориям и группам лиц и провоцировано самыми разнообразными по своей природе мотивами.

Как самая уязвимая категория лиц во всяком обществе, дети являются объектом рассматривания особой группой жертв преступлений.

Экспозиция

В смысле болгарского законодательства ребёнок — это каждое физическое лицо до исполнения восемнадцатилетнего возраста — чл. 2 из Закона защиты ребёнка. Ряд международных, национальных, законных и подзаконных нормативных актов охраняет и провозглашает права ребёнка как самая высшая форма гуманности и акта заботы о подростках. В том числе Конвенция ООН о правах ребёнка и ряд декларативных международных актов в этой области, Закон защиты ребёнка и правила его применения, как и другие акты в том-же направлении.

Отсутствие жизненного и социального опыта делает детей особенно восприимчивыми и уязвимыми как категория пострадавших от преступных посягательств. Дети именно те, у которых нет достаточных умений и опыта, которые позволили бы им отстаивать свои позиции устойчиво, уверенно и категорически. Им недостаёт физической способности противодействовать будущему или уже существующему над ними физическому и/или психическому воздействию, как и противодействовать и оказать сопротивление какой — либо форме действий, обесценивающих их физическое здоровье, психику или достоинство.

В смысле болгарского законодательства пострадавшим от преступления (жертвой), является лицо, потерпевшее имущественные и неимущественные

убытки в результате преступления — чл. 74, пункт 1 из Уголовно процессуального кодекса. Когда лицу исполнилось 18 лет, оно дееспособно участвовать в уголовном процессе в качестве пострадавшего. Несовершеннолетние, т. е. лица в возрасте между 14–18 лет, являются ограниченно дееспособными. Однако это не мешает им участвовать в уголовном производстве пострадавшими, т. е. они действуют лично и со согласием своих родителей. Вполне недееспособные как те, которым не исполнилось 14 лет, не могут своими действиями лично конституироваться и участвовать пострадавшими. За них действуют их родители и именно они представляют их в уголовном производстве.

Другой предпосылкой конституирования пострадавшего является формирование досудебного производства в порядке Уголовно процессуального кодекса. Пострадавший — это процессуальное качество и может быть приобретено только в рамках уже начавшегося уголовного процесса. Жертве или его родителям могут быть разъяснены права пострадавшего, визированные в кодексе, только после момента образования уголовного производства.

Сразу после записи сигнала о преступном посягательстве против ребёнка, принимающий сигнал полицейский должен отреагировать конкретной ситуацией особым и деликатным подходом. В этой связи, если у принимающего сигнал дежурного не хватает опыта и рутины, а информацию нужно получить лично у ребёнка, то надо немедленно в кратчайший срок востребовать содействия найти другого сотрудника с необходимой квалификацией при работе с детьми, выпавшие в положение жертв и пострадавшие от преступления. Это требование особого значения, чтобы ребёнок, потерпевший в возникшей преступной ситуации, мог быть предрасположен со стороны сотрудника, чтобы ещё в самой ранней фазе могли быть воспроизведены все факты, имеющие значение для казуса. Туда входят факторы — время, место, способ и форма выполнения деяния, как и те, которые имеют значение при выявлении преступника. И здесь именно дружелюбный и видимо дружеский и сочувствием подход предрасположили бы ребёнка — жертву преступного посягательства к изложению значимых по случаю обстоятельств.

В зависимости от вида насилия и специфики случая, может возникнуть необходимость во вмешательстве специалиста — психолога или педагога, которые своими умениями предрасположили бы ребёнка к более подробному и расширенному воссозданию пережитой ситуации. Принимающий сообщение по-

лицейский решает необходимо ли присутствие родителя или не, так как есть отдельные случаи, в которых ребёнок стесняется или ему стыдно (чаще всего при преступлениях против половой неприкосновенности), при изложении обстоятельств случившегося. Всё это надо сделать сразу после принятия сигнала о преступлении. У собранных в этот момент данных есть информативный характер — они необходимы, чтобы полицейский служитель смог сориентироваться и сделать оценку действий, которые нужно выполнить по установлению виновных в преступлении и сохранению следов этого преступления.

На этапе попозже, когда получены начальные данные о преступлении и сделанных срочных следственных действиях в порядке Уголовно процессуального кодекса, при уже сформированном уголовном производстве надо сделать оценку нужно ли перейти к допросу, опять в порядке кодекса, в котором выставить обстоятельства случая, воссоздавая события уже подробнее и в деталях.

И здесь особо важное значение имеют квалификация и опыт расследующего. В зависимости от специфики конкретного казуса, нужно сделать оценку пола, профессиональной подготовки и, не на последнем месте — от подхода ведущего допрос, чтобы мог ребёнок — жертва преступления, быть предрасположен и готов в свободном рассказе выложить случившееся. В кодексе есть требование при допросе свидетелей до 14 лет, допрос провести в присутствии психолога или педагога. Неслучайно в законе записано — **в присутствии**. То есть сам допрос проводится расследующим и именно он снимает показания лица, а при необходимости соответствующий специалист может оказать содействие, являясь посредником своими профессиональными компетенциями, задавая уточняющие вопросы или другими способами при коммуникации с ребёнком.

На допросе лица, которому не исполнилось 18 лет, может присутствовать и родитель. Воспользуется ли расследующий такой возможностью зависит от конкретной ситуации, состояния ребёнка и, не на последнем месте — от отношения родителя к случившемуся и от степени доверия между ними. К примеру — при домашнем насилии с причинёнными средними и тяжёлыми травмами в смысле Уголовного закона, когда насилие совершено одним из родителей, не было сопротивления другого, т. е. с его молчаливым согласием. В таком случае неуместно присутствие родителя, который проявил пассивное поведение и не возразил при созданной насильнической ситуации. Здесь есть

логика, так как этот родитель уже однажды примирился с актом посягательства и принял насилие, не противостоял ему. Совсем нормально в таком случае у жертвы не будет доверия в родителя, который не помешал насилию, а принял его. Другая гипотеза, в которой не положено родителям присутствовать на допросе, это половые преступления против детей. В большинстве случаев, когда насильник вошёл в самое личное и интимное пространство ребёнка. Жертве неудобно при родителях, какая бы ни была узкой их связь, когда выставляет обстоятельства, связанные с подобным посягательством.

В законе не указан минимальный возраст, в котором ребёнок может быть в качестве свидетеля. Но в практике утверждено, что дети, которым около или над 4–5 лет, уже в состоянии воспроизводить факты и события, касающиеся их переживаний [2]. Техники проведения допросов ребят в таком молодом возрасте могут быть разнообразны, а их цель — не уронить достоинства ребёнка и не причинять ему стресса побольше, предрасположить его в максимальной степени выложить все значимые по случаю факты. Они могут быть в форме рассказа (а в детских глазах это сказка, история, случай), лишь бы послужили уголовному производству. Находит приложение и техника, где жертве дают возможность нарисовать картину, в которой указать на важные для случая места, лиц и предметы. Принимается допустимым при посягательстве над телом пострадавшего, чаще всего при половых преступлениях, дать ему возможность, используя куклу — игрушку, пересоздавая свои восприятия и ощущения, указать на отдельные части тела куклы, пострадавшие от посягательства. Таким способом иными методами со стороны ведущего допроса при предоставленной возможности ребёнок «передаст» неприятные ощущения от посягательства на куклу или рисунок. Он сохранит своё достоинство и не придётся болезненно и унижительно пересоздавать неприятные восприятия, полученные от преступления.

При допросе жертв 14–18-летнего возраста, необходимость в присутствии психолога/педагога, соответственно родителя, решается только ведущим допроса. Такое решение находится в прямой зависимости от специфики казуса, состояния, характера и даже темперамента ребёнка и, не на последнем месте — отношения с родителем и степени доверия между ними.

В болгарском законодательстве предусмотрена возможность, при наличии определённых обстоя-

тельствах, когда, для нужд розыска особое значение имеет обеспечение показаний свидетеля, допрос провести в порядке чл. 223 из Уголовно процессуального кодекса, а именно в присутствии судьи. Такие показания имеют «силу» показаний, данных в судебной фазе процесса. В практике приходилось пострадавших детей допрашивать в указанном выше порядке именно из за потери памяти или сознательно стертый из памяти случай. По этой причине желательно допрос такого порядка совершить в самой ранней фазе, т. е. без длинной временной амплитуды от преступления до проведения следственных действий.

К сожалению в болгарском Уголовно процессуальном кодексе есть требование даже после допроса в порядке чл. 223 из того же кодекса, в судебной фазе процесса, жертву снова вызвать свидетелем. Таким образом ему в очередной раз приходится воспроизвести и выложить все обстоятельства случая — каким точно является посягательство над ним, какие его переживания, какие последствия наступили от преступления. Единственно судья может принять решение «оберечь» ребёнка от очередного пересоздания случая, имея ввиду его показания в досудебной фазе — перед расследующим или в порядке чл. 223 из кодекса, а эти показания нужно обязательно прочесть в судебном зале.

С целью проведения объективного расследования и обеспечения годных и качественных доказательств, в одном уголовном деле, при сомнении в способностях свидетеля, ввиду его физического и психического

состояния правильно воспринимать факты, имеющие значение для дела, закон требует назначения экспертизы с объектом расследования ребёнок — пострадавший. Это сомнение возникает всегда, когда жертва в раннем детском возрасте, без личного житейского и социального опыта, а его показания — особенно важны для дела [1]. Вопросы к эксперту — чаще всего при комплексной экспертизе при участии психиатра и психолога, должны быть направлены к установлению годности ребёнка участвовать свидетелем в уголовном производстве и в связи с личностным развитием и возрастом, правильно воспринимать и пересоздавать факты, имеющие значение для дела.

Заключение

При всех гипотезах, в которых ребёнок является жертвой посягательства какой — либо формы, полицейским и расследующим, соответственно суду, следует внимательно и исключительно деликатно подходить к пострадавшему и относиться к нему с пониманием о пережитом. В этом смысле нужно осуществить узкую связь и взаимодействие с другими учреждениями, охраняющие права и интересы детей (Агентство защиты ребёнка своими соответствующими подразделениями), ввиду дальнейшей работы с этим ребёнком — преодоление стресса и предотвращение или работа при наличии посттравматического такого, как и стремление установить причины и условия, которые довели до сделанного посягательства, не допуская такого в будущем.

Список литературы:

1. Ангелова-Барбалова Н., Крушкова С. Психопатология и диагностика в психиатрии и клинической психологии. – Русе: изд. Хелт-Консулт, 2013.
2. Ангелова-Барбалова Н. Насилие над ребёнком, студия Социальные права болгарского гражданина – проблемы и перспективы./интердисциплинарные исследования/Изд. РУ, – 2015.

*Serykbaev Azamat Muratuly,
Al-Farabi Kazakh National University, master student 1st cours, Faculty of Law
Karataeva Aygul,
Candidate of Law, professor of the Chair of State
and Law Theory and history, Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law,
al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan
E-mail: karataeva_80@mail.ru*

The concept of legal relations, content and their basic concepts

Abstract: The paper considers the substantive part of the legal culture. Also in the paper comprehensively researched to the legal literacy. The main conclusions and points the author may be used in the formation and development of legal culture, to increase the legal awareness and legal education of Kazakh society.

Keywords: culture, civilization, legal culture, legal civilization, legal education, government, public authority, the state's activity.

The subjects of legal relations are divided into two categories: legal entities as such, they do not have separate legal status, the State (the person to call it is quite arbitrary). Legal status here are the so-called branches of government. Individuals are always the only people they are legally characterized legal capacity. Legal entities — commercial and non-profit organizations are always completely legal personality, that is, they always have the legal capacity to the full. Under the legal entity is an organization serving civil circulation under his own name, which has the right of ownership or other rights of property, and may sue and be sued in court. State and municipal authorities are part of the apparatus of government. Public authorities — is established in accordance with the law of structural units of the state apparatus, which are endowed with their competence. The competence of the state bodies is determined by their objects of reference. In administrative law set of terms of reference is sometimes also called jurisdiction. Public authorities outside their jurisdiction, have the status of a legal entity. One and the same person representing conflicting interests of various of their legal status, while a number of different subjects of legal relations. In order to participate in the legal relationship, you must have legal capacity. Legal capacity of participants in civil legal empowers the state, thus recognizing them as subjects of law. To their actions acquire and exercise rights, to create for themselves and do their duty, legal entities nadely-ayutsyadeesposobnostyu. Sometimes in the literature uses the term “personality” that combines the authority and capacity. Legal personality is defined as “social and legal capacity to be party to the relevant relationships”. From the definition given in the beginning of this article, it follows that the material content of any relationship is that the public attitude that it is fixed. In other words, it “is the actual behavior (action and inaction), which can be empowered and pravoobyazanny must do” [1].

The concept of “legal content” relationship, strictly speaking, refers to the content of the legal form. Components of legal content relationships — his subjective rights (powers) and legal obligations. Subjective rights and duties are inextricably linked with each other. They occur at the same time, but in the future the content of the legal relationship may change: the participants may be new legal rights and obligations. In the vast majority of legal relations, each participant has both rights and obligations. However, in some legal relations in

the authorized person has only a subjective right, and the obligated person — only subjective responsibility. Question of the object relations in the science of law is controversial. In general, under them understand the tangible and intangible benefits, about which there is a relationship. In the legal literature offers a number of different definitions of object relationship. Some authors refer to the subject “what the aim subjective rights and legal obligations”, others — “what about what constitutes a legal relationship”. Often in both these expressions embedded same meaning. In some cases, the external object, which is a cause of establishing relationship may indicate a focus of rights and obligations of the parties. Summing up, we can say that the objects are the legal phenomena (objects) of the material and the spiritual world that can meet the needs of actors — interest empowered. Generally speaking — a variety of tangible and intangible benefits. The range of objects of interest through legal outlines empowered. Thus characteristic of the object is consistent with the concept of subjective right, which is an important point of interest. At the same time a legal relationship “tied” to a system of real-life relationship to material and duhovnymtsennostyam society. Various benefits (political, spiritual, personal, material) that can meet the needs of people, society, are involved in a range of legal analysis. And it allows more thoroughness consider “the facts of the” relations, to find out their real value and meaning in society. However, this needs a differentiated approach. Tangible and intangible benefits that are legal entities, should be considered in connection with the behavior of the subjects, that is, material content relationship. More precise definition of the object is the following relationship — “those phenomena (objects) the world around us, which are aimed at the subjective legal rights and responsibilities” object relationship — always something external to the legal content of the legal relationship, that is something that is out of subjective rights and duties. Legal relationship exists in the real-life events, objects around us. In characterizing the relationship as the unity of the legal form and the actual content, we have already included in the legal entities, as well as material content — the behavior of people. Now the range of phenomena around us associated with a legal illuminated even wider — in the field of view includes phenomena (objects) that are sent to the rights and obligations [3].

It should be emphasized that certain phenomena (objects) are treated as objects is applied to the relationship. And as the objects are the legal phenomena (objects) that are recognized as such by the state. Any industry Kazakhstan law regulates certain relationship, ie, relations regulated by the law. In particular, civil law peculiar to the regulation of civil relations (property and related moral rights), criminal law — the regulation of relations connected with crime and punishment. What regulates the legal administrative law? First of all, it should be noted that the administrative law — it is an independent branch of the legal system of the Republic of Kazakhstan. Branches of law differ from each other on the subject and method of legal regulation. That is the subject of administrative law are those relationships, which will be discussed further. Administrative and legal relations — is regulated by administrative law public relations in the sphere of the executive branch. Administrative and legal relations are a variety of legal relationships, diverse in nature, legal content for their members. They are characterized by all the main features of any relationship, such as: the primacy of the rule of law, so that the legal relationship is the result of the regulatory impact on this social relation of this legal norm that gives it legal form; regulation of the legal norm of action (behavior) of the parties of this relationship; correspondence of mutual obligations and the right sides of the legal relationship defined by the norm, etc. However, it should highlight some of the features that complement this general characteristic and can serve as a basis for the delimitation of administrative relations to other types of relationships [4].

Objects of civil rights (and hence the civil relations) are things *vklyuchayadengi* and securities, other property, property rights, services and information, results of intellectual activity, including *chisleisklyuchitelnye* rights to them (intellectual property), intangible benefits. In the legal literature, along with other theories prevalent theory of “object-action”, according to which the object relationship is voluntary behavior of the obligated person. Summing up, we can say that the objects are the legal phenomena (objects) of the material and the spiritual world that can meet the needs of actors — interest empowered. Generally speaking — a variety of tangible and intangible benefits. The range of objects of interest through legal outlines empowered. Thus characteristic of the object is consistent with the concept of subjective right, which is an important point of interest. At the same time a legal relationship “tied” to a system of real-life relationship to material and *duhovnymtsennostyam* society. Various benefits (political, spiritual,

personal, material) that can meet the needs of people, society, are involved in a range of legal analysis. And it allows more thoroughness consider “the facts of the” relations, to find out their real value and meaning in society. However, this needs a differentiated approach. Tangible and intangible benefits that are legal entities, should be considered in connection with the behavior of the subjects, that is, material content relationship. The behavior of different actors in the legal relationship of active and passive types. The general definition of the object relationship as tangible and intangible (spiritual) wealth enriches our understanding of the legal relationship allows us to characterize them with new parties, and most importantly — “links” the existence of a legal system of material and spiritual values of society. Question of the object has practical value. This is especially true of those relationships where tangible or intangible benefits are separated from the behavior of the subjects. Here the objects (and ultimately related volitional actions of people) can get independent, detached in the regulation of legal norms. In particular, civil law specifically regulates the legal regime of things as objects of property rights; legal regime *obektovavtorskikh* and inventors’ rights; issues related to the result of the work of the contractor for the contract and other legal relations. In a number of property relations associated with the presence of the object existence of the subjective right. These legal relations of nullifying or impairing the object leads to a violation of the subjective rights and gives rise to legal enforcement aimed at eliminating the consequences of the offense and the adoption of measures against violators. For example, the destruction of objects of property rights may have criminal and civil enforcement relationship, in which the offender is criminally and civilly liable. Thus, with respect to legal relationships where there is a “separable object” in dealing with legal cases is necessary in some cases, analysis of objects and of the legal rules that govern their legal regime [5].

The current law and practice the concept of “legal regime of objects” (things spiritual creativity products, the results of separable) and reflects the impact that the properties of objects on the content of rights and obligations. From the point of view of philosophy, social relation is the state of the relationship and the relationship between people, manifested in their interaction. “The main type of relationship is communication, which is defined as the ratio of dependence”. Category “attitude” is generic in relation to the category of “communication”.

1. Broadly speaking public relations – “is objectified as inherited and cumulative live, sensual and so on. N. Human activities, serving as co multi-GIH individuals in connection with their relation to each other”.

2. For legal methodological significance has an idea about public relations as a practical result of human activity in the form of their relations to meet the personal and social interests. Human needs as a unity needs and gravity to anything, being conscious, formed as interests and encourage people to cooperate to meet them. Hence public relations, and legal in particular, are specifically human form of achieving goals. As for the legal relations, they, unlike other (economic, political, moral, and so on. N.) Are characterized by high degree of formalization and warranty from the state. In social life, people, guided by their personal or public interests, come to one another in a variety of relations: economic, political, cultural, moral, legal, and so on. N. Types of concrete social relations define the respective spheres of social life and current social norms. Each variety of

social norms and contributes to the development of appropriate social relations. People also tend to attach importance to social regulation, aware of it only to the extent that it contributes to the protection and to meet their interests, so the legal relations are reviewed and evaluated primarily as the result of legal norms to regulate the process of practical behavior in the legal field. Hence, the most common in science understanding of the legal relationship as a public relations regulated by law. 3. legal practitioners and ordinary citizens are guided by this understanding of legal relations. It allows you to select and distinguished from other legal relations of social relations, focusing on their public-binding and warranty measures of state coercion.

In conclusion, we can say in general theory of law is legal understanding of how to resolve the legal norm of public relations is considerable controversy, because in science there is no clarity in the definition of “communication”, “actual ratio”, “social relationship” in their mutual transitions into each other.

References:

1. Agdarbekov T. Theory of State and Law. – Karaganda, 2001, – P. 5.
2. Baimakhanov M. T. et al. Legal consciousness interacting ones with morals and morality in a society in transition. – Almaty, 1995. – P. 47.
3. Baizhanova G. T., Adilbekova K. K. Lectures on government and law. – Karaganda, 2001. – P. 55–78.
4. Bayanov E. Fundamentals of State and Law. – Almaty, 2001. – P. 76–99.
5. Bulgakov D. A. The theory of state and law. – Almaty, 2005. – P. 14–46.

*Spasennikov Boris Aristarkhovich,
Federal State Institution Research Institute
of the Federal Penitentiary Service Russia, chief scientific officer,
doctor of legal Sciences, doctor of medical Sciences, Professor
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru*

*Shvyrev Boris Anatolyevich,
Federal State Institution Research Institute, head of unit,
master of law, candidate of physico-mathematical sciences
E-mail: bor2275@yandex.ru*

Problems of execution of punishment against women sentenced to deprivation of liberty

Abstract: the article examines the gender-specific crime and punishment against the convicted women. It is shown that women, because of their gender, it is especially difficult to be in prison. Sentenced a woman convicted with special needs.

Keywords: woman, convict, crime, criminal Executive system, gender.

Спасенников Борис Аристархович,
Федеральное казенное учреждение НИИ
Федеральной службы исполнения наказаний РФ,
главный научный сотрудник, д. ю. н., д. м. н., профессор
E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

Швырев Борис Анатольевич,
НИИ ФСИН РФ, начальник отдела, магистр права, к. ф.-м. н.
E-mail: bor2275@yandex.ru

Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы

Аннотация: в статье рассмотрены гендерные особенности преступности и исполнения наказания в отношении осужденных женщин. Показано, что женщинам, вследствие их половой принадлежности, особенно трудно находиться в местах лишения свободы. Осужденная женщина — осужденный, имеющий особые потребности.

Ключевые слова: женщина, осужденный, преступность, уголовно-исполнительная система, гендерные проблемы.

Мы полагаем, что в ходе проводимой судебной реформы в России должен быть сделан акцент на гендерный подход при исполнении наказания в отношении женщин, что позволит максимально индивидуализировать уголовное наказание и его исполнение, реализовать на практике принципы гуманизма и справедливости. На наш взгляд, существует необходимость оптимизации направлений, форм, средств и методов борьбы с женской преступностью. Разграничение мужской и женской преступности соответствует современным требованиям развития общества и государства.

При этом важным условием является комплексный учет медико-психологических особенностей физиологии и патологии женского организма, своеобразие социальной роли и функций женщины. По нашим данным, насильственные деяния у женщины зачастую связаны с ее «биологическими часами». Осужденные женщины преобладают среди лиц, реализовавших аффективный умысел на фоне хронической психотравмирующей ситуации (пьянство мужа, его измена, ощущение бедности на фоне несправедливого обогащения окружающих, бытовое насилие в семье, нищета, тяжелое соматическое и нервно-психическое заболевание у детей, сексуальное насилие, бесплодие, сексуальная или финансовая зависимость, безработица и др.) с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшему.

По нашим данным, все осужденные женщины ранее были жертвами физического или сексуального насилия, которое осталось, к сожалению, безнаказанным. При этом большинство из них не стало обращаться за помощью в правоохранительные органы.

Следует признать, что за последние два десятилетия роль женщины в российском обществе

весьма изменилась. К этим изменениям относится уменьшение роли государства в охране женского здоровья, материнства и детства, снижение качества жизни подавляющего большинства женщин, проживающих в небольших городах, сельской местности, утрата ими значительного числа социальных благ. Среди осужденных женского пола наибольшее число составляют женщины рабочих специальностей и женщины, занимающиеся индивидуальной предпринимательской деятельностью, осужденные за преступления в сфере экономики, имеющие корыстную направленность.

Отметим, что количество женщин в России превосходит количество мужчин, но женская преступность в пять и более раз меньше мужской преступности [1]. Среди осужденных за корыстно-насильственные преступления (грабеж, разбой, вымогательство) женщин многократно меньше, чем мужчин [2]. Женщины меньше совершают и должностных преступлений, что, вероятно, связано с меньшим представительством женщин среди руководящих работников.

Недостаточная роль государства в противодействии пьянству, алкоголизму и наркомании приводит к росту преступлений среди женщин, совершенных ими в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения. Одновременно с этим увеличивается количество женщин, осужденных за незаконный оборот наркотиков.

На наш взгляд, существует следующая закономерность. В регионах с более высоким уровнем мужской преступности, количество преступлений среди женщин также выше.

Наказание для осужденной женщины в виде лишения свободы, к сожалению, остается самым распространенным. Лишение свободы, не будучи приоритетной мерой борьбы с преступностью среди женщин, остается средством уголовно-правового воздействия, оказывающим действенное влияние на определенную категорию женщин. Зачастую среди женщин, отбывающих наказание в исправительных колониях, большую часть составляют наиболее запущенные в социальном и психолого-педагогическом плане лица.

Поэтому важное значение имеет деятельность учреждений ФСИН России, которые исполняют наказание в виде лишения свободы, обеспечивают исправление осужденных женщин в ходе отбывания ими наказания, реадаптируют их к условиям жизни в современном, рыночном обществе после освобождения.

В учреждениях российской уголовно-исполнительной системы содержится около шестидесяти тысяч женщин, в том числе, около пятидесяти тысяч осужденных, находящихся в исправительных учреждениях, а также около десяти тысяч женщин, находящихся под следствием, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу [3].

Правильная организация режима отбывания наказания в исправительных колониях, воспитательная работа и психологическая помощь, труд, общее и профессиональное обучение остаются основными средствами исправления и ресоциализации женщин, осужденных к лишению свободы.

На наш взгляд, имеется определенное несоответствие положений уголовно-исполнительного законодательства и практики реализации прав и законных интересов осужденных женщин, находящихся в местах лишения свободы, что вызывает определенные затруднения в процессе их исправления. Правовое положение женщин в местах лишения свободы, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем совершенствовании за счет норм уголовно-исполнительного законодательства и иных нормативных актов в соответствии с общеевропейскими требованиями.

Дальнейшая научная разработка этой проблемы с учетом опыта европейских, в том числе, австрийских коллег, может способствовать оптимизации эффективных форм, средств и методов воздействия на осужденных женщин. Полагаем, что необходимо усилить реабилитирующую работу в отношении тех осужденных женщин, которые способны к исправлению, усилить акцент на вовлечение их в трудовую деятельность, приобретение ими профессии или про-

хождение трудовой переквалификации; оптимизировать социально-психологическую и воспитательную работы; активизировать сотрудничество с общественными объединениями, оказывающими позитивное воздействие на осужденных женщин.

Значимым направлением остается создание эффективной системы социальной гендерной реабилитации осужденных, призванных помочь женщине изменить свой социальный статус. В этих целях необходимо оптимизировать систему стимулов для осужденных женщин к законопослушному поведению. В основу этой системы реабилитации должны быть положены нормы Европейских пенитенциарных правил, целью которых является формирование у осужденных женщин чувства социальной ответственности и тех навыков, которые будут содействовать их возвращению в семью, общество. Положительным критерием оценки работы учреждений самой уголовно-исполнительной системы должно быть реальное желание осужденной женщины порвать с уголовной субкультурой и отказаться от нахождения в неформальных криминальных сообществах.

Важное значение для предупреждения социальной дезадаптации женщин имеет отбывание ими наказания по месту жительства (регистрации) с целью сохранения позитивных и родственных связей. Такая возможность предусматривается статьей 73 Уголовно-исполнительного кодекса России. Если по месту жительства или месту осуждения исправительное учреждение соответствующего вида отсутствует, то осужденные женщины должны направляться в исправительные учреждения соседних регионов. Такая практика исполнения наказания, по нашему мнению, будет препятствовать отрыву осужденных женщин от детей, семьи. Систематическая связь осужденных женщин с детьми, родителями и другими близкими, способствует возникновению у них чувства вины, помогает осознать опасность и ошибочность преступного поведения, вызывает стремление изменить свою жизнь в позитивном направлении. Кроме того, это способствует получению сведений о жизни на свободе, о социальных и трудовых перспективах, снижает остроту изоляции, содействует подготовке женщин к жизни на свободе.

Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин связано и с обеспечением необходимых материально-бытовых условий содержания. Воспитательное и социальное значение этих факторов, на наш взгляд, велико. Негативным является то, что медико-санитарное и материально-бытовое со-

держание осужденных женщин, согласно уголовно-исполнительному законодательству, существенно не отличается от условий содержания мужчин, отбывающих аналогичное наказание. По нашему мнению, это не соответствует требованиям дифференциации условий отбывания наказания в силу психологических, физиологических особенностей женского организма. Весьма неблагоприятной для женщин является и известная «перенаселенность» жилых помещений учреждения. Требуется корректировки и регламентации обеспечения необходимых санитарно-гигиенических условий для осужденных женщин. На наш взгляд, женская исправительная колония должна

представлять собой учреждение, отражающее отношение общества и государства к женщине, а также соответствовать уровню развития современного общества. Этого требуют и международные нормы по методам обращения с осужденными.

На наш взгляд, изоляция осужденных женщин от общества, условия пребывания в такой изоляции оказывают, к сожалению, весьма глубокое влияние на психическое здоровье женщины. По нашему мнению, в интересах повышения эффективности ресоциализации осужденных, в России, по примеру европейских стран, необходимо расширить судебную практику кратких сроков лишения свободы для женщин.

Список литературы:

1. Ветрова И. В., Спасенников Б. А. Женщины в местах лишения свободы (гендерно-правовое исследование). // Уголовно-исполнительное право. – 2014. – № 1 (17). – С. 9–13.
2. Спасенников Б. А., Смирнов А. М. Общая характеристика осужденных мужчин, отбывающих наказание в исправительных колониях России. // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2014. – № 6 (17). – С. 173–182.
3. Ветрова И. В., Спасенников Б. А. Проблемы исполнения наказания в отношении женщин, осужденных к лишению свободы. // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2 (26). – С. 22–25.

*Stolyarskiy Oleg Vasylyjovych,
Lviv National University named after Ivan Franko,
associate of Professor, candidate of legal Sciences,
the faculty of international relations
E-mail: stolyarskiy@yahoo.com*

The legal obligations of states to establish jurisdiction over crimes in international criminal law

Abstract: the article examines the peculiarities of the legal obligations of states to establish jurisdiction over crimes in international criminal law. Examines the rules of international conventions and scientific approaches of scientists in this field.

Keywords: legal liability, the state, the establishment of jurisdiction, crimes, international criminal law.

*Столярский Олег Васильевич,
Львовский национальный университет имени Ивана Франко,
факультет международных отношений,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: stolyarskiy@yahoo.com*

Правовые обязательства государств по установлению юрисдикции над преступлениями в международном уголовном праве

Аннотация: В статье исследуются особенности правовых обязательств государств по установлению юрисдикции над преступлениями в международном уголовном праве. Анализируются нормы международных конвенций и научные подходы ученых в этой сфере.

Ключевые слова: правовые обязательства, государство, установление юрисдикции, преступления, международное уголовное право.

Как общепризнано в науке международного уголовного права важнейшей задачей сотрудничества государств в борьбе с международными уголовными преступлениями выступает установление юрисдикции над такими преступлениями с целью обеспечения неотвратимости наказания о действующих конвенциях предусмотрены четкие правила по обеспечению юрисдикции государства-участника над международным уголовным преступлением и обеспечивает неотвратимость наказания [1, 11]. В действующих конвенциях международного уголовного права предусмотрены четкие правила по обеспечению юрисдикции государства-участника над международным уголовным преступлением и обеспечивает неотвратимость наказания.

В соответствии с Конвенцией ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. по ст. 4 государства-участники обязуются принимать необходимые меры, которые могут потребоваться, с тем чтобы установить свою юрисдикцию над международным уголовным преступлением — незаконное производство и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в тех случаях, когда:

- 1) данное правонарушение совершено на ее территории;
- 2) данное правонарушение совершено на борту судна, несущего ее флаг, или воздушного судна, зарегистрированного в соответствии с ее законами;
- 3) данное правонарушение совершено ее гражданином или лицом, обычно проживающим на ее территории;
- 4) данное правонарушение совершено на борту судна, в отношении которого есть разумные основания подозревать, что это судно, несущее флаг данной страны или без опознавательных знаков, участвует в незаконном обороте;
- 5) данное правонарушение хотя и совершено за пределами ее территории с целью последующего совершения на ее территории другого связанного с первым правонарушением [2].

Подобные положения включены во многие конвенции, принятые в 60-е годы и позже. Так, в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г. в ст. 4 предусмотрено обязательство государств-участников принимать такие меры, какие могут оказаться необходимыми, чтобы установить свою юрисдикцию над незаконным захватом воздушного

судна и любыми другими актами насилия в отношении пассажиров или экипажа, совершенных предполагаемым преступником в связи с таким преступлением в следующих случаях: «а) когда преступление совершено на борту воздушного судна, зарегистрированного в данном государстве; в) когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на его территории и предполагаемый преступник еще находится на борту; с) когда преступление совершено на борту воздушного судна, сданного в аренду без экипажа арендатору, основное место деятельности которого или если он не имеет места деятельности, постоянное местопребывание которого находится в этом государстве» [3].

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г. предусматривает такие же основания для установления своей юрисдикции добавляя принцип территориального верховенства. Государства-участники обязались принимать необходимые меры для установления своей юрисдикции над преступлениями в следующих случаях: «а) когда преступление совершено на территории данного Государства; в) когда преступление совершено на борту или в отношении воздушного судна, зарегистрированного в данном Государстве; с) когда воздушное судно, на борту которого совершено преступление, совершает посадку на его территории, и предполагаемый преступник еще находится на борту» [4].

В Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 г., основанием для установления юрисдикции над преступлением указаны личное верховенство государства, территориальное верховенство государства, совершение преступления против дипломатического агента данного государства, невыдача лица, подозреваемого в совершении преступления. В соответствии со ст. 3 Конвенции государства-участники приняли обязательства принимать необходимые меры для установления своей юрисдикции над преступлениями, предусмотренными в Конвенции, в следующих случаях: «а) когда преступление совершено на территории этого государства или на борту судна или самолета, зарегистрированного в этом государстве; в) когда предполагаемый преступник является гражд-

данином этого государства; с) когда преступление совершено против лица, пользующегося международной защитой... и имеющего статус такового в связи с теми функциями, которое оно выполняет от имени этого государства». Кроме того «каждое государство-участник аналогичным образом принимает необходимые меры для установления своей юрисдикции над этими преступлениями в случае, если обвиняемый в преступлении находится на его территории, и оно не выдает его...» [5].

В Конвенции о физической защите ядерного материала 1980 г. предусмотрены обязательства государств по установлению своей юрисдикции в отношении преступлений, предусмотренных Конвенцией, в следующих случаях: «а) когда правонарушение совершено на территории этого государства или на борту корабля или самолета, зарегистрированных в этом государстве; в) когда предполагаемый правонарушитель является гражданином этого государства» [6].

Таким образом, в современном международном праве сложились нормы, предусматривающие обязательства государств-участников Конвенции о борьбе с международными уголовными преступлениями, принимать все необходимые меры для установления своей юрисдикции над такими правонарушениями. Выработан перечень случаев, когда государство обязано установить свою юрисдикцию над преступлением. Это, прежде всего, на основе такого важного аспекта государственного суверенитета как территориальное верховенство — во всех случаях когда преступление совершено на территории данного государства или на борту корабля или самолета, зарегистрированного в этом государстве, когда они находятся в открытом море или в воздушном пространстве над открытым морем. Во-вторых, на основе такого аспекта государственного суверенитета как личное верховенство — во всех случаях, когда подозреваемое в правонарушении лицо является гражданином данного государства. В-третьих во всех случаях, когда преступление направлено против интересов данного государства. В-четвертых, во всех случаях, когда подозреваемое в совершении преступления лицо находится на территории данного государства и оно не выдает его другому имеющему на то право государству.

При отсутствии договора с выдаче отдельные Конвенции могут быть основанием для выдачи лиц, подозреваемых в совершении международного уголовного преступления. Так, в ст. 8 Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1950 г. предусмотрены обязательства

государств-участников рассматривать указанные преступления, как преступления влекущие выдачу по любому договору о выдаче. Те стороны Конвенции, которые не обуславливают выдачу преступников существованием о том договоров, с ратификации Конвенции признают торговлю людьми и эксплуатацию проституции третьими лицами преступлением, влекущим выдачу, и выдают лицо, подозреваемое в совершении преступления [7]. С учетом суверенитета государства представляется наиболее правильным решение вопроса об принятии мер, обеспечивающих присутствие лица, которое подозревается в совершении преступления, предусмотренное в ст. 7 Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.: «Договаривающиеся Государства, на территории которого сказывается предполагаемый преступник, если оно не выдает его, обязано без каких-либо исключений и независимо от того, совершено преступление на его территории, передать дело своим компетентным органам для целей уголовного преследования. Эти органы принимают решение таким же образом, как и в случае любого обычного преступления серьезного характера, в соответствии с законодательством этого Государства» [3].

Вместе с положениями о выдаче обе приведенные нормы обеспечивают неотвратимость наказания, что является основой эффективности межгосударственного сотрудничества в борьбе с международными уголовными преступлениями. Представляется, что наличие указанных норм в полном объеме в Конвенциях по борьбе с международными уголовными преступлениями является необходимым условием эффективности сотрудничества государств по искоренению указанных правонарушений. В Конвенции должны быть включены также положения о решении вопроса в случае столкновения юрисдикции нескольких государств в случае совершения конкретных международных уголовных преступлений. Такой механизм необходимо разработать и включить в новые Конвенции в области борьбы против международных уголовных преступлений.

Важным аспектом установления государством юрисдикции над преступлением является принятие мер, обеспечивающих присутствие предполагаемого преступника для целей уголовного преследования или выдачи. В действующих Конвенциях предусмотрен порядок, при котором государства-участники выдают имеющим на то право по правилам установления юрисдикции над преступлением государствам лиц, подозреваемых в совершении преступления.

Список литературы:

1. Бородин С. В., Ляхов Е. Г. Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. / С. В. Бородин, Е. Г. Ляхов. – М., 1983. – С. 11.
2. Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. – 1988. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/illicit_drugs.pdf
3. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. – 1970. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aircraft_seizure.shtml
4. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. – 1971. // [Эл. ресурс]. – http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aviation_security.shtml
5. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. – 1973. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/int_protected_persons.shtml
6. Конвенция о физической защите ядерного материала. – 1980. // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucmat_protection.shtml
7. Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. – 1950. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon.kuban.ru/private/kbtlp.htm>

*Tolmuratova Aisulu,
Al-Farabi Kazakh National University,
master student 1st cours, Faculty of Law
E-mail: aisulu.tolmuratova@mail.ru*

Role of the President on the path to peace and stability

Abstract: The President N. Nazarbayev is the leader of our republic now. The President's political figure represents a unique authority and an eventual instance which is recognized almost by all segments and groups of the population. There is a big number of bright personalities and talented officials in our society, however their political scale influence is considerably narrower than current head of state. And there is also a withstand point of view that formation of a strong presidential republic associates foremost with N. Nazarbayev's personality in Kazakhstan. He is a truly strong, popular, charismatic leader, who adequately accepts to the time challenges. Researchers attribute President's phenomenon to the merits of native reforms realization, to the political situation features in a republic, to the mental and psychological features of Kazakhstan population. Our leader's worldwide confession deserves estimation by world community of his merits in advancement of the world, justice and steady development.

Keywords: President, Kazakhstan, country, independence, leader, politician, citizen, Motherland, economy, Parliament, Constitution, people.

After dissolution of the Soviet system Nursultan Nazarbayev introduced a new era of relevant developments, changes in spirit and consciousness of the nation. He managed not only to lead the country in accordance with the time processes, but also gave fresh impetus to this movement, becoming a truly leader of the nation. So, how to weigh the historical contribution and modern state founder's role? Kazakh people, which were formed at the turn of XIV–XV centuries, began to establish an independent state for the first time. M. Khaidar Dulaty wrote: "After Abulkhair's death there arose dissension and dispute among the descendants. Some of them gathered around Kerey and Zhanibek Khans for their own

well-being and safety. They have initially been forced to flee, separated from all and had a watchful lifestyle, enduring the poverty, that is why they got nicknamed "hazah". Then this nickname was assigned to them".

In the Soviet period, Kazakhstan had state attributes, but it hadn't got the nationhood. Kerey and Zhanibek Khans couldn't fulfill their dream of creating a separate, sovereign state. The Dzungar invasion shattered the Kazakhs, and they could not come together, resulting in request for the help to Russia, becoming then eventually its subjects. Nevertheless, Kazakh people were able to save their nation. During the Soviet regime the first steps were taken to establish the Republic of Kazakhstan. People

went through fire and water, speaking figuratively, “died and resurrected a thousand times”, and Nursultan Nazarbayev also said: “the whole history of the Kazakhs is a history of their association”.

The President of the Republic of Kazakhstan is the head of state; he is the highest official determining the main directions of domestic and foreign policy of the state and representing Kazakhstan within the country and in international relations. President — the symbol and guarantor of the people unity, state power, Constitution inviolability, freedoms and rights of the citizen and man.

Former Greek Prime Minister, decedent General Ioannis Metaxas said: “The ideas of Ataturk in peacetime prove his strength of mind and intelligence”. Today the world’s major policies is praised Nazarbayev and put it on a par with Ataturk. For some 20 years — a moment for the history — Nazarbayev held major economic and political reforms, put into practice Abylay Khan’s dream. Kazakhstan refused from nuclear weapons. Delimitation and demarcation of borders with Russia, China, Uzbekistan and Kyrgyzstan ratified by the parliaments of these countries and made legally, was conducted. On the world map for the first time there was a state “Republic of Kazakhstan”. Decide their fate in their own country, with its constitution, anthem, coat of arms and flag of the Kazakh people during the reign of Nazarbayev rose from his knees and began to flourish. And this is historical truth.

Delimitation and demarcation of borders with Russia, China, Uzbekistan and Kyrgyzstan ratified by the parliaments of these countries and made legally, was conducted. On the world map for the first time there was a state “Republic of Kazakhstan”. Decide their fate in their own country, with its constitution, anthem, coat of arms and flag of the Kazakh people during the reign of Nazarbayev rose from his knees and began to flourish. And this is historical truth. Former U.S. President George W. Bush, highlighting the name of President Nursultan Nazarbayev of the leaders of the CIS, said: “He is able to foresee the future”. Wouldn’t say about him the leader of world powerful country, if he had not seen in the leader of the young state, a strong spirit and farsightedness of politician? Former British Prime Minister, Margaret Thatcher Iron Lady called Nursultan Nazarbayev one of the five most prominent politicians of today, pointing out: “Nazarbayev — a person, who does not fit into the framework”. Is this not an admission of Nazarbayev and his historical contribution to the formation of the Kazakh state?

Nazarbayev has become a generator of many ideas that are attractive not only for the CIS countries, but also the

world’s politicians. That there is only his article “Keys to the crisis”. Provisions contained in it not only recognized the prominent representatives of the banking system and economic sectors, a group of Nobel Prize winners, but perceived it as a guide to the reorganization of the world currency. Kazakh President Nursultan Nazarbayev is not tired of “brainstorming”. Based on the best achievements of world experiences in development and position of the national mentality, it always brings new ideas and is constantly searching. And here it is appropriate to say that, despite the global economic crisis, Kazakhstan has developed and successfully implemented a Strategic Plan of the Republic of Kazakhstan till 2050. N. Nazarbayev speaks with bold initiatives on vital issues for the native people. It is a testament to the fact that visionary policy formed the concept of unity of perception interests of the people and society. These are politician’s big bold steps, which anticipates the future and thinks about the consequences. Nursultan Nazarbayev suggested trilinguism policy, which help people get out of isolation, expand opportunities and lay the foundation for future progress towards world civilization. Kazakhstan took 51th place on the Human Development Index in the world recently. Is not this the first step towards achieving this goal to be among the 50 most competitive countries in the world? French leader Charles de Gaulle was not only a general, but also a major political figure, which ensured his country into a world power. He led his country into one of the five permanent members of the UN, decided to Algerian problem. What about N. Nazarbayev? He turned Kazakhstan into economically developed country in short terms, which has never been a sovereign state, which has never pursue an independent policy and was only an appendage of Russia. He said: “economy first, then politics”. His words were filled with living content. There were also held political reforms. There are 10 political parties. Kazakhstan became a multiparty Parliament. Add to this the countless public and non-governmental organizations.

For twenty years, Kazakhstan was the first among the CIS countries which was honored to lead the OSCE. This honor goes not by chance, but was the result of the tireless work of the President and his far-sighted policy. The Head of State was able to establish a strategic partnership with the most powerful country of the world — the United States. Look at his very first and last visit to this country, it can be seen firsthand how outstanding politician Nazarbayev’s personal authority grown.

The society, people and public relations have changed. If to approach from a position of historical comparison, Nazarbayev’s “2020” Strategy is like Roos-

evelt's "New Directions" which dedicated to the U. S. crisis conclusion, covers all areas of life, from production to the ideology of the economy and society, and it is a first condition and activity for us, which is a key to success.

The role of president of Kazakhstan is invaluable in the rapidly developing state. And every citizen of our homeland should be proud to belong to this country. While I was writing this article, I could not relate to the subjective topic. National Leader's role and importance cannot be overemphasized; it can be a long list before the merits of the President of Kazakhstan society and the international community. Starting my own way in the state agency, I encourage all young employees learn from the older generation. Save researching and working capital, also increase it for future generations. There is nothing more useful than personal experience, transferred for the

benefit of the state. I urge all to help each other and us, the younger generation to learn the intricacies of government, the public service. Today, we have all that other states envied us and something equal to us due to the efforts of National Leader. Each of us has an equal opportunity to make a positive contribution to the development of our society — a society, where our children and grandchildren will live. I encourage you as a lawyer, serving the state to educate the younger generation of civil justice.

The Leader of the Nation said: "Our young people should live and behave themselves in order to treasure our customs and traditions, they should delight and inspire with their talent all around freely navigate the starry sky advanced thought of mankind". Nursultan Nazarbayev leads our nation to a bright future. Let this path will be bright and happy!

References:

1. Veryaskin V.P. Life and values as fundamental concepts of philosophical anthropology. // Life as a value. – M.: Institute of Philosophy, 2000. – P. 31.
2. Abdirayymova G. S. Value orientations of modern youth (sociological analysis): monograph. – Almaty: BAUR, 2005. – 302 p.
3. Power as the value and power of values: the metamorphosis of freedom. – Almaty: Institute of Philosophy and Political Science, 2007. – 470 p.
4. The human and national values in a changing society. – Almaty: Akyl kitaby, 1997. – 220 p.
5. Nazarbayev N.A. Social modernization of Kazakhstan: Twenty Steps to the Universal Society of Labor. 10.07.2012. Kazakhstan truth.
6. Nazarbayev N.A. Strategy "Kazakhstan – 2050": a new policy established state (Astana, December 14, 2012).

*Tursynkulova Dinara Ahanovna,
Candidate of Jurisprudence, Associate Professor
of Department of the Theory and History of State
and Law, Constitutional and Administrative Law,
Law Faculty, Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: adilek03@mail.ru*

Some problems of research of institute of mutual aid in system of the right of the Kazakh customs

Abstract: In this article some questions on problems of research of institute of mutual aid in system of the right for the Kazakh customs are considered. One of traditions of nomadic Kazakh society is Institute of the Brotherhood. System of a brotherhood and mutual aid - reflection of difficult structure of area because of requirement of society. During development of the Kazakh society brotherly brothers from mutual system of the help - revolutionary development in the past also knew institutional structure which will bring some objects round. It is known some forms of mutual aid in Traditional Kazakh society. For example, among them: the esker, the public, milk, warm hospitality, lifts red, can be, etc. attributed.

Keywords: mutual aid, right, brotherhood, traditional Kazakh society.

Traditional Kazakh nomadic way of life based on the company's capabilities to meet the requirements of the

society gave birth to a system of social structures and norms. One of the traditions of the nomadic Kazakh so-

ciety is Brotherhood Institute. The right of the Kazakh ritual called the Institute of mutual assistance in the popular literature of the Institute. Brotherhood and mutual assistance system is a reflection of the complex structure of the field due to the need of the society.

Based on the field is always the risk of the development of society and was directly dependent on the environment. Longer than visiting a variety of actions to be politically incorrect nature of the society was not sufficiently developed to resist. The public nature of the various poor, drought, etc. is not a system of rules governing the social relations to delete. And above Brotherhood friendly system is regulating these relations.

During the development of the Kazakh society fraternal brothers from the mutual aid system is a revolutionary development in the past and knew the institutional structure that will bring to life several objects. It is known several forms of mutual assistance in the Traditional Kazakh society. For example, among them: asar, the public, milk, warm hospitality, raise the red, etc. can be attributed to.

During the Soviet period, the fraternal relations Old Brotherhood, feudalism was assessed as lust and they studied at the level of the class methodology. Kazakh customs of this phenomenon is inherent in the study of the law. Well-known scientist Z. Kenzhaliyev describe it like this: "As a rule, a large number of customary law, the universality and courtesy, "humanity" are assessed, on the other hand is defined as the inverse of its instability, inconsistency (particularism) has to say. In fact, this habit – tradition the real strength of the rule of law, and the unit could fall even. They increased flexible, sensitive and volatile through the strength of the relations governing them reach their goals, to ensure compliance with the stability of the position. Edit ritual particular norms do not distinguish between the value of their appearance, the standards would not be able to see it from the point of view of the laws of the state, on their way to study them and as a result of the use of the image of the ritual law was a reflection of distortion" [1, 63]. The cases referred to in this experience of brotherhood and mutual help system. Brothers — friendly system has played a big role in Kazakh society. Because the relationship between this view through reconciled, rural health, and the brothers were provided. Kazakh societies for centuries were friendly and peaceful, which led to the establishment of the rule of the unity of the atmosphere, the only system with a relative or a Brotherhood Help Institute.

What is the role of relatives (brotherhood) relations on the Kazakh customs right? To determine

this issue, we need to determine the theoretical values with the following conditions. Relatives (brotherhood) ratio is generally not whether the law on the right to institute a wide range? We need to open this issue. This must be stopped before a brief description of the concept of the Institute of common law. Law Institute is: "The institute of the right is the isolated group of the legal norms governing the public relations of a concrete look. As an example it is possible to call institute of the property right in civil law, institute of responsibility of officials in administrative law, the institute of an electoral right and norm regulating the status of the deputy, in constitutional law Institutions can be sectorial and cross-sectorial (complex)" [2, 325]. And in one of the local papers, analyzes Law Institute said: "Life is not a norm. Or some similar ratio relations will have to integrate the proper implementation of several legal norms. For example: civil relations, criminal rights, etc. consolidation of such regulations and legal institutions", — called [3, 127]. Domestic well-known scientists P. Kopabaev and S. Ozbekovich by legal institutions understand the following brief: "Legal Institutions regulates social relations determined by a special uniform, a uniform set of rules" [4, 137]. Comment dictionaries, provided the following summary: "The Institute of Law (Legal Institute) — a certain kind of public relations (or pack) in accordance with the laws governing the set of" [5, 168]. Of course, given the right to institute the principles can be applied directly to the Kazakh customary law system, is it not? We need to clarify this issue. In our opinion, it is necessary to consider the question of the application of the right to Kazakh customs system. At the current stage, to determine the structure of the right of the Kazakh Assessment and theory of law cannot be used directly. Relatives (brotherhood) are a system for the Kazakh law is one of the ways of regulating issues of special importance. These are the basic elements of: milk, livestock giving the public, heating, etc. need to recognize the individual as an institution. There is a sign that the relationship of the individual standards is a set of rules of the nature of the self.

Fraternity (brotherhood) plays an important role in the relations of another issue of the role and importance of the right to Kazakh system. The nature of the traditional Kazakh law, we can only open its property, the legal system and family (brotherhood) will be able to reveal the role and place of the relationship.

As for nowadays Kazakh right, S. Z. Zimanov's these thoughts can fully reflect the specifics of the Kazakh law:

within the framework of the specific rights of Kazakh nomadic civilization was born, was the most valuable property of that era. In this context, it has historical significance and legal systems must be able to legally can take their place in the world.

Kazakh regular feature of its history and meaning of the right to certain institutional structure is not that. All nations such practices at the initial stage of its history since the beginning of the era of the rule is based on the legal regulation of salvation. However, such an unstable period of many nations, and the era of transition in a short period of time. They fight for the rule of law dynasty, nomadic and semi-nomadic unions formed in accordance with the transition for new areas, such as the medieval ideology. Kazakh who was the breath of freedom is the right of the field formed a vast area of prosperity and growth, based on the principles of a peaceful, stable natural nomadic civilization are remarkable. In this context, it is determined by the content of the developed world, and exceeded the scope of its [6, 35].

The value of the laws of the Kazakh parents only Kazakhs ethno-cultural boundaries can not be limited to explaining the role of self-regulatory. Where we have a wide range of Kazakh rights *qısandıqtıñ buğawında* are made true. He worked at the same time a few: regulatory, management, consolidation, protection and moral. In the broadest sense of the law, the authorities and the public nature and source of morality and spiritual values. Due to the inherent properties of such rules created by the laws of the ancient Kazakh *adwını* strong right, was one of the nomadic nature of the Mongolian law, the law of the strong Russian influence persists head retains its image. Neighboring countries' legal systems, even if it is the right Kazakh effect could lead to the destruction of power. The structure of the fundamental rights of Kazakh eliminate the effects of yesterday to a new era of modern society.

The main feature of the Kazakh law which is based on the collective number. Nomads' material formed a human collective consciousness from a very early age. This situation was caused by the increase in the regulation of social efficiency of public relations. In addition, during the analysis of the nomadic Kazakh political relations should be given to the following issues: the nomadic lifestyle conditions are very severe, severe and related social well-being and not only the normal life of the climatic conditions, as well as hu-

manistic social institutions established by the Company virtually depends on the offer. If we feel this sense, the problem, Kazakh nomadic civilization the world has a special value to the right direction with a model of the recognition of the importance of ethnic distinctions variants and the practical implementation of the provisions of collective tribal democracy, mutual aid, tribal and spiritual responsibility initiatives of material factors, such as the rule of humanistic items had been demonstrated in other words, has the value rather than the substance of the steppemen properties [7, 70].

Kazakh human values are always high on the right. Kazakh was the size of the main core of the human rights values. This formation is known about the scope and scientist Z. Kenzhaliyev's this idea is a very reasonable. Correspond to the concept of comfortable understanding of the true will of the nomads, and is a synonym. My right (right), will volunteer with the concepts of human thought and activity, between the owner, master, he reflects. Human self-dance, limiting its efforts did not go inside, he is a man, in his mind, from the start to the internal nature of things here.

So will the law, there is a problem of the true concept of man, namely, human nature is comfortable, in his opinion, is the source of the word activity is considered within the framework of the questions about them.

Hence the law (true, will) be considered in connection with the concept of individual, his personal view and was regarded as one of the essential human qualities of the image. People outside the (separate) are not considered to be of force or phenomenon. Therefore, the rules of law in society, customs regulations with the right people (*xaqimen*, voluntary) are not in direct contact. They are the ancestors first time, the oldest ritual, the template library to understand that the covenant. In other words, the previous generation of generations deferred example, show the direction of counsel, which is no doubt *aqıqattağı* action model. Secondly, the need for binding customary norms, as the law of life column. That is, they are man-made derivatives, which were invented rather than the result of the work and life itself, in the history of discussion was dominated by his approach to the law of life [8, 47–48].

Lastly we can say, that mutual relations play an important role in the Kazakh customary law system as one of the structural systems.

References:

1. Kenzhaliyev Z. Zh. Nomadic Kazakh traditional legal culture in society: (theoretical, historical readings). – Almaty: Seven tired, 1997. – 192 p.

2. Theory of State and Law: textbook for universities./Ed. by Prof. V. M. Korelskii and prof. V. D. Perevalova. 2nd ed., Edited and add. – M.: Publishing Standards, 2003. – 616 p.
3. Theory of State and Law. – Almaty: Publisher, 1998. – 256 p.
4. Ozbekovich S., Kopabaev P. Theory of State and Law: Textbook. – Almaty: Zhety zhargy, 2006. – 264 p.
5. The terms of the Kazakh language industry research Dictionary: Law./General Ed. A. K. Kusainov. – Almaty: Publisher CJSC school, 2002. – 336 p.
6. The auditorium of S. Kazakh laws and the laws of its bases.//Kazakh parents parents. – Almaty: Zhety zhargy, – 1 T. – 2004. – 632 p.
7. Kenzhaliyev Z. Zh. Nomadic Kazakh traditional legal culture in society: (theoretical issues, the lessons of history). – Almaty: Zhety zhargy, 1997. – 192 p.

Turysbek Zhanar,
 Al-Farabi Kazakh National University,
 master student 1st cours, Faculty of Law, Scientific adviser
 Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna,
 candidate of juridical science, associate professor
 of department of theory and history of the state
 and law, constitutional and administrative law,
 Al-Farabi Kazakh National University
 E-mail: sergei--95-777@mail.ru

Politics, orientation and sights of Kassym-khan

Abstract: In the article it is described the Kazakh khanate during the period of reign of Kassym khan. It is spoken in detail the role of Kassym khan in the history of Kazakh khanate. Much attention is given to the policy of internal affairs which Kassym khan led and the policy in relation to the neighboring khanates. It draws our attention to the way how Kassym khan did expand the territory of the khanate. Author, also, gives valuable information on the word “kazakh”: the emergence and the utilization of this word, and about the collection of tribes and their transformation to “kazakhs”. The article is concluded describing the bravery of the soldiers that were in the army of Kazakh governors.

Keywords: Kazakh khanate, politic, orientation, sights, administrative function, disagreement, nomadic territories.

Kassym-khan takes an outstanding place in the history of Kazakhstan. Having entered to khan throne in 1510 i. e. when yet has not passed also a half-century after formation of Kazakh khanate, having received in the inheritance shattered, different tribes of uluses, occupying the territory which has not had time to develop in the uniform government, he has left enormous and uniform in measures of that time after himself the territory — almost equal to modern Kazakhstan. To tell the truth, all this has taken place not during his ten years' official stay in the head of the khanate (1510–1521), and began much earlier when Kassym khan yet did not carry khan title, but e actually was the second khan, alongside with Burunduk khan, i. e. in result more than his 50-years state activity, including in a role of the sultan — commander and the manager on the most part of the khanate.

With increasing growth of influence and administrative function of the Kassym-sultan, not being still khan,

the prestige of Burunduk-khan fell among people though his certain merit in expansion of borders and strengthening of the Kazakh state cannot be belittled. Not a disagreement with Kassym sultan though it is impossible to exclude it, and mainly as a result of an output from his obedience of the majority of ancestors and their transition to the side of the Kassym-sultan have compelled Burunduk-khan to leave authority in Kipchak steppe and to leave to Samarkand, to another chinghizids, with some of which had related — marriage connections.

Kassym-sultan was the third son of one of the founders of the Kazakh khanate Janybek-khan who in his turn was content with a supporting part in khanate after Kerei-khan. Kerei-khan was more senior than Janybek khan on genealogy, age and on the number of uluses. The principle of seniority in system of authority chinghizids remained firm. After death of Kerei-khan, the authority has passed to his son Burunduk khan who was consid-

ered as the grown-up in relation to successors of Janybek khan. However as it was mentioned above, did not prevent growth of influence of the Kassym sultan in internal and foreign affairs and to have more authority in opinion of the next states and in the environment of khanate citizens. Burunduk khan was reconciled with such position: in the beginning because of concurrence of the purposes of their policy and later appearing before the facts to change which already was powerless.

Kazakh khanate in last quarter of the XV century and the first quarter of the XVI century — during Burunduk-khan and Kassym-sultan, and in particular when last became autocratic khan, has turned to the center of unifying movement of the Kazakh grounds, fast growth of the nomadic collectives, passing the big massifs and nomadic territories in khanate structure. So was formed huge Kazakh state almost equal to the area of modern Kazakhstan, even is more if to take into account so-called “wood peoples”, settled to the north, on the Irtysh–Yeni-sei zone, taking place under imperious influence of Kazakh khanate within the peak of its growth.

Not resetting military and peace successes of the Kazakh khans in expansion of territorial borders of khanate which, certainly, played a significant role, it is necessary to specify one important circumstance in this problem. The ethnonim “Kazakh”, at the same time having during that historical epoch huge sociopolitical, spiritual — slogan value for association of nomads.

The known expert on medieval east sources V. P. Yudin, named one of the researches “To ethymology of ethnonim the Kazakh (qazaq)”, wrote, that in XIV–XVI centuries “the whole collectives which for any reason left people” were called as Cossacks also [1, 148]. These reasons were different: oppression and discontent in places of living, weariness of nomads from wars and intestines conflicts between ulus governors. If to speak in the modern language the most deep reason serving by the natural engine of leaving or flight of mass of nomads from under authorities of the Uzbek union (in the beginning Kerei and Janybek sultans) in limits near Chagatai ulus, in Mogolistan (in Semirechie) and connection to them of the increasing number new and new uluses, there was an inertia by more free life and to freedom in general. On this way Kazakhs had to pass and go through huge difficulties and the nature “kazakhisation” — aspirations to a free life were brought up in them with resistance. “In opinion of mere mortals the Cossack was embodiment of courage, resistance, unpretentiousness” — mentions V. P. Yudin [1, 149]. Further he wrote, that in opinion of one people “the life of the Cossack has been surrounded with

an aura of glory, and in others caused also fear”. All this, in his opinion, “very much early has led to that around of them legends were created and the life of them has been poeticized”.

Between concept “Kazakh” as the name of the certain ethnos (nationality) and concept “cossack” as the social name of separate nomadic groups and the communities separated from a great mass of the population in searches of free self-determination and the best pastures which, probably, was and much at various times and in different areas, exists the certain connection and at the same time the big difference [2, 249]. Kazakhs as ethnos were formed directly in conditions of their political consolidation, and under the term “cossack” designated layers of the nomads separated from a great mass nomadic population and left on marchers the grounds behind which this name subsequently was fixed. In this value and sense of a word “Kazakh” and “Kazakhs” as social concepts, were known long before the formation of Kazakh khanate. Sources speak about them since the IX century. “Free fugitives” and “daring person” — the Kazakhs most destitute and tempered in difficulties, brave in struggle for freedom have made base and serious updating for Kazakhkhanate.

On the behalf of Kassym khan the history of Kazakhstan had wise, bright talent and the oustanding governor devoted to fatherland. His half-century state, military both diplomatic policy and activity can be named as a policy of unification of the grounds and consolidations of Kazakh people. On this field Kassym khan has achieved tremendous successes [3, 96].

Kazakh khanate, originally occupying areas of the rivers Shu and Karatal, totaling, under some data, about 10 thousand adherents of Kerei-khan and Janybek-khan, during the short time — in a life of almost one generation — strongly extends in borders and becomes one of five influential countries in the Central Asia with the population already 1.2–2 million person. This was promoted mainly by two factors: Kazakh khanate began to personify “a zone of freedom” and the relative world for the nomads tired of oppressions, robberies and from infinite conflicts and wars, conceived family-clan both small and big arrogant governors on the one hand. And on the other hand an occurrence on historical arena of Kassym-khan as the commander and the clever governor, the diplomat and the reformer in some extent restored the former glory and power of the Ak-horde (Golden Horde), broken as a result of Timur’s and timurids invasions [4, 204].

Many campaigns and invasions of Kassym-khan into limits of Uzbek khanate, Mogolistan and Nogai hordes

accomplished during the reign of Burunduk-khan, with his consent and after it he became the Supreme governor of the khanate, were successful and consequently, that he used growing sympathy of the population of neighbouring countries to his internal policy. This policy has consisted in a universal recognition and expansion of authority of national assemblies, ancestors and biy courts, and also force of common — legal institutes in the Nomadic communities. A policy of restriction of intervention of ecclesiastics in affairs of nomads of Kipchak steppe zone carried out by Kassym-khan was very important. Certainly, in successful military operations of Kassym-khan the paramount role was played by that he managed to create the efficient army growing on number consisting from sarbazes, trusting in him and following after him. Kassym-khan has restored the force of the army regulations of kipchaks: “Khan boryshy joryqqa tu kqtery, sarbaz boryshy tugha erip jan беру” — “The duty of khan to lift a banner of

a campaign, and the duty of sarbaz (soldier) to follow a banner and to give the life”. At the same time he has established, that the decision of a question on fulfilment of campaigns should be approved by people. This new word is formulated rather indicative in substantial and brief saying: “Batyr bolsan joryq bolsyn, joryq joly maqyl bolsyn”, “Let will be batyrs, let there will be campaigns which approved by people”.

One of the chronicles of that time carries Kazakh khanate to number of “glorious” within the limits of former possession of Chinghiz-khan. As he said “Kazakhs who are famous all over the world by power and fearlessness” live in this limits. Further it is underlined, that armies of Burunduk-khan and Kassym-khan were terrible powerful both by number, and by bravery.

Under orders of the Kazakh governors, “at the same time were gathered four hundred thousand quivers of bogatyrs, each of which was equaled to ten of to valiant soldiers”.

References:

1. Yudin V.P. *Centralnaya Azia v XIV–XVIII vekah glazami vostokoveda*. – Almaty, 2001.
2. *Drevnetyurkская civilizatsia: gfmiatniki pismennosti*. – Almaty, 2001.
3. Atygaev N.A. *Kazakhskoe khanstvo v XV – seredine XVI veka*. – Almaty, 2003.
4. Pichulina K.A. *Yugo-Vostochnyi Kazakhstan v seredine XIV – nachale XVI vekov*. – Alma-Ata, 1977.

*Useinova Gulnara Rakhimzhanovna,
doctor of juridical science, professor, Department chair
of theory and history of the state and law, constitutional
and administrative law, Al-Farabi Kazakh National University*

*Useinova Karlygash Rakhimzhanovna,
candidate of juridical science, associate professor
of department of theory and history of the state
and law, constitutional and administrative law,
Al-Farabi Kazakh National University
E-mail: sergei —95-777@mail.ru*

General characteristic of the criminal common law of Kazakhs

Abstract: The Kazakh common law didn't know accurate definition of the concept “crime”. The crime was understood as “bad business”, “bad behavior”. Accurate differentiation between a criminal offense and tort in the Kazakh common law didn't exist. Deliberate acts assumed existence of direct intention, in all other cases unintentional acts took place. For qualification of crimes played also elements of the subjective party large role, as a way, a place and time of commission of crime. From the point of view of a place of its commission, the crime committed in a native aul was considered as the most serious crime. It was punished more strictly, than the crime committed in others aul.

Keywords: common law, crime, the death penalty, the corporal punishments dishonoring punishments, delivery of the victim guilty to the party, exile from tribal community, kuna, aip.

In the pre-revolutionary Kazakh society which wasn't knowing the written right, usual and legal establishments

had the extreme social and regulatory and administrative importance.

The Kazakh right having more than long history, stepped over the era. Prior to the beginning of the XX century the Kazakh common law continued to keep the regulatory function. The academician S. Z. Zimanov explains such durability of the Kazakh right with two factors: first, economic and household and world outlook bases of a nomadic civilization in the extensive territory. In-the second, the maximum approach of the Kazakh common law to the people, to logic of his life [1, 17].

However, despite an ancient origin of a common law, it became object of detailed studying and the analysis only since the XIX century.

Conditionally in studying of the Kazakh traditional right it is possible to allocate three main stages:

- The I stage — the period with XIX prior to the beginning of the XX centuries;
- The II stage — the period from 1917 (a victory of October revolution) to 1990;
- The III stage — the period since 1991 to the present [2, 4].

The first attempts of studying of a common law of Kazakhs were made in XVIII–XIX centuries. Thanks to notes, notes and works of such researchers of edge, as N. A. Aristov, L. F. Ballyuzek, S. B. Bronevsky, Ch. Ch. Valikhanov, V. V. Velyaminov-Zernov, E. S. Vulfson, Ya. Gurylyand, A. I. Dobromyslov, M. Kozlov, N. I. Krasovsky, I. I. Kraft, A. I. Levshin, F. Leontovich, P. E. Makovetsky, G. N. Potanin, V. V. Radlov, P. P. Rumyantsev, N. Rychkov, L. A. Slovochotov, I. P. Shangin, A. Yanushkevich, etc., the huge empirical material which created a certain base for further scientific researches in this direction was revealed and built.

The significant contribution to studying of problems of the Kazakh common law was made by the Kazakh educators Ch. Ch. Valikhanov, I. Altynsarin, Abay Kunanbayev, prominent representatives of the Kazakh intellectuals A. N. Bukeykhanov, Zh. Dosmukhamedov, A. Baytursunov, Zh. Akpayev, B. Karatayev, etc.

Interest in usual and legal system of Kazakhs increased in Soviet period. However the researches conducted during this period in the field of a common law of Kazakhs had unilateral, especially class character. It was shown, first of all that institutes of the traditional Kazakh right appeared remnants of a patriarchal and patrimonial system, were in every possible way criticized, and the common law was considered as a security measure of interests of the feudal nobility [2, 5].

With finding by Kazakhstan of the sovereignty and independence new approach was outlined in studying and research of the Kazakh common law.

The Mongolian laws had considerable impact on formation of the Kazakh common law. In particular, Valikhanov Ch. Ch. pointed to it [3, 146]. In his opinion, the common law of Kazakhs was a product of historical development. It connected its formation with process of formation of the Kazakh people.

The Kazakh common law didn't know accurate definition of the concept "crime". The crime was understood as "bad business", "bad behavior" [4].

Formally the crime was understood as drawing to the victim of moral and material harm. Accurate differentiation between a criminal offense and tort in the Kazakh common law didn't exist.

The person could only be the subject of a crime on the Kazakh common law. Animal and inanimate objects weren't subject of a crime. Also subjects of a crime weren't mad, mentally retarded, deaf-and-dumb. Slaves too couldn't be the subject of a crime.

Thus, the natural, responsible person who is freely disposing of the property could be the subject of a crime.

From the point of view of a place of its commission, the crime committed in the native aul was considered as the most serious crime. It was punished more strictly, than the crime committed in others aul.

Not less the importance also had time of commission of crime. So, the theft made in the afternoon was punished more strictly, than the theft made at night as in the first case it was interfaced to special impudence and neglect to be noticed.

The way of commission of crime was of great importance for qualification of crimes. On the Kazakh common law murder mystery was punished more strictly as it, according to legislators was connected with robbery. Obvious murder was understood as the murder committed in quarrel, a fight, etc.

To the Kazakh common law the institute of partnership was already known. However it didn't distinguish extents of partnership in a crime yet. All accomplices bore an equal, that is joint liability.

As for institute of necessary defense, it should be noted that to laws to Tauka this institute wasn't known.

Responsibility for the committed crime came with 13-summer age.

By the period of accession of Kazakhstan to Russia in the Kazakh common law there was the following system of punishments:

- 1) death penalty;
- 2) corporal punishments;
- 3) the dishonoring punishments;
- 4) delivery guilty to the party of the victim;

- 5) exile from tribal community;
- 6) kuna;
- 7) aip.

One of the main principles of “Zhety-Zhargy” was harmony of punishment to the committed crime, that is the principle of a talion.

The death penalty on the Kazakh common law was applied extremely seldom and only with the consent of so-called people’s assembly. This rule worked up to the 18th century. Since the second half of the 18th eyelid, khans and sultans began a thicket to apply the death penalty and other heavy types of punishments as to the political opponents, and persons which are persistently not obeying them.

Corporal punishments to the most ancient Kazakh common law weren’t known. Laws to Tauka didn’t prescribe such punishment and in its time the court biev didn’t pronounce such sentences. That at weakness of the government application of cruel measures of punishment, usually caused internal war, blood feud and a barymta, the whole auls terminating sometimes in destruction was the reason for that. After accession of Kazakhstan to Russia in 1838 punishments of a shpitsrutenama were entered [6].

The dishonoring punishments pursued one purpose — to ashame the criminal publicly, in public. Sentenced to a shame subjected to the following humiliation: to it put on dirty felt a neck, put on a cow or a donkey back to front and carried on the aul, and then sentenced I had to pledge publicly, an oath not to make criminal acts any more.

Delivery guilty to the party of the victim was applied in case relatives of the guilty didn’t wish to pay kuna or aip. In this case the dissatisfied party at best could force condemned to fulfill kuna or aip, and in the worst to punish at discretion.

Exile from tribal community was considered as punishment as heavier, than the death penalty. Guilty sentenced to this look punishment, cut off a hem of clothes and expelled from a community, outlawed it.

Kun is the repayment paid by agreement of the parties by a guilty party to the dissatisfied party in case of commission of the most serious crimes, that is murder or heavy injuries.

Kun was two types: the main and additional. Size kuna depended on the social status of the victim and weight of the committed crime. For murder of an ordinary obshchinnik it was paid kuna at a rate of 1000 rams, 200 horses or 100 camels. For murder of the woman it was paid kuna at a rate of 500 rams, 100 horses or 50 camels. In case of murder of the representative of “blue blood” it was paid sevenfold kuna, that is 7000 rams. For murder of the slave to his owner it was paid kuna at a rate of the cost of a hunting dog or a golden eagle.

As a rule, kun it was paid guilty, but its community.

Additional kun I was two types: kun on art and kun on a bone. The first look kun was entered for akyns, famous fighters, биев, scientists. For murder of this category of people the guilty paid kun in a double size, as for murder of two simple people.

Kuhn was imposed on bones on guilty of a case of destruction of traces of the crime by it.

Aip is the penalty paid by a guilty party to the party of the victim for commission of property crimes and some crimes against the personality.

Two types of an aip are known: ar tone and toguz.

The first type of an aip was generally applied for violation of the principle of hospitality. In this case the guilty paid a penalty in the form of a horse and a dressing gown.

The second type of an aip represented a ninefold penalty. Toguz was three types: big, average and small. Big toguz began with a camel. Average toguz began with a horse. Small toguz began with a bull or a cow.

The criminal common law of Kazakhs knew punishable and nonpunishable criminal actions.

Treated nonpunishable acts: murder of the slave by mister, murder by the husband of the adulteress and her lover.

All criminal actions. provided by a criminal common law of Kazakhs it is possible to subdivide into some groups:

- 1) crimes against the personality;
- 2) property crimes;
- 3) crimes in the field of the family marriage right;
- 4) crimes against court;
- 5) crimes against religion.

References:

1. Zimanov S. Z. K ocenke kazahskogo prava v istorii mysli. // Drevnij mir prava kazahov. – Almaty, 2004. – T.2. – S. 15–24.
2. Useinova K. R. Institut barymty i ego mesto v obychno-pravovoj sisteme kazahov. // Diss... k.ju. n. – Almaty, 2007. – 112 s.
3. Valihanov Ch. Ch. Sobranie sochinenij v pjati tomah. – T.5. – Alma-Ata, 1985 – S. 146.

4. Kul'telev T.M. Ugolovnoe obychnoe pravo kazahov. – Almaty, 2004. – 312 s.
5. Useinova G.R., Esetova S.K. K voprosu ob izuchenii institutov obychnogo prava kazahov. // Vestnik tadzhikskogo nacional'nogo universiteta – SINO – Tadzhikistan, 2012 – № 2. – S. 27–35.
6. Useinova G.R. Gosudarstvenno-pravovye vzglyady Valihanova Ch. Ch.: dis... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – Alma-Ata, 1996. – 139 s.

Contents

Section 1. Economics and management	3
<i>Aman Actam Mirzaevich</i>	
The role of tax policy in the regulation of public production	3
<i>Dmitrieva Alexandra Alexandrovna</i>	
Regulation of professional activity of state civil servants in the Russian Federation	5
<i>Kunditsky Alexander Alexandrovich</i>	
On the question of the need to reform higher education in Ukraine	7
<i>Matchanova Amangul Azatovna</i>	
Formation and development of cooperation of agro-industrial complex in the conditions of modernization economics of the Republic of Karakalpakstan	11
<i>Nikishin Alexander Fedorovich, Pankina Tatiana Viktorovna</i>	
The problem of involvement of clients in electronic commerce	15
<i>Portnova Natalia Arkadievna, Sorokin Sergey Anatolievich</i>	
Evolution of the structure of social production USA	18
<i>Skrypnikova Anastasia Alekseevna</i>	
Fan relationships management	24
<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Avetyan Agasi Karapetovich</i>	
Theoretical aspects of functioning of modern touristic industry and sanatorium complex	28
<i>Starkova Nadezhda Olegovna, Tolstova Alisa Zakharovna</i>	
Brand management as factor of increasing competitiveness of Russian dairy industry	31
Section 2. Science of law	35
<i>Abdibekov Nazarbay, Baimakhanova Dina Muratovna</i>	
To the theory of civil society	35
<i>Erbolat Abdulla</i>	
Legal awareness of modern Kazakhstan society	38
<i>Smanova Akmaral Bakhtiyarovna</i>	
Informational law in the sphere of mass media in Kazakhstan	39
<i>Apenov Seryk Meiramovich, Makiseva Maryiyash Kaidaulovna</i>	
Socially dangerous action and its consequence as one of conditions of social conditionality of norms of criminal law	41
<i>Akhmetbekkyzy Zhanara, Baimakhanova Dina Muratovna</i>	
Concept and classification of a referendum	45
<i>Badalov Tengiz, Baimakhanova Dina Muratovna</i>	
Basic principles for governance in the information sphere in the Republic of Kazakhstan	48
<i>Baimakhanova Dina Muratovna</i>	
Leading role of the President of the Republic of Kazakhstan in enhancing mechanism for protecting and safeguarding the rights and freedoms of citizens	51
<i>Batyrova Ayjarkyn, Baimakhanova Dina Muratovna</i>	
The theory of social rights	55
<i>Bumazhnikova Olga Viktorovna</i>	
Encumbrance as one of ways of regulation property (economic) relations	58
<i>Frolova Evgeniya Evgenievna, Voykova Natalia Andreevna</i>	
Credits and classification of credit requirements	61
<i>Dodik Setiawan Nur Heriyanto, Eko Rial Nugroho</i>	
Legal implication of regulating CSR in local regulation (study on local law of Kutai Kartanegara, No. 10, year 2013, About corporate social responsibility)	65
<i>Esengeldiyeva Actoty, Karataeva Aygul Muratbaevna</i>	
The concept of legal awareness, value, interpretation and content	71

<i>Zharbolova Aygerim Zhaksylykovna, Kussainov Duman Ozamanovich</i>	
The role of an objective basis and subjective factors in the exercise of legislative activity	73
<i>Ibraeva Alua Salamatovna, Alimbekova Madina</i>	
The legal culture of judges in the Republic of Kazakhstan.	76
<i>Kaynazarova Ayman Abdashimovna</i>	
The French revolution as a factor in transformation of the French state in the XIX century	79
<i>Karataeva Aygul Muratbaevna</i>	
Legal literacy	81
<i>Konarbayeva Madina Muratovna, Ibrayeva Alua Salamatovna</i>	
Legal mechanism to protect the institution of childhood.	
Experience of Kazakhstan and foreign countries	84
<i>Kunchasheva Almira Ertaevna, Ibrayeva Alua Salamatovna</i>	
Juvenile justice system the institutional components of constitutionalism: theory and practice	87
<i>Mamontov Alexander Evgenyevich, Salimgerey Aron Amanzholovich</i>	
Legal issues on the safety of road transport relations in Almaty	90
<i>Kuantayev Dinmuhamed, Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna</i>	
The case decisions of Kazakh biys about the cost dispute	92
<i>Murabildaeva Meruert Alimahunovna, Useinova Karlygash Rakhimzhanovna</i>	
The history of development civil society	94
<i>Mynbatyrova Nurlaym Kanbatyrova</i>	
Main directions of theory of state and law in the soviet and soviet Kazakhstan period	97
<i>Myrzakulova Moldir</i>	
Concept and features of slave and slavery in the traditional Kazakh law	99
<i>Nurbayev Adilet Nurbayuly, Ospanova Jamilya Azizkhanovna</i>	
State-legal protection of children in the Republic of Kazakhstan	102
<i>Orisbaeva Zamira, Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna</i>	
Some problems of studying the history of ideas division of the authorities in Western Europe	104
<i>Ospanova Jamilya Azizkhanovna</i>	
Tendencies of development of the modern administrative legislation in the Republic of Kazakhstan	106
<i>Otarbay Aygerim Uysengalikyzy, Zharbolova Aygerim Zhaksylykovna</i>	
The role of objective factors in the implementation of the legislative activity of the Parliament of the Republic of Kazakhstan.	109
<i>Ramonov Soslan Arkadievich</i>	
Features and conflicts of inheritance law of foreign countries	111
<i>Ruseva Nevena Ivanova</i>	
Features in the investigation of child victims of violence	114
<i>Serykbaev Azamat Muratuly, Karataeva Aygul</i>	
The concept of legal relations, content and their basic concepts	117
<i>Spasennikov Boris Aristarkhovich, Shvyrev Boris Anatolyevich</i>	
Problems of execution of punishment against women sentenced to deprivation of liberty	120
<i>Stolyarskiy Oleg Vasylyjovych</i>	
The legal obligations of states to establish jurisdiction over crimes in international criminal law	123
<i>Tolmuratova Aisulu</i>	
Role of the President on the path to peace and stability	126
<i>Tursynkulova Dinara Ahanovna</i>	
Some problems of research of institute of mutual aid in system of the right of the Kazakh customs.	128
<i>Turyzbek Zhanar, Mynbatyrova Nuraylym Kambatyrovna</i>	
Politics, orientation and sights of Kassym-khan.	131
<i>Useinova Gulnara Rakhimzhanovna, Useinova Karlygash Rakhimzhanovna</i>	
General characteristic of the criminal common law of Kazakhs	133